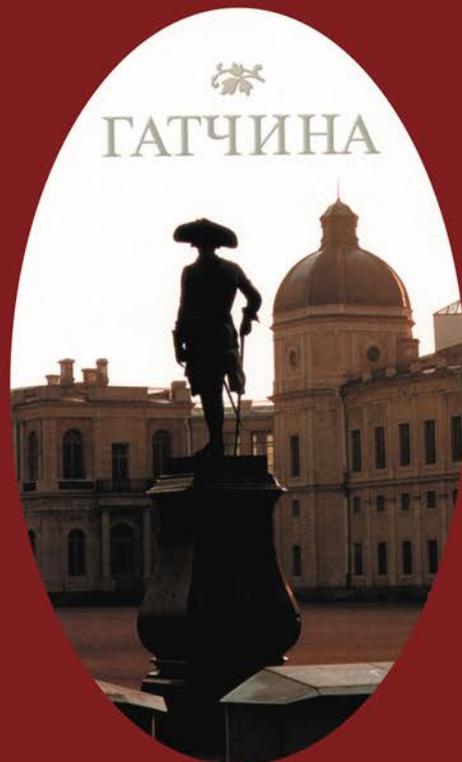

ISSN 1995-1248

ЖУРНАЛ

ПРАВОВЫХ И ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Journal of Legal and Economic Studies

Трансформации взаимодействия органов власти
и бизнеса в условиях санкционных ограничений

Деятельность центрального банка
как мегарегулятора финансового рынка в области
противодействия легализации преступных доходов

Проблемы наследования цифрового имущества

Ошибка искусственного интеллекта
как обстоятельство непреодолимой силы

Процедура заключения субъектами РФ соглашения
об изменении территориальных границ

Потребительская активность населения
как индикатор состояния экономики

НАУЧНОЕ
ИЗДАНИЕ

2023 / № 3

Журнал правовых и экономических исследований

Journal of Legal and Economic Studies

Научное издание

«Журнал правовых и экономических исследований. Journal of Legal and Economic Studies» – это рецензируемое научное издание как для практикующих специалистов в области права, экономики и управления, так и для ученых, исследователей, интересующихся проблематикой в соответствующих сферах научного познания. Целью Издания является публикация интересных статей проблемного характера, имеющих научную значимость и новизну, в содержании которых отражаются перспективные тенденции актуальных исследований по юриспруденции, экономике и управлению.

Журнал входит в Перечень ведущих научных журналов и изданий, рекомендованных ВАК РФ для публикации результатов кандидатских и докторских исследований по следующим специальностям экономических и юридических наук:

- 5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки (юридические науки),
- 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки (юридические науки),
- 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки (юридические науки),
- 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки),
- 5.2.1. Экономическая теория (экономические науки),
- 5.2.3. Региональная и отраслевая экономика (экономические науки),
- 5.2.4. Финансы (экономические науки),
- 5.2.6. Менеджмент (экономические науки).

Журнал входит в системы **РИНЦ** и **Science Index**.

Рубрики ГРНТИ:

060000. Экономика. Экономические науки
069100. Экономика отдельных стран
100000. Государство и право. Юридические науки
109100. Государство и право отдельных стран
045125. Социология экономики

РУБРИКИ ОЕСД:

502. Economics and business
505. Law

Каждой статье присваивается идентификатор DOI (уникальный код публикации, указывающий на ее электронное местонахождение, используемый в качестве международного стандарта предоставления информации в сети Интернет).

Подписной индекс в электронном каталоге «Урал-Пресс» 80514

Сайт giefjournal.ru

Сайт (версия на английском языке) giefjournal.com

Периодичность 4 раза в год: один выпуск в квартал

© **Государственный институт экономики, финансов, права и технологий, 2023**

188300, Ленинградская область, г. Гатчина, ул. Рошинская, д. 5

Издание зарегистрировано Министерством Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций: ПИ № 77-17788 от 09.03.2004 г.

Адрес редакции: 188300, Ленинградская область, г. Гатчина, ул. Рошинская, д. 5
8 (81371) 41-207; rio@gief.ru

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

О.В. Заборовская, д-р экон. наук, профессор,
Государственный институт экономики, финансов, права и технологий,
г. Гатчина; e-mail: ozabor@mail.ru

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА ПО ЮРИДИЧЕСКИМ НАУКАМ

А.В. Никуленко, д-р юрид. наук, доц.,
Заслуженный сотрудник ОВД РФ,
Санкт-Петербургский университет МВД России,
г. Санкт-Петербург

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА ПО ЭКОНОМИЧЕСКИМ НАУКАМ

М.В. Москалев, д-р экон. наук, профессор,
Государственный институт экономики,
финансов, права и технологий,
г. Гатчина

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

М.В. Бавсун, д-р юрид. наук, профессор,
Заслуженный юрист РФ, Санкт-Петербургский
университет МВД России, г. Санкт-Петербург

Э.Э. Баринов, канд. юрид. наук, доц.,
член Высшей квалификационной коллегии судей РФ,
Ростовский государственный экономический
университет (РИНХ), г. Ростов-на-Дону

Т.О. Бозиев, канд. юрид. наук, доц.,
Государственный институт экономики, финансов,
права и технологий, г. Гатчина

О.В. Бургонов, д-р экон. наук, профессор,
Санкт-Петербургский им. В.Б. Бобкова филиал
Российской таможенной академии, г. Санкт-Петербург

С.М. Бычкова, д-р экон. наук, профессор,
Санкт-Петербургский государственный аграрный
университет, г. Санкт-Петербург

Н.А. Васильчикова, д-р юрид. наук, профессор,
Санкт-Петербургский юридический институт (филиал)
Университета прокуратуры Российской Федерации,
г. Санкт-Петербург

С.Б. Глушаченко, д-р юрид. наук, профессор,
Российский государственный университет
им. А.И. Герцена, г. Санкт-Петербург

Н.М. Голованов, канд. юрид. наук, профессор,
Заслуженный юрист РФ, Государственный институт
экономики, финансов, права и технологий, г. Гатчина

В.Б. Гольцов, д-р юрид. наук, доц.,
Санкт-Петербургский государственный архитектурно-
строительный университет, г. Санкт-Петербург

С.У. Дикаев, д-р юрид. наук, профессор,
Санкт-Петербургский университет МВД России,
г. Санкт-Петербург

С.А. Дятлов, д-р экон. наук, профессор, академик
РАЕН, Санкт-Петербургский государственный
экономический университет, г. Санкт-Петербург

А.А. Зайцев, д-р экон. наук, доц.,
Санкт-Петербургский политехнический университет
Петра Великого, г. Санкт-Петербург

Н.Л. Захаров, д-р социол. наук, профессор,
Российский государственный университет
им. А.И. Герцена, г. Санкт-Петербург

О.А. Золотарева, д-р экон. наук, доц.,
Полесский государственный университет,
Республика Беларусь, г. Пинск

С.А. Иванов, д-р экон. наук, доц.,
НИУ «Высшая школа экономики», г. Москва

Е.В. Корчагина, д-р экон. наук, доцент,
Санкт-Петербургский политехнический
университет Петра Великого, г. Санкт-Петербург

В.Э. Кроливецкая, д-р экон. наук, доц.,
Государственный институт экономики, финансов,
права и технологий, г. Гатчина

А.Н. Кузбагаров, д-р юрид. наук, профессор,
Северо-Западный филиал Российского
Государственного университета правосудия,
г. Санкт-Петербург

С.В. Кузнецов, д-р экон. наук, профессор,
Институт проблем региональной экономики
Российской академии наук, г. Санкт-Петербург

К.К. Лебедев, канд. юрид. наук, доц.,
Санкт-Петербургский государственный университет,
г. Санкт-Петербург

В.А. Левизов, д-р экон. наук, доц.,
Государственный институт экономики, финансов,
права и технологий, г. Гатчина

Н.П. Майоров, д-р юрид. наук, профессор,
Заслуженный юрист РФ, Университет
при Межпарламентской Ассамблее ЕврАзЭС,
г. Санкт-Петербург

А.Б. Новиков, д-р юрид. наук, доц.,
Санкт-Петербургский государственный
экономический университет, г. Санкт-Петербург

С.М. Оганесян, д-р юрид. наук, доц.,
Государственный институт экономики, финансов,
права и технологий, г. Гатчина

Н.П. Радковская, д-р экон. наук, профессор,
Санкт-Петербургский государственный
экономический университет, г. Санкт-Петербург

М.В. Рыбкина, д-р юрид. наук, профессор,
Ленинградский государственный университет
им. А.С. Пушкина, г. Пушкин

А.И. Субетто, д-р экон. наук, д-р филос. наук,
профессор, Заслуженный деятель науки РФ,
Ноосферная общественная академия наук,
г. Санкт-Петербург

О.В. Чельшьева, д-р юрид. наук, профессор,
Северо-Западный филиал Российского
Государственного университета правосудия,
г. Санкт-Петербург

А.В. Шахматов, д-р юрид. наук, профессор,
Заслуженный сотрудник ОВД РФ,
Санкт-Петербургский университет МВД РФ,
г. Санкт-Петербург

А.Г. Эрнандес, д-р права, Университет Валенсии,
г. Валенсия, Испания

Т.С. Яценко, д-р юрид. наук, доц.,
Южный федеральный университет,
г. Ростов-на-Дону

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

В.В. Андронатий, к.п.н., доц.,
Государственный институт экономики, финансов, права и технологий,
г. Гатчина; тел. 8 (81371) 41-207; e-mail: gio@gief.ru

EDITOR-IN-CHIEF

O.V. Zaborovskaya, Doctor of Economics, professor,
State Institute of Economics, Finance, Law and Technology,
Gatchina; e-mail: ozabor@mail.ru

DEPUTY CHIEF EDITOR FOR LEGAL STUDIES

A.V. Nikulenko, Doctor of Law, associate professor,
Honored Officer of Department of Internal Affairs,
St. Petersburg University of the Ministry
of Internal Affairs, St. Petersburg

DEPUTY CHIEF EDITOR FOR ECONOMIC STUDIES

M.V. Moskalev, Doctor of Economics, professor,
State Institute of Economics, Finance,
Law and Technology,
Gatchina

EDITORIAL BOARD:

M.V. Bavsun, Doctor of Law, professor,
Honored jurist of Russia, St. Petersburg University
of the Ministry of Internal Affairs, St. Petersburg

E.E. Barinov, PhD in Law, associate professor,
member of the Higher Qualification Board of Judges
of the Russian Federation, Rostov State University
of Economics, Rostov-on-Don

T.O. Bozhev, PhD in Law, associate professor,
State Institute of Economics, Finance, Law
and Technology, Gatchina

O.V. Burgonov, Doctor of Economics, professor,
St. Petersburg Branch of Russian Customs Academy
named after V. Bobkov, St. Petersburg

S.M. Bychkova, Doctor of Economics, professor,
St. Petersburg State Agrarian University, St. Petersburg

N.A. Vasilchikova, Doctor of Law, professor,
St. Petersburg Institute of Law (branch)
of Public Prosecution University of the Russian
Federation, St. Petersburg

S.B. Glushachenko, Doctor of Law, professor, Herzen
State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg

N.M. Golovanov, PhD in Law, professor,
Honored jurist of Russia, State Institute of Economics,
Finance, Law and Technology, Gatchina

V.B. Goltzov, Doctor of Law, associate professor,
St. Petersburg State University of Architecture
and Civil Engineering, St. Petersburg

S.U. Dikaev, Doctor of Law, professor, St. Petersburg
University of the Ministry of Internal Affairs, St. Petersburg

S.A. Dyatlov, Doctor of Economics, professor, member
of the Russian Academy of Natural Sciences, St. Petersburg
State University of Economics, St. Petersburg

A.A. Zaitsev, Doctor of Economics, associate professor,
Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University,
St. Petersburg

N.L. Zakharov, Doctor of Sociology, professor, Herzen
State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg

O.A. Zolotareva, Doctor of Economics,
associate professor, Polessky State University,
the Republic of Belarus, Pinsk

S.A. Ivanov, Doctor of Economics, associate professor,
Higher School of Economics, Moscow

Y.V. Korchagina, Doctor of Economics,
associate professor, Peter the Great St. Petersburg
Polytechnic University, St. Petersburg

V.E. Krolivetskaya, Doctor of Economics,
associate professor, State Institute of Economics,
Finance, Law and Technology, Gatchina

A.N. Kuzbagarov, Doctor of Law, professor,
North-West Branch of Russian State University
of Justice, St. Petersburg

S.V. Kuznetsov, Doctor of Economics, professor,
Institute of Problems of Regional Economy
of Russian Academy of Sciences, St. Petersburg

K.K. Lebedev, PhD in Law, associate professor,
St. Petersburg State University, St. Petersburg

V.A. Levizov, Doctor of Economics,
associate professor, State Institute of Economics,
Finance, Law and Technology, Gatchina

N.P. Mayurov, Doctor of Law, professor, Honored
jurist of Russia, University under Interparliamentary
Assembly of EuroAsian Economic Community,
St. Petersburg

A.B. Novikov, Doctor of Law, associate professor,
St. Petersburg State University of Economics,
St. Petersburg

S.M. Oganessian, Doctor of Law, associate
professor, State Institute of Economics,
Finance, Law and Technology, Gatchina

N.P. Radkovskaya, Doctor of Economics, professor,
St. Petersburg State University of Economics,
St. Petersburg

M.V. Rybkina, Doctor of Law, professor,
Pushkin Leningrad State University, Pushkin

A.I. Subetto, Doctor of Economics, Doctor
of Philosophy, professor, Honored Science Worker
of the Russian Federation, Noosphere Public
Academy of Sciences, St. Petersburg

O.V. Chelysheva, Doctor of Law, professor,
North-West Branch of Russian State University
of Justice, St. Petersburg

A.V. Shakhmatov, Doctor of Law, professor,
Honored Officer of Department of Internal Affairs,
St. Petersburg University of Ministry of Internal
Affairs, St. Petersburg

A.G. Hernandez, Doctor of Law,
University of Valencia, Valencia, Spain

T.S. Yatsenko, Doctor of Law, associate professor,
Southern Federal University,
Rostov-on-Don

EXECUTIVE EDITOR:

V.V. Andronatij, PhD, associate professor,
State Institute of Economics, Finance, Law and Technology,
Gatchina; Tel. 8 (81371) 41-207; e-mail: rio@gief.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

АКТУАЛЬНАЯ ТЕМА

Н.В. Афанасьева, Л.А. Еникеева. Неизбежные трансформации взаимодействия органов власти и бизнеса в условиях санкционных ограничений	9
В.Н. Быков. Кластеризация регионов как метод анализа антикоррупционной деятельности правоохранительных органов	19
В.А. Новицкий, В.В. Паршонков. Ошибка искусственного интеллекта как обстоятельство непреодолимой силы (форс-мажор)	28
Д.А. Шестаков. Процедура заключения субъектами Российской Федерации соглашения об изменении территориальных границ	35

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Теоретико-исторические правовые науки

Л.А. Голубева, А.Э. Черноков. Город и власть в Древней Руси: несостоявшийся союз (историко-правовое исследование)	42
Е.М. Зорина, А.В. Кузьмин. Некоторые аспекты развития правового образования студентов юридических направлений	54
Т.Г. Лясович. Всероссийское учредительное собрание как элемент государственно-правовой системы переходного типа: историко-правовой анализ	61
С.С. Русаков. Децизионизм К. Шмитта в преломлении современности	69
В.С. Шаульский, М.М. Вожадаев. Основные проблемы познания и юридического содержания собственности и договора в философии права Гегеля	74

Публично-правовые (государственно-правовые) науки

О.В. Воронина. Новеллы института прекращения гражданства Российской Федерации ...	79
Ю.А. Кудрявцев, Е.А. Шибанова. Образ демократии в посланиях Президенту Федеральному Собранию (статья 2): от диктатуры закона к возрождению суверенности и обретению государственной силы	85
В.А. Резниченко. Алгоритм действий по восстановлению правоустанавливающих документов на жилую недвижимость, утраченных в результате проведения специальной военной операции на территории ДНР, города Мариуполя .	96
И.С. Уханов. О правовом регулировании экологического туризма в пределах особо охраняемых природных территорий	101

Частно-правовые (цивилистические) науки

А.А. Бордюговская. Проблемы наследования цифрового имущества	107
В.Б. Гольцов, Н.М. Голованов. Исторический экскурс в процесс становления и развития норм гражданского законодательства об объектах недвижимости в Российской Федерации	114
М.А. Грузинская. Проблемы определения правового статуса искусственного интеллекта	123
Н.Н. Карпина. Некоторые актуальные вопросы о приказном производстве	128
Э.А. Кузбагаров. О разграничении случаев недействительности сделок по ст. 168 и 169 Гражданского кодекса РФ	134
Д.А. Кузнецов. Разрешение конфликта принципов в цивилистическом процессе посредством пирамиды правовых ценностей	140
В.А. Максимов, С.Н. Андреева. Модели медиации	147
С.М. Оганесян, А.С. Воробьев. Правовая природа отношений, возникающих из договоров купли-продажи, заключенных дистанционно	155
Н.Н. Ткачева. Специфика рассмотрения споров, связанных с криптовалютой в исковом производстве в условиях суверенизации национального правового пространства	160

Уголовно-правовые науки

А.Г. Ахмедов, Н.К. Пчоловский. Вопросы организации оперативно-розыскного противо-	
--	--

действия незаконному обороту специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации	166
<i>А.В. Бачиева, Е.Н. Макарова.</i> Перспективные пути развития исследования в области новых информационных технологий, используемых в криминалистике	175
<i>Г.В. Бушин, А.И. Куртяк.</i> Нормативно-правое регулирование деятельности должностных лиц оперативных подразделений при решении задач оперативно-розыскной работы и идентификации личности неопознанных трупов	183
<i>А.В. Дмитриев, А.С. Виноградов.</i> Совершенствование системы общих условий предварительного расследования	188
<i>Е.С. Иванова.</i> Образцы для сравнительного исследования в системе криминалистически значимой информации	194
<i>В.С. Карпов, Д.В. Синьков.</i> О некоторых вопросах, связанных с квалификацией, раскрытием и расследованием бандитизма	199
<i>М.В. Мезенцева.</i> К вопросу об охране особо ценных растений и грибов в свете изменений уголовного законодательства в 2023 году	206
<i>А.Н. Пирожников.</i> Условия применения иных мер уголовно-правового характера, направленных на ограничение прав лиц, совершающих преступления против интересов Российской Федерации	212
<i>Р.А. Рамазанов.</i> Особенности производства следственных действий, направленных на получение показаний участников уголовного процесса	221
<i>А.А. Суховой.</i> Некоторые вопросы соотношения уголовно-процессуальной и оперативно-розыскной деятельности	227

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

Экономическая теория

<i>Е.С. Пыженкова.</i> Потребительская активность населения как индикатор состояния экономики	233
---	-----

Региональная и отраслевая экономика

<i>Ван Дянькай.</i> Страновой риск производителей-экспортеров химической продукции при выходе на партнерские рынки: анализ, оценка, управление	240
<i>Е.В. Васина, А.В. Куликов.</i> Роль консалтинговых услуг в формировании организационно-экономического механизма развития рынка новых профессий в России	249
<i>С.Д. Волков, В.С. Чекалин, А.В. Кучумов.</i> Коопетиция в области маркетинга дестинации в туризме	253
<i>Н.Л. Гагулина.</i> Теоретические аспекты вклада стандартизации в процессы роста и развития	258
<i>А.Н. Гродинская.</i> Методологические подходы к оценке уровня инновационного развития сферы услуг	264
<i>С.А. Иванов, В.Н. Минина.</i> Проблемы обеспеченности муниципальных образований инфраструктурой для занятия населения физкультурой и спортом	269
<i>А.А. Корчагин, Е.В. Корчагина.</i> Реализация программ в сфере зеленой логистики и транспорта: анализ европейского опыта	275
<i>В.Э. Кроливецкая.</i> Влияние функциональной стратегии инновационных изменений на достижение планируемых экономических и социальных результатов региона	280
<i>В.В. Макаров, О.В. Волчик.</i> Особенности разработки и применения смарт-стандартов как основы реализации концепции «Качество 4.0»	285
<i>Л.А. Селиванова, Н.В. Васильева, В.В. Соколов.</i> Оценка состояния и основные направления развития отрасли пассажирских автоперевозок Ленинградской области	290
<i>О.В. Сергиенко.</i> Оценочные показатели социо-эколого-экономического состояния сельского хозяйства (на примере Омской области)	295
<i>А.В. Танина.</i> Государственное регулирование деятельности гостевых домов с учетом требований устойчивого развития	304

<i>Т.В. Кириллова, А.Э. Федотова.</i> Применение «зеленых» технологий в сфере товарного обращения	310
<i>Э.Ч. Цыденова, А.П. Батудаев, Б.С. Цыдыпов.</i> Факторный анализ производства зерна в Республике Бурятия	316

Финансы

<i>С.Б. Гладкова.</i> Деятельность центрального банка как мегарегулятора финансового рынка в области противодействия легализации преступных доходов	324
---	-----

Менеджмент

<i>И.А. Анцибор, Н.В. Иванова, Н.И. Осипова.</i> Внедрение системы управления и оценки предпринимательских рисков на предприятиях малого бизнеса в сфере грузоперевозок	334
<i>О.В. Бабскова, В.Н. Чумаков, Д.Ю. Воронова.</i> Модернизация содержания программ высшего образования как фактор развития кадрового потенциала регионального рынка труда в условиях цифровизации экономики	344
<i>И.А. Гокинаева.</i> Совершенствование порядка применения информационных технологий таможенного контроля товаров	352
<i>Г.А. Коломенский, Г.В. Османов, А.Г. Иваниско.</i> «Подводные камни» контрактной системы: взгляд заказчика	356
<i>М.В. Москалев, В.Ф. Аверьянова, Т.Г. Виноградова.</i> Социально-психологические аспекты совершенствования системы подготовки отраслевых специалистов	363
<i>А.С. Спицын, Н.Н. Якимчук.</i> К вопросу о реализации мер поддержки сектора малого и среднего предпринимательства на территории муниципальных образований Ленинградской области	372
<i>О.А. Цуканова, А.А. Торосян.</i> Система ключевых показателей эффективности предприятия в условиях его автоматизации и цифровой трансформации	382

НАУЧНЫЕ ДИСКУССИИ, ОТЗЫВЫ, РЕЦЕНЗИИ

<i>Б.Б. Булатов.</i> Отзыв о диссертации А.Г. Соловьева на тему: «Судебный штраф в российском уголовном судопроизводстве»	388
<i>С.Ф. Милюков.</i> Отзыв о диссертации Джафарли Вугар Фуад оглы на тему: «Формирование и развитие системы криминологической безопасности в сфере информационно-коммуникационных технологий»	394
<i>А.В. Никуленко.</i> Отзыв о диссертации А.В. Карпушкина на тему: «Уголовно-правовая оценка причинения вреда при задержании лица, совершившего преступление, по отечественному и зарубежному уголовному законодательству»	400

К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ОЛИМПИАДА СОЛОМОНОВИЧА ИОФФЕ

<i>К.К. Лебедев.</i> Разработчик основных проблем и системы отечественного гражданского права. К 100-летию со дня рождения О.С. Иоффе (историографический очерк)	405
--	-----

CONTENTS

P.

CURRENT ISSUE

<i>N.V. Afanasyeva, L.A. Enikeeva.</i> Inevitable Transformations of Interaction of Governmental Bodies and Business under Sanctions	9
<i>V.N. Bykov.</i> Clusterization of Regions as Method for Analysis of Law Enforcement Bodies Anticorruption Activities	19
<i>V.A. Novitsky, V.V. Parshonkov.</i> Artificial Intelligence Error as Force Majeure	28
<i>D.A. Shestakov.</i> Procedure for Concluding an Agreement on Modification of Boundaries Between Constituent Entities of the Russian Federation	35

LEGAL SCIENCES

Theoretical and Historical Legal Studies

<i>L.A. Golubeva, A.E. Chernokov.</i> City and Power in Ancient Rus: The Failed Union (Historical and Legal Research)	42
<i>E.M. Zorina, A.V. Kuzmin.</i> Certain Aspects of Law Students' Legal Education Development ..	54
<i>T.G. Lyasovich.</i> The All Russian Constituent Assembly as Part of Transitional State Legal System: Historical and Legal Analysis	61
<i>S.S. Rusakov.</i> Modern View of C. Schmitt's Decisionism	69
<i>V.S. Shaulskiy, M.M. Vozhdaev.</i> Major Challenges of Cognition and Legal Content of Property and Contract in Hegel's Philosophy of Law	74

Public Law (State Legal) Studies

<i>O.V. Voronina.</i> Innovations of Institute of Terminating Citizenship of Russian Federation	79
<i>Yu.A. Kudryavtsev, E.A. Shibanova.</i> The View of Democracy in Messages of President of the Russian Federation to Federal Assembly (Article 2): from Dictatorship of Law to Revival of Sovereignty and Gaining State Power	85
<i>V.A. Reznichenko.</i> The Algorithm of Actions Aimed at Restoring Lost Title Documents for Residential Real Estate Resulted from Special Military Operation in DPR, the City of Mariupol	96
<i>I.S. Ukhanov.</i> On Legal Regulation of Ecological Tourism Within Specially Protected Natural Areas	101

Private (Civil) Law Studies

<i>A.A. Bordyugovskaya.</i> Digital Property Inheritance Problematic Issues	107
<i>V.B. Gol'tsov, N.M. Golovanov.</i> Historical Insight into Formation and Development of Norms of Civil Law on Real Estate in the Russian Federation	114
<i>M.A. Gruzinskaya.</i> On Defining Legal Status of Artificial Intelligence	123
<i>N.N. Karpina.</i> Certain Relevant Issues of Warrant Proceedings	128
<i>E.A. Kuzbagarov.</i> On Differentiation of Invalidity of Deals under Art. 168, 169 of Civil Code of the Russian federation	134
<i>D.A. Kuznetsov.</i> Resolve Conflict of Principals in Civilistic Process Through Pyramid of Legal Values	140
<i>V.A. Maksimov, S.N. Andreeva.</i> Mediation Models	147
<i>S.M. Oganesyanyan, A.S. Vorobyev.</i> On Legal Nature of Relations Arising from Purchase and Sale Agreements Concluded Remotely	155
<i>N.N. Tkacheva.</i> Specific Features of Treating Disputes Related to Cryptocurrencies in Action Proceedings under Sovereignization of National Legal Framework	160

Criminal Law Studies

<i>A.G. Akhmedov, N.K. Pcholvsky.</i> On Detective Counteraction to Illicit Turnover of Special Technical Equipment Intended for Surreptitious Obtaining of Information	166
<i>A.V. Bachieva, E.N. Makarova.</i> Perspective Ways of Research Development for New Information Technologies Used in Forensic Science	175
<i>G.B. Bushin, A.I. Kurtyak.</i> On Normative Legal Control Over Performance of Operational Units Officials When Exercising Operational Search Activities and Verifying	

Identities of Unidentified Decedents	183
<i>A.V. Dmitriev, A.S. Vinogradov.</i> On Improvement of Preliminary Investigation General Terms System	188
<i>E.S. Ivanova.</i> Samples for Comparative Research in Forensically Meaningful System of Information	194
<i>V.S. Karpov, D.V. Sinkov.</i> On Banditry Qualification, Detection and Investigation Issues	199
<i>M.V. Mezentseva.</i> On Protection of Reserved Plants and Mushrooms in the Context of Changes in Criminal Legislation in 2023	206
<i>A.N. Pirozhnikov.</i> Conditions for Application of Other Criminal Legal Measures Aimed at Restricting Rights of Individuals Committing Crimes Against Interests of Russian Federation	212
<i>R.A. Ramazanov.</i> Specific Features of Investigative Activities Aimed at Obtaining Statements from Participants in Criminal Proceedings	221
<i>A.A. Sukhovey.</i> On Criminal Procedure and Operational-Search Activities Relationship	227

ECONOMIC SCIENCES

Economic Theory

<i>E.S. Pyzhenkova.</i> Consumer Activity of Population as Indicator of State of Economy	233
--	-----

Regional and Industry Economics

<i>Wang Diankai.</i> Country-Related Risk of Chemicals Producers-Exporters When Entering Partners' Markets: Analysis, Assessment, Management	240
<i>E.V. Vasina, A.V. Kulikov.</i> Role of Consulting Services in Creating Organizational and Economic Mechanism for New Professions Market Development in Russia ...	249
<i>S.D. Volkov, V.S. Chekalin, A.V. Kuchumov.</i> Coopetition in Destination Marketing in Tourism	253
<i>N.L. Gagulina.</i> Theoretical Aspects of Standardisation Impact on Growth and Development	258
<i>A.N. Grodinskaya.</i> Methodological Approaches to Assessing Level of Innovative Development of Service Sector	264
<i>S.A. Ivanov, V.N. Minina.</i> On Provision of Municipal Formations with Related Infrastructure to Attract Citizens to Physical Culture and Sports	269
<i>A.A. Korchagin, E.V. Korchagina.</i> Implementation of Green Logistics and Transport Programs: Analysis of European Experience	275
<i>V.E. Krolivetskaya.</i> Influence of Functional Strategy of Innovative Changes on Achieving Region's Intended Economic and Social Results	280
<i>V.V. Makarov, O.V. Volchik.</i> Specific Features of Development and Application of Smart Standards as Basis for Quality 4.0 Implementation	285
<i>L.A. Selivanova, N.V. Vasilyeva, V.V. Sokolov.</i> Assessment of State and Key Directions of Development of Passenger Road Transportation in Leningrad Region	290
<i>O.V. Sergienko.</i> Assessment Indicators of Socio-Economic State of Agriculture (by the example of Omsk region)	295
<i>A.V. Tanina.</i> State Regulation of Guest Houses Activities Considering Sustainable Development Requirements	304
<i>T.V. Kirillova, A.E. Fedotova.</i> Application of Green Technologies in Commodity Circulation ..	310
<i>E.Ch. Tsydenova, A.P. Batydaev, B.S. Tsydynov.</i> Factor Analysis of Grain Production in Republic of Buryatia	316

Finance

<i>S.B. Gladkova.</i> Activities of Central Bank as Megaregulator of Financial Market in Prevention of Criminal Income Legalization	324
---	-----

Management

<i>I.A. Antsibor, N.V. Ivanova, N.I. Osipova.</i> Implementation of System of Entrepreneurial Risks Management and Assessment at Cargo Transportation Small Businesses	334
<i>O.V. Babskova, V.N. Chumakov, D.Yu. Voronova.</i> Modernization of Higher Education Programs as Factor of Developing Human Resources Potential of Regional Labor Market under Digitalization of Economy	344

I.A. Gokinaeva. Improving the Procedure of Applying Information Technologies for Customs Control of Goods	352
G.A. Kolomensky, G.V. Osmanov, A.G. Ivanisko. Pitfalls of Contract System: Customer's View	356
M.V. Moskalev, V.F. Averyanova, T.G. Vinogradov. Social and Psychological Aspects of Improving System of Training of Industrial Specialists	363
A.S. Spitsyn, N.N. Yakimchuk. On Measures of Support of Small and Medium-Sized Business in Municipal Units of Leningrad Region	372
O.A. Tsukanova, A.A. Torosyan. System of Key Performance Indicators under Automation and Digital Transformation of Business	382

SCIENTIFIC DISCUSSIONS, REVIEWS

B.B. Bulatov. Review of the Dissertation by Alexander Solovyev "Judicial Fine in Russian Criminal Proceedings"	388
S.F. Milyukov. Review of the Dissertation by Djafarly Vugar Fuad-ogly "Formation and Development of Criminological Safety System in Information Technology" ...	394
A.V. Nikulenko. Review of the Dissertation by Artem Karpushkin "Legal Assessment of Harm Caused at Offender's Detention in Accordance with Russian and International Law"	400

TO THE 100-TH ANNIVERSARY OF OLIMPIAD IOFFE

K.K. Lebedev. Researcher of Key Problematic Issues and Domestic Civil Law System Creator. To the 100-th Anniversary of O.S. Ioffe (Historiographic Overview). Part I	405
--	-----

АКТУАЛЬНАЯ ТЕМА

EDN АНТWYI
DOI 10.26163/GIEF.2023.22.25.001
УДК (35.072:338.22):339.545

Н.В. Афанасьева, Л.А. Еникеева

НЕИЗБЕЖНЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ОРГАНОВ ВЛАСТИ И БИЗНЕСА В УСЛОВИЯХ САНКЦИОННЫХ ОГРАНИЧЕНИЙ

*Публикация подготовлена в соответствии с государственным заданием ФГБУН
Института проблем региональной экономики РАН по темам: «Механизмы
формирования новых подходов к пространственному развитию экономики РФ,
обеспечивающей устойчивое развитие и связанность её территорий в условиях
глобальных вызовов XXI века» № Г.Р. ААА-А21-121011290083-2; «Стратегическое
управление развитием социального сектора экономики регионов России в условиях
научно-технологической модернизации и перехода к устойчивому развитию»
№ Г.Р. АААА-А21-121011190093-2*

Наталья Владимировна Афанасьева – главный научный сотрудник лаборатории комплексного исследования пространственного развития регионов, ФГБУН «Институт проблем региональной экономики РАН», доктор экономических наук, профессор, г. Санкт-Петербург; e-mail: afnv@bk.ru.

Лилия Аубакировна Еникеева – ведущий научный сотрудник лаборатории комплексного исследования социального и эколого-экономического развития регионов, ФГБУН «Институт проблем региональной экономики РАН», профессор кафедры проектной деятельности в медиаиндустрии, ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный институт кино и телевидения», доктор экономических наук, профессор, г. Санкт-Петербург; e-mail: enikeeva_lilia@mail.ru.

В статье обоснована неизбежность трансформации взаимодействия органов власти и бизнеса в условиях санкционных ограничений. Санкции следует рассматривать как фактор ускорения развития механизма государственно-частного партнерства и доступа к инвестициям в регионах. Авторы определяют необходимость тесной взаимосвязи развития экономики регионов с развитием инновационной сферы и налаживание трехстороннего взаимодействия по принципу власть–бизнес–население.

Ключевые слова: механизм; адаптация; государственно-частное партнерство; санкции; региональное развитие; инфраструктура; взаимодействие органов власти; бизнес.

N.V. Afanasyeva, L.A. Enikeeva

INEVITABLE TRANSFORMATIONS OF INTERACTION OF GOVERNMENTAL BODIES AND BUSINESS UNDER SANCTIONS

The research has been made in accordance with the state assignment of the Institute for Problems of Regional Economy of Russian Academy of Science under the topic “Mechanisms of Developing New Approaches to Spatial Development of Russian Economy securing the sustainable development and interconnection of its territories under global challenges of XXI century” (grant ААА-А21-121011190083-2), Strategic Management of Development of Social Sector of Economy of Russian Regions under Scientific and Technological Modernisation and Transition to Sustainable Development (grant АААА-А21-12011190093-2)

Natalia Afanasyeva – senior researcher, the Laboratory for Complex Research of Spatial Development of Regions, Institute for Problems of Regional Economy of Russian Academy of Science, Doctor of Economics, professor, St. Petersburg; **e-mail: afnv@bk.ru.**

Lilia Enikeeva – leading researcher, the Laboratory for Complex Research of Spatial Development of Regions, Institute for Problems of Regional Economy of Russian Academy of Science, professor, the Department of Projects in Media Industry, St. Petersburg State Institute of Cinema and Television, Doctor of Economics, professor, St. Petersburg; **e-mail: enikeeva_lilia@mail.ru.**

We substantiate the inevitability of the transformation of the interaction of governmental bodies and business under sanctions. The sanctions should be seen as a factor of speeding up the development of the mechanism of state-private partnership and access to the investment in regions. We state the need to relate regional economic development to the development of innovations and arranging trilateral cooperation of the government, business and population.

Keywords: *mechanism; adaptation; state-private partnership; sanctions; regional development; infrastructure; interaction of governmental bodies; business.*

Экономика России в условиях санкционных ограничений претерпевает неизбежные трансформации, начинает искать новую модель своего развития. Неизбежные трансформации взаимодействия органов власти и бизнеса в регионах коснутся их пространственного развития, когда востребована активная позиция бизнес-сообщества в тандеме с органами власти.

На публичной встрече президента РФ с руководителями крупнейших компаний 16 марта 2023 г. была озвучена необходимость «партнерских отношений» бизнеса и государства и что «взаимодействие на бизнес-уровне и на уровне администраций всех уровней будет только развиваться. Только в таком диалоге можно реально оценить, насколько удобны, востребованы эти инструменты» [9]. Таким образом, поставлена цель ускоренного наращивания промышленного потенциала и обеспечения промышленного, технологического, инфраструктурного и кадрового суверенитетов.

Несмотря на достаточно большое количество теоретико-методологических подходов к исследованию механизмов государственно-частного партнерства, недостаточно раскрыта проблематика их развития с точки зрения взаимодействия органов власти и бизнеса в условиях санкционных ограничений для наполнения внутреннего содержания устойчивого развития инновационного процесса в регионах и адаптации механизмов государственно-частного партнерства.

Необходимо совершенствование методологии регионального развития государ-

ственно-частного партнерства на основе их адаптации к новым санкционным условиям и выбор моделей развития, позволяющих «поддержать развитие регионов нашей страны, нарастить их промышленный, технологический, инфраструктурный и кадровый потенциалы, в том числе и в целом как сделать нашу страну сильнее, успешнее, конкурентоспособнее» [9].

В связи с этим необходимо развивать новые схемы финансирования для совершенствования механизмов ГЧП.

Задачей бизнеса и власти регионов является создание условий для непрерывного развития инноваций, промышленных технологий и их трансфера регионам через механизм развития государственно-частного партнерства, адаптированного к новым условиям для снижения зависимости промышленности от импортного оборудования, для быстрого развертывания новых производств.

Так, в аналитическом обзоре, подготовленном Национальным Центром ГЧП при поддержке ВЭБ РФ, отмечается, что по итогам 2022 г. в России реализуется более 3 тыс. инфраструктурных ГЧП-проектов с общим объемом инвестиций в размере 5,4 трлн руб., из которых 72% составили частные инвестиции (около 4 трлн руб.) [5].

Особое внимание должно уделяться промышленной ипотеке и офсетным контрактам, что позволит объединить усилия государства и бизнеса для реализации промышленного, технологического, инфраструктурного и кадрового потенциалов регионов в условиях санкций.

Механизм промышленной ипотеки

предоставляет возможности развития объектов необходимой инфраструктуры для промышленности: наращивания производственных мощностей, как развертывания новых, так и модернизации простаивающих производственных мощностей. Это становится привлекательным за счет покрытия разницы между льготной и рыночной ставками кредитования, покрытие которой на себя берет государство.

По оценкам экспертов, широкое внедрение промышленной ипотеки сможет ускорить начало реализации проектов до 6 месяцев с 2–3 лет, тем самым элиминируя риски ухода иностранных производителей и поставщиков [5].

Офсетный контракт как соглашение со встречными инвестиционными обязательствами о долгосрочном взаимодействии государства и бизнеса (до 10 лет) предполагает в случае развертывания новых промышленных производств обеспечение долгосрочного гарантированного госзаказчиком выкупа произведенной продукции [5; 8].

Новые правила заключения офсетных контрактов по 44-ФЗ (июнь 2022 г.)

предполагают существенное снижение объема инвестиций с 1 млрд до 100 млн руб. с возможностью совместного участия с несколькими субъектами РФ, модернизации производства для того, чтобы привлечь представителей малого и среднего бизнеса [8].

На рис. 1 представлены итоговые оценки уровня развития государственно-частного партнерства (далее – ГЧП) в субъектах Российской Федерации по итогам 2021 г. [11]. Также проведено типирование регионов по степени успешности использования ГЧП: успешное использование (63 региона с положительной динамикой использования), менее успешное использование (с 64 по 78 место с прогрессом развития по двум факторам), без прогресса использования (с 79 по 85 место).

В результате, первое место по итогам 2021 г. занимает Московская область (79,8 баллов из 100) как лидер реализации ГЧП одновременно по трем факторам оценки: реализации, опыта реализации, готовности реализации проектов ГЧП, обогнав г. Москву (61,2 балла).

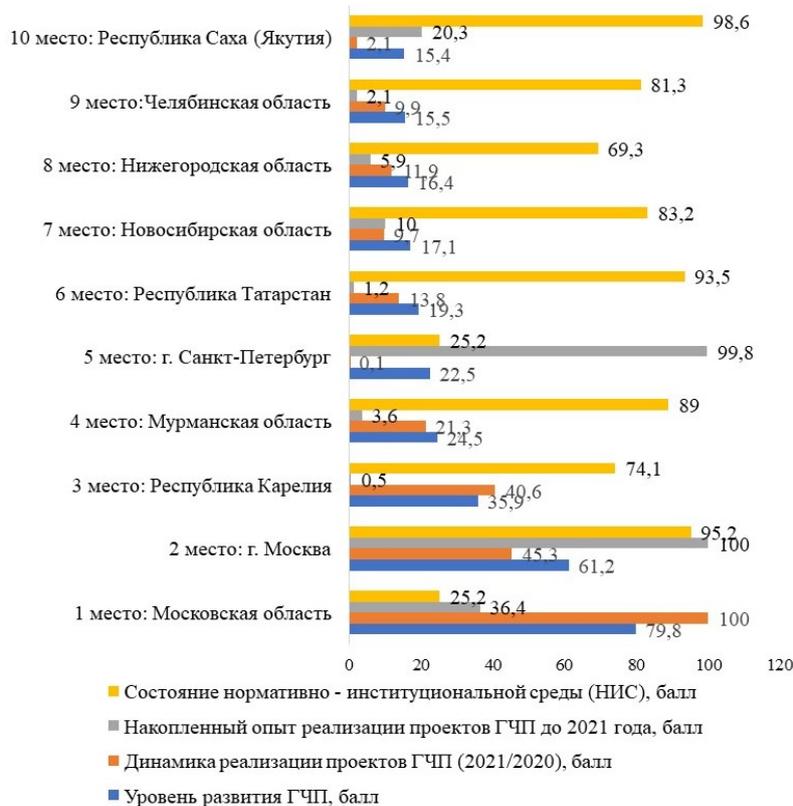

Рис. 1. Региональные лидеры развития государственно-частного партнерства среди субъектов Российской Федерации за 2021 г.

Источник: [11, с. 6].

Республика Карелия как представитель Северо-Западного федерального округа (СЗФО) занимает 3 место в результате реализации крупного проекта в 2021 г. [11, с. 2].

Итоги анализа развития ГЧП в 2021 г. по СЗФО – из 11 субъектов Российской Федерации (Архангельская, Вологодская, Калининградская области, Республика Карелия, Республика Коми, Ленинградская область, Мурманская область, Ненецкий автономный округ, Новгородская область, Псковская область, Санкт-Петербург) выявили лидеров реализации проектов ГЧП: Республика Карелия (3 место), Мурманская область (4 место), г. Санкт-Петербург – центр СЗФО (5 место).

На рис. 2 представлены итоги по СЗФО. По занимаемым местам в рейтинге восемь регионов СЗФО попали в группу успешного использования ГЧП (Республика Карелия, Мурманская область, г. Санкт-Петербург, Ленинградская, Архангельская, Калининградская области, Республика Коми, Вологодская область), три региона менее успешно используют фор-

мы ГЧП: Ненецкий автономный округ, Псковская область, Новгородская область.

В качестве источника данных для подведения итогов рейтинга использованы данные государственной информационной системы «Управление», позволившей агрегировать данные для рейтингования регионального развития ГЧП как для субъектов РФ, так и в разрезе регионов [4]. Учтены такие показатели, как объемы инвестиций, тип проекта, срок реализации, количество концессионных соглашений, соглашений о ГЧП, МЧП, объемы контрактованных инвестиций. Во многих работах исследуются современные направления модернизации экономики регионов с точки зрения развития научно-инновационного пространства во взаимосвязи с цифровой трансформацией [1; 2; 3; 4; 7]. Так, по мнению С.С. Абдуллаева, санкции могут стать как раз фактором ускорения развития взаимоотношений власти и бизнеса, именно ГЧП смогут гармонизировать эти взаимоотношения и обеспечить рост конкурентоспособности продукции в сложившихся условиях развития бизнеса [1].

Рис. 2. Лидеры развития государственно-частного партнерства по СЗФО по итогам 2021 г.

Источник: [11].

Рассматривая механизмы ГЧП как фактор ускорения развития и возможности доступа к новым рынкам инвестиций, не стоит забывать о необходимости тесной взаимосвязи развития форм государственно-частного партнерства с развитием инновационной сферы экономики регионов, которая, к сожалению, по показателям развития не так активна.

Авторами данной статьи были исследованы индикаторы инновационной деятельности регионов: инновационной активности организаций РФ (рис. 3) и СЗФО (рис. 4), динамики высокопроизводительных рабочих мест в РФ (рис. 5) и в СЗФО (рис. 6), доли внутренних затрат на исследования и разработки в валовом региональном продукте (ВРП) в РФ (рис. 7) и в СЗФО (рис. 8). Для сравнения приведены данные по г. Москве, Московской области, г. Санкт-Петербургу, т.к. основная концентрация инновационной активности приходится на крупные центры: г. Москву (13,3%), г. Санкт-Петербург (15,9%), Московскую область (11,7%).

На рис. 3 представлено распределение федеральных округов РФ по доле инновационной активности организаций за период с 2010 по 2021 гг. На конец 2021 г. в среднем по РФ данный показатель составил 11,9%. Среди лидеров: Приволжский федеральный округ (16,74%), Центральный федеральный округ (12,6%), Южный федеральный округ (11,93%). Самое низкое значение показал Северо-Кавказский федеральный округ (4,63%), что говорит о неравномерности развития инновационной активности в регионах РФ.

Анализ распределения регионов СЗФО по доле инновационной активности организаций (рис. 4) показал высокую концентрацию инновационной активности в г. Санкт-Петербурге (15,9%) в сравнении с г. Москвой (13,3%) и Московской областью (11,7%). Однако остальные субъекты СЗФО показали низкие значения, ниже среднего по РФ (11,9%), несмотря на то, что Республика Карелия (3 место и 6,4%), Мурманская область (4 место и 10%) вошли в пятерку лучших по рейтингу уровня развития государственно-частного парт-

нерства за 2021 г. Это свидетельствует о том, что инновационная активность г. Санкт-Петербурга вытягивает весь СЗФО до 11% и необходима на постоянной основе активизация деятельности в остальных его субъектах, не ограничиваясь отдельными крупными проектами.

Распределение регионов РФ по приросту высокопроизводительных рабочих мест (рис. 5) также подтверждает снижение инновационной деятельности в регионах РФ в 2021 г. Несмотря на провалы в 2015 и 2016 гг., итоги 2021 г. показывают положительную динамику, но незначительный рост в сравнении с 2020 г. Среднее значение по РФ составило +3% прироста в основном за счет восстановления числа высокопроизводительных рабочих мест: г. Санкт-Петербург (+16,6%) и Северо-Западный федеральный округ (+8,8%), г. Москва (+9,7%) и Центральный федеральный округ (+5,5%), Московская область (+7,4%) и провал Северо-Кавказского федерального округа (-9,9%). Немалое влияние на эти процессы оказали нарастающие санкционные ограничения.

Распределение регионов СЗФО по приросту высокопроизводительных рабочих мест (рис. 6) также отражает слабый процесс восстановления числа высокопроизводительных рабочих мест в его субъектах, кроме г. Санкт-Петербурга (+16,6%), Псковской области (+14,8%), Вологодской области (+4,4%), Ленинградской области (+1,9%), Мурманской области (+0,2%). Отстающими субъектами по итогам 2021 г. стали Ненецкий автономный округ (-9,9%), Новгородская область (-5,1%), Республика Карелия (-2,4%), Архангельская область (-1%), Калининградская область (-0,4%).

По распределению доли внутренних затрат на исследования и разработки в валовом региональном продукте (рис. 7) до среднего значения по РФ (+1,25%) не дотягивает большинство регионов, кроме Центрального федерального округа (+1,85), Северо-Западного федерального округа (+1,46) и Приволжского федерального округа (+1,32). Та же катастрофическая ситуация сложилась и в СЗФО (рис. 8).

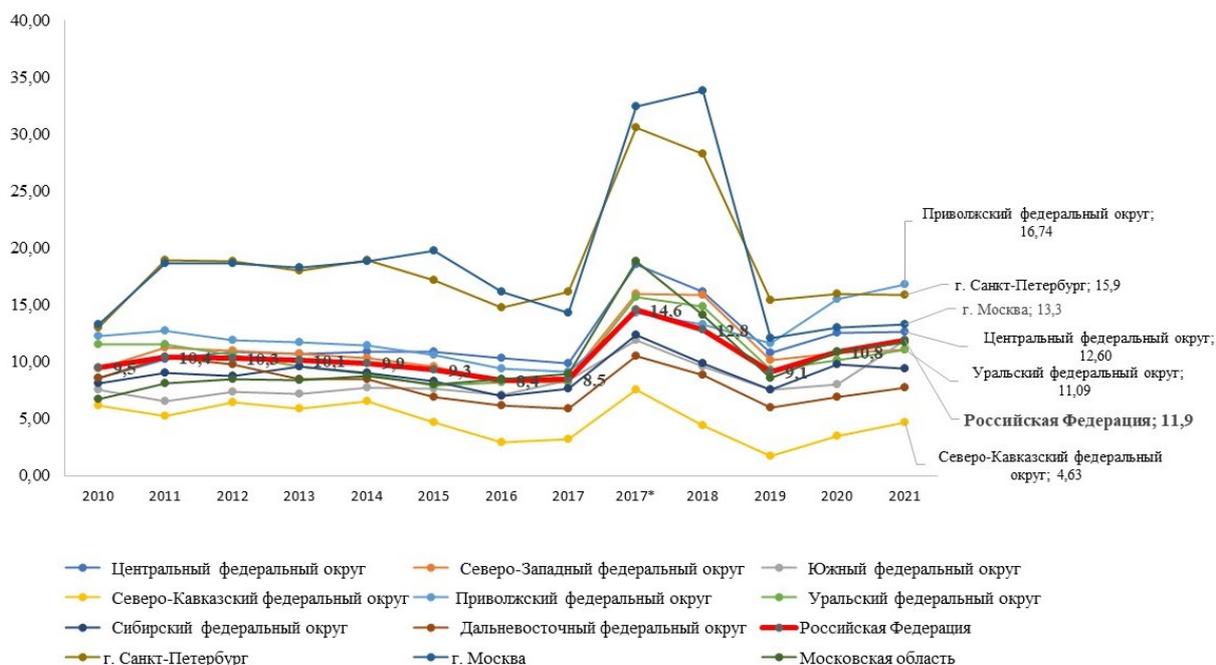

Рис. 3. Распределение федеральных округов РФ по доле инновационной активности организаций в сравнении с г. Москвой и Московской областью (2010–2021 гг.), %
 Источник: [12].

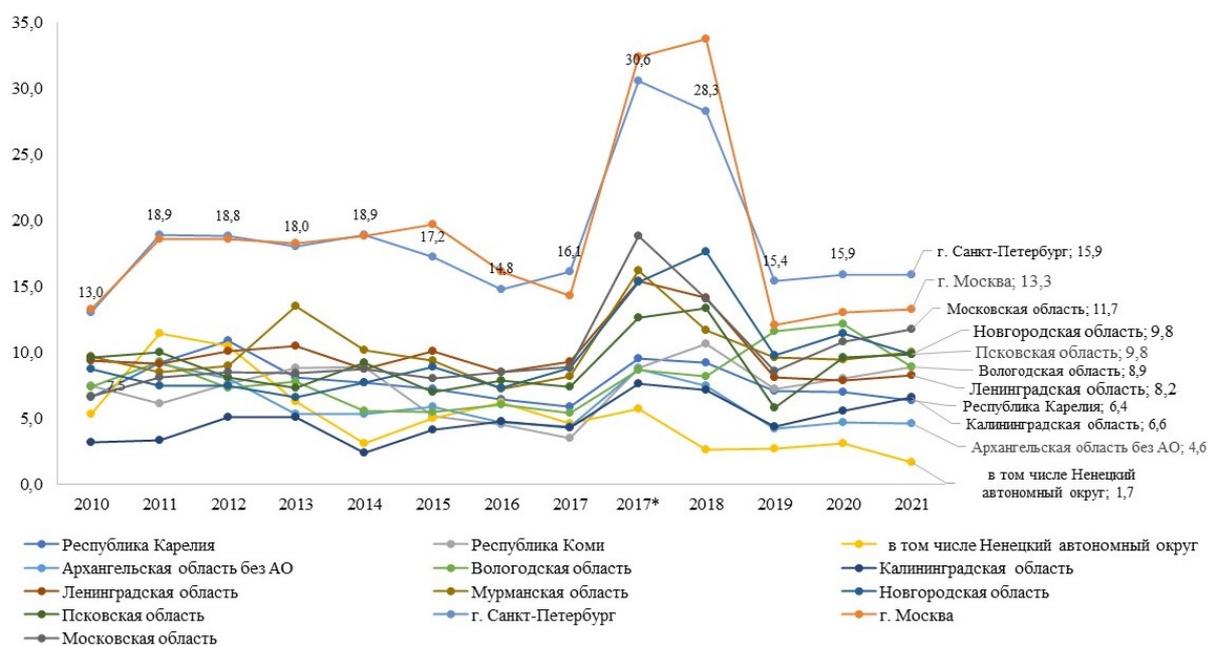

Рис. 4. Распределение регионов СЗФО по доле инновационной активности организаций в сравнении с г. Москвой и Московской областью (2010–2021 гг.), %
 Источник: [12].

АКТУАЛЬНАЯ ТЕМА

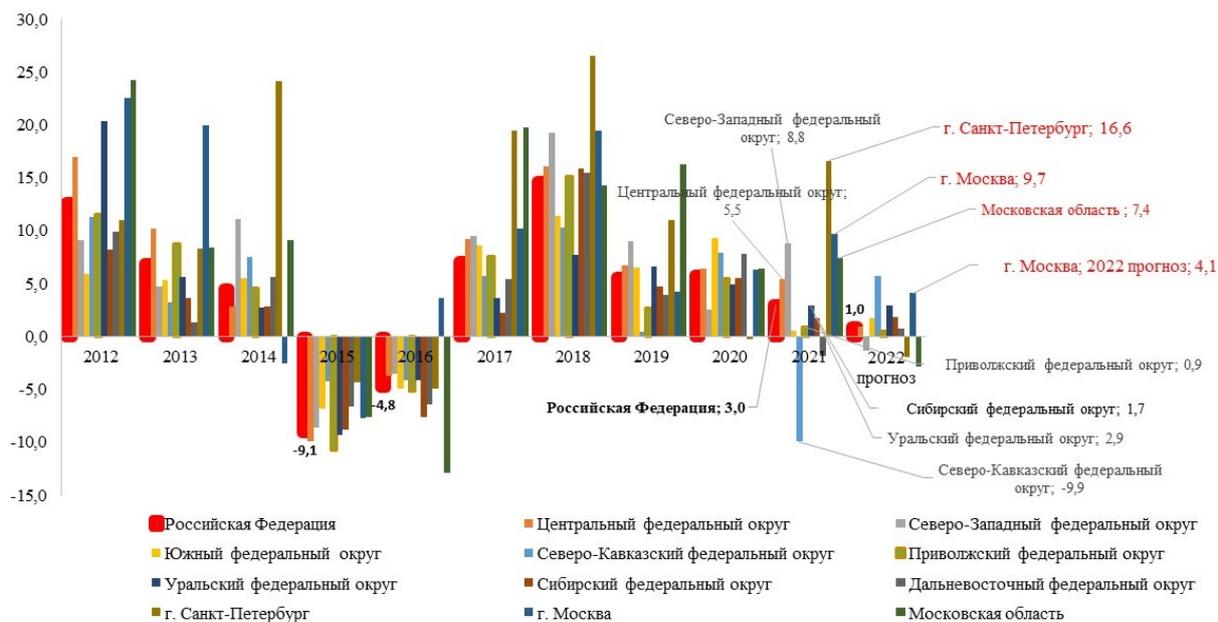

Рис. 5. Распределение регионов РФ по приросту высокопроизводительных рабочих мест в сравнении с г. Москвой и Московской областью (2012–2021 гг.), %
 Источник: [12].

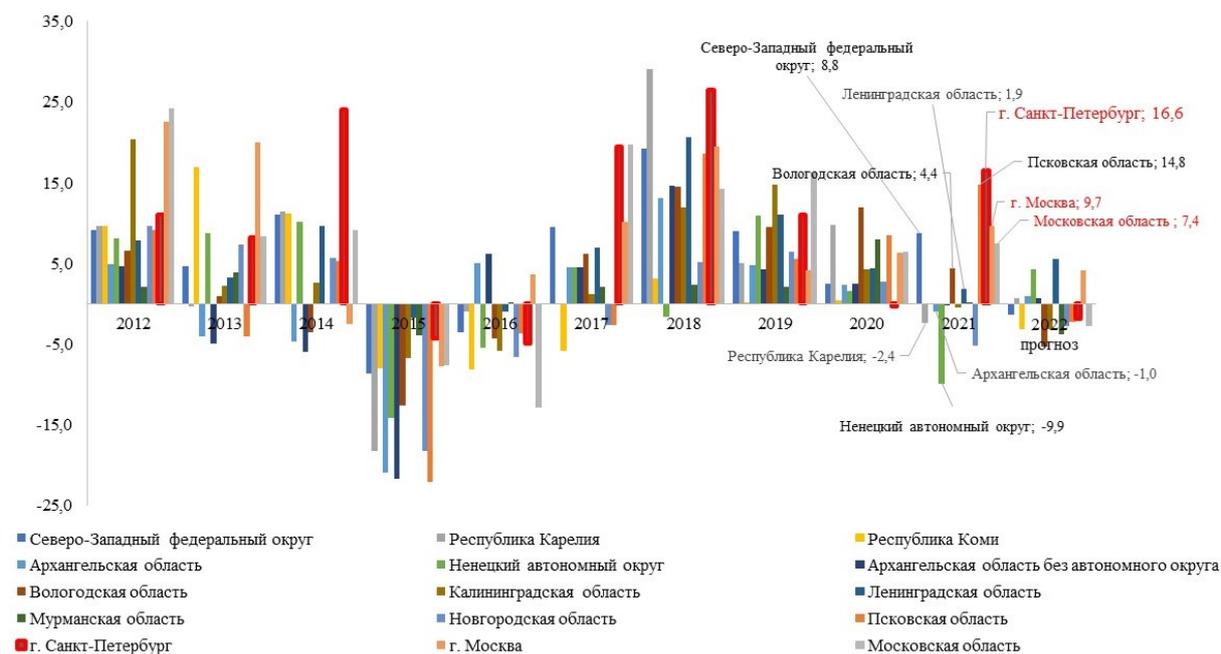

Рис. 6. Распределение регионов СЗФО по приросту высокопроизводительных рабочих мест в сравнении с г. Москвой и Московской областью, %
 Источник: [12].

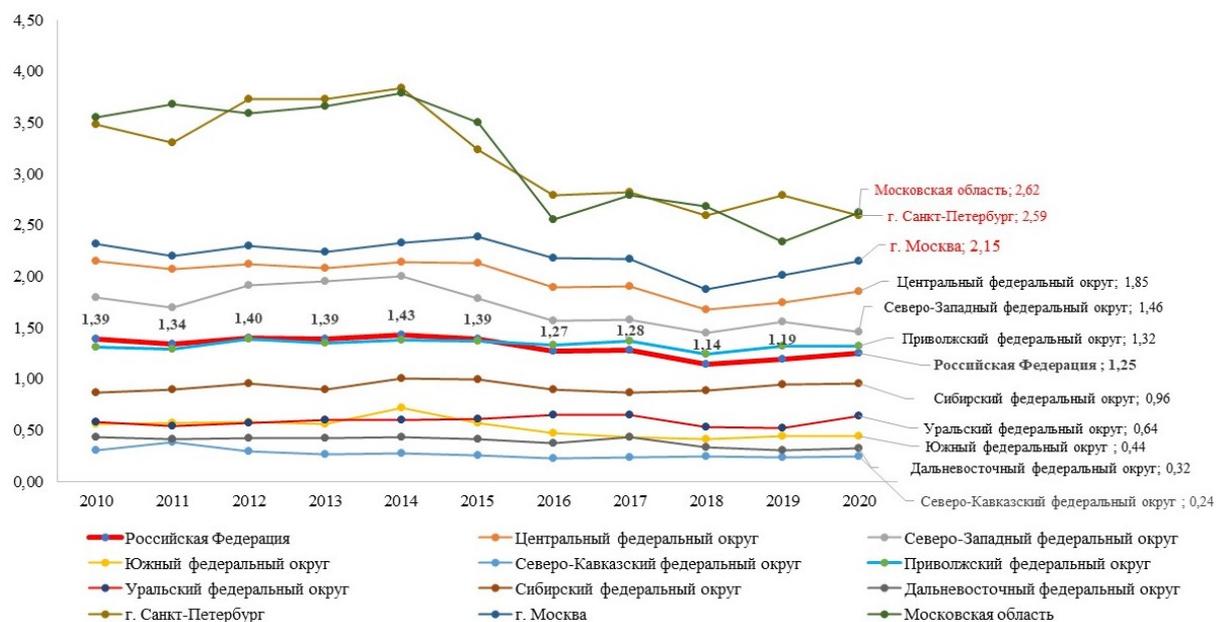

Рис. 7. Распределение регионов РФ по доле внутренних затрат на исследования и разработки в валовом региональном продукте в сравнении с г. Москвой и Московской областью (2010–2020 гг.), %

Источник: [6; 10].

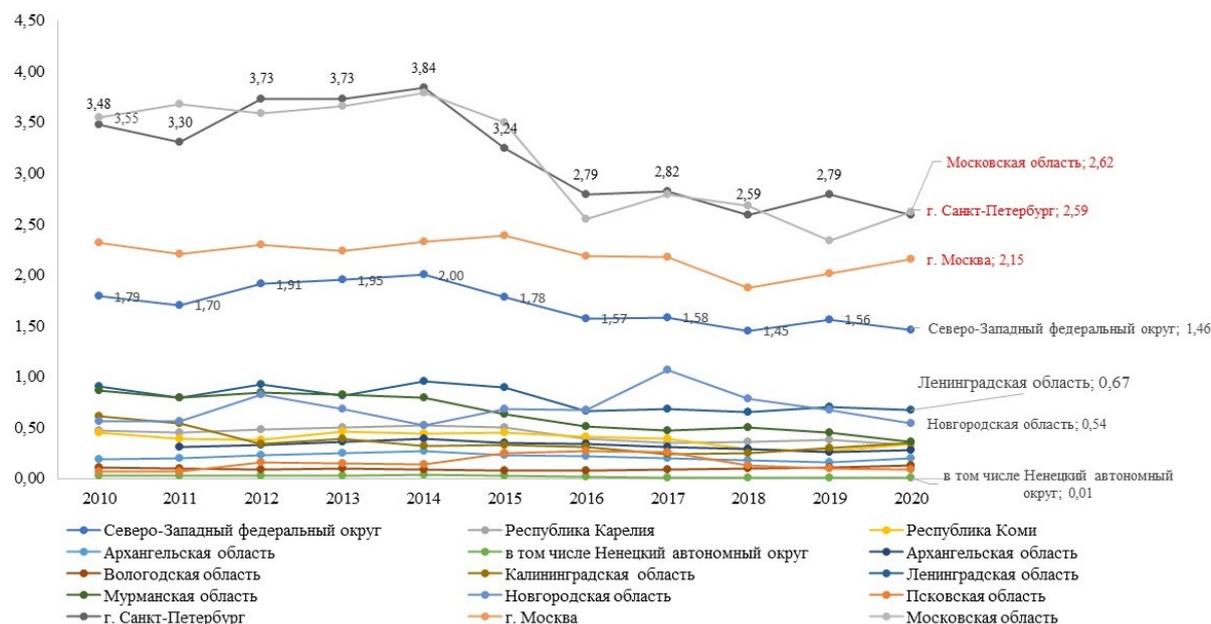

Рис. 8. Распределение регионов СЗФО по доле внутренних затрат на исследования и разработки в валовом региональном продукте в сравнении с г. Москвой и Московской областью (2010-2020 гг.), %

Источник: [10].

Затем результаты были сопоставлены с местами в рейтинге развития регионов для того, чтобы оценить тесноту связи с данными показателями. Оказалось, что по данным до 2021 г. прослеживается достаточно тесная корреляция (0,7) накопленного опыта реализации проектов ГЧП с уровнем инновационной активности организаций (см. таблицу).

В то же время практически отсутствует корреляционная зависимость (0,2) между уровнями: развития ГЧП и инновационной активностью организаций, слабая корреляционная зависимость (0,35) между уровнем развития ГЧП и долей внутренних затрат на исследования и разработки в валовом региональном продукте.

Во всех регионах РФ, СЗФО не является исключением, с 2018 г. наблюдается тенденция к снижению инновационной активности организаций (рис. 3, 4). Это может быть вызвано спадом числа высоко-

производительных рабочих мест в регионах (рис. 5, 6) и снижением объемов внутренних затрат на исследования и разработки в валовом региональном продукте (рис. 7, 8).

Это также подтверждают индикаторы инновационной активности, предоставленные НИУ ВШЭ [6]. Снижение объемов внутренних затрат на исследования и разработки в валовом региональном продукте объясняется действием ряда сдерживающих факторов, таких как: недостаток доступных заемных средств для малого бизнеса, осуществляющего инновации, высокая доля (55,3%) собственных средств и малая (24,9%) – бюджетных средств для крупного и среднего бизнеса, что также недостаточно для их разработки и внедрения; недостаточная глубина кооперации: при разработке инноваций лишь 17% инновационных организаций участвовали в проектах в 2020 г. [6].

**Корреляция опыта использования ГЧП
с развитием инновационной сферы экономики регионов**

Корреляционная матрица	Место по итогам 2021 года	Уровень развития ГЧП, балл	Динамика реализации проектов ГЧП (2021/2020), балл	Накопленный опыт реализации проектов ГЧП до 2021 года, балл	Состояние нормативно-институциональной среды (НИС), балл	Уровень инновационной активности организаций	Прирост высокопроизводительных рабочих мест	Доля внутренних затрат на исследования и разработки в валовом региональном продукте (ВРП)
Место по итогам 2021 года	1	-0,79	-0,53	-0,36	-0,5	-0,20	-0,18	-0,40
Уровень развития ГЧП, балл	-0,79	1	0,86	0,31	0,26	0,20	0,08	0,35
Динамика реализации проектов ГЧП (2021/2020), балл	-0,53	0,86	1	-0,18	0,35	-0,10	-0,20	-0,12
Накопленный опыт реализации проектов ГЧП до 2021 года, балл	-0,36	0,31	-0,18	1	-0,48	0,70	0,63	0,97
Состояние нормативно-институциональной среды (НИС), балл	-0,50	0,26	0,35	-0,48	1	-0,46	-0,46	-0,46
Уровень инновационной активности организаций	-0,20	0,20	-0,10	0,70	-0,46	1	0,75	0,75
Прирост высокопроизводительных рабочих мест	-0,18	0,08	-0,20	0,63	-0,46	0,75	1	0,58
Доля внутренних затрат на исследования и разработки в валовом региональном продукте (ВРП)	-0,40	0,35	-0,12	0,97	-0,46	0,75	0,58	1,00

Источник: сост. авторами.

Когда речь идет о неизбежных трансформациях взаимодействия органов власти и бизнеса в условиях санкционных ограничений, то, как правило, подразумевают взаимоотношения власти и бизнеса, но, на наш взгляд, здесь целесообразнее трехстороннее взаимодействие по принципу власть–бизнес–население. Если не наладить трехстороннее взаимодействие по принципу власть–бизнес–население, а ГЧП не станут центрами привлечения инвестиций, то неизбежен кризис в условиях санкционных ограничений.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Абдуллаев С.С.* Санкции как фактор развития взаимоотношений власти и бизнеса на принципах государственно-частного партнерства // ВЭПС. 2016. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sanktsii-kak-faktor-razvitiya-vzaimootnosheniy-vlasti-i-biznesa-na-printsipah-gosudarstvenno-chastnogo-partnerstva> (дата обращения: 21.03.2023).
2. *Афанасьева Н.В., Шамина Л.К.* Направления модернизации экономики регионов // Экономика и предпринимательство. 2021. № 4 (129). С. 595–599.
3. *Афанасьева Н.В., Шамина Л.К.* Региональные стратегии цифровой трансформации // Экономика и предпринимательство. 2021. № 7 (132). С. 611–615.
4. *Васильева Л.В., Васильев В.В.* Инновационное развитие регионов в условиях санкций // Россия: тенденции и перспективы развития. 2020. № 15-1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/innovatsionnoe-razvitie-regionov-v-usloviyah-sanktsiy> (дата обращения: 21.03.2023).
5. Инвестиции в инфраструктуру и ГЧП 2022. Аналитический обзор по данным платформы Росинфра. URL: <https://pppcenter.ru/upload/iblock/59e/59e99c63fe1b0558340251ab897b3409.pdf> (дата обращения: 20.03.2023).
6. Индикаторы инновационной деятельности – 2022: стат. сборник / В.В. Власова [и др.]; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: НИУ ВШЭ, 2022. 292 с. URL: <https://issek.hse.ru/news/589979747.html> (дата обращения: 21.03.2023).
7. *Митяков С.Н., Митякова О.И., Мурашова Н.А.* Инновационное развитие регионов России: результаты мониторинга (на примере Приволжского федерального округа) // Инновации. 2017. № 8 (226). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/innovatsionnoe-razvitie-regionov-rossii-rezultaty-monitoringa-na-primere-privolzhskogo-federalnogo-okruga> (дата обращения: 21.03.2023).
8. Новые правила заключения офсетных контрактов по 44-ФЗ. URL: <https://zakupki.kontur.ru/site/articles/25515-novye-pravila-zaklyucheniya-ofsetnykh-kontraktov-po-44fz> (дата обращения: 20.03.2023).
9. Пленарное заседание съезда РСПП (16 марта 2023 г.). URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/70688> (дата обращения: 20.03.2023).
10. Регионы России. Социально-экономические показатели – 2020 г. URL: https://gks.ru/bgd/regl/b20_14p/Main.htm (дата обращения: 20.03.2023).
11. Рейтинг субъектов Российской Федерации по уровню развития государственно-частного партнерства за 2021 г. URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/de1738536995153cc65c8b47c5ff2520/reiting_gchp_2021.pdf (дата обращения: 20.03.2023).
12. Эффективность экономики России. Уровень инновационной активности организаций. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/11186> (дата обращения: 20.03.2023).

В.Н. Быков

КЛАСТЕРИЗАЦИЯ РЕГИОНОВ КАК МЕТОД АНАЛИЗА АНТИКОРРУПЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ

Виталий Николаевич Быков – заместитель зав. кафедрой государственного и муниципального управления и менеджмента Санкт-Петербургского института бизнеса и инноваций, кандидат экономических наук, доцент г. Санкт-Петербург; e-mail: vnbykov1958@gmail.com.

В статье представлена методика оценки деятельности правоохранительных органов по противодействию коррупции, основанная на кластерном анализе. Определены новые показатели и способы их расчёта. Выделены и описаны кластеры регионов по особенностям деятельности правоохранительных органов в области противодействия коррупции.

Ключевые слова: коррупция; кластерный анализ; правоохранительные органы; регионы; экономическая безопасность.

V.N. Bykov

CLUSTERIZATION OF REGIONS AS METHOD FOR ANALYSIS OF LAW ENFORCEMENT BODIES ANTICORRUPTION ACTIVITIES

Vitaliy Bykov – Deputy Head, the Department of Public Administration and Management, Saint-Petersburg Institute of Business and Innovations, Ph.D. in Economics, Associate Professor, Saint-Petersburg; e-mail: vnbykov1958@gmail.com.

The article presents based on a cluster analysis technique for the assessment of law enforcement bodies anti-corruption activities. There have been defined new indicators and methods of calculation thereof. The paper highlights and describes regions by specifics of law enforcement bodies activities in the field of combating corruption.

Keywords: corruption; clyster analysis; law enforcement bodies; regions; economic security.

Внедрение эффективных механизмов антикоррупционной борьбы является ключевым приоритетом для правоохранительных органов в России. Однако, сложность и разнообразие данных, касающихся антикоррупционной деятельности, представляют значительные вызовы для аналитиков и исследователей.

Традиционные исследования, посвященные изучению уровня коррупции в регионах России, часто связаны с анализом

числа выявленных преступлений коррупционной направленности. Однако такой подход имеет свои ограничения, особенно в свете высокой латентности этого вида преступлений, что делает статистику неполной и не показательной.

Причины, по которым выявление коррупционных преступлений может быть недостаточным, разнообразны. Во-первых, коррупционная деятельность часто характеризуется скрытностью и сложностью

выявления, что затрудняет точное определение и документирование случаев коррупции. Согласно исследованиям и оценкам экспертов, доля латентности коррупционных преступлений может быть очень высокой и колеблется в различных странах и регионах [10, с. 141]. В некоторых случаях, она может составлять несколько десятков и даже сотен процентов, что означает, что лишь небольшая часть коррупционных преступлений становится известной правоохранительным органам и отражается в официальной статистике [2, с. 327].

Во-вторых, в силу своей особой природы, коррупция может проявляться в различных формах и масштабах, включая не только прямые взятки, но и скрытые соглашения, непрозрачные схемы и привлечение криминальных структур.

Кроме того, статистика по выявленным случаям коррупции может быть искажена влиянием различных факторов. Одним из таких факторов является то, что противодействием коррупционным преступлениям занимаются правоохранительные органы, уровень коррупции в которых также является существенным [3, с. 95].

Но более важным фактором видится сама особенность работы подразделений полиции по обеспечению экономической безопасности и противодействию коррупции. Ввиду высокой латентности преступлений и сложностью выявления и их раскрытия, традиционно показатели деятельности таких подразделений кратно отличаются от подразделений, например уголовного розыска. Так, для одного сотрудника отдела противодействия коррупции в территориальных органах часто является нормальным выявление одного случая коррупции в год с последующим возбуждением уголовного дела и направлением его в суд. И наоборот, отсутствие такого случая часто формально свидетельствует о некачественной работе сотрудника.

Понимая это, можно утверждать, что данные о числе зарегистрированных преступлений коррупционной направленности никоим образом не иллюстрируют реальной ситуации с распространением коррупции, в том числе в разрезе регионов.

Для более объективного изучения уровня коррупции в регионах России становится крайне важным применение альтернативных методов анализа. Необходимо учитывать не только количество выявленных преступлений, но и другие параметры и признаки, связанные с коррупцией, такие как уровень жалоб на коррупцию, коррупционные риски, восприятие коррупции населением и т.д.

В то же время данные о выявленных преступлениях коррупционной направленности могут быть ценным ресурсом для иной цели, а именно для характеристики деятельности правоохранительных органов и изучения их эффективности в борьбе с коррупцией. Анализ таких данных может позволить оценить активность правоохранительных органов в выявлении и пресечении коррупционных преступлений, а также выявить тенденции и динамику этой деятельности на территории различных регионов.

Более детальные результаты можно получить, если применить математические методы и выделить новые производные показатели. Эти показатели предлагается использовать для кластеризации регионов.

Кластерный анализ нередко применяется в области исследования вопросов обеспечения экономической безопасности. Что касается применения его в близкой к теме исследования области, отметим работу О.И. Дубровиной, К.А. Володиной и А.Н. Ершовой, применявших кластерный анализ для описания представлений государственных служащих о коррупции и коррупционном поведении в зависимости от уровня заработной платы [5].

Что касается оценки деятельности тех или иных государственных органов, то здесь интерес представляет исследование Д.Д. Обрубова, применявшего такой вид анализа для оценки эффективности деятельности органов местного самоуправления [7].

Нередко кластерный анализ применяется и для описания и сравнения уровней преступности и судимости [9].

Определим этапы проведения кластерного анализа в рамках настоящей темы (рис. 1).

АКТУАЛЬНАЯ ТЕМА

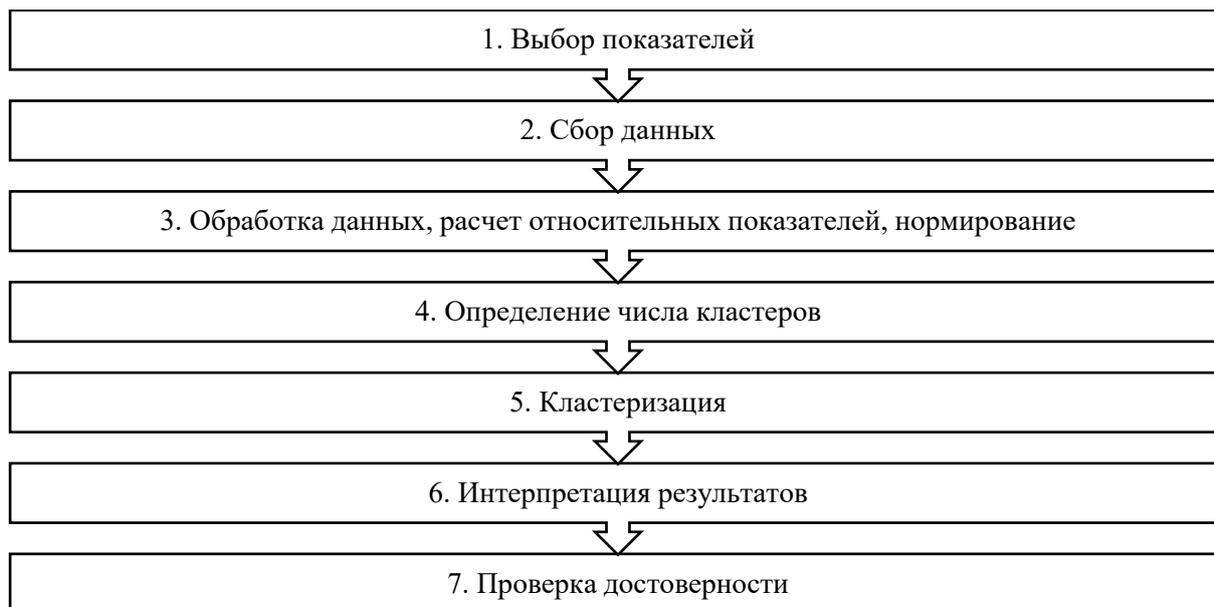

Рис. 1. Этапы кластерного анализа регионов

Источник: сост. автором.

На первом этапе необходимо определиться с теми показателями, по которым будет производиться кластерный анализ регионов, которые так или иначе характеризуют деятельность правоохранительных органов в области противодействия коррупции.

В ведомственных нормативных правовых актах имеются некоторые такие показатели. Так, в системе министерства внутренних дел ведомственная статистическая оценка деятельности территориального органа МВД России строится по ряду показателей, полный перечень которых перечислен в приложении к Приказу МВД России № 1040 от 13.12.2013 года [1].

Однако такой перечень часто подвергается критике. По мнению В.В. Денисенко, аналогичный показатель прошлого года не является статистической характеристикой, позволяющей оценить деятельность подразделений МВД [4, с. 15]. Это связано с тем, что наблюдается достаточная тесная зависимость показателей текущего года от предыдущего.

Ряд недостатков в системе оценивания деятельности подразделений МВД выделяют также М.С. Лашенов и Усов С.Г. [6, с. 262].

Ввиду этого предлагается несколько модернизировать показатели, на основе которых будет строиться кластерный анализ.

Ключевыми показателями будут выс-

тупать зарегистрированные преступления. Хотя перечень преступлений коррупционной направленности достаточно широк, в нашем исследовании мы ограничимся статьями 290 и 291 Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ).

Статья 290 Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ) предусматривает уголовную ответственность за «получение взятки», то есть за действия сотрудников правоохранительных органов, государственных служащих или иных лиц, которые принимают деньги или иные материальные ценности в качестве незаконного вознаграждения за содействие или бездействие в своих официальных обязанностях.

Статья 291 УК РФ, в свою очередь, предусматривает уголовную ответственность за «дачу взятки», когда граждане предлагают или передают деньги или иные материальные ценности сотрудникам правоохранительных органов, государственным служащим или иным лицам с целью получения преимуществ или иных благ.

При этом важно не только число таких зарегистрированных преступлений, но и их соотношение. Очевидно, что имеются регионы, в которых будет преобладать первый или второй показатель и это может дать какие-либо результаты.

Например, в регионах с преобладанием числа дел по ст. 290 УК РФ, можно

предположить, что сфера деятельности правоохранительных органов и государственных служащих более уязвима перед коррупцией. Возможно, это связано с более низким уровнем прозрачности и контроля за их деятельностью, что предоставляет возможности для получения взяток.

В регионах с преобладанием числа дел по ст. 290 УК РФ, можно предположить, что коррупционные связи и неправомерные практики могут быть более распространены среди граждан и представителей бизнеса, желающих получить преимущества или обеспечить защиту своих интересов путем предоставления взяток.

Хотя вероятнее всего, опять же ввиду высокой латентности, это говорит скорее не об особенностях самого уровня коррупции, а о специфике работы правоохранительных органов.

Если бы анализ был ограничен исследованием соотношения числа зарегистрированных дел по этим двум статьям, то в качестве показателя могло бы выступать отношение одного числа к другому, позволяющего дать оценку. Однако в случае кластерного анализа расчёт такого отдельного показателя не требуется. Кластерный анализ и так позволит выделить регионы с той или иной структурой преступности в области коррупции.

Важно также понимать, что регионы существенно отличаются друг от друга по различным признакам, например, численности населения, территории, валовому региональному продукту и иным, от которых объективно зависит число зарегистрированных преступлений коррупционной направленности. Поэтому необходимы не абсолютные, а относительные показатели, учитывающие данный аспект, и характеризующие не просто число преступлений, а именно уровень коррупции. В настоящем исследовании в качестве такого показателя рассчитаем число преступлений на 100 тыс. человек.

Кроме этих показателей описать особенности деятельности государственных органов могут и показатели динамики. Как уже отмечалось выше, в соответствии с ведомственными приказами, для данной цели применяется показатель аналогичного периода прошлого года. В реальности

же, на наш взгляд, такой подход не корректно отражает ситуацию. Во-первых, он не учитывает более длительные периоды, а, во-вторых, приводит к тесноте связи показателей текущего и предыдущего года, когда сотрудники сознательно стараются показатели текущего года на несколько процентов увеличить по отношению к предыдущему. Во-вторых, снижается возможность снизить показатель в текущем году, даже если это происходит по объективным причинам.

В ходе исследования был рассчитан тренд за определенный период времени и использован в качестве показателя динамики. Для примера можно взять период в пять календарных лет.

Так, например, в Алтайском крае в 2022 году существенно снизилось число зарегистрированных преступлений по ст. 290 УК РФ по сравнению с 2021 годом (рис. 2). Однако если рассмотреть тенденцию в рамках пяти лет, что станет видно, что имеется достаточно явный общий тренд на увеличение, а снижение показателя в последний год связано с чрезмерным его ростом в 2021.

Поэтому в рамках настоящей методики предлагается брать именно показатель тренда за пять лет. В случае Алтайского края таким показателем будет 0,3351, то есть в среднем происходит рост числа зарегистрированных по ст. 290 УК РФ преступлений на 0,3351 шт. в год на 100 тыс. населения.

Расширить показатели динамики можно еще за счет их сопоставления. Так, можно не только сравнить число зарегистрированных преступлений по ст. 290 и 291 УК РФ, но и сравнить направленность их трендов. Так, например, если в том или ином регионе наблюдается пятилетний тренд на снижение числа преступлений по одному составу и увеличение по второму, то, очевидно, это может свидетельствовать и об изменении особенностей их работы, что тоже возьмем за еще один признак, для кластеризации.

Возбуждение уголовного дела также является недостаточным признаком для характеристики деятельности правоохранительных органов.

Рис. 2. Динамика числа зарегистрированных преступлений по ст. 290 УК РФ в Алтайском крае с 2018 по 2022 гг.

Важно и число материалов, переданных в результате в суд. Такой показатель также включим в методику.

На втором этапе произведем сбор данных для анализа.

В настоящем исследовании источником информации послужил Портал правовой статистики [8], который содержит актуальную информацию по зарегистрированному числу преступлений по рассматриваемым составам. Этим обоснованы рамки настоящего исследования, поскольку анализ производился по 85 регионам страны, информация о которых имеется на портале. При выборе иного источника информации возможно включение иных регионов.

На третьем этапе производится обработка данных с применением программы Microsoft Excel, а именно:

- рассчитываются относительные показатели преступности на 100 тыс. человек;
- определяется тренд по каждому региону по обоим составам (для автоматиза-

ции применяется функция «ЛИНЕЙН»);

- сравнивается направление тренда (регионам, где число дел по обоим составам или растет или убывает, присваивается показатель равный 0; для разнонаправленных трендов показатель будет равен 1);

- рассчитывается соотношение дел, переданных в суд, к числу зарегистрированных дел.

После получения этих показателей, все они проходят процедуру нормирования. Нормирование производится методом минимакса. При этом статические показатели принимают значения от 0 до 1. Для показателей динамики выбран диапазон от -1 до 1, чтобы было понятно, происходит рост или снижение.

Нормирование показателей позволило получить более точные оценки, а также более наглядно произвести визуализацию результатов.

После данных действий итоговая таблица данных для проведения кластерного анализа имеет следующий вид (табл. 1).

Таблица 1

Данные для проведения кластерного анализа после нормирования

Регион	Прест. по ст. 290 / 100 тыс. ч.	Тренд 290	Прест. по ст. 291 / 100 тыс. ч.	Тренд 291	Напр. в суд / выявлено
Алтайский край	0,12	0,02	0,25	0,20	0,29
Амурская область	0,01	-0,01	0,06	-0,01	0,64
Архангельская область	0,09	0,00	0,10	-0,14	0,33
...					
Ямало-Ненецкий АО	0,04	0,00	0,16	0,01	0,26
Ярославская область	0,04	0,00	0,12	0,04	0,21

Источник: сост. автором.

На четвертом этапе необходимо определить число кластеров, на которые будет производиться деление всех регионов. Данный этап можно провести с применением различных статистических методов. В настоящей методике расчет производится с помощью программы STATISTICA.

При этом для визуального определения числа кластеров построена дендродендограмма (рис. 3). Она позволяет визуально определить наиболее обособленные группы регионов. В нашем случае число кластеров выберем равным пяти.

На пятом этапе для более точной характеристики кластеров применим кластерный анализ методом К-средних, также с использованием программы STATISTICA.

В результате получаем не только само деление регионов по кластерам, но и характеристику этих кластеров, а именно средние величины по каждому показателю.

Для визуализации результатов представим такие средние величины на графике (рис. 4).

Далее на шестом этапе опишем выделенные кластеры. Описание будем производить не по порядку номеров кластеров, чтобы сделать его логичным, а по содержанию.

Первый кластер отличается тем, что в нем кратно преобладает число зарегистрированных преступлений по статье 291 УК РФ (практически в три раза). При этом и темпы роста данного показателя также являются максимальными. Такое расхождение описывается тем, что, как правило, для сотрудников полиции работа с материалами по ст. 291 УК РФ и сбор доказательной базы, проще, чем по статье 290 УК РФ. Возбуждение уголовных дел по статье 290 УК РФ дополнительно затруднено тем, что сотрудники государственных органов, имея определенные связи в таких органах, могут в большей степени повлиять на данный процесс, нежели рядовые граждане. В то же время доля дел, переданных в суд в таких регионах минимальна, и составляет в среднем чуть более 20%. Это свидетельствует о невысокой эффективности деятельности правоохранительных органов.

Четвертый кластер по своей характеристике подобен первому, в нем также

преобладает число зарегистрированных дел за дачу взятки над числом преступлений, связанных с ее получением, однако расхождение уже не такое существенное. В данном кластере также наблюдается невысокая доля дел, переданных в суд (около 25%).

В противовес первому и четвертому кластеру выделяется третий. Он имеет максимальное значение по числу зарегистрированных преступлений за получение взятки и низкое число преступлений за дачу взятки, среднюю долю переданных материалов в суд. Такая разница может быть объяснена различными причинами. Во-первых, в таких регионах может быть разорвана связь между подразделениями правоохранительных органов и иными государственными структурами, что не дает возможность повлиять должностным лицам на возбуждение против них уголовных дел, что является позитивным моментом с точки зрения экономической безопасности. Во-вторых, такое расхождение может быть свидетельством того, что сотрудники правоохранительных органов в этих регионах чаще, чем в других применяют положения примечания к статье 291 УК РФ, согласно которому лицо, давшее взятку, освобождается от ответственности, если оно активно способствовало раскрытию преступления по получению этой взятки.

Второй кластер выделяется тем, что в данных регионах при достаточно низком числе преступлений за взяточничество на душу населения практически отсутствует динамика. Показатели тренда близки к 0. Есть вероятность, что в данных регионах сотрудниками правоохранительных органов для оценки эффективности их деятельности активно применяются показатели аналогичного периода прошлого года, которые сознательно повторяются из года в год. Снижения показателей не происходит, чтобы их деятельность не была оценена как неэффективная, но и повышения показателей не наблюдается, чтобы в следующих периодах также не приходилось их повышать еще больше.

Пятый кластер является единственным, где наблюдается расхождение в динамике числа дел по двум составам преступлений.

Если число преступлений за дачу взятки растёт, то число преступлений за ее получение снижается, чего не наблюдалось в иных четырех кластерах. Это может быть вызвано различными причинами. Возможно, в данных регионах не ориентируются на показатели прошлого года, что и дает возможность сотрудникам правоохранительных органов не превышать искусственно показатели. Но может быть в данных регионах имеются и проблемы с эффективностью работы сотрудников, что и приводит к снижению показателей их работы. Нередко такая ситуация может быть связана с нехваткой кадров, нередко наблюдаемой в отдельных подразделениях. Такой вывод подтверждается еще и тем, что в данном кластере не только наблюдается снижение показателей числа зарегистрированных преступлений, но еще и сами абсолютные показатели также являются минимальными. Но позитивным аспектом в данном кластере является то, что эти регионы разительно выделяются долей дел, переданных в суд (около 90%).

На последнем этапе проверим достоверность полученных результатов. В нашем случае важно, что, во-первых, верно определено число кластеров, а, во-вторых, кластеры действительно имеют существенные различия друг между другом.

Для этого применим дисперсионный анализ (табл. 2).

Поскольку значение $p < 0,05$, то для всех кластеров выявленные различия являются значимыми. То есть, если бы была возможность отразить пять показателей на

одном графике, мы бы увидели в достаточной степени обособленные друг от друга пять «облаков» кластеров. Таким образом, полученные и описанные в работе результаты можно считать достоверными.

В качестве направлений развития настоящей методики возможно рассмотреть вопрос о расширении показателей для кластеризации регионов. Так, например, включить показатели среднего размера взятки, экономического ущерба. Кроме того, относительные показатели уровня коррупции можно рассчитывать не только на душу населения, но и на рубль регионального валового продукта.

Таким образом, разработанная методика позволяет не только дополнить инструменты оценки уровня коррупции в регионах, которая является одной из составляющих теневой экономики, но и описать особенности деятельности правоохранительных органов в борьбе с данными правонарушениями. Методика позволяет более объективно, чем существующий ведомственный контроль, оценить и описать статистические показатели деятельности, выявить возможные проблемы и принять управленческие решения по повышению эффективности борьбы с коррупцией. Внедрение данной методики в ведомственный контроль может несколько снизить эффект «палочной системы», что сделает официальные показатели деятельности более реальными. Это, в свою очередь, позволит проводить более объективные исследования в области обеспечения экономической безопасности используя официальные данные.

Таблица 2

Проверка значимости результатов кластеризации с применением дисперсионного анализа

Переменная	Дисперсионный анализ					
	Между SS	сс	Внутри SS	сс	F	Значимость p
Прест. по ст. 290 / 100 тыс. ч.	0,902023	4	0,516959	80	34,8972	0,000000
Тренд 290	0,815943	4	0,090418	80	180,4815	0,000000
Прест. по ст. 291 / 100 тыс. ч.	1,328834	4	0,546310	80	48,6476	0,000000
Тренд 291	1,016588	4	0,501217	80	40,5648	0,000000
Напр. в суд / выявлено	2,507091	4	0,673746	80	74,4224	0,000000

Источник: сост. автором.

ЛИТЕРАТУРА

1. Приказ МВД России №1040 от 13.12.2013 года «Вопросы оценки деятельности территориальных органов Министерства внутренних дел Российской Федерации» // Официальный сайт МВД России. URL: https://mvd.ru/upload/site1/folder_page/018/1095/096/Prikaz_1040.doc (дата обращения 25.07.2023).
2. *Грачев А.В., Сикорская Л.В.* Латентность как фактор коррупции в системе государственных закупок // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 5. С. 327.
3. *Гринько С.Д.* Взаимосвязь коррупции и организованной преступности // Право и государство: теория и практика. 2019. № 6. С. 95.
4. *Денисенко, В.В.* О показателях и методике вневедомственной оценки деятельности органов внутренних дел и условий их функционирования / В.В. Денисенко, Е.Н. Майорова // Правопорядок: история, теория, практика. 2021. № 1 (28). С. 15.
5. *Дубровина О.И., Володина К.А., Ершова А.Н.* Представления государственных служащих о коррупции и коррупционном поведении в зависимости от уровня заработной платы // Организационная психология. 2020. № 2. С. 172–190.
6. *Лащенков М.С., Усов С.Г.* Модернизация подходов к оценке деятельности территориальных органов МВД России // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2021. № 3-1(54). С. 262.
7. *Обрубов Д.Д.* Оценка эффективности деятельности органов местного самоуправления // Международный журнал прикладных наук и технологий «Integral». 2022. № 3. С. 789-804.
8. Показатели преступности России // Портал правовой статистики. URL: http://crimestat.ru/offenses_map (дата обращения 20.07.2023).
9. *Смирнов В.В., Мулендеева А.В.* Комплексный анализ Российской преступности и судимости // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2019. С. 359–375.
10. *Турутина Е.Э.* Проблемы выявления латентной преступности, связанной с незаконным оборотом наркотиков // Вестник РУК. 2022. № 3. С. 141.

В.А. Новицкий, В.В. Паршонков
ОШИБКА ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА
КАК ОБСТОЯТЕЛЬСТВО НЕПРЕОДОЛИМОЙ СИЛЫ
(ФОРС-МАЖОР)

Виталий Анатольевич Новицкий – доцент кафедры гражданского права и процесса, Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики, кандидат юридических наук, доцент, адвокат АК «Правовой Петербург», г. Санкт-Петербург; **e-mail: 78jurist@gmail.com**.

Виталий Викторович Паршонков – аспирант кафедры гражданского права и процесса, Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики, г. Санкт-Петербург; **e-mail: vitaliyvictorovichlaw@gmail.com**.

Анализируется проблема квалификации ошибок искусственного интеллекта в качестве обстоятельства непреодолимой силы (форс-мажора). Авторами проведено комплексное исследование доктринальных положений о регулировании ответственности искусственного интеллекта. Результаты исследования свидетельствуют о наличии множества подходов, которые регулируют ответственность искусственного интеллекта по-разному. Сформулированы случаи, в которых ошибка искусственного интеллекта может быть квалифицирована в качестве обстоятельства непреодолимой силы (форс-мажора).

Ключевые слова: искусственный интеллект; обстоятельство непреодолимой силы; форс-мажор; ответственность; ошибки искусственного интеллекта; обязательства.

V.A. Novitsky, V.V. Parshonkov
ARTIFICIAL INTELLIGENCE ERROR AS FORCE MAJEURE

Vitaly Novitsky – senior lecturer, the Department of Civil Law and Process, St. Petersburg University of Management Technologies and Economics, PhD in Law, associate professor, lawyer, the law office “Pravovoy Peterburg”, St. Petersburg; **e-mail: 78jurist@gmail.com**.

Vitaly Parshonkov – post-graduate student, the Department of Civil Law and Process, St. Petersburg University of Management Technologies and Economics, St. Petersburg; **e-mail: vitaliyvictorovichlaw@gmail.com**.

We analyze the problem of qualifying artificial intelligence errors as force majeure. We carry out a comprehensive study of the doctrinal provisions concerning the regulation of artificial intelligence liability. As a result, we have discovered a variety of approaches that regulate the responsibility of artificial intelligence in different ways. We specify certain cases when an artificial intelligence error can be qualified as force majeure.

Keywords: artificial intelligence; force majeure; liability; artificial intelligence errors; obligations.

Искусственный интеллект (далее – ИИ) разработан с целью улучшения эффективности и точности решения сложных задач. Несмотря на многочисленные преимущества, ИИ не является идеальным инструментом и может допускать ошибки. Возникает вопрос с позиций права о том,

могут ли быть ошибки ИИ обстоятельством непреодолимой силы.

Ошибка ИИ может быть определена как некорректное решение или предсказание, полученное с помощью алгоритмов цифрового (машинного) обучения. Полагаем, что ошибки ИИ объективно приводят

к негативным последствиям. Такая ситуация может быть определена в правоведении как обстоятельство непреодолимой силы. Совершение ошибок ИИ неизбежно, и иногда их невозможно предотвратить. Они, например, могут быть вызваны работой с недостаточным количеством данных либо обусловлены ситуациями, в которых алгоритм не может учесть все переменные в сложных случаях.

Ошибки ИИ могут иметь существенные последствия в различных областях жизни. Например, в медицине ИИ используется для диагностики болезней и принятия решений о лечении [9]. Если алгоритм совершает ошибку, это может привести к неверному диагнозу или неверному лечению. В автомобильной промышленности следствием ошибок ИИ могут стать аварии и даже смертельный исход [21]. Например, если автоматическая система торможения в автомобиле не работает должным образом, это может привести к столкновению и травмам для водителя и пассажиров. В результате ошибок ИИ могут возникнуть социальные проблемы. Например, если алгоритм машинного обучения используется для принятия решений о найме сотрудников, это может привести к дискриминации по расовым, половым или иным признакам [10].

На первый взгляд, если автономная система начинает работать со сбоями, оператор должен нести ответственность, как и в случае любого другого инструмента, оператором которого выступает человек. Если возможные неисправности искусственного интеллекта предсказуемы для его разработчика, то это может говорить о возможности применения ответственности в его отношении.

Сегодня в юридической доктрине существуют разные подходы в отношении гражданско-правовой ответственности за вред, причиненный искусственным интеллектом [6]:

1. Модель, в рамках которой система ИИ рассматривается как принципиально невинный агент, инструмент реального исполнителя правонарушения, а противоправное деяние совершает человек. Им может быть разработчик, собственник (вла-

делец) и пользователь таких систем (далее – модель ответственности № 1).

2. Модель естественных вероятностных последствий, которая предполагает, что система ИИ реализует действия, являющиеся естественным и вероятным последствием программирования. В рамках нее предусмотрено, что лицо, запрограммировавшее машину (разработчик), проявило преступную небрежность или самонадеянность (далее – модель ответственности № 2).

3. Модель прямой ответственности системы ИИ за свои действия. Она не получает широкого распространения в современных условиях ввиду того, что, несмотря на автономность или обучаемость ИИ, он все же не обладает человеческим сознанием и его правосубъектностью и не может быть привлечен к ответственности (далее – модель ответственности № 3).

Из приведенных подходов следует, что сегодня отсутствует единое мнение относительно вопроса об определении причинителя вреда при использовании ИИ. Кроме того, в настоящее время отсутствует и правовое регулирование данной проблемы, при этом подходы к способам нормативного регулирования ИИ могут быть различны и будут исследованы авторами в дальнейшем.

Модель ответственности № 2 уже находит отражение в судебной практике США. 21 апреля 2023 г. Высший суд округа Лос-Анджелес вынес решение по иску о возмещении ущерба в связи с тем, что во время движения автомобиль *Tesla*, управляемый автопилотом, допустил наезд на бордюр из-за совершения непредвиденного маневра.

В иске истец указывал, что автомобиль двигался со скоростью примерно от 25 до 30 миль в час, при этом автопилот не смог распознать центральную медиану. Внезапно автопилот дал сбой, и машина свернула в центральную полосу. Колесо автомобиля ударило о бордюр, в результате сработали подушки безопасности. Водитель не успел отреагировать, но она попыталась защитить лицо, убрав руки с руля и расположив их перед лицом [19].

Суд присяжных решил, что компания-

разработчик не несет ответственности в данном случае. Более того, присяжные утверждали, что *Tesla* четко предупредила, что частично автоматизированное программное обеспечение для вождения не является самоуправляемой системой. Причина аварии заключается еще и в том, что водитель отвлекся в пути [20].

Стоит отметить, что в ходе проведения исследования авторами не было обнаружено релевантной судебной практики отечественных судов, относимых к теме настоящего исследования.

Таким образом, первые судебные разбирательства по спорам в отношении ошибок ИИ складываются на основе применения модели ответственности № 2 и предполагают, что ответственность может быть возложена на владельца (пользователя) системы, управляемой ИИ, если им не совершены действия по предотвращению возникновения ущерба. При этом наступление ущерба было предотвратимым.

Следует определить, в каких случаях ошибка ИИ может быть отнесена к форс-мажору. В отечественном праве легальное определение непреодолимой силы (форс-мажора) закреплено в п. 3 ст. 401 Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК РФ): это – чрезвычайные и непредотвратимые при конкретных условиях обстоятельства, делающие невозможным надлежащее исполнение обязательств [1].

Институт форс-мажоров призван защитить интерес стороны договора при наступлении обстоятельств, которые находятся вне ее контроля. В первую очередь следует определить, насколько контролируемы со стороны пользователя (владельца) или разработчика действия ИИ при его использовании. Напомним, под чрезвычайностью понимаются исключительные, необычные, выходящие за пределы «нормального» случаи, условия [2]. Под непредотвратимостью понимают невозможность любого участника гражданского оборота, осуществляющего аналогичную деятельность, избежать наступивших последствий.

Попытаемся раскрыть суть понятия «искусственный интеллект». В общем понимании этот термин является обобща-

ющим. Его используют при характеристике отрасли компьютерных наук, и он означает способность машины или программы приобретать и применять знания, а также действовать естественно, то есть так, как человек [8]. По своей сути ИИ работает на основе заложенного в него разработчиком алгоритма, позволяющего ему обучаться или быть обученным.

В настоящее время отсутствует общепринятое понятие ИИ [7]. Поэтому в статье предлагаем понимать ИИ в широком смысле, как это отражено в приведенном выше определении. С учетом ранее изложенных подходов об ответственности ИИ можно сформулировать следующие модели применения института форс-мажоров относительно ошибок ИИ:

1. Невозможность обращения к форс-мажору в случае ошибки ИИ в рамках модели ответственности № 1. В данном случае ошибка ИИ не будет являться форс-мажором, поскольку концепция предполагает, что ИИ служит лишь инструментом. Это означает, что форс-мажор должен наступить в момент совершения разработчиком, владельцем или пользователем системы действия, которое повлекло последствия в виде ошибки ИИ.

Указанная концепция также находит отражение в п. 9.1.1 Рекомендации Парламентской ассамблеи Совета Европы от 28 апреля 2017 г. № 2102 «Слияние с технологиями, искусственный интеллект и права человека» [14]. Данный пункт гласит о том, что ответственность за действия ИИ всегда лежит на человеке, а ссылка на его независимые решения не может освобождать от ответственности даже в случаях, если это действие не совершено по указанию человека. Аналогичная позиция следует из Резолюции Генеральной ассамблеи ООН от 12 декабря 2001 г. № 56/83 «Ответственность государств за международно-противоправные деяния» (подп. «а» ч. 2 ст. 23) [18].

2. Модель ответственности № 2 позволяет квалифицировать ошибку ИИ как форс-мажор. Согласно этой концепции, система ИИ реализует действия, являющиеся естественным и вероятным последствием программирования. Данная концепция

предполагает, что именно разработчик ИИ должен обеспечить недопущение вредоносных действий [17]. Однако, если машинное обучение проходит не изолированно, а посредством самообучения в интернете или взаимодействия с неопределенным кругом лиц, то гарантировать недопущение вредоносных действий становится затруднительным.

Так, известен случай, который произошел с чат-ботом Тэй, запущенным компанией *Microsoft* и обучавшимся посредством общения с аудиторией американских мессенджеров и социальных сетей. В результате общения с аудиторией, несмотря на предусмотренную разработчиками защиту, чат-бот начал активно оскорблять некоторые социальные группы людей [11]. Иными словами, злоумышленники могут целенаправленно генерировать вредоносную информацию для провоцирования ИИ на ошибки. Даже контроль над обучением ИИ со стороны человека не гарантирует отсутствие ошибок, поскольку такой контроль, как правило, осуществляется на основе контрольной выборки, имеющей объективные границы.

В связи с изложенным необходимо ответить на вопрос о том, является ли ошибка, допущенная ИИ на основе полученной в ходе обучения вредоносной информации, чрезвычайной и непредотвратимой. Ответ на него зависит от того, какой подход к пониманию форс-мажоров будет применен – субъективный или объективный.

Согласно объективной теории форс-мажоров событие, которое повлекло причинение вреда, является исключительным, его невозможно предотвратить. Данное событие характеризуется тем, что оно возникает извне, не связано с деятельностью ответственного лица [3]. Субъективная теория предполагает, что форс-мажор – это событие, которое невозможно предотвратить никакими мерами. В отличие от объективной теории, для квалификации события используется как признак исключительности, так и непредотвратимости.

Например, О.С. Иоффе определял непреодолимую силу (форс-мажор) как внешнее или внутреннее по отношению к

вредоносной деятельности событие, которое, будучи чрезвычайным по своему характеру, непредотвратимо с применением хозяйственно доступных для такого лица средств [5, с. 153]. Рассуждая о непредотвратимости события доступными для лица средствами, нельзя не обратить внимание на то, что при обучении ИИ посредством общения с большой аудиторией разработчик не может контролировать в целом поток данных на предмет их вредоносности ввиду огромного объема последних.

Таким образом, обращение к субъективной теории дает возможность квалифицировать ошибку ИИ как форс-мажор, если разработчик сделал все, что от него зависело для обеспечения нормального функционирования ИИ, но ввиду внешних обстоятельств, принятые разработчиком меры не смогли предотвратить возникновение вредных последствий. При таких обстоятельствах ошибку ИИ можно квалифицировать как чрезвычайное обстоятельство, поскольку ИИ по своей сути должен действовать в рамках, предписанных для него правил, а отклонение от них не может быть обычным и не выходящим за пределы его нормального функционирования ввиду заранее определенных разработчиком рамок деятельности. Ошибка будет соответствовать признаку непредотвратимости, поскольку полный контроль за обрабатываемыми ИИ данными объективно невозможен для ограниченного штата сотрудников разработчика.

3. Может ли ошибка ИИ рассматриваться в качестве форс-мажора при использовании модели прямой ответственности системы ИИ за свои действия (модель ответственности № 3)?

Для обоснования возможности или невозможности квалификации ошибки ИИ в качестве форс-мажора в рамках исследуемой модели сделаем несколько обоснованных дополнений. В частности, ИИ может быть наделен законодателем правосубъектностью, и в данном случае он станет нести ответственность за свою ошибку, которая, по нашему мнению, не будет признана форс-мажором. Однако это видится возможным лишь в отношении «сильного» ИИ [16], способного решать любые задачи

подобно человеческому мозгу.

Было бы сомнительным относить, например, автопилот машины к ИИ, который должен быть наделен правосубъектностью, так как он решает лишь строго ограниченный круг задач по пилотированию автомобиля. На данном этапе ИИ не может быть наделен правосубъектностью и нести ответственность за свои действия. При этом система ИИ не имеет таких характеристик, как сознание, представление о морали, осознание окружающей действительности, позволяющих людям понимать, совершают ли они противоправные действия или не совершают их.

В этой связи существует проблема, которая заключается в отсутствии понимания возможности применения существующих правовых категорий к автономным ИИ [13]. Приведем известный пример о продвинутом ИИ. Речь идет о *ChatGPT*, разработанном американской компанией *OpenAI*. Последняя на момент написания настоящей статьи версия указанного чат-бота смогла обмануть человека для выполнения поставленной ему задачи [12].

Данный пример показывает, что чем более совершенным является ИИ, тем более непредсказуемым и свободным в своих действиях он становится. Так, Питер Асаро считает, что ИИ может быть наделен некоторой правосубъектностью. Он полагает, что самообучение может обуславливать совершение ИИ заранее не запрограммированных действий [15]. Например, в п. «z» Резолюции Европарламента «Нормы гражданского права о робототехнике» от 16 февраля 2017 г. указано, что роботы способны «осуществлять когнитивные процессы (учиться на собственном опыте и принимать квазинезависимые решения), роботы все больше и больше становятся похожи на агентов, которые могут взаимодействовать со своей средой и вносить в нее изменения» [13].

Если мы допускаем возможность наделения ИИ правосубъектностью или квазиправосубъектностью, то при каких условиях можно утверждать, что его ошибка является форс-мажором? Б.С. Антимонов полагал, что поведение другого лица при некоторых условиях может рассматривать-

ся как действие непреодолимой силы, то есть «поведение другого лица должно быть объективно-случайным для ответственного лица» [4, с. 190–191].

Данное условие, видимо, применимо к человеку, поскольку он обладает собственной волей, а в форс-мажоре не должно быть волевого момента. Однако применимо ли понятие «воля» к ИИ в том смысле, в котором оно применяется к человеку? Ответ на этот вопрос не найден, а значит, он остается открытым.

С учетом ранее изложенных доводов при описании возможности квалификации ошибки ИИ в качестве форс-мажора можно резюмировать.

1. В рамках модели принципиально невинного агента невозможно квалифицировать ошибку ИИ в качестве форс-мажора, так как данная концепция предполагает, что разработчик, собственник (владелец) и пользователь несут ответственность за действия ИИ в любом случае.

2. Модель естественных вероятностных последствий допускает применение форс-мажора, поскольку в рамках такой модели ошибка ИИ будет соответствовать критериям для ее квалификации в качестве такового.

3. В результате исследования возможности квалификации ошибки ИИ в качестве форс-мажора сделан вывод об отсутствии достаточного для этих целей категориального аппарата. При таких обстоятельствах невозможно сформулировать хотя бы сколько-нибудь верную гипотезу в контексте исследования модели прямой ответственности ИИ.

Из вышеизложенного следует, что порядок применения форс-мажора должен различаться как в зависимости от модели ответственности ИИ, так и в зависимости от типа ИИ: чем автономнее ИИ, тем сложнее определить правовой статус его действий в рамках существующего в настоящее время законодательства.

Однако в ряде случаев ошибка ИИ может быть рассмотрена как обстоятельство непреодолимой силы (форс-мажор), поскольку при известных условиях ошибка ИИ может быть квалифицирована как чрезвычайная, неизбежная и непредотврат-

тимая. При отсутствии единого подхода к возникновению ответственности в отношении ИИ вопрос о квалификации его ошибки в качестве форс-мажора фактически можно считать вопросом политики права, он зависит от принимаемого тем или иным правопорядком режима ответственности.

В итоге целесообразно заключить, что для выявления и определения наиболее эффективных путей регулирования исследуемого вопроса необходимо и в дальнейшем продолжить тщательное изучение отраженных в настоящей статье проблем и способов их решения, в том числе исследование концептуально иных подходов к квалификации ошибки ИИ в качестве форс-мажора.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): Федер. закон от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (в ред. от 05.12.2022 г.) // Российская газета. 1994. 8 декабря.
2. О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24 марта 2016 г. № 7 // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_195783/137415694d421422854b97e7ae908c8d9f31546b/?ysclid=1ifzkpm832817626816 (дата обращения: 17.05.2023).
3. Советское гражданское право / под ред. С.И. Вильнянского. М.: Юриздат, 1940. 246 с.
4. Антимонов Б.С. Гражданская ответственность за вред, причиненный источником повышенной опасности. М.: Госюриздат, 1952. 296 с.
5. Иоффе О.С. Обязательственное право. М.: Юрид. лит., 1975. 880 с.
6. Карпенко О.А. Ответственность искусственного интеллекта в современной правовой системе // Государственное регулирование общественных отношений в регионе: социально-экономические, правовые и историко-культурные аспекты: сборник науч. ст. / отв. ред. Е.А. Ильина, Г.Л. Белов. Чебоксары: Чуваш. гос. пед. ун-т, 2022. С. 213–214.
7. Морхат П.М. К вопросу об определении понятия искусственного интеллекта // Право и государство: теория и практика. 2017. № 12 (156). С. 25–32.
8. Терехина Е.А., Селюкова Г.П. Об искусственном интеллекте // Актуальные вопросы науки и хозяйства: новые вызовы и решения: сборник материалов V студенч. науч.-практ. конф., Тюмень, 17–19 марта 2021 г. Ч. 2. Тюмень: Государственный аграрный университет Северного Зауралья, 2021. С. 581–584.
9. Фершт В.М., Латкин А.П., Иванова В.Н. Современные подходы к использованию искусственного интеллекта в медицине // Территория новых возможностей. 2020. Т. 12. № 1 (48). С. 121–130.
10. Щербакова О.В. Использование программ искусственного интеллекта при найме работников // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. 2021. № 3. С. 72–76.
11. Почему девушка-чатбот от Microsoft поддалась влиянию троллей с 4chan // Хабр. 2016. 25 марта. URL: <https://habr.com/ru/articles/392129> (дата обращения: 20.05.2023).
12. ChatGPT обманул человека, чтобы решить поставленную задачу // Ixbt. 2023. 17 марта. URL: <https://www.ixbt.com/news/2023/03/17/chatgpt-obmanul-cheloveka-chtoby-reshit-postavlennuju-zadachu.html> (дата обращения: 20.05.2023).
13. European Parliament resolution of 16 February 2017 with recommendations to the Commission on Civil Law Rules on Robotics (2015/2103(INL)) // EUR-Lex. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:52017IP0051&from=EN> (дата обращения: 06.05.2023).
14. Technological convergence, artificial intelligence and human rights: Recommendation № 2102 (2017) of Parliamentary Assembly of the Council of Europe on 28 April 2017 // Parliamentary Assembly. URL: <http://assembly.coe.int/nw/xml/XRef/Xref-XML2HTML-en.asp?fileid=23726&lang=en> (дата обращения: 17.05.2023).

15. *Asaro P.M.* Robots and Responsibility from a Legal Perspective // Proceedings of the IEEE. 2007. Vol. 4. № 14. P. 20–24. URL: <https://peterasaro.org/writing/ASARO%20Legal%20Perspective.pdf> (дата обращения: 06.05.2023).
16. *Castro D., New J.* The Promise of Artificial Intelligence// Center for data innovation. 2016. 44 p. URL: <https://www2.datainnovation.org/2016-promise-of-ai.pdf> (дата обращения: 06.05.2023).
17. *Prakken H.* On how AI & law can help autonomous systems obey the law: a position paper // AI4J- Artificial Intelligence for Justice. 2016. P.42–46.
18. Articles on Responsibility of States for Internationally Wrongful Acts // Audiovisual Library of International Law. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/responsibility.pdf (дата обращения: 20.05.2023).
19. Complaint to the superior court of the state of California for the county of Los Angeles // Arstechnica. 2023. URL: <https://cdn.arstechnica.net/wp-content/uploads/2023/04/tesla-justine-hsu-complaint.pdf> (дата обращения: 17.05.2023).
20. *Roy A., Levine D., Jin H.* Tesla wins bellwether trial over Autopilot car crash // Reuters.2023. April 22. URL: <https://www.reuters.com/legal/us-jury-set-decide-test-case-tesla-autopilot-crash-2023-04-21> (дата обращения: 17.05.2023).
21. *Siddiqui F., Lerman R., Merrill J.B.* Teslas running Autopilot involved in 273 crashes reported since last year // The Washington Post. 2022. June 15. URL: <https://www.washingtonpost.com/technology/2022/06/15/tesla-autopilot-crashes/> (дата обращения: 07.05.2023).

Д.А. Шестаков
ПРОЦЕДУРА ЗАКЛЮЧЕНИЯ СУБЪЕКТАМИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ СОГЛАШЕНИЯ
ОБ ИЗМЕНЕНИИ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ ГРАНИЦ

Дмитрий Александрович Шестаков – аспирант кафедры конституционного и международного права, Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики, член Адвокатской палаты Санкт-Петербурга, адвокат адвокатского бюро «ПраймЭдвайс Санкт-Петербург», г. Санкт-Петербург; **e-mail:** shestakov.dmr@gmail.com.

В статье рассмотрена процедура заключения субъектами Российской Федерации соглашения об изменении территориальных границ. Рассматриваемая процедура проанализирована и охарактеризована в контексте теоретических и практических аспектов необходимости ее законодательного закрепления. По результатам исследования определены этапы, правила, принципы и особенности процедуры заключения соглашения об изменении территориальных границ субъектов.

Ключевые слова: федерализм; изменение границ субъектов РФ; соглашение субъектов РФ об изменении границ; процедура и порядок заключения соглашения об изменении границ РФ.

D.A. Shestakov
PROCEDURE FOR CONCLUDING AN AGREEMENT
ON MODIFICATION OF BOUNDARIES BETWEEN
CONSTITUENT ENTITIES OF THE RUSSIAN FEDERATION

Dmitriy Shestakov – post-graduate student, the Department of Constitutional and International Law, Saint-Petersburg University of Management Technologies and Economics, member of Saint-Petersburg Lawyer Chamber, Lawyer of the Law firm Prime Advice Saint-Petersburg, Saint-Petersburg; **e-mail:** shestakov.dmr@gmail.com.

The article describes the procedure of concluding and Agreement for modification of boundaries between constituent entities of the Russian Federation. The procedure under review has been analyzed and describes in the context of theoretical and practical aspects of the need for its legislative recognition. Based on the results of the study the article presents stages, rules, principles and specific features of the procedure of concluding an Agreement on changing the boundaries of constituent entities of the Russian Federation.

Keywords: federalism; change of boundaries of constituent entities of the Russian Federation; Agreement between constituent entity of the Russian federation on changing the boundaries; procedure and order of concluding agreement on changes of boundaries of the Russian Federation.

В соответствии со ст. 73 Конституции Российской Федерации [1] в предмет ведения субъектов РФ входит объем полномочий, не входящий в предмет ведения РФ. Указанные полномочия составляют объем

власти субъекта РФ и распространяются непосредственно на его территорию. Следовательно, территория субъекта РФ – это не просто элемент конституционно-правового статуса, но и конституционно-пра-

вовая ценность, категория, определяющая пространственные пределы реализации органами субъекта РФ своих полномочий. В связи с этим изменение территорий должно регулироваться особым образом, с учетом баланса интересов субъектов России и РФ в целом. В противном случае любые изменения могут быть рассмотрены как посягательства, что в итоге может служить *casus belli*.

Конституцией и законодательством РФ не предусмотрено норм, регламентирующих процедуру изменения границ между субъектами РФ. В Конституции РФ имеются лишь нормы «ориентир», которыми можно руководствоваться при проведении соответствующих территориальных изменений. В частности, в ч. 3 ст. 67 Конституции РФ указано, что изменение границ между субъектами РФ возможно, но только с согласия самих субъектов РФ. При этом, соответствующее изменение границ субъектов РФ подлежит утверждению Советом Федерации (ч. 1 ст. 102 Конституции РФ).

В связи с пробелом законодательного регулирования, порядок проведения подобных территориальных изменений был выработан на практике. При возникновении необходимости у субъекта РФ изменить собственные территориальные границы, рассматриваемый субъект РФ совместно с соседними «пограничными» субъектами прорабатывает соответствующие изменения, заключает соглашение и утверждает его в Совете Федерации.

Таким образом, возможность изменения территориальных границ субъектов РФ связана с согласованием, заключением и утверждением соответствующего соглашения. Участие в данной процедуре принимают как субъекты РФ, изменяющие собственные границы, так и РФ в целом.

В центре данной процедуры находится соглашение об изменении границ субъектов РФ. Безусловно, можно утверждать, что по своей правовой природе соглашение между субъектами РФ относительно изменения проходящих между ними границ является публично-правовым договором. Для целей настоящего исследования рассмотрим этот вопрос подробнее.

Как пишет Н.В. Минина [12], традиционно в юридической доктрине выделяют следующие признаки публично-правового договора:

1. Особый правовой состав заключающих договор субъектов.
2. В предмет договора входят вопросы властвования, управления, саморегулирования.
3. Подобные договоры заключают в публичных и/или общественных интересах.
4. Нормативный характер такого рода соглашений.
5. Ограниченное применение принципа свободы договора в отношении публичных договоров.
6. Некоторые авторы указывают на особый порядок заключения публично-правовых договоров как на их признак [11, с. 42–43].

Всем вышеуказанным признакам соглашения субъектов РФ об изменении территориальных границ соответствует следующее:

1. Рассматриваемое соглашение об изменении границ заключается только между субъектами РФ.
2. Рассматриваемое соглашение регулирует вопрос об изменении территориальных границ субъектов РФ.
3. Очевидным становится и из вышеизложенного следует, что договор заключается в интересах субъектов РФ с целью увеличить территорию, организовать управление иным способом, реализовать какие-либо проекты (в том числе инвестиционные), получить исторически принадлежавшие территории и т.д.
4. Соглашение субъектов об изменении границ являются общеобязательными для всех, а содержащиеся в нем положения действуют в отношении неопределенного круга лиц.
5. Свобода договора к соглашению об изменении границ неприменима, субъектам РФ предоставлен конкретный территориальный вопрос, который они могут урегулировать.
6. Особый порядок заключения соглашения об изменении территориальных границ субъектов РФ выражается в том числе в необходимости утверждения такого

соглашения законодательными органами субъектов РФ, в подписании его со стороны глав субъектов РФ, а также последующем утверждении такого соглашения на федеральном уровне.

Таким образом, соглашение субъектов РФ об изменении границ является нормативно-правовым договором.

Порядок заключения субъектами РФ соглашения об изменении собственных границ можно разделить на несколько этапов, каждый из которых будет подробнее рассмотрен далее. Первый этап процедуры согласования изменения территориальных границ – формирование воли субъектом РФ относительно изменения своих территориальных границ.

Каким образом формируется воля субъекта РФ на изменение своих территориальных границ? При ответе на данный вопрос необходимо определить, кто выступает источником власти в субъекте РФ. Согласно ч. 1 ст. 3 Конституции РФ носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации является ее многонациональный народ. Многие ученые сходятся в том, что указанное положение необходимо толковать расширено. В частности, можно говорить о том, что источником власти в субъекте РФ является населяющий его народ. Например, В.Е. Чиркин писал следующее: «Федеральная государственная власть, государственные органы федерации – представитель общества всей страны, а власть субъекта федерации – власть части народа этого общества» [17, с. 7]. Аналогичную позицию также занимают В.А. Черепанов [15], А.Т. Докторова [10].

Соглашаясь с подобным подходом, отметим, что формирование воли субъекта РФ об изменении собственных территориальных границ должно происходить именно на основании волеизъявления народа как населения соответствующего субъекта РФ.

При этом, каким образом должно происходить волеизъявление населения субъекта РФ для целей изменения территориальных границ в конституции РФ или федеральном законодательстве не указано. В контексте этого важно указать, что преду-

смотренные Федеральным законом от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [3] способы учета мнения населения не применяются при изменении границ субъектов РФ (ч. 3 ст. 10 соответствующего закона).

В данном вопросе субъекты РФ свободны и самостоятельно могут определять процедуру волеизъявления, направленную на согласование изменения собственных границ. Фактически все сводится к форме непосредственной демократии, которая используется при принятии соответствующего решения. Как отмечает А.Н. Чертков: «На практике субъекты Федерации в выражении своей воли опираются на решение, принятое либо непосредственно населением (референдумом), либо законодательным (представительным) органом государственной власти, либо сочетающее в себе оба варианта» [16].

В целях обоснования этого утверждения рассмотрим данный этап на примерах. Пример первый – отнесение вопроса об изменении границ субъекта РФ на референдум. В частности, ст. 111 Конституции Республики Ингушетия [4] предусматривает, что изменение административно-территориальных границ должно осуществляться с учетом мнения населения соответствующей территории. В свою очередь, ч. 2 ст. 3 Конституционного закона Республики Ингушетия от 31 марта 1997 г. № 3-РКЗ «О референдуме Республики Ингушетия» [8] устанавливает, что вопросы о разделении или объединении республики с другими субъектами, изменении ее территории или границ должны быть вынесены на референдум. Иными словами, изменение границ Республики Ингушетия осуществляется на основании волеизъявления населения субъекта, которое может быть выражено через референдум в отношении данного вопроса.

Пример второй – вариативное регулирование, предусматривающее что способ волеизъявления и учета мнения населения, зависит от того, какую территорию передают. Так, вч. 5 п. 4 Устава Архангельской области [5] установлено, что порядок изменения границ Архангельской области

осуществляется в соответствии с областным законом. В Законе Архангельской области от 23 сентября 2009 г. № 65-5-ОЗ «Об административно-территориальном устройстве Архангельской области» [7] (далее – Закон Архангельской области) приведен перечень мероприятий, осуществляемых в рамках процедуры изменения границы области. К их числу относится учет мнения населения субъекта РФ (подп. 2 ст. 6 Закона Архангельской области). Последующие положения закона устанавливают вариативные способы учета мнения населения при реализации волеизъявления относительно изменения границ Архангельской области (ст. 8, 9 Закона Архангельской области). Предусмотренные рассматриваемым Законом Архангельской области формы учета мнения населения зависят от того, передается ли территория Архангельской области или происходит отнесение новой территории. Формы учета зависят и от того, территория каких муниципальных образований претерпевает изменения.

Так, передача территорий муниципальных районов, муниципальных округов или городских округов Архангельской области другому субъекту РФ осуществляется с согласия населения соответствующего муниципального образования, выраженного путем голосования (ч. 1 ст. 8 Закона Архангельской области). Напротив, отнесение соответствующих муниципальных образований другого субъекта РФ к территории Архангельской области осуществляется на основании постановления Архангельского областного Собрания депутатов (ч. 1 ст. 9 Закона Архангельской области).

При отсутствии законодательного регулирования вопроса о том, каким образом должно происходить выражение воли населения субъекта РФ на изменение территориальных границ, наличие подобного регулирования на уровне субъектов РФ уже оцениваем положительно.

В частности, речь идет и о негативном варианте, предусматривающем отсутствие регулирования вопроса о волеизъявлении относительно изменения границ субъекта РФ. Так, например, в ч. 2 ст. 2 Устава

города Москвы [6] указано, что «изменение границ города Москвы осуществляется в соответствии с Конституцией Российской Федерации». Иного регулирования законодательством Москвы не предусмотрено.

По нашему мнению, из всех перечисленных вариантов наиболее правильным является вынесение вопроса об изменении границ субъекта РФ на референдум. Как указывалось ранее, территориальные вопросы являются особо конфликтными, поэтому необходимо предоставить возможность всему населению субъекта РФ выразить свою точку зрения по вопросу изменения границ.

Второй этап заключения соглашения об изменении границ субъекта РФ – это утверждение соответствующего соглашения на уровне субъектов РФ. Утверждение соглашений об изменении границ субъектов РФ осуществляется в «классическом» порядке утверждения публичных договоров.

Соглашение подписывает глава субъекта, а впоследствии утверждает законодательный орган субъекта (п. 6 ч. 3 ст. 8 Федерального закона от 21.12.2021 № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» [2]).

Некоторые авторы указывают на то, что подобные вопросы изменения границ субъектов РФ, в том числе связанные с заключением соответствующего соглашения, подлежат регулированию только на уровне субъектов РФ. В частности, как отмечает Е.С. Шугрина: «Территория является неотъемлемым признаком государства (или государственного образования), пространственным пределом юрисдикции его органов государственной власти, одним из элементов конституционно-правового статуса субъекта РФ. Поэтому представляется важным регулирование вопросов изменения границ между субъектами РФ именно на уровне конституций (уставов), т.е. основных учредительных документов субъектов РФ» [18].

Существует также и другая точка зрения. Например, по мнению Ц. Тотрова: «Законы субъектов, являющиеся равно-

значными с точки зрения юридической силы, могут совершенно по-разному определить процедуру изменения одной и той же смежной границы (либо путем проведения референдума, либо посредством принятия соответствующего решения высшим представительным органом субъекта РФ), что, в свою очередь, повлечет невозможность выбора какого-то одного нормативного акта в качестве приоритетного» [14].

Согласимся со второй точкой зрения. По нашему мнению, процедура заключения соглашения об изменении границ субъектов РФ должна быть урегулирована на уровне федерального законодательства. В пользу этого говорят следующие доводы.

Во-первых, как мы указывали раньше, для исключения возможных конфликтов, наилучшим вариантом учета мнения населения является референдум. Именно законодательное закрепление данного положения позволит обеспечить гарантии учета мнения населения при изменении границ всех субъектов РФ. Именно принцип обязательности учета всего населения субъекта РФ при изменении его границ должен выступить фундаментом заключения любых территориальных соглашений.

Во-вторых, регулирование данных вопросов на федеральном уровне является наиболее правильным, так как федеративное устройство и территория находится в непосредственном ведении РФ.

Потенциально территориальные изменения влияют на количество населения субъектов РФ, затрагивают объем взимаемых региональных налогов, оказывают воздействие на области безопасности, социального обеспечения, государственного управления и имущественного оборота. Последствия таких изменений могут повлиять на политику управления, прогнозы, федеральные и региональные программы. Все перечисленное относится непосредственно к ведению Федерации, поскольку затрагивает федеративное устройство и территорию РФ (п. «б» ст. 71 Конституции РФ), основы федеральной политики (п. «е» ст. 71 Конституции РФ), сферу обороны и безопасность (п. «м» ст. 71 Конституции РФ) и т.д. Таким образом, по общему

правилу вопросы о территориальных изменениях субъектов РФ следует решать на уровне Федерации.

В свою очередь, как указывалось ранее, в ч. 3 ст. 67 Конституции РФ установлено, что изменение территориальных границ субъекта РФ без его согласия невозможно. В научной доктрине данное положение характеризуют как принцип территориальной целостности субъекта РФ.

Важно понимать, что данный принцип выступает гарантией невозможности изменения территориальных границ субъектов РФ без их согласия. Указанный принцип не дает право субъектам РФ менять свои территориальные границы без согласия Федерации. Само по себе соглашение об изменении границ субъектов РФ не породит тех правовых последствий, на которые оно было направлено – изменение территориальных границ.

Утверждение соглашений субъектов РФ об изменении границ отнесено к исключительной компетенции Совета Федерации (п. «а» ч. 1 ст. 102 Конституции РФ), что также объективно обусловлено. Совет Федерации является законодательным и представительным органом государственной власти, формируемым из представителей субъектов РФ. Именно поэтому данный орган нередко характеризуют как представительный орган субъектов РФ. Так, В.М. Сайфутдинова пишет: «В соответствии с конституционными принципами дуалистический характер Совета Федерации проявляется в реализации им как функций общенационального государственного органа, так и функций территориального представительства интересов субъектов Федерации» [11, с. 147]. Следовательно, абсолютно логично согласовывать территориальные границы субъектов РФ их представительным органом. Непосредственно процедура согласования предусмотрена главой 18 Регламента Совета Федерации [9].

Таким образом, считаем, что законодательный пробел по вопросу регулирования процедуры заключения соглашений об изменении границ между субъектами РФ должен быть ликвидирован. Регулирование по данному вопросу должно быть

закреплено на уровне федерального законодательства. Основопологающим началом рассматриваемых территориальных изменений должны выступать гарантии максимально полного учета мнения населения при утверждении территориальных изменений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г., с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г. // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 04.06.2023).

2. Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации: федер. закон от 21 декабря 2021 г. № 414-ФЗ (в ред. от 04 августа 2023 г., с от 15 августа 2023 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 13.09.2023).

3. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: федер. закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ (в ред. от 29 мая 2023 г., с изм. от 30 мая 2023 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 04.06.2023).

4. Конституция Республики Ингушетия: принята всенародным голосованием 27 февраля 1994 г., с изм. на 28 декабря 2022 г. // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 04.06.2023).

5. Устав Архангельской области: принят Архангельским областным Собранием депутатов 23 мая 1995 г., с изм. на 30 мая 2022 г. // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 04.06.2023).

6. Устав города Москвы: принят Московской городской Думой 28 июня 1995 г., с изм. на 28 декабря 2022 г. // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата

обращения: 04.06.2023).

7. Об административно-территориальном устройстве Архангельской области: закон Архангельской области от 23 сентября 2009 г. № 65-5-ОЗ (принят Архангельским областным Собранием депутатов, с изм. на 20 декабря 2022 г.) // Гарант.ру: информационно-правовой портал. URL: <https://base.garant.ru/25122199/?ysclid=lij8beg2hf792115364> (дата обращения: 04.06.2023).

8. О референдуме Республики Ингушетия: конституционный закон Республики Ингушетия 31 марта 1997 г. № 3-ПКЗ (принят Народным Собранием – Парламентом Республики Ингушетия, с изм. на 5 декабря 2011 г.) // Гарант.ру: информационно-правовой портал. URL: <https://base.garant.ru/34300324/?ysclid=lij8ebucmr616038596> (дата обращения: 04.06.2023).

9. О Регламенте Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации: постановление Совета Федерации Федерального Собрания РФ от 30 января 2002 г. № 33-СФ (с изм. на 23 декабря 2022 г.) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 7. Ст. 635.

10. *Докторова А.Т.* Народ и население как субъекты властеотношений // Конституционное и муниципальное право. 2018. № 4. С. 3-6.

11. *Лексин И.В.* Договор между органами государственной власти как источник конституционного права: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. 263 с.

12. *Минина Н.В.* Индивидуальный конституционно-правовой договор // Конституционное и муниципальное право. 2016. № 10. С. 7-10.

13. *Сайфутдинова В.М.* Представительство регионов в Совете Федерации: политико-правовой аспект // Вестник Кемеровского государственного университета. 2014. № 2 (58). С. 147-151.

14. *Тотров Ц.* Некоторые аспекты правового регулирования вопроса изменения границ между субъектами Российской Федерации // Ленинградский юридический журнал. 2017. № 4 (50). С. 63-70.

15. *Черепанов В.А.* Источник

государственной власти субъекта Российской Федерации: проблема и поиск решения // Сравнительное конституционное обозрение. 2015. № 6. С. 30-44.

16. *Чертков А.Н.* Правовое регулирование установления и изменения границ субъектов РФ как пространственного предела их территорий // Журнал российского

права. - М.: Норма, 2009, № 9. С. 17-25.

17. *Чиркин, В.Е.* Государственная власть субъекта федерации // Государство и право. 2000. № 10. С. 5-12.

18. *Шугрина Е.С.* Изменение границ субъекта РФ: особенности правового регулирования и правоприменительной практики // Lex russica. 2012. № 5. С. 938-957.

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

EDN DFDGZG
DOI 10.26163/GIEF.2023.15.60.005
УДК 342.552.3:94(47)02/03:572.028

Л.А. Голубева, А.Э. Черноков

ГОРОД И ВЛАСТЬ В ДРЕВНЕЙ РУСИ: НЕСОСТОЯВШИЙСЯ СОЮЗ (ИСТОРИКО-ПРАВОВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ)

Лада Анатольевна Голубева – доцент кафедры государственно-правовых дисциплин, Государственный институт экономики, финансов, права и технологий, кандидат юридических наук, доцент, г. Гатчина; e-mail: golubeva.giefpt@yandex.ru.

Алексей Эдуардович Черноков – доцент кафедры государственно-правовых дисциплин, Государственный институт экономики, финансов, права и технологий, кандидат юридических наук, доцент, г. Гатчина; e-mail: chernokovgeorgy@yandex.ru.

Исследование становления государственности с позиций социальной антропологии, по мнению авторов статьи, дает возможность обосновать тенденции эволюции общественных отношений. Проведен анализ специфики эволюции древнерусской государственности, которая вызывает объективный интерес в настоящее время как повод для формирования определенных идеологических течений, дает возможность проследить зависимость политических отношений от уровня социально-экономической самостоятельности и грамотности населения. Согласно выводам, результат смешения западных и восточных элементов государственности имеет определенные последствия и в современности, несмотря на временную удаленность анализируемых событий.

Ключевые слова: политогенез; государство; государственность; племя; вождество; город-государство; полис; княжество; князь; вече; родоплеменной строй; община; социальная антропология.

L.A. Golubeva, A.E. Chernokov

CITY AND POWER IN ANCIENT RUS: THE FAILED UNION (HISTORICAL AND LEGAL RESEARCH)

Lada Golubeva – Associate Professor, the Department of State Law Disciplines, State Institute of Economics, Finance, Law and Technologies, Ph.D. in Law, Associate Professor, Gatchina; e-mail: golubeva.giefpt@yandex.ru.

Alexey Chernokov – Associate Professor, the Department of State Law Disciplines, State Institute of Economics, Finance, Law and Technologies, Ph.D. in Law, Associate Professor, Gatchina; e-mail: chernokovgeorgy@yandex.ru.

According to the authors the study of the statehood formation from the social anthropology viewpoint makes it possible to substantiate trends in the evolution of social relations. The analysis of specifics of the evolution of ancient Russian statehood, which is of the objective interest nowadays as a cause for the formation of certain ideological trends, makes it possible to trace the dependence of political relations on the level of socio-economic independence and literacy of the population. The authors conclude that the mixing of Western and Eastern elements of statehood results in certain consequences also in modern times, despite the time remoteness of the analyzed events.

Keywords: politogenesis; state; statehood; tribe; chiefdom; city-state; polis; principality; prince; veche; tribal system; community; social anthropology.

Исследование становления государственности представляет интерес не только с точки зрения истории, но имеет значение и для выявления черт ментальности общества, порождающих проблемы государственно-правового характера в современности. В Древней Руси, судя по археологическим данным и летописным свидетельствам, в IX веке началось формирование городских центров. Этот процесс был связан с общей тенденцией возникновения государственности у восточных славян. Отчасти свой отпечаток на эти события наложил географический фактор, а отчасти – социально-экономический. Формирующиеся города располагались на торговых путях, что объективно делало их центрами притяжения сельской округи. Именно на данный аспект обращают внимание известные историки И.Я. Фроянов и А.Ю. Дворниченко, описывая ранний этап политогенеза на Руси [15, с. 29].

Следует учитывать и то обстоятельство, что многие средневековые города Запада возникали на твердом фундаменте античной городской цивилизации, сохраняли ее наследие и активно осваивали его. Древнерусские же города формировались в других исторических условиях, поскольку в Восточной Европе до Руси государственность в принципе отсутствовала, и политогенез шел по пути эволюции от родовой общины через вождество к раннему государству, каковым и могут быть признаны «волостные центры» (Киев, Новгород, Смоленск). Большую роль играло место расположения города (обычно на торговом пути с Севера на Юг или «из варяг в греки»). Учитывая, что плотность населения в Восточной Европе в IX–X вв. была во много раз ниже, чем в Западной Европе, можно сделать вывод об особом положении городского центра на Руси.

Определяющее значение торговли в процессе формирования городов фиксировал крупнейший отечественный историк начала XX в. В.О. Ключевский: «Если среди племени возникало два больших города, то оно разрывалось на две области (кривичи, северяне). Если среди племени не оказывалось и одного такого города, оно не образовывало и особой области, а

входило в состав области чужеплеменного города. Замечаем при этом, что появление значительного торгового города среди племени зависело от географического положения последнего: такие города, становившиеся центрами областей, возникали среди населения, жившего по главным речным торговым линиям Днепра, Волхова и Западной Двины. Напротив, племена, удаленные от этих линий, не имели своих значительных торговых городов и потому не составили особых областей, но вошли в состав областей чужеплеменных торговых городов. Так, не видно больших торговых городов у древлян, дреговичей, радимичей и вятичей; не было и особых областей этих племен. Значит, силой, которая стягивала все эти области, были именно торговые города, какие возникали по главным речным путям русской торговли и каких не было среди племен, от них удаленных» [8, с. 88–89].

Появление крупного торгового города в рамках «волости» или «земли» вело к быстрому образованию органов власти во главе с князем (местным или варяжским). Такой город-государство постепенно расширял подвластную ему сельскую местность и конкурировал с другими городами-государствами. Население городов в большей мере было пришлым, сельским по происхождению. Увеличение количества городов и рост населения в них были связаны в первую очередь с более обеспеченной жизнью горожанина, востребованностью ремесла и торговли, развитием денежного хозяйства в целом. На вопрос о том, насколько появление древнерусских городов зависело от политогенеза как такового, однозначно ответить трудно. Господствовавшая в советской историографии концепция феодализма как стимула развития городской жизни представляется устаревшей и фактологически неверной.

Прежде всего искусственной является теория феодализации общества, исходящая из соответствующих высказываний К. Маркса о роли классовой борьбы в истории человечества. Следует помнить о том факте, что марксизм, как одна из «великих идеологий» XIX столетия, создавался на основе изучения развития западной цивили-

лизации, которая последовательно проходила все стадии социально-экономического развития. Наступление феодализма, приходившего на смену Античности, К. Маркс обосновывал изменением отношений собственности. Изменения эти были вызваны сугубо жизненными обстоятельствами: «Последние века приходящей в упадок Римской империи и само завоевание ее варварами разрушили массу производительных сил; земледелие пришло в упадок, промышленность, из-за отсутствия сбыта, захирела, торговля замерла или была насильственно прервана, сельское и городское население уменьшилось. Все эти условия, с которыми столкнулись завоеватели, и обусловленный ими способ осуществления завоевания развили, под влиянием военного строя германцев, феодальную собственность. Подобно племенной и общинной собственности, она покоится опять-таки на известном сообществе (*Gemeinwesen*), которому, однако, противостоят, в качестве непосредственно производящего класса, не рабы, как в античном мире, а мелкие крепостные крестьяне. Вместе с полным развитием феодализма появляется и антагонизм по отношению к городам» [9, с. 11].

В Древней Руси ситуация развивалась иначе. Страну никто не завоевывал. Речь может идти лишь о том, что варяжские дружины, оседавшие в крупных торговых городах, стимулировали процесс государствообразования и на некоторое время дали Руси династию, ставшую славянской уже к XII в. Уровень развития Скандинавии в IX–XI вв. был в целом ниже Руси, и поэтому в отечественной политико-правовой традиции соответствующее влияние не прослеживается. Варяги оказались субстратом, который появился в нужное время в нужном месте. Скандинавов было слишком мало, чтобы они надолго могли властвовать на Руси самостоятельно. Обычно через два-три поколения норманны ассимилировались, и их потомки носили уже славянские имена. Вместе с тем норманны принесли на Русь дружинный строй, который органично соединился с вечевым укладом формировавшихся городов. Как полагал В.И. Сергеевич, исследуя природу

княжеской власти в Древней Руси, во взаимоотношениях «между князем и вечем должно быть единение, одиначество. По отношению к этому началу единения или соглашения народа и князя необходимо различать два момента: момент призвания князя и его последующую деятельность. В момент призвания народ и князь заключают между собой ряд, т.е. соглашение об условиях, которые кладутся в основание будущему княжению. В течение самого княжения могло возникнуть множество вопросов, подлежавших решению вече и князя. По этим вопросам были необходимы новые соглашения» [11, с. 104]. Соответственно, можно полагать, что принципиальных и непримиримых антагонизмов между князьями и городской верхушкой, да и народом в целом, не существовало.

Еще один значимый аспект развития древнерусских городов в противовес умопостроениям советских историков сводится к тому обстоятельству, что Русь не знала классов в марксистском понимании этого термина. Можно говорить о социальных противоречиях верхов и низов, о вспышках и бунтах, но не о классовой борьбе. Уровень социально-экономического развития средневековой Руси домонгольской эпохи существенно уступал Западу (за исключением таких ведущих торговых городов, как Вятка, Новгород и Псков). Древняя Русь не знала крепостного права, и большая часть ее населения была юридически свободна. Домашнее (патриархальное) рабство также можно не учитывать по причине малочисленности рабов и существовавшей практике отпуска их на свободу по истечении пяти лет. Соответственно, древнерусский город вряд ли являлся «коллективным эксплуататором» зависимого сельского населения, в противном случае были бы обнаружены летописные свидетельства о попытках селян свергнуть власть городов. В советской же исторической науке упор делался на классовую составляющую, и поэтому, как полагал один из крупнейших историков Б.Д. Греков, «город мог появиться только при наличии частной собственности, т.е. в классовом обществе. Родо-племенной

строй не знает городов в точном значении термина. Появление города означает разрушение родо-племенного строя» [3, с. 99].

Следует помнить об одном значимом условии: если сложноорганизованная структура большую часть своих сил тратит на внутреннюю борьбу, то она как единое целое долго существовать не сможет. Древнерусские города отнюдь не были местом постоянного выяснения отношений внутри городских стен. Большую часть конфликтов «гасили» в процессе согласования интересов. Город как единый организм гораздо чаще выступал «единым фронтом» с княжеской администрацией, а иногда даже становился инициатором различных завоевательных походов. Кроме того, князь выполнял ряд очень важных функций в сфере управления, и без этого института система власти начинала давать сбои. Для городской общины князь – прежде всего военачальник, защитник внешних рубежей страны, еще не имевшей устоявшихся границ. Кроме того, «помимо верховного командования князь – очень удобная фигура для отправления правосудия. Он не член общины, следовательно, лицо не заинтересованное. Решение, которое выносит князь, творя суд, есть простая формализация обычного права. Изредка ему Церковь подскажет, что необходимо издать какой-либо устав, что он и сделает. Непосредственное же законодательство князя проявляется только в мелочной регламентации уроков, вир и продаж» [6, с. 62].

Если обратиться к системе организации власти в древнерусских крупных городах, то на первое место по значимости выходит вече. Истоки этого института нужно искать в собраниях племен (взрослые мужчины, способные носить оружие). Необходимо, разумеется, учитывать и то обстоятельство, что вече не являлось народным представительством в современном значении, оно – проявление прямой (непосредственной) демократии. Вече, разумеется, по-разному проявляло себя в разных «волостях» и «землях», что определялось структурными особенностями общества той или иной территории, но в целом значение этого органа власти велико, особен-

но на северо-западе Руси (в Новгороде, Пскове) [16, с. 358]. Созывали вече по инициативе городской верхушки, выборных должностных лиц (посадников) либо князя по мере необходимости. Компетенция вече не была строго определена, поскольку не существовало хартий конституирующего характера, кроме поздних Псковской и Новгородской судных грамот (эти грамоты появились на излете независимости Новгорода и Пскова). В этом состоит существенное отличие древнерусских городов от европейских. Многие вопросы городской жизни на Руси регулировало обычное право, носившее неписаный характер. В целом попытки отечественных ученых определить полномочия вече в древнерусских городах привели к выделению таких его функций, как призвание и изгнание князя (вопрос регулировался путем заключения ряда договоров), решение вопросов войны и мира, законодательства, роли высшей судебной инстанции.

Как обоснованно полагает И.Я. Фроянов, «вече – это народное собрание, являвшееся составной частью социально-политического механизма древнерусского общества. Подобно тому, как в далекие времена народные собрания не обходились без племенной знати, так и в Киевской Руси неизменно их участниками были высшие лица: князья, церковные иерархи, бояре, богатые купцы. Нередко они руководили вечевыми собраниями. Но руководить и господствовать – вовсе не одно и то же. Поэтому наличие лидеров-руководителей (заметим, кстати, что без них не в состоянии функционировать любое общество, даже самое примитивное) на вечевых сходах нельзя расценивать в качестве признака, указывающего на отсутствие свободного волеизъявления “вечников”. Древнерусская знать не обладала необходимыми средствами для подчинения веча. Саботировать его решения она тоже была не в силах» [14, с. 657].

Соответственно, была высока и ценна личная свобода горожанина, особенно состоятельного. Идея свободы, видимо, служила частью мировоззрения городских жителей, которое в целом, разумеется, носило религиозный характер, как и у горожан

средневековой Европы. Были существенные отличия ментальных установок жителей Руси и, например, горожан в Северной Италии или Фландрии. В контексте социально-антропологического измерения права и политических институтов в меньшей степени прослеживается юридическое начало городского самоуправления Киевской Руси. В отношении деятельности такого собрания, как вече, это особенно заметно. Современные отечественные юристы-историки практически единодушно констатируют то обстоятельство, что «говорить о четкой, детальной и устойчивой процедуре проведения веча, конечно же, было бы явным преувеличением. Имели место лишь общие контуры, которые легко могли быть изменены непосредственно в ходе обсуждения. Решения принимались большинством голосов в прямом смысле этого слова – силой крика. В случае раскола дело могло дойти до элементарной драки, что, однако, рассматривалось как вполне легитимный способ разрешения конфликта: в глазах участников веча победа в столкновении определялась не столько силой той или иной стороны, сколько силой правды, имеющей божественную природу» [7, с. 111].

Таким образом, древнерусское вече стало продолжением народного собрания родового строя, несколько изменив функции в связи со становлением государственности. Можно констатировать тот факт, что первые политические организации Древней Руси есть не что иное, как вождества, очень крупные территориально. За несколько столетий (с IX по XII в.) территориальные вождества внутренне консолидировались, и поэтому единая, централизованная власть киевского князя стала номинальной. В связи с этим А.Ю. Дворниченко, разработавший, наряду с И.Я. Фрояновым, концепцию городов-государств Древней Руси и характеризующий волости в качестве отдельных государственных образований, пишет: «К такому обособлению, преследующему цель формирования самостоятельных городов-государств, толкала сама социально-политическая организация древнерусского общества с присущей ей прямой демократией, выразив-

шейся в непосредственном участии народа в деятельности народных вечевых собраний – верховного органа власти города-государства» [4, с. 158].

Функционирование государственного механизма древнерусских городов можно рассмотреть на примере Великого Новгорода. Северо-запад Руси по своему географическому положению находился ближе всего к Балтийскому морю и Северной Европе. Возникнув в конце IX в., Новгород очень быстро превратился в крупный региональный торговый центр, через который купеческие караваны шли по пути «из варяг в греки» и обратно. Кроме того, в Новгород поступали товары из стран Азии и Зауралья. Соответственно, формировалась самобытная городская культура, во многом определявшаяся интенсивным развитием обменных отношений. В течение XI – начала XII в. происходили ускоренное становление и внутренняя консолидация новгородского общества, расширение сферы его влияния на северо-западе Руси и осознание собственных интересов, отличных от устремлений великокняжеской власти в Киеве. Если первоначально в Новгороде безраздельно господствовали наместники, присылаемые киевскими князьями, то к середине XI в. ситуация начинает существенно изменяться. Внешне это выражено в изгнании князей из Новгорода. Как полагают И.Я. Фроянов и А.Ю. Дворниченко, подобное положение можно считать «крупным завоеванием новгородцев в борьбе за освобождение от власти киевских князей. Способность выдворить того или иного князя – явный признак возросшей активности новгородской общины, формирующейся городской волости» [15, с. 161].

Почему именно в Великом Новгороде развитие событий привело к формированию развитого регионального самосознания? Причин этого выявлено много. Прежде всего – географический фактор. Располагаясь на пути «из варяг в греки», Новгород стал центром транзитной торговли и собственного производства. Следовательно, росло богатство городской общины, особенно ее верхушки, и усиливалось стремление боярства и купечества к

политической самостоятельности.

Нельзя не обратить внимание и на то обстоятельство, что после 1132 г. на Руси не было князей, способных объединить под своей властью территорию страны в целом. Отдельные княжения-волости (земли) все дальше расходились друг от друга и постоянно дробились ввиду увеличения количества князей-рюриковичей (в наследственном праве Киевской Руси, да и последующих эпох, не существовало майората, что вело к стремлению крупных землевладельцев обеспечить всех детей, если и не поровну, то хотя бы малой частью имущества).

Кроме того, видимо, определенную роль играло и то обстоятельство, что с учетом втянутости в торгово-промышленную деятельность большинства горожан взрослые свободные жители Новгорода, и не только мужчины, были людьми грамотными, о чем свидетельствует огромное количество постоянно находимых берестяных грамот. Грамотность, хотя и минимальная, возвышает индивидуума как в собственных глазах, так и во мнении окружающих, а соответственно, формируется чувство собственного достоинства. Такие люди в наименьшей степени способны быть бессловесными холопами.

Значим еще один факт, связанный с религиозным положением на Руси. Если киевская городская община приняла христианство в общем и целом добровольно, то в Новгороде ситуация была диаметрально противоположной. Языческие верования на северо-западе Руси сохранялись дольше, чем в южных землях и именно Великий Новгород стал уже в XIV–XV вв. местом появления различных еретических учений предвозрожденческого и даже протестантского характера (стригольники). Видимо, специфика религиозности предполагала сохранение определенных языческих черт в менталитете [5, с. 102].

В итоге формируется самобытный общественный и государственный строй Великого Новгорода, после 1136 г. превращающийся в республиканский. В течение XII столетия интенсивно развиваются республиканские магистратуры. Традиционно республика ассоциируется с выборностью

всех должностных лиц, но с Великим Новгородом ситуация выглядела гораздо сложнее. Как справедливо утверждает В.Л. Янин, «своеобразие новгородской государственности таково, что ставит в тупик любого исследователя, поставившего целью определить в простейших формулах ее характер. Новгородский “вечевой строй” привычно называют республикой. Однако на протяжении всего периода независимости структура новгородского государства неизменно включала княжеский стол. Неверно было бы включать Новгород и в число древнерусских княжеств... Договорные грамоты Новгорода с князьями демонстрируют столь высокую степень ограничения княжеской власти органами боярской государственности, что князь в Новгороде предстает лишь одним из правящих органов властной системы. В эпоху расцвета новгородской государственности в XIII–XIV вв. он не имеет права собирать государственные доходы “своими людьми”, владеть землей в новгородских пределах и “кончать суд без посадника” в совместном с посадником суде; новгородцы же вольны пригласить князя и изгнать его по своему желанию. Новгородская государственность, следовательно, предстает как сложный симбиоз органов республиканской и княжеской власти, соотношение которых отнюдь не неизменно» [17, с. 7].

Новгородская республика обладала определенными признаками, существенно отличавшими ее от других земель Киевской Руси: отсутствие княжеского домена и сильное местное светское и церковное землевладение; превращение местного боярства в крупных торговцев и банкиров; более высокий уровень ремесла и торговли, обусловленный природно-климатическими и географическими условиями [1, с. 83]. Социальная структура Великого Новгорода была сложной и дробной. Верхнюю ступень образовывало боярство, являвшееся наследником родовой знати. Это экономически и политически господствовавшая группа, обладавшая максимумом политических прав (из боярской среды избраны все высшие должностные лица республики). Как полагает В.Л. Янин, «ве-

чевой строй сравнительно с организацией управления в княжествах в самом деле отличался видимыми чертами демократизма в его средневековых формах, но этот демократизм иллюзорен. Новгородский вечевой строй является образцом демократии в ее боярском варианте. Власть в Новгородском государстве принадлежала не какому-то идеальному межклассовому сообществу, а богатейшим землевладельцам, на что, в частности, указывает численность общегородского веча, которое в немецком источнике 1331 г. носит название «300 золотых поясов». По-видимому, этот термин к XIV в. был реликтом, отражая бывшее равное представительство трех древнейших концов. Когда концов стало пять, число вечников могло возрасти до пятисот, а это примерное число крупных городских усадеб Новгорода и, следовательно, количество богатейших дворовладельцев» [17, с. 8–9].

Следует учитывать еще один факт: политическая свобода в средневековом обществе, действительно, носит ограниченный, статусный характер, но от этого она не перестает быть свободой. Олигархические режимы существовали во многих городах средневекового Запада, но факт наличия свободы выбора и борьба различных социально-политических групп за власть объективно вели к росту вовлеченности свободных горожан в деятельность органов управления коммуной, утверждению гражданственности и т.д. Поэтому видеть в боярской олигархии лишь своекорыстную группировку неверно. Интересы горожан так или иначе учитывались при принятии решений, и у веча были реальные возможности противостоять боярству (в том числе и радикальные по последствиям для отдельных должностных лиц).

Помимо боярства, значительную роль в жизни Новгорода играли житей люди (говоря современным языком – средний класс). Их основное занятие – землевладение, наряду с торговлей и финансовыми операциями. Политические права житей людей были ограниченными по сравнению с боярством. Представители «среднего класса» не могли быть избраны на высшие должности республики (посадник, архи-

епископ, кончанский староста). К категории горожан среднего достатка отнесено и новгородское купечество. Это – основной «торгово-промышленный класс» республики, обеспечивавший во многом ее могущество и экономическое процветание. Как констатирует А.Ю. Дворниченко, «не преувеличивая значения торговли, как это делалось в дореволюционной историографии, надо сознавать, что в истории северного исполина она, тем не менее, сыграла особую роль. По сути дела, когда говорим о торговле Руси с Западом, то имеем в виду именно Великий Новгород. Уже в XII в. установились тесные контакты Новгорода с островом Готланд – важнейшим центром балтийской торговли. В городе появляется Готский двор, а во второй половине того же столетия – Немецкий двор. В 20-е годы XIII в. положено начало Ганзе – союзу северо-немецких городов. Это была не просто купеческая гильдия для охраны торговых привилегий, а своего рода “ассоциация купеческих ассоциаций”, задачами которой были: борьба с сеньорами и создание контор за границей» [4, с. 210–211].

Значительную по численности категорию жителей республики составляли своеземцы, занимавшие положение между житейми людьми и крестьянами. Они владели мелкими вотчинами, могли сдавать землю в аренду, пользовались привилегиями горожан и входили в состав новгородской общины.

Собственно горожане образовывали торгово-ремесленный слой, делившийся на «старейших» (городскую верхушку) и «молодых» (свободных ремесленников, мелких торговцев и наемных рабочих). Эта категория жителей Новгорода несла на себе основное налоговое бремя, выполняла различные натуральные повинности (ремонт дорог и мостов), ее призывали в ополчение. «Молодые» пользовались привилегиями горожан, обладали правом на участие в работе веча, но не могли быть избранными на выборные должности.

Необходимо указать характерную деталь: в Новгороде отсутствовала привычная на средневековом Западе цеховая организация ремесленников. Последние обслуживали не только свободных горожан в

целом, но прежде всего боярские семьи. Как объясняет эту ситуацию В.Л. Янин, «исследованные к настоящему времени многочисленные ремесленные мастерские Новгорода расположены на боярских усадьбах и, следовательно, контингент работавших в них мастеров принадлежит к категории вотчинных ремесленников, материально и духовно зависимых от владельцев усадеб» [17, с. 11–12]. Таким образом, юридически свободное население Новгорода находилось в определенной зависимости от боярства и активно поддерживало те или иные группировки, борющиеся за власть в городе.

Обращаясь к характеристике органов государственной власти в республике, на первое место необходимо поставить вече. По сравнению с городами юга Руси, в Великом Новгороде полномочия этого органа власти носили, по сути, неограниченный характер (вместе с тем боярские группировки могли направлять массу горожан в нужном ключе и в определенной степени манипулировать ею). К основным функциям новгородского веча отнесены следующие:

- законодательствование (только на вечевом собрании можно принять новый закон или изменить действующий);
- осуществление правосудия (контроль нижестоящих судов и деятельность в качестве суда первой инстанции по наиболее важным для горожан делам);
- исключительное право объявлять войну и заключать мир;
- избрание высших должностных лиц города (посадник, тысяцкий, архиепископ);
- приглашение князя на княжение;
- фискальная функция (установление чрезвычайных и постоянных налогов).

Историки пишут о том, что «вече имело свою канцелярию во главе с “вечным дьяком”. Конечно, на вече бывало шумно, бывали и столкновения, но не надо представлять работу этого органа власти как буйство толпы. Деятельность веча носила вполне упорядоченный характер, соблюдался своего рода вечевой этикет» [4, с. 213].

Следующий по значимости орган государственной власти в Новгороде – оспода (господа), то есть, по сути, аристократический совет, состоявший из высших должностных лиц республики, как действующих, так и бывших. Перечислим главные функции этого органа:

- созыв вечевого собрания;
- подготовка вопросов, выносимых на вече;
- организационные и контрольные полномочия.

Очень важная должность в системе республиканских магистратур – посадник. Изначально посадник – представитель городской общины в княжеской администрации. В процессе эволюции новгородской государственности в период конца XI–начала XIII в. появились изменения, которые привели к повышению самостоятельности веча и приданию княжеской власти республиканского характера. В результате произошло следующее: расхождение княжения и наместничества, нарушение тождества княжения и посадничества, выделенного в самостоятельную выборную должность, а впоследствии и отделение посадничества от наместничества [15, с. 162].

Соответственно, «с возникновением посадничества нового типа, функционирующего наряду с княжеской властью, должность наместника отделилась от должности посадника, оставаясь привязанной лишь к титулу князя. Киев, оказавшись бессильным остановить процесс внутренней консолидации новгородского общества, выразившийся, помимо прочего, в создании местных институтов власти, пытался приноровиться к новым порядкам, дабы не упустить нити управления Новгородом. Но то были бесперспективные попытки. Посадничество окончательно приобрело сугубо местную постановку. Власть киевских князей над новгородцами резко, таким образом, сократилась. Назначение посадников навсегда сменилось их избранием на вече. Значение новгородского веча как верховного органа волости неизмеримо возросло» [15, с. 163].

Избрание посадника осуществлялось на вече из представителей различных боярских семейств сроком на один-два года.

Посадник обладал широкими полномочиями, к которым отнесены руководство административно-судебным аппаратом и назначение низших должностных лиц, осуществление руководства вместе с тысяцким городским ополчением. Во внешнеполитических отношениях посадник от имени Новгорода вел переговоры и заключал соглашения.

Должность посадника оказалась одной из важнейших магистратур Новгорода на протяжении его истории как независимой республики. Посадники, будучи представителями боярства, тем не менее в значительной степени зависели от веча, и они могли быть смещены в результате недовольства горожан. В частности, смещение посадника с должности могло происходить по причине длительной засухи или неурожая, так как правитель воспринимался, по крайней мере отчасти, как сакральная фигура, связанная с божеством [13, с. 308].

Помимо посадника, значимое место в системе новгородской власти имела должность тысяцкого. На этот пост могли быть избраны представители не только боярских семей, но и менее знатные горожане. Основными функциями тысяцкого было руководство городским ополчением (вместе с посадником), представление Новгорода на международных переговорах и осуществление правосудия по торговым делам, в том числе разрешение споров с иностранцами.

Судебная функция тысяцкого особенно важна, поскольку объемы торговых операций в Великом Новгороде были более значительными, по сравнению с любым другим древнерусским городом, а осуществление справедливого суда формировало имидж города и позволяло развиваться деловому обороту. Как полагает известный экономист А. Грейф, исследовавший рыночные механизмы средневековой Европы, «изучение институтов проясняет, почему одни страны богаты, а другие – нет, почему в одних странах благодаря политическому порядку растет благосостояние, а в других нет. Полезные для общества институты способствуют сотрудничеству и действиям, увеличивающим благосостояние. Они создают фун-

дамент рынков путем эффективного распределения, защиты и изменения прав собственности, обеспечения гарантий по контрактам и мотивирования специализации и обмена» [2, с. 29]. Соответственно, институты власти в Великом Новгороде были во многом ориентированы на торговлю, в том числе и транзитную.

Еще одной и своеобразной республиканской магистратурой была должность архиепископа, выборы которого проводили с 1156 г. Архиепископ выполнял функцию главы государства, выступая в качестве арбитра в спорах как между городскими властями, так и во взаимоотношениях с князьями. Полномочия архиепископа можно признать значительными и свести их к следующим:

- управление епархией и осуществление церковного суда;
- руководство осподой (исполнительным органом городской власти);
- управление церковным имуществом (епархия была крупнейшим землевладельцем);
- хранение государственной казны и архива (располагались в соборе святой Софии);
- командование владычным полком.

Институт князя в структуре власти Новгородской республики очень сильно эволюционировал на протяжении X–XII столетий. Если изначально князь – глава раннего государства, обладавший всей полнотой власти, то после 1136 г. он – лишь наемный чиновник с ограниченными (прежде всего военными) полномочиями. Подобное развитие событий непосредственно связано с реальной экономической и политической силой новгородской городской общины, которая поддерживала того или иного князя постольку, поскольку последний соблюдал интересы Новгорода. Учитывая огромное расстояние от Новгорода до Киева, лично руководить «северной столицей» Руси киевские князья не могли и присылали наместников (чаще всего старших сыновей). После смерти в 1132 г. Мстислава Великого, последнего повелителя единого древнерусского государства, власть Киева над другими землями Руси резко ослабла, и Новгород начал

вести практически независимое существование. В результате в течение XII столетия выработан определенный порядок функционирования института княжеской власти в Новгороде. С каждым очередным князем был заключен договор (ряд), в котором четко фиксировали права и обязанности сторон. К тому же права князя носили расплывчатый характер, и тем самым община города могла то сужать их, то расширять. В целом «князь стоял во главе управления и суда, но действовал под контролем посадника. Он не мог смещать или назначать на должности, считавшиеся выборными. В договоре предусматривались и размеры вознаграждения князей, в частности дары от волостей, судные и проезжие пошлыны. Князю, его жене и дружинникам запрещалось приобретать села в Новгородской земле, вести заграничную торговлю, не прибегая к посредничеству новгородских купцов. Охотиться и ловить рыбу князь мог только в отведенных для этого местах. Земля отводилась для временного владения с правом получения феодальной ренты и других доходов» [1, с. 89].

Следовательно, княжеская администрация находилась под постоянным контролем городских властей и не могла поступать своевольно, незаконно. Несмотря на ограниченный характер участия жителей Новгорода во властных структурах, демократичность государственности на севере Руси не может быть подвергнута сомнениям, особенно по сравнению с порядками, утвердившимся с XIV столетия в Московском княжестве. В рамках рассматриваемой проблематики необходимо обратить внимание и на то обстоятельство, что органы государственной власти Великого Новгорода не были единственными субъектами властных отношений на территории города. Как обоснованно полагает А.Ю. Дворниченко, «несмотря на сильные олигархические тенденции и усиление роли боярства, Новгород до конца своей самостоятельности сохранил не только общинную структуру, но и общинную сущность» [4, с. 214]. Уличанские общины, объединявшие большие семьи улицы, обладали определенными властными полномочиями, которые осуществлялись со-

ответствующими органами и должностными лицами. Высшим органом власти уличанской общины выступало вече, избравшее уличанского старосту. Этот низший магистрат осуществлял полицейские функции и вершил суд в качестве первой инстанции. Староста представлял интересы уличанской общины на более высоком уровне самоуправления города. Улицы объединялись в сотни, имевшие собственные вече и выборных должностных лиц (сотские старосты). Две сотни образовывали конец (район), которых в Новгороде было пять. Каждый конец также имел собственные органы власти, прежде всего кончанское вече. На таком вече избирали кончанских старост, представлявших конец на общегородском вече.

То, насколько данная система властвования в целом могла долго существовать, – вопрос спорный и вряд ли разрешим до конца. При наличии слабых в военном отношении соседей Новгород мог процветать несколько столетий, но в процессе консолидации северо-востока Руси неизбежным было столкновение интересов Новгорода и Москвы. Учитывая агрессивную политику московских верхов и их «азиатскую» сущность, у Новгорода было немного шансов отстоять свою независимость. Как констатирует М.Т. Флоринский, «свидетельства летописей, возможно, несколько подретушированные позднейшими московскими редакторами, чтобы представить нарушение древних свобод “вольных городов” в более выгодном свете, дают гнетущую картину политической смуты и зияющего общественного и экономического неравенства. То, что такие условия действительно существовали, нельзя оспаривать. Эксплуатация масс правящим меньшинством, тоже разделенным на слои, не могла не привести к результату, который в современной терминологии может быть назван классовой борьбой. Вече содержало элементы, которые на иной почве могли развиваться в демократическую форму правления. Но в Новгороде, повторим, этот институт был в большей степени игрушкой в руках правящей клики, кроме тех случаев, когда вече выходило из-под контроля кукловодов и,

как монстр Франкенштейна, уничтожало их в оргии власти толпы» [12, с. 99].

Вероятно, М.Т. Флоринский несколько сгущает краски. Противостояние Новгорода и Москвы, четко обозначившееся в XV столетии, целесообразно рассматривать сквозь призму столкновения вечавого строя киевской эпохи и ордынских порядков, во многом заимствованных Московским княжеством в процессе создания централизованной государственности и «собирания Руси». Негативную роль сыграл и географический фактор, четко показывающий, что у Руси не было возможности отгородиться от кочевых народов Азии горами, морем и т.д. Поэтому и получило дальнейшее развитие военно-полицейское, авторитарное направление в политической практике, наложившееся на особенности религиозного мировоззрения московской эпохи и своеобразного понимания византийского культурного наследия. Все это вместе и привело к экспансионистской политике Москвы, ее постоянному стремлению к новым захватам территорий соседних государств. Следует согласиться с мнением Н.А. Омельченко, полагающего, что России исторически свойственна этатизация общества [10, с. 41–42].

Позволим себе изложить собственные суждения о причинах насильственной гибели средневековых вечаемых республик Северной Руси с опорой на данные современной социальной антропологии. Новгород по своей внутренней структуре был гораздо более сложным политическим организмом, нежели военно-авторитарная Москва. Необходимость поддерживать стабильность и работоспособность механизма властвования объективно ведет к развитию умений и навыков лавирования и одновременно росту значения договорных отношений. Развитию последних в Новгороде способствовала активная внутренняя и внешняя торговля, порождавшая, в свою очередь, необходимость высокого уровня грамотности взрослого населения.

Проявление же различных эксцессов (драки на вече, сбрасывание должностных лиц с моста в Волхов и т.д.) есть не что иное, как внешнее выражение традиционализма (Новгород, в отличие от городов

Запада, не стал местом развития науки и образования, способствовавших секуляризации сознания). Так, И.Я. Фроянов дает исключительно антропологическую трактовку практики разграбления имущества должностных лиц. Ученый пишет: «Раздел награбленного имущества по сотням свидетельствует о том, что мы имеем дело с необычными грабежами, которые нельзя понимать в буквальном смысле слова. Здесь мы наблюдаем специфическое явление, типичное для переходных обществ, а именно: борьбу старой коллективной собственности с развивающейся новой частной собственностью. Грабежи, о которых говорит летописец, есть своеобразное перераспределение богатств по принципу коллективизма, противодействие общины личному обогащению. Подобной практике во многом способствовало то обстоятельство, что богатства древнерусской знати, в том числе и новгородской, создавались преимущественно за счет публичных поступлений – всевозможных платежей за отправление общественно полезных функций. Поэтому неудивительно, что люди Древней Руси смотрели на собственность князей и бояр как на отчасти преобразованную или временно оккупированную общинную собственность, подлежащую возврату в лоно общины. Отсюда устранение от власти того или иного правителя сопровождалось отнятием у него богатств, добытых посредством этой власти» [13, с. 413–414]. Подобные проявления архаичного сознания были свойственны и европейскому Средневековью: после смерти монарха или папы римского их имущество расхищали придворные и слуги.

Почему же, несмотря на наличие определенной схожести развития, древнерусские города не стали «мотором» демократизации социума и местом формирования более современного права? Ответ, как нам представляется, кроется в отсутствии прямого контакта с античной цивилизацией и получении доступа к ее наследию через посредников в лице византийского духовенства, ставшего к X в. опорой крайне консервативных настроений, что привело к формированию собственной модели государственности. Таким образом, эволюци-

онный путь русской государственности необходимо рассматривать в отрыве от классических западных моделей, поскольку формирование ментальности общества происходило в иных условиях, а следовательно, правосознание общества приобрело иные черты.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Вологдин А.А.* История государства и права России. М.: Высш. шк., 2007. 712 с.
2. *Грейф А.* Институты и путь к современной экономике. Уроки средневековой торговли. М.: ИД Высшей школы экономики, 2013. 531 с.
3. *Греков Б.Д.* Киевская Русь. М.: Госполитиздат, 1953. 568 с.
4. *Дворниченко А.Ю.* Российская история с древнейших времен до падения самодержавия. М.: Весь Мир, 2010. 939 с.
5. *Демченко Т.И.* Правовое сознание в древнерусской и российской государственно-правовой жизни. М.: Юрлитинформ, 2013. 341 с.
6. *Исаев М.А.* История российского государства и права. М.: Статут, 2012. 838 с.
7. История государства и права России / под общ. ред. В.Е. Рубаника. М.: Юрайт, 2012. 876 с.
8. *Ключевский В.О.* Курс русской истории. Полное издание в одном томе. М.: Альфа-книга, 2009. 1197 с.
9. *Маркс К., Энгельс Ф.* Избранные произведения: в 3 т. Т. 1. М.: Политиздат, 1979. 635 с.
10. *Омельченко Н.А.* История государственного управления. М.: Юрайт, 2013. 575 с.
11. *Сергеевич В.И.* Лекции и исследования по древней истории русского права. М.: Зерцало-М, 2004. 451 с.
12. *Флоринский М.Т.* Россия. История и интерпретация: в 2 т. Т. 1. СПб.: Наука, 2013. 486 с.
13. *Фроянов И.Я.* Древняя Русь IX–XIII веков: народные движения, княжеская и вечевая власть. М.: Русский изд. центр, 2012. 1087 с.
14. *Фроянов И.Я.* Начала русской истории. Избранное. М.: Парад, 2001. 975 с.
15. *Фроянов И.Я., Дворниченко А.Ю.* Города-государства Древней Руси. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1988. 272 с.
16. *Юшков С.В.* Общественно-политический строй и право Киевского государства. М.: Гос. изд-во юрид. лит., 1949. 544 с.
17. *Янин В.Л.* Новгородские посадники. М.: Языки славянской культуры, 2003. 511 с.

Е.М. Зорина, А.В. Кузьмин
**НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ ПРАВОВОГО
ОБРАЗОВАНИЯ СТУДЕНТОВ ЮРИДИЧЕСКИХ
НАПРАВЛЕНИЙ**

Елена Михайловна Зорина – доцент кафедры педагогики и психологии, Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики, кандидат педагогических наук, г. Санкт-Петербург; ORCID 0000-0002-9589-3678; e-mail: zorinaem@bk.ru.

Андрей Владимирович Кузьмин – зав. кафедрой гражданско-правовых дисциплин, Государственный институт экономики, финансов, права и технологий, кандидат юридических наук, доцент, г. Гатчина; ORCID 0000-0002-5006-5705; e-mail: ak78rus@gmail.com.

В статье рассмотрены некоторые аспекты развития правового образования студентов-юристов в рамках формирования у них правовой культуры и правосознания. Проведен анализ понятия «гражданская грамотность», а также раскрыты критерии ее оценки. Указаны возможные пути развития правового образования, в том числе и с учетом правового воспитания студентов.

Ключевые слова: правовое образование; гражданская позиция; правовое воспитание; правосознание; правовая культура.

Е.М. Zorina, A.V. Kuzmin
**CERTAIN ASPECTS OF LAW STUDENTS' LEGAL
EDUCATION DEVELOPMENT**

Elena Zorina – senior lecturer, the Department of Pedagogics and Psychology, St. Petersburg University of Management Technologies and Economics, PhD in Pedagogy, St. Petersburg; ORCID 0000-0002-9589-3678; e-mail: zorinaem@bk.ru.

Andrey Kuzmin – Head of the Department of Civil Law, State Institute of Economics, Finance, Law and Technology, PhD in Law, associate professor, Gatchina; ORCID 0000-0002-5006-5705; e-mail: ak78rus@gmail.com.

We look at certain aspects of the development of law students' legal education in the framework of shaping their legal culture and legal awareness. An analysis of the concept of civic literacy is presented, and the criteria for its assessment are considered. We offer possible ways of legal education development, including taking into account the legal education of students.

Keywords: legal education; civic stand; legal education; legal awareness; legal culture.

Введение

Правовое обучение и правовое воспитание современных студентов- юристов напрямую связано с формированием у них правовой культуры и правосознания.

Главная цель правового образования – воспитание гражданина, живущего в демократическом обществе. Такой гражданин должен обладать определенными знаниями (правовыми, политологическими,

экономическими и т.п.), умениями (критически мыслить, анализировать, сотрудничать), ценностями (уважать права человека, проявлять толерантность, компромиссность, достоинство, гражданское самосознание), а также желанием участвовать в общественно-политической жизни [3].

На основании анализа различных источников можно заключить, что в современной России основными проблемами в

сфере правового образования являются:

1) информатизация и цифровизация жизни – резкое увеличение объема и снижение качества информации в современном обществе, необходимость проверки данных на истинность, психологические особенности цифрового поколения;

2) низкая правовая активность граждан;

3) функциональная неграмотность, то есть «неспособность работника или гражданина эффективно выполнять свои профессиональные или социальные функции, несмотря на полученное образование. Это стало следствием не только информационного бума и информатизации, но и резко возросшей социальной динамики» [2]. В результате все чаще используется термин «обучение через всю жизнь», особенно применительно к сфере права, информация в котором устаревает намного быстрее, чем в любой иной сфере деятельности человека.

Функциональная неграмотность обострила проблему качества образования и усложнила ее решение: «недостаточно привести в соответствие профессиональную подготовку и требования заказчика (обучающегося, работодателя, общества, государства), необходимо скоординировать темпы изменений того и другого» [7]. Профессионально-личностное развитие конкурентоспособного специалиста, адекватно ориентирующегося в современном мире, невозможно без изучения комплекса правовых знаний и, соответственно, определенного набора гибких навыков (*soft skills*) и компетенций. Этот набор существенно различается у будущего юриста и будущего инженера, хотя обе профессии требуют творческого подхода и креативности. Несомненно, база для развития таких навыков должна закладываться еще на ранних этапах обучения и воспитания.

Программа курсов обществознания и права в школе и правоведения в высшей школе помогает обучающимся стать активными и информированными гражданами, которые участвуют в демократическом движении России и поддерживают его. Это включает в себя, помимо прочего, изучение и понимание политических и правовых

систем, а также изучение природы гражданства, разнообразия и идентичности в современном обществе. Для этого обучающиеся должны уметь читать и критически анализировать, в том числе и юридические тексты, а также создавать письменные и устные тексты, чтобы продуктивно взаимодействовать в социуме, участвовать в публичном диалоге и дебатах.

По нашему мнению, к грамотности в области гражданского права и граждановедения относятся:

– практики и стратегии, которые позволяют обучающимся понимать, синтезировать, анализировать и передавать знания;

– практики чтения, просмотра, письма, разговорной речи и прослушивания, которые обучающиеся используют для доступа, понимания и передачи знаний;

– понимание сложной терминологии.

– Например, А.Н. Иоффе к гражданственности относит:

– «гражданскую позицию (мировоззрение, самоопределение, идентичность);

– гражданскую информированность (знания, разнообразие источников);

– гражданскую активность (мотивацию, творческий подход);

– гражданские умения (взаимодействие, рефлексию)» [5].

Однако это несколько расходится с набором компонентов, применяемым в международном исследовании школьников в рамках гражданской грамотности как компонента функциональной грамотности. ICCS – международное исследование качества граждановедческого образования 14-летних школьников (*International Civic and Citizenship Study*). Цель исследования – «выявление знаний и понимания гражданской позиции молодого поколения, его самоопределение в социальном обществе в 21 веке. Для достижения данной цели при проведении исследования также изучаются убеждения, ценности, взгляды (отношения), намерения и поведение учащихся в современном обществе» [6]. К сожалению, в России подобное исследование проводилось только в 2009 г., а заявленное на 2022 г. не проведено. Несмотря на это, учебное пособие для такого исследования [12] может быть применено и не в его рамках

(например, на первых курсах юридических факультетов, чтобы было представление о наличии фоновых знаний студентов в сфере правоведения).

Структура заданий для исследования качества граждановедческого образования включает в себя четыре содержательные области:

- «гражданское общество и системы;
- гражданские принципы;
- гражданское участие;
- гражданственность и гражданскую идентичность» [12].

На основании шкалы Федерального института оценки качества образования (ФИОКО), при оценке результатов исследования выделяют три уровня подготовленности студентов (https://fioco.ru/ru/international_studies/iccs). Уровень 1 характеризуется знакомством с фундаментальными принципами и широкими понятиями гражданства; обучающиеся могут определить, что «справедливо» или «несправедливо» в знакомых контекстах. Уровень 2 подразумевает, что обучающиеся демонстрируют некоторые специфические знания, понимание наиболее известных гражданских институтов, систем и понятий. Они понимают взаимосвязь гражданских институтов, процессов и систем, в которых они действуют. Уровень 3 предполагает, что обучающиеся демонстрируют понимание практики активного гражданства как средства достижения определенной цели, а не как «автоматическую реакцию», ожидаемую в данной ситуации.

Правовое формирование личности – это «весь многократный процесс формирования правовой культуры под влиянием различных факторов. Оно должно начинаться еще в молодом возрасте для преодоления проблемы развития правового нигилизма в обществе» [11].

Правовое образование необходимо обществу, поскольку оно осуществляет взаимодействие со своими членами именно через законы и политику. Согласно Партнерству по продвижению навыков XXI века гражданская грамотность – это:

- «эффективное участие в общественной жизни, отслеживание событий и понимание государственных процессов;

- осуществление прав и обязанностей гражданина на местном, государственном, национальном и глобальном уровнях;

- понимание внутренних и международных последствий гражданских решений» [13, с. 187–188].

Стратегии повышения правовой грамотности позволяют студентам лучше понять роль активных и информированных граждан в светской демократической стране с многокультурным и многоконфессиональным обществом. Грамотный в правовой сфере гражданин должен уметь:

- критически анализировать информацию, не доверяя единственному источнику;

- понимать и использовать техническую и профессиональную лексику;

- использовать разнообразные и мультимодальные современные источники в качестве доказательств и аргументов;

- формулировать вопросы;

- объяснять различные точки зрения на социальные проблемы общества;

- аргументировать доказательную позицию.

Способность читать и критически анализировать мультимодальные источники, как печатные, так и цифровые, имеет основополагающее значение. Тексты по правоведению и юриспруденции насыщены профессиональной терминологией, но обучающиеся должны понимать и правильно ее использовать. Тексты в области права сложны, поскольку они состоят из нескольких жанров и часто носят мультимодальный характер. Подробное обучение студентов текстуальным особенностям различных жанров поможет улучшить их навыки чтения, письма и разговорной речи.

К таким правовым жанрам часто относятся:

- нормативно-правовые акты (НПА);

- процедурные тексты (протоколы);

- хроники (фактические/биографические/исторические пересказы);

- отчеты (описательные, классификационные);

- объяснения (последовательные, казуальные);

- убедительные произведения (аналитическое изложение, обсуждение и вызов);

- художественные произведения с юридическим уклоном;
- научные и научно-популярные тексты.

Студенты также должны развивать навыки монологической и диалогической речи и аудирования, чтобы:

- развивать понимание различных точек зрения;
- выражать сочувствие, эмпатию;
- сотрудничать и вести переговоры с другими людьми.

Коммуникативная культура является важным навыком любого человека, но для специалиста в юридической сфере – это профессиональный навык, так как без правильного взаимодействия с людьми он не может эффективно выполнять трудовые обязанности.

Возможность читать, просматривать, писать, говорить и слушать различные тексты позволит студентам получить доступ к новой информации и стать более информированными и красноречивыми гражданами. По мнению И.Г. Дружкиной, именно правовое обучение формирует учебные навыки, необходимые для успешного освоения программы любого учебного предмета. Среди них – следующие:

- «навык устного выступления (умение аргументировать свою точку зрения, слушать собеседника, уважать его мнение; вести дискуссию);
- умение самостоятельно выделить в теме проблемные вопросы;
- умение оценить свое и чужое поведение;
- умение работать с книгой;
- умение систематизировать знания» [4].

Инновационное правовое обучение представляет собой «совокупность нововведений, выраженных в системе действий и операций учебной деятельности, которые позволяют быстро и эффективно достичь прогнозируемого и диагностируемого результата правовой обученности» [1]. Новизна в правовом образовании носит относительный характер. Зачастую современные методические приемы не являются новыми. Это могут быть забытые педагогические методики, которые использовались в прошлом; такие, которые применяют

сегодня, но в системе обучения другим наукам или дисциплинам; связанные с дистанционным или электронным обучением; а также такие, которые необычны для российского образования, заимствованы из-за рубежа [10].

Материалы и методы

Экспериментальной площадкой для исследования выбран юридический факультет Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики. В опросе участвовали 92 студента разного уровня обучения. В анонимной анкете необходимо было ответить на несколько вопросов:

1. Обладаете ли Вы знаниями в области права? Укажите число от одного до десяти, где один – минимальные знания, десять – очень большой объем.

2. Обладаете ли Вы знаниями о гражданском обществе и его системах? (варианты ответа: «нет, мне это не нужно»; «частично»; «да, но в малом объеме»; «да, в достаточном объеме»).

3. Сколько ветвей власти существует? Укажите количество.

4. Знаете ли Вы свои права и обязанности? (варианты ответа: «да, но только права»; «да, и немного обязанности»; «да, хорошо и права, и обязанности»; «да, но в первую очередь обязанности»; «нет, мне это не интересно»).

Результаты

Анализ эмпирических данных из анкетирования позволил сделать ряд выводов. Современные студенты обладают достаточной критичностью, чтобы адекватно оценивать собственные знания, поэтому вопрос об имеющемся у них объеме правовых знаний привел к следующим результатам:

- никто не поставил менее трех баллов из десяти, что соответствует выбору профессии;

- три-пять баллов поставили 40 студентов, то есть они осознают, что им еще необходимо долго учиться;

- шесть-семь баллов указали 36 студентов, что соответствует современной концепции непрерывного обучения в течение всей жизни;

- восемь-девять баллов поставили 16

студентов, которые, видимо, не до конца осознали, какой огромный объем информации содержит в себе сфера юриспруденции;

– десять баллов не указал никто, что соответствует тому, что опрашиваемые – студенты.

Однако удивил разброс ответов на вопрос о наличии знаний о гражданском обществе и его системах, что входит в базовый объем знаний для юриста. Это отражено на рисунке 1.

Ответы на предыдущий вопрос слишком различались, но тем не менее все опрашиваемые верно указали, что существует три ветви власти. Хотя именно данный вопрос не предусматривал вариантов ответа.

Несмотря на большой выбор вариантов ответа на вопрос о знании своих прав и обязанностей, студенты прекрасно знают, что они должны и имеют право делать, как видно на рисунке 2. К сожалению, юристы изучают еще и положения о том, как не

выполнять свои обязанности без наказания.

Итоги исследования показали, что правовое обучение является актуальной проблемой не только для социума, но и профессионально-личностного развития студентов-юристов, которые ввиду своей специальности должны выступать флагманом гражданского общества.

Обсуждение

Напрямую с гражданской грамотностью и правовой компетентностью связано и правовое воспитание. Например, по мнению Ю.А. Кудрявцева, целями правового воспитания служат:

– «накопление и усвоение прочных знаний, исходящих от государства правил поведения;

– формирование правовой грамотности населения;

– формирование уважительного отношения к праву;

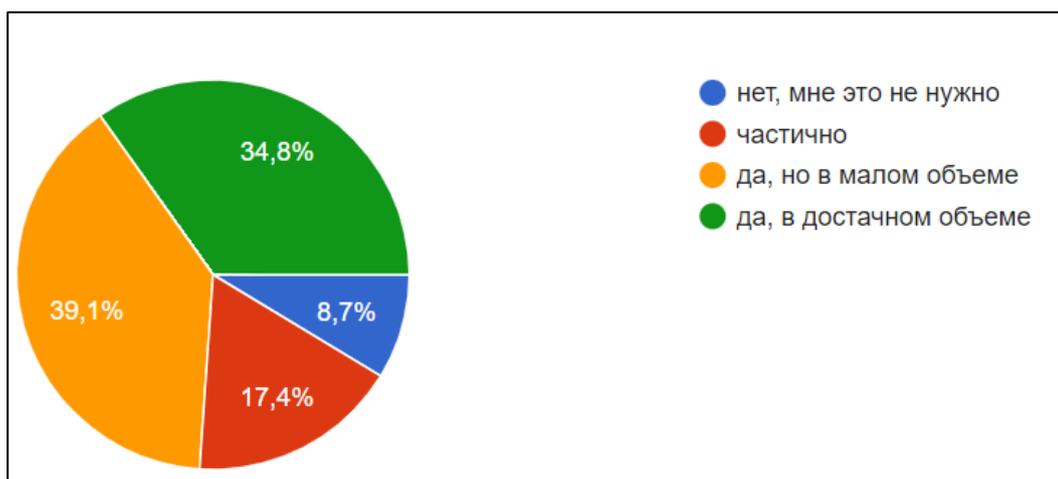

Рис. 1. Результаты ответа на вопрос относительно наличия знаний о гражданском обществе и его системах, %

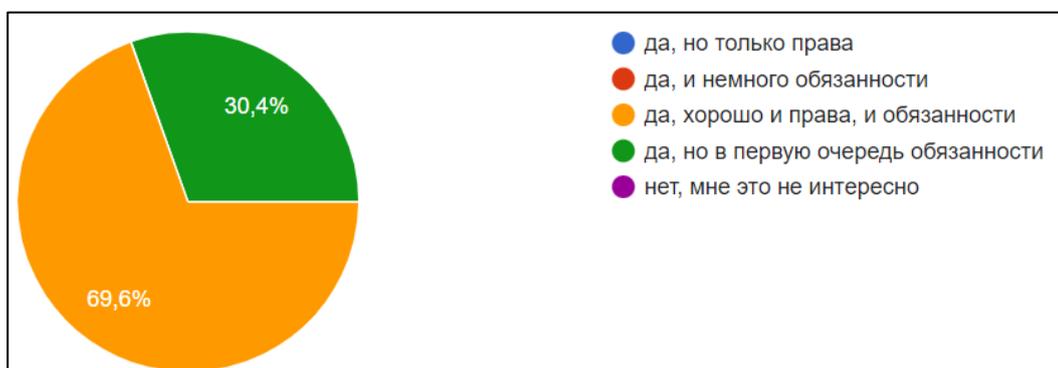

Рис. 2. Результаты ответа на вопрос «Знаете ли Вы свои права и обязанности?», %

– наделение индивида навыками непосредственной реализации права в формах соблюдения, исполнения и использования правовых предписаний;

– побуждение населения к активной форме правомерного поведения и профессиональной юридической активности» [8].

Результаты экспериментального исследования подтверждают, что необходимо не только формирование правовой грамотности населения в целом, но и в первую очередь будущих юристов, которые также должны выступать примером для других граждан, побуждая к активной форме правового поведения. Цели правового воспитания, описанные Ю.А. Кудрявцевым, согласуются с нашим пониманием правового обучения.

Еще в XVII в. британский педагог и философ Дж. Локк считал, что существует зависимость системы воспитания от экономической, политической и социальной сферы общественной жизни [14]. В идеальном устроенном государстве, согласно работам Локка, «естественным состоянием» людей должно стать ощущение свободы во всем: в собственной деятельности, имущественных отношениях, отношениях собственной личности [9, с. 112]. Однако осознание свободы должно происходить одновременно с осознанием ответственности, а иначе зарождается правовой нигилизм, который опасен для любого государства. Исследование показало, что будущие юристы осведомлены о своих обязанностях, поэтому могут быть проводниками правовых знаний среди других граждан.

Заключение

Проведенная экспериментальная работа позволяет утверждать, что формирование гражданской позиции в рамках правового обучения и воспитания – управляемый педагогический процесс, в котором необходимы следующие направления:

- взаимодействие всех субъектов обучения в аудиторной и внеаудиторной деятельности, а также с общественностью;
- профессиональная подготовка;
- развитие у студентов правосознания и социально активного поведения;
- широкое использование активных и интерактивных методов обучения;

– формирование гражданской позиции студентов;

– мониторинг процесса формирования гражданственности студентов.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Алексеев А.А.* Традиционные и инновационные технологии преподавания права // *Юриспруденция*. 2011. № 1. С. 32–35.

2. *Атаян А.М.* Дидактические основы формирования информационной культуры личности в условиях информатизации общества: дис. ... канд. пед.наук. Владикавказ, 2001. 177 с.

3. *Гражданское образование: пособие для педагогов и работников образования / под ред. Н. Воскресенской, И. Фрумина.* М.: АПК и ПРО, 2000. 159 с.

4. *Дружкина И.Г.* Ваши права: программно-методические материалы к урокам граждановедения в 3 (4) классе. Тамбов, 2001. 342 с.

5. *Иоффе А.Н.* Роль образования в гражданском становлении личности // *Преподавание истории и обществознания в школе*. 2011. № 8. С. 19–25.

6. *Карлина А.А., Савинова В.В.* Организация мониторинга качества образования // *Вестник Международного института рынка*. 2019. № 1. С. 43–49.

7. *Кленина В.И.* Непрерывное образование как фактор формирования культуры информационного общества // *Вопросы гуманитарных наук*. 2008. № 6(39). С. 203–206.

8. *Кудрявцев Ю.А.* Правовое воспитание в демократическом государстве (организационно-методологический механизм и базовые гарантии) // *IX Лужские научные чтения. Современное научное знание: теория и практика: материалы Междунар. науч. конф. Санкт-Петербург, 22 мая 2021 г. / отв. ред. Т.В. Седлецкая.* СПб.: Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина, 2021. С. 205–209.

9. *Локк Дж.* Мысли о воспитании / пер. с англ. А. Басистова. М.: Издание К.И. Тихомирова, 1986. 241 с.

10. *Сафронов В.В.* К вопросу о традиционных и инновационных технологиях правового обучения // *PR и реклама: традиции и инновации*. 2014. № 14-1. С. 62–65.

11. *Соколов В.М., Угодчикова Н.Ф.,*

Алешугина Е.А., Лошкарева Д.А. Компетентностно-ориентированное совершенствование дополнительной языковой образовательной программы в техническом вузе: монография. Н. Новгород, 2013. 186 с.

12. *Федоров О.Д., Ченцова А.А.* Гражданская грамотность. Граждановедение. Тренажер: 7–9 классы: учеб. пособие. М.: Просвещение, 2021. 128с.

13. *Холмс У., Бялик М., Фейдел Ч.*

Искусственный интеллект в образовании: перспективы и проблемы для преподавания и обучения / пер. с англ. М.: Альпина ПРО, 2022. 304 с.

14. *Шеховская Н.Л., Косенкова А.Г.* Воспитание гражданственности и гражданина: историко-педагогический анализ зарубежных идей // Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. 2016. Т. 31. № 21 (242). С. 190–195.

Т.Г. Лясович

ВСЕРОССИЙСКОЕ УЧРЕДИТЕЛЬНОЕ СОБРАНИЕ КАК ЭЛЕМЕНТ ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ ПЕРЕХОДНОГО ТИПА: ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

Татьяна Георгиевна Лясович – заместитель начальника кафедры социально-экономических и гуманитарных дисциплин, Ленинградский областной филиал Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат юридических наук, доцент, п. Мурино, Ленинградская область; **e-mail: vyaznikova@mail.ru.**

В статье представлен авторский анализ правового статуса Всероссийского Учредительного собрания, созванного в январе 1918 г., в системе органов государственной власти Российской республики, рассмотрены организационные мероприятия по подготовке и проведению избирательной кампании. Актуализации задачи исследования способствует, во-первых, сложность исследуемого исторического периода, его насыщенность глобальными с исторической точки зрения событиями и фактами; во-вторых, степень их влияния на отечественную правовую традицию и государственность; в-третьих, поляриность оценок советских и российских ученых в отношении государственно-правовых трансформаций. Учредительное собрание рассмотрено автором как парламентский орган переходного типа, образование которого свидетельствует о состоянии «переходности» отечественной государственности анализируемого исторического периода.

Ключевые слова: Февральская революция 1917 г.; переходная государственность; состояние «переходности» отечественного государства и права; Временное правительство; буржуазно-демократическая республика; выборы в Учредительное собрание; Октябрьский переворот 1917 г.; разгон Учредительного собрания.

T.G. Lyasovich

THE ALL RUSSIAN CONSTITUENT ASSEMBLY AS PART OF TRANSITIONAL STATE LEGAL SYSTEM: HISTORICAL AND LEGAL ANALYSIS

Tatyana Lyasovich – Deputy Head, the Department of Social, Economic and Humanitarian Disciplines, Leningrad region branch, Saint-Petersburg University of Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Ph.D. in Law, Associate Professor, Murino, Leningrad region; **e-mail: vyaznikova@mail.ru.**

The article presents the author's own analysis of the legal status of the All Russian Constituent Assembly convened in January 1918, in the system of the state power authorities of the Russian Republic with focusing on organizational arrangements related to preparation and conduct of the election campaign. The actualization of this research objective is contributed firstly by the complexity of the historical period under research and its richness of global facts and events in terms of historical point of view, secondly — by the degree of their influence on domestic legal tradition and statehood and finally — by the polarity of assessments of Soviet and Russian scientists with regard to state-legal transformations.

The Constituent Assembly has been considered by the author to be a transitional parliamentary body, the foundation whereof attests to the state of transitivity of domestic statehood in historic period under analysis.

Keywords: February revolution of 1917; transitional statehood; the state of transitivity of

domestic state and law; transitional government; elections to the Constituent Assembly; 1917 October Coup; dissolution of Constituent Assembly.

В современной юриспруденции парламентаризм рассматривается как «система государственного устройства, в рамках которой парламент играет преобладающую роль не только в качестве законодательного органа, но и в качестве органа верховного контроля над исполнительной властью» [23, с. 15]. Теория парламентаризма в России получила так называемое официальное научное обоснование только в конце XIX–начале XX в. Однако идея народного представительства стала частью отечественной правовой действительности еще в древности, в практике деятельности общинных и вечевых структур [9], а также Земских соборов [1]. Идеи участия населения в решении вопросов государственного управления традиционно были предметом острых дискуссий в либеральных кругах российского общества и впоследствии нашли отражение в проектах государственных преобразований XIX – начала XX в. [19, с. 30; 22, с. 17]. Все это позволяет сделать вывод о мощном историческом потенциале российской представительной демократии и ее поступательном развитии в современных условиях текущих реформ [3; 26].

Начало XX в. стало сложным периодом становления новых государственно-правовых форм в условиях социальных потрясений 1905–1907 гг. и 1917 г. Учреждение первого русского парламента – Государственной Думы – в результате Первой русской революции стало новацией времени и заставило представителей прогрессивной общественности, государствоведов и политиков обратиться как к положительному опыту функционирования парламентских институтов в странах Европы и США, так и к историческому прошлому России, в котором также существует немало примеров участия населения в решении вопросов государственной важности.

Вместе с тем усеченность (на практике) функций Государственной Думы и сословность думских выборов в условиях монархической России заставляли задуматься политическую элиту и об альтер-

нативных вариациях развития представительных демократических институтов. Идея создания Учредительного собрания как «совокупности теоретических воззрений, связанных с учреждением высшей представительной власти» [19, с. 83], рожденная еще в умах декабристов и народо-вольцев, стала приобретать практические контуры после Февральской революции 1917 г. [24] и нашла отражение в декларативной программе Временного правительства [2].

Всероссийское Учредительное собрание должно было стать общегосударственным общенародным учреждением, способным окончательно решить самый насущный из вопросов времени, в частности вопрос о форме правления в Российском государстве и его конституции. На Временное правительство была возложена нелегкая задача: в условиях переходной государственности, становление которой сопровождалось политическим и экономическим кризисами, подготовить и провести выборы в Учредительное собрание на началах всеобщего, равного, тайного и прямого голосования, то есть подготовить почву для избрания и работы органа парламентского типа.

Между тем Учредительное собрание не должно было стать «классическим» парламентом, то есть представительным и законодательным органом в государстве, в основу политико-управленческой системы которого положен принцип разделения властей. Перед Всероссийским Учредительным собранием четко поставлена историческая задача: определить, каким путем будет двигаться Россия – монархическим или республиканским. Таким образом, наделялось оно прежде всего учредительной функцией. После того, как основная историческая задача была бы выполнена, Учредительное собрание, по логике, должно было стать либо постоянно действующим в государственном механизме парламентским органом (в конституционно-монархической России или в буржуазно-демократической Российской респуб-

лике, то есть стать основой нового парламента), либо объявить о самороспуске.

В феврале – марте 1917 г. представители отечественной политической буржуазной элиты, имея перед глазами продуктивные европейские примеры, стали двигаться по пути к избранию Всероссийского Учредительного собрания. Подготовка к проведению выборов носила масштабный основательный характер.

25 марта 1917 г. при Временном правительстве образовано Особое совещание для подготовки проекта Положения о выборах в Учредительное собрание, в которое входили выдающиеся русские юристы: В.М. Гессен, Ф.Ф. Кокошкин, С.А. Котляревский, Н.И. Лазаревский, В.А. Маклаков, В.Д. Набоков и др. [15, с. 284]. Таким образом, к разработке избирательного законодательства привлечены лучшие умы своего времени. В августе–сентябре 1917 г. Временным правительством принят ряд актов, на основании которых к концу сентября 1917 г. разработано и принято Положение о выборах в Учредительное собрание [17, с. 136]. Этот акт, по оценкам исследователей, стал «весьма совершенным для своего времени проектом избирательного закона [20, с. 134]. После его разработки и ввиду реализации своей основной задачи Особое совещание закрыло работу. Вместе с тем Временное правительство не спешило приступить к практической части избирательной компании, очевидно, желая учесть все нюансы и (или) выжидая стабилизации политической ситуации для

проведения выборов [10, с. 116].

Подготовка выборов в Учредительное собрание происходила на фоне реформы местного самоуправления: постепенно выстраивалась трехступенчатая система земских органов, от низовой структуры, волостного земства до уездного и губернского земского «звена»¹. Следуя логике правительства, выборы в городские и земские органы должны были стать важным шагом на пути к избранию Учредительного собрания как органа общенародного представительства. Ввиду этого на правительство и его уполномоченные структуры обрушился огромный объем канцелярской работы: они состояли в переписке с земскими управами всех уровней, подробно отвечали на вопросы относительно организации выборов, давали комментарии, разъяснения, разбирали жалобы, собирали статистические данные о ходе подготовки к выборам (и в органы местного самоуправления, и в Учредительное собрание)². Эта работа, безусловно, была значимой, но она отнимала много времени, растрачивала ресурсы и, следовательно, затягивала процесс подготовки выборов в Учредительное собрание, которых ожидало русское общество.

В этом контексте интересен Циркуляр Главного управления по делам местного хозяйства в составе МВД (за подписью товарища министра внутренних дел Н.Н. Авинова), направленный в городские управы 22 июня 1917 г. В нем содержались рекомендации направить в Главное

¹ Реформа органов местного самоуправления должна была стать частью стратегического плана Временного правительства, реализация которого привела бы к построению буржуазно-республиканской государственности. Положениями будущей реформы, практически единогласно принятыми при обсуждении, стали положения о необходимости создания волостного земства как низшего звена земского самоуправления, о повсеместном распространении земской организации на территории Российского государства, о расширении компетенции городских и земских органов самоуправления // Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1291. Оп. 33. Л. 12.

² Показательным примером возросшей народной инициативы и заинтересованности в реализации избирательных прав служит письмо почетного граж-

данина города Сестрорецка Андрея Андреевича Короткова, направленное в МВД Временного правительства (занимавшегося вопросами организации выборов). В этом письме отправитель жаловался на то, что он не сумел воспользоваться своим избирательным правом, поскольку не был допущен к выборам на основании происхождения: «финляндские уроженцы быть избирателями права не имеют». Главное управление по делам местного хозяйства при МВД дало комментарий о том, что «финляндские граждане имеют право на участие во всех выборах на основании избирательных законов Временного правительства. Действия комиссии могут быть обжалованы в административный суд в надлежащий срок // РГИА. Ф. 1288. Оп. 3. 1917 г. Д. 13. С. 24.

управление по три экземпляра материалов, относящихся к выборам («плакатов, форм бланков, ведомостей и иных документов бланкового хозяйства, которые использовались при проведении выборов (местных. – *Авт.*), чтобы этот труд не пропал даром и остался для истории». Отдельно указано, что «Главному управлению чрезвычайно важно иметь описание самого хода выборного производства с установлением количества тех избирательных участков, на которые город разделился, с указанием сроков и моментов выборов, описанием расположения избирательного помещения, описанием того, как подходили избиратели к избирательным урнам, описания самих избирательных урн и характеристики выборного производства. Все эти акты и документы представляют высокий общественный интерес и большое историческое значение»³. Понимание правительством исторической важности происходящего, безусловно, приобретало особый политический и стратегический смысл. Однако много времени тратили на решение менее значимых вопросов. Ввиду этого ценная в условиях политического кризиса инициатива оказалась выпущена из рук, а затем умело перехвачена большевиками.

В научной литературе неоднократно было высказано и другое мнение о причинах неторопливости правительства относительно вопроса подготовки выборов. Большинство специалистов пришли к единому выводу о том, что кадеты, преобладавшие во Временном правительстве, изначально не надеялись на получение большинства в Учредительном собрании, а потому хотели дожидаться спада революции и в иных условиях провести избирательную кампанию. Это подтверждал в мемуарах и В.Д. Набоков, управляющий делами Временного правительства [21, с. 132].

Особенностью подготовки закона о выборах в Учредительное собрание служила его поэтапная работа и введение его в действие по частям [14, с. 47]. Первая часть введена в действие 20 июля 1917 г., но не все ее положения было возможно

реализовать на практике в сложившихся политических условиях: ряд полномочий по подготовке к выборам возлагали на еще не избранные органы местного самоуправления. Поэтому предстояло, по сути, сначала реализовать часть проекта правительства по реформированию системы местного самоуправления и только затем начинать подготовку к выборам в Учредительное собрание.

Вторая часть Положения утверждена лишь 11 сентября 1917 г., за несколько дней до даты выборов, которые изначально назначены на 17 сентября. Впоследствии дата перенесена на 12 ноября (уже большевиками).

Социально-политическая обстановка не способствовала обстоятельному обдумыванию и стратегическому планированию, а требовала принятия молниеносных решений. Заявление (и действия) правительства о проведении реформ сразу в нескольких направлениях (реформа местного самоуправления, реформа правоохранительной сферы, земельная реформа и др.) также затягивало процесс подготовки избирательной кампании: правительство физически не могло справиться с поставленными задачами. Ситуацию осложняла смена состава правительства (в период со 2 марта по 25 октября 1917 г. состав правительства изменялся четыре раза, то есть подготовку к выборам начинали одни люди, продолжали другие, а завершали третьи).

20 сентября (3 октября) 1917 г. при Временном правительстве образован Временный совет Российской республики (которой стала Россия 1 сентября 1917 г.) [18, с. 129] – совещательный орган при Временном правительстве, который официально получил наименование Предпарламента. Его учреждение уже не могло повлиять на ситуацию. Позиции большевиков усиливались, а Временного правительства и его главы А.Ф. Керенского – стремительно слабели. Об этом впоследствии писали советские исследователи: «возмущение... (народных масс. – *Авт.*)

³ Циркуляр Главного управления по делам местного хозяйства при МВД Временного правитель-

ства № 40 от 22 июня 1917 г. // РГИА. Ф. 1288. Оп. 1 (263). 1917 г. Д. 4. С. 183.

действиями правительства было настолько велико, что Керенский вынужден был 12 октября явиться на заседание Предпарламента в комиссию по обороне и заявить, что он не только не собирается уезжать из Петрограда, но даже созывает в нем Учредительное собрание. Комиссия приняла успокоительную резолюцию, обещавшую от имени правительства защищать Петроград до последней возможности, и предложила Керенскому срочно обратиться с соответствующим воззванием к населению» [5, с. 244].

Таким образом, учреждение Предпарламента было последней попыткой Временного правительства выйти из кризиса демократическим путем. Основная задача Предпарламента – осуществление контроля над правительством вплоть до созыва Учредительного собрания, а также организация взаимодействия между властью и обществом. 3 октября 1917 г. опубликовано положение о Временном совете Российской республики, согласно которому в состав Предпарламента входили 475 человек, назначаемых Временным правительством по представлению общественных организаций, среди которых большинство принадлежало эсерам и меньшевикам. Председателем Предпарламента избран эсер Н.Д. Авксентьев. Сложившуюся политическую ситуацию враждебно восприняли большевики. По настоянию В.И. Ленина деятельность Предпарламента бойкотирована ими, что стало очередным подтверждением формирования нового курса большевиков – курса на вооруженное восстание и захват власти.

За период существования Предпарламента, по оценкам исследователей, не вынес на обсуждение и не решил ни одного существенного вопроса: «все заканчивалось пустопорожними разговорами об "обороне Отечества" и "спасении революции"» [6, с. 129]. Формально он просуществовал до Октябрьского переворота 1917 г. Приход к власти большевиков и свержение Временного правительства поставили точку в истории буржуазно-республиканской России и истории Предпарламента.

Вместе с тем перемены в политической сфере скорректировали и ситуацию,

связанную с выборами в Учредительное собрание. Большевики, добившиеся своей генеральной цели, стремились упрочить свои позиции и не скрывали пренебрежительно-враждебного отношения к «учредилке» [25]. В ноябре 1917 г. прошли выборы в Учредительное собрание, в результате которых большинство мест получили партии левого центра (меньшевики и эсеры) [4, с. 190]. Большевистская фракция выразила явное несогласие с результатами выборов и выказала недоверие к собранию, разогнав его. Точку зрения новой правящей элиты объяснил В.И. Ленин в знаменитой речи о роспуске Учредительного собрания на заседании ВЦИК от 6 (19) января 1918 г. Он говорил о том, что «столкновение между советской властью и Учредительным собранием» объективно и «было подготовлено всей историей русской революции» [8, с. 326], имея в виду, что для большевиков его созыв в условиях политического кризиса (весны–осени 1917 г.) рассматривался как своеобразный политический компромисс... «это (созыв Учредительного собрания. – *Авт.*) «было для нас лучше, чем царизм или республика Керенского» [8, с. 327]. После успешного Октябрьского переворота 1917 г. Учредительное собрание стало ненужным атрибутом буржуазного режима, «соглашательством со злокачественной буржуазией», мешающим установлению пролетарской государственности. Поэтому В.И. Ленин решил от него избавиться силовым методом. Так, Учредительное собрание, не успев начать работу, прекратило существование, «ибо слишком сильна мощь Советов, которые стали ломать старые, отжившие устои буржуазного строя... по-пролетарски, по-крестьянски» [8, с. 328].

Подводя итоги, сделаем следующие выводы. Российский парламентаризм прошел сложный путь развития, от простейших (вечевых) форм народовластия до создания парламентских институтов (Государственной Думы, Государственного совета) в ходе событий Первой русской революции 1905–1907 гг. События Февральской революции 1917 г. дали новый импульс развитию отечественного парламентаризма [16, с. 139]. Создание 20 сентября

(3 октября) 1917 г. при Временном правительстве Предпарламента – Временного совета Российской республики – как совещательного органа власти, а также избрание Всероссийского Учредительного собрания в условиях социальных потрясений 1917 г. свидетельствовали о том, что становление отечественного парламентаризма не прервано революционными событиями, которые позволили переосмыслить как необходимость воссоздания парламентских органов в новой вариации, так и их роль в государственном механизме.

Всероссийское Учредительное собрание должно было стать временным парламентом Российской республики и разрешить все насущные вопросы политической и социально-экономической жизни этого периода. Временное правительство, которое уполномочено организовать и провести выборы в Учредительное собрание, с задачей справилось настолько успешно, насколько позволила политическая обстановка [16, с. 139]. Учредительное собрание избрано 12 (25) ноября 1917 г. и создано в январе 1918 г. под председательством В.М. Чернова, ранее министра земледелия Первого коалиционного и Второго коалиционного Временного правительства.

Всероссийское Учредительное собрание как выборный орган, сформированный путем всеобщего равного прямого тайного голосования, избрано исключительно для реализации учредительной функции, то есть решения вопроса о форме правления в Российском государстве. Следовательно, деятельность его носила срочный (временный) характер.

Общегосударственный характер выборов во Всероссийское Учредительное собрание позволяет сделать вывод о наделении его еще рядом значимых функций, в частности примирительной («достижение социального примирения» [12, с. 3]) и консолидирующей («национальная консолидация», «конструирование нации и национальной идентичности» [12, с. 4]), а также рассматривать Учредительное собрание как потенциальное средство преодоления политического кризиса весны 1917 – начала 1918 г. и основы последующего построения парламентаризма в России [16, с. 140].

Всероссийское Учредительное собрание может по праву именоваться «парламентом переходного типа», то есть представительным и законодательным органом, обладавшим всеми формальными признаками парламента, сформированного в условиях переходного этапа, который проходила отечественная государственность в своем развитии [11]. В таких условиях избрание Учредительного собрания было политическим компромиссом, имевшим цель примирить оппозиционные политические течения и выработать совместное решение вопросов общегосударственного значения. Однако реализация парламентских функций Учредительного собрания оказалась невозможной в условиях захвата власти большевиками.

Октябрьский переворот и низложение Временного правительства поставили под сомнение все принципы буржуазного избирательного права, которыми руководствовались организаторы выборов в Учредительное собрание [16, с. 140]. Вместе с тем большевикам было необходимо легитимизировать свою власть путем участия в созыве и работе Учредительного собрания представителей всех слоев российской общности [7, с. 99]. Учредительное собрание не оправдало надежд пролетарских лидеров [13, с. 78], и оно в итоге разогнано 6 (19) января 1918 г. как ненужный элемент старого, буржуазного режима, не отвечающий интересам трудового народа. Впоследствии этому акту придали легитимный характер на III Всероссийском Съезде Советов рабочих и крестьянских депутатов. По словам А.Н. Медушевского, «разгон большевиками Учредительного собрания является примером радикального воздействия ... внешней силы, носящей... деструктивный характер». Это означало наступление кризиса зарождающейся отечественной демократии «как в содержательном, так и в процедурном отношениях» [12, с. 23].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Беляев И.Д.* Земские соборы на Руси. М.: Изд-е книгопродавца А.Д. Ступина, 1902. 80 с.
2. Декларация Временного правитель-

ства о его составе и задачах от 3 марта 1917 г. // Вестник Временного правительства. 1917. 5 (18) марта.

3. *Джултаев К.* Госдума завершает подготовку к муниципальной реформе // Universe-tss. 2021. 22 апреля. URL: <https://universe-tss.su/main/politika/russia/94572-gosduma-zavershaet-podgotovku-k-municipalnoj-reforme.html> (дата обращения: 02.05.2023).

4. *Исаев И.А.* История государства и права России. М.: Проспект, 2017. 334 с.

5. История Гражданской войны в СССР: в 5 т. Т. 1 / под ред. М. Горького, В. Молотова, К. Ворошилова, С. Кирова, А. Жданова, А. Бубнова, Я. Гамарника, И. Сталина. М.: Госполитиздат, 1939. 307 с.

6. *Колесник Э.Г., Тарасов М.Г.* К вопросу о судьбе Предпарламента в октябре 1917 г. // Социально-экономический и гуманитарный журнал Красноярского ГАУ. 2016. № 3. С. 125–131.

7. *Коломиец В.Б.* Учредительное собрание как альтернатива Гражданской войне // Гражданский мир – Гражданская война: осмысление и прогнозы: материалы Междунар. науч. конф., 2 марта 2018 г. / под ред. В.М. Доброштан. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского государственного университета промышленных технологий и дизайна, 2018. С. 98–101.

8. *Ленин В.И.* Речь о роспуске Учредительного собрания на заседании ВЦИК от 6 (19) января 1918 г. // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2017. № 10 (38). С. 326–328.

9. *Летняков Д.Э.* Российская традиция общественно-политического участия: XI – начало XX в.: дис. ... канд. полит. наук. М., 2009. 139 с.

10. *Лясович Т.Г.* Российская государственность в 1917 году: от империи к республике // Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (к 300-летию Российской империи): материалы XVIII Междунар. науч. конф.: в 2 ч. Ч.1. СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2021. С. 114–119.

11. *Марченко М.Н.* Теория государства и права. М.: Проспект, 2021. 640 с.

12. *Медушевский А.Н.* Учредительное собрание как политический институт

революционного периода // Отечественная история. 2008. № 2. С. 3–29.

13. *Мокеев А.Б.* Из истории Всероссийского Учредительного собрания: чем запомнились выборы в Петрограде // Частное и общественное в повседневной жизни населения России: история и современность (региональный аспект): сб. материалов Междунар. науч. конф., 15–17 марта 2018 г. / под общ. ред. В.А. Верременко. СПб.: Культурно-просветительское товарищество, 2018. С. 73–78.

14. *Худненко Л.А.* Правовая регламентация выборов в Учредительное собрание России // История государства и права. 2013. № 10. С. 47–52.

15. *Патрикеева О.А.* Учредительное собрание России: поиск оптимальной системы выборов (март–сентябрь 1917 г.) // Революции в отечественной и мировой истории: к 100-летию российских революций 1917 года: материалы Междунар. науч. конф., 14 апреля 2017 г. / под ред. В.М. Доброштана, С.И. Бугашина, А.С. Минина, Т.С. Рабуш. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского государственного университета промышленных технологий и дизайна, 2017. С. 283–285.

16. Парламентаризм: история, теория, технология: колл. монография / под ред. Р.А. Ромашова. СПб.: Алетейя, 2022. 202 с.

17. Положение о выборах в Учредительное собрание (с приложением Наказа, расписания числа членов Учредительного собрания и постановлений Временного правительства) // Российское законодательство X–XX вв.: в 9 т. Т. 9. Законодательство эпохи буржуазно-демократических революций / отв. ред. О.И. Чистяков. М.: Юридическая литература, 1994. С. 136–184.

18. Постановление Временного правительства о провозглашении России республикой от 1 сентября 1917 г. // Российское законодательство X–XX вв.: в 9 т. Т. 9. Законодательство эпохи буржуазно-демократических революций / отв. ред. О.И. Чистяков. М.: Юридическая литература, 1994. С. 127–129.

19. *Протасова С.С.* Становление российского парламентаризма в начале XX в. // Научный диалог: вопросы философии,

социологии, истории, политологии: сб. науч. тр. по материалам IX Междунар. науч. конф. / Междунар. науч.-исследовательская Федерация «Общественная наука». М.: Общественная наука, 2017. С. 30–34.

20. *Скрипилев Е.А.* Всероссийское Учредительное собрание: историко-правовое исследование. М.: Наука, 1982. 216 с.

21. *Старцев В.И.* Внутренняя политика Временного правительства первого состава / под ред. О.Н. Знаменского. Л.: Наука: Ленинградское отделение, 1980. 256 с.

22. *Суслина И.А.* Становление парламентаризма в Российской империи в период правления Александра I (историко-правовой анализ) // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. 2020. № 4 (49). С. 17–20.

23. *Титов С.А.* Понятие парламентаризма в России // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2014. № 4. С. 15–24.

24. Учредительное собрание. Россия, 1918. Стенограмма и другие документы. М.: Недра, 1991. 159 с.

25. *Чекакина Н.* Учредилку разгоните, а завтра разберемся... // Дилетант. 2018. 19 января.

URL: <https://diletant.media/articles/38884561/?ysclid=lhvtvm16ag463449494> (дата обращения: 13.05.2023).

26. *Ярославцева В.* После правок Конституции в России меняют систему региональной власти. На очереди – реформа МСУ // РИА Новый день. 2021. 2 ноября.

URL: <https://newdaynews.ru/ekaterinburg/740928.html> (дата обращения: 02.04.2023).

С.С. Русаков

ДЕЦИЗИОНИЗМ К. ШМИТТА В ПРЕЛОМЛЕНИИ СОВРЕМЕННОСТИ

Сергей Сергеевич Русаков – доцент кафедры гуманитарных и социальных дисциплин, Государственный институт экономики, финансов, права и технологий, кандидат политических наук, г. Гатчина; e-mail: rusakovsergey456@gmail.com.

В статье рассматриваются некоторые аспекты политико-правового учения К. Шмитта, которые не только были актуальны в XX в., но и получили отражение в современных внутривнутриполитических процессах. Автор анализирует ряд понятий, которые в децизионизме получили особое толкование, и подтверждает их примерами из современной правовой практики.

Ключевые слова: К. Шмитт; децизионизм; суверенитет; гарант Конституции; чрезвычайные полномочия; легитимность.

S.S. Rusakov

MODERN VIEW OF C. SCHMITT'S DECISIONISM

Sergei Rusakov – senior lecturer, the Department of Humanitarian and Social Disciplines, State Institute of Economics, Finance, Law and Technology, PhD in Political Sciences, Gatchina; e-mail: rusakovsergey456@gmail.com.

We look at certain aspects of Carl Schmitt's political and legal doctrine that were seen as relevant in XX century and are currently reflected in modern internal political processes. We analyze a range of concepts having a special interpretation in decisionism and offer examples from modern legal practice to support the concepts in question.

Keywords: C. Schmitt; decisionism; sovereignty; guarantor of the Constitution; emergency powers; legitimacy.

Карл Шмитт является известным политическим и правовым философом, создавшим особое учение под названием децизионизм (англ. «decision», т.е. принятие решения). В ходе споров с представителями главенствующей в то время нормативистской школы, т.е. с Г. Кельзеном, Х. Крабе и К. Вольцендорфе, а также в силу хода исторических событий в Германии, направление децизионизма было вытеснено из истории философии права. Наследие немецкого философа, а также его дискуссия с другими правоведом XX в. активно изучали Л. Уинкс [15], С. Полсон [14] Дж. Агамбен [1], но и сейчас многие идеи К. Шмитта, которые по-

лучили популярность в свое время благодаря работам «Диктатура» (1921), «Политическая теология» (1922), «Понятие политического» (1927) и др., находят отражение в современной политико-правовой практике.

Децизионизм, представляя собой базовый концепт немецкого мыслителя (по крайней мере, в его раннем и зрелом этапах творчества), базируется на идеях Ж. Бодена, Ж. де Местра, Л. Бональда, Д. Кортеса и предполагает, что политика осуществляется в двух режимах: в нормальном режиме, где обыденный поток жизни может опираться на заранее установленные правовые правила, и в исклю-

чительном режиме, когда наступает кризис, требующий чрезвычайных политических решений. Норма в чрезвычайных ситуациях не работает, и политико-правовое поле становится неупорядоченным, требуя немедленного принятия решения. Суверенность, являясь ядром политической жизни, проявляется именно в условиях кризиса, где важнейшую роль играет не норма права, а абсолютное решение, определяющее судьбу народа и государства. Конституция в данном случае может устанавливать только норму в отношении лица, которому будет позволено воспользоваться экстренными полномочиями [13, с. 10].

В истории разных государств присутствуют примеры, когда глава государства в исключительных ситуациях преодолевал установленный нормой конституции порядок. По словам Джеймса Рэнделла, одного из крупнейших американских правоведов-исследователей периода администрации А. Линкольна, на первом своем этапе Гражданская война была войной «президентской» [3]. С 12 апреля по 4 июля (до сессии конгресса) 1961 г. президент Линкольн единолично определял всю внутреннюю политику, «приостановив (впервые с момента принятия Конституции США) предписания о праве судебной защиты прав граждан (*habeas corpus*), являющееся (согласно разделу 9 ст. I Конституции) привилегией законодательной власти». Кроме того, распорядился казней (направив золото в Западную Вирджинию, где вскоре был создан новый штат), закрыл несколько газет (во имя борьбы с вражеской агентурой) и пр.

Более современным примером будет являться введение войск Д. Эйзенхауэром в Литтл-Рок в 1957 г., где местная полиция не могла справиться с линчевателями, и потребовалось вмешательство федеральных властей. Подобные меры применялись для ликвидации беспорядков не единожды: в Арканзасе в сентябре 1957 г., в Миссисипи в сентябре 1962 г., в Алабаме в июне, затем сентябре 1963 г. и др.

Во внешней политике суверенитет проявляется, в первую очередь, в согласии с концептуальными разработками

К. Шмитта, в решении того, кто является «врагом», а кто – «другом». Высшей точкой политического децизионизма и сутью политической экзистенции является политическое решение о том, кто является врагом, а государство, которое самостоятельно не принимает подобных решений, также не обладает суверенитетом [7]. В этом смысле является возможным подчеркнуть особую устойчивость некоторых государств перед глобализацией, которая в ценностно-смысловом измерении во многом определяется США и странами Запада. В последней своей монографии К. Шмитт подчеркивал, что государство – это «основной носитель межгосударственного пространственного порядка», способный как разрушать, так и выстраивать новый порядок (др.-греч. – «*νομός*») международных отношений, игнорируя ее установившуюся ранее норму [10, с. 241]. В наше время немногие страны, такие как Россия, США и Китай, открыто могут признавать и юридически закреплять приоритет внутреннего национального права над международным.

Центральным и вытекающим из самой доктрины децизионизма понятием является «чрезвычайное положение». Сам К. Шмитт, указывая, что «чрезвычайное положение имеет для юриспруденции значение, аналогичное значению чуда для теологии» [13, с. 34], определяет его как приостановку действия правового порядка. В современной практике термин «чрезвычайное положение» не является четким, и это можно объяснить как лингвистическими и семантическими сложностями, так и невозможностью перечислить все возможные непредсказуемые ситуации. Очевидно лишь, что любое политико-правовое действие в рамках чрезвычайности будет наделено необходимостью, конкретностью, срочностью и ограниченностью во времени.

В современном мире возникает немало примеров, связанных с чрезвычайными обстоятельствами. Так, пандемия COVID-19 породила целую серию подобных политико-правовых актов: в Италии глава правительства Джузеппе Конте издал акт, который критики назвали периодически-

ми «указами», известными как DPCMs, в Великобритании Борис Джонсон утвердил «Закон о коронавирусе» 2020 г., а Дональд Трамп обратился к «Закону о национальной обороне» 1950 г., и все федеральные штаты впервые в истории США объявили чрезвычайное положение [2].

Как известно, во Франции ст. 16 Конституции позволяет Президенту принимать любые меры по спасению Республики, независимости нации и ее территории. Схожая схема описывается в ст.ст. 56, 88 Основного закона РФ, хотя там четко указываются права и свободы, не подлежащие никакому изменению. Венесуэла в статьях 236 и 337 своей Конституции прибегает к подобным же мерам.

Если же обратиться к американскому опыту, нельзя не упомянуть о том, что в США до 1976 г. Президент мог объявлять чрезвычайное положение по любому поводу, если, по его мнению, существует угроза национальной безопасности. В 1976 г. порядок объявления ЧС был регламентирован законом «National Emergencies Act», ограничивающим длительность чрезвычайного положения, однако Президент может продлевать режим каждые полгода. В случае объявления режима ЧС Конгресс передает Президенту 136 особых полномочий (в том числе приостановку действия всех законов, регулирующих химическое и биологическое оружие, включая запрет на испытания на людях; на разрешение проектов военного строительства; призыв любых отставных офицеров или рядовых береговой охраны; распределение всех ресурсов в стране и т.п.), из которых повлиять может лишь на 12.

Другой теоретической проблемой, поднимаемой К. Шмиттом, является понятие «гарант Конституции», раскрытое им в одноименной работе «Гарант Конституции» (1931) и ставшее кульминацией в спорах с Г. Кельзенем [9]. Гарант Конституции является чрезвычайным и единоличным учреждением, которое работает в ситуации политического кризиса и своим актом обеспечивает, с одной стороны, «единство народной воли», а с другой – диктатуру при демократической легитимности. Диктатура, т.е. возложение на от-

дельную персону чрезвычайных полномочий, необходима для принятия решений в кризисе, поскольку только единоличными решениями может быть быстро и эффективно достигнута поставленная цель: ведение войны, подавления восстания, предотвращение государственного переворота и пр.

Так, исполнительный указ Д. Рузвельта № 9066 от 19 февраля 1942 г. определял, что лица японского происхождения должны переселиться в особые военные зоны, наделяя военного министра полным карт-бланшем на предоставление таким лицам транспорта, продовольствия и жилья. Через месяц Конгресс США принял публичный закон, закрепляющий особый режим, введенный Д. Рузвельтом, а Верховный суд США и вовсе не прокомментировал его до разбирательств в 1944 г. в деле *Коремацу против США* [5].

Суды и парламенты, по мнению Шмитта, не могут выступать гарантами Конституции, поскольку конституционный суд, отменяя решения исполнительной и законодательной власти и не являясь при этом выразителем воли народа, будет выходить за рамки юстиции и политизировать саму судебную систему, а парламент представляет собой «вечный разговор» и в силу своей плюралистической воли не способен к принятию политических решений (здесь видно влияние Д. Кортеса, который определял парламент как «дискутирующий класс, уклоняющийся от окончательного решения» [13, с. 53]).

Нельзя не упомянуть и про особое понимание К. Шмиттом легальности и легитимности. Так, в своей работе он настаивает на том, что в самом распространенном виде политического сообщества – в государстве законодательства – «легитимность парламентской демократии состоит только в ее легальности», поскольку вся политическая воля единого народа усматривается в тех нормах права в вытекающем из них политическом и правовом порядке, которые и создают сами законодатели.

В истории европейского права он выделяет и другие типы политических со-

общества: государства юрисдикции, где судья (судебный орган) способен и обладает политической волей преодолевать решения законодателей; государства администрации, где власти ссылаются на некую непреодолимую ситуацию, которую государство не способно решить силами установленных норм и приводит в действие ряд ответных, на внутренний или внешний вызов, мер; государства правления, где высочайшая личная воля и авторитетное повеление главы государства порождает норму права без активного участия парламента. Верно, что в современных политических системах и конституциях прописана взаимосвязь всех ветвей власти, но К. Шмитт проявляет интерес именно к конфигурации и распределению объема и легальности у всех возможных законодателей.

Во всех государственно-правовых доктринах принято считать, что парламент выражает общую волю, а не волю отдельного лица (например, тирана), а значит, каждый закон не может быть несправедливым актом или злоупотреблением властью, следовательно, полностью легален и легитимен. Парламент создает совокупность законов и тем самым устанавливает порядок, находясь под надзором юстиции – это нормальный порядок работы современных демократий.

Вторым законодателем может являться сам народ, и К. Шмитт неоднократно подтверждает, что ему импонирует идея превосходства прямого всенародного демократического голосования над любым опосредованным его выражением [12, с. 53, 229]. Народ может являться вторым (или чрезвычайным) законодателем, поскольку способен выражать единую волю народа и является максимально легитимным по отношению к парламенту (согласно тезису Руссо, представитель (народа) «должен умолкнуть, когда начинает говорить сам представляемый»), однако не может легально работать на постоянной основе, разрушает институт парламентаризма, превращая его лишь в механический переключатель законодательного процесса на плебисцит и, исходя из вышесказанного, не может создавать постоян-

ное правовое состояние нормы.

Третьим чрезвычайным законодателем является глава государства, который представляет собой уникальную политико-правовую фигуру, объединяющую легальность (при условии наличия полномочий у главы государства) и легитимность (при условии избранием прямым голосованием), способную как преодолевать норму правовой жизни своими указами, так и создавать ее путем регулярной законодательной инициативы. Именно в связи с этим типом законодателя вводятся понятия комиссарской и суверенной диктатуры.

Комиссарская диктатура должна восстановить норму политико-правового поля, т.е. обеспечить безопасность и порядок в государстве путем приостановления действия существующего конституционного порядка до приведения состояния общества и государства в норму. К ее главным чертам относится возможность использовать власть одновременно в законодательной и исполнительной сфере, а также сама скорость осуществления своих политико-правовых актов. Примерами подобных недемократических способов защиты демократии могут служить как Сулла в Римской республике, так и президенты США, вводящие чрезвычайное положение.

Суверенный диктатор, в свою очередь, рассматривает «весь существующий порядок как состояние, которое должно быть устранено его акцией» [11, с. 158] (т.е. его политическим действием). Иными словами, он своей политической волей желает установить такое новое конституционное состояние, которое сам будет рассматривать как истинное. Исторически суверенная диктатура появилась в годы деятельности Национального конвента во время Великой французской революции, а в современном мире может угадываться в приходе к власти Х. Перона в Аргентине в 1946 г. (призыв по радио с последующей победой в выборах) или Ш. де Голль (Конституционный референдум 1958 года).

В качестве заключения можно сказать, что обращение к политико-правовым наработкам К. Шмитта для очерчивания и анализа сложившейся современной поли-

тической ситуации может быть более плодотворным, чем использование парадигм, созданных в рамках либеральной философии [8]. По мнению современного итальянского философа и выпускника юридического факультета Римского университета Д. Агамбена, чрезвычайное положение стремится стать доминирующей управленческой парадигмой современной политики, используя лозунги безопасности и приведения политического поля в порядок [6]. Кроме того, существует мнение, что русская государственная наука в начале XX века приходила к выводам, во многом аналогичным тем, что проповедует децизионизм [4], поэтому и сейчас, учитывая международную обстановку, роль России в мировой политике и толчок в развитии российской правовой и политической наук, есть смысл вновь обратиться к анализу некоторых идей К. Шмитта.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Агамбен Д.* *Homo sacer*. Чрезвычайное положение. М.: Европа, 2011. 148 с.
2. *Алферов О.Л., Алферова Е.В.* «Укрощение» пандемии COVID-19: правовые подходы к борьбе с коронавирусом в Италии, США и Китае // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 4. Государство и право: Реферативный журнал. 2022. № 1. С. 153–165.
3. *Домрин А.Н.* «Нерушимый союз, созданный из нерушимых штатов». Конституционное право США на страже единства федерации // Свободная мысль. 2019. № 5 (1677). С. 129–142.
4. *Костокрызов П.И.* Децизионизм в России: дореволюционные предшественники и современные интерпретаторы Карла Шмитта. Часть I // Дискурс-Пи. 2021. № 1 (42). С. 62–76.
5. *Латыпова Н.С.* Взгляд на юридическую историю США. Чрезвычайные акты президента // Американистика: актуальные подходы и современные исследования. 2020. № 12. С. 151–167.
6. *Павкин Л.М.* Теория чрезвычайного положения: К. Шмитт и Д. Агамбен // Северо-Кавказский юридический вестник. 2012. № 4. С. 19–23.
7. *Русакова О.Ф.* Децизионизм как базовый концепт консервативного дискурса К. Шмитта // Дискурс-Пи. 2013. № 1–2. С. 266–269.
8. *Ситников А.В.* Карл Шмитт и модель политического управления // Обозреватель – Observer. 2015. № 3 (302). С. 96–105.
9. *Уханов А.Д.* Дискуссия Карла Шмитта и Ганса Кельзена о гаранте конституции в контексте конфликта политико-правовых учений // Вестник МГОУ. 2022. № 3. С. 74–87.
10. *Шмитт К.* Номос Земли в праве народов *jus publicum europaeum*. СПб.: Владимир Даль, 2008. 670 с.
11. *Шмитт К.* Диктатура. От истоков современной идеи суверенитета до пролетарской классовой борьбы. СПб.: Наука, 2005. 326 с.
12. *Шмитт К.* Легальность и легитимность // Четыре главы к учению о суверенитете. Понятие политического. СПб.: Наука, 2016. 567 с.
13. *Шмитт К.* Политическая теология // Четыре главы к учению о суверенитете. Понятие политического. СПб.: Наука, 2016. 567 с.
14. *Paulson S.L.* Hans Kelsen and Carl Schmitt: Growing Discord, Culminating in the «Guardian» Controversy of 1931 // Meirehenrich J., Simons O. The Oxford Handbook of Carl Schmitt. Oxford: Oxford University Press, 2017. P. 510–546.
15. *Vinx L.* The Guardian of Constitution. Hans Kelsen and Carl Schmitt on the limits of Constitutional Law. Cambridge: Cambridge University Press, 2015. 290 p.

В.С. Шаульский, М.М. Вождяев
ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПОЗНАНИЯ И ЮРИДИЧЕСКОГО
СОДЕРЖАНИЯ СОБСТВЕННОСТИ И ДОГОВОРА
В ФИЛОСОФИИ ПРАВА ГЕГЕЛЯ

Владимир Станиславович Шаульский – руководитель юридической службы, Ассоциация Рыбоводов Северо-Запада, г. Санкт-Петербург; e-mail: Vladimir.shaulsky@gmail.com.

Михаил Маратович Вождяев – аспирант 2-го курса, Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики, г. Санкт-Петербург; e-mail: m_student2021@mail.ru.

В настоящей статье исследованы основные вопросы методологии Гегеля в контексте ключевых понятий теории гражданского права – понятий «собственность» и «договор». Общеευропейское значение имеет «Философия права» – одна из главных работ Гегеля, посвященных рассматриваемым вопросам, что является важным фактором при обращении к ней современных ученых-юристов. Авторы полагают, что содержательный потенциал предложенной Гегелем систематики юридических понятий далеко не исчерпан, и он требует внимательного изучения в целях совершенствования методологии общей теории права.

Ключевые слова: философия права; теория права; диалектика; Гегель; собственность; договор.

V.S. Shaulskiy, M.M. Vozhdaev
MAJOR CHALLENGES OF COGNITION AND LEGAL CONTENT
OF PROPERTY AND CONTRACT IN HEGEL'S PHILOSOPHY
OF LAW

Vladimir Shaulskiy – Head, Legal Department, North-West Fish Breeders Association, Saint-Petersburg; e-mail: Vladimir.shaulsky@gmail.com.

Mikhail Vozhdaev – 2nd year post graduate student, Saint-Petersburg University of Management Technologies and Economics, Saint-Petersburg; e-mail: m_student2021@mail.ru.

The article examines major issues of Hegel's methodology in the context of key notions of the theory of civil law: the notions of property and contract. One of Hegel's key studies addressing the issues at hand, the Philosophy of Right, is of the all-European significance which is an important factor for modern legal scholars to refer to. The authors believe that the meaningful potential of systematics of legal concepts proposed by Hegel is far from being exhausted and that it requires careful study in order to improve the methodology of the general theory of law.

Keywords: philosophy of right; theory of law; dialectics; Hegel; property; contract.

Вероятно, не существовало в прошлом мыслителя, учение которого было бы воспринято человечеством настолько же неоднозначно, как философская система Г.В.Ф. Гегеля. Эта неоднозначность, а порой и придаваемая ей некоторыми учеными одиозность, граничит с колоссаль-

ностью влияния идей Гегеля на облик современного мира.

По меткому замечанию Ф. Ницше, «...немцы, – гегельяны, даже если бы никогда не было никакого Гегеля...». И в данном случае это суждение вполне относительно ко многим иным народам, которые

ощутили влияние философских технологий Гегеля в сферах государственного строительства (достаточно вспомнить о влиянии гегелевской диалектики на К. Маркса и влиянии идей последнего на развитие стран-участниц бывшего СССР), культурологических исследований (лекции по эстетике Гегеля стали во многом основой развития современных институциональной, формальной теорий искусства) и юридической науки.

Многие мысли, высказанные Гегелем в его знаменитой «Философии права», или, как метко ее называют на Западе, «Elements of the philosophy of Right», стали основой развития теории права и государства континентальной Европы в целом, начиная с середины XIX в. Укажем, что первая в истории России научная диссертация защищена в 1834 г. профессором К.А. Невוליным именно по философии права и во многом под влиянием Гегеля, с которым профессор Неволин был знаком лично.

Исходя из вышеизложенного, важным становится исследовать доктринальные «следы» Г.В.Ф. Гегеля, которые, без сомнения, можно обнаружить в современных источниках по философии права, то, что стало основой государственной политики многих стран континентальной Европы.

Существенным фактом в идеалистической системе Гегеля (системе абсолютного идеализма, как ее называл автор), является то, что выстраивает он все свои мысли, исходя из сугубо материалистического базиса, в духе французских материалистов XVIII в. Итак, первая часть «Малой логики» Гегеля – «Учение о бытии». Следует указать, что бытие для Гегеля изначально не имеет под собой сущностного фундамента: рассуждая о бытии, Гегель ставит задачей доказать читателю, что все его мыслительные функции имеют основанием так или иначе бытие, но не конкретное бытие вещи, а «полное», бессодержательное утверждение существования вещи (будь то ноуменальное или феноменальное ее существование). Такое «свободное» от содержания бытие названо у Гегеля «чистым бытием», от которо-

го следует отталкиваться в любом рассуждении: «Чистое бытие образует начало, потому что оно в одно и то же время есть и чистая мысль, и неопределенная простая непосредственность, а первое начало не может быть чем-нибудь опосредствованным и определенным» [1]. Действительно, что мы можем утверждать о вещи, впервые столкнувшись с ней? Только то, что она есть. На вопросы о том, как и почему она существует, и существует ли в действительности, мы ответим в дальнейшем.

Начиная рассуждать о «чистом бытии», мы открываем для себя истинную сущность логики диалектического процесса: процесса выведения одного понятия из другого: чтобы проще было представить себе механизм этого выведения, укажем, что каждая следующая фундаментальная категория сложнее предыдущей, а значит, она содержит в себе собственного предшественника, и предшественника этого предшественника. Тем самым мы выводим определение диалектического развития категорий: развитие есть движение от простого к сложному, и это такое развитие, которое производится на собственной основе. Все вышеуказанное есть наглядная демонстрация первого закона диалектики: отрицания отрицания – развития на собственной основе вещей, простых и сложных понятий (категорий). Каждая из составляющих категории бытия имеет также составные части, утверждающие существенные различия между ними. Однако для поверхностного, но адекватного понимания гегелевского бытия вообще нам не потребуются их тщательное изучение. Каждый из нас имеет представление о том, что есть количество и качество, что собой представляет мера в бытовом смысле. Но процесс образования нового качества вещи из определенного количества знаком немногим. Существенным шагом к пониманию диалектичности меры станет высказывание Гегеля: «Мера есть качественно определенное количество прежде всего как непосредственное; она есть определенное количество, с которым связано некое наличное бытие или некое качество».

Что это означает? Не что иное, как границу, с преодолением которой связано качество, видоизменяющее определенное бытие: если оглядываться на историю философии, можно с улыбкой отметить, что непонимание категории «меры» в Древней Греции стало основанием появления многочисленных интересных софизмов, яркую демонстрацию которых являет собой апория Евбулида: «Если прибавлять по одному зерну, с какого момента появится куча, и значит ли это, что куча возникает в результате прибавления одного зерна?» [2]. Учитывая этот парадокс, приходим к выводу о том, что древний грек не знал второго диалектического закона, который мы также обнаруживаем в «Учении о бытии»: закона перехода количественных изменений в качественные путем преодоления категории меры. Разумеется, решить этот парадокс теперь не составит труда, если внести в него несколько уточнений: уяснив себе, что условно кучей можно считать тридцать зерен, мы вольны утверждать, что мерой малой кучи будет тридцать зерен. Преодолев этот количественный барьер, обнаруживаем существование большой кучи – нового объемного и весового качества бытия зерен, положенных друг к другу. Не сделав этого диалектического обозначения, мы можем смело отвечать Евбулиду: «Сколько бы ты не положил зерен – они не будут иметь количественного отношения между собой, а значит, не будут являть собой кучи. Следовательно, зерна будут восприниматься как единичные, неспособные создать кучу вообще вещи».

Осознав, что собой являет бытие, переходим ко второй фундаментальной категории гегелевской «Малой логики» в частности и «Науки логики» в целом – к сущности. Сущность, по Гегелю, это – бытие, которое находит полноту своей определенности, соединяя в себе все составные части самого себя в единое целое, «сущность должна являться». Явление – основа существования сущности, то есть основы всякого существования вообще, по Гегелю. Пристально рассмотрев ранее категорию бытия, нам не стоит глубоко вглядываться в содержание сущности, по-

скольку она пока еще не открывает нового, последнего диалектического закона, обнаруживаемого в «Учении о понятии».

«Учение о понятии» – третья и заключительная часть «Малой логики» Гегеля, первого из трех томов его «Энциклопедии философских наук». Что это такое, диалектическое понятие? Понятие – это бытие, через которое просвечивает сущность. Простое на первый взгляд определение понятия, которое применимо и вне рамок философии Гегеля, скрывает в себе основополагающее, главное утверждение, лежащее в структуре в целом диалектики: «Диалектика (в современном, то есть главным образом гегелевском, смысле термина) – это теория, согласно которой нечто – в частности, человеческое мышление, – в своем развитии проходит так называемую диалектическую триаду: тезис, антитезис и синтез» [3].

Действительно, в качестве тезиса у нас выступает бытие – изначально пустое, бессодержательное, неопределенное, определение которого возможно лишь поверхностно; антитезисом, антиподом бытия будет сущность как определенность, объективная «внутренность» бытия вообще. Однако ни бытие, ни сущность немислимы в своей разрозненности: свое применение и полезность они обнаруживают лишь в единстве, синтезе, имя которому – понятие. Вот оно, логическое завершение блестящей философской работы, блестящего философского учебника – введения в логику самодвижения категорий и вещей. Понятие как наглядная демонстрация третьего, последнего закона диалектики: все в мире противоречиво, и все в мире движется благодаря единству и борьбе противоположностей. В итоге можно выделить три фундаментальные категории гегелевской «Науки логики»:

- а) бытие;
- б) сущность;
- в) понятие.

Двигаясь в рамках очерченной методологии, философия права должна быть воспринята через призму основных «ключей», которые предоставил Гегель в работах о логике [4]. Диалектическое восприятие юридических категорий сыграло не-

маловажную роль в становлении немецкой и российской теории права. В итоге многие элементы системы Гегеля нашли отражение в современных политических институтах (гражданском обществе, морали как источнике права и т.д.).

Гегель исходит из понимания фундаментальности понятия собственности в юриспруденции, что обнаружить с первого взгляда при анализе системы подачи материала в его «Философии права». Последняя, по словам автора, выступает в роли учебника или пособия для его слушателей, в котором категории собственности отведено первое место среди исследуемых философом институтов.

Собственность, как пишет Гегель, рождается в силе необходимости выражения свободы лица: «Лицо должно дать себе внешнюю сферу своей свободы для того, чтобы быть как идея. Так как лицо есть в себе и для себя сущая бесконечная воля в этом первом, еще совершенно абстрактном определении, то это отличное от него, могущее составить сферу его свободы, также определено как непосредственно отличное и отделимое от него... Непосредственно отличное от свободного духа есть для него и само по себе внешнее вообще, – некая вещь, нечто несвободное, безличное и бесправное» [1]. Таким образом, собственность – это 1) возможность актуализировать свою свободу, бросить ее вовне; 2) это сама по себе обезличенная вещь, то есть такая, что может стать объектом права лишь ввиду определенных обстоятельств (юридических фактов).

Ключевым юридическим фактом (и самым первым по своей форме в историческом аспекте) выступает договор. С учетом договора лицо может передать вещь, ввиду передачи вещи право собственности прекращается у одного и возникает у другого. Гегель исходит из того, что собственность, если она становится объектом права, соединяет в себе противоречие, разрешаемое посредством договора. Данное противоречие заключается в несовпадении воли как минимум двух участников соглашения, по которому один желает стать собственником, а второй – прекратить свое право собствен-

ности, но при этом желает также быть собственником до момента передачи (поскольку «нельзя передать больше прав, чем имеешь сам»), как пишет Ульпиан [5]). Договор снимает это противоречие как синтез.

Гегель дает классическое и известное всем современным юристам понятие договора через его признаки. Договор является правоотношением («отношением двух волей»), он может быть заключен только на началах свободы, и его предметом становится индивидуально определенная вещь («предметом договора является некоторая единичная внешняя вещь, ибо только она подчинена их голому произволу отчуждения»).

Высшей формой договора, по Гегелю, выступает государство, которое представляется философом как апофеоз развития рациональности человека. Поскольку государство есть договор (возникает вследствие общественного договора), все участники этого «соглашения» скреплены обязанностями друг перед другом, поскольку считается, что все вступили в договорную связь добровольно и участвовали в определении прав каждого участника. Из этого вытекает абсолютность государства как идеи [6].

Можно утверждать, что если право выступает в качестве царства свободы, то государство – продукт реализации этой свободы (свобода проявляется вовне через собственность посредством договора) – становится естественным ограничителем права, позитивной несвободой или негативной свободой.

Базисом исследования идей Гегеля должен выступать разработанный им метод вывода одних понятий из других, который принято именовать диалектикой. Сама по себе диалектика не является разновидностью метода в чистом понимании этого слова так как служит составной частью (а иногда и непосредственным предметом) философии Гегеля. Посредством диалектики, рассматривая категории собственности, договора и государства, несложно проследить в этих сущностях характерные черты основных элементов логики Гегеля: бытия, сущности и понятия.

Собственность выступает как бытие, на первых порах существования как бесправной вещи, то есть «чистое бытие». Через договор – сущность собственности – лицо-собственник может прекратить свое право, реализовав тем самым свою свободу как субъекта и превратив «голую» собственность в объект права вообще. Наконец, государство выступает как высшая форма развития человеческой рациональности, абсолютная идея, представленная как понятие.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гегель Г. *Философия права* / пер. Б.Г. Столпнер. М.: Юрайт, 2023. 292 с.
2. Диоген Лаэртский. *О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов* / пер. М.Л. Гаспарова. М.: Мысль, 1986. 571 с.
3. Карл Р. Поппер. *Что такое диалектика* // Вопросы философии. 1995. № 1. С. 118–138.
4. Нерсесянц В.С. Гегель: монография. М.: Норма: ИНФРА-М, 2021. 112 с.
5. Ульпиан // Большая советская энциклопедия: в 50 т. Т. 44. Ужи – Фидель. М.: Советская энциклопедия, 1956. С. 196.
6. Гегель Г. *Философия истории* / пер. А.М. Воден. М.: Юрайт, 2023. 378 с.

О.В. Воронина

НОВЕЛЛЫ ИНСТИТУТА ПРЕКРАЩЕНИЯ ГРАЖДАНСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Ольга Вячеславовна Воронина – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Государственного института экономики, финансов, права и технологий, г. Гатчина; e-mail: matvol80@mail.ru.

В статье проанализирован институт прекращения гражданства Российской Федерации с учетом принятия Федерального закона от 28 апреля 2023 г. № 138-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации», который вступает в силу 26 октября 2023 г. Сложность анализируемого института обуславливает отсутствие единой правовой и исследовательской позиции относительно вопроса определения терминов «прекращение гражданства», «лишение гражданства», «отмена решений по вопросам гражданства», «утрата гражданства». В результате исследования сформулированы предложения по совершенствованию правовых норм, составляющих институт прекращения гражданства РФ. В частности, автор предлагает на законодательном уровне закрепить определения понятий «прекращение гражданства» и «лишение гражданства» с целью их разграничения.

Ключевые слова: прекращение гражданства; лишение гражданства; утрата гражданства; выход из гражданства; отмена решений по вопросам гражданства; угроза национальной безопасности; уведомление об утрате гражданства.

O.V. Voronina

INNOVATIONS OF INSTITUTE OF TERMINATING CITIZENSHIP OF RUSSIAN FEDERATION

Olga Voronina – Associate Professor, the Department of Civil Law Disciplines, State Institute of Economics, Finance, Law and technology, Ph.D. in Law, Associate Professor, Gatchina; e-mail: matvol80@mail.ru

The article provides analysis of the institute of termination of Russian citizenship in view of the adoption of Federal Law of 28 April 2023 No. 138-FZ «On Russian Federation Citizenship» which comes into force on October 26, 2023. The complexity of the institution under analysis deals with the lack of unified legal and research position with regard to defining terms «termination of citizenship», «deprivation of citizenship», «revocation of citizenship decisions», «loss of citizenship». As a result of the research there have been formulated proposals for improving legal norms constituting the institution of termination of Russian citizenship. In particular the author suggests that definitions of terms «termination of citizenship» and «deprivation of citizenship» should be enshrined at legislative level in order to distinguish between the ones.

Keywords: termination of citizenship; deprivation of citizenship; loss of citizenship; renunciation of citizenship; revocation of citizenship decisions; threat to national security; notice of loss of citizenship.

Федеральный закон № 138-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации» принят в апреле 2023 г. (далее – Федеральный закон № 138-ФЗ). На его принятие ушло много времени. Около полутора лет прошло с момента внесения законо-

проекта в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации до момента официального опубликования. Однако данный правовой акт вступит в силу только 26 октября 2023 г. Соответственно, до этого момента действует Федеральный закон от 31 мая 2002 г. № 62-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации» (далее – Федеральный закон № 62-ФЗ).

Федеральный закон № 138-ФЗ расширил перечень основных понятий; предусмотрел пять оснований для приобретения российского гражданства; ликвидировал институт восстановления гражданства; увеличил перечень категорий лиц, которые могут получить российское гражданство в упрощенном порядке; исключил возможность получения гражданства за инвестиции и предпринимательство; зафиксировал широкий перечень оснований для прекращения гражданства; скорректировал полномочия органов, ведающих вопросами гражданства. Перечисленное выше отражает лишь некоторые основные новеллы института гражданства в России. К таким новеллам можно отнести и то, что институт отмены решений о приеме в гражданство заменен институтом прекращения гражданства.

В ст. 22 Федерального закона № 138-ФЗ изложены основания прекращения гражданства РФ. К ним отнесены:

- 1) выход из гражданства в порядке добровольного волеизъявления;
- 2) сообщение заведомо ложных сведений в отношении обязательства соблюдать Конституцию РФ и законодательство РФ, выраженное в совершении преступления;
- 3) сообщение заведомо ложных сведений в отношении обязательства соблюдать Конституцию РФ и законодательство РФ, выраженное в действиях, создающих угрозу национальной безопасности РФ;
- 4) установление факта представления лицом поддельных, подложных или недействительных документов либо сообщения им заведомо ложных сведений, на основании которых принималось решение о приеме в гражданство РФ или решение о признании гражданином РФ;

5) иные основания, предусмотренные международными договорами РФ.

Таким образом, прекращение гражданства предусматривает как добровольный порядок, так и принудительный, то есть если согласие гражданина РФ для этого не требуется. Определение термина «прекращение гражданства» законодатель не дает в Федеральном законе № 138-ФЗ. Действующий в настоящее время Федеральный закон № 62-ФЗ также не содержит определений терминов «прекращение гражданства» и «отмена решений по вопросам гражданства».

Обратим внимание на то, что относительно процесса прекращения гражданства в российском законодательстве, законодательстве зарубежных стран, в научных и учебных источниках применяются много схожих по значению терминов: «выход из гражданства», «отмена решений по вопросам гражданства», «утрата гражданства», «лишение гражданства» и ряд других. В законодательстве РФ определения этих терминов не закреплены, но в учебной и научной литературе можно изучить сформулированные авторами определения, характеристики и соотношения этих терминов.

Выход из гражданства – добровольное волеизъявление гражданина РФ, желающего прекратить российское гражданство. Определение данного термина, хотя и не содержится в нормативных правовых актах, но не вызывает особых дискуссий, поскольку такое определение можно сформулировать, изучив содержание норм Федеральных законов № 62-ФЗ и № 138-ФЗ.

Далее рассмотрим проблему определения терминов «прекращение гражданства», «отмена решения о приеме в гражданство» и «лишение гражданства». В.Е. Чиркин считает, что одним из оснований прекращения гражданства является отмена решения о приеме в гражданство [10, с. 153]. Б.С. Эбзеев и Л.В. Лазарев солидарны с ним в этом вопросе.

Спорным, на наш взгляд, можно признать противоположное мнение, высказанное В.Л. Бабуриной. В частности, исследователь полагает, что отмена решений по вопросам гражданства не может

быть рассмотрена как основание прекращения гражданства, что связано с различным характером последствий прекращения гражданства и отмены решений о приобретении гражданства [3, с. 11, 20].

С.Ю. Пронякина рассматривает отмену решения о приобретении гражданства как «более мягкий вариант» отсутствующего в российском законодательстве института лишения гражданства. Речь идет о том, что формально отмена решения о приобретении гражданства и лишение гражданства, согласно федеральному законодательству, правовой позиции Конституционного Суда РФ, – это не тождественные понятия. Однако исследователь утверждает, что такое разграничение не имеет практического значения, поскольку для государства важно прекратить с гражданином устойчивую правовую связь, и оно эту связь по своей инициативе в итоге прекращает. Поэтому С.Ю. Пронякина считает, что необходимо на конституционном уровне закрепить право государства на лишение гражданства по его инициативе в качестве санкции за совершение гражданами противоправных действий, которые подрывают основы конституционного строя РФ. Таким образом, предложено нормы, которые сегодня составляют институт отмены решения по вопросам гражданства, заменить институтом лишения гражданства [9, с. 61]. Иными словами, исследователь фактически ставит знак равенства между процедурой отмены решения по вопросам гражданства и лишением гражданства.

Похожий взгляд на определение термина «лишение гражданства» высказывает И.А. Алебастрова. Согласно ее позиции, принудительное прекращение гражданства по инициативе государства, применяемое в качестве санкции за такие деяния, как государственная измена, приобретение гражданства незаконным путем и другие, – это и есть лишение гражданства [1, с. 148].

Б.С. Эбзеев считает, что отмена решения по вопросам гражданства – одно из оснований прекращения гражданства, которое осуществляется по инициативе компетентного государственного органа.

В данном случае речь идет не о лишении гражданства, а о признании решения о предоставлении гражданства ничтожным [11, с. 340].

Противоположного мнения придерживается М.Н. Алиева, указывая, что государство не вправе быть инициатором прекращения отношения состояния лица в гражданстве, так как Конституция РФ закрепляет принцип, в соответствии с которым российский гражданин не может быть лишен гражданства. Поэтому гражданство РФ может быть прекращено лишь по добровольному волеизъявлению гражданина [2, с. 65].

Если рассматривать правовую позицию Конституционного Суда РФ, то в определении от 11 февраля 2021 г. № 183-О закреплено, что отмена решения о приеме лица в российское гражданство, если после его вынесения выявлен факт невыполнения этим лицом установленных законом условий приобретения гражданства, не является лишением гражданства, представляет собой не санкцию, а конституционно-восстановительную меру. Важным представляется и то обстоятельство, чтобы решение государственного органа не носило произвольного характера [8]. Следует отметить, что на страницах официальных печатных изданий, официальных сайтов органов государственной власти РФ к одному и тому же процессу применяется разная терминология, и нередко речь идет именно о лишении гражданства РФ [4; 5; 7].

Таким образом, среди ученых, политиков, журналистов нет единого мнения относительно определений терминов «прекращение гражданства», «отмена решения о приеме в гражданство» и «лишение гражданства». Каждый из них вкладывает в определение свое понимание. К тому же российское законодательство этому процессу способствует, поскольку отсутствуют правовые нормы, четко дающие определения исследуемых терминов. Кроме того, законодательство РФ часто изменяется.

В начале вводится институт отмены решений по вопросам гражданства, и этому посвящена отдельная глава Федераль-

ного закона № 62-ФЗ. Далее, в 2017 г., данный институт претерпевает существенные изменения. В октябре 2023 г. этот институт прекратит существование, вновь пережив значительные правовые изменения, будучи полностью поглощенным институтом прекращения гражданства. В таком случае вопрос о соотношении термина «отмена решений по вопросам гражданства» с иными терминами автоматически исчезает по причине аннулирования института отмены решений по вопросам гражданства РФ.

Однако вопрос об определении и соотношении терминов «прекращение гражданства» и «лишение гражданства» остается актуальным. Возможно, даже станет еще более дискуссионным и острым в связи с тем, что нормы, регулирующие прекращение гражданства РФ по инициативе государства в случае совершения лицом преступления, в настоящее время активно совершенствуются законодателем. Перечень уголовно наказуемых деяний, факт совершения которых позволит начать процедуру прекращения гражданства со стороны государства, постоянно растет. В Федеральном законе № 138-ФЗ этот перечень существенно больше, чем в действующем Федеральном законе № 62-ФЗ. Это, безусловно, становится предметом пристального внимания и обсуждения в среде ученых, политиков, журналистов и рядовых граждан, которые обращаются в судебные органы за защитой своих прав, считая, что их лишили гражданства РФ и тем самым нарушили ч. 3 ст. 6 Конституции РФ. Данная статья гласит о том, что гражданин РФ не может быть лишен гражданства.

На наш взгляд, представляется возможным в Федеральном законе № 138-ФЗ закрепить определения терминов «лишение гражданства» и «прекращение гражданства» с целью разграничения этих понятий. Таким образом, определения понятий позволят установить их содержание (существенные признаки), а также отличия от смежных с ними процессов.

Термин «утрата гражданства» был законодательно закреплен в Законе СССР от 1 декабря 1978 г. № 8497-IX «О граждан-

стве СССР». Основаниями утраты гражданства стали выход из гражданства, лишение гражданства и иные. Утрата гражданства в СССР означала прекращение правовой связи человека и государства как по инициативе гражданина, так и по инициативе государства.

Изучив Федеральный закон № 138-ФЗ, можно отметить, что сегодня все основания прекращения правовой связи человека и государства, как по инициативе гражданина, так и по инициативе государства, являются прекращением гражданства. На наш взгляд, точно сформулировал определение прекращения гражданства А.Н. Кокотов. Он считает, что прекращение российского гражданства – это утрата лицом гражданства РФ с одновременным обретением (сохранением) им статуса иностранца или лица без гражданства [6, с. 98–99]. Таким образом, считаем допустимым предположить, что термины «утрата гражданства» и «прекращение гражданства» тождественны.

В Федеральном законе № 62-ФЗ нет ни одной нормы, содержащей термин «утрата гражданства». В Федеральном законе № 138-ФЗ данный термин упоминается в ст. 11, в которой речь идет о праве гражданина РФ подачи уведомления об утрате гражданства (подданства) иностранного государства. Можно ли в данном случае считать утрату гражданства и прекращение гражданства тождественными терминами? Если эти понятия идентичны, то с какой целью законодатель ввел в правовую норму термин «утрата гражданства»? Считаем, что название данного документа можно сформулировать как уведомление о прекращении гражданства (подданства) иностранного государства.

К новеллам института прекращения гражданства РФ можно отнести фиксацию в подп. «б» п. 2 ч. 1 ст. 22 и 26 Федерального закона № 138-ФЗ нового основания для прекращения гражданства РФ: вследствие совершения действий, создающих угрозу национальной безопасности РФ. В действующем Федеральном законе № 62-ФЗ такое основание отсутствует.

По итогам анализа норм Федерально-

го закона № 138-ФЗ можно констатировать, что в данных нормах не содержится определения того, что следует понимать под действиями, создающими угрозу национальной безопасности. Указано лишь то, что по данному основанию гражданство может быть прекращено в отношении лица, которое приобрело гражданство РФ в результате признания гражданином РФ или приема в гражданство РФ. Органы федеральной службы безопасности РФ устанавливают факт совершения действий, которые создают угрозу национальной безопасности, а также выносят заключение. Последнее в трехдневный срок будет вручено лицу, в отношении которого оно вынесено, а также направлено в МВД России или его территориальные органы с целью принятия решения о прекращении гражданства. Далее лицо должно покинуть территорию РФ, может быть выслано за пределы РФ или выдано другому государству.

Для более четкого понимания терминологии обратим внимание на подзаконный правовой акт. Так, в Стратегии национальной безопасности РФ, утвержденной Указом Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 утверждается, что угроза национальной безопасности – совокупность условий и факторов, создающих прямую или косвенную возможность причинения ущерба национальным интересам РФ. Соответственно, действия лица должны быть направлены на возникновение условий и факторов, которые создают возможность причинения ущерба национальным интересам РФ. Однако не вполне понятно, о каких действиях идет речь? В чем именно они выражены? Прослеживается ли в этих действиях состав преступления или административного правонарушения?

Вопрос о прекращении гражданства особенно значим в случае отсутствия добровольного волеизъявления гражданина и влечет правовые последствия, в том числе неблагоприятные, поскольку гражданство – это один из ключевых институтов, обеспечивающих права и свободы человека. В данном случае целесообразно в ст. 26 Федерального закона № 138-ФЗ сформулировать определение «действий, которые

создают угрозу национальной безопасности РФ». Это необходимо с целью исключения неоднозначной правовой квалификации отношений и во избежание ошибок в деятельности органов государственной власти РФ в процессе правоприменения, неблагоприятно влияющих на права человека, их осуществление, охрану и защиту.

Завершая статью, дополним, что возможности совершенствования института прекращения гражданства РФ на современном этапе далеко не исчерпаны. Наоборот, нормы данного института подлежат дальнейшему изучению, анализу и трансформации в условиях обострения геополитической ситуации.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Алебастрова И.А.* Конституционное право зарубежных стран: учебник. М.: Проспект, 2007. 621 с.
2. *Алиева М.Н.* Актуальные проблемы гражданства в свете развития норм национального и международного права // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. 2017. № 3. С. 63–67.
3. *Бабурина В.Л.* Гражданство Российской Федерации: конституционно-правовая теория и практика: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2017. 22 с.
4. *Гончарук Д.* Путин подписал закон «О гражданстве РФ». За что будут лишать приобретенного гражданства // Российская газета. 2023. 28 апреля.
5. *Замахина Т.* Комитет Госдумы одобрил лишение гражданства за угрозы нацбезопасности // Российская газета. 2023. 5 апреля.
6. *Кокотов А.Н.* Конституционное право России: курс лекций. М.: Проспект, 2010. 296 с.
7. Лишение гражданства за терроризм // Государственная Дума Федерального Собрания РФ: офиц. сайт. 2017. 29 июля. URL: <http://duma.gov.ru/about/hidden/grajdanstvo/44853/> (дата обращения: 29.05.2023).
8. Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Верховного Суда Республики Карелия о проверке конституционности части второй ст. 22 Федерального закона

«О гражданстве Российской Федерации»: определение Конституционного Суда РФ от 11 февраля 2021 г. № 183-О // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты РФ. URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-11022021-n-183-o/?ysclid=lj5ef72mim991339326> (дата обращения: 29.05.2023).

9. *Пронякина С.Ю.* Лишение граждан-

ства как особое основание прекращения правовой связи с государством // Юридические исследования. 2021. № 10. С. 59–73.

10. *Чиркин В.Е.* Конституционное право России: учебник. М.: Норма, 2009. 495 с.

11. *Эбзеев Б.С.* Конституционное право России: учебник. М.: Проспект, 2019. 768 с.

Ю.А. Кудрявцев, Е.А. Шибанова

ОБРАЗ ДЕМОКРАТИИ В ПОСЛАНИЯХ ПРЕЗИДЕНТА РФ ФЕДЕРАЛЬНОМУ СОБРАНИЮ (СТАТЬЯ 2): ОТ ДИКТАТУРЫ ЗАКОНА К ВОЗРОЖДЕНИЮ СУВЕРЕННОСТИ И ОБРЕТЕНИЮ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СИЛЫ

Юрий Анатольевич Кудрявцев – зав. кафедрой государственно-правовых дисциплин, Государственный институт экономики, финансов, права и технологий, кандидат юридических наук, доцент, г. Гатчина; e-mail: yuriy_teoriya@mail.ru.

Елизавета Андреевна Шибанова – секретарь кафедры государственно-правовых дисциплин, Государственный институт экономики, финансов, права и технологий, г. Гатчина; e-mail: shibanova-1999@bk.ru.

В статье проанализированы Послания Президента РФ Федеральному Собранию периода 2000–2007 гг. На основе анализа текста Посланий в статье обозначены контуры формируемой российской модели демократии при первых двух сроках президентства В.В. Путина с учетом преемственности заложенных Б.Н. Ельциным идей и вновь зарождающихся тенденций усиления централизации, построения властной вертикали.

Ключевые слова: демократия; демократический режим; правовая система; Послание Президента РФ Федеральному Собранию.

Yu.A. Kudryavtsev, E.A. Shibanova

THE VIEW OF DEMOCRACY IN MESSAGES OF PRESIDENT OF THE RUSSIAN FEDERATION TO FEDERAL ASSEMBLY (ARTICLE 2): FROM DICTATORSHIP OF LAW TO REVIVAL OF SOVEREIGNTY AND GAINING STATE POWER

Yuri Kudryavtsev – Head, the Department of State and Legal Disciplines, State Institute of Economics, Finance, Law and Technology, Ph.D. in Law, Associate Professor, Gatchina; e-mail: yuriy_teoriya@mail.ru.

Elizaveta Shibanova – Secretary, the Department of State and Legal Disciplines, State Institute of Economics, Finance, Law and Technology, Gatchina; e-mail: shibanova-1999@bk.ru.

The article analyzes Messages from the President of the Russian Federation to the Federal Assembly for the period 2000-2007. Based on the textual analysis of the messages, the article marks the contours of the emerging Russian model of democracy during the first two terms of V.V. Putin, taking into account the continuity of B.N. Yeltsin's ideas and given newly emerging trends of strengthening centralization and building a power vertical.

Keywords: democracy; democratic regime; legal system; Message of the President of the Russian Federation to Federal Assembly.

Власть, не ограниченная правом, опасна.
Право, не обеспеченное властью, бессильно.

*Из Послания Президента РФ Б.Н. Ельцина
Федеральному Собранию от 6 марта 1997 г.*

«Порядок во власти – порядок в стране

(о положении в стране и основных направлениях политики Российской Федерации)»

9 августа 1999 г. Президент России Б.Н. Ельцин назначил занимавшего в указанный период должность секретаря Совета безопасности России, директора ФСБ России В.В. Путина исполняющим обязанности премьер-министра. В телеобращении глава государства назвал В.В. Путина человеком, который способен консолидировать общество, опираясь на самые широкие политические силы, обеспечить продолжение реформ в Российской Федерации, сплотить вокруг себя тех, кому в грядущем XXI в. предстояло обновить великую Россию. 31 декабря 1999 г. Президент Б.Н. Ельцин объявил об отставке. В соответствии с Конституцией РФ В.В. Путин назначен исполняющим обязанности Президента России, а 26 марта 2000 г. впервые избран Президентом РФ. В отечественной политико-правовой действительности появился институт преемника главы государства – человека, рекомендованного населению страны на пост Президента РФ. И в этом смысле результаты досрочных выборов главы государства в 2000 г., с одной стороны, выглядели логичными, так как с избранным Президентом население России связывало надежды на перемены в социальной сфере, в сфере экономики, во внутренней и внешней политике; с другой – в определенной степени неожиданными, поскольку высокая поддержка населения преемника Б.Н. Ельцина (53,94%) не в полной мере соответствовала низкому рейтингу доверия Б.Н. Ельцину и проводимой им политики.

С переходом в очередное тысячелетие в России началась и новая политическая эпоха – время кардинальных перемен. Их требовал не только народ РФ, но и диктовали международная политика, усилившаяся конфронтация в международных отношениях, новая Стратегическая концепция Североатлантического блока, принятая в апреле 1999 г. по случаю 50-летия альянса, своеобразная реализация которой произошла в этом же месяце этого же года, когда в рамках операции «Союзническая сила» НАТО в течение 78 дней наносила ракетно-бомбовые удары по территории Соединенной Республики Югославия без санкции

Совета безопасности ООН. Впервые в новейшей истории международное право было нарушено настолько грубо, что, конечно, не могло не вывести на повестку дня вопрос о безопасности РФ, укреплении ее территориальной целостности и суверенитета. Без укрепления внутреннего суверенитета, основанного на поддержке населением курса нового главы государства, достичь указанных целей было бы затруднительно.

Первое Послание В.В. Путина Федеральному Собранию РФ в качестве главы государства оглашено 8 июля 2000 г. Однако за полгода до этого, будучи кандидатом на пост Президента РФ, в рамках своей предвыборной компании, В.В. Путин опубликовал открытое письмо к российским избирателям, в котором изложил политические планы на ближайшее время [10]. В нем он указал на главную проблему общества и государственного аппарата: ослабление воли и настойчивости в доведении до конца начатых дел. Рассуждая об обязанности государства не только устанавливать равные правила, но и соблюдать их, В.В. Путин провозгласил один из мощнейших предвыборных тезисов: «Демократия – это диктатура закона». Провозглашение данного принципа было необходимой и вынужденной мерой в условиях глубокого системного кризиса власти, разбалансировки и конфронтации внутри государственного механизма, кризиса экономики, иных внутренних и внешних угроз, с которыми столкнулась Россия в конце 1990-х гг. При неоднозначности данной формулировки и противоречивости ее оценок, по нашему мнению, принцип «диктатуры закона» не противоречил сущности демократического правового государства, поскольку строгое соблюдение закона и законодательных процедур со стороны государственного аппарата создает прочный фундамент правовой государственности, целостности, обеспечивает верховенство права, реализацию прав и свобод граждан как основ правового государства [11, с. 98]. Указанный принцип служит основой демократического общества и гарантирует справедливость, равенство перед законом

каждого человека.

Первые три Послания В.В. Путина в период двух первых сроков его президентства, как и в предыдущие годы, имели существенные наименования, отражающие главный смысл и ключевые программные идеи, заложенные в их тексте:

- 1) 2000 г. – «Какую Россию мы строим»;
- 2) 2001 г. – «Не будет ни революций, ни контрреволюций»;
- 3) 2002 г. – «России надо быть сильной и конкурентоспособной».

При этом, если при Б.Н. Ельцине текстуальная форма Посланий была шире и глубже устного выступления, то Послания В.В. Путина Федеральному Собранию стали совпадать как по форме, так и по содержанию: это – текстуально выраженные живые выступления главы государства, сохранившие в себе особенности речи нового Президента России.

В Послании 2000 г. глава государства отстаивает тезис о «сильном государстве» не как о государстве силы, а как о демократическом государстве, способном использовать собственные инструменты для обеспечения свободы личности, предпринимательства, институтов гражданского общества. Находит отражение дискуссия о соотношении силы и свободы, диктатуры и авторитаризма, необходимости выстраивания диалога государства и гражданского общества, обеспечения баланса интересов личности и государства, частных инициатив с общенациональными задачами. По мнению главы государства, обеспечить баланс частных, общественных и государственных интересов способно только демократическое государство. Связующим звеном должны выступать политические партии. Чем сильнее власть, тем сильнее должны быть политические партии – соперники действующей власти. И в этой связи Президент РФ акцентирует внимание на необходимости подготовки закона о партиях и партийной деятельности, которые станут базой формирования в России многопартийной системы, основанной на принципе политической конкуренции, будут пользоваться массовой поддержкой и устойчивым авторитетом у населения. В.В. Путин подчеркивает недопустимость соз-

дания в стране «очередных чиновничьих партий, прислоняющихся к власти, тем более – подменяющих ее» [2].

Сильное демократическое государство, по мнению Президента РФ, – это государство профессионалов, деятельность которых основана на принципе диктатуры закона. Речь о нем шла в предвыборном обращении В.В. Путина к российским избирателям в феврале 2000 г.

В рамках укрепления законности в деятельности государственного аппарата глава государства в Послании указывает на еще одно важнейшее направление своей политики в первые годы президентства – формирование властной вертикали, основы которого заложены еще в Посланиях Б.Н. Ельцина 1998 и 1999 гг. [12, с. 92]. И первый Президент России, и в дальнейшем В.В. Путин провозглашали данный принцип в целях упорядочения федеративных отношений, обеспечения устойчивости федеративного многонационального государства, его целостности и неделимости, исключая любые дезинтеграционные тенденции. Для реализации этого направления 13 мая 2000 г. подписан Указ Президента РФ № 849 «О полномочном представителе Президента Российской Федерации в федеральном округе», в соответствии с которым в указанный период учреждено семь федеральных округов: Центральный, Северо-Западный, Южный, Приволжский, Уральский, Сибирский, Дальневосточный.

Важнейшим шагом в рамках строительства отечественной модели демократии и усиления профессиональных начал деятельности парламента можно считать заложенный в Послании посыл о необходимости организации постоянного диалога между руководителями субъектов и главой государства. Для этой цели В.В. Путиным предложено создать Государственный совет при Президенте РФ – совещательный орган, в рамках которого должны быть выработаны важнейшие общегосударственные решения с участием регионов. 5 августа 2000 г. принят Федеральный закон № 113-ФЗ «О порядке формирования Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации», а также 1 сентября 2000 г. Президентом подписан Указ

№ 1602 «О Государственном совете Российской Федерации», закрепивший статус данного органа.

Среди иных заметных демократических направлений развития, закрепленных в Послании 2000 г., следует обратить внимание на обеспечение свободы средств массовой информации и свободы слова. К задачам государства отнесено освобождение журналистики от влияния крупнейших финансовых групп и межклановой борьбы. Представлены социально-экономические контуры дальнейшего развития российской демократии: защита прав собственности, освобождение предпринимателей от административного гнета, снижение налогового бремени, развитие финансовой инфраструктуры, реалистичная социальная политика, устойчивая пенсионная система. В целом первое Послание В.В. Путина в качестве главы государства по форме и содержанию стало логическим продолжением идей, заложенных его предшественником.

Основной целью Послания 2001 г., судя по его наименованию, послужила дальнейшая разработка государственных механизмов по недопущению деструктивной конфронтации между органами государственной власти на различных уровнях, происходившей в 90-е гг. прошлого века. Послание продолжает определять курс развития России с четко работающей исполнительной и президентской вертикалью, правовой дисциплиной и эффективной судебной системой. Глава государства объявляет об остановке процессов дезинтеграции государства, которого удалось достичь во многом благодаря реформе Совета Федерации, созданию Государственного совета, утвержденным на законодательном уровне государственным символам. Сложно представить, но Россия в течение долгих лет существовала без официально утвержденных гимна, флага и герба. И только 25 декабря 2000 г. Президентом РФ подписан ряд Федеральных конституционных законов: «О Государственном гербе Российской Федерации», «О Государственном флаге Российской Федерации», «О Государственном гимне Российской Федерации». В качестве гимна

официально утвержден так называемый гимн Александрова, который прочно ассоциируется у большей части населения РФ с Советским Союзом. Безусловно, этот шаг Президента РФ усилил его поддержку среди населения.

В тексте Послания, пожалуй, впервые практически полностью отсутствуют декларативные рассуждения о безальтернативности демократического государства, построении правового государства и гражданского общества. Послание содержит перечень приоритетных, по мнению Президента РФ, задач: во-первых, четкое разграничение предметов ведения и полномочий федерального центра и субъектов Федерации; во-вторых, обновление порядка создания и деятельности территориальных органов исполнительной власти; в-третьих, порядок в межбюджетных отношениях.

Президент РФ вновь обращает внимание членов Совета Федерации и депутатов Государственной Думы на необходимость достижения повышения степени доверия граждан к государству посредством эффективных методов защиты от произвола со стороны криминальных элементов. В развитии данного направления В.В. Путин большое внимание уделяет необходимости продолжения правовой реформы по самым широким направлениям, начало которой заложено его предшественником на посту Президента России – Б.Н. Ельциным. Речь идет о систематизации законодательства с целью исключения декларативных норм, правовых коллизий, «размытых» отраслей права. Отсутствие эффективного правового регулирования и необходимых инструментов правоприменения порождает «теневую юстицию», создает возможности для злоупотребления в сфере обеспечения прав и свобод человека и гражданина, коррупции в государственном аппарате. К основным задачам глава государства относит также судебную реформу и совершенствование работы правоохранительных органов.

Продолжается курс на интеграцию с Европой, заявленный в качестве одного из ключевых направлений внешней политики РФ, при безусловном учете, уважении и

приоритете национальных интересов государства. Как и его предшественник, В.В. Путин отмечает важность дальнейшего развития интеграционных процессов на пространстве СНГ. В заключительной части выступления глава государства констатирует окончание периода конфронтаций и революционных потрясений. Россия, по его мнению, окончательно взяла курс на государственную стабильность без революций и контрреволюций, при невозможности отказа от демократических свобод [3].

Логическим продолжением указанных идей является Послание 2002 г. Президент РФ во вступительном слове определил четыре стратегические цели развития государства: 1) демократическое развитие РФ; 2) становление цивилизованного рынка; 3) становление правового государства; 4) повышение уровня жизни населения РФ. Глава государства обратил внимание на необходимость изменения системы работы государственных институтов, призвал к продолжению реализации административной реформы и в этом направлении указал на задачу проведения ревизии функций государства, исключения их дублирования и избыточности, с учетом сохранения тех, которые действительно необходимы.

С 2003 г. Послания Президента РФ не имели собственных наименований и в полном объеме носили характер стенограммы выступления. 15 мая 2003 г. В.В. Путин в четвертый раз выступил в Мраморном зале Кремля, подвел итоги трех лет своего президентства и обозначил направления развития России на ближайшие годы. Страна вступила в предвыборный период: в декабре должны были состояться очередные выборы депутатов Государственной Думы, а в марте 2004 г. – выборы Президента России. В Послании подтверждается демократический курс развития: «Россия должна быть и будет страной с развитым гражданским обществом и устойчивой демократией» [5]. В качестве базовых демократических основ глава государства называет независимость суда, эффективную избирательную систему, полноценное гражданское общество, консолидацию общественных сил, гарантированность прав и свобод граждан, верховенство права как фунда-

ментальный принцип демократического правового государства. Верховенство и неизбежность Конституции РФ рассмотрены в качестве своеобразной правовой аксиомы, не подлежащей сомнению.

Значительная часть Послания посвящена экономическому курсу страны и предстоящим выборам в Государственную Думу РФ. Выборы в парламент рассмотрены как значимый этап становления российской демократии. В образе отечественной модели демократии проявляются новые черты: консолидация общества и общенациональное единство в оценке стоящих перед страной задач, взаимодействие партийных структур с регионами, гражданами и общественными организациями, сильная и ответственная власть, усиление роли партий в общественной жизни. Как подчеркнул Президент РФ, «перспективы развития России и решения многих наших проблем в значительной степени будут определяться итогами главного политического события года – выборами в Государственную Думу» [4]. Тем самым очевиден факт преемственности идеи первого Президента России Б.Н. Ельцина, которую он высказал в Послании 1998 г. в форме открытого вопроса к парламенту и обществу: «Должна ли "партия власти" идти на выборы?» [12, с. 93]. Выступая в последний раз перед парламентом, Б.Н. Ельцин ответил на свой вопрос следующим образом: «Нам важна не сама "партия власти". Нам важно, чтобы власть в строгом соответствии с законом смогла сыграть свою единственно правильную партию – партию чистых и честных выборов».

В этой связи стоит обратить внимание на важнейший исторический факт в современной истории России: 1 декабря 2001 г. образована Всероссийская политическая партия «Единая Россия» в результате объединения движений «Единство», а также избирательных блоков «Отечество – Вся Россия» и «Наш дом – Россия», которая по итогам выборов 2003 г. получила парламентское большинство с поддержкой 37,56% избирателей. Примечателен следующий факт: получившая 246 депутатских мандатов партия в дальнейшем увеличила свое представительство в парламенте до

304 мест за счет перехода во фракцию других депутатов [13]. Иными словами, победившая на парламентских выборах партия получила дополнительно 58 мандатов не за счет активной поддержки избирателей, а в результате политических технологий, основанных на политической целесообразности, и наличия пробелов в действующем избирательном законодательстве, его несовершенстве в целом.

За партией закреплен неофициальный статус «партии власти», который фигурирует в предвыборном манифесте «Путь национального успеха» II съезда партии от 29 марта 2003 г.: «Для нас не очень важно, как назовут нашу партию аналитики и журналисты. Нас называют "партией власти" – мы отвечаем, что мы обязательно станем правящей партией, партией новой власти. Нас называют сторонниками путинских реформ – мы отвечаем, что эти реформы жизненно необходимы для России» [14].

14 марта 2004 г. состоялись очередные выборы Президента РФ, по результатам которых уверенную победу одержал действующий глава государства В.В. Путин, получивший поддержку 71,31% избирателей. 26 мая 2004 г. Президент РФ обращается к Федеральному Собранию РФ с Посланием, в котором традиционно перечисляет основные задачи развития государства во внутренней и внешней политике на ближайшие годы. В содержании Послания прямо не говорится о прошедших президентских и парламентских выборах. Однако глава государства, по сути, отвечает на появившуюся критику относительно их результатов как за рубежом, так и в России, подчеркивая необходимость укрепления российской государственности для победы в конкурентной борьбе в условиях «политического, экономического и информационного давления» [6]. В.В. Путин констатирует наличие значительных успехов в становлении молодой российской демократии, при этом справедливо говорит все еще недостаточной зрелости гражданского общества. В этой связи, по мнению Президента РФ, следует использовать положительный опыт работы общественных палат в ряде субъектов РФ, партии же «должны повышать уровень политической куль-

туры, осваивать навыки межпартийного диалога и коалиционных действий, должны учиться приходить к власти и расставаться с ней по воле народа» [6].

Гораздо интереснее с точки зрения понимания трансформации политического режима современной России и образа отечественной модели демократии является Послание Президента 2005 г. Изменения в его содержании и характере заложенных в него смыслов нельзя не заметить.

Президент РФ констатирует наличие в стране «активных идеологических дискуссий» о свободе и демократии. Провозглашает ставшим знаменитым тезис: «... крушение Советского Союза было крупнейшей геополитической катастрофой века» [7]. Перед лицом вызовов государству и обществу Россия, по мнению Президента РФ, должна найти «собственную дорогу к строительству демократического, свободного и справедливого общества и государства». Президент открыто заявляет о движении России по самостоятельному пути развития, формировании российской модели демократии, сочетающей в себе как лучшие европейские традиции свободы и справедливости, так и собственные национальные черты сильного государства, основанного на принципах законности и правопорядка. В этом контексте показательна следующая цитата из речи Президента РФ: «Необходимым условием развития в стране демократии является создание эффективной правовой и политической системы. Но ценой развития демократических процедур не может быть ни правопорядок, ни столь трудно достигнутая стабильность, ни устойчивое проведение взятого экономического курса. В этом вижу самостоятельный характер выбранного нами демократического пути. И потому мы будем двигаться вперед, учитывая наши собственные внутренние обстоятельства, но в обязательном порядке – опираясь на закон, на конституционные гарантии» [7]. Таким образом, в содержании Послания заметны изменения приоритетов: демократия как политический режим, как ценность и стратегическая цель развития государства, демократические процедуры как функциональная составляющая не должны

противоречить создаваемому государством правопорядку, достигнутой стабильности и устойчивости экономического курса. Отныне образ классической демократии должен отражать историческую, геополитическую и иную специфику, учитывать собственные сроки и условия движения России по данному пути. В.В. Путин в очередной раз заявляет исключительно о правовом, законном пути развития страны, об отрицании любых неправовых методов борьбы за национальные, религиозные и иные интересы. Противоправность и противозаконность рассмотрены как противоречия принципам демократии.

В целом анализ текста Послания 2005 г. позволяет говорить о подготовке публичной политической власти и общества к существенным изменениям в политико-правовой системе РФ. Для дополнительной аргументации своих тезисов впервые в тексте послания глава государства несколько раз обращается к высказываниям таких известных философов права и государственных деятелей, как И.А. Ильин, С.Ю. Витте, Л.И. Петражицкий. Существенным предложением, вызвавшим волну дискуссий и конструктивной критики, является вынесение на обсуждение Государственного совета РФ вопроса об уточнении нового порядка наделения полномочиями глав исполнительной власти субъектов РФ. Речь идет о возможности Президента РФ предлагать на этот пост представителя победившей на региональных выборах партии. Следует вспомнить о том, что 11 декабря 2004 г. приняты поправки в Федеральный закон № 184-ФЗ от 6 октября 1999 г. «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации», в соответствии с которыми прямые выборы губернаторов в России отменены: теперь главу субъекта РФ по представлению Президента РФ утверждал законодательный орган субъекта, а глава государства получил право отстранять губернаторов от занимаемой должности «в связи с утратой доверия, ненадлежащем исполнении своих обязанностей, а также в иных

случаях, предусмотренных федеральным законом». Данный шаг официально был связан с необходимостью укрепления властной вертикали в целях борьбы с терроризмом, однако, очевидно, шел вразрез не только с конституционным принципом народовластия, но и противоречил демократическим основам, заложенным в Конституции РФ. Еще Б.Н. Ельцин в Послании 1999 г. прямо говорил о недопустимости подменять проблему укрепления единства исполнительной вертикали и повышения ответственности региональных властей возможностью федерального центра в одностороннем порядке снимать и назначать руководителей субъектов РФ. Рассуждения о целесообразности отказа от существующего принципа избрания губернаторов населением региона или перехода к выборам региональных руководителей местными законодательными органами Б.Н. Ельцин считал опасными для государства [1]. По его мнению, это – прямой путь «к слому всего ныне существующего конституционного порядка, к фактической ликвидации федеративных основ государства».

Послание 2006 г. [8] Президент РФ начал с перечисления основных законов, принятых во исполнение предложений, сформулированных год назад. 4 апреля 2005 г. принят Федеральный закон № 32-ФЗ «Об общественной палате Российской Федерации». В Федеральный закон № 184-ФЗ от 6 октября 1999 г. «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» внесены изменения, закрепившие право политических партий, победивших на региональных выборах предлагать Президенту РФ кандидатуры на должность губернаторов. Глава государства на этот раз практически не затрагивает воспринимаемую еще недавно как главную стратегическую цель развития России – формирование и построение демократического государства. Послание посвящено ряду задач в социальной, экономической, оборонной сферах, в нем приведены идеи приоритетных национальных проектов. Рассмотрены проблемы борьбы

с коррупцией, поставлена задача создания независимого, объективного внешнего контроля за качеством образования и установления рейтингов вузов, отражена проблема демографии и пенсионного обеспечения. Можно утверждать, что многие приведенные в Послании предложения направлены на повышение рейтинга действующей власти, главы государства и партии парламентского большинства в преддверии предстоящих через год парламентских и президентских выборов. Самыми яркими из таких предложений являются предложения об установлении в стране «материнского капитала» в размере 250 тыс. руб. за рождение второго ребенка с 1 января 2007 г., а также сокращения службы по призыву до 12 месяцев.

В Послании 2006 г. не говорится о планах по изменению избирательного законодательства. Однако именно в указанном году приняты существенные изменения, внесенные в процесс проведения выборов органов власти на различных уровнях, о которых необходимо упомянуть в контексте настоящей статьи и понимания направлений трансформации демократического политического режима современной России в дальнейшем. Так, Федеральным законом № 225-ФЗ от 5 декабря 2006 г. внесены изменения в Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», предусматривающие, согласно справке к документу, совершенствование ряда избирательных процедур [15]. В частности, отменен минимальный порог явки избирателей на выборах любого уровня, то есть минимальный процент граждан, которые должны принять участие в голосовании, необходимый для признания выборов состоявшимися. По нашему мнению, порог явки – это не просто цифра, это – необходимый показатель легитимности выборов, поддержки и доверия народа к власти, а также важнейший стимул для власти к качественной подготовке и проведению выборов согласно действующему законодательству. Без учета порога явки такие словосочетания, как «всемирно избранный президент», «народная партия власти» теряют

значение. Ранее в этом же году из избирательных бюллетеней исключена графа «против всех кандидатов».

23 апреля 2007 г. уходит из жизни первый Президент России Б.Н. Ельцин, и В.В. Путин начал ежегодное выступление 26 апреля в Мраморном зале Кремля с минуты молчания. Глава государства указал на вклад Б.Н. Ельцина в становление новой России, преодоление тяжелых последствий переходного периода, формирование демократического государства.

В ходе оглашения Послания Президент РФ указал на переход к пропорциональной избирательной системе на предстоящих выборах в Государственную Думу, распределение списков кандидатов по региональным группам, назвав эти изменения революционным шагом и демократизацией избирательной системы. Глава государства прямо связал результаты будущих выборов с уровнем поддержки народом проводимого курса и преемственности государственной политики. Среди перечисленных важнейших демократических преобразований – расширение компетенции местных органов власти, национального информационного пространства, усиление роли неправительственных объединений в политических процессах (в первую очередь роли Счетной палаты России). Президент РФ предложил создать Президентскую библиотеку имени Б.Н. Ельцина, объявил об отсутствии объективной необходимости в повышении пенсионного возраста в обозримом будущем, рассказал о новом механизме государственного софинансирования пенсий, акцентировал внимание на приоритетных национальных проектах и иных значимых социальных вопросах.

В.В. Путин завершил обращение словами напутствия палатам парламента на ближайшие годы, подчеркнув, что после предстоящих выборов главы государства в марте 2008 г. следующее Послание будет делать другой глава государства. Президент РФ охарактеризовал все свои Послания как стратегический план развития России на ближайшие годы, в которых определены долгосрочные приоритеты в социальной, экономической, внутренней и

внешней политике, в области обороны и безопасности. Глава государства выразил убежденность в способности России сохранить государственность и суверенитет, понимании сопричастности к происходящим переменам каждого гражданина государства. Россия смогла преодолеть многие сложности начального этапа становления демократического правового государства, выбрала путь собственного развития с учетом национальных интересов и приоритетов, а у каждого гражданина страны должен быть «шанс законным образом улучшить свою собственную жизнь, преумножить трудом богатство своей Родины» [9].

Таким образом, на основе проведенного анализа Посланий Президента РФ Федеральному Собранию периода 2000–2007 гг. определим контуры российской демократии.

1. Диктатура закона. Данный принцип стал одним из основных постулатов, с которыми В.В. Путин шел на выборы в 2000 г. Он озвучен им в первом Послании 8 июля 2000 г. В дальнейшем о строгом соблюдении режима законности Президент РФ неоднократно говорил в рамках других Посланий и последовательно реализовывал данный принцип в форме принимаемых им решений. На наш взгляд, «диктатура закона» выступает основой демократического правового государства, поскольку именно закон гарантирует такие главнейшие составляющие демократии, как справедливость и равенство. Кроме того, важнейшей составляющей данного принципа является установка о недопустимости противопоставления законности и целесообразности, означающая строгое и неукоснительное следование законодательным процедурам, независимо от обстоятельств, а также от тех лиц, которые должны принимать соответствующие властные решения.

2. Вертикаль власти (или властная вертикаль, президентская вертикаль) – принцип государственного управления, при которой власть распределена по иерархии, от верхнего уровня к нижнему. Эффективность такой организации зависит в первую очередь от четкого распределения ответственности и контроля за выполнением

поставленных задач. Принцип, заложенный еще Б.Н. Ельциным, получил дальнейшее развитие в 2000-е гг. в форме образования в России федеральных округов, организации деятельности полномочных представителей Президента в федеральных округах, создания Государственного совета РФ. Вертикаль власти как принцип государственного управления предполагает соединение ресурсов федеральной, региональных и местных властей, необходимых для решения сложных государственных задач.

3. Избирательная система. В 2000–2007 гг. отменен минимальный порог явки избирателей на выборах любого уровня; избюллетеней для голосования исключена графа «против всех»; отменены прямые выборы губернаторов; Президент РФ получил возможность предлагать на пост главы субъекта представителя победившей на региональных выборах партии; выборы в Государственную Думу с 2007 г. стали проходить по пропорциональной избирательной системе.

4. Сильное государство. По мнению Президента РФ В.В. Путина, сильное государство – это государство сильных партий, профессионалов, деятельность которых основана на принципе диктатуры закона. По нашему мнению, развитию России как сильного государства способствовали указанные выше направления по формированию вертикали власти, а также реформы избирательной системы. Относительно вопроса выбора между силой и свободой глава государства выступал за создание эффективного государства, способного обеспечить свободу личности, предпринимательства, институтов гражданского общества. При этом возможные законодательные ограничения рассмотрены не как отказ от демократических реформ, а восприняты как движение по собственному пути создания российской национальной модели демократии, отдающей приоритет национальным интересам государства и общества.

5. Внешняя политика. Продолжает формироваться открытая политическая система. По мнению Президента РФ, «Россия должна строить свою внешнюю политику

на основе четкого определения национальных приоритетов, прагматизма и экономической эффективности» [3]. Важнейшей целью внешней политики признано обеспечение стратегической стабильности в мире; одно из ключевых направлений – курс на интеграцию в Европой, при этом широкое сближение с Европейским союзом предполагается как исторический выбор России. Рассмотрены вопросы о вступлении России в ВТО и выстраивании партнерских отношений со странами НАТО, в первую очередь с США. Традиционно большое внимание в Посланиях отведено вопросам интеграции на постсоветском пространстве, по линии СНГ и в рамках Евразийского экономического сообщества.

Таким образом, анализ Посланий Президента Федеральному Собранию в 2000–2007 гг. позволяет, с одной стороны, говорить о преимуществах курса первого Президента России на построение демократического правового государства, с другой – о проявлении в политико-правовой системе страны недемократических тенденций, авторитарных методов управления. Подобная модель политического режима, по мнению главы государства, должна рационально сочетать национальные интересы государства и такие базовые демократические аксиомы, как верховенство права, свободу и равенство. Ее реализация позволит России стать суверенным сильным государством. В контексте вопроса о выборе между законностью и целесообразностью глава государства выступает за строгое соблюдение закона с учетом возможности своевременного изменения действующего законодательства в целях реализации заложенных в Посланиях президентских инициатив. В стране формируется новая «партия власти» – политическая сила, имеющая большинство в Государственной Думе и контролирующая большую часть региональных государственных органов, иных государственных институтов, принимающая ключевые решения относительно управления государством. Принимаемые парламентом законы все больше обретают черты эластичности, изменчивости, рассматриваются как ин-

струменты проводимой в государстве политики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Россия на рубеже эпох (о положении в стране и основных направлениях политики Российской Федерации): послание Президента РФ Федеральному Собранию от 30 марта 1999 г. // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_22536/?ysclid=lhdvj1n92p708446435 (дата обращения: 17.04.2023).
2. Какую Россию мы строим: послание Президента РФ Федеральному Собранию от 8 июля 2000 г. // Российская газета. 2000. 11 июля.
3. Не будет ни революций, ни контрреволюций: послание Президента РФ Федеральному Собранию от 3 апреля 2001 г. // Российская газета. 2001. 4 апреля.
4. России надо быть сильной и конкурентоспособной: послание Президента РФ Федеральному Собранию от 18 апреля 2002 г. // Российская газета. 2002. 19 апреля.
5. Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 16 мая 2003 г. // Российская газета. 2003. 17 мая.
6. Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 26 мая 2004 г. // Российская газета. 2004. 27 мая.
7. Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 25 апреля 2005 г. // Российская газета. 2005. 26 апреля.
8. Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 10 мая 2006 г. // Российская газета. 2006. 11 мая.
9. Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 26 апреля 2007 г. // Российская газета. 2007. 27 апреля.
10. Открытое письмо Владимира Путина к российским избирателям // Коммерсантъ. 2000. 25 февраля.
11. Кудрявцев Ю.А. Теоретико-правовой анализ государственного (политического) режима современной России. СПб.: Астерион, 2012. 132 с.
12. Кудрявцев Ю.А. Образ демократии в Посланиях Президента Федеральному Собранию: Россия на рубеже XX–XXI

веков – становление конституционности и кризис государственности // Журнал правовых и экономических исследований. Journal of Legal and Economic Studies. 2022. № 3. С. 84–96.

13. История Всероссийской политической партии «Единая Россия» // РИА Новости. 2011. 1 декабря. URL: <https://ria.ru/20111201/501376946.html> (дата обращения: 26.04.2023).

14. Манифест Всероссийской полити-

ческой партии «Единое Отечество» – Единая Россия // Единая Россия. 2003. 23 апреля.

URL: <https://web.archive.org/web/20041011185527/http://www.edinros.ru/news.html?rid=42&id=3452> (дата обращения: 26.04.2023).

15. Путин подписал закон об отмене минимального порога явки избирателей // РИА Новости. 2006. 6 декабря. URL: <https://ria.ru/20061206/56559199.html> (дата обращения: 30.04.2023).

В.А. Резниченко

АЛГОРИТМ ДЕЙСТВИЙ ПО ВОССТАНОВЛЕНИЮ ПРАВОУСТАНАВЛИВАЮЩИХ ДОКУМЕНТОВ НА ЖИЛУЮ НЕДВИЖИМОСТЬ, УТРАЧЕННЫХ В РЕЗУЛЬТАТЕ ПРОВЕДЕНИЯ СПЕЦИАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИИ НА ТЕРРИТОРИИ ДНР, ГОРОДА МАРИУПОЛЯ

Владимир Алексеевич Резниченко – профессор кафедры государственного управления и права, Мариупольский государственный университет имени А.И. Куинджи, доктор юридических наук, г. Мариуполь; e-mail: rva260778@gmail.com.

В статье рассмотрено действующее законодательство Российской Федерации, раскрыты проблемные вопросы, связанные с реализацией права на недвижимое имущество, а также приведен алгоритм действий для граждан по восстановлению утраченных правоустанавливающих документов на жилую недвижимость. Актуальность исследования обусловлена тем, что при проведении специальной военной операции по демилитаризации и денацификации на Украине, в процессе применения действующего законодательства РФ, возник ряд сложных юридических задач, связанных с осуществлением прав граждан на владение, пользование и распоряжение своим имуществом при утрате правоустанавливающих документов. Утверждается, что право на владение и распоряжение своим имуществом является важным социальным фактором для граждан.

Ключевые слова: право собственности; факт владения; факт пользования; правоустанавливающие документы; Донецкая Народная Республика.

V.A. Reznichenko

THE ALGORITHM OF ACTIONS AIMED AT RESTORING LOST TITLE DOCUMENTS FOR RESIDENTIAL REAL ESTATE RESULTED FROM SPECIAL MILITARY OPERATION IN DPR, THE CITY OF MARIUPOL

Vladimir Reznichenko – Professor, the Department of Public Administration and Law, Kuindzhi Mariupol State University, Doctor of Law, Mariupol; e-mail: rva260778@gmail.com.

The article examines the current legislation and problematic issues related to the realization of the right to immovable property, and also provides an algorithm of actions for citizens to restore lost title documents for residential real estate. The relevance of the topic is due to the fact that in the process of applying the current legislation of the Russian Federation during the special military demilitarization and denazification operation in Ukraine a number of complex legal challenges have occurred with regard to exercising citizens' rights to own, use and dispose of their property in case of title documents loss. It is alleged that the right to own and dispose of one's property is an important social factor for citizens.

Keywords: ownership right; fact of ownership; fact of use; title documents; Donetsk People's Republic.

Вследствие большинства военных конфликтов страдает мирное население, поскольку в ходе боевых действий, которые проходят на территории того или иного государства, отдельного региона, гражданские права мирного населения нарушаются. Задача мирных граждан, находящихся в зоне конфликта, – остаться в живых, сохранить жизнь близких. Жизненные ценности приобретают другой смысл, жизнь протекает в ином ритме, ориентированном на выживание. В период боевых действий граждане в большинстве случаев не имеют возможности в полном объеме владеть, пользоваться и распоряжаться своим имуществом.

После прекращения боевых действий и осознания того, что жизнь продолжается, приходит понимание того, что имущество или правоустанавливающие документы на имущество утрачены в ходе боевых действий. Многие граждане не знают, как восстановить имущество или правоустанавливающие документы на него.

При проведении специальной военной операции по демилитаризации и денацификации на Украине очень сильно пострадал город Мариуполь, поскольку при осуществлении боевых действий повреждено много и частных, и многоквартирных домов, они частично или полностью уничтожены. Жителей города эвакуировали из горящих и разрушающихся зданий. У многих граждан из документов на руках остался только гражданский паспорт. В сложном положении, когда проходили бои на улицах Мариуполя, никто не думал о правоустанавливающих документах на имущество, так как приоритетной была цель самовывживания и сохранения родных и близких. Эти сведения являются историческим фактом, который не подлежит доказательству.

В настоящее время действующее законодательство РФ не имеет практического опыта по восстановлению утраченных правоустанавливающих документов в ходе боевых действий, чем обусловлена актуальность настоящего исследования.

Цель и задачи настоящего исследования состоят в рассмотрении действующего законодательства РФ, соответствующих

нормативных актов, а также возможности оптимизации признания права собственности. Основой исследования стал **сравнительно-правовой метод** в процессе анализа действующего законодательства.

В городе Мариуполе сегодня сложная оперативная обстановка. Разрушены не только жилые дома, но и административные здания и нежилые помещения. Администрация города и районов вынуждена работать в помещениях, не предназначенных для административной деятельности. Соответственно, выжившие жители города для получения компенсации на жилье стоят в очередях в государственные учреждения днями, а иногда и ночами.

Однако ввиду незнания законодательной базы, отстояв в очереди долгие часы, а иногда и дни, жители Мариуполя узнают, что, не имея правоустанавливающих документов, не могут подтвердить свое право на жилое недвижимое имущество. Вследствие этого им отказывают в компенсации за утраченное жилье. В данном случае необходимо подтвердить свои права. Подтверждением права собственности на недвижимое имущество являются правоустанавливающие документы:

- договор ипотеки, купли-продажи или дарения;
- документ об обмене или долевом участии нескольких собственников;
- свидетельство (сертификат) о приватизации или наследстве;
- судебное решение, которым недвижимость признана за истцом на том или ином основании.

Необходимо различать виды документации, которая должна быть у собственника. Документацию можно разделить на два вида:

- правоустанавливающие документы, которые определяют способ, то есть как недвижимость приобретена (их именуют также документами основания);
- правоподтверждающие документы указывают на то, что их обладатель действительно является собственником недвижимого жилого имущества (квартиры или дома).

По действующему законодательству РФ, в случае утраты правоустанавливаю-

ших документов на квартиру или домовладение рассматривается только жилое недвижимое имущество. Утративший документы может обратиться в следующие учреждения:

- Территориальное подразделение Росреестра;
- Многофункциональный центр (МФЦ) по месту жительства;
- подать онлайн-заявление через портал «Госуслуги» о выписке из Единого государственного реестра налогоплательщиков (ЕГРН).

Кроме того, можно обратиться к нотариусу, оформлявшему сделку, и получить копию правоустанавливающего документа; в районное бюро технической инвентаризации (БТИ), если сделка совершена до 1998 г., и получить справку, подтверждающую право собственности.

Все вышеперечисленные способы восстановления правоустанавливающих документов для жителей Мариуполя затруднительны или невозможны вследствие ряда причин, а именно:

- нотариус, осуществлявший сделку, уехал из Мариуполя на территорию Украины или другого государства; при этом вывез свой архив, или нотариальные дела утрачены в ходе боевых действий;
- сведения в БТИ отсутствуют;
- Центр предоставления административных услуг, действовавший в Мариуполе до военных действий, перестал осуществлять деятельность, архивы вывезены на территорию Украины.

Государственная регистрация права собственности на жилую недвижимость до 24 февраля 2022 г. осуществлялась по законодательству Украины. Сегодня Мариуполь входит в состав России, и государственная регистрация права собственности на жилую недвижимость осуществляется на основании законодательства РФ в Росреестре. В этой ситуации необходимо рассмотреть вопрос и порядок действий рядовых жителей Мариуполя, которые пережили военные действия и утратили правоустанавливающие документы на жилую недвижимость.

В теории можно утверждать, что повседневной необходимости в этих доку-

ментах на жилплощадь не существует. Потребность в них возникает только при отчуждении, оформлении ипотеки (имеющаяся квартира как объект банковского залога) или судебных тяжбах (к примеру, имущественные конфликты долевых собственников, наследников и т.п.), при вступлении в наследство и других юридических действиях относительно недвижимости.

Такие случаи для жителей Мариуполя являются второстепенными. Как указано ранее, многие жители нуждаются в компенсации за утраченное жилье в виде предоставления другого жилья в многоквартирном жилищном фонде или получения денежной компенсации. Кроме этой компенсации, жители могут рассчитывать на компенсацию за утраченное имущество первой необходимости. Для этого вида компенсации также нужно предоставлять правоустанавливающие документы. В Мариуполе большая часть жилого фонда уничтожена в результате (боевых) военных действий. Жители города нуждаются в жилье. Но, учитывая тот факт, что правоустанавливающие документы уничтожены и утрачены в ходе военных действий, они не имеют возможности обратиться в государственные органы с заявлением на получение компенсации, поскольку в государственных учреждениях требуют оригиналы документов, подтверждающих право собственности.

Из вышеизложенного следует вывод о том, что граждане не только не могут получить компенсацию, но и не имеют возможности владеть, распоряжаться, пользоваться своим имуществом. С целью оказания практической и юридической помощи жителям проведен анализ гражданского законодательства РФ. На основании ст. 209 Гражданского кодекса (ГК) РФ «собственнику принадлежит права владения, пользования и распоряжения своим имуществом. Собственник по своему усмотрению может совершить в отношении принадлежащего ему имущества любые действия, не противоречащие закону и иным правовым актам и не нарушающие права, интересы других лиц» [1]. Вместе с тем «признание права является одним из способов защиты

права. При этом лицо, считающее себя собственником спорного имущества, должно доказывать законность оснований возникновения права собственности на недвижимость» (ст. 12 ГК РФ) [1].

Но в законодательстве РФ указано, «что право собственности и другие вещные права на недвижимые вещи, ограничение этих прав, их возникновение, переход и прекращение подлежат государственной регистрации в едином государственном реестре органами, осуществляющими государственную регистрацию прав на недвижимость и сделок с ней» [1]. А для регистрации и получения компенсации отсутствуют оригиналы права собственности.

Поэтому гражданам для защиты своих прав на владение, пользование и распоряжение жилым недвижимым имуществом необходимо обратиться с исковым заявлением в суд. Ст. 2 Гражданско-процессуального кодекса (ГПК) РФ гласит: «Заинтересованное лицо вправе в порядке, установленном законодательством о гражданском судопроизводстве, обратиться в суд за защитой нарушенных либо оспариваемых прав, свобод или законных интересов» [2].

Исковое заявление имеет название: «О признании права собственности в связи с утратой правоустанавливающих документов». Следует отметить, что в суд можно обращаться не только в порядке искового производства, но и в порядке особого производства.

Как следует из ст. 262 ГПК РФ, в порядке особого производства суд рассматривает дела [2]:

- об установлении фактов, имеющих юридическое значение;
- об усыновлении (удочерении) ребенка;
- о признании гражданина безвестно отсутствующим или об объявлении гражданина умершим;
- об ограничении дееспособности гражданина, о признании гражданина недееспособным, об ограничении или о лишении несовершеннолетнего в возрасте от четырнадцати до восемнадцати лет права самостоятельно распоряжаться своими доходами;
- об объявлении несовершеннолет-

него полностью дееспособным (эмансипации);

– о признании движимой вещи бесхозной и признании права муниципальной собственности на бесхозную недвижимую вещь;

– о восстановлении прав по утраченным ценным бумагам на предъявителя или ордерным ценным бумагам (вызывное производство);

– о внесении исправлений или изменений в записи актов гражданского состояния;

– по заявлениям о совершенных нотариальных действиях или об отказе в их совершении;

– по заявлениям о восстановлении утраченного судебного производства.

Федеральными законами к рассмотрению в порядке особого производства могут быть отнесены и другие дела. На основании указанной статьи жители Мариуполя могут обратиться в суд с заявлением «Об установлении факта владения и пользования недвижимым имуществом».

Перед подачей иска, заявления требуется выполнить юридические действия для сбора доказательственной базы. В первую очередь следует обратиться в органы полиции с заявлением об утрате документов. В качестве ответа на указанное заявление получить постановление об отказе в возбуждении уголовного дела. Далее необходимо подать заявление в Многофункциональный центр предоставления государственных и муниципальных услуг Донецкой Народной Республики (ДНР), на это обращение получить информационную справку о зарегистрированных правах на недвижимое имущество. В архивах могут содержаться сведения о собственнике жилого недвижимого имущества.

После подачи заявления нужно разместить объявление об утрате документов в средствах массовой информации (например, на новостном портале города «Мариуполь РФ/ИНФО» [3]. Следующий шаг: по возможности выяснить в коммунальных службах Мариуполя, имеются ли у них копии договоров с собственником и правоустанавливающих документов на жилое недвижимое имущество.

После выполнения алгоритма указанных действий и сбора необходимой доказательственной базы необходимо оплатить государственную пошлину и подать исковое заявление или заявление суд на основании Налогового кодекса РФ и Закона «О судебном сборе» [4; 5; 6]. Считаем, что исковое заявление в суд должно быть составлено на основании ст. 8, 12, 131, 209 ГК РФ [1], а заявление об установлении юридического факта – на основании ст. 263, 264, 265 ГПК РФ [2].

После обращения в суд жители Мариуполя должны выяснить у секретаря судебных заседаний дату, на которую назначено рассмотрение иска или заявления. В случае необходимости явиться в суд, дать пояснения и предоставить доказательства. Доказательствами в суде на основании ст. 55 ГПК РФ [2] являются «полученные в предусмотренном законом порядке сведения о фактах, на основе которых суд устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, обосновывающих требования и возражения сторон, а также иных обстоятельств, имеющих значение для правильного рассмотрения и разрешения дела. Эти сведения могут быть получены из объяснений сторон и третьих лиц, показаний свидетелей, письменных и вещественных доказательств, аудио- и видеозаписей, заключений экспертов. Объяснения сторон и третьих лиц, показания свидетелей могут быть получены путем использования систем связи через веб-конференции в порядке, установленном статьей 155.1 настоящего Кодекса, либо путем использования системы веб-конференции в порядке, установленном статьей 155.2 настоящего Кодекса» [2].

По итогам рассмотрения иска и проведения судебного заседания нужно получить решение суда. Только после этого представляется возможным зарегистрировать право владения и пользования

имуществом в государственных учреждениях РФ.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что рассмотренный алгоритм действий, направленных на восстановление правоустанавливающих документов, на современном этапе наиболее точен, эффективен и доступен жителям города Мариуполя.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): федер. закон от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (в ред. от 03.08.2018 г.) // Собрание законодательства РФ. 2018. № 32. Ст. 3301.

2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (в ред. от 05.12.2022 г.) // Российская газета. 2002. 20 ноября.

3. Юридическая помощь – вступление в наследство и другие вопросы // Мариуполь Инфо: независимый информационный портал. URL: https://vk.com/mariupol_info (дата обращения: 28.04.2023).

4. Налоговый кодекс Российской Федерации: федер. закон от 31 июля 1998 г. № 146-ФЗ // Гарант.ру: информационно-правовой портал. URL: <https://base.garant.ru/76800589/?ysclid=libi84qi a6416575059> (дата обращения: 28.04.2023).

5. Об исполнительном производстве: федер. закон от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ (в ред. от 29.12.2022 г., с изм. и доп., вступ. в силу с 09.01.2023 г.) // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_71450/ (дата обращения: 28.04.2023).

6. О государственной регистрации недвижимости: федер. закон от 13 июля 2015 г. № 218-ФЗ (в ред. от 03.07.2016 г.) // Собрание законодательства РФ. 2015. № 29 (ч. 1). Ст. 4344.

И.С. Уханов

О ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ТУРИЗМА В ПРЕДЕЛАХ ОСОБО ОХРАНЯЕМЫХ ПРИРОДНЫХ ТЕРРИТОРИЙ

Иннокентий Сергеевич Уханов – доцент кафедры гражданского права и гражданского процесса, Санкт-Петербургский университет МВД РФ, кандидат юридических наук, доцент, г. Санкт-Петербург; **e-mail:** keshau@yandex.ru.

Туризм в пределах особо охраняемых природных территорий в России, по мнению автора статьи, начинает вступать в активную фазу развития. Утверждается, что в нашей стране в последние несколько лет подход к экологическому туризму изменяется, его рассматривают в качестве выгодного бизнеса. Однако неконтролируемый экологический туризм может нанести существенный вред экосистеме. Для более четкого правового регулирования необходимо внести в законы определение понятия экологического туризма. Требуется более четкое законодательное регулирование данного вида деятельности. В статье раскрыты некоторые проблемы, затрудняющие развитие экологического туризма в пределах особо охраняемых природных территорий России.

Ключевые слова: *особо охраняемые природные территории; экологический туризм; экологическое право; биологическое разнообразие; заповедник; национальные парки; правовое регулирование.*

I.S. Ukhanov

ON LEGAL REGULATION OF ECOLOGICAL TOURISM WITHIN SPECIALLY PROTECTED NATURAL AREAS

Innokentiy Ukhanov – Senior Lecturer, the Department of Civil Law and Civil Procedure, Saint-Petersburg University of Ministry of Internal Affairs of Russia, Ph.D. in Law, Associate Professor, Saint-Petersburg; **e-mail:** keshau@yandex.ru.

According to the author, tourism within specially protected natural areas in Russia is beginning to enter an active phase of development. It is alleged, that in our country, the approach to ecological tourism has changed recently, and it is considered to be quite a profitable business. However, uncontrolled eco-tourism might cause significant damage to the ecosystem. To ensure a clearer legal regulation, it is necessary to legislate the definition of eco-tourism. More precise legislative regulation of this type of activity is required. The article reveals some problematic issues that impede the development of ecological tourism within specially protected natural areas of Russia.

Keywords: *specially protected natural areas; ecological tourism; environmental Law; biodiversity; wildlife refuge; national parks, legal regulation.*

Со второй половины XX в. туризм во многих странах становится важной сферой экономической деятельности. В тренде современного развития мировой экономики доля этого сектора постепенно воз-

растает. В настоящее время это – очень выгодный бизнес, который обеспечивает около 4,5% мирового валового внутреннего продукта (ВВП) и предоставляет рабочие места примерно 200 миллионам че-

ловек [7]. Развитие туризма может способствовать устойчивому управлению охраняемыми природными территориями за счет привлечения любителей природы из разных точек мира.

В соответствии с Федеральным законом от 24 ноября 1996 г. № 132-ФЗ «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» под туризмом понимаются временные выезды (путешествия) граждан с постоянного места жительства в лечебно-оздоровительных, рекреационных, познавательных, физкультурно-спортивных, профессионально-деловых, религиозных и иных целях без занятия деятельностью, связанной с получением дохода от источника в стране (месте) временного пребывания [2]. Выделяют различные виды туризма с разными основами для классификации. Например, туризм может быть внутренним и выездным, социальным и самодеятельным, экскурсионным и приключенческим, водным и горным, пешим и автомобильным, др.

В отдельный вид выделяют экологический туризм. К сожалению, в действующем российском законодательстве отсутствует определение данного термина. Однако в документах Международного союза охраны природы приведено следующее определение: «Экологический туризм или экотуризм – путешествие с ответственностью перед окружающей средой по отношению к ненарушенным природным территориям с целью изучения и наслаждения природой и культурными достопримечательностями, которое содействует охране природы, оказывает "мягкое" воздействие на окружающую среду, обеспечивает активное социально-экономическое участие местных жителей и получение ими преимуществ от этой деятельности». Похожие по содержанию определения дают Всемирный фонд дикой природы и Международное общество экологического туризма.

Многие считают, что термин «экологический туризм» введен в научный оборот в 1983 г. мексиканским экологом-экономистом Гектором Цебаллос-Ласкурейном. Примерно в указанный период подобный термин появляется и в СССР.

Впервые он использован при подготовке и внедрении пешеходного маршрута «Кругобайкальская железная дорога» (КБЖД), который разработан в Бюро международного молодежного туризма «Спутник» при Иркутском обкоме ВЛКСМ. В нашей стране стремительно произошла эволюция термина: «экологический маршрут», затем «экотуры по КБЖД», а на современном этапе – «экотуризм на Байкале».

Экологический туризм базируется на следующих основах:

- подбирают экологически благоприятные и вместе с тем интересные природные и культурные ландшафты;
- маршруты проходят по специально проложенным экологическим тропам;
- туристы посещают природоведческие и краеведческие музеи, экотехнологические хозяйства;
- происходит знакомство с участками «нетронутой» природы;
- посетителям рассказывают об экологических проблемах на местном уровне;
- в ходе тура происходит изучение традиционных, аборигенных форм природопользования;
- посетителям прививают уважение к местным культурным традициям.

Туризм в пределах особо охраняемых природных территорий (ООПТ) в России только начинает вступать в активную фазу развития. Вместе с тем такого рода туризм – это значимый бизнес, требующий профессиональной, плановой работы и государственного подхода. Как показывает мировая практика, туризм на ООПТ успешен, если в его развитии обязательно участвуют несколько игроков, роли между которыми четко разделены. Каждый из участников решает свои, свойственные именно ему задачи, и у каждого из них существует своя зона ответственности [7]. Например, по разным оценкам, в Финляндии около шести тысяч ферм предлагают возможность экологического отдыха. Все чаще этим занимаются профессионально, а не в свободное от основной деятельности время. Спрос на экологические туры растет ежегодно на 10–15%. По данным Россельхозбанка, в России ожидается увеличение потока экотуристов до 22 млн

человек в год к 2025 г., в 2021 г. это число составило 10,6 млн [8].

Однако и в нашей стране в последние несколько лет подход к экологическому туризму изменяется, и его рассматривают в качестве выгодного бизнеса. Это требует, однако, грамотной его организации. Возникла необходимость изменить данную идеологию, уйти от «неконтролируемого использования природных ресурсов к рыночному регулированию их эксплуатации в рамках современного экологического законодательства и в целях устойчивого развития» [6]. Экологический туризм может осуществляться на любых природных территориях, в частности на обычных участках лесного фонда или землях, не имеющих особо охраняемого статуса. Объектами для экологического туризма часто выступают ООПТ. Они широко используются для развития экологического туризма и обеспечения активного познавательного отдыха в естественных природных условиях в рамках культурно-просветительской и рекреационной деятельности. Но следует иметь в виду, что неконтролируемый экологический туризм может нанести существенный вред экосистеме. Особенно, если туристические маршруты затрагивают природные объекты, имеющие особые характеристики и требующие специфической охраны.

Количество ООПТ в пределах Российской Федерации постоянно увеличивается. Так, с 1992 по 2011 г. создано 28 новых заповедников, 25 национальных парков и десять федеральных заказников. Кроме того, существенно расширены территории существовавших 25 заповедников, одного национального парка и одного федерального заказника. В целом общая площадь ООПТ федерального значения увеличена практически на 80%.

22 декабря 2011 г. Правительством РФ издано распоряжение № 2322-р «Об утверждении Концепции развития системы особо охраняемых природных территорий федерального значения на период до 2020 года и плана мероприятий по реализации Концепции развития системы особо охраняемых природных территорий

федерального значения на период до 2020 года». Цель этой Концепции – развитие системы ООПТ путем повышения эффективности государственного управления в сфере организации и функционирования системы ООПТ в интересах устойчивого развития РФ, обеспечения экологической безопасности, охраны биологического и ландшафтного разнообразия, сохранения и рационального использования природного и культурного наследия [4]. В соответствии с данной Концепцией до 2020 г. предусмотрено создание 11 заповедников, 20 национальных парков и трех федеральных заказников, а также расширение территорий существующих 11 заповедников и одного национального парка.

Срок действующей Концепции истек в 2020 г. Но, анализируя результаты работы по созданию новых ООПТ в России, можно признать, что она была успешной. По данным Росстата, в 2021 г. в России насчитывалось 11,9 тыс. ООПТ федерального, регионального и местного значения. По сравнению с 2020 г. их общая площадь возросла на 2,0 млн га, составив 242,1 млн га в 2021 г. (14,14 % площади РФ). В целом с 2014 по 2021 г. общая площадь ООПТ увеличилась на 39,8 млн га, что является результатом усовершенствования системы управления ООПТ в России [5].

Сегодня происходит разработка нового документа стратегического планирования. Его основной задачей станет реализация обеспечения комплексного подхода к сохранению биоразнообразия на территории страны. В соответствии со Стратегией экологической безопасности на период до 2025 г. приоритетным направлением обеспечения экологической безопасности выступает сохранение биологического и ландшафтного разнообразия страны и развитие сети ООПТ.

В рамках реализации федерального проекта «Сохранение биологического разнообразия и развития экологического туризма», относящегося к национальному проекту «Экология», к 2024 г. площадь ООПТ должна быть увеличена еще не менее чем на два млн га за счет создания 24 новых ООПТ.

Наиболее традиционным и одновре-

менно жестким способом охраны отдельных природных территорий в России является создание заповедников. Заповедники в течение многих лет оставались практически закрытыми для посетителей. До сих пор возможности развития экологического туризма на их территориях остаются ограниченными. Это в первую очередь обусловлено спецификой заповедников как ООПТ. Но значительное число заповедников, хотя и формально, но обозначили свой интерес к развитию экологического туризма. Несмотря на то, что разработаны методические документы, регламентирующие осуществление экотуризма в заповедниках и созданы программы его реализации, на практике ситуация оказывается значительно сложнее. Насколько активно заповедники готовы принимать туристов на своих территориях, во многом зависит даже не от Положения о том или ином заповеднике, а от позиции его администрации. В большинстве случаев посетителям доступны лишь центральные усадьбы заповедников, в которых можно побывать, например, в Музее природы, осмотреть несколько вольеров с животными и совершить прогулку по коротким маршрутам.

Пребывание граждан на территории заповедника разрешается только по специальным разрешениям, выданным его администрацией, и при наличии документа, удостоверяющего личность, указанного в разрешении. Однако большая часть территорий заповедников по-прежнему закрыты для посещения. Так, в Вишерском заповеднике туристам доступны лишь около 5% его территории. Передвижение допускается только по утвержденным четырем экологическим тропам. Посещение является платным.

Другая территориальная форма охраны природы – национальные парки. В отличие от заповедников, развитие туризма на этих территориях служит одним из основных направлений их деятельности. Национальные парки для России – сравнительно новая форма охраны окружающей среды и сохранения культурного наследия. Создание национальных парков на территории нашей страны началось в

1983 г.

Национальные парки в единой системе ООПТ играют особую роль. В отличие от заповедников, национальные парки наделены не только природоохранной, но и рекреационной функцией. Подобная «двойственность» накладывает определенные ограничения на условия отдыха в национальных парках, но тем не менее способствует развитию экотуризма [9].

Согласно Федеральному закону от 14 марта 1995 г. № 33-ФЗ «Об особо охраняемых природных территориях» [1] в пределах национальных парков выделяют различные функциональные зоны. При этом, несмотря на важность проведения функционального зонирования в национальных парках, в большинстве российских парков оно фактически отсутствует или проведено не в полном объеме. Соответственно, это приводит к нарушениям правового режима использования особо охраняемых природных территорий, а в ряде случаев – и к злоупотреблениям со стороны организаций или должностных лиц.

Вместе с тем можно выделить и сопутствующие проблемы, затрудняющие развитие экологического туризма в пределах ООПТ России:

- недостаточность, а порой практически полное отсутствие маршрутов и программ, разработанных для разных категорий туристов, в том числе иностранных;
- недостаточное количество или практически полное отсутствие объектов туристической инфраструктуры на маршрутах (оборудованных палаточных стоянок, контейнеров для мусора, туалетов, переправ через водные объекты и т.п.);
- нехватка информационных щитов и указателей в пределах парков;
- отсутствие у работников заповедников и национальных парков достаточных знаний и опыта, необходимых для успешного и прибыльного развития туризма;
- малое разнообразие предоставляемых туристам платных услуг, завышенные цены на эти услуги, зачастую низкое качество указанных услуг;
- недостаточное количество мест для размещения туристов (отсутствие кемпин-

гов, недостаток мини-гостиниц, гостевых домов);

– проблемы, связанные с транспортом (в ряде случаев добраться до ООПТ на общественном транспорте затруднительно или невозможно);

– недостаток рекламы, особенно на международном уровне;

– недостаточная приспособленность российских заповедников и национальных парков для приема зарубежных туристов (местное население, как правило, не говорит на иностранных языках, хотя и проявляет гостеприимство);

– отстраненность местного населения от участия в развитии экотуризма;

– отсутствие механизмов, при которых часть финансовых поступлений от экотуризма направлялась бы на нужды местных жителей;

– отсутствие четкого правового регулирования рекреации в пределах ООПТ [9].

Нормы права, регулирующие экологический туризм, разработаны недостаточно, и в системе экологического права занимают неоднозначное положение. Это обусловлено тем, что экологический туризм выступает, с одной стороны, предпринимательской деятельностью, с другой – в качестве способа экологического просвещения и образования. При этом выполняет и ряд социальных функций, в том числе поддерживает уровень жизни местного населения и способствует сохранению местных традиций, обычаев.

Следовательно, для более четкого правового регулирования необходимо внести определение понятия экологического туризма и выделить для него отдельную главу в Федеральном законе от 24 ноября 1996 г. № 132-ФЗ «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации».

Ранее, на протяжении ряда лет, многократно возникал вопрос о необходимости внести соответствующие поправки в Федеральный закон от 14 марта 1995 г. № 33-ФЗ «Об особо охраняемых природных территориях». 18 марта 2023 г. Государственная Дума приняла в третьем чтении Федеральный закон о туризме на ООПТ, который вступит в силу 1 сентября 2023 г.

[3]. В частности, в законе речь идет о том, что на специально выделенных участках частичного хозяйственного использования, не включающих в себя естественные экологические системы, природные комплексы, объекты и не являющихся средой обитания объектов растительного и животного мира, для сохранения которых создан государственный природный заповедник, допускается деятельность, направленная на организацию и осуществление туризма, обеспечение охраны и использования государственного природного заповедника, а также жизнедеятельности граждан, проживающих на его территории.

Таким образом, постепенно начинает развиваться концепция «регенеративного туризма». Вероятно, эта концепция в ближайшем будущем станет одним из основных аспектов экологического туризма. Данная концепция предполагает относительно новый подход к путешествиям, в процессе которых сделан акцент не только на минимизацию негативных последствий туризма, но и по мере возможности осуществляется позитивное влияние на окружающую среду, местные сообщества. Это может включать в себя проживание в экологически чистых местах, поддержку местных усилий по сохранению природы и участие в мероприятиях, приносящих пользу окружающей среде (в их числе – посадка растений, уборка мусора, рекультивация территорий).

ЛИТЕРАТУРА

1. Об особо охраняемых природных территориях: федер. закон от 14 марта 1995 г. № 33-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1995. № 12. Ст. 1024.

2. Об основах туристской деятельности в Российской Федерации: федер. закон от 24 ноября 1996 г. № 132-ФЗ (в ред. от 28.05.2022 г.) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 49. Ст. 5491.

3. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 18 марта 2023 г. № 77-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2023. № 12. Ст. 1890.

4. Об утверждении Концепции разви-

тия системы особо охраняемых природных территорий федерального значения на период до 2020 года и плана мероприятий по реализации Концепции развития системы особо охраняемых природных территорий федерального значения на период до 2020 года: распоряжение Правительства РФ от 22 декабря 2011 г. № 2322-р // Собрание законодательства РФ. 2012. № 3. Ст. 452.

5. О состоянии и об охране окружающей среды Российской Федерации в 2021 году: государственный доклад. М.: Минприроды России; МГУ имени М.В. Ломоносова, 2022. 145 с.

6. Дегтярев А.Н., Усманов Ю.И., Солодилова Н.З., Матвеева Л.Д. Природный комплекс Южного Урала как туристический ресурс: эколого-экономические аспекты // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2003.

Т. 5. № 2. С. 240–248.

7. Иглс П., МакКул С., Хайнс К. Устойчивый туризм на охраняемых территориях: руководство по планированию и управлению / пер. с англ. М.: Международный союз охраны природы (МСОП); Смоленск: Маджента, 2005. 184 с.

8. Конева В. Устойчивый туризм. Почему экопутешествия сейчас в тренде // ИА ТАСС. 2022. 18 июля. URL: <https://tass.ru/obschestvo/15241231> (дата обращения: 17.04.2023).

9. Уханов И.С. Развитие национальных парков как объектов туристического бизнеса в Северо-Западном регионе // Государственно- правовая политика в Северо-Западном регионе: сборник материалов Междунар. науч.-практ. конф. СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет сервиса и экономики, 2010. С. 276.

А.А. Бордюговская

ПРОБЛЕМЫ НАСЛЕДОВАНИЯ ЦИФРОВОГО ИМУЩЕСТВА

Анастасия Алексеевна Бордюговская – преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин, Государственный институт экономики, финансов, права и технологий, г. Гатчина; **e-mail: an.alekseevna19@yandex.ru.**

У современного человека, помимо объектов материального мира, которые он может свободно завещать, появляется еще и множество «цифровых», а потому в настоящей статье предпринята попытка определения термина, которым необходимо оперировать при включении такого потенциально возможного «имущества» в наследственную массу – информация, право на информацию или же право на доступ к информации, а также формы включения такого рода «имущества» в состав наследства. Кроме того, в статье рассматривается вопрос отнесения права на доступ к информации к той или иной категории – к имущественным правам или же цифровым. Автором рассматривается вопрос о внесении изменений в пользовательские соглашения на онлайн-платформах, которые позволяли бы передавать наследникам приобретенные пользователем электронные копии книг / фильмов, а также предлагается ряд поправок в действующее законодательство, которые направлены на легализацию «цифрового» наследства.

Ключевые слова: информация; наследственная масса; право на доступ к информации; цифровое имущество; имущественные права; цифровые права; наследодатель; завещание.

А.А. Bordyugovskaya

DIGITAL PROPERTY INHERITANCE PROBLEMATIC ISSUES

Anastasiya Bordyugovskaya – Lecturer, the Department of Civil Law Disciplines, State Institute of Economics, Finance, Law and Technology, Gatchina; **e-mail: an.alekseevna19@yandex.ru.**

According to the author in addition to objects of material world which a modern person can freely bequeath there is also a lot of «digital» ones wherefore the article attempts to define a relevant term to be applied when such a potential «property» is included in hereditary mass to wit the information, the right to information, or the right of access to information. In addition, the forms of including such kind of «property» in the inheritance are presented for consideration. Thereupon the article focuses on categorizing the right of access to information with referring the one either to property rights or to digital. The author considers making amendments to customs agreements on online platforms which would allow users to bequeath acquired electronic copies of book/films. Furthermore, the paper presents a number of amendments to existing legislation aimed at legalizing «digital» inheritance.

Keywords: information; hereditary mass; right of access to information; digital property; property rights; digital rights; bequeather; bequest.

XXI век часто называют эпохой пост-индустриального общества, для которого характерны активное и первостепенное развитие высоких технологий, информатизация и компьютеризация всех сфер жизни общества, а потому информация выступает объектом оборота и отражения фактов

материального и духовного мира в процессе коммуникации. Виртуальное пространство с каждым годом все прочнее закрепляется в жизни человека и становится ее неотъемлемой частью, компьютерная грамотность граждан растет. В этой связи возникает больше вопросов относительно

регулирования складывающихся отношений, больше пробелов в законодательстве, поскольку предусмотреть все заранее невозможно.

Согласно закону в состав наследства входят вещи, имущественные права и обязанности, а также иное имущество [4]. Данная норма носит бланкетный характер и отсылает нас к постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 24 августа 1993 г. № 8 «О некоторых вопросах применения судами Закона Российской Федерации "О приватизации жилищного фонда в Российской Федерации"», в котором под «иным имуществом» закон предлагает понимать жилое помещение, заявление на приватизацию которого подано наследодателем при жизни и не было отозвано, поскольку по не зависящим от него причинам он был лишен возможности соблюсти все правила оформления документов на приватизацию, в которой ему не могло быть отказано [8].

Полагаем, что перечень «иного» имущества открытый, а значит, допустимо расширительное толкование данного понятия.

Итак, современный продвинутый пользователь персонального компьютера и гаджетов может без труда создать для себя аккаунт в каком-либо мессенджере или социальной сети, оплатить и тем самым приобрести в собственность цифровую копию литературного произведения или музыкального альбома того или иного исполнителя, купить криптовалюту, сформировать «облачное» хранилище и хранить в нем огромное количество информации. Не стоит забывать и о том, что сегодня многие аккаунты монетизированы и приносят неплохой доход владельцу, а в таком случае со смертью человека наследники теоретически теряют существенную часть наследственной массы. Возникает логичный вопрос о том, что станет со всеми этими объектами после смерти их приобретателя / пользователя и будет ли возможным наследование этих объектов. На данный вопрос нам только предстоит найти ответ.

Технологии компании *Apple*, действующие в том числе и на территории Российской Федерации, продвинулись еще дальше: компания предусмотрела возможность назначения цифрового наследника,

который после смерти «наследодателя» получит доступ к содержимому его учетной записи. Среди них – фото, сообщения, файлы, пароли, сведения о платежах, ключи входа и другие. Таким наследником может быть любое лицо или лица. «Наследнику» для получения «наследства» не придется обращаться к нотариусу, достаточно будет подать в компанию соответствующий запрос с приложением к нему свидетельства о смерти и ключа доступа, который был создан наследодателем при назначении наследника. Компания рассматривает запрос, проверяет информацию и, если проверка пройдена успешно (данные подтверждены), предоставляет наследнику доступ к информации сроком на три года. При этом минимальный возраст наследника, как сообщается на сайте компании, по умолчанию составляет 13 лет. Однако он может быть изменен, в зависимости от страны и региона [13] (России в списке нет, но содержится фразоограничение «минимальный возраст для создания учетной записи – ... 13 лет во всех остальных странах и регионах»). Из этого мы делаем вывод о том, что РФ, согласно правилам компании, подходит под это ограничение с учетом того, что в настройках продукции компании можно выставить в качестве региона РФ).

Так, например, мы вправе унаследовать книги в переплете. Но почему мы не можем унаследовать собранную пользователем электронную библиотеку, в которой книги – это не просто подборка, а купленные им за безналичные деньги электронные копии книг? Если исходить из определения «вещей», то электронные копии книг не могут выступать в качестве таковых, поскольку не являются объектами материального мира, но при этом они, как и вещи, созданы человеком (или при его помощи) и удовлетворяют определенные человеческие потребности. Безусловно, права на такие объекты можно рассматривать в качестве имущественных прав, возникающих в отношении бестелесных объектов (в частности, речь идет об исключительных правах, информации, цифровых правах). Однако стоит учитывать тот факт, что человек покупает не саму книгу, а лицензию на

ее использование. Согласно пользовательскому соглашению передача лицензии третьим лицам не допускается [12; 19]. Очевидным становится нарушение прав пользователей, поскольку «покупатель» электронной книги не претендует на авторство. Он покупает книгу в цифровом формате так, как если бы сделал такую покупку в магазине и приобрел печатный экземпляр. Представляется логичным убрать из пользовательских соглашений пункт, запрещающий пользователям передавать купленное им третьим лицам. В таком случае возможна спекуляция приобретенными книгами, однако возможным видится включение в соглашение пункта, позволяющего передавать приобретенные электронные копии исключительно наследникам.

С криптовалютой ситуация более сложна с учетом ее характера: полная анонимность, не контролируется государством, нет единого эмитента и т.д. Делать в завещании ссылку на криптокошелек ввиду его анонимности не имеет смысла. Иначе складываются обстоятельства, если речь идет о криптовалютной бирже (стоит отметить, что не все платформы работают в России): наследники умершего могут получить доступ к его накоплениям при предоставлении копий свидетельства о смерти, завещания, паспорта наследника [24].

Отсюда возникает вопрос о том, будет ли придана законная сила такому «наследованию» на территории РФ и можно ли признавать все вышеуказанное (по сути – информацию) наследством, а также возможно ли применение термина «цифровое наследство».

С точки зрения герменевтики, где суть явления познается исходя из его названия, содержимое аккаунтов в социальных сетях / мессенджерах / сайтах, цифровые копии книг / музыкальных альбомов, криптовалюту, данные «облачных» хранилищ мы можем называть «цифровым имуществом», поскольку:

- лицо тратит реальные деньги на покупку электронных книг, криптовалюты, увеличение объема «облачного» хранилища;

- содержащиеся в аккаунтах сведения (в том числе персональные данные) и

материалы (загруженные пользователем фото, видео, документы и т.д.) по общему правилу являются собственностью пользователя;

- в полной мере раскрывается правомочие владения – закрепленная законом возможность фактического обладания имуществом и контроля над ним, осуществляемая собственником добросовестно и законно. Правомочие владения органично, сочетает в себе объективные и субъективные элементы, а отсутствие одного из них не позволяет говорить о наличии у лица права владения [22];

- возвращаясь к герменевтике, можно утверждать, что все объекты в цифровом виде являются информацией, представленной в цифровом (двоичном) формате.

Таким образом, «цифровое имущество» есть не что иное, как информация, то есть при появлении законодательной возможности завещать и наследовать это имущество объектом наследования в данном случае будет выступать информация.

Можно ли завещать информацию? Сегодня этот вопрос однозначно не решен ни в науке, ни на практике, но существует большое количество научных работ, посвященных данной теме [11, с. 361]. В ст. 141.1 Гражданского кодекса (ГК) РФ также не говорится об этом [6]. Наследование того, что имеет человек в цифровом формате, никаким образом не урегулировано российским законодательством. Между тем зарубежные страны (Америка, Испания в целом и Каталония в частности, Франция, Германия) уже взяли курс на реформирование законодательства в данной области ввиду наличия в мировой практике прецедентов [9; 23].

Часто происходят ситуации, когда человек умирает, а его родственникам крайне необходимо получить информацию, хранящуюся, например, на электронной почте умершего или в облачном хранилище, привязанном к этой электронной почте. Если такого рода информация не выступает объектом интеллектуальной собственности, то получить доступ будет крайне сложно. В качестве примера приведем дело, ранее обсуждаемое в сети, о предоставлении доступа Василию Цирину к электронной

почте его матери – скрипачки Людмилы Карпушкиной. Обращение в техподдержку «Рамблера» не привело к желаемому результату. Ему отказали в предоставлении доступа, мотивировав отказ тем, что сделать они это могут исключительно на основании судебного решения о признании его наследником электронного почтового ящика [10; 18], поскольку ст. 65 Федерального закона от 7 июля 2003 г. № 126-ФЗ «О связи» гарантирует тайну переписки и почтовых отправок. В результате им написана петиция, адресованная «суд РФ» [20]. Это уже говорит о том, что существует «запрос» на совершенствование законодательства в исследуемой области.

Что же касается аккаунтов *WhatsApp* и *Telegram*, то они не предоставляют доступ родственникам умершего к его аккаунту и переписке, так как это прямо нарушает политику конфиденциальности платформ (со ссылкой на ст. 138 Уголовного кодекса (УК) РФ [5]).

Г.М. Самостроев, Е.П. Сулима в своей научной работе пишут: «Граждане в ходе своей жизнедеятельности в рамках доступных ресурсов Интернета, используя возможности, предоставленные инструментами самих ресурсов, за счет информационного обмена аккумулируют информацию, имеющую для них материальную и/или духовную ценность и социальную значимость, как-то: личная переписка, развитый блог или членство в форуме, учетная запись в различных группах социальных сетей и т.п., а также «зарабатывают» привилегированный статус в рамках программ лояльности различных организаций, осуществляющих свою деятельность с использованием сервисов и ресурсов сети Интернет, что определяет возможность получения ими преференций и материальных благ в пределах использования таких сервисов и ресурсов. Все вышеописанное можно рассматривать как цифровые активы субъекта данных, обладающие всеми признаками материальности: они существуют, и ими можно распоряжаться – обменивать, потратить, продать и т.п. Также следует отметить, что требования действующих международных и российских законодательных актов по использованию всех

электронных сервисов Интернета привели к аккумуляции у владельцев ресурсов колоссального количества конфиденциальной информации, в том числе и персональных данных, как-то: фамилия, имя и отчество; почтовый адрес; информация о банковских картах и электронных счетах, а также их реквизитах; номер телефона; идентификационные данные средств электронной коммуникации и т.п. ... Анализируя законодательные и нормативно-правовые акты Российской Федерации и европейских государств с явно выраженной информационной сферой общества в области наследования прав на персональные данные и цифровые блага и ценности, мы считаем очевидным, что регулирование в данной сфере недостаточно отражает актуальность существующей проблемы» [21, с. 254–255].

В работе А.В. Копьева содержится следующее положение: «Причины, по которым достаточно сложно получить доступ к личной информации в сети после смерти гражданина, не столько в отсутствии в современном наследственном праве правил о наследовании такой информации, сколько в том, что сейчас отношения между пользователем социальной сети и самой социальной сетью регламентируются соглашением-офертой, которое не допускает наследование аккаунтов» [14, с. 71].

С данными утверждениями нельзя не согласиться. Однако вопрос о возможности включения информации как комплексной составляющей в наследственную массу остается открытым.

Стоит определиться с тем, что все-таки мы будем включать в наследственную массу: информацию, право на нее или право на доступ к информации?

Вероятно, включение информации в состав наследства как отдельного объекта будет невозможным по ряду причин: в случае с завещанием не представляется возможным включить эту информацию в текст завещания, поскольку «информация» в таком контексте – широкое понятие, а также ввиду того, что содержание завещания будет оглашено нотариусом при всех наследниках, а значит, данная информация станет доступна всем и сразу; в случае

наследования по закону извещение наследников о наличии такого объекта наследования становится затруднительным. Право на информацию по-разному толкуется в научных кругах, но в целом выработано два подхода: узкий и широкий. Согласно узкому подходу, это – только право на получение информации [15, с. 11–12, 16–17, 21]; в широком смысле – это совокупность всех субъективных прав, направленных на информацию или действия с ней [16, с. 204]. Право на доступ к информации закреплено в ст. 8 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [3]. Согласно ст. 2 приведенного закона под доступом к информации следует понимать возможность ее получения и использования. Правомочия обладателя информации изложены в ст. 6 указанного Федерального закона. Кроме того, право на доступ к информации закреплено в ч. 4 ст. 29 Конституции РФ [1]. Согласно подходу, выработанному в науке, право на доступ к информации включает в себя: право доступа к документам, информационным ресурсам, информационным системам; право запрашивать информацию; право получать информацию; право фиксировать информацию, в том числе с помощью технических средств; право на воспроизведение информации; право на доведение информации до конкретных субъектов посредством ее опубликования, а также направления по сетям электрической и почтовой связи, передачи через СМИ в режиме регулярных сообщений; право получать консультационную помощь по вопросам доступа к информации [17, с. 13, 16].

Итак, самым рациональным будет включение в наследственную массу права на доступ к информации как комплекс отношений, обладающий интеллектуальной и материальной ценностью, ввиду того, что понятие является широким и охватывает все правомочия, которые необходимо было бы передать потенциальному наследнику, а также ввиду наличия в законодательстве определения данного понятия, а значит, отсутствия необходимости его закрепления и разъяснения.

Отдельное внимание следует уделить отнесению права на доступ к информации к конкретной категории – к имущественным правам в области информационного права или к цифровым правам. Несмотря на то, что речь в настоящей статье идет о «цифровом наследстве», видится логичным отнесение такого имущества к имущественным правам, обладающим рядом признаков вещных прав, поскольку в рамках ст. 141.1 ГК РФ (бланкетная норма) под цифровыми правами следует понимать права в инвестиционной платформе, среди которых право требовать передачи вещи, выполнения работ / оказания услуг, исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности (в том числе право использовать эти результаты) [2]. Кроме того, указанная статья относит цифровые права к обязательственным и отдельно акцентирует внимание на том, что при переходе права согласие обязанного лица не требуется. В рамках ст. 141.1 ГК РФ права могут переходить от субъекта к субъекту через уступку права требования. В свою очередь, ст. 128 ГК РФ относит цифровые права к тем самым имущественным правам, передача которых также возможна в порядке уступки права требования.

Нужно понимать, о какой именно информации будет идти речь в рамках наследственных правоотношений. Однако первостепенным видится понимание того, что эта информация всегда хранится «где-то», куда наследник должен получить доступ. В частности, наследники наследуют исключительные права на результаты интеллектуальной деятельности [7]. Но не всякая информация, содержащаяся в аккаунтах умершего, относится к объектам интеллектуальных прав. Что делать, если эти результаты хранятся в цифровом виде на электронной почте или аккаунте в какой-либо социальной сети, к которой доступ наследник получить не может?

Ответить на этот вопрос в современных условиях сложно, но можно предположить, что при включении права на доступ к информации (а равно всего того, что существует при жизни в цифровом формате) в состав наследства наследникам должны переходить учетные данные аккаунтов.

Вероятно, при наследовании цифрового имущества по закону круг наследников необходимо ограничить до членов семьи и близких родственников (ст. 2, 14 Семейного кодекса (СК) РФ). Порядок перехода такого имущества к наследникам требует тщательной проработки: для этого недостаточным будет внести изменения в отдельные статьи ГК РФ и СК РФ. Вполне вероятно, что потребуется введение в действие нового федерального закона, в котором подробно излагалось бы следующее: что именно относится к «цифровому имуществу»; кто имеет право его наследовать; порядок его наследования по закону и по завещанию; как включить такое имущество в завещание при условии, что его оглашает нотариус; как будет осуществляться учет такого имущества; на кого будут возложены эти функции и т.д.

Таким образом, считаем, что для современного этапа развития общества необходимо особое внимание уделить легализации «цифрового» наследства, что повлечет внесение существенных изменений в ст. 128 и 1112 ГК РФ, в частности устранение возможности расширительного толкования содержащейся в ней информации и конкретизацию всего, что законодатель подразумевает под «иным» имуществом. Кроме того, предлагается считать, что право на доступ к информации следует включить в содержание ст. 128 ГК РФ и отнести его к категории имущественных прав. Это повлечет за собой изменение ст. 1112 ГК РФ. Следует предусмотреть основания, которые стали бы основой возникновения у наследников права наследовать такие «цифровые» права. В этом случае возрастет нагрузка и у нотариусов (ввиду того, что для открытия наследственного дела люди обращаются именно к ним), поскольку именно на них будет возложена деятельность по поиску такого «наследства». Однако поиск должен сопровождаться доступом нотариусов к различным базам данных (единого реестра цифрового имущества пока не существует), что также влечет реформирование деятельности государственных органов, компаний (например, «Яндекс», «ВКонтакте»), интернет-платформ. Возможно, учету такого иму-

щества в какой-то мере способствовало бы возложение на лиц – пользователя аккаунта в социальных сетях, владельца электронной почты – обязанности (не права) подтверждать свои аккаунты через портал государственных услуг РФ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (в ред. от 6 октября 2022 г.) // Российская газета. 1993. 25 декабря.
2. О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федер. закон от 2 августа 2019 г. № 259-ФЗ // Российская газета. 2019. 7 августа.
3. Об информации, информационных технологиях и о защите информации: Федер. закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ // Российская газета. 2006. 29 июля.
4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья): Федер. закон от 26 ноября 2001 г. № 146-ФЗ // Российская газета. 2001. 28 ноября.
5. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федер. закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
6. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): Федер. закон от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // Российская газета. 1994. 8 декабря.
7. О судебной практике по делам о наследовании: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 мая 2012 г. № 9 // Российская газета. 2012. 6 июня.
8. О некоторых вопросах применения судами Закона Российской Федерации «О приватизации жилищного фонда в Российской Федерации»: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24 августа 1993 г. № 8 (в ред. от 21 декабря 1993 г.; с изм. и доп. от 25 октября 1996 г., 6 февраля 2007 г., 2 июля 2009 г.) // Информационно-правовой портал «Гарант.ру». URL: <https://base.garant.ru/10101517/?ysclid=lim8dt1kon100981419> (дата обращения: 18.01.2023).
9. В Германии признали аккаунты в соцсетях цифровым наследством // RTVI.

2018. 12 июля. URL:<https://rtvi.com/news/v-germanii-priznali-akkaunty-v-sotssetyakh-tsifrovym-naslediem/> (дата обращения: 18.01.2023).

10. В суд из-за доступа к почтовому ящику // Правовой центр «Человек и Закон». 2019. 18 марта. URL: <https://chelovekizakon.ru/dela/v-sud-iz-za-dostupa-k-rochtovomu-yashiku> (дата обращения: 18.01.2023).

11. *Вавилин Е.В.* Наследование цифровых прав в России // Права человека и политика права в XXI в.: перспективы и вызовы: сборник науч. трудов по итогам Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием, Москва, 27–28 мая 2022 г. Саратов: Саратовский источник, 2022. С. 354–364.

12. Договор – публичная оферта // «ЛитРес». URL: https://www.litres.ru/pages/litres_oferta/ (дата обращения: 14.03.2023).

13. Как добавить цифрового наследника для вашего идентификатора Apple ID // Apple (Россия). 2022. 18 октября. URL: <https://support.apple.com/ru-ru/HT212360> (дата обращения: 12.12.2022).

14. *Копьев А.В.* Цифровое наследство // Актуальные проблемы частного и публичного права: сборник науч. трудов Всерос. науч.-практ. конф., Волгоград, 25 октября 2019 г. Волгоград: Волгоградская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2020. С. 71–73.

15. *Лисицына Е.С.* Право на информацию и информационную деятельность в Российской Федерации: конституционно-правовые аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. 31 с.

16. *Минбалева А.В.* Право на информацию: природа и особенности развития в современном мире // Вопросы управления. 2014. № 4 (10). С. 203–207.

17. *Морозов А.В., Филатов Л.В.* Правовые вопросы доступа к информации: учеб. пособие. М.: Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России), 2015. 84 с.

18. Московский музыкант судится за доступ к электронной почте покойной матери // NTV.ru. 2019. 25 марта. URL: <https://www.ntv.ru/novosti/2171142/> (дата обращения: 18.01.2023).

19. Пользовательское соглашение // «Иви.ру». 2023. URL: <https://www.iv.ru/info/agreement> (дата обращения: 14.03.2023).

20. Разрешите, пожалуйста, Рамблеру выдать мне пароль от почты умершей мамы! // Change.org. 2019. 13 марта. URL: https://www.change.org/p/суд-рф-разрешите-пожалуйста-рамблеру-выдать-мне-пароль-от-почты-умершей-мамы?source_location=petitions_browse (дата обращения: 18.01.2023).

21. *Самостроенко Г.М., Сулима Е.П.* «Цифровое» наследство как фактор развития предпринимательства в области защиты персональных данных // Среднерусский вестник общественных наук. 2017. Т. 12. № 1. С. 252–258.

22. *Феоктистов А.В., Лысенко И.М., Шишова М.Н.* Актуальные проблемы института права собственности в Российской Федерации // Наука. Общество. Государство: электр. науч. журнал. 2016. Т. 4. № 2 (14). URL: https://esj.pnzgu.ru/files/esj.pnzgu.ru/feoktistov_av_ly-senکو_im_shishova_mn_16_2_14.pdf?ysclid=im928f6ds236443167 (дата обращения: 14.03.2023).

23. Erbenbekommen Zugriff auf Facebook-Konto // Süddeutsche Zeitung. 2018. Juli 12. URL: <https://www.sueddeutsche.de/panorama/facebook-konto-erbe-bgh-urteil-1.4051316> (дата обращения: 14.03.2023).

24. How do I gain access to a deceased family member's Coinbase account? // Coinbase. URL: <https://help.coinbase.com/en/coinbase/managing-my-account/other/how-do-i-gain-access-to-a-deceased-family-members-coinbase-account> (дата обращения: 18.01.2023).

В.Б. Гольцов, Н.М. Голованов
ИСТОРИЧЕСКИЙ ЭКСКУРС В ПРОЦЕСС СТАНОВЛЕНИЯ
И РАЗВИТИЯ НОРМ ГРАЖДАНСКОГО
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ ОБЪЕКТАХ НЕДВИЖИМОСТИ
В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Владимир Борисович Гольцов – профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин, Государственный институт экономики, финансов, права и технологий, доктор юридических наук, доцент, г. Гатчина; e-mail: golz2005@yandex.ru.

Николай Михайлович Голованов – профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин, Государственный институт экономики, финансов, права и технологий, кандидат юридических наук, профессор, г. Гатчина; e-mail: golovanovnikolai@yandex.ru.

В статье исследуются вопросы об исторических аспектах использования в гражданском законодательстве России термина «недвижимость» и изменениях его содержания на протяжении последней трехсотлетней законодательной практики, а также взгляды российских правоведов на существенные признаки объектов недвижимого имущества. Показано современное видение категории недвижимости российским законодателем, разделение ее на недвижимые вещи по естественным свойствам и по закону. Проанализированы критерии, согласно которым объекты недвижимости подразделяются на виды. Рассмотрены особенности отнесения к недвижимости вещей в ведущих государствах Западной Европы, входящих, как и Россия, в романо-германскую правовую семью, а также в Великобритании и США, относящихся к англосаксонской правовой семье. Сформулированы предложения о внесении коррективов в законодательство, регламентирующее основания отнесения вещей к объектам недвижимости.

Ключевые слова: объекты недвижимости; недвижимость; недвижимая вещь; недвижимое имущество; виды недвижимости; критерии отнесения вещей к недвижимым.

V.B. Gol'tsov, N.M. Golovanov
HISTORICAL INSIGHT INTO FORMATION
AND DEVELOPMENT OF NORMS OF CIVIL LAW
ON REAL ESTATE IN THE RUSSIAN FEDERATION

Vladimir Gol'tsov – Professor, the Department of Civil Law Disciplines, State Institute of Economics, Finance, Law and Technology, Doctor of Law, Associate Professor, Gatchina; e-mail: golz2005@yandex.ru.

Nikolay Golovanov – Professor, the Department of Civil Law Disciplines, State Institute of Economics, Finance, Law and Technology, PhD in Law, Full Professor, Gatchina; e-mail: golovanovnikolai@yandex.ru.

The article examines historical aspects of the use of "real estate" term in the civil legislation of Russia along with changes in its content taken place during the last three centuries of legislative practice. The paper also focuses on the views of Russian legal scholars related to the essential features of real estate objects. The modern Russian legislator's vision of real estate category is shown with the division thereof into immovable things as per its natural characteristics and according to the law. The criteria by which real estate objects are divided into types are analyzed. Particular attention is paid to specific features of attribution of things to real

estate in the leading states of Western Europe, as Russia alike belonging to the Romano-German legal family, as well as in the UK and the USA, belonging to the Anglo-Saxon legal family, are considered. Proposals are being made to adjust the legislation regulating the grounds for classifying things as real estate objects.

Keywords: *real estate objects; real estate; immovable thing; immovable property; types of real estate; criteria for classifying things as immovable.*

Термин «недвижимость» возник в отечественном гражданском законодательстве в 1714 г., в частности в изданном Петром I Указе «О порядке наследования в движимых и недвижимых имуществах». К «недвижимым имуществом» отнесены такие объекты, как:

– «вотчина» (наследственное владение землей с находящимися на ней постройками, инвентарем, а также «правами на холопов»);

– «поместье» (личное земельное владение, предоставлявшееся под условие несения воинской или государственной службы, на период такой службы);

– «имение» (земельное владение с усадьбой – комплексом жилых и хозяйственных построек, садами и т.п., полученное в дар, по наследству, в виде приданого, за военные заслуги от царя, приобретенное при покупке, в том числе на торгах, и т.п.);

– дом;

– «двор» (участок земли, прилегающий к дому, с жилыми или хозяйственными постройками);

– «лавка» (помещение для торговли);

– земля (в виде земельного участка);

– деревня (небольшое селение, где не было церкви, в отличие от сел, где церковь была) [6].

По сути, к объектам недвижимости в этот период относили некоторые земельные ценности, будь то земельные участки с расположенными на них строениями и насаждениями, а в случаях, специально указанных в законе, – и с проживающими на них людьми. Изложенный подход к пониманию недвижимости, с незначительными изменениями, сохранялся вплоть до конца XIX в. При этом определений понятий недвижимости, недвижимого имущества и недвижимой вещи законодателем не дано. Все они были рассмотрены как однопорядковые. Корректировали только перечень своеобразных

объектов недвижимости.

Так, согласно Своду законов Российской империи 1832 г. [10], из «недвижимостей» исключены слова «вотчина», «поместье», «имение», сблизившиеся к тому времени по содержанию. Заменял эти понятия термин «земельный участок». Перечень «недвижимостей» расширен за счет понятий «угодья», «заводы», «фабрики», «всякие строения», «пустые дворовые места». Сохранились в качестве «недвижимостей» понятия «двор», «лавка», «деревня» (ст. 384).

Земли, по Своду законов Российской империи 1832 г., подразделялись на населенные и ненаселенные. Принадлежностями населенных земель считали расположенные на них церковные строения, господские и крестьянские дома, дворы, мельницы, мосты, плотины, «гати» (ст. 386). Принадлежностями населенных и ненаселенных земель были объявлены реки, озера, дороги, мосты, недра (ст. 387). Выделены принадлежности фабрик и заводов, к которым отнесено имущество, необходимое для производственной деятельности, а также приписанные к ним деревни и крестьяне, земли, покосы, леса, «руды» и «другие ископаемые» (ст. 388).

Как видим, «недвижимостями» считали все то, что не подлежало перемещению ввиду их физических свойств (земельные участки, водные объекты, недра, дома, церкви, дороги), и то, что можно было разобрать и перенести (гати), а также имущество, используемое в производственной сфере, включая людей (заводы, фабрики, деревни). В последующих изданиях Свода законов содержалось «Положение о сельском состоянии», в котором сосредоточены нормы о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости, и «Положение о бывших государственных крестьянах», что означало их исключение из принадлежностей недвижимости.

Поскольку понятие «недвижимое

имущество» и квалифицирующие его признаки, с учетом которых можно было бы определить разницу между движимыми и недвижимыми вещами, в приведенных законодательных актах отсутствовали, в вопросах недвижимости приходилось ориентироваться только на их исчерпывающие перечни, установленные законодателем. Это дало повод правоведом, разрабатывавшим теорию гражданского права, обратиться к критериям выделения возводимой на земле недвижимости из общей массы вещей.

Так, ряд ученых, в частности К.Д. Кавелин [3, с. 25], К.И. Малышев [5, с. 217], К.Н. Анненков [1, с. 282–283], отстаивали мнение о том, что недвижимость – это такая вещь, которая, будучи прочно связанной с землей, «не может быть перенесена из одного места в другое без ее повреждения». Степень прочной связи с землей, как и характер возможных повреждений при перемещении вещи, не уточняли.

Н.Ф. Рождественский предложил дополнить критерий прочной связи недвижимой вещи с землей указанием на такие ее повреждения при перемещении, которые влияют на «сущность и форму» вещи [9, с. 364–365]. Однако эти дополнения внесли незначительные изменения в понимание недвижимости. Действительно, жилой дом при перемещении мог потерять «сущность жилого», но приобрести «сущность производственного», лишиться одних своих фрагментов, но восстановить их или приобрести другие.

Ряд ученых не соглашались с безусловной привязкой недвижимости к невозможности ее передвижения, апеллируя к развитию технических средств, которые могут позволить это сделать в будущем. Данной точки зрения придерживались Г.Ф. Шершеневич [13, с. 95–96], В.И. Синайский [11, с. 127], Е.Н. Трубецкой [12, с. 194] и др. Г.Ф. Шершеневич, например, считал признак прочной связи недвижимости с землей спорным, подчеркивая, что вопрос этот «не может быть решен принципиально с полной точностью» [13, с. 95–96].

Пытаясь преодолеть теоретические и практические сложности разграничения

движимых и недвижимых вещей, К.П. Победоносцев предложил дополнить критерий прочной связи возводимого на земле объекта указанием на удовлетворение им «постоянной, а не временной хозяйственной цели» [8, с. 88]. Л.А. Кассо предлагал возможным дополнить этот критерий вещными и обязательственными правами на недвижимость [4, с. 1]. Все эти дополнения находились, однако, за пределами признаваемой всеми сущности недвижимости как имущества, состоящего из земли и находящихся на ней и неотделимых от нее объектов, потому большинством правоведов не поддержаны. Это можно отнести и к высказанной В.Б. Ельяшевичем мысли о необходимости рассматривать в качестве объектов недвижимости «рукотворные» вещи, совпадающие с хозяйственным назначением земельного участка [2, с. 15–16]. В соответствии с этим положением все, созданное человеком и находящееся на земельном участке, независимо от прочной связи с ним, становится недвижимостью, в том числе и такое, которое данным свойством не обладает.

Видение К.П. Победоносцевым, Л.А. Кассо и В.Б. Ельяшевичем недвижимости как земельного участка с находящимися на нем другими недвижимыми, а также движимыми вещами, объединенными с ним общей хозяйственной целью и принадлежащими собственнику участка, не воспринято законодателем XIX в., но получило признание российского законодателя конца XX в. в терминах «предприятие» и «имущественный комплекс».

С образованием СССР и принятием в 1922 г. Гражданского кодекса (ГК) РСФСР деление вещей на движимые и недвижимые упразднено. На это прямо указано в примечании к ст. 21 ГК РСФСР и объяснено ненужностью такого деления в связи с отменой частной собственности на землю, объявлением ее собственностью государства и изъятием из отношений экономического оборота.

Отвергнув деление вещей на движимые и недвижимые, советская правовая доктрина оперировала категориями «вещи потребляемые и непотребляемые», «лич-

ная собственность», «государственная собственность», «кооперативно-колхозная собственность», «собственность кооперативных объединений», «собственность профсоюзных и других общественных организаций». В принятом в 1964 г. ГК РСФСР установлен правовой режим указанных объектов. Таким образом, в скрытой форме, в других терминах, но все же сформирован свой (советский) перечень объектов недвижимости, поскольку последнюю отвергнуть нельзя с учетом ее объективного характера.

К личной собственности граждан относили жилой дом, часть жилого дома, квартиру в доме жилищно-строительного кооператива. Регулирование этих объектов осуществлялось ст. 105–110 ГК РСФСР. В собственности колхозов, иных кооперативных организаций и их объединений, профсоюзов, других общественных организаций могли находиться здания и сооружения. Их регулировали главы 9–10.

В исключительной государственной собственности, согласно главе 8, находились земля, ее недра, воды и леса, предоставлявшиеся другим лицам только в пользование. Здания, сооружения, основной городской жилищный фонд также относили к государственному имуществу, но без привязки к исключительной собственности государства.

В последние 10–15 лет существования СССР термин «недвижимое имущество» вновь стал использоваться в нормотворческой практике. Сначала это происходило на уровне подзаконных нормативных правовых актов, о чем свидетельствует, например, Инструкция «О порядке учета, обеспечения сохранности, содержания, использования и реставрации недвижимых памятников истории и культуры» (объявлена приказом Министерства культуры СССР от 13 мая 1986 г. № 203).

В конце 1990 г. понятие «недвижимость» впервые после длительного отсутствия вернулось в действующее гражданское законодательство. Данный термин применительно к приобретательной давности упомянут в п. 3 ст. 7 Закона «О собственности в РСФСР» от 24 декабря 1990 г. № 443-1. Сопровождалось это снятием

ограничений с возможности иметь в частной собственности граждан, причем в любом количестве, таких объектов, как земельные участки, жилые дома, квартиры, дачи, садовые дома, гаражи, здания, сооружения, предприятия, имущественные комплексы (ст. 10). Общественные организации могли иметь в собственности здания, сооружения и жилищный фонд (ст. 17).

В 1991 г. на законодательном уровне стало использоваться деление имущества на движимое и недвижимое. Критериями такого деления в п. 2 ст. 4 Основ гражданского законодательства Союза ССР и республик от 31 мая 1991 г. № 2211-1 для недвижимости указана прочная связь с землей, для движимого имущества – возможность перемещения без несоразмерного ущерба его хозяйственному назначению. Из этого следовало, что если вещь нельзя переместить без несоразмерного для нее ущерба, то это обстоятельство служило дополнительным критерием для отнесения ее к недвижимости.

Согласно Основам, недвижимым имуществом признаны земельные участки, здания, сооружения, предприятия, иные имущественные комплексы, многолетние насаждения. Новацией было включение в перечень «недвижимостей» предприятий, иных имущественных комплексов и многолетних насаждений. В п. 2 ст. 4 Основ гражданского законодательства Союза ССР и республик от 31 мая 1991 г. № 2211-1 указано, что к недвижимому имуществу законом может быть отнесено и иное имущество, то есть критерий прочной связи с землей не являлся безусловным. Это было распространено и на критерий отнесения имущества к движимому, то есть закон допускал объявление недвижимым сугубо движимое имущество.

После распада СССР и принятия ГК РФ 1994 г., подвергавшегося на протяжении последующих почти тридцати лет многочисленным дополнениям и уточнениям, в том числе относительно недвижимости, к последней в настоящее время стали относить, как ранее известные объекты (земельные участки, участки недр, здания, сооружения), так и объекты неза-

вершенного строительства, воздушные и морские суда, суда внутреннего плавания, жилые и нежилые помещения, части зданий или сооружений, предназначение для размещения транспорта (п. 1 ст. 130 ГК РФ). Понятия «недвижимая вещь», «недвижимое имущество», «недвижимость», как и в законодательстве XIX в., стали рассматривать в ГК РФ как идентичные.

В п. 2 ст. 130 ГК РФ воспроизведена норма, известная Основам, которая допускает отнесение законом к недвижимым вещам и иного имущества. Эта возможность реализована в абз. 2 п. 1 ст. 132 ГК РФ и ст. 133.1 ГК РФ в связи с указанием на то, что недвижимостью является, соответственно, предприятие как имущественный комплекс и единый недвижимый комплекс.

Особенность предприятия как имущественного комплекса заключается в объединении в рамках данного понятия всех видов имущества, необходимого для его производственной деятельности, причем как движимого, так и недвижимого, а также прав требования, долгов, средств индивидуализации производимых товаров, работ, оказываемых услуг, исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности (абз. 2 п. 2 ст. 132 ГК РФ). Недостатком этой статьи служит объявление предприятием, а значит, и недвижимостью, такого имущественного комплекса, который, кроме счета в банке на незначительную сумму и права аренды помещения, ничего более может не иметь. С учетом особой ценности недвижимости для отношений экономического оборота приравнивание к ней указанных предприятий выглядит нелогичным.

К единому недвижимому комплексу, согласно закону, относится совокупность зданий, сооружений, других вещей, связанных физически или технологически и объединенных единым назначением (железные дороги, линии электропередач, трубопроводы и др.), как гласит ст. 133.1 ГК РФ. Отличие от предприятия заключается в том, что в единый недвижимый комплекс входят только вещи, а не права и обязанности, как в предприятии.

В первом варианте ГК РФ содержится

упоминание о лесах, многолетних насаждениях, обособленных водных объектах и космических объектах как о недвижимых вещах. В 2006 и 2015 гг. из ГК РФ это исключено, что следует признать обособленным. Если иметь в виду принадлежность лесов, многолетних насаждений и водных объектов субъектам предпринимательской деятельности, то они подлежат включению в имущественные комплексы, если их соотносить с другими целями, не связанными с предпринимательством, то в этом случае они относятся к обычным земельным участкам.

Относительно «космических объектов» дополним, что употребление данного термина в ст. 130 ГК РФ стало крайне неудачным, поскольку позволяло относить к таким объектам любое тело, перемещающееся в космосе, а не только летательный аппарат, созданный, запускаемый и управляемый человеком. На это приходилось обращать внимание в комментариях к этой статье. Кроме того, указанные аппараты находятся в основном в собственности государства и имеют ограниченное использование в договорных отношениях контрагентов. Других причин исключения космических аппаратов из перечня недвижимостей не усматривается, поскольку иные летательные аппараты под названием «воздушные суда» в перечне ГК РФ сохранены.

В действующей редакции ГК РФ все объекты, отнесенные законом к недвижимости, можно разделить на две группы. Первая группа включает в себя объекты недвижимости ввиду их естественных свойств. В данном случае для их выделения из общей массы имущества используются критерии прочной связи вещи с землей и невозможности перемещения такой вещи в пространстве без несоразмерного ущерба ее основному назначению (абз. 1 п. 1 ст. 130 ГК РФ). Это – земля, недра, здания, сооружения, незавершенное строительство. Все они подлежат кадастровому учету, что можно считать дополнительным критерием для определения недвижимых вещей.

Критерий «несоразмерности ущерба», который может быть причинен объекту,

прочно связанному с землей, при его перемещении является оценочным. Данный критерий следовало бы уточнить в аспекте того, что «несоразмерный ущерб» – это, во-первых, ущерб, который может быть причинен объекту в результате его полного разрушения; во-вторых, это – затраты на перемещение объекта и восстановление причиненных ему повреждений, превышающие первоначальную стоимость объекта.

Следует обратить внимание на то, что используемое понятие «незавершенное строительство» является крайне неопределенным. Неясно, какова степень незавершенности стройки. Тем более что и котлован для фундамента, и отсутствие оконных рам в здании может свидетельствовать об этом. Хотя очевиден тот факт, что о наличии недвижимости в большей мере свидетельствует второй объект, а не первый. Думается, что на законодательном уровне можно было бы указать или на минимальную денежную сумму, вложенную в строительство недвижимости (например, 3–5 млн руб.), или на процент выполненных строительных работ (например, 10%) для отнесения незавершенного строительства к недвижимости. Оба этих показателя могли бы быть своеобразными оценочными критериями рассматриваемых объектов.

Вторая группа «недвижимостей» включает в себя вещи, которые объявляются недвижимыми по закону, хотя таковыми по своей природе не являются. По сути, это – юридические фикции. Применительно к ним используется критерий назначения вещи в соответствии со специальным указанием законодателя, а в ряде случаев и дополнительный критерий – подтверждение государством статуса вещи как недвижимой. К недвижимостям ввиду закона относятся:

– жилые и нежилые помещения, а также части зданий и сооружений, предназначенные для размещения транспортных средств (машино-места). Данные объекты призваны удовлетворять бытовые потребности людей, производственные потребности юридических лиц и требуют описания в кадастровом учете (абз. 3 п. 1

ст. 130 ГК РФ). В отношении них нельзя четко утверждать, кому принадлежат стены, полы и потолки соседних с ними помещений, частей зданий и сооружений, поскольку все они – некий объем пространства;

– совокупность движимого, недвижимого и другого имущества, связанного общим хозяйственным назначением (единый имущественный комплекс – предприятия (ст. 132 ГК РФ), а также единый недвижимый комплекс – линии электропередачи, трубопроводы, железные дороги и другие подобные объекты (ст. 133.1 ГК РФ), требующие для возведения специального разрешения и кадастрового учета (иные критерии, в частности временный или постоянный характер, протяженность, связь с другими объектами, кроме земли, не используются).

К единому имущественному комплексу, по сути, относится общее имущество многоквартирного дома, в состав которого входят помещения общего пользования (лестничные площадки, лестницы, лифты, лифтовые шахты, чердаки, технические подвалы, крыши, механическое, электро-техническое, санитарно-техническое и иное оборудование, земельный участок, на котором расположен многоквартирный дом, приборы учета потребления коммунальных ресурсов и др.). Как нам представляется, наряду с предприятием, общее имущество многоквартирного дома также должно быть указано в ГК РФ;

– движимые по своим физическим свойствам вещи, предназначенные для передвижения по воздуху и воде и требующие государственной регистрации (абз. 2 п.1 ст. 130 ГК РФ).

В западноевропейских странах и США также по-разному подходят к определению недвижимых вещей. Так, в Великобритании право не знает деления вещей на движимые и недвижимые. Приведенные термины употребляются судами только при рассмотрении дел с участием иностранных лиц, согласно нормам международного частного права. На национальном уровне имущество разделено на реальное (*real property*) и персональное (*personal property*), в зависимости от вида

иска, подаваемого в защиту нарушенного права. Реальное имущество защищено вещным иском о восстановлении владения; персональное – иском о возмещении убытков (получении денежной компенсации). Соответственно, в качестве реального может быть рассмотрено и недвижимое по своим свойствам имущество (земля, здания, сооружения), и движимое имущество, связанное с землей (урожай на корню, рабочий скот на ферме, сельскохозяйственный инвентарь), а также все права, связанные с принадлежностью этого имущества. Персональное имущество образуют арендные права, другие права, вытекающие из обязательственных правоотношений, авторские права, патентные права [14].

В США правовой режим недвижимого имущества определяется как федеральным законодательством, так и законодательством штатов, причем последние имеют приоритетное значение. Относительно недвижимости, однако, существует общее понимание, что это земля и все объекты, связанные с ней, а также права на них, независимо от того является ли имущество материальным или нематериальным, находится ли оно на территории федерации или в любом другом месте, то есть независимо от юрисдикции других государств [7].

Германское гражданское уложение (ГГУ) оперирует делением вещей на движимые (§ 923, 929, 937, 946) и земельные участки (§ 873, 925, 1113). Термином «недвижимость» ГГУ не оперирует, но в теории он присутствует. Недвижимыми, по ГГУ, являются только земельные участки. Все, что с ними связано, объявлено их составными частями (принадлежностями), которые рассматривают как существенные или несущественные. К существенным составным частям относят возведенные на земельном участке строения (жилые дома, дачи, производственные корпуса, капитальные ограды, мосты, бетонные пьедесталы и др.). Несущественными частями являются те, которые изначально предполагаются к отделению, то есть они соединены с земельным участком на временной основе (строительные леса, помо-

сты, трибуны и т.п.) (§ 94). Составными, но не существенными частями земельного участка, служат также права на него (§ 96). Речь идет о сервитутах, других обременениях земельного участка.

Французский гражданский кодекс (ФГК) относит к недвижимости вещи, являющиеся таковыми по своей природе, назначению или ввиду «предмета», принадлежность которого они составляют (ст. 217 ФГК). Данное нормативное установление конкретизируется в нормах ст. 517–526 ФГК, в которых указаны объекты недвижимости и обстоятельства, определяющие их правовой режим. К недвижимым вещам относят и такие, которые прочно связаны с землей (недвижимость по природе), и такие, которые не имеют к ней отношения, но объявлены таковыми (недвижимость по назначению), и права, относящиеся к недвижимости, то есть узуфрукт на недвижимые вещи, сервитуты, земельные повинности, право на иск об истребовании недвижимого имущества из чужого незаконного владения (недвижимость вследствие предмета, к которому она относится).

В других странах Западной Европы законодательство о недвижимости тяготеет или к германской, или к французской модели правового регулирования.

Таким образом, подходы российского законодателя к определению понятия недвижимости в большей степени совпадают с подходами французского законодателя. Между тем более последователен в определении термина «недвижимость» законодатель германский, который исходит из того, что к недвижимости относится только земельный участок с его существенными принадлежностями, неотделимыми от него. Думается, что в этом направлении должно развиваться и российское гражданское законодательство, в противном случае оно будет обречено на постоянное отнесение к недвижимости все больших и больших объектов, не являющихся таковыми по своим физическим свойствам. Во Франции к недвижимости уже стали относить животных, передаваемых их собственниками фермеру для эксплуатации (ст. 522 ФГК), а также

земледельческие орудия, семена для посева, голубей в голубятнях, пчелиные ульи, солому и удобрения, как и ряд других движимых вещей, используемых в сельском хозяйстве (ст. 524 ФГК).

По нашему мнению, к «недвижимостям» в России должны относиться только земельные участки и объекты, возведенные на них (здания, сооружения и другие строения), при условии их прочной связи с землей, невозможности перемещения без несоразмерного ущерба хозяйственному и иному назначению, описанию в кадастровом учете.

Принадлежностями земельных участков и возведенных на них недвижимостей целесообразно считать:

– в отношении земельных участков: линейные объекты (линии связи, линии электропередачи; автомобильные и железные дороги; нефтепроводы, газопроводы и т.п.);

– в отношении возведенных на земельных участках недвижимостей: части этих недвижимостей, жилые и нежилые помещения различного назначения, общее имущество многоквартирного дома, места для размещения транспорта.

Для получения статуса принадлежности земельного участка в наличии должно быть разрешение уполномоченного государственного органа на возведение соответствующего объекта и описание его в кадастре применительно к тому земельному участку, на котором расположены объект, его части, помещения, другое имущество, машино-места. Упоминание в законе о возможности отнесения к недвижимым вещам иных объектов, помимо тех, которые отвечают критериям недвижимости, необходимо устранить. В частности, не должны относиться к недвижимости предприятия, поскольку они включают в свое содержание имущественные права, хотя и требующие соответствующей регистрации. Входящие в состав предприятия недвижимые вещи будут принадлежностями соответствующего земельного участка.

Полагаем, такое решение проблемы недвижимости позволит более четко отграничить недвижимые вещи ввиду их

естественных свойств от остальных вещей и гражданско-правовых объектов, не обладающих указанными свойствами, и перевести последние в разряд принадлежностей недвижимых вещей, перечисление которых при необходимости будет вполне уместным.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Анненков К.Н.* Система русского гражданского права. Т. 1. Введение и общая часть. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича. 1899. 672 с.

2. *Законы гражданские. Свод законов.* Т. X. Ч. 1. Практический и теоретический комментарий / под ред. А.Э. Вормса, В.Б. Ельяшевича. Вып. 2. М.: Тип. П.П. Рябушинского, 1913. 391 с.

3. *Кавелин К.Д.* Права и обязанности по имуществам и обязательствам в применении к русскому законодательству. Опыт систематического обозрения. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1879. 410 с.

4. *Кассо Л.А.* Русское поземельное право. М.: Кн. маг. И.К. Голубева, п/ф «Правоведение», 1906. 260 с.

5. *Мальшев К.И.* Курс общего гражданского права России. Т. 1. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1878. 356 с.

6. О порядке наследования в движимых и недвижимых имуществах: указ Петра I от 23 марта 1714 г. // *Справ.-правовая система «КонсультантПлюс».* URL: <https://base.garant.ru/57565468/?ysclid=liboiyitzk381146488> (дата обращения: 18.01.2023).

7. *Оськина И., Лупу А.* Недвижимое имущество в зарубежном законодательстве // *Мудрый юрист.* URL: <https://wiselawyer.ru/poleznoe/66658-nedvizhimoe-imushhestvo-zarubezhnom-zakonodatelstve> (дата обращения: 05.02.2023).

8. *Победоносцев К.П.* Курс гражданского права: в 3 ч. Ч. 1. Вотчинные права. СПб.: Тип. А.А. Краевского, 1868. 392 с.

9. *Рождественский Н.Ф.* Руководство к российским законам. 5-е изд., доп. СПб.: Тип. Э. Праца, 1854. 698 с.

10. *Свод законов Российской империи.* Т. 10. Ч. 1. Законы гражданские.

СПб.: Тип. 2-го Отд-ния Собств. е. и. в. канцелярии, 1845. 1147 с.

11. *Синайский В.И.* Русское гражданское право. М.: Статут, 2002. 636 с.

12. *Трубецкой Е.Н.* Лекции по энциклопедии права. М.: Тип. А.И. Мамонтова, 1917. 227 с.

13. *Шершеневич Г.Ф.* Учебник рус-

ского гражданского права. Т. 1. М.: Изд-во Бр. Башмаковых, 1914. 483 с.

14. Interpretation Act 1978 UK: Act of the Parliament of the United Kingdom // Bermudalaws.bm. URL:

<http://www.bermudalaws.bm/Laws/Consolidated%20Laws/Interpretation%20Act%201978%20UK.pdf> (дата обращения: 18.01.2023).

М.А. Грузинская

ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПРАВОВОГО СТАТУСА ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Мария Александровна Грузинская – преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин, Государственный институт экономики, финансов, права и технологий, г. Гатчина; **e-mail:** gruzinskaya.m@yandex.ru.

В статье исследованы основные концепции регламентации правового статуса искусственного интеллекта в правоотношениях. Проведен анализ каждой из точек зрения, выявлены их преимущества и недостатки. Установлен наиболее оптимальный способ закрепления правового статуса искусственного интеллекта в качестве самостоятельного субъекта права в отечественном законодательстве, а также определены перспективы его функционирования на территории Российской Федерации (РФ).

Ключевые слова: искусственный интеллект; субъект права; объект правоотношений; электронное лицо; юридическое лицо; цифровизация.

М.А. Gruzinskaya

ON DEFINING LEGAL STATUS OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE

Mariya Gruzinskaya – Lecturer, the Department of Civil Law Disciplines, State Institute of Economics, Finance, Law and Technology, Gatchina; **e-mail:** gruzinskaya.m@yandex.ru.

The article focuses on major concepts of regulation of legal status of artificial intelligence in legal relations. The paper presents analysis of each particular viewpoint with advantages and disadvantages thereof being revealed. The best method is set to legislate the legal status of artificial intelligence as a separate legal entity in domestic legislation and prospects are defined with regard to its functioning in the territory of the Russian federation.

Keywords: artificial intelligence; subject of law; object of legal relations; electronic person; legal entity; digitalization.

Процессы цифровизации охватывают практически все сферы общественной жизни, что, в свою очередь, влечет необходимость усовершенствования правового регулирования процесса использования цифровых технологий. Искусственный интеллект (далее – ИИ) становится все более распространенным в нашей жизни, и его использование прослеживается все чаще в различных областях, от медицины и финансов до транспорта и производства. Однако, как и любая новая технология, ИИ может иметь негативные последствия для общества, если его применение не будет урегулировано.

Приведем несколько причин, с учетом которых необходима правовая регламентация функционирования ИИ.

1. Защита прав потребителей. Использование ИИ может привести к нарушению прав потребителей, например, если алгоритмы принимают решения на основе дискриминационных факторов или собирают личную информацию без согласия пользователей.

2. Этические вопросы. Использование ИИ может вызвать этические вопросы, например, если алгоритмы применяют для создания оружия автономного действия или для манипуляции поведением людей.

3. Безопасность. Неправильное использование ИИ может представлять угрозу для безопасности, например, если алгоритмы используют для кибератак или создания автономных транспортных средств, которые могут стать причиной аварий.

4. Ответственность. Если ИИ принимает решения, влияющие на жизнь людей, необходимо определить, кто несет ответственность за эти решения.

5. Прозрачность. Пользователи должны знать, как ИИ используется и какие данные он собирает о них.

Все эти вопросы вызывают необходимость разработки соответствующего правового регулирования деятельности ИИ, а также влекут необходимость регламентации его правового статуса. Так, в настоящее время на территории Российской Федерации реализуется программа «Цифровая экономика Российской Федерации», утвержденная в соответствии с распоряжением Правительства РФ от 28 июля 2017 г. № 1632 [2] и способствующая росту количества научных публикаций, посвященных правовому статусу ИИ на территории РФ.

Итак, в первую очередь необходимо указать, что собой представляет ИИ для правовой среды. Впервые термин «искусственный интеллект» в отечественном законодательстве регламентирован Указом Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» [1]. В нем утверждается, что искусственный интеллект представляет собой комплекс технологических решений, способный имитировать когнитивные функции человека, а также выполнять задачи, результат выполнения которых сопоставим с результатами человеческой деятельности.

Так, А.В. Минбалеев пишет о том, что ИИ – это совокупность технологий, объединенных в один механизм, цели и задачи функционирования которого определены заказчиком и разработчиком [5, с. 1095]. Г.Г. Камалова и В.Б. Наумова при анализе понятия «искусственный интеллект» выделяют следующие его отличительные характеристики:

1. Факультативность аппаратного воплощения. Иными словами, ИИ включает в себя несколько продуктов цифровизации: программы для ЭВМ, компьютерные алгоритмы, базы данных и другие.

2. Искусственный интеллект способен анализировать окружающую среду.

3. Искусственный интеллект обладает самостоятельностью в реализации своих функций.

4. Искусственный интеллект способен накапливать опыт и применять его впоследствии при функционировании. Кроме того, наблюдается его способность к самообучению.

5. Характеристика искусственному интеллекту дана через такие категории, как «разумность» и «рациональность» или через его способность «мыслить, как человек» [8, с. 90].

Стоит отметить, что понимание ИИ за рубежом может отличаться от его понимания в отечественном праве. Так, например, в США или Великобритании ИИ определяют через технологии, результат деятельности которых сопоставим с результатами человеческой деятельности. В таком случае ИИ часто отождествляется с его системами. Но такое утверждение носит ошибочный характер, поскольку ИИ все-таки представляет собой сложный информационный объект, который включает в себя совокупность технологий и компьютерных систем, реализуемых в одной общей системе ИИ.

Из данного определения вытекает вопрос о правовом статусе ИИ. В частности, является ли он объектом или субъектом права? Очевиден тот факт, что в науке существует два мнения относительно того, обладает ли ИИ правосубъектностью. Одни исследователи считают, что ИИ может быть приравнен по правовому положению к юридическому лицу [4, с. 121], а другие говорят о необходимости регламентации его правового статуса в качестве электронного лица в ряде случаев [6, с. 71].

Однако существуют и мнения других исследователей, которые опровергают каждую из указанных выше концепций. В частности, В.Б. Гольцов и Н.М. Голованов

утверждают, что к ИИ нельзя применить ни одно из положений законодательства о юридических лицах. Авторы пишут о том, что у ИИ не может быть организационного единства, ИИ не может в полной мере реализовывать гражданскую правосубъектность юридического лица, поскольку, например, к нему не применяются нормы о реорганизации, ликвидации юридического лица или признании его банкротом [3, с. 10].

Действительно, ИИ не соответствует признакам юридического лица. Так, помимо указанного отсутствия организационного единства, у ИИ отсутствует обособленное имущество, которым он смог бы отвечать по своим обязательствам. Соответственно, в этом случае ИИ не способен самостоятельно выступать истцом и ответчиком в суде.

Кроме того, за действиями юридического лица всегда стоит физическое лицо. Следовательно, в таком случае признать ИИ равным в правовом положении юридическому лицу невозможно, поскольку при этом ИИ автоматически перекалфицируется в объект, за действия которого отвечает физическое лицо. В связи с этим закрепление за ИИ правового статуса, аналогичного правовому статусу юридического лица, видится нецелесообразным, поскольку провоцирует возникновение пробелов в правовом регулировании деятельности данного субъекта права.

Е.С. Тютчева проводит параллель между ИИ и физическим лицом. Исследователь пишет: «Учитывая позицию, что сущность (субъект), которая каким-либо образом разумна или сознательна, имеет моральное право на собственный правовой статус, указанная концепция демонстрирует, что приобретающая автономность и саморегулирование система искусственного интеллекта начинает претендовать на то, чтобы иметь определенные способности и права. Несмотря на то, что она не является человеком, может презюмироваться, что система обладает необходимым интеллектом, уровнем психологического развития и даже самосознанием, что и человек, чтобы считаться правосубъектной, а также равна по своим

возможностям физическому лицу» [9, с. 51]. По нашему мнению, позиция спорна, поскольку, с одной стороны, право на правосубъектность человека основано на наличии у него возможности сложного мышления и коммуникации, с другой – цель создания ИИ заключается в частичном воспроизведении умственной деятельности человека. Иными словами, концепция ИИ соответствует критерию наличия сложного мышления. Но, правосубъектность физического лица служит естественным элементом для человека, формировавшегося в целях удовлетворения его потребностей, которые определены его чувствами, намерениями и желанием. У ИИ такие элементы правосубъектности отсутствуют, а проявление каких-либо человеческих качеств является лишь имитацией.

Более реалистичным, по нашему мнению, можно считать подход о регламентации ИИ в качестве электронного лица. У этого правового статуса ИИ существует ряд преимуществ:

1. Освобождение от ответственности создателей и владельцев искусственного интеллекта за действия последнего.

2. Разрешение проблем в сфере права интеллектуальной собственности на объекты, которые создал искусственный интеллект.

3. Эффективность функционирования электронного лица в процессе ведения электронного бизнеса для решения вопросов идентификации и юрисдикции [7, с. 278].

Более того, закрепление за ИИ статуса электронного лица и разработка соответствующего законодательства для правового регулирования его деятельности позволит адаптировать данный институт в существующее отечественное законодательство, не нарушая при этом функционирования остальных институтов права. Иными словами, такая концепция полностью вписывается в концепцию индивидуальных и коллективных субъектов права.

Однако в данном случае стоит обратить внимание и на то, что даже при введении института электронного лица как нового субъекта права на практике будут

возникать вопросы и пробелы в правовом регулировании, требующие модификации существующих правовых норм. Законодателю понадобится немало времени, чтобы ИИ функционировал надлежащим образом и выступал полноценным субъектом права, который может реализовывать свои права и нести ответственность самостоятельно.

В противовес мнению о необходимости наделения ИИ самостоятельной правосубъектностью можно привести мнение о том, что все же он должен выступать в качестве объекта права по аналогии с животными [10, с. 30]. Более того, по мнению исследователей, ИИ не способен реализовывать права и исполнять обязанности. Одним из плюсов такой концепции служит тот факт, что не требуется изменять или вносить нововведения в существующие правовые конструкции. Кроме того, квалифицируя ИИ в качестве объекта правоотношений, удастся определить круг субъектов, которые будут нести ответственность за его деятельность. Среди них – создатель, собственник или пользователь.

Более того, на современном этапе развития цифровых технологий мы не можем говорить о наличии у него полноценной самостоятельности. Так или иначе деятельность любой компьютерной системы приходится контролировать человеку ввиду новизны данного механизма. Следовательно, в настоящее время наделение ИИ правовым статусом объекта правоотношений можно считать мерой предосторожности возникновения нарушения прав человека и гражданина, поскольку контроль за деятельностью осуществляет человек и ответственность несет человек. Можно предположить, что наделение ИИ статусом субъекта права приведет к снижению уровня заинтересованности в его создании, поскольку неизвестна дальнейшая судьба такого субъекта. Вероятно, что инвесторы будут считать разработку ИИ малоперспективной, поскольку впоследствии он может стать обособленным субъектом правоотношений и не использоваться в тех целях, для которых он изначально создан.

Таким образом, на основании вышеизложенного можно сделать вывод о том, что ИИ – это область компьютерных наук, которая занимается созданием программ и систем, способных выполнять задачи, требующие интеллектуальных способностей человека. ИИ использует алгоритмы машинного обучения, нейронные сети для анализа больших объемов данных и принятия решений на основе этого анализа.

Роль ИИ в общественной жизни становится все более значимой. Он используется в различных отраслях, таких как медицина, финансы, производство, транспорт и многие другие. Однако с развитием ИИ возникают и опасности. Например, возможность злоупотребления технологией для массового наблюдения за людьми или создания автономных оружейных систем. Поэтому важно разрабатывать этические и правовые нормы для использования ИИ в общественной жизни. В целом ИИ служит мощным инструментом для решения сложных задач и повышения эффективности работы в различных отраслях. Однако его использование должно быть осуществлено с учетом этических и правовых норм, чтобы не нарушать права и свободы человека.

Регламентация правового статуса и развитие базы нормативного правового регулирования деятельности и является одной из самых актуальных тем исследования в юридической науке. Нам удалось изучить четыре основных концепции, по-разному регламентирующих статус искусственного интеллекта:

1. Искусственный интеллект в правовом положении равен юридическому лицу. Данная концепция, по нашему мнению, ошибочна, поскольку искусственный интеллект не обладает признаками юридического лица. Более того, практически ни одна правовая конструкция регулирования деятельности юридического лица не подходит для регулирования деятельности искусственного интеллекта.

2. Искусственный интеллект должен быть наделен правосубъектностью физического лица. Позволим не согласиться с данной теорией, поскольку правосубъектность лица возникает естественным обра-

зом в процессе рождения и сущность ее формирования изначально заключалась в том, чтобы удовлетворять потребности и желания человека. Искусственный интеллект создан для имитации таких человеческих качеств. Это, с одной стороны, не противоречит критерию наличия таких «естественных» элементов правосубъектности, с другой – одновременно противоречит принципу естественного появления этих же элементов.

3. Искусственный интеллект должен выступать самостоятельным субъектом права и именоваться как «электронное лицо».

4. Искусственный интеллект должен выступать объектом правоотношений, а не его субъектом.

Последние две концепции, на наш взгляд, наиболее оптимальны для правового регулирования деятельности ИИ. Однако считаем, что сегодня технологический прогресс не находится на таком уровне, чтобы обособить ИИ в качестве самостоятельного субъекта права. Поэтому в настоящее время следует расценивать ИИ как объект права и продолжать его модификацию, поскольку тем самым удастся обезопасить общество от нарушения прав и свобод каждого.

Электронное лицо может появиться в дальнейшем, если ИИ будет усовершенствован таким образом, что выступит субъектом ответственности, поскольку в настоящее время за его деятельность отвечают создатели, собственники или пользователи. Несмотря на это, даже в данном случае вопрос о привлечении кого-либо из них к ответственности носит неоднозначный характер, а значит, электронное лицо появится в ближайшем будущем, если уже сегодня начнется разработка соответствующего законодательства.

Введение нового субъекта права в виде электронного лица в существующий оборот будет наиболее щадящей мерой для правовой системы государства, нежели переработка имеющейся правовой регламентации правового статуса физического или юридического лица. Данная мера тоже станет энергозатратной для законодателя, что обуславливает отсрочку ее введения, но будет необходимой в связи с

развитием технологий ИИ.

ЛИТЕРАТУРА

1. О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации: указ Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 // Собрание законодательства РФ. 2019. № 41. Ст. 5700.

2. Об утверждении программы «Цифровая экономика Российской Федерации»: распоряжение Правительства РФ от 28 июля 2017 г. № 1632-р // Собрание законодательства РФ. 2017. № 32. Ст. 5138.

3. *Гольцов В.Б., Голованов Н.М.* Проблемы наделения искусственного интеллекта статусом субъекта права // Евразийский союз ученых. Серия: Экономические и юридические науки. 2021. № 12(93). С. 9–12.

4. *Дремлюга Р.И., Дремлюга О.А.* Искусственный интеллект – субъект права: аргументы за и против // Правовая политика и правовая жизнь. 2019. № 2. С. 120–125.

5. *Минбалеев А.В.* Понятие «Искусственный интеллект» в праве // Вестник Удмуртского университета. Серия: Экономика и право. 2022. Т. 32. № 6. С. 1094–1099.

6. *Морхат П.М.* Юнит искусственного интеллекта как юридическое лицо // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2018. № 2. С. 61–73.

7. *Морхат П.М.* Концепт «электронного лица» в классификации субъектного состава лиц в гражданском праве // Пермский юридический альманах. 2019. № 2. С. 273–283.

8. *Наумов В.Б., Камалова Г.Г.* Вопросы построения юридических дефиниций в сфере искусственного интеллекта // Труды Института государства и права РАН. 2020. Т. 15. № 1. С. 81–93.

9. *Тютчева Е.С.* Правосубъектность «электронного лица»: теоретический анализ // Теоретическая и прикладная юриспруденция. 2022. № 2(12). С. 50–58.

10. *Хохлова М.И., Проскурина Д.С., Сафин Н.И.* Статус: не определен. Искусственный интеллект как субъект права // Право и государство: теория и практика. 2020. № 1(181). С. 29–31.

Н.Н. Карпина

НЕКОТОРЫЕ АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ О ПРИКАЗНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ

Наталья Николаевна Карпина – зав. юридической клиникой (консультацией), старший преподаватель кафедры уголовно-правовых дисциплин, Государственный институт экономики, финансов, права и технологий, г. Гатчина; e-mail: karpina1977@list.ru.

В статье утверждается, что исследование вопросов, связанных с приказным производством, является актуальным ввиду необходимости обеспечения эффективности и правильности действий государственных органов, организаций и предприятий в рамках исполнения служебных обязанностей. В статье представлен проведенный автором исторический анализ применения норм материального и процессуального права при вынесении судебных приказов по гражданским делам, рассмотрены основания возвращения и отказа в принятии заявлений о вынесении судебного приказа.

Ключевые слова: приказное производство; судебный приказ; суд; кодекс; истец; ответчик; жалоба; заявление.

N.N. Karpina

CERTAIN RELEVANT ISSUES OF WARRANT PROCEEDINGS

Natalya Karpina – Head, Law Clinic (Legal Consultation), Senior Lecturer, the Department of Criminal Law Disciplines, State Institute of Economics, Finance, Law and Technology, Gatchina; e-mail: karpina1977@list.ru.

The article argues that the study of warrant proceedings related issues is quite relevant in view of the need for ensuring both efficiency and accuracy of the performance of public authorities, organizations and enterprises with regard to the performance of official duties.

The article provides the author's own historical analysis of application of substantive and procedural law while issuing civil court orders. In addition it reviews grounds for return and refusal to accept applications for court order.

Keywords: warrant proceedings; court order; court; code; claimant; defendant; claim; application.

Приказное производство является важным инструментом управления, позволяющим регулировать деятельность организаций и предприятий, устанавливать порядок выполнения работ и услуг, определять ответственность за неисполнение или ненадлежащее исполнение задач.

Исследование вопросов, связанных с приказным производством, помогает выявить проблемы в деятельности организаций и предприятий, улучшить процессы управления и повысить качество работы. Кроме того, это позволяет соблюдать законодательные требования и правила про-

изводства приказов, а также улучшить коммуникацию между сотрудниками и руководством.

В Гражданском процессуальном кодексе Российской Федерации (ГПК РФ), Кодексе административного судопроизводства (КАС) РФ, а также Арбитражном процессуальном кодексе (АПК) РФ предусмотрен институт приказного производства, который необходим для разрешения гражданских дел в целях защиты нарушенных прав, свобод и законных интересов граждан, организаций, прав и интересов РФ, субъектов РФ, муниципальных обра-

зований, других лиц, являющихся субъектами гражданских, трудовых или иных правоотношений. Данный институт введен для ускорения и упрощения судопроизводства, а также для экономии средств на судебные расходы. С каждым годом количество выданных судами судебных приказов увеличивается, а значит, можно утверждать, что при вынесении судебных приказов суды соблюдают нормы материального и процессуального права, в том числе и сроки его выдачи.

В России приказное производство начало существовать с XIV–XV вв., с введения бессудных грамот. Упоминание о бессудных грамотах встречается в Псковской и Новгородских судебных грамотах, в Судебниках 1497 и 1550 гг. Бессудной грамотой называли специальный акт, который выдавал истцу при разрешении дела по существу. В случае, если ответчик не явился на судебное заседание, то было вынесено так называемое заочное решение, по которому ответчик автоматически проигрывал. По бессудной грамоте истец мог принудительно взыскать причитающееся ему имущество с ответчика.

Приказное производство, оформлявшееся в бессудных грамотах, имело свои особенности, отличавшие его от процедуры судебного процесса. К ним можно отнести следующие:

1. Отсутствие судебного разбирательства. Бессудные грамоты не предусматривали судебного разбирательства, их выдавали по решению верховной власти без участия судебных органов.

2. Отсутствие обвинения и защиты. В бессудных грамотах не было обвинения или защиты, поскольку они содержали только указания и приказы верховной власти.

3. Основание для вынесения решения. Решение о выдаче бессудной грамоты могло быть основано на различных причинах. Среди них – заслуги перед государством, благодарность за выполненную работу или решение по усмотрению верховной власти.

4. Форма и содержание. Бессудные грамоты имели свою форму и содержание, которые отличались от формы и содержания судебных решений. Они были состав-

лены в виде указа или приказа и содержали указания либо благодарности.

5. Исполнение решения. Решение, вынесенное в бессудной грамоте, должно было быть исполнено безотлагательно и без возможности обжалования.

Таким образом, бессудные грамоты служили особой формой приказного производства, которую использовала верховная власть для выражения благодарности или награждения за заслуги перед государством. Они не имели судебного характера и не подлежали обжалованию.

В 1864 г. введен в действие Устав гражданского судопроизводства. Аналогом приказного производства стало сокращенное производство бесспорных дел [11]. Если обе стороны выразили желание на рассмотрение бесспорного дела в сокращенном порядке, то суд рассматривал такие дела. При сокращенном порядке рассмотрения бесспорных дел было установлено разное время предоставления документов: для истца – сразу, для ответчика – не позднее первого заседания. Бесспорные дела разделяли на категории, для которых рассмотрение в суде происходило в обязательном порядке. Примером категории дел, рассматриваемых в обязательном порядке, служат иски о взятых на себя обязательствах по производству работ мастеровыми, ремесленниками, поденщиками и т.п.; договорам хранения; возмещению материального ущерба и убытков; исполнению решений; о привилегиях.

За 40 лет действия закона о рассмотрении бесспорного дела в сокращенном порядке законодателем того времени выявлены некоторые пробелы в Уставе гражданского судопроизводства. В результате в 1912 г. внесены изменения в главу 15 «О принудительном исполнении по актам» [12]. Расширен круг лиц, уточнен список документов, определена сумма сделок. Рассмотрение бесспорных дел в сокращенном порядке в такой форме осуществлялось до 1917 г.

В связи с установлением нового государственного строя в 1923 г. принят ГПК РСФСР, в котором глава XXIV посвящена выдаче судебных приказов по актам [3]. Как и в предыдущих нормативно-право-

вых актах, в ГПК РСФСР определены категория гражданских дел, форма подачи заявления, государственная пошлина, порядок рассмотрения. Выдачу судебного приказа не осуществляли в отношении государственной социалистической собственности, поскольку в судебном приказе содержалось условие о том, что его выдает только суд, и в нем были отражены требования к должнику об исполнении судебного акта.

Вынесение судебного приказа на основании ГПК РСФСР 1923 г. имело свои особенности, которые отличались от процедуры вынесения обычного судебного решения. Среди них – следующие:

1. Отсутствие судебного заседания. При вынесении судебного приказа не проводили судебного заседания, поскольку он мог быть вынесен на основании письменных доказательств и заявлений сторон.

2. Отсутствие обвинения и защиты. В процессе вынесения судебного приказа не было обвинения или защиты, поскольку он мог быть вынесен только в гражданских делах и содержал только указания и рекомендации суда.

3. Основание для вынесения решения. Решение о вынесении судебного приказа могло быть основано на различных причинах, таких как наличие доказательств, согласие сторон или по усмотрению судьи.

4. Форма и содержание. Судебный приказ имел свою форму и содержание, которые отличались от формы и содержания судебных решений. Он был составлен в виде приказа и содержал конкретные указания, рекомендации суда.

5. Исполнение решения. Решение, вынесенное в судебном приказе, должно было быть исполнено безотлагательно и без возможности обжалования.

Таким образом, вынесение судебного приказа на основании ГПК РСФСР 1923 г. стало особой формой судебного производства, которая использовалась в гражданских делах для быстрого и эффективного разрешения споров. Не требовалось проводить судебное заседание, оплачивать услуги представителя. Государственная пошлина составляла четверть от суммы, установленной за подачу искового заяв-

ления. После получения судебного приказа его можно было предъявлять для принудительного взыскания.

Всероссийским центральным исполнительным комитетом Совета народных комиссаров (ВЦИК СНК) РСФСР 4 октября 1926 г. принят декрет «О введении в действие Положения о Государственном Нотариате Р.С.Ф.С.Р.» [7]. Поскольку такие дела были подведомственны нотариату, то судебный приказ не выдавали.

В дальнейшем за ненадобностью глава XXIV исключена из ГПК РСФСР [7]. Впоследствии в судебную систему внесены изменения, согласно которым гражданские дела о взыскании алиментов на несовершеннолетних детей суд мог рассматривать без народных заседателей. С этого времени можно считать возрождение судебного приказа.

В связи с переходом страны на рыночные экономические отношения количество обращений граждан в суд по гражданским вопросам возросло. В случае бесспорного характера гражданский спор можно было рассмотреть в упрощенном порядке. Поэтому в ГПК РФ введена глава 11 «О судебном приказе» [3].

Развитие приказного производства не завершено. Ставить точку в данном исследовании не представляется возможным, поскольку реформирование правосудия продолжается в обстоятельствах развития экономических условий и в рамках экономической целесообразности. С 2016 г. в судах общей юрисдикции введено производство по административным делам о вынесении судебного приказа, согласно главе 11.1 КАС РФ [4]. С 1 июля 2016 г. дополнительно введена глава 29.1 «Приказное производство» в АПК РФ.

Судебный приказ в рамках КАС РФ также имеет особенности:

1. Применение в административных делах. Судебный приказ может быть вынесен только в административных делах, связанных с нарушением правил и норм, установленных законодательством.

2. Проведение заседания. Вынесение судебного приказа происходит на основании рассмотрения дела на заседании суда. Стороны имеют право присутствовать на

заседании и выступать с доказательствами и возражениями.

3. Основание для вынесения решения. Решение о вынесении судебного приказа может быть основано на доказательствах, представленных сторонами, а также на основании материалов, полученных в ходе проверки нарушения.

4. Форма и содержание. Судебный приказ имеет форму приказа и содержит конкретные указания и рекомендации по исполнению решения. Он должен быть четким и понятным для исполнения.

5. Исполнение решения. Решение, вынесенное в судебном приказе, должно быть исполнено в установленный законом срок и может быть обжаловано в вышестоящий суд.

Таким образом, судебный приказ в рамках КАС РФ является более формальным процессом, чем в ГПК РСФСР 1923 г., и требует проведения заседания суда. Он также подлежит обжалованию в вышестоящий суд, однако по-прежнему остается быстрой и эффективной формой разрешения споров в административных делах.

Согласно ст. 122 ГПК РФ, ст. 229.2 АПК РФ, ст. 123.1 КАС РФ под судебным приказом понимается судебный акт, вынесенный на основании заявления о взыскании денежных сумм или об истребовании движимого имущества должника. В соответствии с постановлением Пленума Верховного суда № 62 от 27 декабря 2016 г. с изменениями, внесенными постановлением Пленума от 5 апреля 2022 г. № 2 [5], в состав судебного приказа включен ряд условий.

Определен круг лиц, который может обратиться с заявлением о выдаче судебного приказа. Им может быть любое лицо: физическое, юридическое, индивидуальные предприниматели, органы муниципального самоуправления, органы государственной власти, прокурор (с учетом ст. 45 ГПК РФ);

Заявление о выдаче судебного приказа может быть подано как на бумажном носителе, так и в форме электронного документа, а также подписано электронной подписью. Оно должно содержать требования, подлежащие рассмотрению в поряд-

ке приказного производства. Бесспорными признают требования, которые не вызывают сомнения, подтверждены официальными документами и (или) могут быть признаны должником. В противном случае должник вправе в установленные законом сроки написать и направить возражение в суд. При этом должник не обязан предоставлять доказательств, не должен давать какие-либо объяснения.

При несоблюдении формы и содержания судебного приказа, предусмотренных ст. 124 ГПК РФ, ст. 229.3 АПК РФ, в течение трех дней заявление о выдаче судебного приказа подлежит возвращению в соответствии с ч. 1 ст. 125 ГПК РФ, ч. 1 ст. 229.4 АПК РФ. При рассмотрении заявления о выдаче судебного приказа судья принимает следующие судебные акты: судебный приказ, определение о возвращении заявления о выдаче судебного приказа или определение об отказе в принятии заявления о выдаче судебного приказа. Вынесение таких судебных актов, как определение об оставлении без движения, определение об оставлении без рассмотрения, в приказном производстве не предусмотрено. На определение о возвращении заявления, на определение об отказе в принятии заявления о выдаче судебного приказа может быть подана апелляционная жалоба. Срок рассмотрения не должен превышать 15 дней.

Заявление о выдаче судебного приказа о взыскании денег или об истребовании движимого имущества по бесспорным требованиям не должно превышать сумму 500 000 руб. по заявлениям, рассматриваемым мировыми судьями [3] и 400 000 руб. – для арбитражных дел [2]. При этом количество должников значения не имеет.

Судья рассматривает заявление о выдаче судебного приказа исходя из общих правил подсудности [5]. По требованиям, основанным на совершенном нотариусом протесте векселя в неплатеже, неакцепте и недатировании акцепта, судебный приказ может быть выдан мировым судьей, а также арбитражным судом с учетом положений абзаца четвертого ст. 122 ГПК РФ, п. 2 ст. 229.2 АПК РФ, ст. 5 Федерального закона от 11 марта 1997 г. № 48-ФЗ «О

переводном и простом векселе» [5].

В порядке приказного производства арбитражные суды рассматривают требования о взыскании обязательных платежей и санкций (п. 3 ст. 229.2 АПК РФ). Если по результатам налоговой проверки состоялось решение налогового органа, то представлявшиеся до его принятия возражения в порядке п. 6 ст. 100, п. 1–6.1 ст. 101, п. 5–7 ст. 101.4 Налогового кодекса РФ сами по себе не свидетельствуют о невозможности рассмотрения требований, заявленных налоговыми органом на основании указанного решения, в порядке приказного производства [5].

Вместе с тем обжалование должником решения налогового органа в вышестоящий орган является препятствием для выдачи судебного приказа независимо от результатов рассмотрения жалобы вышестоящим органом [5].

Судебный приказ судья выносит единолично [3]. Судебное разбирательство не проводится; сторон, третьих лиц и свидетелей не вызывают. Суд принимает решение только на основании предоставленных документов. Заявление о выдаче судебного приказа при поступлении мировому судье вступает в силу в течение пяти дней [3], в арбитражный – в течение десяти дней [2]. Если в течение указанного выше срока при получении копии судебного приказа должник представит в суд возражение, то судебный приказ будет отменен. Такое определение об отмене судебного приказа обжалованию не подлежит. При этом кредитор сможет повторно обратиться с целью взыскания долга или движимого имущества в рамках искового производства. Судебный приказ служит одновременно и исполнительным документом [2]. На его основании приставы возбуждают исполнительное производство (ст. 121–122 ГПК РФ, ст. 229.1–229.2 АПК РФ). С введением в действие постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2016 г. № 62 [5] с изменениями, внесенными постановлением Пленума от 5 апреля 2022 г. № 2, многие пробелы устранены.

На основании изложенного приходим к следующим выводам.

1. Направление возражения на выдачу

судебного приказа в мировом суде и арбитражном суде по срокам поставлено в неравное положение. При получении заявления о выдаче судебного приказа у мирового судьи физическое лицо, как правило, «теряется» и не может составить в пятидневный срок возражение, поскольку не обладает юридическими знаниями. В период поиска специалиста срок для составления возражения, увы, истекает. Между тем организация, получая из арбитражного суда заявление о выдаче судебного приказа и имея штатного юриста, имеет срок для написания возражения, равный десяти дням. Предлагается ввести единый десятидневный срок для составления возражения на заявление о выдаче судебного приказа для института мировых судей и арбитражных судов.

2. Сумма обращения с заявлением о выдаче судебного приказа о взыскании денежных средств или об истребовании движимого имущества между институтом мировых судей и арбитражным судом также в настоящее время не представляется актуальной. Предлагаем увеличить сумму обращения физических лиц с заявлением о выдаче судебного приказа к мировому судье о взыскании денежных сумм или об истребовании движимого имущества по бесспорным требованиям с 500 тыс. рублей до миллиона рублей; сумму обращения с заявлением о выдаче судебного приказа о взыскании денежных сумм или истребовании движимого имущества по бесспорным требованиям с индивидуальных предпринимателей в арбитражный суд с 400 тыс. рублей до миллиона рублей; организаций – с 800 тыс. рублей до 1 600 тыс. рублей.

Однако любые изменения в законодательстве должны быть тщательно обдуманы и приняты с учетом интересов всех сторон: и кредиторов, и должников. Важно найти баланс между обеспечением справедливости и защитой прав должников.

ЛИТЕРАТУРА

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г. // Российская газета. 2020. 4 июля.

2. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 30. Ст. 3012.

3. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.

4. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации: федер. закон от 8 марта 2015 г. № 21-ФЗ (в ред. от 17 февраля 2023 г.) // Российская газета. 2015. 11 марта.

5. О некоторых вопросах применения судами положений Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации о приказном производстве: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2016 г. № 62 (в ред. от 5 апреля 2022 г.) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2017. № 2.

6. О внесении изменений и дополнений в Гражданский процессуальный кодекс РСФСР: федер. закон от 30 ноября 1995 г. № 189-ФЗ (в ред. от 14 ноября 2002 г.) // Российская газета. 1995. 9 декабря (документ утратил силу).

7. О введении в действие Положения о Государственном Нотариате Р.С.Ф.С.Р.: декрет ВЦИК, СНК РСФСР от 4 октября 1926 г. // Собрание узаконений РСФСР. 1926. № 74. Ст. 576.

8. О введении в действие Гражданского процессуального кодекса Р.С.Ф.С.Р.

(вместе с Гражданским процессуальным кодексом Р.С.Ф.С.Р.): постановление ВЦИК от 10 июля 1923 г. // Собрание узаконений РСФСР. 1923. № 46–47. Ст. 478.

9. О некотором изменении порядка взыскания алиментов на несовершеннолетних детей: указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 20 февраля 1985 г. // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1985. № 9. Ст. 305.

10. Судебник государя царя и великого князя Иоанна Васильевича, и некоторые сего государя и ближних его преемников указы, собранные и примечаниями изъясненные покойным тайным советником и астраханским губернатором Василием Никитичем Татищевым. 2-е изд. М.: В Университетской тип. Н. Новикова, 1786. 270 с.

11. Судебные уставы 20 ноября 1864 года: в 4 ч. СПб.: б. и., 1864. 455 с.

12. Устав гражданского судопроизводства / сост. И.М. Тютрюмов. 3-е изд., испр. и значит. доп. СПб.: Юрид. кн. маг. И.И. Зубкова п/ф. «Законоведение», 1912. 1984 с.

13. Об исключении из Гражданского процессуального кодекса Р.С.Ф.С.Р. главы XXIV и об изменении статьи 22, примечания к статье 82 и статей 187, 187-б, 191, 255 и 266: постановление ВЦИК, СНК РСФСР от 9 июля 1928 г. // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=21635&ysclid=lj716a6oi7116044870#srkVwhT1h1EmqrZ7> (дата обращения: 20.03.2023).

Э.А. Кузбагаров

О РАЗГРАНИЧЕНИИ СЛУЧАЕВ НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ СДЕЛОК ПО СТ. 168 И 169 ГРАЖДАНСКОГО КОДЕКСА РФ

Эдуард Асхатович Кузбагаров – старший преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин, Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) ФГКОУ ВО «Университет прокуратуры Российской Федерации», кандидат юридических наук, г. Санкт-Петербург; **e-mail: jaksonic93@mail.ru.**

Проблема недействительности сделок, согласно авторской позиции, является актуальной на протяжении длительного времени в цивилистике, в особенности по основаниям, предусмотренным ст. 168 и 169 Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК РФ). Рассмотрение указанных гражданских правоотношений позволило автору статьи выявить особенность, характерную для российского законодательства и чуждую для порядка других стран. В отдельных из них такие сделки характеризуются как исключительно ничтожные. Разделение отечественным законодателем сделок на оспоримые и ничтожные обусловлено критерием нарушения публичного интереса и законных интересов третьих лиц, что требует разъяснения и вызывает необходимость его понимания. Кроме того, судебной практикой выработана совокупность применения ст. 10 и 168 ГК РФ, что создает альтернативу составу, предусмотренному ст. 169 ГК РФ, о признании сделки недействительной, во избежание применения санкции в виде обращения в доход государства полученного по недействительной сделке.

Ключевые слова: недействительность сделок; ничтожность и оспоримость сделок; публичные интересы; законные интересы третьих лиц; основы правопорядка; нравственность; добросовестность.

E.A. Kuzbagarov

ON DIFFERENTIATION OF INVALIDITY OF DEALS UNDER ART. 168, 169 OF CIVIL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Eduard Kuzbagarov – Senior Lecturer, the Department of Civil Law Disciplines, Saint-Petersburg Law Institute (branch), University of Prosecutor's Office of the Russian Federation, Ph.D. in Law, Saint-Petersburg; **e-mail: jaksonic93@mail.ru.**

Under the author's position the problematic issue of invalidity of transactions has been relevant for a long time in civil law, especially for reasons provided for in Art. 168 and Art. 169 of the Civil Code of the Russian Federation. The study of specified civil legal relations made it possible to identify a feature considered to be specific for the Russian legislation yet alien to order of other countries. In some of them such deals are considered to be void. The division of transactions into voidable and negligible by domestic lawmakers is caused by the criterion of breach of public interests and legitimate interests of thirds parties which requires further clarification and raises the need for its understanding. In addition, judicial practice has worked out a cumulative application of Art. 10 and 168 of the Civil Code of the Russian Federation, which makes it possible to create an alternative to the Art. 169 of the Civil Code of the Russian Federation to recognize the deal as invalid, in order to avoid the application of a sanction in the form of turning to the state revenue received under an invalid deal.

Keywords: invalidity of deals; nullity; voidability; public interests; legitimate interests of third parties; fundamentals of law and order; morality; good faith.

Институт сделок в гражданском праве является основой для возникновения обязательств и законного перехода объектов гражданских прав, которые обладают экономической ценностью, от одного субъекта к другому. Строиться такие гражданские правоотношения должны на базе равноценного обмена. Нормальное для человека желание преумножить свой капитал незаконным способом и без соразмерных сил порождает дисбаланс и несправедливость в общественных отношениях. Последним в подобных случаях наносят вред, который должен быть возмещен, а сделка должна быть признана недействительной. Тема недействительности сделок остается актуальной в мире науки и практики, поскольку объекты таких сделок обладают определенной экономической ценностью, терять эти активы в условиях рыночных отношений никто не планирует. Произвольное и незаконное лишение собственника таких ценностей побуждают его к принятию мер реагирования и защиты.

В доктрине гражданского права недействительные сделки подразделяют на оспоримые, то есть недействительные, с момента признания их таковыми в соответствии с решением суда, и ничтожные, то есть недействительные с момента их совершения. Недействительные сделки не порождают правоотношение, которое присуще для данного вида сделки, а лишь влекут последствия, предусмотренные законом и связанные с ее недействительностью [1, с. 261]. Предметом рассмотрения в настоящей статье являются недействительные сделки, нарушающие требования закона или иного правового акта, согласно ст. 168 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), и сделки, совершенные с целью, противной основам правопорядка и нравственности (ст. 169 ГК РФ). Последние еще называют антисоциальными.

Почему именно сделки, нарушающие требования закона, и антисоциальные сделки вызвали исследовательский интерес? Рассмотрим их по составу, чтоб ответить на этот вопрос.

В п. 1 ст. 168 ГК РФ закреплено об-

щее правило для всех случаев, если сделка нарушает требование закона, которое гласит, что такие сделки оспоримы. Обратим внимание еще раз на то, что сделка, нарушающая закон, является оспоримой, то есть действительной, несмотря на нарушение закона. Оспоримая сделка действительна, пока не вынесено решение суда о признании ее недействительной. Если сравнить приведенное положение с Гражданским уложением Германии, то в § 134 установлено, что сделка, нарушающая предусмотренный законом запрет, недействительна, если из закона не следует иное. Под недействительностью понимается именно ничтожность сделки, а неоспоримость. Согласно логике немецкого законодателя, если сделка нарушает установленный законом запрет, то такая сделка недействительна (ничтожна), никогда не заключалась между сторонами, что представляется как более логичное последствие, если стороны нарушили требование или законодательный запрет. Однако позиция российского законодателя ориентирована на оспоримость сделок, то есть действительность, пока судом не установлена ее недействительность.

Пункт 2 ст. 168 ГК РФ содержит исключение из общего правила (п. 1 ст. 168 ГК РФ), которым закреплено, что только в случае посягательства на публичные интересы либо права и охраняемые законом интересы третьих лиц сделка, нарушающая требования закона или иного правового акта, ничтожна. Иными словами, является критерий, который разделяет сделки, нарушающие требование закона или иного правового акта, на оспоримые и ничтожные. При наличии указанного критерия посягательства на публичные интересы либо права и охраняемые законом интересы третьих лиц законодатель сообщает участникам сделки о ее ничтожности, то есть недействительности с момента совершения. Разделение недействительной сделки, согласно ст. 168 ГК РФ, на оспоримую и ничтожную создает правовую неопределенность для правоприменителя, критерием деления которой служит наличие нарушения публичного интереса либо прав и интересов третьих лиц.

О том, что следует понимать под публичным интересом, законодатель не разъясняет. Но такая попытка предпринята Верховным Судом РФ в п. 75 постановления Пленума от 23 июня 2015 г. № 25 [2], в котором указано, что следует понимать его как интересы неопределенного круга лиц, обеспечение безопасности жизни и здоровья граждан, а также обороны и безопасности государства, охраны окружающей природной среды. Кроме того, Пленум Верховного Суда РФ разъяснил, что, если сделка нарушает запрет, установленный законом, то она ничтожна, посягает на публичные интересы. Таким образом, любой установленный законодательный запрет защищает публичный интерес, и нарушение этого запрета является посягательством на публичные интересы. В частности, не допускается освобождение участника общества с ограниченной ответственностью от обязанности оплаты доли в уставном капитале общества (п. 2 ст. 90 ГК РФ), не допускается одностороннее изменение размера платы за жилое помещение (п. 2 ст. 682 ГК РФ) и др. Нарушение таких запретов влечет ничтожность сделки.

Однако судебный орган отделяет несоблюдение выраженного запрета от несоответствия сделки закону, которое не влечет нарушение публичных интересов, и, как следствие, необходимо ее относить к категории оспоримых сделок. Например, товар, который передает продавец покупателю, должен быть качественным (ст. 469, 470 ГК РФ). Следовательно предполагается, что товар остается качественным до тех пор, пока данный факт не оспорен.

Не соответствующая закону сделка и нарушающая права публично-правового образования (РФ, субъекта РФ или муниципального образования) не влечет однозначного вывода о нарушении публичных интересов, а значит, такие сделки следует относить к оспоримым. С учетом этого становится очевидным, что, несмотря на нарушение прав по сделке публично-правовых образований, действующих в пользу неопределенного круга лиц, не образуется критерий разграничения, который позволил бы отнести сделку к ни-

чтожной. Данное положение, по нашему мнению, является правильным, поскольку в противном случае любое нарушение прав публично-правового образования по сделке было бы необходимым причислять к ничтожным сделкам, что ставило бы его в заведомо выгодное положение по отношению к остальным участникам.

Таким образом, недействительность сделок, нарушающих требования закона или иного правового акта (ст. 168 ГК РФ), четко говорит о нарушении установленно-го законодательством запрета или несоответствии между фактическими обстоятельствами сделки и нормой права. Данное нарушение может быть связано с одной или несколькими нормами.

Несмотря на «громоздкость» нормативно-правового регулирования, законодатель не может предусмотреть все жизненные ситуации, в которых требуется «дать» защиту одной из сторон. Из-за этого правоприменителям приходится разрабатывать разнообразные правовые механизмы. В практике Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ существуют примеры об оспаривании сделок, хотя и законных по своей сущности и содержанию, но вместе с тем противоречащих ему (закону). Один из примеров связан с делом о санатории «Переделкино». ЗАО «Кардиологический санаторный центр "Переделкино"» (далее – санаторий) заключило с ООО «Диамант Групп» (далее – общество) договор купли-продажи здания по цене, которая ниже рыночной. Впоследствии санаторий оспорил договор. После продажи одного из зданий санаторий в дальнейшем не мог нормально функционировать, поскольку в нем располагалась столовая. В итоге последнему пришлось заключить договор аренды проданного здания для продолжения деятельности санатория, по цене за три месяца арендных платежей, превосходящей стоимость продажи здания. Ввиду ряда просроченных платежей по договору аренды здания общество обратило в свою пользу остальные здания санатория. При попытке признания сделки купли-продажи здания недействительной сформирована позиция судом о ее ничтожности с учетом ст. 169 ГК РФ. Од-

нако санкция, согласно статье в редакции, в момент рассмотрения дела предусматривала обращение в доход государства в целом полученного по сделке, что предполагало бы зачисление в доход государства зданий санатория. Это породило бы порочную судебную практику при признании сделок недействительными по данному основанию. Для суда стало очевидным, что сделка по продаже законна, как и все сомнительные обстоятельства при ее осуществлении, свидетельствующие о явной нечестности и недобросовестности. Поэтому была разработана следующая правовая конструкция ст. 10 и 168 ГК РФ. В частности, ст. 10 ГК РФ содержит положения закона, которые не допускают осуществления гражданских прав исключительно с намерением причинить вред другому лицу, действий в обход закона с противоправной целью, а также иного заведомо недобросовестного осуществления гражданских прав (злоупотребления правом). Ст. 168 ГК РФ устанавливает, что сделка, нарушающая требования закона или иного правового акта, является оспоримой. На основе этой конструкции санаторий получил защиту в суде, и в дальнейшем такой подход применялся как альтернатива ст. 169 ГК РФ. Изложенное выше вызвало исследовательский интерес в аспекте сравнения составов ст. 168 и 169 ГК РФ.

Из положения закона об антисоциальных сделках (ст. 169 ГК РФ) следует не нарушение нормы, а наличие противности правопорядку и нравственности. Указанные категории, в свою очередь, являются абстрактными и оценочными. Как указано Конституционным Судом РФ, категории основы правопорядка и нравственность, хотя и являются оценочными категориями, но они не настолько неопределенны, что не обеспечивают единообразное понимание и применение соответствующих законоположений. Правоприменительная практика, а также то, что под ними понимают участники гражданского оборота, и составляет содержание указанных категорий. Кто именно подразумевается Конституционным Судом РФ под участниками оборота? Возможно, речь идет о сто-

ронах по сделке, профессиональных участниках в данной сфере, обо всех участниках оборота или о среднем статистическом участнике (гражданине). Полагаем, что необходимо ориентироваться на среднего статистического гражданина, на то, как он бы оценил сделку с точки зрения нравственности. Основы же правопорядка охраняются и защищаются нормами публичного права, в том числе уголовного, административного и др. В контексте ст. 169 ГК РФ значение «противный» можно сопоставить с категориями «враждебный, противоположный по интересам, противоречивый». В текущей редакции ст. 169 ГК РФ (ред. от 7 мая 2013 г.) также сохранилась санкция в виде взыскания в доход РФ полученного в целом по этой сделке, которая применяется судом лишь в случаях, предусмотренных законом. Фактически это – конфискация. Порядок реализации конфискации относится к ведению публичного права. Более того, ряд цивилистов высказывают мнение о необходимости исключения такого последствия ввиду ст. 169 ГК РФ, как выходящего за пределы ответственности по гражданско-правовому обязательству. По общему правилу должна быть произведена двусторонняя реституция, предусмотренная ст. 167 ГК РФ.

Итак, антисоциальные сделки не связаны с нарушением норм права, они по определению являются действительными, но сопровождаются несоответствием по своей направленности интересам общества и влекут последствия в виде двусторонней реституции, согласно правилам ст. 167 ГК РФ. Мера ответственности в виде взыскания в доход РФ, полученного в целом в результате этой сделки, является следствием нарушения публичного права.

Научное исследование по антисоциальным сделкам проводили различные ученые. Один из них – С.С. Желонкин, который провел анкетирование среди судей арбитражных судов для выявления проблем квалификации недействительных сделок. Около половины респондентов (41,5%, или 78 опрошенных) в качестве основной проблемы квалификации выделили определение основания недействи-

тельности сделки [3]. Определение оснований недействительности ничтожной сделки, по ст. 169 ГК РФ, до сих пор вызывает споры среди ученых и практикующих юристов.

Судебная практика, в частности п. 85 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 разъясняет, что только заведомая сделка, то есть заранее спланированная одной или обеими сторонами, противная основам правопорядка и нравственности, ничтожна. Пленумом приведен и ряд положений, согласно которым можно квалифицировать в качестве ничтожных сделки, посягающие на «основополагающие начала российского правопорядка, принципы общественной, политической и экономической организации общества, его нравственные устои». Законодатель отмечает, что антисоциальная сделка носит заведомый характер, то есть стороны или одна из сторон заранее знает о нарушении правопорядка и нравственности. Следовательно, предполагается вина в форме умысла сторон или одной стороны.

Возникает вопрос о том, допустимо ли при косвенном умысле квалифицировать сделку как антисоциальную. Федеральный Арбитражный Суд Восточно-Сибирского округа в постановлении от 26 февраля 2008 г. № А33-6069/07-Ф02-388/08 при рассмотрении дела разъяснил, что прямой или косвенный умысел при ничтожности сделки, противной основам правопорядка и нравственности, должен быть доказан истцом. Но как быть, если обе стороны при совершении сделки не допускали мысль о ее антисоциальном характере? Как пишет О.А. Красавчиков, даже если стороны действовали невиновно, то есть не знали и не должны были знать об антисоциальном поведении, такую сделку необходимо рассматривать как недействительную [5, с. 243]. Данная точка зрения, с одной стороны, видится правильной, поскольку недействительность не должна быть поставлена в зависимость от субъективного аспекта сторон. Для квалификации антисоциальной сделки следует оценивать ее субъективную сторону в совокупности с остальными

элементами.

С другой стороны, необходимо учитывать то, в чем выражена цель сделки. Относительно этого вопроса в мире науки и практики существует спор. Так, предприняты попытки отождествить цель сделки с ее мотивом для признания ее недействительным. Например, в случае, если лицо приобрело по договору купли-продажи автомобиль с мотивом (целью) перевозки наркотических средств, что, на наш взгляд, и с учетом позиции К.И. Скловского является неверным. Цель сделки определяется ее содержанием, которое выражено в соответствующих правах и обязанностях сторон, а также существом сделки. Так, цель купли-продажи – передача вещи и получение денег [6]. Тем самым становится понятным, что появление мотива на перевозку наркотических средств на автомобиле до или после приобретения не влияет на признание такой сделки недействительной ввиду ст. 169 ГК РФ, а использование приобретенного имущества и сделку по его приобретению не стоит отождествлять. Если говорить о законной гражданско-правовой сделке в отношении объектов гражданских прав, то сделка должна соответствовать ст. 128 ГК РФ, а также должен быть учтен режим оборотоспособности (ст. 129 ГК РФ). К объектам, в отношении которых установлен ограниченный режим оборотоспособности, можно отнести «соответствующие виды оружия, боеприпасов, наркотических средств, другой продукции, обладающей свойствами, опасными для жизни и здоровья граждан, и т.п.». Под опасными для жизни и здоровья, видимо, следует понимать в том числе радиоактивные и ядовитые вещества. Как указано в п. 85 постановления Пленума Верховного Суда РФ № 25, такие сделки квалифицируются по ст. 169 ГК РФ. Исходя из характера основ правопорядка и нравственности, согласно которым п. 85 указанного Постановления относит сделки к ничтожным ввиду ст. 169 ГК РФ, складывается впечатление о том, что это настолько опасное для общества поведение, что оно подлежит также ответственности в сфере публичного права или противоречит порядку, установ-

ленному законодательно.

Рассмотрим пример из сложившейся судебной практики для формирования образа ничтожной антисоциальной сделки. Заместитель прокурора г. Санкт-Петербурга обратился в Арбитражный суд г. Санкт-Петербурга и Ленинградской области в защиту государственных и общественных интересов с иском о признании недействительным договора, заключенного между ООО «Международный морфологический центр» и Санкт-Петербургским государственным учреждением здравоохранения «Городская больница № 14». Договор предполагал передачу медицинским учреждением в пользу общества трупы безродных лиц, ампутированные конечности и мертворожденные плоды для научных и учебных целей. Судом заключенный договор признан ничтожным, противоречащим основам правопорядка и нравственности (ст. 169 ГК РФ). Этот вывод сделан судом постольку, поскольку Федеральным законом от 12 января 1996 г. № 8-ФЗ «О погребении и похоронном деле» установлен иной порядок действий по распоряжению частями тела умершего. Так, указанным Федеральным законом определено, что «в случае отсутствия волеизъявления умершего, а также отсутствия у него родственников право на разрешение действий по распоряжению частями тела умершего в учебных целях имеют лица, взявшие на себя обязанность осуществить погребение умершего» (п. 3 ст. 5), каждому человеку на территории РФ после его смерти гарантируется погребение (п. 1 ст. 7), обязанность погребения лежит на специализированных службах по вопросам похоронного дела (ст. 29). Таким образом, в случае смерти человека действующим правопорядком предусмотрено погребение тела, а это не сделано на протяжении действия договора. Кроме того, предмет передачи, согласно заключенному между сторонами договору, не соответствует ст. 128 ГК РФ, в частности видам объектов гражданских прав, а значит, не может быть объектом гражданских правоотношений.

Подводя итог, обратим внимание на

особенности недействительности сделок с учетом ст. 168 и 169 ГК РФ. Во-первых, только для российского законодательства характерно то, что сделки, нарушающие требование закона, могут быть как оспоримыми, так и ничтожными. В других правопорядках данное нарушение влечет ничтожность сделки. Критерием разделения недействительности сделок на оспоримые и ничтожные служит нарушение публичных интересов и законных интересов третьих лиц. Во-вторых, правовая конструкция, вытекающая из ст. 10 и 168 ГК РФ, выступает альтернативой ст. 169 ГК РФ, которая позволила признать недействительной формально законную сделку, но не отвечающей критерию добросовестности как обязательному для всех участников оборота законодательному положению.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гражданское право: в 2 т. Т. 1 / под ред. Б.М. Гонгало. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2018. 528 с.
2. О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 8.
3. Постановление Федерального арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 26 февраля 2008 г. по делу № А33-6069/2007-Ф02-388/2008 // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=1EWZocT6x8MjarTv&cacheid=14118457FC5701D7BD0F> (дата обращения: 10.03.2023).
4. Желонкин С.С. Недействительность антисоциальных сделок: монография. М.: ИНФРА-М, 2016. 159 с.
5. Советское гражданское право: в 2 т. Т. 1 / под ред. О.А. Красавчикова. 3-е изд., испр. и доп. М.: Высшая школа, 1985. 544 с.
6. Сковский К.И. Сделка и ее действие. Комментарий главы 9 ГК РФ. Принцип добросовестности. 4-е изд., доп. М.: Статут, 2019. 278 с.

Д.А. Кузнецов

РАЗРЕШЕНИЕ КОНФЛИКТА ПРИНЦИПОВ В ЦИВИЛИСТИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ ПОСРЕДСТВОМ ПИРАМИДЫ ПРАВОВЫХ ЦЕННОСТЕЙ

Дмитрий Алексеевич Кузнецов – аспирант кафедры гражданского и корпоративного права, Санкт-Петербургский государственный экономический университет (СПбГЭУ), г. Санкт-Петербург; **e-mail:** 79818103325@yandex.ru.

В настоящей статье исследован вопрос о проблеме конфликта ценностей в цивилистическом процессе, возникшем после распада СССР. Проанализированы существующие представления о ценностях в праве, предлагается ряд вариантов разрешения описанной проблемы. Автором обоснована разработанная теория пирамиды правовых ценностей как средство разрешения ценностных конфликтов в отраслях права и законодательства.

Ключевые слова: арбитражный процесс; теория права; ценности в праве; принципы права; цели и задачи правового регулирования.

D.A. Kuznetsov

RESOLVE CONFLICT OF PRINCIPALS IN CIVILISTIC PROCESS THROUGH PYRAMID OF LEGAL VALUES

Dmitry Kuznetsov – postgraduate student, the Department of Civil and Corporate Law, Saint-Petersburg State University of Economics, Saint-Petersburg; **e-mail:** 79818103325@yandex.ru.

The article examines problematic issues of conflict of values in the civilistic process after collapse of the USSR with existing ideas about values in law being subjected to analysis. Thereupon the paper suggests a number of options aimed at resolving the described problem. The author substantiates a developed theory of pyramid of legal values in the fields of law and legislation.

Keywords: arbitration process; theory of law; values in law; principles of law; goals and objectives of legal regulation.

Российская правовая система в связи с распадом СССР столкнулась с ситуацией, при которой существовавшие правовые ценности и принципы могут противоречить новым, возникающим вследствие изменений законодательства и основ конституционного строя. Это особенно проявляется, в том числе и сегодня, в конфликте ценностей в цивилистическом процессе (истина и справедливость – состязательность и диспозитивность). Представители ряда научных направлений по-

прежнему преломляют копья в дискуссиях о степени диспозитивности и состязательности в отечественном гражданском процессе (что, в свою очередь, влияет на полномочия сторон дела, суда, пределы рассмотрения в проверочных инстанциях и т.д.). Предлагаем средство разрешения данного конфликта, о котором пойдет речь далее в статье.

Вместе с тем вынуждены исключить масштабное описание терминологического анализа (с ним впоследствии можно

ознакомиться в диссертационном исследовании. – Д.К.), ограничившись указанием на общие выводы из нашего исследования: ценности обуславливают принципы, а последние определяют порядок осуществления задач, поставленных перед нормами права, которые, в свою очередь, обуславливают конкретные цели правового регулирования. Руководствуясь данным положением в качестве исходной точки, перейдем непосредственно к исследованию.

Прежде всего нам необходимо ответить на вопросы о том, куда «пропали» ценности из Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (далее – АПК РФ) и законодательства в целом, и что такое принципы. Ответы на них находим у О.В. Мартышина, который уточняет, что ценности не нашли отражения в праве ввиду распространения в нашей стране позитивистского подхода к праву, для которого ценности есть категория крайне абстрактная, неточная, неустановимая [12, с. 74]. Однако, если обратить внимание на перечень принципов, содержащихся в АПК РФ, то можно обнаружить, что многие из них относятся к ценностям. Среди функционально-организационных принципов – это гласность, равенство, независимость судей; среди принципов отправления правосудия – законность, диспозитивность, состязательность, процессуальное равноправие. Продолжим анализ: равноправие сторон и всеобщее равенство перед законом и судом – это не что иное, как равенство. Справедливость – высшая правовая ценность. Законность – базовый принцип для любого представителя позитивизма. Диспозитивность и гласность, если перевести на «человеческий язык с юридического», – это свобода воли и слова (несколько утрировано). При этом диспозитивность находит закрепление не в конкретной норме права, а в комплексе норм частного и публичного права [4, с. 13]. Независимость судей можно охарактеризовать как часть ценности, в частности справедливости и законности, или как самостоятельную ценность. Категорию «разумный срок судопроизводства» также можно рассмат-

ривать как ценность, но в аспекте организационно-управленческой ценности. Иными словами, ценности все-таки существуют, но выявить их можно в процессе сложного толкования. При этом основных (базовых) ценностей три: истина, справедливость и законность.

Истина – одна из наиболее разработанных с точки зрения философии категория, связанная с вопросом о познаваемости мира (разумеется, мы исходим из того, что мир для нас познаваем, по крайней мере материальный). Почему она важна для права? Подход к истине обуславливает во многом то, как определяется справедливое и несправедливое, законное и незаконное: то, что устанавливает формальную истину, не всегда может быть справедливым, несмотря на законность подобного подхода. С точки зрения гносеологии истина есть отношение к фрагменту реальности, составляющему предмет познания [9, с. 349]. В классическом понимании истина есть соответствие действительности [9, с. 349]. У истины существуют такие характеристики, как объективность, конкретность. При этом истина бывает относительной (неточное, неполное знание о предмете) и абсолютной. В свою очередь, абсолютная истина является так называемой целью, недостижимым пределом [9, с. 353]. У истины можно обнаружить такие критерии (средства, с помощью которых можно проверить истинность), как логическая непротиворечивость, практический критерий. Существуют границы оценки истинности: истина применима только к знанию (но не ко всему, существуют виды знания, которые не подвергаются такой оценке). Не будем вдаваться в суть вопросов познания мира, так как суд осуществляет познание рациональными и чувственными методами, применяя все возможные способы, и вопрос в данном случае состоит не в желании суда, а в предписании норм закона и полномочиях суда, а также возможности установления истины как таковой.

Так, если суд устанавливает формальную истину или, наоборот, не особенно стремится к ее усмотрению, опираясь только на диспозитивность и состязатель-

ность, то никакие средства познания не помогут. Это относится и к вопросам установления истины в условиях ограниченности полномочий суда: если суду запрещено самостоятельно получать доказательства по собственной инициативе в проверочной инстанции, будь это хоть доктор юридических наук, он не сможет законно обойти предписание ст. 268 АПК РФ и установить объективную истину. В данном случае философия снова сталкивается с правовой реальностью и смешанной апелляцией.

А существует ли иерархия ценностей? По мнению А.Н. Бабенко, иерархия правовых ценностей существует. Правовые ценности подразделяются на абсолютные правовые ценности (ценности-цели), правовые ценности среднего уровня, инструментальные правовые ценности (используются для регулирования конкретных правоотношений и предполагают защиту иных типов ценностей) [1, с. 14].

С точки зрения цивилистического процесса иерархии ценностей нет и быть не может: все принципы (ценности) цивилистического процесса равны между собой. Но основным, неизменным мерилom правомерного или неправомерного, правосудного или неправомерного, столпом, на котором со времен Древнего Рима, греческого полиса, германского тинга (схода) варварских памятников права, древнерусского вече зиждется правосудие – справедливость, ценность и принцип. По словам И.В. Чечельницкого [18, с. 10–14] справедливость во все времена была, есть и останется одним из основных средств легитимности государственно-правовых систем. При подготовке кандидатской диссертации выявлено несколько десятков концепций справедливости, при этом отдельно отмечается и аксиологическое значение справедливости в праве.

Если предположить, что система принципов (ценностей) процессуального права строится на ней, то далее мы упираемся в то, какие ценности будут отвечать справедливости, а эта категория не имеет единого понимания.... То, что в уголовном процессе отвечает справедливости, в гражданском может ей не соответство-

вать. Построить систему ценностей, отвечающих справедливости можно, но она будет условной и неоднородной в понимании даже юристов, не говоря уже о гражданах. Установив факт существования ценностей в АПК РФ, перейдем к вопросам о том, какова же система ценностей современного судьи (правоприменителя) и отличается ли она от того, что закреплено в процессуальном законодательстве. Попытаемся ответить и на эти вопросы.

Интерес представляет вопрос о непосредственной системе ценностей судей. Так, в исследовании Института проблем правоприменения при Европейском университете говорится о том, что наиболее значимым, исходя из социологических исследований, наиболее важным для судей является обеспечение законности, защиты прав граждан и справедливость. Соотношение ценностей выявлено путем постановки вопроса перед судьями «В чем заключается главная миссия судьи?» 77,6% указали в ответах такие понятия, как законность, обеспечение прав граждан, 50,5% – справедливость [6, с. 27]. В аспекте содержания исследования авторы, к сожалению, не разъяснили, судей с какой специализацией они опрашивали, что может иметь значение для определения системы ценностей судей, специализирующихся на разных видах судопроизводства. Возможно, что ценность в виде справедливости более характерна для уголовного судопроизводства. Значимым видится замечание о смещении системы ценностей с возрастом судей: судьи «советской закалки» отдают предпочтение справедливости, в то время как их коллеги, пришедшие на службу позднее, – иным ценностям [6, с. 28].

Итак, система ценностей судей, с одной стороны, в целом общая, с другой – переживает существенные преобразования, что вполне понятно. С переходом от советского гражданского процесса и принятием новых процессуальных кодексов система ценностей существенно изменилась.

Вместе с тем можно констатировать тот факт, что при глубоком толковании

процессуального законодательства ценности можно обнаружить, хотя и с трудом: они «заштрихованы» принципами, целями и задачами процессуального права, в их иерархии нет явного единства, профессиональное сообщество ввиду разных причин не может прийти к единой для всех системе ценностей. Более того, правовые ценности не создаются по предписанию права, закона, актов органов государственной власти, формируясь индивидом (правоприменителем) [17, с. 149]. Л.О. Мурашко в докторской диссертации пишет о том, что существует возможность проследить последовательную взаимосвязь между иерархией общественных ценностей и норм права: право отражает иерархию общественных ценностей посредством защиты наиболее значимых из них. Однако иерархия ценностей, как и иерархия норм права, может изменяться с течением времени, в связи с утратой значимости одних общественных отношений и увеличением значимости других [14, с. 139]. Далее автор продолжает мысль о том, что справедливость выступает «высшей» ценностью права, обеспечивая при этом функционирование правового механизма, включая баланс ценностей в праве [14, с. 141].

Однако, если вернуться к теории права, то можно заключить, что законность, истина и справедливость – базовые, общеправовые понятия, ценности и принципы одновременно, не различающиеся по значимости. Различие среди них появляется на уровне правовых школ.

Законность представляет собой конкретную категорию: это – строгое неукоснительное соблюдение закона, его исполнение (особенно в контексте правового позитивизма). Однако содержательная сторона данной категории несколько больше, нежели обычное понимание. В частности, Е.А. Лукашева [11] понимала под законностью особый метод государства по руководству обществом, особый режим, устанавливаемый посредством данного метода, принцип правового сознания и правовую ценность.

Как отмечал В.А. Вайпан, правовое содержание справедливости представлено

тремя точками зрения: как принцип права, как объективное явление, как требование. Применяли его в юриспруденции в основном в значении равенства [5]. По утверждению А.Т. Боннера [3, с. 22], предъявление критерия справедливости (в советском цивилистическом процессе) в решениях по гражданским делам невозможно. Вместе с тем защита прав граждан соответствует законности.

В советском процессе существовал принцип установления объективной истины по делу. С.В. Курылевым дано следующее определение принципа объективной истины: «Принцип объективной истины представляет собой положение, в силу которого движение процесса должно идти в направлении использования всех процессуальных средств для достоверного, а в случае невозможности или предусмотренной законом нецелесообразности – вероятного установления всех фактов, необходимых для правильного рассмотрения и разрешения дела» [10, с. 486].

Д.А. Туманов [16, с. 22–30] в своей статье, изучая необходимость принципа объективной истины в цивилистическом процессе, приходит к выводу о неотъемлемости данного принципа от судопроизводства, выделяя вместе с тем в современном цивилистическом процессе несколько групп ученых, которые по-разному оценивали принцип объективной истины. Первая точка зрения сводится к отсутствию объективной истины, вторая – к существованию объективной истины и необходимости восстановления прежнего ее значения, третья – предполагает сбалансированное совмещение истины и состязательности с учетом характера рассматриваемого дела. Правовое же закрепление данного принципа прослеживается в отдельных статьях Гражданского процессуального кодекса (ГПК) РФ, которое также выявляют путем толкования [2, с. 154].

Итак, становится очевидным, что существуют понятия «законность», «справедливость» и «истина». Законность и справедливость гарантированы Конституцией РФ, истина является правовой ценностью, необходимой для достижения

справедливости (исходим из того, что справедливость без истины (хотя бы формальной) невозможна) и сохранения законности. Вспомним «Собор Парижской Богоматери», а точнее, сцену, в которой глухой судья судит глухого и немого Квазимодо, не зная о том, что тот глух и нем... [8, с. 233]. Это ли справедливое правосудие? Ответ вполне очевиден, как и результаты правосудия... Суд в прямом смысле глух к истине и справедливости.

Следовательно, мы оказываемся перед выбором: или процесс остается составительным, диспозитивным, или мы выбираем справедливость и объективную истину (либо по меньшей мере относительную), или создаем баланс между тем и другим (законность находится между обеими «полюсами», уравнивая и приводя как бы в исполнение оба «полюса»). Но не во всех категориях дел мы можем «оставить» истину в сторону, подождать, пока стороны разбираются. Тем самым мы переходим к анализу проблемы формата выбора «ценностных ориентиров» российского судопроизводства. Проблему публично-правовых споров в цивилистическом процессе можно было бы решить несколькими способами:

1) через формирование отдельной системы принципов;

2) через допущение ограничения состязательности в определенных категориях споров;

3) при «перемещении» данных категорий дел из АПК РФ (гл. 24–25 АПК РФ) в Кодекс административного судопроизводства (далее – КАС) РФ, система принципов которого отвечает задачам рассмотрения дел, имеющих публично-правовое содержание, с сохранением подсудности данных дел арбитражным судам.

Последние два варианта наиболее разумны, удобны и реализуемы с точки зрения цивилистического процесса: попытка создания отдельной системы принципов (дублирующей существующую) будет подобна попытке приделать еще одно колесо к автомобилю, который уже находится в движении...

Но существует и еще один вариант (с точки зрения теории и философии права,

более масштабный и сложный): признать существование иерархии правовых ценностей, в основе которых будет находиться триада «законность, истина, справедливость»; на следующем уровне – остальные общеправовые ценности и такие, которые закреплены международным правом и Основным законом страны; затем – отраслевые принципы (инструментальные ценности) права. Однако станет ли это возможным?

В ранее упомянутых работах А.Н. Бабенко [1, с. 13] и Л.О. Мурашко указано, что правовые ценности не определяются государством. Если за аксиому принять то, что на «вершине» пирамиды правовых ценностей зиждется базовая триада «справедливость, истина, законность», сохраняя допустимость индивидуальной системы ценностей, однако с опорой на первые два уровня «пирамиды», то задача выглядит вполне разрешимой. При этом существует ряд «но».

1. Следует понимать, что в разных правовых семьях пирамида ценностей будет различной: для семьи мусульманского права на вершине будет находиться то, что предписано Кораном, Сунной и иджмой. Предложенная нами триада, вероятнее всего, своего положения не изменит. Например, Р.Г. Новикова [7, с. 225–237] указала на сохранение принципа справедливости в исламском праве как основополагающего и руководящего, в том числе и в отраслевом законодательстве (налоговом).

2. Обоснованным может считаться вопрос о выделении четвертого уровня пирамиды – ценностей, заложенных нормами международного права, признаваемых в качестве высших правовых ценностей в правовой культуре, теории и философии России. Для иных правопорядков в качестве отдельного уровня можно выделить и ценности, закрепленные в международном праве, но не нашедшие отражения в «местных» Конституциях.

3. Ознакомившись с предложенной нами триадой, читатель может задать закономерный вопрос о том, почему именно эта триада. Почему не что-то другое? И почему только три, а не больше? Чтобы

определить, что именно водрузить на вершину, мы должны принять решение.

3.1. Отказаться от данного вопроса, приняв за аксиому предложенную триаду.

3.2. Или провести глубокий анализ норм международного права, а также норм российского и зарубежного конституционного права с целью выявления наиболее важных с точки зрения большинства правопорядков правовых ценностей, а затем сделать окончательный вывод о вершине пирамиды.

3.3. Или признать полную вариативность содержания пирамиды ценностей, в том числе и высших правовых ценностей.

3.4. Больше число (кроме трех) представляется нам возможным. Но, во-первых, не все будут отвечать общим ценностям любого из наших коллег, находящихся в России, Китае, Бразилии или Австралии; во-вторых, не все принципы права одновременно являются и ценностями (федерализм для унитарного государства не будет включен в пирамиду), юридическое равенство вполне может быть охвачено законностью и справедливостью в современном их содержании. На это указал А.Г. Чернявский: «Таким образом в справедливости заключается элемент общего и особенного. Он охраняет то равенство, которое прилагается ко всем лицам, как назначенным к движению и совершенству, с другой стороны в ней отражается все разнообразие личного, индивидуальность, особенность...» [19, с. 133].

Большая проблема – демократия и свобода как правовая ценность: первое – это цель (в нашем понимании), второе – слишком субъективно (свобода одного завершается там, где начинается свобода другого). Толкование данной категории даже среди юристов будет слишком разнообразным.

3.5. Как распределяются абсолютные и относительные правовые ценности? Ответ, по сути, дан ранее: так как пирамида ценностей не имеет статичной структуры, их распределения нет. Единственное, что более или менее предсказуемо, сводится к тому, что абсолютные ценности будут концентрироваться в верхних уровнях пирамиды.

3.6. Альтернативой предложенной триаде может стать триада «свобода, равенство, справедливость», обоснованная И.Д. Мишиной в рамках кандидатской диссертации по теории права, исследовавшей одной из первых в современной теории права нравственные ценности в аспекте их освоения правом [13, с. 8].

4. Наконец, последнее. Каковы последствия создания данной пирамиды? С точки зрения теории права это – попытка создать стройную и логичную систему ценностей, не особенно отделимую от системы принципов, что может оказать влияние на формирование общего вектора развития права и законодательства, особенно процессуального права и в некоторой степени материального (вопрос о конфликте «истина справедливость» и «состязательность диспозитивность» тем самым однозначно и безапелляционно разрешался бы в пользу первых двух категорий). Относительно влияния ценностей на поведение граждан Д.В. Руковишников приходит к обоснованным выводам о возможности влияния государства на поведение граждан посредством формируемых у них ценностей и возможности подобного воздействия со стороны государства в процессе воспитания и обучения как такового [15, с. 13].

На вопрос о возможности существования дифференцированной системы ценностей (принципов) в одном процессуальном кодексе (в зависимости от категории дел, при условии, что существуют принципы специальные, которые дополняют, но не дублируют существующие, применяются при рассмотрении отдельных категорий дел) доктрина права не дает ответ. Полагаем, что гипотетически это возможно, так как ничто не мешает указать на применение отдельных принципов права судом в более развернутой форме при рассмотрении дел, имеющих публично-правовое содержание, и это не будет противоречить другим принципам цивилистического процесса. Однако в контексте предложенного решения проблемы это будет нецелесообразным.

Итак, очевидны перспективы по формированию пирамиды правовых ценно-

стей, по-видимому, отвечающей задачам теории права. Но содержание отдельных элементов данной конструкции требует дополнительных изысканий.

Выводы, сделанные нами, к сожалению, не могут быть реализованы и подтверждены в рамках небольшого исследования. Науке гражданского процесса предстоит пройти долгий путь для достижения нового уровня. Возможно, это будет началом перехода к постиндустриальному цивилистическому процессу. Рассмотренные нами вопросы – это уже не только проблема цивилистического процесса, но и теории и философии права...

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бабенко А.Н.* Правовые ценности и освоение их личностью: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2002. 46 с.
2. *Боннер А.Т.* Закрепление принципа судебной истины в ГПК РФ // *Lex Russica*. Научные труды МГЮА. 2004. № 1. С. 154–172.
3. *Боннер А.Т.* Законность и справедливость судебного решения // *Советское государство и право*. 1978. № 2. С. 22–30.
4. *Валиева А.Р.* Диспозитивность в судебном юрисдикционном процессе российского государства: частноправовое и публично-правовое начала: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2017. 27 с.
5. *Вайпан В.А.* Теория справедливости: право и экономика. М.: Юстицинформ, 2017. 279 с.
6. *Волков В.В., Дмитриева А.В., Поздняков М.Л., Титаев К.Д.* Российские судьи как профессиональная группа: социологическое исследование. СПб.: Институт проблем правоприменения Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2012. 60 с.
7. *Габов А.В. Путило Н.В.* Право и социальное развитие: новая гуманистическая иерархия ценностей. М.: ИНФРА-М, 2015. 269 с.
8. *Гюго В.* Собор Парижской Богоматери: роман. СПб.: Азбука, 2014. 606 с.
9. *Кармин В.С., Бернацкий Г.Г.* Философия. СПб.: ДНК, 2001. 533 с.
10. *Курылев С.В.* Избранные труды. Мн.: Редакция журнала «Промышленно-торговое право», 2012. 606 с.
11. *Лукашева Е.А.* Правосознание и законность в социалистическом обществе (идеологические и социально-психологические факторы обеспечения законности): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1973. 29 с.
12. *Мартьяшин О.В.* Философия права. М.: Проспект, 2017. 352 с.
13. *Мишина И.Д.* Нравственные ценности в праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 1999. 26 с.
14. *Мурашко Л.О.* Аксиологическое измерение процесса прав образования: история и современность: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2015. 378 с.
15. *Руковшников Д.В.* Современные ценности и их влияние на правомерное поведение: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Н. Новгород, 2011. 30 с.
16. *Туманов Д.А.* Нужен ли современному судопроизводству принцип объективной истины? // *Вестник Университета О.Е. Кутафина*. 2021. № 12. С. 28–41.
17. *Философия права* / отв. ред. Н.Н. Черногор, О.Ю. Рыбаков. М.: Статут, 2018. 224 с.
18. *Чечельницкий И.В.* Справедливость в правотворчестве: теоретико-правовое исследование: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015. 28 с.
19. *Чернявский А.Г.* Общая теория права в связи с аксиологией ценностей. М.: ИНФРА-М, 2021. 367 с.

В.А. Максимов, С.Н. Андреева **МОДЕЛИ МЕДИАЦИИ**

Виталий Алексеевич Максимов – доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин, Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент, г. Санкт-Петербург; **e-mail: maximovva@mail.ru**.

Светлана Николаевна Андреева – доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин, Государственный институт экономики, финансов, права и технологий, кандидат юридических наук, доцент, г. Гатчина; **e-mail: sweta-rus@mail.ru**.

Статья посвящена исследованию моделей медиации, в юридической литературе сегодня отсутствует единый подход к их определению. Авторы обращают внимание на то, что отдельно следует рассматривать три основные модели медиации: частную (внесудебную), присудебную и медиацию в пределах судебного процесса. При характеристике второй модели на основе зарубежного опыта продемонстрированы пять самых распространенных примеров участия суда в медиации. Приведен перечень факторов, которые учитывали суды при решении вопроса о направлении сторон к участию в медиации на императивных началах, также даны критические замечания судебной модели медиации в целом. Аргументируя свою точку зрения, авторы делают обоснованные выводы с учетом анализа мнений различных отечественных и иностранных ученых-цивилистов.

Ключевые слова: модели медиации; альтернативные способы разрешения споров; суд; принципы медиации; гражданский процесс.

V.A. Maksimov, S.N. Andreeva **MEDIATION MODELS**

Vitaliy Maksimov – Associate Professor, the Department of Civil Law Disciplines, Saint-Petersburg Law Institute (branch) University of Prosecutor's Office of the Russian Federation, Ph.D. in Law, Associate Professor, Saint-Petersburg; **e-mail: maximovva@mail.ru**.

Svetlana Andreeva – Associate Professor, the Department of Civil Law Disciplines, State Institute of Economics, Finance, Law and Technology, Ph.D. in Law, Associate Professor, Gatchina; **e-mail: sweta-rus@mail.ru**.

The article deals with the study of mediation models as there is no single approach to their definition today. The authors draw attention to the fact that three basic mediation models should be considered separately: out-of-court, court-annexed and mediation within the judiciary, court. While characterizing the second model on the basis of foreign experience the authors demonstrate the five most common examples of court involvement in mediation. The paper provides a list of factors which were taken into account by the courts when deciding to encourage the parties to participate in mandatory mediation. In addition the article presents critical remarks related to judicial model of mediation on the whole. Arguing their view point the authors make sound conclusions with the analysis of the opinions of different domestic and foreign civil law scientists.

Keywords: mediation models; alternative methods of dispute resolution; court; mediation principals; civil proceedings.

Особенности решения спора с помощью медиации в отдельных странах могут различаться, что обусловлено факторами не только правового, но и исторического, культурного, социального характера. Поэтому в юридической литературе такие

критерии, как принципы участия сторон в процедуре медиации, пределы вмешательства медиатора в процесс переговоров, круг связанных со спором вопросов, подлежащих обсуждению сторонами, используются для осуществления разделения медиации на разные модели и виды. Такое разделение имеет важное теоретическое и практическое значение, поскольку способствует всестороннему исследованию правовой природы медиации, ее характерных признаков, потенциальной эффективности для определенных категорий споров. Выделение различных моделей медиации помогает сторонам найти наиболее выгодную форму этой процедуры разрешения спора, которая будет максимально согласовываться с их интересами, а также соответствовать степени сложности их спора, характеру взаимоотношений между ними, ожиданиям относительно дальнейшего сотрудничества и другим особенностям конфликтной ситуации.

Сегодня в юридической литературе отсутствует единый подход к определению моделей медиации. В частности, некоторые авторы считают целесообразным рассматривать только две: частную и интеграционную. При этом понятие частной медиации характеризуют как самостоятельный вид деятельности независимых медиаторов и объединений медиаторов, которая не связана с юрисдикционными органами (судом, нотариатом, судебными исполнителями), а интеграционная определена как специальная форма деятельности юрисдикционных органов, которая реализуется в рамках юридического процесса [1, с. 51–52]. Подобный подход используют авторы, которые, в зависимости от интеграции процедуры медиации в судебную систему, выделяют присудебную и внесудебную модели этой процедуры. Безусловно, целесообразным является выделение медиации частного характера, то есть внесудебной медиации, и медиации с участием юрисдикционных органов. Однако границы и характер участия юрисдикционных органов, в частности суда в процедуре решения спора путем медиации, могут быть различны, в зависимости

от правовых традиций, социальных, экономических обстоятельств. Поэтому характеристика такого участия только в пределах одной – интеграционной (присудебной) модели – не может быть комплексной. По нашему мнению, основным критерием для выделения различных моделей медиации служит формальная связь этой процедуры с судебным процессом. Соответственно, отдельно стоит рассматривать три основные модели медиации:

1) частную (внесудебную) медиацию, которая характеризуется полной независимостью от процесса рассмотрения спора судом;

2) присудебную медиацию, которой присуща определенная координация с судебным процессом, но при этом существует ограничение процедуры медиации от суда как институции;

3) медиация в пределах судебного процесса, для которой присуща локальная и персональная связь с судом и действиями, реализуемыми в пределах рассмотрения дела судом.

В мировой практике чаще всего можно встретить частную и присудебную модели медиации. Основной характерной чертой частной медиации является то, что такая процедура разрешения спора начинается по инициативе сторон. Так, стороны участвуют в медиации на основании заключенного между ними соглашения. В качестве последнего может выступать как оговорка, являющаяся частью контракта, заключенного сторонами до возникновения спора, так и специальное соглашение о медиации, которое стороны заключают после возникновения спора. Письменная форма соглашения о медиации не является обязательным условием ее действительности, однако в законодательных актах многих стран содержится требование о заключении указанной сделки именно в письменной форме. Другие законодательные требования к содержанию соглашения о медиации, как правило, отсутствуют. Это способствует максимальной свободе сторон при разработке условий соглашения о медиации, потому такие условия наилучшим образом отражают все особенности отношений между сторонами.

В случае частной медиации стороны самостоятельно выбирают посредника, который будет способствовать им в разрешении спора. Осуществление такого выбора становится проще благодаря наличию реестров медиаторов. В разных странах такие реестры ведут различные государственные органы или неправительственные организации – объединения медиаторов. Однако, независимо от того, какая институция ведет реестр медиаторов, лицам, желающим оказаться в данном реестре, необходимо пройти надлежащую подготовку и соответствовать другим установленным требованиям. Стороны также могут выбрать посредника, которого нет в реестре. Но такие прецеденты не являются распространенными, учитывая значительные преимущества зарегистрированных медиаторов (к ним относятся, например, подтвержденная квалификация и опыт медиаторов, обязательная ответственность медиаторов при нарушении хотя бы одного из принципов медиации и т.п.).

Несмотря на то, что частная медиация не связана с деятельностью суда или юрисдикционных органов, все участники медиации обязаны соблюдать общие законодательные требования, установленные для этой процедуры разрешения споров. Речь идет прежде всего о принципах медиации, нарушение которых будет противоречить природе посредничества. К тому же большинство основных принципов медиации закреплены на уровне международных нормативно-правовых актов (например, в Рекомендации Комитета министров Совета Европы о медиации в гражданских делах от 18 октября 2002 г.). Государством могут быть установлены требования к соглашению о медиации, соглашению о разрешении спора по результатам медиации, требования о квалификации медиаторов, требования о размере расходов на медиацию (оплаты услуг медиатора).

Другая модель – присудебная медиация, – в отличие от предыдущей, всегда связана с судебным рассмотрением дела, а также судом как институтом. Сравнивая возможности судебного вмешательства в

процедуру медиации на разных ее стадиях в зарубежных странах, можно выделить пять самых распространенных примеров участия суда в медиации.

Во-первых, отдельные страны почти полностью отказываются от участия суда, не предусматривают контроля течения медиации со стороны суда и предоставления судом указаний или распоряжений относительно процедуры медиации. Иными словами, судам может быть предоставлено полномочие рекомендовать медиацию (или другие формы альтернативного разрешения спора) без прямого требования использовать эти полномочия и регулярно исследовать обстоятельства спора на предмет целесообразности его решения во внесудебном порядке. Например, Швейцарский Гражданский процессуальный кодекс позволяет судьям в пределах своих полномочий рекомендовать медиацию, но стороны самостоятельно решают, стоит ли следовать рекомендации суда. Похожие положения содержит Гражданский процессуальный кодекс Англии, которым предусмотрено, что судья может поощрять стороны обратиться к процедуре медиации, однако не закреплена обязанность судьи исследовать обстоятельства каждого дела для того, чтобы оценить шансы на успешное разрешение спора с помощью медиации.

Во-вторых, в ряде стран (Австрии, Франции) государство возлагает на суды обязанность предоставления указаний по медиации сторонам и посреднику. Суды должны также определить, может ли быть решен спор между сторонами с помощью медиации. Вместе с тем суды не могут самостоятельно принимать решения о направлении сторон к медиации, а лишь уведомляют их о возможности разрешения спора таким путем. Например, во Франции суды должны лишь в общем информировать стороны о возможности разрешения спора с помощью медиации. Среди полномочий судов – проверка обстоятельств отдельных дел с целью решения вопроса о целесообразности применения медиации. Иногда суды используют эти полномочия и предоставляют соответствующие рекомендации сторонам. Вме-

сте с тем медиация не может начаться, если хотя бы одна из сторон не выразит согласия на это (принцип добровольности медиации).

В-третьих, полномочия суда по контролю за ходом медиации могут проявляться в праве давать указания по собственному усмотрению. Такой способ регулирования участия судебных органов в процедуре медиации характерен для Нидерландов. Указания суда являются рекомендательными, и поэтому окончательное решение об участии в медиации зависит лишь от сторон. Рекомендовать сторонам процедуру медиации могут и квалифицированные координаторы, работающие в судах в рамках программы (*Mediationandere Rechtshulp*), призванной способствовать распространению медиации. Медиационный координатор поддерживает как стороны, так и судей при направлении дела на медиацию, осуществляет функции контактного лица для сторон в течение всей процедуры медиации, а также налаживает контакты с медиаторами, если нужно. Такие мероприятия по распространению медиации в Нидерландах часто подвергаются критике в литературе, поскольку они требуют соответствующих затрат из государственного бюджета и не гарантируют отсутствия риска того, что на основании исследования материалов дела суды не всегда смогут установить реальные перспективы альтернативного разрешения спора.

Другой тип взаимосвязи судебного процесса и медиации – сочетание обязанности суда осуществлять контроль за ходом медиации и права суда направлять стороны к участию в медиации в императивном порядке. Такими полномочиями суд наделен, в частности, в Норвегии. При этом решение суда о необходимости участия сторон в медиации должно базироваться на соответствующих основаниях, свидетельствующих о том, что спор между сторонами может быть решен в процессе переговоров. Примером этого типа регулирования частично служит законодательство Федеративной Республики Германия. Хотя суды в этой стране не могут принудительно направлять стороны на

внесудебную медиацию, однако новые положения Гражданского процессуального кодекса позволяют направлять стороны на судебную медиацию в императивном порядке [4, p. 23].

Последний пример участия суда в процедуре медиации распространен в таких штатах, как Флорида и Техас. Он характеризуется тем, что суд может быть обязанным направлять стороны на медиацию в императивном порядке. Вместе с тем такая обязанность существует у суда лишь при рассмотрении определенных категорий споров. В частности, по законодательству штата Флорида, в делах о возмещении денежных убытков суд должен издать распоряжение об обязательном участии сторон в медиации, если одна из них предлагает такой способ решения спора и выражает согласие на возмещение расходов на медиацию. В Японии, если у сторон возник спор относительно изменения арендной платы за дом, перед подачей иска в суд они должны попытаться решить спор с помощью медиации [3, p. 70–71].

Независимо от характера участия суда в медиации, актуальным остается исследование критериев, на основании которых судья может предложить сторонам (на обязательных или добровольных началах) попытаться разрешить спор с помощью медиации. Этот вопрос отличается особой сложностью, учитывая разнообразие подходов, руководствуясь которыми судьи разных стран принимают решение о целесообразности участия сторон соответствующего спора в процедуре медиации. В частности, судьи могут учитывать критерии, определенные законодательными актами, судебной практикой, правовой доктриной и, наконец, полагаться на собственный опыт и интуицию. Чаще всего судьи по своему усмотрению решают вопрос о перспективности медиации по тому или иному делу. В таком случае определению общих критериев для обращения к медиации способствует анализ судебной практики. Например, Д. Спенсер составил перечень факторов, которые учитывали суды Австралии при решении вопроса о направлении сторон к участию в медиации на императивных началах. Исследо-

вания этого автора говорят о том, что суды рассматривали следующие вопросы:

– может ли принудительное участие в медиации быть невыгодным и неблагоприятным хотя бы для одной из сторон спора;

– может ли принудительная медиация вызвать затягивание времени, необходимого для решения спора;

– приведет ли участие сторон в процедуре медиации к чрезмерным дополнительным расходам для них;

– насколько бескомпромиссной является позиция сторон относительно результата, ожидаемого от решения спора;

– целесообразно ли участие сторон в обязательной медиации ввиду необходимости обеспечения справедливого, быстрого и недорогого решения спора;

– какова продолжительность рассмотрения судом соответствующего спора;

– какова предполагаемая продолжительность рассмотрения спора в судебном порядке;

– какова предполагаемая сумма расходов сторон, обусловленных рассмотрением спора в судебном порядке, при сравнении этой суммы с суммой расходов на медиацию;

– может ли по результатам процедуры медиации быть истребовано имущество (взысканы средства), если именно такое решение спора желательно для стороны (сторон) спора;

– существует ли факт выражения одной стороной спора желания оплатить расходы на медиацию другой стороны;

– каковы перспективы медиации, то есть прежде всего вероятность заключения сторонами соглашения о разрешении спора;

– существует ли желание сторон попытаться решить спор с помощью медиации;

– каковы риски, связанные с дальнейшим рассмотрением спора в судебном порядке;

– существует ли вероятность сужения предмета спора до продолжения судебного разбирательства в будущем, если медиация не завершится решением спора по существу.

Рассмотрение судьями приведенных выше вопросов предполагает не только рациональный анализ преимуществ и недостатков обращения к медиации по конкретному делу, но и учет позиции сторон, их потребностей во время процедуры решения спора. В Англии при решении вопроса о целесообразности обращения к медиации судьи зачастую учитывают ряд факторов: природу спора, обстоятельства дела, попытки решения спора с помощью других внесудебных процедур, сумму расходов на медиацию, перспективность процедуры медиации и др. [2, p. 159–161].

Национальная программа присудебной медиации в Нидерландах предусматривает, что процедура медиации приемлема практически для всех категорий дел, но не для всех сторон. Таким образом, в критериях для определения приемлемости медиации учтены в основном потребности сторон, а не природа спора. Соответственно, судьи, оценивая вероятную эффективность медиации в том или ином деле, в первую очередь обращают внимание на позицию сторон, их готовность к ведению переговоров, добросовестность, искреннее желание и мотивацию решить спор [5]. На подобные факторы указывает и Р. Греггер в докладе на тему судебной медиации в Баварских судах. Согласно результатам проведенного им исследования, чаще всего процедура медиации оказывалась эффективной для категорий дел по наследственным, семейным, коммерческим спорам, спорам между соседями и спорам относительно объектов строительства. Вместе с тем, по мнению, Г. Греггера эффективность медиации преимущественно обусловлена специфическими обстоятельствами каждого из этих дел, а не правовой категорией споров. Этим обстоятельствами стали, в частности, желание сторон получить такое разрешение спора, которое не может быть обретено в рамках судебного рассмотрения дела, потребность сторон в сохранении положительных личных или деловых отношений, особенность эмоционального элемента в соответствующих категориях споров [2, p. 167].

Таким образом, значение и влияние

того или иного критерия на решение судьи о направлении сторон к участию в медиации на практике зависит от обстоятельств дела. В любом случае наиболее эффективным способом оценки реальных шансов успешности процедуры медиации является сочетание нескольких соответствующих критериев.

Судебная медиация встречается гораздо реже, но в той или иной мере она распространена (например, в Болгарии, Англии, Германии, Канаде и Норвегии). По сути, такая модель медиации является интегрированной в судебный процесс и тесно связанной с судом как институтом. По общему правилу, при этой модели медиации судья должен оценить перспективы разрешения спора с помощью данной процедуры. Если такое решение будет оправданным, то судья, который должен рассматривать спор, может направить спор другому судье, который является медиатором и не будет участвовать в рассмотрении этого спора, если процедура медиации окажется неэффективной. В случае достижения сторонами консенсуса медиация завершается заключением соответствующего соглашения, которое утверждает судья. Такое соглашение, как правило, имеет юридическую силу судебного решения.

В Германии в течение длительного времени судебная медиация использовалась в рамках пилотных проектов. Вместе с тем практика решения споров посредством судебной медиации требовала возложения на судей дополнительных обязанностей, а значит, и дополнительной нагрузки на судебные органы в целом. Поэтому представители различных государственных органов часто не одобряли идею использования судебной медиации на постоянной основе. Такую позицию они объясняли тем, что судьи должны сосредоточить внимание на исследовании обстоятельств дела и разрешении спора самостоятельно, а выполнение ими функций, связанных с участием в медиации, этому не способствует. Судебную модель медиации критиковали и представители ассоциаций адвокатов, которые указывали, что частная медиация не сможет раз-

виваться, если суды и в дальнейшем будут предлагать бесплатную медиацию. Поддерживая эту мысль, отдельные авторы обращали внимание на то, что безвозмездная судебная медиация противоречит принципам справедливой конкуренции, поскольку, наряду с этой моделью разрешения споров, частная медиация становится невыгодной. В связи с этим в Германии введена судебная медиация в форме, несколько отличной от той, которая использовалась в рамках пилотных проектов. Так, с целью создания условий для развития частной медиации условия участия сторон в судебной медиации и характер функций судьи-медиатора изменены [4, р. 532–533].

Судебная модель медиации для разных категорий споров применяется и в провинции Квебек (Канада). Судебные органы Квебека разработали смешанную систему разрешения споров. Данная система предусматривает два способа разрешения спора, а именно: с помощью судебного решения или с помощью соглашения сторон, которое может стать результатом переговоров в рамках судебной медиации. Таким образом, особенность судебной медиации заключается в том, что она служит составной частью судопроизводства. Иными словами, указанная модель медиации не используется для того, чтобы избежать судебного рассмотрения дела, и не противопоставляется процедуре разрешения спора судьей [2, р. 108–110]. Судебная медиация – это возможность завершить судебный процесс скорее и уменьшить расходы, связанные с рассмотрением дела судом. Процедура судебной медиации может быть инициирована сторонами на любой стадии после начала рассмотрения дела судом. Кроме того, предложить попытаться решить спор с помощью судебной медиации может председательствующий судья. Но в таком случае обязательным условием для начала переговоров станет взаимное согласие на это сторон [4, р. 943–944].

В Норвегии судебные органы обязаны обеспечивать быстрое, бюджетное и эффективное разрешение споров между сторонами. Поэтому на каждом этапе судеб-

ного процесса судьи оценивают целесообразность участия сторон в судебной медиации. Такая оценка осуществляется с учетом позиции и пожеланий каждой из сторон, вероятности успешного исхода переговоров, баланса сил между сторонами (например, судьям не рекомендовано инициировать процедуру медиации, если только одна из сторон имеет адвоката) [4, р. 1145]. Следовательно, судебная медиация в Норвегии является интегрированной в судебный процесс, и так же, как и в провинции Квебек, она не используется сторонами с целью избежать участия в судебном разбирательстве.

Вместе с тем в юридической литературе судебная модель медиации нередко подвергается критике. В частности, предметом дискуссий стал вопрос выполнения судьей функций посредника во время участия в медиации. В законодательных актах многих стран медиация определена как внесудебная процедура. На то, что медиация по своей природе является внесудебной процедурой, часто указывают и ученые, занимающиеся исследованием проблем альтернативного разрешения споров (далее – АРС). Соответственно, именно этот тезис становится основой для сомнений в допустимости сочетания работниками суда полномочий судьи и полномочий медиатора при выполнении профессиональных обязанностей.

Ряд авторов пишут о том, что статус и полномочия судьи, как правило, определены на конституционном уровне, имеют официальный характер и не выходят за пределы правосудия, а значит, участие во внесудебной процедуре медиации в качестве посредника может рассматриваться как внесудебная деятельность судьи. Вместе с тем в зарубежной судебной практике участие судьи во внесудебной процедуре разрешения спора признается допустимой, но при условии, что судья должен поддерживать стандарты правосудия и действовать с учетом своих конституционных обязанностей [2, р. 142–143]. В этом контексте Д. Спигельман обратил внимание на разницу между посредническими и судебскими функциями, важность ее учета, а также важность надле-

жащего информирования общества о роли судей в случае участия в альтернативных судебному рассмотрению спора процедурах (в частности, в судебной медиации) [2, р. 146]. Выполняя функции медиатора с учетом своего официального статуса, судья должен учитывать и специфические требования, которые предъявляются к личности посредника и могут не всегда быть согласованными с общепринятыми правилами осуществления правосудия. Например, в отличие от судьи, медиатор имеет право проводить встречи с каждой из сторон для выяснения их позиции без обязательного присутствия другой стороны.

Кроме того, выполнение судьями функций посредника при участии в судебной медиации в определенной степени противоречит одной из главных задач медиации, заключающейся в уменьшении нагрузки на судебные органы. Как неоднократно указано в разнообразной литературе, движущей силой для развития медиации в США в 60–70 гг. XX в. стал кризис правосудия. Рост количества споров, которые поступали в суд, негативно отражался на скорости и качестве процесса рассмотрения дела. Благодаря медиации, значительную часть споров, которые должны были быть рассмотрены судьями, стороны решали самостоятельно (при содействии медиатора) в рамках альтернативной процедуры разрешения споров. Это, безусловно, способствовало уменьшению нагрузки на судебные органы в целом и на каждого судью непосредственно. Однако с развитием судебной медиации, помимо споров, которые судья должен был рассмотреть в судебном порядке, необходимо было рассматривать споры, в решении которых судья должен был оказывать содействие сторонам во время переговоров. Работа судей также стала сложнее, поскольку качественное выполнение медиатором своих обязанностей требует тщательной предварительной подготовки, особых психологических знаний и навыков, др. Следует учитывать, что сегодня проблемы, связанные с избыточным количеством дел, поступающих в суд, и (или) нехваткой времени и кадров для обеспечения быстрого рассмотрения

споров, отсутствуют во многих странах. Это обусловлено как спецификой правовой системы, так и экономическими, социальными факторами.

Оценивая допустимость выполнения судьей функций медиатора, ученые также обращают внимание на риск проявления судебного принуждения. Например, по мнению Л. Стрита, судьи имеют значительный авторитет в пределах судебной системы. В связи с этим во время участия в судебной медиации стороны всегда могут попасть под влияние судебного принуждения и в конечном итоге не получить ожидаемого результата переговоров [6, р. 794–796]. Таким образом, действие фундаментального принципа АРС – принципа автономии сторон, может быть ограничено. Кроме того, иммунитет судьи может препятствовать объективной оценке выполнения судьей функций медиатора в случае поступления от стороны (сторон) жалобы о вероятном давлении со стороны судьи [2, р. 145]. Однако в некоторых странах (например, США) своеобразная форма судебного принуждения в отношении сторон, участвовавших в медиации, все-таки признана приемлемой. Такое принуждение выражено в предоставлении судьей-медиатору полномочия инициировать принудительное исполнение соглашения о разрешении спора, заключенного после завершения переговоров при посредничестве этого судьи [2, р. 147]. Но нельзя не учитывать то обстоятельство, что соответствующее полномочие судьи-медиатора реализуется после завершения процедуры медиации. Следовательно, фактически ход переговоров зависит только от воли сторон, и на этом этапе судья не прибегает к мерам судебного влияния.

Несмотря на упомянутые дискуссии, на практике посредником, который способствует разрешению спора между сторонами в рамках судебной медиации, зачастую становится именно судья (в отдельных юрисдикциях посредником в судебной медиации может быть работник суда, который, однако, не осуществляет рассмотрения споров в судебном порядке [2, р. 143]). Гарантией беспристрастности и непредвзятости судьи в таких случаях

служит правило, согласно которому судья, который был посредником во время медиации, не может в будущем рассматривать спор между сторонами, если медиация не завершится разрешением спора.

Таким образом, как свидетельствует опыт зарубежных стран, наиболее оптимальным вариантом для успешного внедрения и применения медиации в качестве способа разрешения различных категорий споров является поддержка развития не только судебной, но и частной медиации. Подводя итог, дополним, что в мировой практике существуют различные традиции применения медиации. Для большинства стран характерной является поддержка различных моделей (частной, при-судебной, судебной) процедуры разрешения спора. Данный подход эффективен, поскольку помогает избежать монополии только одной модели медиации (например, в случае применения ее исключительно в рамках деятельности юрисдикционных органов). Кроме того, наличие различных альтернатив при избрании сторонами медиации как способа разрешения их спора способствует росту доверия к этой процедуре и росту вероятности того, что выбор сторон окажется успешным.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Загайнова С.К.* О комплексном подходе к развитию медиации в России // Закон. 2012. № 3. С. 51–56.
2. *Alexander N.M.* International and comparative mediation: Legal perspectives. Netherlands: Kluwer Law International, 2009. 536 p.
3. *Bialecki M.* Mediacja w postępowaniu cywilnym. Warszawa: Wolters Kluwer SA, 2012. 284 s.
4. Mediation. Principles and Regulation in Comparative Perspective / eds. K.J. Hoop, F. Steffek. UK: Oxford University Press, 2013. 1348 p.
5. *Niemeijer B., Pel M.* Court-based mediation in the Netherlands: research, evaluation and future expectations // Penn State law review. 2005. Vol. 110. № 2. P. 345–379.
6. *Street L.* Mediation and the judicial institution // Australian law journal. 1997. Vol. 71. P. 794–810.

С.М. Оганесян, А.С. Воробьев
ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ОТНОШЕНИЙ,
ВОЗНИКАЮЩИХ ИЗ ДОГОВОРОВ КУПЛИ-ПРОДАЖИ,
ЗАКЛЮЧЕННЫХ ДИСТАНЦИОННО

Степан Мхитарович Оганесян – профессор кафедры государственно-правовых дисциплин, Государственный институт экономики, финансов, права и технологий, доктор юридических наук, доцент, г. Гатчина; **e-mail: stepan-62.11.11@mail.ru.**

Алексей Сергеевич Воробьев – старший юрист-консульт, ООО «Константа», г. Иваново; **e-mail: alekseyvorobyev@gmail.com.**

В условиях распространения цифровых технологий проблематика дистанционного заключения договоров купли-продажи выходит на новый уровень. В статье проанализирована правовая сущность отношений, вытекающих из договоров купли-продажи, заключенных дистанционно. Раскрыты проблемы правоотношений, связанных с заключением и исполнением дистанционного договора купли-продажи.

Ключевые слова: договор; продавец; акцепт; публичная оферта; купля-продажа; маркетплейс; агрегатор; дистанционные продажи.

S.M. Oganesyana, A.S. Vorobyev
ON LEGAL NATURE OF RELATIONS ARISING FROM PURCHASE
AND SALE AGREEMENTS CONCLUDED REMOTELY

Stepan Oganesyana – Professor, the Department of State Law Disciplines, State Institute of Economics, Finance, Law and Technology, Doctor of Law, Associate Professor, Gatchina; **e-mail: stepan-62.11.11@mail.ru.**

Aleksey Vorobyev – Senior Legal Adviser, ООО Konstanta, Ivanovo; **e-mail: alekseyvorobyev@gmail.com.**

In the context of the spread of digital technologies, the issue of remote conclusion of purchase and sale agreements is reaching a new level. The article analyzes the legal essence of the relations arising from the purchase and sale agreements concluded remotely. The problems of legal relations related to the conclusion and execution of a remote purchase and sale agreement are analyzed.

Keywords: contract; seller; acceptance; public offer; purchase and sale; marketplace; aggregator; remote sales.

В современном мире расширение географии товарного предложения играет важную роль в развитии коммерческих отношений. Интернет-торговля позволяет преодолевать географические и территориальные ограничения, делая процесс покупки быстрым и удобным для потенциальных клиентов. Глобальная сеть Интернет предоставляет возможности поиска товаров не только для удовлетворения личных потребностей, но и для использо-

вания в коммерческих целях, значительно расширяет выбор и диапазон доступных товаров, что может привести к повышению конкурентоспособности бизнеса и росту прибыли. Более того, интернет-технологии позволяют предпринимателям быстро, легко найти товары в мире и связаться с поставщиками для заключения выгодных сделок.

В 2021 г. интернет-торговля продолжила свой рост, обусловленный измене-

нием поведения потребителей в связи с пандемией коронавирусной инфекции COVID-19. По данным статистических исследований, объем мировой интернет-торговли в 2021 г. достиг \$4,9 трлн, что на 27,6% больше, чем в предыдущем году. Особенно быстрый рост зарегистрирован в секторах электроники, мебели, продуктов питания, здоровья и красоты. Наблюдается увеличение доли мобильной коммерции, которая в 2021 г. составила около 73% от общего объема интернет-торговли. Спрос на онлайн-шопинг продолжает расти в мире, и в ближайшие годы интернет-торговля, вероятно, расширит границы, станет еще более значимым сектором в экономике.

Примером трансграничной дистанционной торговли товарами служит деятельность компании *Amazon*, которая не уделяла внимания вопросам организации физического пространства магазинов, делая ставку на технологии коммуникаций, автоматизации продаж и координации логистики между производителем и целевой аудиторией. Такой подход в значительной степени способствует снижению стоимости товара. В России онлайн-продажи через маркетплейсы растут быстрыми темпами. Философия маркетплейсов основана на идее создания ценности через эффект сети. Чем больше покупателей и продавцов присоединяются к маркетплейсу, тем больше ценность платформы для всех участников. Это связано с тем, что, чем больше маркетплейс, тем более широкий выбор доступных товаров и услуг. Это привлекает еще больше покупателей и продавцов. Маркетплейс получает выгоду от этого, благодаря возрастающему объему транзакций и комиссии на каждую сделку.

Прослеживаемые тенденции в цифровизации экономики обуславливают стремительное развитие и последующее внедрение дистанционных форм продаж товаров и услуг. Внедрение нового способа заключения договора потребовало выработки новых форм и способов правового регулирования. На современном этапе выработан правовой механизм регулирования отношений, возникающих между

продавцом и покупателем при дистанционном заключении договоров подобного типа. Анализ судебной практики показывает, что заключение такого рода сделок не лишено проблем, решение которых связано с дальнейшим развитием российского законодательства [1].

Актуальность рассматриваемой в статье темы определена необходимостью научного осмысления правовой природы отношений, возникающих при дистанционном заключении договора купли-продажи. Анализ действующего гражданского законодательства и обращение к научной литературе говорит о том, что выбор формы договора купли-продажи во многом зависит от его предмета, цены товара и состава субъектов. Законодатель определил, что форма договора должна отвечать требованиям, предъявляемым к формам сделок, если действующим законодательством или сторонами договора купли-продажи не определены другие условия и требования, в том числе специальные, имеющие отношение к форме договора.

Дистанционную форму хозяйственной деятельности отличает ряд специфических особенностей: во-первых, получение информации о продаваемых товарах в устной либо письменной форме; во-вторых, осуществление сделки на расстоянии. Дистанционную торговлю исследователи характеризуют как особую форму продвижения товаров посредством применения коммуникаций, рекламы и интернета. В дистанционных правоотношениях стороны договора купли-продажи отделяют расстояния, а их волеизъявление не возникает последовательно одно за другим и, в зависимости от способа дистанционного взаимодействия, растягивается во времени. К тому же контрагент, продающий товар, не уверен в личности покупателя, поскольку он его не может увидеть, а покупающий контрагент не может судить о качестве товара, знать о его особенностях до момента доставки. Принятие решения о покупке часто зависит от рекламы либо отзыва на сайте о продукте.

Согласно общему правилу, заключе-

ние договора купли-продажи признают в момент получения акцепта лицом, направившим оферту. Российское гражданское законодательство устанавливает, что для заключения дистанционного договора купли-продажи достаточно публичной оферты, предполагающей выставление товара в каталогах на сайте (за исключением выставленных не для продажи товаров), либо рекламы, каталогов с описанием товаров, указанием цен, демонстрируемых определенному кругу лиц. В качестве акцепта законодатель признает ответ лица, получившего оферту, о ее принятии. Таким образом, на законодательном уровне форма договора связана с моментом его заключения посредством выдачи электронного либо иного документа, удостоверяющего оплату товаров или услуг. Согласно постановлению Правительства Российской Федерации № 2463 дистанционный договор купли-продажи признают заключенным, если продавец получает сообщение потребителя с намерениями о заключении такого договора [4]. На практике определение момента заключения дистанционного договора купли-продажи вызывает сложности. Существенным для договоров такого типа является условие, характеризующее способы доставки купленного товара. Особенность правоотношений при дистанционном заключении договора купли-продажи заключается в том, что не все виды товаров можно получить сразу после совершения покупки. Гражданский кодекс (ГК) РФ устанавливает важность соблюдения продавцом условий, определяющих место и способы получения приобретенных товаров.

Вопросы правовой природы отношений, возникающих в ходе заключения дистанционных договоров купли-продажи, находятся в фокусе внимания ряда исследователей (В.Д. Каткова, М.И. Брагинского, В.В. Витрянского и др.). В своем исследовании В.Д. Катков обращает внимание на тот факт, что законность заключения таких договоров на основе анализа норм права и сложившейся практики заключения подобных договоров. Дистанционно заключенные договоры приравниваются к договорам между присутствующими

лицами. При этом автоматизированную систему приема и обработки заказов отличает сложная система правоотношений.

В контексте правовой сущности правоотношений, возникающих после заключения дистанционного договора купли-продажи, М.И. Брагинский и В.В. Витрянский пишут о том, что специфика таких правоотношений определена признанием сторонами договора существования соглашения о том, что их отношения подчинены нормам регуляторов в форме обычаев и устоявшихся практик, если не предусмотрены иные условия и обстоятельства.

Основная проблематика дистанционного заключения договоров купли-продажи выражена в следующих аспектах:

1. Идентификация сторон – при заключении договора купли-продажи в дистанционной форме не просто установить подлинную личность участников сделки. Это может создать проблемы в случае возникновения споров между сторонами или при необходимости исполнения договора.

2. Подтверждение воли – при заключении договора дистанционно стороны не могут идентифицировать друг друга и не имеют возможности проверить подлинность подписей. Это может привести к тому, что стороны не будут уверены, что договор заключен в своей воле и не был искажен.

3. Трудности при доставке товара – в дистанционной форме договора купли-продажи стороны часто находятся в разных регионах или даже странах. Это может привести к трудностям при доставке товара, так как могут возникнуть проблемы с таможенным регулированием, оплатой доставки или различиями в законодательстве о защите прав потребителей.

4. Конфиденциальность данных – при онлайн-покупках потребители обычно предоставляют личные данные, такие как номер кредитной карты или адрес электронной почты. Если такие данные окажутся у злоумышленников, это может привести к краже личных средств или нежелательной рекламе.

5. Эффективные механизмы и норма-

тивные процедуры, защищающие потребителей (слабую сторону в договоре).

Указанные проблемы часто находят отражение в практике у апелляционных судов [3].

Во время дистанционного взаимодействия продавца и покупателя, возникающего при заключении договора купли-продажи, появляется ряд проблемных ситуаций. Одна из них связана с юридическим признанием документов, которыми стороны обмениваются в интернет-пространстве [5, с. 1097]. В подобных ситуациях обычно отсутствует подпись лиц, выступающих сторонами договора, то есть обязательный элемент, наличие которой удостоверяет факт добровольности и готовности к выполнению всех условий, прописанных в договоре. Как правило, данный тип договора отличает большая детализация положений.

Сложными для правового регулирования являются правоотношения и взаимодействия между маркетплейсами, продавцами и покупателями. Понятие маркетплейса отсутствует в действующем законодательстве РФ. По своей природе маркетплейс представляет собой платформу, на которой покупатели и продавцы встречаются, чтобы обмениваться товарами или услугами. Маркетплейс выступает в роли посредника, облегчая транзакции и обрабатывая финансовые аспекты обмена.

При совершении дистанционной покупки на маркетплейсе агрегатор и его владельцы не являются сторонами дистанционного договора купли-продажи. Чтобы система эффективно работала, продавец должен заключить с маркетплейсом агентский договор, договор об оказании услуг, договор поставки, лицензионный договор, которые и будут определять возникающие между ними правоотношения. Отдельно заключают договор об услуге доставки между покупателем и маркетплейсом. Если маркетплейс продает дистанционно товар, то он становится стороной договора купли-продажи, заключенного дистанционно. Закон РФ от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей» предусматривает, что при

организации дистанционной торговли владельцы агрегатора (маркетплейса) обязаны размещать достоверную информацию о товарах и продавцах для покупателей и надзорных ведомств. Но при этом агрегатор не несет ответственности за причиненные убытки по вине продавца.

Следует признать, что на современном этапе в системе дистанционной торговли маркетплейсы несут не в полной мере ответственность. Анализ судебной практики свидетельствует о том, что при выборе услуг маркетплейса либо иного агрегатора потребители полагаются на их репутацию в процессе заключения дистанционного договора купли-продажи. При выборе товара или услуги на сайте либо в мобильном приложении потребители принимают решение о совершении дистанционной покупки, руководствуясь личным отношением к маркетплейсу (агрегатору) и представлением о его репутации, условиях доставки и т.п. К тому же именно маркетплейсы определяют, с какими продавцами они будут сотрудничать, а значит, должны нести за них ответственность и контролировать отношения, связанные с заключением и исполнением договоров купли-продажи, заключенных дистанционно.

Сложным в теории и практике можно признать вопрос об определении намерения потребителя совершить дистанционную покупку. Законодатель не определяет сообщение потребителя для продавца о таком намерении, как момент заключения договора. К примеру, добавление покупателем товара в корзину как конклюдентное действие нельзя однозначно оценивать: во-первых, он может его купить; во-вторых, удалить из корзины; в-третьих, добавить в корзину и других действий далее не совершать. В свою очередь, пока товар находится на складе, публичная оферта действует. Нахождение товара в электронной корзине не означает, что этот товар зарезервирован, то есть в любой момент его могут купить другие покупатели. Соответственно, добавление товара в корзину не следует трактовать как заключение дистанционного договора купли-продажи, как и момент заполнения по-

купателем формы с персональными данными. Лишь нажатие кнопки «купить» и совершение оплаты будет свидетельствовать о заключении такого договора [2, с. 29].

Подводя итог, обратим внимание на перспективы совершенствования регулирования правоотношений, возникающих при заключении дистанционных договоров купли-продажи. В частности, речь идет о преодолении таких проблемных ситуаций, как определение момента заключения договоров, идентификация покупателей и порядок возврата приобретенных дистанционно товаров ненадлежащего качества.

На дистанционную торговлю распространяются принципы регулирования, характерные и для иных правоотношений. Существенным условием дистанционного договора розничной купли-продажи выступает условие о доставке товара. Однако регулирование правоотношений относится лишь к розничной купле-продаже, но не распространяется на другие виды деятельности, связанные с дистанционной торговлей (сотрудничество по агентскому договору, лицензирование, услуги поставки, складской логистики и др.). Регулирование дистанционной торговли товарами и услугами маркетплейсов и продавцов характеризуется как фрагментарное. На правоотношения в сфере дистанционной купли-продажи существенное влияние оказывает интернет: процесс купли-продажи в значительной степени ускоряется, но возможность получить купленный товар отдалается во времени, как и момент перехода прав собственности на приобретенный дистанционно товар. Такова в исходном виде сущность правоотношений, вытекающих из договора купли-продажи, заключенного дистанционно.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белов В.А. Дистанционная торговля: обзор судебной практики за 2020 год // Юрист компании. 2020. 8 августа. URL: <https://www.law.ru/article/26846-distantionnaya-torgovlya-obzor-sudebnoy-praktiki-za-2020-god> (дата обращения: 04.03.2023).

2. Киселева Л.Ю. Интернет-торговля и особенности ее правового регулирования // Научные записки молодых исследователей. 2021. № 3. С. 22–32.

3. Постановление Первого арбитражного апелляционного суда от 5 сентября 2011 г. по делу № А43-505/2011 // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=RAPS001&n=13236#K0JMdXTgtYz6hCo01> (дата обращения: 04.04.2023).

4. Об утверждении Правил продажи товаров по договору розничной купли-продажи, перечня товаров длительного пользования, на которые не распространяется требование потребителя о безвозмездном предоставлении ему товара, обладающего этими же основными потребительскими свойствами, на период ремонта или замены такого товара, и перечня непродовольственных товаров надлежащего качества, не подлежащих обмену, а также о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации: постановление Правительства РФ от 31 декабря 2020 г. № 2463 // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_373622/ (дата обращения: 04.04.2023).

5. Шалайкин Р.Н., Бородаенко Н.В. К вопросу о правовой природе договора дистанционной купли-продажи товаров // StudNet. 2021. Т. 4. № 7. С. 1093–1099.

Н.Н. Ткачева

СПЕЦИФИКА РАССМОТРЕНИЯ СПОРОВ, СВЯЗАННЫХ С КРИПТОВАЛЮТОЙ В ИСКОВОМ ПРОИЗВОДСТВЕ В УСЛОВИЯХ СУВЕРЕНИЗАЦИИ НАЦИОНАЛЬНОГО ПРАВОВОГО ПРОСТРАНСТВА

Наталья Николаевна Ткачева – доцент кафедры гражданского процесса, Саратовская государственная академия права, кандидат юридических наук, доцент, г. Саратов; **e-mail: nntkachewa@yandex.ru.**

Рассмотрены проблемы судебной защиты споров, вытекающих из сделок, связанных с криптовалютой, в современных условиях развития России: идентификации ее как независимого, самостоятельного государства в мировом сообществе, суверенизации национального права, развития цифровой экономики, а также отстаивания и защиты интересов граждан и других субъектов, как внутри страны, так и за ее пределами. Выявлены особенности рассмотрения гражданских дел, предметом которых выступает криптовалюта, а также ряд проблем правоприменения. На основе норм действующего законодательства, а также анализа судебной практики автором сделан вывод о том, что сегодня в Российской Федерации правотворчество не успевает за развитием правоотношений в области современной цифровой экономики. Это порождает негативные результаты для участников таких правоотношений в виде неполучения судебной защиты, гарантированной Конституцией РФ.

Ключевые слова: судебная защита; гражданское судопроизводство; исковое производство; процессуальные особенности; криптовалюта; суверенитет России; цифровая экономика.

N.N. Tkacheva

SPECIFIC FEATURES OF TREATING DISPUTES RELATED TO CRYPTOCURRENCIES IN ACTION PROCEEDINGS UNDER SOVEREIGNIZATION OF NATIONAL LEGAL FRAMEWORK

Natalia Tkacheva – senior lecturer, the Department of Civil Procedure, Saratov State Academy of Law, PhD in Law, associate professor, Saratov; **e-mail: nntkachewa@yandex.ru**

We consider issues of judicial protection of disputes arising from transactions related to cryptocurrency in the modern conditions of Russia's development, its identification as an independent state in international community, the sovereignization of national law, digital economy development as well as protecting the interests of citizens and other subjects, both inside and outside the country. We reveal specific characteristics of treating civil cases related to cryptocurrencies and look at certain problems of law enforcement. On the basis of the current legislation and the analysis of judicial practice we make a conclusion that today in the Russian Federation law-making lags behind the development of legal relations in modern digital economy, which negatively affects the participants of the relations in question depriving them of judicial protection guaranteed by the Constitution of the Russian Federation.

Keywords: judicial protection; civil proceedings; action proceedings; procedural features; cryptocurrency; sovereignty of Russia; digital economy.

Новые цифровые технологии (искусственный интеллект, робототехника, интернет вещей, технология беспроводной связи и ряд других) ввиду масштабов и глубины, влияния их на все сферы общественной жизни получили наименование «сквозных» [15, с. 4]. Внедрение и использование цифровых продуктов в экономике, социальной среде, медицине, в том числе и при отправлении правосудия, свидетельствуют о неизбежности развития данного процесса, его постоянного совершенствования и необходимости глобального, иного подхода к формированию новой правовой среды для цифровизации, позволяющей эффективно и законно осуществлять судебную защиту нарушенных прав.

При создании новых правовых конструкций перед законодателем возникает важная задача: учитывать векторы государственной правовой политики, направленной на укрепление независимости Российской Федерации, сохранение ее самобытности. Россия стремится сохранить фундаментальные ценности и принципы, на которых базируется единство российского общества, обеспечить дальнейшее развитие страны как социального государства, гарантирующего защиту прав и свобод человека [4].

В сложившихся условиях, к сожалению, материальное право не успевает развиваться вслед за стремительным введением продуктов цифровой экономики в общественные отношения (например, криптовалюты, представляющей собой концептуально новую альтернативу традиционным платежным единицам) [8, с. 143]. Вместе с тем правоотношения, связанные с созданием, приобретением и оборотом криптовалюты, уже существуют и нуждаются в правовом регулировании и защите.

В Гагаринский районный суд города Москвы обратился Т. с иском к К. о взыскании задолженности по договору беспроцентного займа в размере 260 000 долл. США и 68 биткоинов (BTC), процентов за пользование чужими денежными средствами, государственной пошлины. Суд удовлетворил требования истца о

взыскании денежных средств в размере 260 000 долл. США, но в остальной части задолженности отказал, указав, что основания для удовлетворения требований о взыскании 68 биткоинов (BTC) отсутствуют. Гражданско-правовые отношения между истцом и ответчиком возникли до принятия Федерального закона от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – ФЗ № 259) [1]. В связи с этим суд при принятии решения руководствовался положениями закона, действовавшими в момент заключения договора займа. В спорный период понятие криптовалюты, правовой статус, требования к порядку ее обращения, обороту действующим законодательством не были определены [13]. Банк России в 2017 г. указал, что большинство операций с криптовалютами совершают вне правового регулирования как Российской Федерации, так и большинства других государств. Криптовалюты не гарантируются и не обеспечиваются Банком России, а в случае нарушения прав потребителей финансовых услуг их невозможно будет защитить [11]. Согласно ст. 27 Федерального закона от 10 июля 2002 г. № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» [2] официальной денежной единицей (валютой) РФ является рубль. Введение других денежных единиц и выпуск денежных суррогатов запрещены.

Анализируя приведенный выше пример в материально-правовом аспекте и с процессуальной точки зрения, можно заключить, что неурегулирование вопросов материального права, связанных с криптовалютой на законодательном уровне, обусловило предъявление истцом требований, часть из которых заведомо не могла быть удовлетворена судом. В итоге лицо было лишено получения судебной защиты нарушенного права установленным законом способом.

1 января 2021 г. вступил в силу ФЗ № 259. Но, несмотря на то, что данный закон содержит понятия «цифровая валюта» (ч. 3 ст. 1) и «цифровые финансовые

активы» (ч. 2 ст. 1), его положения не раскрывают критерии отнесения цифровой валюты к таковой, не устанавливают виды, классификацию валют, не определяют правила выпуска и обращения цифровой валюты [16], а некоторые положения прямо ограничивают использование последней (ч. 5 ст. 14). В процессе анализа правового регулирования криптовалюты в России выявлены правовые проблемы, возникающие в различных областях, в частности в налоговой сфере, при осуществлении предпринимательской деятельности из-за отсутствия правового понятия «цифровой токен» [5, с. 34]. Отдельные вопросы возникают и при наследовании цифровых прав, к которым относятся объекты, указанные в ст. 141.1 Гражданского кодекса (ГК) РФ, а также аккаунты в социальной сети, криптовалюта [6, с. 55].

Наличие правовой неопределенности и проблем правоприменения в контексте вопроса об использовании криптовалюты порождает на практике случаи, прикрывающие или обходящие различные операции с цифровыми валютами. Так, Р. обратился в суд с иском к П. и А., с требованием о взыскании солидарно с ответчиков задолженности по договору беспроцентного займа, неустойки за определенный период и расходов по уплате госпошлины. В свою очередь, ответчики предъявили встречный иск к Р. о признании сделок ничтожными по основаниям, предусмотренным ч. 2 ст. 170 ГК РФ, как притворных сделок (договора беспроцентного займа и соглашения о передаче на хранение), которые по факту прикрывали инвестиционную сделку по приобретению Р. криптовалюты проекта *safecalls.io*.

Встречные требования были мотивированы тем, что ответчики должны помочь Р. вложить (инвестировать) денежные средства на стадии *IEO* (*Initial Exchange Offering*, то есть речь идет о форме привлечения инвестиций в виде выпуска и продажи инвесторам новых криптовалют/токенов) в проект *safecalls.io* с целью получения Р. повышенной доходности по результатам выхода криптовалюты проекта *safecalls.io* на биржу *Huobi*.

Гарантией инвестиционной сделки было заключение Р. договора с компанией *xTeam OU* (*token sale agreement*), с участием поручителей третьих лиц, супруги Р., а также дополнительного заключения договора беспроцентного займа и оформления расписки в получении денежных средств. В результате сделки на электронный кошелек Р. переведена криптовалюта проекта *safecalls.io* в размере, равном сумме инвестиций, и он получил исполнение (криптовалюту) в рамках прикрываемой инвестиционной сделки. Суд удовлетворил требования Р., отказав П. и А. в удовлетворении встречного требования, поскольку в суд не представлено доказательств для признания договора займа притворным.

Как справедливо писал Н.И. Ткачев, общая (перспективная) цель вынесения судебного постановления достигается путем правового упорядочивания отношений и, как следствие, приводит к укреплению законности и правопорядка в государстве [14, с. 10]. В анализируемом примере на первый взгляд становится понятным, какие правоотношения возникли между субъектами. Но при более детальном изучении очевидны некоторые противоречия и несогласованность. Суд в решении использовал терминологию, указанную в договоре хранения «скриншотами биржевых торгов, а также ссылку на транзакцию в блокчейне на кошелек владельца» и договоре купли-продажи биткоинов «*IBS* является функциональным токеном платформы, дающим право на покупку услуг, которые будут разработаны компанией»). Однако в судебном постановлении отсутствуют ссылки на нормы права, регулирующие описываемые правоотношения и раскрывающие понятия используемых терминов. Для того, чтобы суд мог вынести законное и обоснованное решение, необходимо понимать, о чем идет речь в договоре, что служит его предметом. Установление фактических обстоятельств дела — это процесс познания объективной действительности, в результате которого суд определяет совокупность искомых юридических фактов, исходя из гипотезы ма-

териально-правовой нормы, регулирующей спорное правоотношение [9, с. 38–39]. В рассматриваемом случае в судебном решении такая норма не указана. Соответственно, каким образом суд определил сущность спорных правоотношений, в частности тех, которые описаны во встречном исковом требовании, установить не представляется возможным.

Кроме того, в тексте решения использованы иностранные слова без перевода. Это не отвечает требованиям ч. 1 ст. 9 Гражданского процессуального кодекса (ГПК) РФ, согласно которой гражданское судопроизводство осуществляется на русском языке – государственном языке РФ или на государственном языке республики, которая входит в состав РФ. Решение суда должно быть изложено на русском языке, а использование иностранных слов без перевода делает недоступным для понимания текст судебного постановления для граждан и является прямым нарушением принципа гласности.

28 февраля 2023 г. принят Федеральный закон № 52-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон "О государственном языке Российской Федерации"», согласно которому недопустимым признано употребление слов и выражений, не соответствующих нормам современного русского литературного языка, за исключением не имеющих общеупотребительных аналогов иностранных слов, перечень которых содержится в нормативных словарях [3]. Таким образом, использование в судебном постановлении иностранных слов без перевода представляется недопустимым, нарушающим права как лиц участвующих в деле, так и иных лиц, обладающих правом знакомиться с судебными актами, размещенными в открытом доступе, на официальных сайтах судов.

Особенность рассмотрения и разрешения гражданских дел, связанных с обращением криптовалюты, в первую очередь заключается в их экономической составляющей, а также специфических терминах, которые должен знать судья, в производстве которого находится гражданское дело. Проблема видится в том, что в настоящее время в России отсут-

ствует правовое регулирование операций, связанных с криптовалютой, то есть отсутствуют нормы права, определяющие порядок платежей, осуществляемых в «виртуальной валюте», на торговых интернет-площадках, биткоин-биржах и т.д. Все операции, связанные с перечислением биткоинов, а также иные действия, совершаемые с криптовалютой, как становится очевидным из рассматриваемых выше примеров из правоприменительной деятельности, производятся их владельцами на свой страх и риск. Изложенное выше, а также анонимный характер деятельности по выпуску «виртуальных валют» неограниченным кругом субъектов влечет создание нелегальных «серых» схем использования криптовалюты, как средства платежа для совершения операций гражданами и юридическими лицами, которые могут быть, в том числе непреднамеренно, вовлечены в противоправную деятельность, включая легализацию (отмывание) доходов, полученных преступным путем, и финансирование терроризма. Отсутствие законодательного регулирования не может положительно отражаться на защите нарушенного права или охраняемого законом интереса, что является нарушением гарантий судебной защиты, предусмотренной ст. 46 Конституции РФ.

6 марта 2023г. о необходимости формирования нормативно-правовой базы страны для криптовалют и связанных с ними технологий заявили Российская ассоциация криптоэкономики, искусственного интеллекта и блокчейна (РАКИБ) и Ассоциация российских разработчиков программного обеспечения (Руссофт), которые призвали Президента РФ В.В. Путина поддержать криптообщество. Организации предложили пилотный проект по внедрению цифровых финансовых технологий, в том числе в трансграничных платежах, актуальных для России в условиях санкций, что, в свою очередь, может позволить РФ избежать отставания экономики и финансовых убытков для страны [10].

В настоящее время разработкой законопроектов, регулирующих криптопро-

странство, озадачены многие государства. Ожидается, что в начале 2023 г. Европейский союз (ЕС) примет базовую основу для регулирования криптоактивов – *MiCA* [12], то есть закон о рынках криптоактивов, что позволит сформировать новую среду крипторынка для участников ЕС. Как утверждают эксперты, текст закона является технически сложным и объемным, а процесс его перевода на 24 языка стран-участников неизбежно затянется. С учетом этого новые правила, изложенные в *MiCA*, вступят в силу не ранее февраля 2024 г. [7].

Таким образом, представляется своевременным и необходимым в условиях суверенизации национального правового пространства, защиты национальных ценностей принятие федерального закона, регулирующего правоотношения, связанные с криптовалютой, ее выпуском, обращением и другими операциями на территории РФ, с учетом постоянного возникновения новых видов цифровой валюты в результате инноваций и развития современных технологий. Законодательное урегулирование обращения цифровой валюты, а также иных объектов, используемых в криптопространстве, позволит всем субъектам рассматриваемых правоотношений эффективно и своевременно реализовывать гарантированное Конституцией РФ право на судебную защиту прав и законных интересов в случае их нарушения или оспаривания в исковом производстве.

ЛИТЕРАТУРА

1. О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ (с изм. и доп., вступ. в силу с 11 января 2023 г.) // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358753/?ysclid=lh7zvif5t37156529 (дата обращения: 04.05.2023).

2. О Центральном банке Российской Федерации (Банке России): федер. закон от 10 июля 2002 г. № 86-ФЗ // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/document/>

[cons_doc_LAW_37570/?ysclid=lh88e7g3u878414729](https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37570/?ysclid=lh88e7g3u878414729) (дата обращения: 11.05.2023).

3. О внесении изменений в Федеральный закон «О государственном языке Российской Федерации»: федер. закон от 28 февраля 2023 г. № 52-ФЗ // Гарант.ру: информационно-правовой портал. URL: <https://base.garant.ru/406455507/?ysclid=lh8dmc3ss213669742> (дата обращения: 13.05.2023).

4. О внесении изменений в Основы государственной культурной политики, утвержденные Указом Президента Российской Федерации от 24 декабря 2014г. №808: указ Президента РФ от 25 января 2023 г. № 35 // Гарант.ру: информационно-правовой портал. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/406130451/?ysclid=lh7wukr3n849598232> (дата обращения: 22.04.2023).

5. *Артёмьев К.И.* Современное законодательство и криптовалюта (майнинг криптовалюты) как новое явление в российской экономике // *International Law Journal*. 2022. Т. 5. № 5. С. 34–39.

6. *Волос А.А.* Проблемы наследования цифровых прав // *Российская юстиция*. 2022. № 6. С. 51–56.

7. Голосование по регулированию *MiCA* в ЕС отложено до 2023 года // *Block-chain24.com*. 2022. 4 ноября. URL: <https://www.block-chain24.com/news/novosti-regulirovaniya/golosovanie-po-regulirovaniyu-mica-v-es-otlozhenodo-2023-goda> (дата обращения: 13.05.2023).

8. *Ким М.С.* Гражданско-правовой режим криптовалюты: соотношение криптовалюты и безналичных денежных средств // *Вопросы Российской юстиции*. 2022. № 20. С. 142–148.

9. *Масленникова Н.И.* Судебные постановления в системе социально-управленческих решений // *Практика применения гражданского процессуального права (к двадцатилетию ГПК РСФСР): межвуз. сб. науч. тр.* Свердловск: СЮИ, 1984. С. 38–40.

10. Новости // Российская ассоциация криптоэкономики, искусственного интеллекта и блокчейна. URL: <https://racib.com/news/technologies/h01PwS Y5H7/> (дата обращения: 13.05.2023).

11. Об использовании частных «вир-

туальных валют» (криптовалют): информация Банка России от 4 сентября 2017 г. // Гарант.ру: информационно-правовой портал. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71659920/?ysclid=lhz85ehvtm89765182> (дата обращения: 11.05.2023).

12. Предложение по Регламенту Европейского Парламента и Совета о рынках криптоактивов и внесении изменений в Директиву (ЕС) 2019/1937. Документ 52020PC0593 // Официальный сайт Европейского союза. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A52020PC0593> (дата обращения: 13.05.2023).

13. Решение Гагаринского районного суда г. Москвы от 7 июня 2022 г. по делу № 02-3174/2022 // Официальный портал судов общей юрисдикции города Москвы. URL: <https://mos-gorsud.ru/rs/gagarinskij/>

[services/cases/civil/details/06e4be50-ab8f-11e5-a82c-d9cb4c8c6df0](https://www.garant.ru/services/cases/civil/details/06e4be50-ab8f-11e5-a82c-d9cb4c8c6df0) (дата обращения: 10.05.2023).

14. *Ткачев Н.И.* Законность и обоснованность судебных постановлений по гражданским делам. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1987. 108 с.

15. Что такое цифровая экономика? Тренды, компетенции, измерение: доклад к XX апрельской Междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества, Москва, 9–12 апреля 2019 г. /науч. ред. Л.М. Гохберг. М.–СПб.: ИД Высшей школы экономики, 2019. 81 с.

16. *Шувалова М.* Криптовалюта в России: законодательное недорегулирование // Гарант.ру: информационно-правовой портал. URL: <https://www.garant.ru/news/1448450/> (дата обращения: 12.05.2023).

А.Г. Ахмедов, Н.К. Пчоловский

ВОПРОСЫ ОРГАНИЗАЦИИ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОГО ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ НЕЗАКОННОМУ ОБОРОТУ СПЕЦИАЛЬНЫХ ТЕХНИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПРЕДНАЗНАЧЕННЫХ ДЛЯ НЕГЛАСНОГО ПОЛУЧЕНИЯ ИНФОРМАЦИИ

Ахмед Гусейнович Ахмедов – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин, Государственный институт экономики, финансов, права и технологий, г. Гатчина; доцент кафедры оперативно-розыскной деятельности в органах внутренних дел, Санкт-Петербургский университет МВД России, г. Санкт-Петербург; ORCID-0000-0002-1926-9646; e-mail: Osnaz82@yandex.ru.

Николай Казимирович Пчоловский – заместитель начальника кафедры оперативно-розыскной деятельности в органах внутренних дел, Санкт-Петербургский университет МВД России, г. Санкт-Петербург; e-mail: pcholovskiy@yandex.ru.

В статье сформулировано понятие правовой основы применения специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации и используемых в качестве орудий совершения преступлений. Приведен их перечень, а также указано, что противоправное применение специальных технических средств позволяет преступнику осуществлять бесконтрольное получение информации для подготовки и совершения преступлений, фиксировать полученную информацию, скрывать следы преступной деятельности.

Ключевые слова: незаконный оборот специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации; оперативно-розыскная деятельность; орудия совершения преступлений; оперативно-розыскные мероприятия; организованные преступные группы.

A.G. Akhmedov, N.K. Pcholovsky

ON DETECTIVE COUNTERACTION TO ILLICIT TURNOVER OF SPECIAL TECHNICAL EQUIPMENT INTENDED FOR SURREPTITIOUS OBTAINING OF INFORMATION

Akhmed Akhmedov – Associate Professor, the Department of Criminal Law Disciplines, Ph.D. in Law, State Institute of Economics, Finance, Law and Technology, Gatchina; Associate Professor the Department of Internal Affairs Bodies Operational Investigative Activity, Saint-Petersburg University of Ministry of Internal Affairs of Russia, Saint-Petersburg; ORCID-0000-0002-1926-9646; e-mail: Osnaz82@yandex.ru.

Nikolay Pcholovsky – Deputy Head, the Department of Internal Affairs Bodies Operational Investigative Activity, Saint-Petersburg University of Ministry of Internal Affairs of Russia, Saint-Petersburg; e-mail: pcholovskiy@yandex.ru.

The article formulates the concept of legal basis for implementation of special technical devices for surreptitious obtaining of information and provides the list thereof used as instruments of crime. It is noted that the illegal use of special technical equipment allows the criminal to receive information uncontrolled for the preparation and commission of crimes, to record information and to cover criminal activity.

Keywords: *illicit turnover of special technical equipment; intended for surreptitious obtaining of information; operative search activity; instruments of crime; operative search measurers; organized criminal groups.*

В последние десятилетия, в эпоху бурного развития информационно-телекоммуникационных технологий, организованные преступные группы также совершенствуют способы, тактику и методы совершения преступлений. Статистика и динамика регистрируемых в последние несколько лет преступлений показывает, что, наряду с некоторым снижением преступлений общеуголовной направленности, увеличивается количество противоправных деяний, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий и иных технических средств.

На этапе подготовки или совершения противоправного деяния в качестве предметов или орудий совершения преступления используют специальные технические средства негласного получения информации (СТС НПИ), оборот которых на территории Российской Федерации (РФ) законодательно ограничен или запрещен [1]. Преступники применяют СТС НПИ для подготовки и совершения различных противоправных деяний и преступлений, в том числе преступлений против личности, разных видов мошенничества, хищений с банковских карт, заражения вирусом-вымогателем, дистанционного сбыта наркотических средств и психотропных веществ. Используют такие средства и для получения компьютерной информации, негласного прослушивания телефонных переговоров, негласного перехвата и регистрации информации с технических каналов связи, негласного контроля почтовых сообщений и отправок, негласного исследования предметов и документов, негласного проникновения и обследования помещений, сооружений, участков местности и транспортных средств, а также и других объектов. При подготовке и совершении преступлений осуществляются противоправные действия, направленные на получение персональных и иных данных, поиск, неправомерный доступ к компьютерам, банковским данным, копирование, модифици-

рование и т.д.

Уголовным законодательством, в частности ст. 138.1 Уголовного кодекса (УК) РФ, установлена уголовная ответственность за незаконный оборот СТС, предназначенных для НПИ. Примечание 1 к указанной статье УК РФ гласит о том, что к специальным техническими средствам, предназначенным для негласного получения информации, отнесены приборы, системы, комплексы, устройства, специальные инструменты для проникновения в помещения и (или) на другие объекты и программное обеспечение для электронных вычислительных машин и других электронных устройств для доступа к информации и (или) получения информации с технических средств ее хранения, обработки и (или) передачи, которым намеренно приданы свойства для обеспечения функции скрытого получения информации либо доступа к ней без ведома ее обладателя [2].

К специальным техническим средствам, предназначенным для негласного получения информации, не относятся находящиеся в свободном обороте приборы, системы, комплексы, устройства, инструменты бытового назначения, обладающие функциями аудиозаписи, видеозаписи, фотофиксации и (или) геолокации, с открыто расположенными на них органами управления таким функционалом или элементами индикации, отображающими режимы их использования, или наличием на них маркировочных обозначений, указывающих на их функциональное назначение, и программное обеспечение с элементами индикации, отображающими режимы его использования и указывающими на его функциональное назначение, если им преднамеренно путем специальной технической доработки, программирования или иным способом не приданы новые свойства, позволяющие с их помощью получать и (или) накапливать информацию, составляющую личную, семейную, коммерческую или иную охраняемую законом

тайну, без ведома ее обладателя.

По статистическим данным МВД России за 7 месяцев 2023 г., число зарегистрированных преступлений снизилось на 1,9%. Вместе с тем количество киберпреступлений возросло на 27,9% [3]. Сотрудники оперативных подразделений МВД России, осуществляющие борьбу с преступлениями в сфере высоких технологий, указывают, что при проведении оперативно-розыскных мероприятий (ОРМ) выявляют новые, более технически совершенные, компактные, отличающиеся простотой в использовании и невысокой стоимостью, хорошим качеством фиксации и записи информации, удобные в пользовании СТС НПИ. Развивая и совершенствуя технику и технологии, производители СТС НПИ постоянно улучшают потребительские свойства и модифицируют их. Они становятся более разнообразными, качественными, компактными, дешевыми и доступными. Такие средства приобретают и часто используют организованные преступные группы, которые обладают административными ресурсами и материальными возможностями.

В сложившихся условиях необходимость государственного регулирования СТС НПИ обусловлена несколькими факторами: часть технических средств и специальных приспособлений включает в себя такие виды, которые ограничивают гарантируемые Конституцией РФ права человека и гражданина; оборот регламентирован законодательством [4], в том числе Федеральным законом «Об оперативно-розыскной деятельности». Законодательное ограничение оборота СТС и НПИ направлено на защиту конституционного строя; нравственности, прав и законных интересов других лиц.

Под правовой основой применения СТС НПИ понимают урегулированный законодательством и подзаконными нормативными правовыми актами комплекс мер, определяющих принципы, основания и правила, которые в совокупности предписывают относимость, допустимость, порядок, условия и способы применения СТС. Таким образом, правовую основу регулирования оборота СТС НПИ на территории

России составляют Конституция РФ, федеральные законы и принятые в соответствии с ними иные нормативные правовые акты федеральных органов исполнительной власти.

Нельзя не согласиться с О.В. Кошелевой, которая утверждает, что если деятельность по обороту СТС НПИ сделать свободной от государственного регулирования, то, несомненно, будет причинен ущерб безопасности личности, общества и государства [17]. В настоящее время, в условиях стремительного развития техники и технологий, проблемой организации противодействия незаконному обороту для правоприменителей и оперативно-розыскных органов являются разнообразие и изменяющиеся качественные характеристики СТС НПИ, а также трудности, возникающие в связи с определением закрепленного законодателем перечня СТС НПИ, их признаков и критериев отграничения от технических средств, разрешенных к обороту. Учитывая рост количества совершенных с использованием различных технических средств преступлений, актуальными остаются вопросы исследования, связанные с противодействием оперативных подразделений противоправному использованию СТС НПИ. Кроме того, наличие значительного количества нормативных правовых актов, посвященных правовому регулированию СТС НПИ, и практика показывают недостаточность имеющихся законодательных норм в условиях стремительного развития техники и технологий.

Положительно можно оценить факт внесения изменений в УК РФ, а именно примечания к статье 138.1 УК РФ. Но этот факт не устранил возникающие на практике вопросы [5]. Сложившаяся правовая неопределенность неоднократно становилась поводом для обращений лиц, подвергшихся уголовному преследованию за совершение преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 138 и ст. 138.1 УК РФ, в Конституционный Суд РФ [6] с вопросами о правовом регулировании оборота СТС НПИ.

Практическая деятельность оперативных подразделений показывает, что выя-

вление незаконного приобретения, установление и доказывание факта применения в ходе расследования преступлений и других правонарушений, связанных с использованием в качестве орудий СТС НПИ, представляются особенно сложными. В последние годы производители из США, Китая, Тайваня и других технологически развитых стран изготавливают, выводят на рынок и продают большое количество разнообразных СТС НПИ. У выпускаемой продукции расширяется ассортимент, улучшаются потребительские качества, совершенствуются технические характеристики. Отсутствие исчерпывающего законодательного перечня, разнообразие, доступность и улучшенные качественные характеристики дают возможность лицам, склонным к совершению преступлений, приобретать и использовать СТС НПИ в противоправных целях.

Практическая деятельность оперативных подразделений говорит о том, что в процессе реализации дел оперативного учета и дальнейшего сопровождения расследования уголовных дел выявляют и изымают различные аксессуары и изделия с встроенными техническими средствами, в частности зажигалки, авторучки, очки, наручные часы, которые имели функции видеофиксации или записывающие устройства. Были выявлены установленные в различные бытовые приборы прослушивающие устройства, фото- и видеорегистраторы или портативные видеокамеры, в том числе встроенные в манипуляторы для компьютера типа «мышь», в корпусах датчиков противопожарной и охранной сигнализации, флеш-карты с функцией диктофона и др. Указанные предметы законодательно не отнесены к СТС НПИ, могут приобретаться на различных торговых площадках, в том числе через сеть Интернет, имеют относительно невысокую стоимость, небольшие габариты и вес, что делает их приобретение необременительным для нарушителей.

Такие способы приобретения наиболее популярны в связи с тем, что осуществить покупку можно, не выходя из дома или офиса, предварительно ознакомившись с подробными описаниями потре-

бительских качеств, техническими характеристиками и способами доставки устройств до потребителя в России. В этой связи основными задачами по борьбе с незаконным оборотом СТС НПИ являются:

- взаимодействие с Федеральной таможенной службой (ФТС) России с целью пресечения их незаконного поступления в страну;

- обмен оперативной информацией с ФСБ России и ФТС России с целью сокращения доступности и обеспечения контроля за легальным оборотом СТС НПИ;

- выявление и раскрытие преступлений, связанных с незаконным использованием СТС НПИ.

Реалии сегодня свидетельствуют о росте преступности и «профессионализме» организованных преступных групп, совершающих преступления с использованием СТС НПИ. Анализ обстановки в данной сфере демонстрирует устойчивую динамику использования достижений технического прогресса.

С учетом этого и во исполнение Указа Президента РФ в МВД России приказом от 29 декабря 2022 г. № 1110 образовано Управление по организации борьбы с противоправным использованием информационно-коммуникационных технологий (УБК) [7]. Как показывает практика, основным источником получения данных о нелегальном обороте или использовании СТС НПИ служит оперативная информация, получаемая от лиц, оказывающих конфиденциальное содействие оперативно-розыскным органам (ОРО) и в процессе оперативно-розыскного обеспечения предварительного расследования. Кроме того, данные о незаконном обороте СТС НПИ могут быть получены путем проведения ОРМ, предусмотренных ст. 6 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» [8], в частности при проведении ОРМ- на гласное обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств, с зашифровкой цели. Возможность проведения гласного обследования вытекает из положений ст.1 и ч. 1 ст. 15 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», в котором закреплено право

органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, на осуществление оперативно-розыскных мероприятий как в гласной, так и в негласной форме.

В органах внутренних дел проведение гласного обследования помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств регламентируется Инструкцией, утвержденной приказом № 199 от 1 апреля 2014 г. «Об утверждении Инструкции о порядке проведения сотрудниками органов внутренних дел Российской Федерации гласного оперативно-розыскного мероприятия обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств и Перечня должностных лиц органов внутренних дел Российской Федерации, уполномоченных издавать распоряжения о проведении гласного, оперативно-розыскного мероприятия обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств» (далее – Инструкция). Действие настоящей Инструкции не распространяется на обследование жилых помещений [9].

При этом следует обратить внимание на то, что остался открытым вопрос о допустимости принудительного осуществления данного ОРМ. Ни законодателем, ни приказом МВД РФ не предусмотрено условий, ограничивающих проведение гласных ОРМ.

Как следует из Инструкции, для принятия решения о проведении обследования сотрудник подразделения органа внутренних дел, правомочного осуществлять оперативно-розыскную деятельность, должен располагать проверенными сведениями о наличии СТС НПИ на предполагаемом объекте проведения ОРМ. Только в этом случае он представляет руководителю проект распоряжения и мотивированный рапорт. На данном этапе, перед проведением гласного обследования, оперативный сотрудник должен располагать максимально достоверной и проверенной информацией о факте наличия на определенном объекте (в помещении, автотранспорте, офисном помещении и т.д.) СТС НПИ, изъятие которых впоследствии будут служить основанием для возбуждения уголовного дела.

При получении такой информации оперативный работник подготавливает рапорт, в котором должны быть изложены следующие данные:

- сведения о наличии на объекте СТС НПИ;

- полученная в результате проведения предшествующих ОРМ информация, относящаяся к объекту обследования;

- соответствующее основание для проведения ОРМ из числа приведенных в ст. 7 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»;

- сведения, указывающие на возможность получения достаточных данных для решения вопроса о возбуждении уголовного дела посредством проведения обследования;

- дата, время и место предлагаемого проведения обследования;

- сведения о лицах, которых предлагается привлечь к проведению обследования.

Написав рапорт на проведение гласного обследования, оперативный сотрудник подготавливает проект распоряжения, которое впоследствии утверждается уполномоченным должностным лицом органов внутренних дел РФ. Как указано выше, согласно п. 4.6. Инструкции, в рапорте оперативного сотрудника, инициирующего проведение гласного обследования, должны, кроме прочего, содержаться сведения о лицах, которых предлагается привлечь к проведению обследования. Речь идет об оперативных сотрудниках, которые будут проводить гласное обследование, то есть о субъектах ОРМ. Ввиду того, что перечень привлекаемых к проведению ОРМ лиц открыт, оперативный сотрудник имеет возможность выбора тактики проведения ОРМ, а также участвующих лиц.

Субъектом проведения гласного обследования выступает оперативный сотрудник органов внутренних дел. Участвующими лицами при проведении рассматриваемого ОРМ, если необходимо, могут стать представители общественности, сотрудники подразделений специального назначения и правовых подразделений органов внутренних дел, лица, выступающие в качестве специалистов, а также адвокаты (либо лица, оказывающие квалифициро-

ванную юридическую помощь). Проведение данного ОРМ осуществляется в три этапа. К таким этапам отнесены подготовительный, непосредственное проведение и оформление результатов.

Помимо издания распоряжения о проведении данного ОРМ, на подготовительном этапе необходимо подобрать и подготовить специалиста, имеющего соответствующие знания в данной сфере. Следует заранее провести с ним консультацию, поскольку современные СТС НПИ могут иметь сложную конструкцию, состоящую из нескольких взаимосвязанных устройств; рассмотреть вопросы, связанные с обнаружением, изъятием, упаковкой и транспортировкой выявленного устройства.

Постановлением Правительства РФ от 1 июля 1996 г. № 770 [10] определены основные категории СТС НПИ, которые кардинально не изменились. Однако технические средства совершенствуются, качественно улучшая их потребительские возможности. Поэтому вопросы конкретизации остаются за экспертами, которые помогают обозначить границы между обычным бытовым предметом и специализированным устройством. Исходя из этого, актуальным является вопрос поиска, привлечения для оказания консультационных услуг и помощи лиц, обладающих специальными знаниями. Они могут работать в экспертно-криминалистических и специализированных службах в высших учебных заведениях, на предприятиях, в учреждениях, компаниях, осуществляющих обслуживание и эксплуатацию различных систем компьютерной и коммуникационной техники, разработку программного обеспечения, средств защиты информации и т.д. Обнаруженное СТС НПИ необходимо изымать с соблюдением требований Уголовно-процессуального кодекса (УПК) РФ для дальнейшего представления следователю и использования результатов оперативно-розыскной деятельности в уголовном процессе [11].

Отдельного рассмотрения требует вопрос проведения ОРМ при наличии информации о том, что СТС НПИ заказывают на различных интернет-площадках из жилого помещения, с доставкой в адрес заказчику.

В данном случае возможным становится проведение таких ОРМ, как контроль почтовых отправлений, телеграфных и иных сообщений, с соблюдением требований ст. 7 и 8 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», с предварительным получением санкции суда.

Кроме того, может быть проведено еще одно ОРМ – проверочная закупка с соблюдением требований, предъявляемых УПК РФ к документированию преступных действий проверяемых и разрабатываемых лиц. При этом, учитывая элементы провокации преступления в природе данного ОРМ, факт заказа может быть зафиксирован посредством проведения такого ОРМ, как снятие информации с технических каналов связи.

Примером служит приговор Калининского районного суда г. Санкт-Петербурга от 25 июня 2020 г. (дело № 1-541/20) в отношении Д.С. Андропова, который приобрел СТС НПИ через интернет. Судом установлено следующее. Д.С. Андронов, находясь в офисном помещении, расположенном в Санкт-Петербурге, не имея лицензии на деятельность по реализации специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации, требование по получению которых установлено п. «а» ст. 3 Положения о лицензировании деятельности по разработке, производству, реализации и приобретению в целях продажи специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации, утвержденного постановлением Правительства РФ от 12 апреля 2012 г. № 287, действуя из корыстных побуждений, имея умысел на незаконный сбыт специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации, незаконно осуществил сбыт указанных устройств, которые относятся к категории специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации. Гражданин Ф.А.С. был задержан при сбыте СТС НПИ за денежное вознаграждение в размере 6 000 рублей, сотруднику, который выступал в роли покупателя при проведении ОРМ «проверочная закупка» [12].

Состав рассматриваемого преступления, предусмотренного ст. 138.1 УК РФ, характеризуется как формальный. Преступление считается оконченным с момента выполнения действий по производству, сбыту или приобретению специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации. Факт незаконного оборота СТС НПИ может быть выявлен в местах возможного сбыта при проведении комплекса ОРМ методом личного сыска и опроса. Объектами опроса выступают лица, располагающие информацией о местах сбыта, непосредственно места возможного сбыта.

В зависимости от целей, условий и личности опрашиваемого могут быть использованы различные виды опроса: гласный, зашифрованный, легендированный. Результативность комплекса ОРМ (личного сыска и любого вида опроса) во многом зависит от подготовки к нему, степени осведомленности сотрудника оперативного подразделения об обстановке, в которой планируется реализовать комплекс ОРМ. Кроме того, необходимо иметь предварительную информацию о технических средствах, которые продаются на объекте оперативного интереса, в том числе СТС НПИ. При проведении комплекса ОРМ могут быть применены технические средства фиксации такого мероприятия и полученной при этом информации как гласного, так и негласного характера (магнитофоны, диктофоны, видеокамеры и др.). Закрепление информации необходимо для представления результатов ОРД следователю и дальнейшего использования в уголовном процессе [19].

Вместе с тем сотрудник оперативного подразделения, получивший информацию о незаконном обороте СТС НПИ, до проведения ОРМ должен убедиться в том, что лицо, приобретающее умышленно, занимается данным противоправным деянием. Согласно постановлению Пленума Верховного Суда РФ, если лицо, добросовестно приобретая рекламируемое на интернет-ресурсах СТС НПИ, заблуждалось относительно его фактического предназначения, оно не может быть привлечено к уголовной ответственности [13].

Основанием для возбуждения уголовного дела является заключение специалиста, который должен иметь высшее образование в области конструирования и технологий, право и допуск к проведению соответствующих экспертиз СТС НПИ [14]. Как правило, изъятые средства направляются для исследования в ЭКЦ МВД России или Института криминалистики Центра специальной техники ФСБ России, в которых работают специалисты требуемой квалификации. После получения соответствующего заключения специалистов решается вопрос о возбуждении уголовного дела.

Таким образом, с учетом вышеизложенного можно сделать вывод о том, что на современном этапе государством выполнена определенная работа, связанная с вопросами противодействия совершению преступлений с использованием СТС НПИ. В частности, в структуре МВД России создано специализированное подразделение – УБК. Сформировалась определенная судебная практика рассмотрения уголовных дел, возбужденных по ст. 138.1 УК РФ. На законодательном уровне проводится работа по регулированию и регламентации вопросов оборота и использования СТС НПИ в целом. Сложилась определенная практика рассмотрения уголовных дел, возбужденных по ст. 138.1 УК РФ в уголовном судопроизводстве. Тем не менее технический прогресс развивается быстро. Разрабатываются новые или совершенствуются находящиеся в пользовании СТС НПИ. Поэтому законодательство и практическая деятельность оперативно-розыскных органов требуют оперативного постоянного реформирования и изменения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (в ред. от 17.03.2023) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
2. Об оперативно-розыскной деятельности: Федер. закон от 12 августа 1995 г. №144-ФЗ (последняя ред.) // Собрание законодательства РФ. 1995. № 33. Ст. 3349.
3. О полиции: Федер. закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ (последняя ред.) //

Собрание законодательства РФ. 2011. № 7. Ст. 900.

4. О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации: закон РФ от 11 марта 1992 г. № 2487-1 (последняя ред.) // Российская газета. 1992. 30 апреля.

5. О внесении изменений в некоторые акты Президента Российской Федерации: указ Президента РФ от 30 сентября 2022 г. № 688 // Президент России: офиц. сайт. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48347> (дата обращения: 20.03.2023).

6. Об утверждении Положения о ввозе в Российскую Федерацию и вывозе из Российской Федерации специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации, и списка видов специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации, ввоз и вывоз которых подлежат лицензированию: постановление Правительства РФ от 10 марта 2000 г. № 214 (с изм. и доп.) // Российская газета. 2000. 23 марта.

7. Об утверждении Положения о лицензировании деятельности физических и юридических лиц, не уполномоченных на осуществление оперативно-разыскной деятельности, связанной с разработкой, производством, реализацией, приобретением в целях продажи, ввоза в Российскую Федерацию и вывоза за ее пределы специальных технических средств, предназначенных (разработанных, приспособленных, запрограммированных) для негласного получения информации, и перечня видов специальных технических средств, предназначенных (разработанных, приспособленных, запрограммированных) для негласного получения информации в процессе осуществления оперативно-разыскной деятельности: постановление Правительства Российской Федерации от 1 июля 1996 г. № 770 (в ред. постановления Правительства РФ от 15.07.2022 г. № 526) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&link_id=10&nd=102042239&ysclid=lm0l6yr4zx153063428 (дата обращения: 20.03.2023).

8. О некоторых вопросах судебной

практики по делам о преступлениях против конституционных прав и свобод человека и гражданина (статьи 137, 138, 138.1, 139, 144.1, 145, 145.1 Уголовного кодекса Российской Федерации): постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25 декабря 2018 г. № 46 // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_314616/?ysclid=lm0lake3hj292496982 (дата обращения: 20.03.2023).

9. Об утверждении Инструкции о порядке проведения сотрудниками органов внутренних дел Российской Федерации гласного оперативно-розыскного мероприятия обследования помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств и Перечня должностных лиц органов внутренних дел Российской Федерации, уполномоченных издавать распоряжения о проведении гласного, оперативно-розыскного мероприятия обследования помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств: приказ МВД РФ от 1 апреля 2014 г. № 199 // Российская газета. 2014. 28 мая.

10. Об утверждении Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд: приказ МВД России № 776, Минобороны России № 703, ФСБ России № 509, ФСО России № 507, ФТС России № 1820, СВР России № 42, ФСИН России № 535, ФСКН России № 398, СК России № 68 от 27 сентября 2013 г. (зарегистрировано в Минюсте России 5 декабря 2013 г. № 30544) // Российская газета. 2013. 13 декабря.

11. Об утверждении положения об Управлении по организации борьбы с противоправным использованием информационно-коммуникационных технологий Министерства внутренних дел Российской Федерации: приказ МВД России от 29 декабря 2022 г. № 1110 // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты РФ. URL: <https://legalacts.ru/doc/prikaz-mvd-rossii-ot-29122022-n-1110-ob-utverzhenii/?ysclid=lm0lifhtza515063624> (дата обращения: 20.03.2023).

12. Приговор Калининского район-

ного суда г. Санкт-Петербурга от 25 июня 2020 г. по делу № 1-541/20 // Калининский районный суд г. Санкт-Петербурга. URL: https://kln--spb.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo (дата обращения: 20.03.2023).

13. Комментарий к Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности»: учеб. пособие / под ред. Н.В. Павличенко. М.: Академия управления МВД РФ, 2022. 280 с.

14. *Ахмедов А.Г., Каунов А.В.* Проведение гласного обследования помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств оперативными подразделениями МВД России: науч.-практ. пособие. СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2021. 88 с.

15. *Колчерина Ж.Н.* Правовые и технические возможности негласного съема речевой информации // Вестник Удмуртского университета. Серия: Экономика и право. 2005. № 2. С. 265–270.

16. *Лаврентьев А.Р., Федосин А.С.* Правовое регулирование ответственности за нарушение законодательства в сфере оборота специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации // Информационное право. 2012. № 2. С. 9–13.

17. *Кошелева О.В.* Соотношение положений об уголовной и административной ответственности за нарушение правил оборота и использования специальных

технических средств, предназначенных для негласного получения информации // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Право. 2007. Т. 3. Вып. 1. С. 84–92.

18. *Кривогин М.С.* Незаконный оборот специальных технических средств: проблемы квалификации преступлений // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 2 (40). С. 110–112.

19. *Амичба Л.Р., Романов А.А.* Использование специальных технических средств в оперативно-розыскной деятельности // Юриспруденция в теории и на практике: актуальные вопросы и современные аспекты: сборник ст. XV Междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. Г.Ю. Гуляев. Пенза: Наука и Просвещение, 2023. С. 69–72.

20. Теория оперативно-розыскной деятельности: учебник / под ред. К.К. Горяинова, В.С. Овчинского. М.: ИНФРА-М, 2021. 793 с.

21. МВД медиа: информационный интернет-портал. URL: <https://mvdmedia.ru/%20?ysclid=lm0ma1y8v781792207> (дата обращения: 10.08.2023).

22. Извлечения из законодательных и нормативных актов // Agentura.ru. URL: <http://www.agentura.ru/equipment/sts/zakon/> (дата обращения: 10.08.2023).

А.В. Бачиева, Е.Н. Макарова

ПЕРСПЕКТИВНЫЕ ПУТИ РАЗВИТИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ В ОБЛАСТИ НОВЫХ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ, ИСПОЛЬЗУЕМЫХ В КРИМИНАЛИСТИКЕ

Альбина Владимировна Бачиева – доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин, Государственный институт экономики, финансов, права и технологий, кандидат юридических наук, доцент, г. Гатчина; **e-mail: albinab07@mail.ru.**

Елена Николаевна Макарова – старший преподаватель кафедры криминалистики, Санкт-Петербургский университет МВД России, кандидат юридических наук, г. Санкт-Петербург; **e-mail: makarova_elen78@bk.ru.**

В статье утверждается, что цифровизация всех сфер общества привела к резкому росту числа преступлений, совершенных с использованием информационных технологий. Современные информационные технологии показали необходимость новых путей развития и поиска новых способов обеспечения информационной безопасности, в том числе средств и методик выявления, раскрытия и расследования преступлений. Авторы обращают внимание на перспективы применения цифровой криминалистики для выявления цифровых следов и установления обстоятельств преступления.

Ключевые слова: цифровая криминалистика; информационные технологии; преступления с использованием информационно-телекоммуникационных технологий; криминалистическая идентификация; идентификация информации; криминалистическая техника; раскрытие преступлений; цифровизация.

A.V. Bachieva, E.N. Makarova

PERSPECTIVE WAYS OF RESEARCH DEVELOPMENT FOR NEW INFORMATION TECHNOLOGIES USED IN FORENSIC SCIENCE

Albina Bachieva – Associate Professor, the Department of Criminal Law Disciplines, State Institute of Economics, Finance, Law and Technology, Ph.D. in Law, Associate Professor, Gatchina; **e-mail: albinab07@mail.ru.**

Elena Makarova – Senior Lecturer, the Department of Criminology, Saint-Petersburg University of Ministry of Internal Affairs of Russia, Ph.D. in Law, Saint-Petersburg; **e-mail: makarova_elen78@bk.ru.**

The article claims that digitalization in all sectors of society has led to a sharp increase in the number of crimes committed with the use of information technologies. Modern information technologies showed the need for new ways of the development as well as for the search for new ways of ensuring information security, including tools and methods of identification, detection and investigation of crimes. The authors draw attention to perspectives of applying digital forensics for digital detection and identification of circumstances of crime.

Keywords: digital forensics; information technologies; crimes committed with the use of information and telecommunications technologies; forensic identification; identification of information; forensic techniques; detection of crimes; digitalization.

Криминалистическое учение о раскрытии преступлений постоянно дополняется ввиду необходимости совершенствования жизнедеятельности обычных людей. В связи с этим особую значимость приобретает введение в практику и теорию

современных технологических процессов и устройств, позволяющих вывести науку и технику на новый уровень.

Современные информационные технологии применяются в деятельности не только сотрудниками правоохранительных органов, но и лицами, совершающими общественно опасные деяния. При этом возникновение информационных технологий в жизни граждан позволяет развивать способы совершения преступлений. Процент применения новых информационных технологий лицами, совершающими преступления, гораздо выше, чем у сотрудников правоохранительных органов ввиду того, что существует необходимость совершенствования ряда механизмов процессуальной деятельности. В их числе – изменение отдельных положений, как в Уголовном кодексе Российской Федерации (УК РФ), так и в Уголовно-процессуальном кодексе (УПК) РФ, создание методических рекомендаций по расследованию отдельных видов преступлений, внедрение правоприменительной и судебной практики по расследуемой категории дел и т.п. Данный вопрос зачастую сочетается с необходимостью совершенствования деятельности по раскрытию и расследованию преступлений только после возникновения прецедента, связанного с новой информационной технологией. Примером такой ситуации могут служить операции, производимые с технологией блокчейн. Основной пример – использование технологий блокчейн как средства совершения преступления в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ, а также иных предметов, запрещенных к свободному гражданскому обороту на территории РФ.

Необходимость внедрения в правоохранительную деятельность современных информационных технологий существенно ускорило течение процесса совершенствования раскрытия и расследования преступлений. Зачастую при внедрении в научный и практический обиход затрагиваются не в полной мере все области криминалистического знания, а лишь некоторые разделы.

На современном этапе развития ин-

формационных технологий возможности обнаружения специалистами экспертно-криминалистических подразделений следов совершения преступного деяния не только в материальном мире, но и в «виртуальном пространстве», совершенствуются и позволяют раскрывать такие виды преступлений, которые ранее оставались «непосильными» для правоохранительных органов [4]. При этом в связи с появлением новых технических возможностей у лиц, совершающих преступления, возникают более совершенные методы для реализации умысла. Создание новых способов совершения преступлений зачастую не позволяет в полной мере применять только методы традиционного проведения криминалистического исследования с учетом того, что они не способны целиком отразить следовую картину, которая бы способствовала раскрытию и расследованию преступлений [11].

Методы криминалистики уступают разработкам в сфере изучения особой формы объективной действительности, которую обычно называют «виртуальным пространством». Однако значение данного явления остается спорным. Главной причиной появления неопределенности в значении понятия «виртуальное пространство» служит отсутствие упорядоченности научного подхода к его определению [9].

Развитие криминалистического учения о расследовании того или иного вида преступлений во многом дает стимул для развития других наук, связанных с криминалистикой. К ним можно отнести уголовное право и уголовный процесс, уголовно-исполнительное право, оперативно-розыскную деятельность и др. Суть развития криминалистики во многом объясняется совершенствованием положений относительно изучения вопросов, связанных с приготовлением, совершением и сокрытием следов преступной деятельности, а также появлением следовой картины и обеспечением исследования, оценки и использования доказательств в процессе предварительного расследования. Необходимо отметить, что криминалистика развивается в двух направлениях [5]:

1. Деятельность ученых и практичес-

ких работников направлена на совершенствование применения существующих традиционных методик расследования преступлений в условиях изменения общественного сознания и появления новых видов преступлений.

2. Развитие новых криминалистических способов раскрытия преступлений, а также совершенствование уголовно-процессуальной формы применения в соответствии с действующим законодательством.

Криминалистика как обособленное и самостоятельное учение в России зарождается в 1880-х гг. и продолжает свое развитие в настоящее время. Сегодня можно констатировать тот факт, что криминалистика как наука достигла своего «пика» и что ее развитие может остановиться преждевременно, поскольку сегодня даже некоторые традиционные методы криминалистики претерпевают изменения, совершенствуясь под реалии современного мира.

Подобное происходит и с учением о криминалистической технике. В соответствии с данным учением в науке существует только четыре признака, по которым можно идентифицировать любой объект. К ним следует отнести идентификацию по признакам общего происхождения, описанию признаков, материально фиксированным отображениям, а также по сохранившемуся в памяти мысленному образу [1].

В настоящее время можно предположить, что данные виды идентификации не позволят в полной мере рассмотреть картину произошедшего. Например, для идентификации информации с электронного носителя для исследования по указанным выше видам необходимо наличие определенных условий и усилий. В деятельности по раскрытию и расследованию преступлений нужно быстро и эффективно действовать ввиду того, что процессуальные сроки проведения расследования значительно сокращены.

С учетом изложенного считаем правильным мнение, существующее в научном сообществе, о введении в теорию идентификации предмета, пятого вида – идентификации по электронному образу предмета (документа). Особенность дан-

ного вида заключается в особом инструментальном и методическом сопровождении исследования, а также в предмете как таковом.

Введение нового вида криминалистической идентификации в теоретическую и практическую деятельность видится необходимым для эффективного расследования современных преступлений и совершенствования криминалистических положений. Это требуется для анализа и модернизации в дальнейшем криминалистических положений в связи с новыми угрозами личности, обществу и государству [3].

Совершенствование криминалистики позволяет сотрудникам правоохранительных органов обеспечить эффективность раскрытия и расследования новых преступлений, совершаемых с использованием современных информационных технологий. Речь идет о следующем:

1. «Серфинг» и обработка больших объемов информации из сети Интернет посредством применения различного рода семантических фильтров.

2. Создание специализированного подразделения, деятельность которого будет направлена не только на раскрытие, но и расследование преступлений, совершаемых с использованием компьютерных технологий (например, киберполиция); обеспечение содействия расследованию посредством мониторинга ресурсов, подключенных к открытой сети и предоставляющих информацию о пользователях и их устройствах в соответствии с законодательством.

3. Предотвращение совершения «кибератак» на государственные ресурсы РФ в сети Интернет [6].

Особенность введения данных возможностей криминалистического реагирования позволяет создать новые возможности по расследованию такого вида преступления, как дистанционное мошенничество. При использовании традиционных методов криминалистической идентификации расследование таких преступлений было бы затруднительным ввиду удаленности лица, совершившего преступление.

Так, идентификация по электронному образу дает возможность при помощи

нестандартных следов выйти на лицо, совершившее преступление. Например, при совершении преступления, связанного с распространением заведомо ложных сведений, порочащих честь и достоинство другого лица или подрывающих его репутацию, содержащуюся в публичном выступлении, публично демонстрирующемся произведении, средствах массовой информации, либо совершенного публично с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть Интернет (ч. 2 ст. 128.1 «Клевета» УК РФ), по IP-адресу телефона, номеру маршрутизатора сети, индивидуальному идентификатору социальной сети, номеру телефона и иному, представляется возможным получить информацию (установить сведения) о лице, совершившем преступление.

Между тем традиционная дактилоскопия или трасология не могут в полной мере способствовать раскрытию данного преступления ввиду того, что нет объекта, который нужно представить на исследование, а также предмета, с которым необходимо производить сравнение. Суть следовой картины преступлений, совершаемых в сфере информационных технологий, состоит в сохранении электронной информации посредством ее первоначального изменения. В связи с этим положение о необходимости развития учения о следах представляется нам особенно актуальным.

Как отмечается в научных кругах, некоторые «следы», позволяющие определить лицо, причастное к совершению преступления с помощью информационно-телекоммуникационных технологий, следует разделять на два направления:

1. Следы, остающиеся неизменными: IP-адрес компьютера в сети, MAC-адрес сетевого оборудования, адрес электронной почтовой связи, идентификатор социальной сети, номер кредитной карты, произведенные с ней транзиты, номер телефона, информация о соединениях.

2. Изменяющиеся следы, к числу которых следует отнести имя пользователя, номер карты, местоположение и т.п. [14].

Традиционные процессы трасологического исследования невозможны из-за отсутствия контакта между принимающим

объектом и следообразующим. Предполагаемый «контакт», который с традиционной точки зрения должен происходить, при расследовании преступлений в сфере информационных технологий осуществляется путем создания, редактирования и модификации информации [7]. Иными словами, суть следовой картины проявляется в том, что в памяти компьютера или иного устройства сохраняется информация, отражающая большую часть произошедших в «документе» изменений по сравнению с исходным состоянием.

В связи с приведенными выше обстоятельствами криминалистическая трасология и дактилоскопия как науки о следовой картине подвергаются трансформации в связи с вызовами общества к модификации. Вместе с тем не только криминалистическое учение об изменении следовой картины происшествий позволяет совершенствовать процесс расследования преступлений и избличение лиц, причастных к этому. В частности, криминалистическая регистрация, учение, связанное с систематизацией предметов и признаков объектов по определенным критериям в виде карточек и учетов. Ранее в криминалистической деятельности не существовало единых каталогов учета регистрируемых сведений, способствующих расследованию и принятию в отношении первых определенных процессуальных решений.

В пределах одного региона данные системы функционируют на высоком уровне и позволяют раскрывать преступления. Однако на уровне России данная система, к сожалению, не оправдывает ожиданий и функциональных возможностей.

Прослеживается отсутствие единой системы регистрации IMEI-номеров телефонов в централизованном «банке» похищенного имущества, необходимость изменений в законодательстве, направленном на предоставление сотовыми операторами информации об устройствах и соединениях без судебного решения. Последнее нарушает основные права и свободы человека и гражданина, закрепленные в Конституции РФ, а также «вызовет» необходимость отключения всех пропавших телефонов от сети предоставления данных.

Это, с одной стороны, сократит количество преступлений в сфере информационных технологий, с другой – вынудит операторов сотовых сетей изменить правила и условия предоставления услуг.

Итак, в криминалистической науке зарождается новый вид криминалистического учения об идентификации объектов, в частности криминалистическое учение об электронных носителях информации. Основное направление изучения устройств и их «внутреннего» составляющего в пригодном для применения в электронных вычислительных машинах виде, а также для ее передачи по информационно-телекоммуникационным сетям или обработки в информационной системе заключается в использовании их в процессе доказывания по уголовному делу.

В связи с этим считаем необходимым раскрыть основные элементы системы криминалистической идентификации по электронному образу объекта: сотовые телефоны, обеспечивающие доступ в интернет, портативные персональные компьютеры, ноутбуки, планшеты и иная техника, в той или иной степени и форме содержащая в своей памяти информацию о «движении» пользователя.

Помимо указанных объектов криминалистического исследования, можно выделить следующие объекты:

1. Системные блоки персональных компьютеров. Например, при совершении преступлений в сфере экономической деятельности и при проведении осмотра места происшествия на предприятии сотрудники подразделений ЭПиПК МВД России изымают не только бумажные носители информации, но и системные блоки, содержащие существующую и недавно удаленную информацию. В настоящее время очевидна и возможность получения информации даже с поврежденных носителей.

2. Системы навигации и трекинга. Данное программное обеспечение содержится на всех современных устройствах, от ошейников для животных до высокоскоростных летательных аппаратов, позволяющих определить местонахождение разыскиваемого лица в условиях как мегаполиса, так и небольшого городского

поселения.

3. Мобильные телефоны и сим-карты. Данные устройства не только содержат «всю нашу жизнь», но и при должном познании способны дать круг лиц, взаимодействующих с владельцем телефона и (или) сим-карты.

4. Аппаратура для радиотехнических устройств.

5. Платежные пластиковые карты и скимминговое оборудование. Пластиковая карта, а в ряде случаев и ее цифровой аналог, способны определить историю операций лица (владельца или пользователя карты) в точном порядке в соответствии с периодом запроса. Скимминговое оборудование может в памяти хранить информацию более чем 10 000 платежных устройств.

6. Видеорегистраторы и иное оборудование позволяют в виде электронного цифрового файла в определенном формате передавать информацию о месте и времени, в которых оно установлено. При этом зачастую данные видеорегистраторы подключены к модулю хранения информации, что дает возможность сохранения большего количества файлов [8].

С увеличением числа объектов криминалистического исследования электронных носителей информации происходит и совершенствование технических средств, направленных на извлечение этой информации. В качестве примеров можно выделить «Belkasoft Evidence», «Mobile Criminal», «Elcomsoft» [10].

В криминалистическую деятельность активно внедряют программы и системные комплексы, позволяющие эффективнее принять необходимое решение. Отражение в практической деятельности находят системы, направленные на обнаружение хищений в строительстве, а также при проектировании зданий, сооружений и конструкций, посредством введения в программное обеспечение некоторых математических формул и показателей. Сегодня сотрудники правоохранительных органов способны определить, могло ли быть совершено преступление, повлекшее те или иные последствия по причине халатности или другим обстоятельствам. Данные в

результате произведенного исследования подтверждаются не только нормативно-правовой основой федерального, но и стандартизированного подхода к деятельности. В ряде программ посредством нейросетей предусмотрена возможность определения отклонений и конечного результата, и поиска изначального источника происшествия.

Наиболее распространенными сферами применения таких систем и программ сегодня являются транспортная безопасность и безопасность дорожного движения. Эти направления можно по праву считать актуальными ввиду того, что данная система позволяет использовать диаграмм Ганта – метода визуализации плана или графика работы по проекту.

Следует отметить, что планирование расследования преступлений традиционно относят к общему разделу криминалистической тактики, что позволяет не только включать информацию о процессуальных и следственных действиях, но и формировать доказательственную информацию и определять необходимость ее последующего использования в уголовном процессе.

Считаем необходимым отметить, что криминалистическая наука развивается в нескольких направлениях. Первое направление – разработка с правовой точки зрения новых источников получения доказательств. В настоящее время сотрудники правоохранительных органов в большей мере стараются получать информацию о движении финансовых средств, а также о товарно-транспортных накладных и иную информацию непосредственно у потерпевших. Тем более что получение посредством направления запросов не позволяет эффективно осуществлять расследование по уголовному делу.

Приведем ряд примеров.

1. В соответствии с положениями Федерального закона от 2 декабря 1990 г. № 395-1 «О банках и банковской деятельности» сотрудники вправе запросить в установленном законом порядке информацию о движении денежных средств на счетах определенного физического лица (ст. 26).

2. Федеральный закон от 7 июля 2003 г. № 126-ФЗ «О связи» обязует

операторов сотовой связи сохранять детализацию о звонках, СМС-сообщениях и потраченном трафике каждого абонента (ст. 64).

3. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и защите информации» обязует провайдеров интернет-соединений производить обязательную регистрацию пользователей при предоставлении услуг по подключению к сети Интернет (ст. 10.1).

Перечисленные примеры использования электронных носителей информации в качестве доказательств по уголовному делу отражают лишь часть возможностей, которыми сегодня обладают правоохранительные органы.

Второе направление, более применяемое, – фиксация вещественных доказательств с помощью разрешенных процессуальных средств и технических устройств. Так, ст. 170 УПК РФ определяет возможность проведения ряда процессуальных действий без приглашения понятых, с применением фото- или видеofиксации. Однако законодателем определены и следственные действия, производство которых будет невозможным при отсутствии понятых, даже с применением технических устройств [12].

В качестве особенностей использования такого направления развития современных информационных технологий следует указать:

1. Привязку к определенным геопространственным координатам на местности. Данный прием активно используется при проверке показаний на месте по уголовным делам, связанным с приобретением и хранением наркотических средств и психотропных веществ.

2. Возможность определения расстояния между удаленными объектами более быстрыми, а порой и эффективными способами. Например: использование лазерных дальномеров и др.

Концепция блокчейн предложена неустановленным лицом или группой лиц, которые работали под единым псевдонимом в 2008 г. При этом первая реализация первых цепочек концепции блокчейн

произошла в 2009 г., как компонент цифровой валюты (блокчейн), которая в настоящее время используется в большинстве цифровых валют (в ряде из них видоизменена и модернизирована). Этот вопрос не нашел единого мнения при его разрешении [2].

Обобщая особенности оценки доказательственной информации и ценности для развития информационной среды в обществе, можно констатировать, что в настоящее время письменная форма реализации уголовно-процессуальной функции по пресечению, предотвращению и расследованию преступлений служит наиболее эффективной мерой по обеспечению прав всех участников уголовного судопроизводства. Данное утверждение связано и с тем, что пока не достигнут в полной мере необходимый уровень цифровизации общества для полного отказа от письменной формы, хотя ряд ученых все-таки в большей степени ратуют за цифровизацию [13].

Сегодня процесс цифровизации вносит значительный вклад при производстве процессуальных действий. В частности, у сотрудников правоохранительных органов появилась возможность отправления запросов, поручений и т.п. посредством электронного документооборота.

На основании вышеизложенного можно заключить, что, несмотря на значительный вклад разработанных традиционных криминалистических рекомендаций по организации расследования преступлений, в деятельности правоохранительных органов существуют трудности при использовании современных компьютерных технологий в раскрытии и расследовании преступлений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белоус В.В. Информационные технологии в криминалистике: постановка проблемы // Проблемы законности. 2012. № 121. С. 183–195.
2. Бертовский Л.В. Технология блокчейна в уголовном процессе как элемент цифрового судопроизводства // Проблемы экономики и юридической практики. 2017. № 6. С. 226–231.
3. Бирюков В.В., Бирюкова Т.П. Криминалистическая идентификация как спе-

циальный метод криминалистики и ее роль в расследовании преступлений // Сибирское юридическое обозрение. 2019. № 2. С. 209–215.

4. Виноградов А.А. Криминалистическое обеспечение расследования преступлений – метод криминалистики // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2017. № 3 (29). С. 121–125.

5. Габеев С.В. О взаимосвязи уголовного права и криминалистики // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2020. № 1 (13). С. 24–30.

6. Гусев В.А. Цифровая гигиена vs. киберпреступность // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2022. № 1 (88). С. 102–108.

7. Мочагин П.В. Виртуально-информационный и невербальный процесс отражения слеодообразований как новое направление в криминалистике и судебной экспертизе // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». 2013. № 2. С. 148–154.

8. Мусаева У.А. Специфика проведения следственного осмотра по делам о преступлениях в сфере компьютерной информации // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2013. № 4-2. С. 67–79.

9. Пасечная Л.А., Попова Т.В. К проблеме дефиниции нового слова в современной лингвистике // Вестник Оренбургского государственного университета. 2005. № 11 (49). С. 167–171.

10. Пастухов П.С. Криминалистическое исследование электронных носителей информации как новая отрасль технико-криминалистической деятельности // Пермский юридический альманах. 2021. № 4. С. 622–640.

11. Родивилин И.П. Типологизация лиц, совершающих преступления в сфере компьютерной информации, по способу преступного деяния // Научный вестник Омской академии МВД России. 2017. № 4 (67). С. 25–29.

12. Тогулев В.М. Поняты или техническая фиксация результатов следственных действий? // Вестник Волжского университета имени В.Н. Татищева. 2021. Т. 2. № 4 (100). С. 112–120.

13. *Чиненов Е.В., Щукин В.И.* Фиксация доказательственной информации при раскрытии и расследовании экономических преступлений // *Право: история и современность*. 2019. № 3. С. 116–121.

14. *Щекотихина И.Н.* Стереотип: аспекты и перспективы исследования // *Вестник Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина*. 2008. № 5 (19). С. 69–80.

Г.В. Бушин, А.И. Куртыак

НОРМАТИВНО-ПРАВОО РЕГУЛИРОВАНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ДОЛЖНОСТНЫХ ЛИЦ ОПЕРАТИВНЫХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ ПРИ РЕШЕНИИ ЗАДАЧ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ РАБОТЫ И ИДЕНТИФИКАЦИИ ЛИЧНОСТИ НЕОПОЗНАННЫХ ТРУПОВ

Георгий Владимирович Бушин – заместитель начальника кафедры оперативно-розыскной деятельности в органах внутренних дел, Санкт-Петербургский университет МВД России, кандидат экономических наук, г. Санкт-Петербург; ORCID 0000-0003-4868-9794; e-mail: mia1273@mail.ru.

Андрей Иванович Куртыак – старший преподаватель кафедры оперативно-розыскной деятельности в органах внутренних дел, Санкт-Петербургский университет МВД России, г. Санкт-Петербург; ORCID 0000-0001-6376-8234; e-mail: kurtyak2017@inbox.ru.

В статье осуществлен анализ основных нормативно-правовых актов, регулирующих деятельность должностных лиц оперативных подразделений при решении задач оперативно-розыскной работы и идентификации личности неопознанных трупов. Выявлены правовые проблемы и коллизионные вопросы, связанные с реализацией норм оперативно-розыскного законодательства.

Ключевые слова: розыскная работа; должностные лица; нормы права; оперативные подразделения; идентификация; личность; неопознанный труп.

G.V. Bushin, A.I. Kurtyak

ON NORMATIVE LEGAL CONTROL OVER PERFORMANCE OF OPERATIONAL UNITS OFFICIALS WHEN EXERCISING OPERATIONAL SEARCH ACTIVITIES AND VERIFYING IDENTITIES OF UNIDENTIFIED DECEDENTS

Georgy Bushin – Deputy Head, the Department of Internal Affairs Bodies Operational Activity, Saint-Petersburg University of Ministry of Internal Affairs of Russia, Ph.D. in Economics, Saint-Petersburg; ORCID 0000-0003-4868-9794; e-mail: mia1273@mail.ru.

Andrey Kurtyak – Senior Lecturer, the Department of Internal Affairs Bodies Operational Activity, Saint-Petersburg University of Ministry of Internal Affairs of Russia, Saint-Petersburg; ORCID 0000-0001-6376-8234; e-mail: kurtyak2017@inbox.ru.

The article presents analysis of key normative and legal acts which regulate the activities of operational units officials in the cause of exercising operational search activities and when establishing identities of unidentified persons. On that ground there have been revealed legal challenges and conflict of laws related issues dealing with implementation of norms of operational and search legislation.

Keywords: search activities; officials; norms of law; operational units; identification; identity; unidentified decedent.

Должностные лица оперативных подразделений в рамках реализации возложенных на них служебных обязанностей основываются на нормах правовых актов, оперативные сотрудники являются должностными лицами органов внутренних дел, в частности, полиции и наделены полномочиями по осуществлению оперативно-розыскной деятельности.

Обязательность следования требованиям норм правовых документов, регламентирующих деятельность должностных лиц оперативных подразделений, обусловлена характером выполнения своих обязанностей, а именно предполагаемым ограничением прав и свобод граждан, предупреждением и пресечением преступлений, взаимодействием с органами предварительного расследования, судом, иными органами, уполномоченными на осуществление оперативно-розыскной деятельности.

В настоящее время Конституция Российской Федерации является фундаментом правового регулирования по вопросам, касающимся деятельности оперативных подразделений, занимающихся идентификацией неопознанных трупов и розыскной работы в целом [1]. Конституция Российской Федерации закрепляет основные условия и основания организации правоохранительной деятельности в целом, регулируя также правовые границы прав и свобод граждан с возможностью их ограничения в рамках закона. Вторая глава Конституции Российской Федерации полностью посвящена принципам реализации прав и свобод граждан, которые государственные органы призваны обеспечивать и защищать:

- права и свободы – высшая ценность для государства, в том числе для полиции;
- равенство всех перед законом;
- возможность ограничения прав и свобод лишь на основании требований закона;
- запрет на применение пыток и иных насильственных ограничений правового статуса человека;
- право обвиняемого (подозреваемого) на обращение за помощью адвоката;
- действие принципа презумпции невиновности.

Правовой основой оперативно-розыскной деятельности как отдельного вида государственной деятельности является Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности». В данном нормативно-правовом акте закреплено понятие оперативно-розыскной деятельности, субъекты, а также виды оперативно-розыскных мероприятий, основания и условия их проведения, и другие вопросы, касающиеся организации данного вида деятельности. Должностные лица оперативных подразделений при осуществлении мероприятий, направленных на идентификацию личностей неопознанных трупов, и розыскной работы реализуют мероприятия, которые направлены на выявление лиц, причастных к совершению преступлений, восстановлению нарушенных прав и свобод граждан. Статья 3 ФЗ от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» отмечает, что ОРД основывается на конституционных принципах законности, уважения и соблюдения прав и свобод человека и гражданина, а также на принципах конспирации, сочетания гласных и негласных методов и средств [2]. Процесс идентификации личности неопознанных трупов и осуществлении розыскной работы основывается на отмеченных выше принципах. Важным аспектом установления правовых границ дозволенности ограничения прав и свобод граждан при осуществлении ОРД являются положения статьи 5 ФЗ от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности», согласно которой определены, в том числе запреты, налагаемые на органы, уполномоченные осуществлять ОРД [9].

В главе 3 ФЗ от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» определено, что органы внутренних дел, куда входят оперативные подразделения, наделены полномочиями по осуществлению оперативно-розыскной деятельности. Также установлен правовой статус оперативных подразделений, их ответственность и некоторые особенности реализации оперативно-розыскных мероприятий и систему содействия и сотрудничества граждан в осуществлении опера-

тивно-розыскной деятельности.

Оперативные сотрудники системы МВД являются, в первую очередь, сотрудниками полиции. Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции», который также определяет содержание полномочий, в том числе по идентификации личности неопознанных трупов и розыскной работе. Так, среди направлений деятельности полиции следует выделить:

- 1) защиту личности, общества, государства от противоправных посягательств;
- 2) предупреждение и пресечение преступлений и административных правонарушений;
- 3) выявление и раскрытие преступлений, производство дознания по уголовным делам;
- 4) розыск лиц [3].

В рамках данных направлений оперативные сотрудники системы МВД обеспечивают реализацию полномочий по идентификации личности неопознанных трупов и осуществлению розыскной работы.

Вопросы идентификации личностей неопознанных трупов обеспечиваются, в том числе при проведении судебно-медицинских экспертиз, которые осуществляются государственными экспертами. В этой связи оперативные сотрудники вправе осуществлять взаимодействие с данными экспертными подразделениями. При этом проведение соответствующих экспертиз осуществляется на основании Федерального закона от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» [4].

Уголовно-процессуальный Кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ является основным нормативно-правовым актом в деятельности сотрудников оперативных подразделений при решении задач оперативно-розыскной работы [5]. Согласно ст. 178 УПК РФ, осмотр трупа должен происходить с участием судебно-медицинского эксперта, а при невозможности его участия – врача. При необходимости для осмотра трупа могут привлекаться другие специалисты.

В свою очередь ст. 89 УПК РФ от 18.12.2001 № 174-ФЗ указывает, что в

процессе доказывания запрещается использование результатов оперативно-розыскной деятельности, если они не отвечают требованиям, предъявляемым к доказательствам УПК РФ от 18.12.2001 № 174-ФЗ [10].

В случае обнаружения неопознанных трупов должностными лицами обязательно проведение фотографирования и дактилоскопирования, необходимых для дальнейшего установления личности. На территории Российской Федерации действует обязательная государственная геномная регистрация всех неопознанных трупов, что закреплено законодательством Российской Федерации. Категорически запрещено кремировать неопознанные трупы, в виду невозможности дальнейшего исследования. ФЗ от 3 декабря 2008 г. № 242-ФЗ «О государственной геномной регистрации в Российской Федерации», в соответствии с которым под государственной геномной регистрацией понимается деятельность, осуществляемая указанными в настоящем Федеральном законе государственными органами и учреждениями по получению, учету, хранению, использованию, передаче и уничтожению биологического материала и обработке геномной информации. Обязательная государственная геномная регистрация неопознанных трупов проводится органами предварительного следствия, органами дознания и органами, уполномоченными на осуществление оперативно-розыскных мероприятий по розыску без вести пропавших лиц, а также установление по неопознанным трупам личности человека, совместно с подразделениями органов внутренних дел Российской Федерации, к компетенции которых относится указанный вид деятельности, и учреждениями судебно-медицинской экспертизы, входящими в государственную систему здравоохранения.

Ведомственный уровень нормативно-правового регулирования деятельности должностных лиц оперативных подразделений при решении задач оперативно-розыскной работы.

Приказ МВД России, Генеральной прокуратуры РФ и Следственного комите-

та при прокуратуре РФ от 16 января 2015 г. № 38/14/5, которым утверждена Инструкция о порядке рассмотрения заявлений, сообщений о преступлениях и иной информации о происшествиях, связанных с безвестным исчезновением лиц [6]. Согласно данному нормативно-правового акта обеспечивается взаимодействие органов предварительного расследования, оперативно-розыскных подразделений, а также органов прокуратуры в вопросах получения, проверки и принятия мер реагирования на заявления и сообщения о преступлениях и иной информации о происшествиях, связанных с розыскной работой. Практический аспект реализации данного приказа, показывает, что часть найденных и опознанных в дальнейшем трупов ранее были в числе разыскиваемых лиц, без вести пропавших, указывает на важность координации действий указанных органов власти.

Приказ от 27 сентября 2013 г. № 776/703/509/507/1820/42/535/398/68 «Об утверждении Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд» [7] определяет порядок, условия и основания предоставления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следствию или суду. Устанавливаются требования к результатам оперативно-розыскной деятельности, в том числе материалам, так и к процессуальным особенностям. При идентификации личности неопознанных трупов и осуществлении розыскной работы оперативно-розыскная информация должна обеспечиваться таким образом, чтобы в случае ее выявления, была обеспечена реализация в рамках уголовного судопроизводства.

Приказ МВД России от 26 февраля 2016 года № 93 «Об организации приема, регистрации и рассмотрения заявлений и иных сообщений о трупах» [8]. Данный нормативно-правовой акт устанавливает порядок действий при приеме, регистрации и рассмотрении заявлений и иных сообщений о трупах. Так, в целях соблюдения законности и повышения эффективности при осуществлении деятельности по данному направлению должностные лица оперативных подразделений и руководители

должны:

- неукоснительное исполнение требований законодательных и иных нормативных правовых актов при приеме, регистрации и рассмотрении сообщений о трупах;
- осуществлять реализацию полномочий территориальных органов при рассмотрении сообщений о трупах, в том числе выездах на места их обнаружения;
- принимать исчерпывающие меры по поступившей информации, которая содержит сведения о составе преступления при обнаружении трупа.

В ходе проведенного анализа было установлено, что в настоящее время имеются значительные пробелы по вопросам, касающимся деятельности оперативных подразделений в рамках проведения оперативно-розыскных мероприятий по неопознанным трупам. Данные пробелы имеются не только, в законах федерального уровня, но и нормативно-правовых актах ведомственного уровня, которые как раз таки и должны регламентировать наиболее узкие вопросы. В этой связи требуется внесение соответствующих изменений в приказы МВД, а также разработка типовых инструкций и рекомендаций по розыскной работе.

Нормы права, регламентирующие деятельность должностных лиц оперативных подразделений по идентификации личности трупов, и осуществлению розыскной работы обусловлены действующим российским законодательством, среди которых нормы конституционного, федерального и ведомственного (межведомственного) законодательства. Посредством данных норм реализуются задачи, условия, основания, права и обязанности оперативных сотрудников по проведению оперативно-розыскных мероприятий и иных действий, направленных на установление обстоятельств, связанных с личностью неопознанного трупа. При реализации данных норм права происходит двоякое понимание и бланкетность многих норм права, данные проблемы приводят должностных лиц оперативных подразделений к затруднению и не достижению поставленных перед ними задач оперативно-розыскной работы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 года (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ, 14.03.2020 № 1-ФКЗ // Российская газета. 1993. 25 декабря.
2. Федеральный закон от 1 августа 1995 года № 144-ФЗ (ред. от 29.12.2022) «Об оперативно-розыскной деятельности» // Собрание законодательства Российской Федерации, 14.08.1995, № 33, ст. 3349.
3. Федеральный закон от 07 февраля 2011 года № 3-ФЗ (ред. от 29.12.2022) «О полиции» // Собрание законодательства Российской Федерации, 14.02.2011, № 7, ст. 900.
4. Федеральный закон РФ от 31 мая 2001г. № 73-ФЗ «О государственной судебно- экспертной деятельности в Российской Федерации // Собр. Законодательства РФ. 2001. № 23. Ст. 2291.
5. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 года № 174-ФЗ (ред. от 09.05.2023) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.
6. Приказ МВД России, Генеральной прокуратуры РФ и Следственного комитета РФ от 16 января 2015 г. № 38/14/5 «Об утверждении Инструкции о порядке рассмотрения заявлений, сообщений о преступлениях и иной информации о происшествиях, связанных с безвестным исчезновением лиц» // Российская газета от 30 марта 2015 г. № 65.
7. Приказ МВД России № 776, Минобороны России № 703, ФСБ России № 509, ФСО России № 507, ФТС России 3 1820, СВР России № 42, ФСИН России № 535, ФСКН России № 398, СК России № 68 от 27.09.2013 «Об утверждении Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд» // Российская газета, № 282, 13.12.2013.
8. Приказ МВД России от 26 февраля 2016 года № 93 «Об организации приема, регистрации и рассмотрения заявлений и иных сообщений о трупах» // «Консультант Плюс». URL: <https://base.garant.ru/746390/> (дата обращения: 16.06.2023).
9. П.Е. Сафронов, Особенности раскрытия и расследования убийств с обнаружением неопознанного или частей расчлененного трупа // Актуальные проблемы теории и истории права и государства на современном этапе: Сборник научных трудов XII Международной научно-практической конференции, Кострома, 24–25 декабря 2015 года. Кострома: Костромской государственный технологический университет, 2016. С. 91-96.
10. А.С. Игуменов. О некоторых вопросах информационно-аналитического обеспечения розыска без вести пропавших и установления личности неопознанных трупов // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2016. № 1(71). С. 67-71.

А.В. Дмитриев, А.С. Виноградов
СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ СИСТЕМЫ ОБЩИХ УСЛОВИЙ
ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ

Александр Викторович Дмитриев – зав. кафедрой безопасности, Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы (СЗИУ РАНХиГС) при Президенте РФ, доктор экономических наук, доцент, г. Санкт-Петербург; **e-mail: dmitriev-av@ranepa.ru**.
Андрей Сергеевич Виноградов – доцент кафедры безопасности, Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы (СЗИУ РАНХиГС) при Президенте РФ, кандидат юридических наук, доцент, г. Санкт-Петербург; **e-mail: anvin80@inbox.ru**.

Статья посвящена анализу системы общих условий предварительного расследования с целью ее совершенствования. Авторами предложены меры оптимизации системы общих условий предварительного расследования, закрепленных в главе 21 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

Ключевые слова: уголовный процесс; уголовное судопроизводство; УПК РФ; общие условия предварительного расследования; совершенствование системы общих условий.

A.V. Dmitriev, A.S. Vinogradov
ON IMPROVEMENT OF PRELIMINARY INVESTIGATION
GENERAL TERMS SYSTEM

Aleksandr Dmitriev – Head, Safety Department, North-West Institute of Public Administration and Civil Service, the Russian Presidential Academy of National Economic and Public Administration, Doctor of Economics, Associate Professor, Saint-Petersburg; **e-mail: dmitriev-av@ranepa.ru**.
Andrey Vinogradov – Associate Professor, Safety Department, North-West Institute of Public Administration and Civil Service, the Russian Presidential Academy of National Economic and Public Administration, Ph.D. in Law, Associate Professor, Saint-Petersburg; **e-mail: anvin80@inbox.ru**.

The article deals with the analysis of general terms of preliminary investigation to improve the one. The authors propose measures to optimize the system of general conditions of preliminary investigation legislated in art.21 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation.

Keywords: criminal proceedings; criminal procedure; Code of Criminal Procedure of the Russian Federation; general terms of preliminary investigation; improvement of general terms system.

Предварительное расследование – ключевая стадия досудебного производства по уголовным делам. Нередко эта стадия является самой продолжительной в процессе, а ее «первенство» среди стадий по объему составляемых процессуальных документов и выполняемых действий неоспоримо.

С учетом этого в УПК РФ [11] порядку производства в стадии предваритель-

ного расследования посвящено значительное число процессуальных норм: 13 глав, включающих в себя 94 статьи. Особое значение при регламентации производства в рассматриваемой стадии имеют нормы, образующие его основу и одновременно процессуальный «каркас». Такие нормы содержатся в главе 21 УПК РФ и именуются законодателем общими условиями предварительного расследова-

ния. Как справедливо пишет С.В. Горленко, на родовом уровне эти общие условия имеют под собой как конституционную, так и международно-правовую основу [3, с. 78].

В уголовно-процессуальной науке принято вести речь о том, что общие условия предварительного расследования образуют систему [1, с. 243]. Это означает, что они представляют собой не просто перечень схожих по назначению правил, а тесно взаимосвязаны и взаимодополняют друг друга элементами единого механизма. Система общих условий предварительного расследования неоднократно становилась предметом полемики среди представителей уголовно-процессуальной науки. Однако к единому мнению в этом вопросе ученым прийти не удалось. Более того, система таких общих условий, закрепленная в действующей редакции УПК РФ, по-прежнему дает поводы для замечаний критического характера в свой адрес.

Научные дискуссии вокруг общих условий предварительного расследования начинаются с вопроса о том, а нужно ли выделять в отдельный институт совокупность таких специальных норм или это только излишне перегружает и без того непростую с точки зрения юридической техники структуру российского УПК РФ. С позиции Л.В. Головки, выделение общих условий предварительного расследования выступает проявлением техники кодификации, которая способствует разграничению процессуальных норм общего и специального характера [2, с. 67]. Мы поддерживаем позицию исследователя и считаем, что с учетом процессуального объема второй стадии уголовного судопроизводства выделение ее общих условий в обособленный институт необходимо.

Применительно к понятию общих условий предварительного расследования в науке существует два основных подхода. Согласно первому из них, общие условия выступают для предварительного расследования основой принципиального характера, то есть, по сути, являются принципами этой отдельной стадии. Общими они именуется ввиду того, что представляют собой фундамент, на котором стро-

ится в целом предварительное расследование. Как полагает В.А. Лазарева, общие условия – это правила расследования наиболее общего характера. Выражая сущностные признаки стадии, они обусловлены принципами уголовного судопроизводства и выступают их гарантиями [12, с. 279]. Аналогичного мнения придерживается и Д.В. Хынг, утверждая, что общие условия, содержащиеся в нормах уголовно-процессуального законодательства, близки по содержанию принципам уголовного судопроизводства [13, с. 265].

В соответствии со вторым подходом общие условия должны являться не базовыми положениями, а действующими правилами, пронизывающими насквозь уголовно-процессуальную деятельность, осуществляемую в рассматриваемой стадии. Представителем этого подхода выступает Д.С. Крылова, с позиции которой общие условия представляют собой не идеоконцепты и не расширенные представления о порядке производства расследования, как прослеживалось в советском УПК 1960 г., а требования, которые должны соблюдать должностные лица, осуществляющие производство по делу [4, с. 162].

Прежде чем выразить собственную приверженность тому или иному подходу, следует отметить, что понятие «общие условия» перекочевало в УПК РФ из УПК РСФСР 1960 г. В последнем в главе 10 закреплен схожий, но более широкий перечень общих условий предварительного следствия. В настоящее время, как и ранее, легального понятия общих условий предварительного расследования в нормах уголовно-процессуального законодательства не существует, что усложняет исследование их юридической природы.

Если рассмотреть понятие «общие условия» с точки зрения семантики, то получаем следующее: термин «общий» означает затрагивание основ какого-либо объекта и при этом включает в себя лишь наиболее значимое содержание чего-либо, а термин «условия» – это правила, установленные для какой-либо деятельности, а также обстановка, в которой эта деятельность осуществляется [7, с. 354, 685].

С учетом этого, определяя, являются ли общие условия принципами предварительного расследования или выступают действующими во всех случаях правилами, считаем, что истина, как это часто и бывает, находится посередине: общие условия, с одной стороны, являются основополагающими идеями стадии предварительного расследования, с другой – действующими правилами, прямо применяемыми при расследовании уголовных дел. В этом аспекте можно согласиться с понятием общих условий предварительного расследования, которое дает Д.С. Крылова. Автор понимает под ними совокупность норм уголовно-процессуального права, которые выступают наиболее общими правилами-требованиями, применяемыми на стадии предварительного расследования [5, с. 122].

К.С. Провоторова высказывает позицию о том, что к общим следует относить условия, которые распространяются на стадию предварительного расследования, а такие, которые связаны с отдельными ее этапами, относятся к частным и закреплены в последующих главах УПК РФ, входящих в его раздел VIII [8, с. 134]. С предлагаемой позицией можно было бы согласиться, если бы в главе 22 также не содержались положения, распространяющиеся на стадию в целом (например, правила о производстве следственных действий). Как известно, следственные действия наполняют предварительное расследование содержанием и пронизывают его насквозь, включая и следствие, и дознание.

Схожей точки зрения придерживается и Р.Б. Кушхов. Общие условия, по его мнению, характеризуются тем, что распространяют свое действие на ход предварительного расследования в целом [6, с. 231]. Однако анализ показывает, что это не так. В частности, очевиден тот факт, что неотложные следственные действия охватывают не в целом предварительное расследование, а только его начальный этап.

С учетом изложенного возникает вопрос о том, по каким критериям то или иное правило, имеющее отношение к предварительному расследованию, долж-

но быть отнесено к общим условиям, а какое правило таковым не является. Представляется, что любое такое правило для его отнесения к общим условиям должно отвечать ряду признаков. К последним можно отнести следующие:

- правила должны регламентировать процессуальную деятельность только в стадии предварительного расследования, но не в других стадиях;

- требования должны иметь наиболее общий характер и позволять выделить стадию предварительного расследования из числа других стадий судопроизводства;

- требования должны обязательно, а не вероятно или выборочно быть реализованными в ходе рассматриваемой стадии.

В настоящее время глава 21 УПК РФ содержит 14 положений, относимых к общим условиям предварительного расследования. Очевидна попытка законодателя включить в число общих условий такие из норм, которые в достаточной степени наделяют должностных лиц органов расследования арсеналом средств для быстрого, полного и непредвзятого расследования самых различных уголовных дел. При этом, как нами указано ранее, нельзя не учитывать исторический опыт. Однако данный подход, как показывает практика, не всегда эффективен с учетом развивающихся общественных отношений в целом и уголовно-процессуальных в частности.

Как видится, не все из закрепленных в главе 21 УПК РФ общих условий предварительного расследования обладают перечисленными выше признаками. Начнем с положений, закрепленных в ст. 153–155 УПК РФ и регламентирующих возможность и порядок процессуальной «реорганизации» уголовных дел. Как соединение, так и выделение уголовного дела, а равно и выделение материалов уголовного дела, допускается лишь при наличии предусмотренных законом оснований, то есть не во всех случаях. Поэтому можно заключить, что такие положения имеют не общий, а специальный характер. Представляется, что данные нормы целесообразнее было бы закрепить в главе 22 УПК РФ, в которой предусмотрены правила,

регламентирующие порядок производства предварительного следствия, и нормы которой также преимущественно распространяются и на дознание.

Аналогичной является наша точка зрения и относительно мер, направленных на обеспечение гражданского иска, конфискации и иных имущественных взысканий; а также положения, закрепленного в ст. 157 УПК РФ о производстве неотложных следственных действий. Такие нормы тоже применяется при производстве далеко не всех уголовных дел, а значит, имеют не общий, а частный характер. Следовательно, считаем, что они должны быть перенесены в главу 22.

Нелогичным выглядит и отнесение к числу общих условий предварительного расследования норм о восстановлении уголовных дел. Ситуации, возникающие в связи с утратой уголовных дел, на практике редки и являются не правилом, а исключением. Кроме того, утрата уголовных дел возможна и на судебных стадиях уголовного процесса. По справедливому замечанию Д.С. Крыловой, материалы предварительной проверки могут быть утрачены и в стадии возбуждения уголовного дела, но порядок их восстановления не отражен в УПК РФ [5, с. 123]. Следовательно, данное правило не является эксклюзивным для стадии предварительного расследования.

Отдельного внимания заслуживает правило об обязательности рассмотрения ходатайств, установленное ст. 159 УПК РФ и не обладающее ни одним из выделенных нами выше признаков общих условий предварительного расследования: ходатайства заявляют хоть и по многим, но не по всем уголовным делам, и, кроме того, они возможны не только на стадии предварительного расследования, но и на других стадиях уголовного судопроизводства. Применительно к этому «общему условию», вероятно, и сыграла негативную роль историческая преемственность. В УПК РСФСР 1960 г. отсутствовала глава, посвященная порядку заявления, рассмотрения и разрешения ходатайств. Поэтому нормы о ходатайствах включены законодателем в главу об общих условиях

предварительного следствия. Однако в действующем УПК РФ глава о ходатайствах существует (глава 15), а значит, наличие положений ст. 159 в главе 21 сопряжено с неоправданным «распылением», согласно УПК РФ, норм, регламентирующих одни и те же вопросы. С учетом этого, на наш взгляд, правилу об обязательности рассмотрения ходатайств следовало бы «переехать» в главу 15 УПК РФ.

Критически относимся к решению о включении в число общих условий предварительного расследования и норм о необходимости попечения о детях и иждивенцах лица, в отношении которого ведется преследование, а также мер, направленных на сохранность его имущества. В этом мы солидарны с Д.С. Трынко [9, с. 390]. Он пишет о том, что такие мероприятия могут быть реализованы в уголовном судопроизводстве только при применении мер процессуального принуждения – задержания или заключения под стражу. Ввиду этого данные правила, как видится, должны содержаться в разделе IV УПК РФ.

Указанные нормы представляются небезупречными еще и с той позиции, что УПК РФ не содержит перечня таких мер, не раскрывает их содержание. Кроме того, в УПК РФ не указан срок, в течение которого такие меры должны быть приняты. Подобная ситуация не может не порождать проблемы практического характера, если следователь и дознаватель либо не принимают должных мер, либо делают это формально.

Как видится, данный вопрос вполне урегулирован в уголовно-процессуальном законодательстве Республики Беларусь [10]. В ст. 197 УПК Республики Беларусь предусмотрено, что соответствующие меры должны быть приняты не позднее дня, следующего за днем изоляции от общества подозреваемого или обвиняемого. К тому же в приведенной статье перечислены государственные органы, которые должны быть об этом уведомлены должностным лицом, осуществляющим расследование.

Подводя итог, можно сделать следующие выводы:

1. Общие условия предварительного расследования, образуя систему, являются, во-первых, основополагающими идеями стадии предварительного расследования; во-вторых, реально действующими правилами, прямо применяемыми при расследовании уголовных дел.

2. Любое правило, применяемое при производстве предварительного расследования, для его отнесения к общим условиям должно обладать рядом признаков: регламентировать процессуальную деятельность только в стадии предварительного расследования; иметь наиболее общий характер и позволять выделить стадию предварительного расследования из числа других стадий уголовного процесса; обязательно быть реализованным в процессе предварительного расследования.

3. С учетом этого считаем неверным отнесение к общим условиям таких положений, как соединение и выделение уголовных дел; выделение материалов уголовного дела; восстановление уголовных дел; обязательность рассмотрения ходатайств; меры по обеспечению взысканий имущественного характера; меры попечения об иждивенцах и меры по обеспечению сохранности имущества. Как не отвечающие выделенным выше признакам общих условий предварительного расследования данные положения должны быть расположены в иных главах УПК РФ. Это будет способствовать и совершенствованию юридической техники изложения уголовно-процессуальных норм.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Богаткина Р.Ш.* Проблемные вопросы реализации общих условий предварительного расследования в контексте российского и международного законодательства // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2021. Т. 12. № 2 (44). С. 242–246.

2. *Головкин Л.В.* Курс уголовного процесса. М.: Статут, 2017. 1278 с.

3. *Горленко С.В.* Общие условия производства предварительного следствия в уголовном процессе (понятие, история и современность): дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001. 237 с.

4. *Крылова Д.С.* К вопросу о проблемах системы общих условий предварительного расследования в современном уголовном судопроизводстве // Вестник экономической безопасности. 2021. № 1. С. 161–163.

5. *Крылова Д.С.* К вопросу о системе общих условий предварительного расследования // Вестник экономической безопасности. 2022. № 4. С. 122–125.

6. *Куликов Р.Х.* Реализация следователем общих условий предварительного расследования // Пробелы в российском законодательстве. 2020. Т. 13. № 4. С. 230–234.

7. *Ожегов С.И.* Словарь русского языка: ок. 57 000. 20-е изд., стер. М.: Рус. яз., 1988. 748 с.

8. *Провоторова К.С.* Система нормативных положений, регламентирующих общие условия предварительного расследования: становление и пути реформирования // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2019. № 3 (50). С. 133–139.

9. *Трынка Д.С.* Меры попечения о детях, об иждивенцах подозреваемого или обвиняемого и меры по обеспечению сохранности его имущества: эффективность правовой реализации // Уголовное судопроизводство: современное состояние и перспективы развития: сборник науч. тр. IX ежегодной Всерос. конф. / под ред. О.В. Химичевой. М.: Московский университет МВД РФ имени В.Я. Кикотя, 2020. С. 390–394.

10. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь от 16 июля 1999 г. № 295-З (с изм. от 22.07.2022 г.) // Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь. URL: <https://pravo.by/document/?guid=3961&p0=НК9900295> (дата обращения: 20.03.2023).

11. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (с изм. и доп. от 13.06.2023 г.) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.

12. Уголовный процесс: учебник / под ред. В.А. Лазаревой. М.: Юстиция, 2016. 653 с.

13. *Хынг Д.В.* Роль понятия «общие условия» в формировании сущности общих условий предварительного расследо-

вания (сравнительно-правовое исследование законодательства Российской Федерации и Социалистической Республики Вьетнам) // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 4. С. 263–268.

Е.С. Иванова

ОБРАЗЦЫ ДЛЯ СРАВНИТЕЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ В СИСТЕМЕ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИ ЗНАЧИМОЙ ИНФОРМАЦИИ

Елена Сергеевна Иванова – заместитель декана по учебной работе, Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный университет, г. Санкт-Петербург; ORCID: 0000-0002-2654-946X; e-mail: ivas-1977@mail.ru.

В статье представлен анализ и предложено авторское определение криминалистически значимой информации, проведена оценка категории «образец для сравнительного исследования» как процессуального и криминалистического явления для конкретизации его места в системе криминалистически значимой информации. Результатом выполненной работы стало определение места образцов для сравнительного исследования в системе криминалистически значимой информации с визуализацией ее логических связей.

Ключевые слова: образцы для сравнительного исследования; система криминалистически значимой информации; судебная экспертиза; информация; криминалистика.

E.S. Ivanova

SAMPLES FOR COMPARATIVE RESEARCH IN FORENSICALLY MEANINGFUL SYSTEM OF INFORMATION

Elena Ivanova – Deputy Dean for Educational Work, Saint-Petersburg State University of Architecture and Civil Engineering, Saint-Petersburg; ORCID: 0000-0002-2654-946X; e-mail: ivas-1977@mail.ru.

The article presents analysis and the author's own definition of forensically significant information. It provides evaluation of the «sample for comparative research» category as a processual and forensic phenomenon to specify its place in the system of forensically meaningful information. The research resulted in defining the place of samples for comparative research in the system of forensically relevant information with the visualization of its logical relationships.

Keywords: samples for comparative research; system of forensically meaningful information; forensic expertise; information; forensic science.

Информационные процессы служат неотъемлемой частью деятельности человека, присутствуют во всех сферах человеческого бытия и во многом определяют такую деятельность, в том числе и деятельность по раскрытию и расследованию преступлений. В научной литературе существует много подходов к определению понятий информации и теории информации. Нас интересуют вопросы информационной составляющей процесса

раскрытия и расследования преступлений. Не вдаваясь глубоко в исследование вопросов информации в криминалистике, можно сделать вывод о том, что отдельные аспекты информационной составляющей процесса раскрытия и расследования преступной деятельности изучены еще в работах Г. Гросса, Э. Анушата, Я.И. Баршева, В.А. Линовского, Р.А. Рейса и С.Н. Трегубова.

Следует отметить, что научное уясне-

ние информационных основ деятельности по раскрытию и расследованию преступлений происходит во взаимосвязи с развитием научной теории информации и применением ее положений в теории криминалистики. Пионерами в области информационного обеспечения можно назвать А.И. Винберга и Р.С. Белкина, которые исследовали информационную составляющую деятельности, направленную на познание преступления через призму философской теории отражения [1, с. 173, 176], которая находит прямое выражение в процессе следообразования.

В контексте настоящего исследования для нас интереснее понятие криминалистически значимой информации. Первоначально определено понятие «криминалистическая информация» в исследованиях Н.С. Полевым, который понимает под ней информацию, характеризующую событие преступления и отдельные его элементы [4, с. 176]. М.Н. Хлынцов полагает, что криминалистическая информация – это «любые сведения, полученные процессуальным и непроцессуальным путем в процессе расследования преступления следователем или работником органа дознания в соответствии с рекомендациями, разработанными криминалистикой, могущими быть доказательствами по делу или способствующими получению доказательств и принятию мер для предупреждения и пресечения других преступлений» [6, с. 38].

В криминалистической науке под криминалистически значимой информацией традиционно понимают фактические данные или сведения, которые находятся в причинно-следственной связи с событием преступления и характеризуют способ его совершения, лиц, которые его совершили, предметы преступного посягательства, орудия преступления и иные подобные обстоятельства. Так, А.Н. Григорьев к криминалистически значимой информации относит всю информацию, которая используется в ходе расследования преступления: то есть «полученную по различным каналам информацию, могущую выступать в качестве доказательств по уголовному делу или способствующую

получению таковой, а также любую иную информацию, имеющую значение для достижения установленных законом конечных целей деятельности по раскрытию и расследованию преступлений» [3, с. 123].

Е.Н. Паршина, опираясь на мнение М.Н. Хлынцова, характеризует криминалистически значимую информацию как информацию, имеющую значение для установления обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу, или способствующую получению таковой. Указанный автор полагает, что любая информация, имеющая значение для достижения целей уголовного судопроизводства, может быть отнесена к криминалистически значимой информации [5, с. 86].

Учитывая изложенные научные подходы к пониманию криминалистически значимой информации, а также наличие актуальной и потенциальной криминалистической информации, можно определить такую информацию как *совокупность систем взаимодополняемых сведений, которые непосредственно или опосредованно связаны с преступлением*. В свою очередь, придание процессуального значения такой информации (проведение следственных действий, постановка на криминалистический учет) способствует раскрытию и расследованию уголовных дел.

Систему взаимодополняемых сведений образуют доказательственная и непроцессуальная информация. К доказательственной информации относят следы преступления и результаты процессуальных действий, к непроцессуальной – сведения, содержащиеся в различного вида учетах (криминалистических, оперативно-справочных, розыскных), и иная ориентирующая информация, которая помогает лицу, осуществляющему предварительное расследование, добывать, подтверждать или опровергать те или иные сведения, получая в конечном итоге юридический «продукт», то есть доказательства.

Изучив данные об источниках криминалистически значимой информации в специальной литературе, мы их синтезировали в определенную «среду-систему»,

в структуру которой входят следующие элементы:

- 1) следы преступлений;
- 2) результаты проведенных следственных и иных процессуальных действий;
- 3) экспертно-криминалистические учеты (информационно-поисковые системы);
- 4) оперативно-справочные учеты;
- 5) розыскные учеты;
- 6) уголовно-статистические учеты;
- 7) иная ориентирующая информация.

Структурно криминалистически значимая информация представляется некоей системой, в которой все указанные элементы взаимодействуют путем «процессуального перехода» из одной категории в другую. Например, следы преступления, обнаруженные на месте преступления, подвергаются постановке на экспертно-криминалистический учет. Ориентирующая информация может быть подтверждена в ходе допроса или иного следственного действия, тем самым она становится доказательственной информацией. Результаты следственных действий могут нести ориентирующее значение для раскрытия другого преступления.

На наш взгляд, данная система может быть дополнена таким элементом, как «образцы для сравнительного исследования». Это предположение базируется на теории отражения информации, проявляющейся в процессе следообразования.

Изучая вопрос о сущности юридической природы образцов для сравнительного исследования, можно обнаружить, что «образец для сравнительного исследования» определен в качестве объекта (материала) для проведения судебной экспертизы, который обладает криминалистически значимыми характеристиками, позволяющими идентифицировать необходимый предмет или диагностировать его свойства. Данный подход представлен и в нормативных актах, регламентирующих судебно-экспертную деятельность, и в научной и учебной литературе, освещающей вопросы производства судебной экспертизы, получения доказательств по уголовным делам, тактике проведения отдельных следственных действий. Очевид-

ным становится тот факт, что образцы для сравнительного исследования по своей процессуальной природе, не имея самостоятельного доказательственного значения, в результате выполнения судебного экспертного исследования «производят» такое доказательство.

Наряду с этим дополним, что образцы для сравнительного исследования, обладая определенной информацией об объекте, представляющей криминалистически значимый интерес, несут криминалистически значимую информацию, которая может быть как актуальной, так и потенциальной. Указанные свойства можно установить в процессе производства судебной экспертизы. При обнаружении на месте происшествия следовая информация, подлежащая исследованию экспертом-криминалистом, обладает потенциальными свойствами криминалистически значимой информации. В процессе проведения осмотра места происшествия и обнаруженных объектов делают лишь предположения или проводят экспресс-тесты при предварительном исследовании о возможной принадлежности следов, о времени их возникновения и процессе следообразования [2, с. 118]. В той же мере это относится и к сравнительным образцам, которые изымают в ходе иных следственных и процессуальных действий. Например, получая образец крови, следователь (дознатель) достоверно знает его принадлежность, но до получения экспертного заключения существует лишь потенциальная возможность того, что биологические следы на месте происшествия совпадут с теми, которые получены от подозреваемого (обвиняемого). Эксперт, исследуя характеристики и свойства образца, производит отождествление конкретного объекта или распознавание и исследование его свойств и характеристик. Тем самым криминалистически значимая информация приобретает свою актуальность. Можно утверждать, что образец для сравнительного исследования обладает таким набором свойств и признаков, которые имеют криминалистическое значение.

Вместе с тем криминалистическое

значение имеет и иная информация, которая традиционно определена как криминалистически значимая информация. С одной стороны, практически любой носитель криминалистически значимой информации может быть «источником» образцов для сравнительного исследования. С другой – образцы для сравнительного исследования, полученные при расследовании одного преступления, могут стать источником криминалистически значимой информации для расследования других преступлений. Так, следы преступления не только могут быть поставлены на соответствующие учеты, но и могут выступать образцами для сравнительного исследования. Объекты, поставленные на учет в

связи с совершением другого преступления, в отдельных случаях могут выступать сравнительными образцами. Представленная на рисунке система источников криминалистически значимой информации наглядно демонстрирует такие взаимосвязи.

Резюмируя вышеизложенное, можно утверждать, что образцы для сравнительного исследования в системе криминалистически значимой информации представляют собой центральное, связующее звено, позволяющее такой системе функционировать и, обновляясь, нести в себе актуальную информацию, которая может быть использована для раскрытия и расследования разных преступлений.

Образцы для сравнительного исследования в системе источников криминалистически значимой информации

Источник: сост. автором.

Образцы для сравнительного исследования, будучи преобразованной информацией об объекте или первичной информацией об объекте, проходя процессуальную процедуру в процессе экспертного исследования, становятся источником доказательственной информации по уголовному делу. Таким образом, образцы для сравнительного исследования с момента их получения в процессе экспертного исследования становятся элементом преобразования криминалистически значимой информации в доказательства и логично занимают центральное место в системе источников криминалистически значимой информации.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Белкин Р.С., Винберг А.И.* Криминалистика и доказывание (методологические проблемы). М.: Юрид. лит., 1969. 215 с.
2. *Васильева О.А.* Криминалистические свойства проверки и оценки криминалистически значимой информации, полученной при производстве следственных действий // Социально-экономическое развитие и качество правовой среды: сборник докладов VIII Московского юридического форума (XIX Междунар. науч.-практ. конф.): в 5 ч. Ч.4. М.: Изд-во МГЮУ им. О.Е. Кутафина, 2021. С. 116–120.
3. *Григорьев А.Н.* Теоретические аспекты информации и ее защиты в предварительном расследовании преступлений: дис. ...канд. юрид. наук. Калининград, 2002. 230 с.
4. *Полевой Н.С.* Криминалистическая кибернетика. Теория информационных процессов и систем в криминалистике. 2-е изд. М.: Изд-во МГУ, 1989. 208 с.
5. *Паршина Е.Н.* Проблемы информационного обеспечения и защиты информации в предварительном расследовании: автореф. дис. ...канд. юрид. наук. Ижевск, 2004. 215 с.
6. *Хлынцов М.Н.* Криминалистическая информация и моделирование при расследовании преступлений. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1982. 159 с.

В.С. Карпов, Д.В. Синьков
О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ, СВЯЗАННЫХ
С КВАЛИФИКАЦИЕЙ, РАСКРЫТИЕМ И РАССЛЕДОВАНИЕМ
БАНДИТИЗМА

Виктор Сергеевич Карпов – кандидат юридических наук, доцент, адвокат, Иркутская областная коллегия адвокатов, г. Иркутск; **e-mail: bbb740@mail.ru**.

Дмитрий Владимирович Синьков – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права, Санкт-Петербургский государственный университет; доцент кафедры уголовного права и криминологии, Байкальский государственный университет, г. Санкт-Петербург; **e-mail: dvsv@list.ru**.

В статье на примере многоэпизодного уголовного дела о бандитизме, имевшего общественный резонанс в начале 2000-х гг., рассмотрены все его этапы, от квалификации, раскрытия и расследования до вынесения приговора. Юридический анализ данного уголовного дела показал ряд проблем, с которыми сталкиваются сотрудники правоохранительных органов при применении законодательства в процессе квалификации, раскрытия и расследования уголовных дел. В частности, изучены проблемы, возникающие при осмотре места происшествия, во время сбора и закрепления доказательств. Авторы обращают внимание на необходимость закрепления на законодательном уровне процесса и порядка привлечения к уголовной ответственности лиц, совершивших однократное разбойное нападение, которое привело к тяжким последствиям и др.

Ключевые слова: бандитизм; квалификация; расследование; доказательства по делу; следственные версии.

V.S. Karpov, D.V. Sinkov
ON BANDITRY QUALIFICATION, DETECTION
AND INVESTIGATION ISSUES

Viktor Karpov – Associate Professor, Lawyer, Irkutsk regional lawyer chamber, Ph.D. in Law, Irkutsk; **e-mail: bbb740@mail.ru**.

Dmitry Sinkov – Associate Professor, the Department of Criminal Law, Saint-Petersburg State University, Associate Professor, the Department of Criminal Law and Criminology, Baikal State University, Ph.D. in Law, Associate Professor, Saint-Petersburg; **e-mail: dvsv@list.ru**.

Using the example of a multi-episode criminal case on banditry, which had a public resonance in the early 2000s, the article examines all its stages – from qualification, detection and investigation to conviction. The legal analysis of this criminal case showed a number of problematic issues that law enforcement officers face when applying the law during qualification, detection and investigation of criminal cases. The article in particular has explored related concerns arising in the cause of examining the scene, collecting, and securing evidence. The authors draw attention to the need for legislating the process and the procedure for prosecution of those committed a single robbery, which led to grave consequences, etc.

Keywords: banditry; qualification; investigation; evidence in the case; investigative leads.

*Настоящий учитель – не тот, кто тебя постоянно воспитывает, а тот, кто помогает тебе стать самим собой.
Михаил Аркадьевич Светлов¹.*

¹ См.: 50 лучших цитат про учителей // Frazy.su. URL: <https://frazy.su/28533-citaty-ob-uchitele-i-pedagogicheskoy-professii> (дата обращения: 26.03.2023).

В октябре 2002 г. из прокуратуры г. Бодайбо в Следственное управление прокуратуры Иркутской области передали уголовное дело о разбойном нападении на автомашину старательской артели «Лена» и хищении почти 43 килограммов золота (стоимость не аффинированного, то есть не очищенного от примесей золота, у скупщиков в указанный период составляла около 10 долларов США), в ходе которого убиты трое охранников.

Любое убийство – это, безусловно, трагедия, но была и еще одна психологическая подоплека. В частности, шесть детей остались без отцов, которые были кормильцами для семей, проживающих в условиях, приравненных к Крайнему Северу.

На момент принятия дела к производству оно было не раскрыто более месяца, какая-либо успешная перспектива изначально отсутствовала. Для раскрытия и расследования преступления создана следственно-оперативная группа, в которую вошли (на тот момент) сотрудники Регионального управления по борьбе с организованной преступностью (РУБОП) ГУВД Иркутской области. После принятия уголовного дела к производству и совместного тщательного изучения имеющихся в указанный период материалов уголовного дела возникли несколько версий произошедшего.

Благодаря оперативному сопровождению сотрудников Управления по борьбе с организованной преступностью (УБОП) УВД по Иркутской области и их оперативным позициям, удалось в кратчайшие сроки добыть информацию и по крупнякам выстраивать линию расследования преступления. При этом следственные действия осуществляли в целом ряде городов России: Ангарске, Бодайбо, Иркутске, Новосибирске, Перми. В этих городах проводили оперативные комбинации, засады, изъятие похищенного (золота) и оружия, обыски, задержания, процессуальные действия, уголовное дело рассматривал Иркутский областной суд.

Одним из основополагающих следственных действий в расследовании большинства уголовных дел, особенно нераскрытых (в том числе и для выдвижения

версий), безусловно, служит осмотр места происшествия [1; 2; 3]. Это одно из наиболее трудоемких, но вместе с тем самых информативных мероприятий. От того, насколько качественно и грамотно оно будет проведено, во многом зависит успех дела в целом: оперативность его раскрытия, формирование доказательной базы, изобличение фигурантов. Малейшая небрежность (неточность) при проведении осмотра места происшествия напрямую влияет на успех процесса расследования.

Сначала «вернулись назад» и очень внимательно, детально изучили протокол осмотра места происшествия, фототаблицы к нему. Установили, что один из нападавших (количество которых ранее было неизвестным) был ранен, остались следы крови четвертого человека на месте преступления. Место разбойного нападения было очень тщательно выбрано. Автомашина (обычный, небронированный, тентованный УАЗ-«головастик») шла на крутой подъем очень медленно, а на горе, когда дорога поворачивала практически под углом в 90 градусов, скорость движения была еще ниже. Именно на месте поворота на вершине и организовали засаду (лежку), за насыпью, которую нагреб трактор, расчищая дорогу. Все это свидетельствовало о том, что нападавшие хорошо ориентировались в данной местности, а главное, достоверно знали дату, время и маршрут движения автомашины, перевозившей золото с прииска. Охранников расстреляли практически в упор. Двое в кабине погибли сразу, однако в кузове под тентом находился третий человек, о котором преступники не знали. Именно он и ранил одного из нападавших, когда последний направился в кузов за золотом. Третьего охранника нападавшие сначала ранили, затем убили.

При осмотре места происшествия была, действительно, допущена небрежность: одно из огнестрельных повреждений на тенте автомашины «УАЗ» описано как причиненное оружием калибра 6,5 мм. Хочется акцентировать внимание на том, что именно не 5,6 мм, а 6,5 мм (ошибся при описании эксперт-криминалист. Следовательно доверился ему и не перепроверил. Это привело к проверке «ложного следа» –

отработке версии о возможности причинения ранения именно оружием калибра 6,5 мм. В результате проведенных оперативно-розыскных и следственных мероприятий установлено, что на территории Иркутской области существует лишь два ружья такого калибра, в частности спортивные винтовки, принадлежащие лицам, которые не имели отношения к совершенному преступлению. Впоследствии баллистическая экспертиза выявила эту ошибку, но позднее.

Оружие – следующий важный для раскрытия факт. Как установлено по имеющимся повреждениям на тенте автомашины и гильзам, обнаруженным на месте происшествия, в качестве оружия нападавшие использовали автомат АК-47 и гладкоствольное ружье «Сайга» 20 калибра (как затем выяснили, с лазерным прицелом). Оружие, использованное нападавшими, на месте происшествия обнаружено не было. Кроме того, преступниками похищено, помимо золота, и оружие охранников. Оперативным путем отработаны версии, согласно которым нападавшие могли купить автомат, а также все владельцы «Сайги» 20 калибра.

Главная «ниточка» для раскрытия преступления потянулась благодаря оперативным позициям сотрудников РУБОПа, которые совместно с местными оперативниками проверили все аптеки в г. Бодайбо, кто и где покупал медикаменты (прежде всего, бинты, вату, обезболивающие и дезинфицирующие средства...). В результате анализа и сопоставления фактов установлена гражданка У., которой в исследуемый период было немногим более 20 лет. Она имела начальное медицинское образование и покупала вышеуказанные медицинские средства. Путем оперативно-розыскных мероприятий установлен гражданин С. 1956 года рождения, который неожиданно стал пребывать только дома, никуда не выходил, полностью абстрагировался от внешнего мира. К тому же установлено, что С. получил два огнестрельных ранения от охранника артели, который был в кузове автомашины, в челюсть и в ногу (в районе колена). С одной стороны он не мог нормально ходить, с другой – у него развилась

флегмона (челюсть была пробита и раздроблена, образовалось гнойное осложнение).

После того, как установлены данные сожителя гражданки У., началась отработка возможных мест его нахождения. Как оказалось, он покинул Бодайбо. Мог находиться в Ангарске, у матери и сестры, в принадлежащей им квартире. Ранения не помешали С. доехать 160 км: сначала с места преступления до Бодайбо, а затем без малого 2000 км до Ангарска, хотя автомашина «Волга», купленная им для того, чтобы добраться до места преступления и обратно, была на «механике», то есть простреленная левая нога, постоянно должна была находиться в «работе» – выжимать педаль сцепления.

Операция по задержанию проводилась в шесть – семь часов утра с поддержкой УФСБ и СОБРа. То, насколько грамотно и точно работают сотрудники указанных спецслужб, вызывает не только уважение, но и говорит об уровне и качестве их подготовки. Вместе с тем уже на месте спонтанно придумана комбинация относительно того, что соседи сверху «топят» проживающих в квартире. Это позволило обойтись без взлома двери, шума, избежать дополнительных материальных и моральных затрат, не напугать спящих ребятшек.

Субъект С. не находился в квартире. Он пребывал в военном госпитале, расположенном в Ангарске. Военные медики не «смогли распознать “легенду” о дальнобойщике, травмированном от отскочившего лома, когда тот разбортировал колесо КамАЗа. Доказать вину офицеров-медиков, к сожалению, не удалось, но организатор банды получен в распоряжение следствия. Именно от него и потянулись другие «ниточки», которые вывели на остальных участников преступления.

Отдельного внимания заслуживает гражданка У., которая по указанию сожителя С. повезла около трех килограммов золота в г. Пермь для его переработки (аффинирования). В Перми был третий участник, который хорошо знал процесс аффинажа, но, к сожалению, его привлечь к уголовной ответственности не получилось...

Плохо сработал местный уголовный розыск на транспорте. Гражданку У. не «доставили» до места, а «взяли» прямо на перроне вокзала в Перми. Золото она перевозила в трех пакетах из-под бифидока (около трех килограммов) на теле. Проследить цепочку преступной связи, к сожалению (до аффинажа похищенного золота), не удалось. В ходе командировки в Пермь совместно с Ю.В. Беломестных изъято три килограмма золота, выполнены иные следственные действия, направленные на сбор доказательств.

Второго «напарника гражданина С.» караулили в Новосибирске почти две недели, проводили различные оперативные комбинации. Гражданина К. установили, задержали и этапировали в г. Иркутск. Именно он дал полные признательные показания и помог в том числе изобличить остальных участников банды. Он не пытался изворачиваться, как С. Рассказал, что ранее они работали вместе в старательской артели, знают друг друга около 20 лет, знают в деталях процесс добычи и транспортировки золота, частоты, на которых работники артелей «выходили в эфир». Более того, у К. имелась радиостанция Ангара, с помощью которой он более месяца прослушивал незашифрованные переговоры старательских артелей. Автомат К. приобрел за 1 500 долларов США. Сказал, где в г. Бодайбо спрятано похищенное оружие и обещал показать примерное место, где ими спрятано похищенное золото, за которым они планировали вернуться в конце весны, после того как сойдет снег, и будет возможность проехать по дороге.

При условии полученных С. ранений преступникам пришлось часть золота (20 кг) оставить на месте преступления, а часть спрятать (20 кг) недалеко от места разбойного нападения. С собой забрали лишь небольшой мешок, в котором находилось четыре килограмма. Спрятанная преступниками часть промышленного золота стала предметом поиска следственно-оперативной группы в феврале 2002 г. в г. Бодайбо.

Одним из сложнейших и важнейших этапов расследования стала командировка в Бодайбо. Ее основной целью стал поиск

20 килограммов спрятанного обвиняемыми золота, а также оружия, похищенного у охранников. При этом в то, что золото будет найдено, никто не верил. Расстояние от Иркутска до Бодайбо составило 882 км (по прямой), можно только на самолете (более двух часов полета) долететь. В зимний период – по «зимнику», но в течение двух суток на автомашине. Мороз свыше –40, зима снежная... Дорога от Бодайбо до участка (прииска) «Кадаликан» (около 160 км) заняла на вездеходе КамАЗ около восьми часов.

В пять утра бульдозер стал расчищать дорогу до предполагаемого места поиска. Высота снежного покрова составила более восьми метров. Следственно-оперативная группа выехала в восемь утра, расстояние (10 км) преодолели на этом же вездеходе за два часа. Бульдозер подходил к месту и уже в присутствии следственно-оперативной группы очищал искомую площадь сопки от снега.

Рослые деревья, занесенные по самые макушки, замерзшие металлоискатель и фотоаппарат не сработали, пронизывающий ветер, обветренные лица, замерзшие руки и ноги, ручка, которая от холода не писала... Но золото нашли, изъяли и оформили надлежащим образом.

С места обнаружения золота возвращались на этом же вездеходе около восьми часов в полном радио- и телефонном молчании, за что впоследствии получили устный выговор от прокурора Иркутской области. Невозможно представить радость работников руководства артели старателей, которым на 23 февраля был сделан такой «подарок». Они не поверили, выскочив из-за праздничного стола и несколько раз за вечер переспрашивали – «это точно правда?! Это точно не шутка, вы нас не разыгрываете?! Мы не верим – это чудо».

Стоит отметить, что за две недели пребывания в служебной командировке, в г. Бодайбо, каждый день в оперативную сводку шли сведения о раскрытых тяжких и особо тяжких преступлениях: качество работы, не в обиду будет сказано местным оперуполномоченным, квалификация и профессионализм сотрудников Главка были существенно выше. Даже когда

следственно-оперативную группу проводили в г. Иркутск, местные руководители признали, что за эти две недели в городе стало спокойнее, снизился уровень преступности, особенно, уличной...

Чудеса на данном этапе завершились. Происходили только рутинная работа, допросы, протоколы, экспертизы, осмотры, иные процессуальные (рутинные) действия. Трудоемким процессом было назначение и проведение судебных экспертиз. Всего по уголовному делу назначено и проведено 33 судебных экспертизы, причем в разных экспертных учреждениях (Областное бюро судебно-медицинской экспертизы (ОБСМЭ), Научно-исследовательская лаборатория судебных экспертиз (НИЛСЭ) Минюста РФ; экспертные бюро; ГУВД по Иркутской области; Иркутский государственный научно-исследовательский институт редких и цветных металлов). Помимо традиционных, таких как судебно-медицинские, баллистические, судебно-психиатрические, были и редко назначаемые – судебно-психологические (для определения того, кто именно является лидером в банде), пробирно-минералогические экспертизы для установления того факта, что все обнаруженные в разных местах страны «части» золота добыты на одном месторождении, то есть прииске «Кадаликан».

Сложность при таком количестве назначаемых (проводимых) экспертиз заключается и в том, что число процессуальных действий, связанных с ознакомлением с постановлением о назначении экспертизы и заключением экспертов, кратно возрастает с учетом количества обвиняемых и потерпевших. В данном случае от следователя требуются внутренняя дисциплинированность и последовательность в целях соблюдения всех прав и обязанностей субъектов, приведенных в ст. 198 Уголовно-процессуального кодекса (УПК) РФ. В частности, значимым является заполнение таких протоколов в полном объеме (с указанием даты и времени его составления). К сожалению, как показывает практика, существуют факты, когда заполнение производится следователями «задним числом», о чем свидетельствует «перехлест» по

времени протоколов ознакомления с другими следственными (процессуальными) действиями, либо одновременное выполнение следственных (процессуальных) действий с разными субъектами и т.д. Такие нарушения закона могут, в свою очередь, повлечь признание доказательств недопустимыми в соответствии со ст. 75 УПК РФ, либо можно вести речь о нарушении права на защиту фигуранта.

Одним из существенных моментов в расследовании является сбор характеризующего материала, что, помимо прочего, входит в предмет доказывания по уголовному делу в соответствии со ст. 73 УПК РФ [4; 5]. Так, в анализируемом деле основной фигурант (организатор банды) С. родился 26 февраля 1956 г. и оказался полной тезкой другого человека. Разница между ними состояла исключительно в месте рождения: у одного – г. Бодайбо (искомый субъект), у другого – г. Челябинск. Но разница в биографии колоссальная: первый ранее не судим, второй – рецидивист, неоднократно осужденный за совершение тяжких и особо тяжких преступлений (ответ на запрос в ИЦ ГУ МВД России составлял несколько листов). Очередной «поход по ложному следу» вновь удлинил время расследования...

Большим подспорьем в поиске и закреплении доказательств стали многочисленные допросы как свидетелей, так и фигурантов, очные ставки, к тому же во многих случаях – с применением видеозаписи. Дело было сложным и в аспекте квалификации. Руководители Следственного управления прокуратуры Иркутской области сомневались относительно окончательной квалификации: какое именно обвинение и по каким статьям УК РФ предъявлять. Многократные совещания (под протокол), разные мнения. Но в итоге руководство прокуратуры Иркутской области согласилось с позицией молодого следователя: предъявлять в числе прочих обвинение по ст. 209 УК РФ (бандитизм).

После этого возникла еще одна сложность: грамотно выписать обвинение в бандитизме по одноэпизодному делу. «Расписать» именно бандитизм – это изначальная цель, для достижения которой

проводили платные (как указано выше) психологические экспертизы, чтобы установить, кто является лидером и организатором. Экспертизы стоили недешево (еще одна позиция, которую нужно было отстаивать и мотивировать), руководство Следственного управления прокуратуры сопротивлялось, но служебные записки и рапорты, умноженные на настойчивость, сыграли свою роль.

Бандитизм «расписывали» через тщательное планирование нападения, дружеские связи, продуманность и расчетливость преступления: знание технологии добычи и доставки золота; приобретение оружия (АК-47); использование «Сайги» с лазерным прицелом; выбор места нападения, исключительно удобного и безопасного для нападавших; использование радиостанции для прослушивания эфира и переговоров на определенной частоте; продумывание процесса аффинажа золота; сокрытие следов преступления, жестокости его совершения. Одним из основных аспектов стала иерархия безусловного подчинения (точнее, повиновения К. своему «другу» С.).

Еще одной сложностью в расследовании этого дела, но уже на финальной стадии, стало ознакомление с материалами уголовного дела, которое составляло почти десять томов. Дело необходимо было направлять в суд. Руководство настаивало, тем более что дело имело общественный резонанс. Обвиняемый С. умышленно затягивал ознакомление с материалами, ничем не мотивируя, кроме слов о том, что «это мое право, сколько хочу – столько и знакомлюсь...». Ограничивать сроки ознакомления по настолько неоднозначному делу не стали. Тем не менее удалось несколько уменьшить безразмерные сроки...

Гуманизм нашего законодательства поражал на всей стадии расследования. Бесконечные затраты средств федерального бюджета (командировки, конвоирование, платные экспертизы и др.). Бесплатное лечение этого гражданина С. Все это за

счет налогоплательщиков. Субъект, организовавший и осуществивший убийство трех кормильцев семей (отцов шести несовершеннолетних детей); хищение имущества на многие миллионы, хищение оружия. Его циничность и нигилизм по отношению к правовым нормам, к законопослушному поведению, изворотливость («ящерица с длинным языком», как указано в тестах психолога). Таков его очень краткий, крупными мазками портрет самого себя...

Нам, действительно, повезло с учителями (особенно в этом деле). Еще один Человек – А.Н. Овчинникова, судья Иркутского областного суда, которая рассматривала это дело, заслуженный юрист РФ, поразившая в том числе своей энергией, грамотностью, взвешенностью и мудростью. А.Н. Овчинникова не побоялась взять на себя ответственность и вынести приговор по резонансному делу (в масштабах Иркутской области)². Практика в России (вынесение приговора о бандитизме по делу об одном эпизоде) в исследуемый период отсутствовала, тем более уголовное дело прошло и «устояло» в Верховном Суде РФ (на профессиональном сленге – «копейка в копейку»). Думается, преступники по совокупности преступлений, с учетом вменения им ст. 209 УК РФ, понесли справедливое и законное наказание: сообщникам С. и К. назначили по 25 лет лишения свободы с отбыванием наказания в колонии строгого режима. В отношении гражданки У. суд применил условную меру осуждения.

В связи с вышеизложенным полагаем вполне обоснованным поставить вопрос на законодательном уровне об издании нормативно-регулирующих документов, регламентирующих процесс и порядок привлечения к уголовной ответственности лиц, совершивших однократное разбойное нападение, приведшее к тяжким последствиям, что, безусловно, возможно посредством введения отдельной нормы в УК РФ и УПК РФ. Полагаем, что жесткость уголовной ответственности (в том числе в

² См.: *Скальский А.* История про двух бандитов и золотой обоз близка к завершению // Babr24.com. 2003. 5 сентября. URL: <https://babr24.com/irk/?IDE=>

8935&ysclid=111zou7vqy68778842 (дата обращения: 26.03.2023).

рамках общей превенции не должна отличаться по степени тяжести от общей нормы уголовной ответственности за бандитизм). В данном случае жесткость ни в коем случае не подменяет жестокость. Это предложение становится актуальным в сложившейся геополитической ситуации: если не представляется возможным применить статью о терроризме, то станет, возможно, целесообразным использовать норму УК РФ, предусматривающую ответственность за бандитизм.

Заслуживает внимания и вопрос об установлении на законодательном уровне нормы, детально регламентирующей порядок ознакомления, в аспекте минимального количества листов из материалов уголовного дела, с которыми обвиняемый обязан знакомиться ежедневно. В настоящее время – это некий «обычай делового оборота». Данная тема особенно актуальна для многоэпизодных, многосоставных дел с большим количеством обвиняемых, в которых объем уголовного дела составляет десятки томов (по 250 листов). В данном случае речь не идет о нарушении права на защиту или об ограничении прав обвиняемого. Речь идет о том, что законодатель должен лишить возможности обвиняемого

злоупотреблять правом на защиту в виде затягивания ознакомления с материалами уголовного дела. Существующая в настоящее время процедура ограничения в судебном порядке времени на ознакомление с материалами дела не решает полностью имеющихся проблем.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Феоктистов А.* Осмотр места происшествия: уголовно-процессуальные проблемы // Законность. 2006. № 2 (586). С. 29–31.

2. *Кривошеин П.К.* Осмотр места происшествия по многоэпизодным преступлениям // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2012. № 2(21). С. 110–116.

3. *Матвиенко А.Д.* Осмотр места происшествия как первоначальное следственное действие // Colloquium-Journal. 2019. № 23-9(47). С. 39–41.

4. *Волынский В.А., Тишутина И.В.* Раскрытие и расследование бандитизма – первоначальный этап: учеб. пособие. М.: Кн. мир, 2004. 87 с.

5. *Назаренко А.Е.* К вопросу о проблемах расследования бандитизма // Научный альманах Центрального Черноземья. 2022. № 2-3. С. 264–268.

М.В. Мезенцева

К ВОПРОСУ ОБ ОХРАНЕ ОСОБО ЦЕННЫХ РАСТЕНИЙ И ГРИБОВ В СВЕТЕ ИЗМЕНЕНИЙ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В 2023 ГОДУ

Марина Валерьевна Мезенцева – зав. лабораторией для проведения занятий по криминалистике, Государственный институт экономики, финансов, права и технологий, г. Гатчина; e-mail: krim-lab@gief.ru

В статье рассмотрены изменения в уголовном законодательстве РФ в 2023 г. относительно защиты особо ценных объектов растительного мира, в частности криминализации незаконной добычи, сбора и оборота особо ценных растений и грибов. Автором проанализированы дискуссионные вопросы о целесообразности введения ст. 260¹ Уголовного кодекса (УК) РФ, в том числе при сопоставлении конструкции состава со ст. 258¹ УК РФ. Приведены примеры противоправных действий в отношении растений, относящихся к видам, занесенным в Красную книгу РФ.

Ключевые слова: Красная книга РФ; уголовно-правовая охрана редких животных и растений, занесенных в Красную книгу РФ; криминализация незаконной добычи, сбора и оборота особо ценных объектов растительного мира; противоправные деяния; экологические преступления; ст. 260¹ УК РФ; ст. 258¹ УК РФ; ст. 8.35 КоАП РФ; умышленное уничтожение или повреждение до степени прекращения роста особо ценных растений и грибов; диспозиция ст. 260¹ УК РФ.

M.V. Mezentseva

ON PROTECTION OF RESERVED PLANTS AND MUSHROOMS IN THE CONTEXT OF CHANGES IN CRIMINAL LEGISLATION IN 2023

Marina Mezentseva – head of Criminalistic Laboratory, State Institute of Economics, Finance, Law and Technology, Gatchina; e-mail: krim-lab@gief.ru.

We consider the changes in the criminal legislation of the Russian Federation in 2023 regarding the protection of reserved plants as far as the criminalization of collection and turnover of reserved plants and mushrooms is concerned. We analyze certain controversial issues connected with the appropriateness of introducing article 2601 of the Criminal Code of the Russian Federation, particularly in comparison with article 2581 of the Criminal Code of the Russian Federation. We give examples of unlawful acts against red book plants.

Keywords: red book of the Russian Federation; legal protection of red book animals and plants; criminalization of collection and turnover of reserved plants; unlawful acts; environmental crimes; article 2601 of the Criminal Code of the Russian Federation; 2581 of the Criminal Code of the Russian Federation; article 8.35 of Administrative Offense Code; intentional destruction or damage preventing further growth of reserved plants and mushrooms; disposition of article 2601 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Благоприятная экологическая среда является неотъемлемой составляющей благополучия жизнедеятельности человека. В связи с этим сложно переоценить необходимость сохранения биологического разнообразия объектов растительного мира. В особенности это актуально для растений, относящихся к видам, занесенным в Красную книгу Российской Федерации (РФ).

Согласно ст. 60 Федерального закона «Об охране окружающей среды» «...растения, животные и другие организмы, относящиеся к видам, занесенным в красные книги, повсеместно подлежат изъятию из хозяйственного использования... Запрещается деятельность, ведущая к сокращению численности этих растений, животных и других организмов и ухудшающая среду их обитания» [3]. Уголовно-правовая охрана таких животных и водных биологических ресурсов действует с 2013 г. Статья 258¹ Уголовного кодекса (УК) РФ предусматривает ответственность за незаконную добычу и оборот особо ценных диких животных и водных биологических ресурсов, принадлежащих к видам, занесенным в Красную книгу РФ и (или) охраняемым международными договорами РФ.

Противоправные деяния, совершаемые в отношении редких и находящихся под угрозой уничтожения растений, влекут ответственность по ст. 8.35 Кодекса РФ об административных правонарушениях (КоАП) РФ [1]. Однако в апреле 2023 г. Государственной Думой принят законопроект, предусматривающий уголовную ответственность за уничтожение ценных растений и грибов. В октябре вступает в силу ст. 260¹ УК РФ об умышленном уничтожении или повреждении до степени прекращения роста особо ценных растений и грибов, принадлежащих к видам, занесенным в Красную книгу РФ и (или) охраняемым международными договорами РФ [2].

В Пояснительной записке к проекту Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс РФ и статьи 150 и 151 Уголовно-процессуального кодекса РФ» отмечается, что преступные посягательства в

отношении редких и исчезающих растений квалифицируются по ст. 259 «Уничтожение критических местообитаний для организмов, занесенных в Красную книгу РФ» и 260 «Незаконная рубка лесных насаждений» УК РФ. Однако на практике применяется только общая норма ст. 260 УК РФ, и за период с 2018 по 2020 г. не вынесено ни одного обвинительного приговора по ст. 259 УК РФ [6]. В документе также речь идет о том, что уже в течение нескольких лет фиксируется увеличение числа случаев уничтожения редких и исчезающих растений. В качестве иллюстрации рассматривается ситуация, сложившаяся относительно двух краснокнижных растений: женьшень настоящий (*Panax ginseng*) и фисташка туполистная (*Pistacia mutica*). Приведем аналогичные примеры посягательств в отношении данных краснокнижных растений.

В 2018 г. на таможне, в Пограничном районе Приморского края, при попытке провезти на территорию Китая изъято более 700 корней женьшеня стоимостью на нелегальном рынке более 16 млн рублей [7]. На пропускном пункте Полтавка сотрудники Уссурийской таможни задержали гражданина России, провозившего 212 корней женьшеня на сумму 3,2 млн рублей [21].

В 2019 г. Дальневосточная таможня в пункте пропуска Краскино задержала мужчину, пытавшегося провезти через границу 168 корней женьшеня на сумму более 3,7 млн рублей [16]. В селе Оползневое города Ялта обнаружены следы незаконной рубки фисташки туполистной в размере 15 единиц [12]. На территории лесного фонда поселка Большой Утриш (г. Анапа) незаконно вырублено четыре фисташковых дерева [22].

В 2020 г. 8,5 кг корней женьшеня изъято сотрудниками Дальневосточной таможни у гражданина Китая [9]. В 2021 г. на территории заповедника «Кедровая падь» в Приморском крае задержан нарушитель, выкапывающий корни женьшеня [15]. В гостинице города Уссурийска сотрудниками Пограничного управления ФСБ России по Приморскому краю обнаружено и изъято 15,5 кг

корней женьшеня стоимостью около 15 млн рублей [8].

В 2022 г. сотрудники Дальневосточной таможни изъяли у граждан КНР более 25 кг женьшеня на сумму 38 млн рублей [17]. Сотрудники Пограничного управления ФСБ России по Приморскому краю задержали граждан КНР при попытке вывоза в Китай 213 корней женьшеня приблизительной стоимостью 3,91 млн рублей [14].

В 2023 г. в районе бухты Круглой (Крым, г. Севастополь) вырублена фисташковая роща из 110 деревьев. Штраф нарушителя составил 860 рублей! [24]. В данном случае необходимо пояснить, что размер причиненного ущерба рассчитан исходя из веса и диаметра стволов, подвергшихся вырубке. Биологическое развитие фисташки занимает около 1 000 лет и характеризуется очень медленным ростом [19, с. 43]. Диаметр стволов, вырубленных деревьев, – в диапазоне от 15 до 70 мм. В связи с этим невозможно было квалифицировать ущерб как значительный по ст. 260 УК РФ [6]. В этом же году в районе Большой Ялты неизвестными вырублено 15 единиц фисташки туполистной [11].

Поскольку речь идет о редких и исчезающих видах растений, произрастающих на относительно ограниченной территории, логично, что случаи преступных посягательств будут совпадать с ареалом их распространения.

В рассмотренных примерах прослеживается то обстоятельство, что посягательства, как минимум в отношении женьшеня настоящего и фисташки туполистной, имеют неблагоприятную тенденцию, а также выражена неэффективность административных методов борьбы. В данном случае речь идет только о двух видах краснокнижных растений. В новом перечне объектов растительного мира, занесенных в Красную книгу РФ, насчитывается 741 пункт [5]. Как и для ст. 258¹ УК РФ перечень для целей ст. 260¹ УК РФ установит Правительство РФ.

При отсутствии четких критериев, согласно которым будет сформирован данный

перечень, возникнут вопросы, аналогичные в случае с Перечнем особо ценных диких животных и водных биологических ресурсов, принадлежащих к видам, занесенным в Красную книгу РФ и (или) охраняемым международными договорами РФ, для целей ст. 226¹ и 258¹ УК РФ [4]. Отсутствие критериев создает возможность для необоснованного включения в него видов, которые хоть и являются редкими, но повышенной ценностью не обладают, либо в отношении них не совершаются противоправные деяния [18].

Законодатель, вводя новую норму, руководствуется необходимостью унификации уголовно-правовой защиты особо ценных объектов животного и растительного мира, а также усиления ответственности за преступные посягательства в отношении редких и исчезающих растений. Однако дискуссия о целесообразности закрепления данной нормы идет как в кругу правоведов, так и биологов, в особенности микологов.

По мнению миколога М. Вишневого, правовая инициатива об охране грибов не обоснована, поскольку на биологическое благополучие видов оказывает влияние в большей степени изменение климата, нежели антропогенное воздействие. Биологическую ценность представляет именно грибница, а не плодовые тела грибов, при этом грибница является «невероятно живучим организмом» [20], который даже в случае уничтожения восстанавливается за счет заноса спор грибов из соседнего региона. С данной позицией отчасти согласен другой миколог. Однако Л. Калинина считает, что изъятие плодовых тел грибов приводит к сокращению разнообразия генетического материала. Это касается как пригодных к пище видов, так и ядовитых, поскольку последние уничтожаются в результате экологической неграмотности населения [20].

Неоднозначно воспринято и включение в УК РФ самостоятельного состава. По мнению ряда юристов, имело смысл изменить содержание нормы ст. 258¹ УК РФ путем расширения предмета посягательства [10]. Действительно, в части санкций и по общим,

и по квалифицированным составам ст. 260¹ УК РФ и 258¹ УК РФ идентичны. Однако, если из диспозиции ст. 258¹ УК РФ следует, что предметом преступления являются особо ценные *дикие* животные и водные биологические ресурсы..., то ст. 260¹ УК РФ не содержит указания на то, что ценные растения и грибы должны быть дикорастущими. Ранее этот вопрос послужил поводом для дискуссии относительно ценных представителей животного мира, содержащихся в неволе [13]. Таким образом, в контексте ст. 260¹ УК РФ можно закрыть вопрос о квалификации преступных деяний в отношении культивируемых ценных растений и грибов, занесенных в Красную книгу РФ.

Далее следует сказать, что в ст. 260¹ УК РФ расширены признаки объективной стороны состава преступления: к преступным действиям добавлены «уничтожение или повреждение до степени прекращения роста» и «незаконный сбор», что логичным видится именно в отношении представителей растительного мира. С точки зрения субъективной стороны в диспозиции ст. 260¹ УК РФ, в отличие от 258¹ УК РФ, изначально присутствует указание на умышленную форму вины. Кроме того, разделение этих двух составов, на наш взгляд, дает возможность изменить санкции при необходимости ужесточения ответственности ввиду увеличения общественной опасности посягательств на объекты животного или растительного мира отдельно друг от друга.

Процесс законотворчества в уголовно-правовой сфере основан на объективной необходимости того или иного запрета. Так, криминализация посягательств на краснокнижных представителей растительного мира, помимо необходимости унификации уголовно-правовой охраны особо ценных объектов фауны и флоры, обусловлена наличием неблагоприятной тенденции в рассматриваемой области. Причинами этой тенденции являются высокие цены и спрос на редкие растения и их производные, в том числе на нелегальном рынке, что прослеживается на примере женьшеня настоящего. Этому

процессу способствует в целом высокая латентность экологических преступлений, которая, по некоторым данным, достигает 95–99 % [23, с. 84].

Немаловажное значение имеет и низкий уровень экологических и правовых знаний населения, в том числе относительно осведомленности о растениях, относящихся к видам, занесенным в Красную книгу РФ, и произрастающих в регионах, а также видах юридической ответственности за посягательства на эти особо ценные объекты растительного мира. Но в большей степени криминализация этих посягательств обусловлена высокой степенью общественной опасности: сокращение биологического разнообразия, уничтожение какой-либо популяции растений приводит к нарушению экологического баланса, экономическим потерям для общества и государства вследствие необходимости устранения последствий незаконной добычи и оборота особо ценных растений и грибов, а также отсутствия гипотетической возможности включения их в хозяйственный оборот. На наш взгляд, целесообразность данной правовой нормы сомнений не вызывает. При этом только правоприменительная практика сможет показать ее состоятельность и эффективность, а также выявить новые проблемные аспекты.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: федер. закон от 30 декабря 2001 № 195-ФЗ (в ред. от 04.08.2023) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.

2. Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (в ред. с изменениями, не вступившими в силу) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

3. Об охране окружающей среды: федер. закон от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ (в ред. от 04.08.2023) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 2. Ст. 133.

4. Об утверждении перечня особо ценных диких животных и водных биоло-

гических ресурсов, принадлежащих к видам, занесенным в Красную книгу Российской Федерации и (или) охраняемым международными договорами Российской Федерации, для целей статей 226.1 и 258.1 Уголовного кодекса Российской Федерации: постановление Правительства РФ от 31 октября 2013 г. № 978 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&link_id=3&nd=102168788 (дата обращения: 20.08.2023).

5. Об утверждении Перечня объектов растительного мира, занесенных в Красную книгу Российской Федерации: приказ Минприроды России от 23 мая 2023 г. № 320 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202307210008?ysclid=lm5ydueay9389293220> (дата обращения: 25.08.2023).

6. Пояснительная записка к проекту Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс РФ и статьи 150 и 151 Уголовно-процессуального кодекса РФ» // Система обеспечения законодательной деятельности. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1157845-7> (дата обращения: 02.09.2023).

7. Более 700 изъятых у браконьеров корней женьшеня посадили на территории нацпарка «Земля леопарда» (Приморский край): стоимость контрабанды – 16 млн рублей // Министерство природных ресурсов и экологии РФ. 2018. 24 октября. URL: https://www.mnr.gov.ru/press/news/bolee_700_izyatykh_u_brakonerov_korney_zhenshenya_posadili_na_territorii_natsparka_zemlya_leoparda_p/?special_version=Y (дата обращения: 20.08.2023).

8. В Приморье пограничники изъяли краснокнижный женьшень на 15 млн рублей // ИА ТАСС. 2021. 15 сентября. URL: <https://tass.ru/proisshestviya/12385095> (дата обращения: 20.08.2023).

9. В Приморье пресекли контрабанду в Китай 8,5 кг корней женьшеня // ИА ТАСС. 2020. 2 сентября. URL: <https://tass.ru/proisshestviya/9346281> (дата

обращения: 20.08.2023).

10. В России ввели уголовное наказание за сбор редких растений и грибов // LegalBulletin. 2023. 12 апреля. URL: <https://legalbulletin.online/v-rossii-vveli-ugolovnoe-nakazanie-za-sbor-redkih-rastenij-i-gribov/> (дата обращения: 20.08.2023).

11. Возле Большой Ялты уничтожили деревья фисташки туполистной // Крым 24. 2023. URL: <https://crimea24tv.ru/content/vozle-bolshoy-yalty-unichtozhili-derevyafistashki-tupolistnoy/> (дата обращения: 02.09.2023).

12. Госинспекторами Минприроды Крыма выявлены следы незаконной рубки фисташки туполистной // Министерство экологии и природных ресурсов Республики Крым. 2019. 15 октября. URL: <https://meco.rk.gov.ru/ru/article/show/3496> (дата обращения: 25.08.2023).

13. Гусаренко Д.М. Криминализация посягательств на особо ценные виды диких животных: дис. ...канд. юрид. наук. Хабаровск, 2020. 225 с.

14. Китайца осудили за нарушение госграницы РФ, а 213 корней женьшеня на 4 млн рублей изъято пограничниками // Золотой Мост. 2023. 14 июля. URL: <https://goldenmost.ru/kitajcza-osudili-za-narushenie-gosgraniczy-rf-a-213-korney-zhenshenya-na-4-mln-rublej-izyato-pogranichnikami/> (дата обращения: 20.08.2023).

15. К обязательным работам приговорили сборщика женьшеня в приморском заповеднике // Новости Уссурийска и Приморья. 2022. 21 февраля. URL: <https://ussurmedia.ru/news/1242489/> (дата обращения: 02.09.2023).

16. Контрабанду в Китай дикорастущего женьшеня стоимостью 3,7 млн рублей предотвратила Дальневосточная оперативная таможня // Дальневосточное таможенное управление. 2019. 7 октября. URL: <https://dvtu.customs.gov.ru/news/document/208844> (дата обращения: 25.08.2023).

17. Масштабы контрабанды шокируют: женьшеня на 38 млн рублей пытались вывезти в Китай // Новости Владивостока и

Приморья. 2022. 9 ноября. URL: <https://prim.news/2022/11/09/masshtaby-kontrabandy-shokiruyut-zhenshenya-na-38-mln-rublej-pytalis-vyvezti-v-kitaj/> (дата обращения: 02.09.2023).

18. *Мезенцева М.В.* Проблема критериев особой ценности диких животных и водных биологических ресурсов, включенных в перечень постановления Правительства РФ для целей статей 226¹ и 258¹ Уголовного кодекса РФ // Журнал правовых и экономических исследований. 2023. № 2. С. 126–134.

19. *Скалдина О.В., Мелихова Г.И.* Красная книга. Растения России. М.: Эксмо, 2013. 240 с.

20. Срок до 9 лет. Чем грозит новый закон любителям тихой охоты // NGS55.ru. Новости Омска. 2023. 8 апреля. URL: <https://ngs55.ru/text/world/2023/04/08/72201899/> (дата обращения: 02.09.2023).

21. Уголовное дело возбудили уссурийские таможенники за контрабанду 2,5 кг корней женьшеня стоимостью более 3 млн руб. // Таможенный портал для участников ВЭД. Альта-Софт. 2018. 16 марта. URL: https://www.alt.ru/dvfo_news/59314/ (дата обращения: 25.08.2023).

22. Установить вид, к которым относятся спилы стволов фисташки, не представляется возможным... // Анапа Сегодня. 2019. 6 июня. URL: <https://anapatoday.com/blogs/by-post-id/3663> (дата обращения: 24.08.2023).

23. *Шенин В.М.* Отражение экологической преступности в статистике // Вопросы статистики. 2017. № 11. С. 81–87.

24. Штраф за вырубку 100 краснокнижных фисташек для застройщика составил всего 860 рублей // Лента новостей Крыма. 2023. 30 мая. URL: <https://crimeanews.com/society/2023/05/30/1089455.html> (дата обращения: 24.08.2023).

А.Н. Пирожников
УСЛОВИЯ ПРИМЕНЕНИЯ ИНЫХ МЕР УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ХАРАКТЕРА, НАПРАВЛЕННЫХ НА ОГРАНИЧЕНИЕ ПРАВ ЛИЦ, СОВЕРШАЮЩИХ ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ИНТЕРЕСОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Александр Николаевич Пирожников – начальник отделения депортации и реадмиссии иностранных граждан отдела по контролю в сфере миграции УВМ ГУ МВД России по Санкт-Петербургу и Ленинградской области, Главное управление МВД России по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области, г. Санкт-Петербург; e-mail: sasha-j2006@yandex.ru.

Одним из нерешенных вопросов в современной отечественной уголовно-правовой доктрине остается вопрос об ином воздействии на лиц, виновных в совершении преступлений. Особенно это относится к проблеме так называемого выборочного воздействия в отношении тех, кто совершил отдельные виды или группы преступных посягательств, предупреждение которых должно носить строго целевой характер, обеспечивая реализацию идеи индивидуальной превенции, исключая при этом рецидив (особенно специальные формы его проявления). Более того, проблема подобного рода, но применительно к иному воздействию, в современной уголовно-правовой доктрине практически не обсуждается. Между тем геополитическая, внутривнутриполитическая, экономическая, социальная, иная обстановка прямо указывают сегодня на назревшую потребность в самостоятельной охране общественных отношений, связанных с безопасностью государства и верховенством власти. Происходящая трансформация современного мира и воздействия в отношении нашего государства говорят о необходимости в его защите, в том числе и ранее неизвестными или давно забытыми средствами уголовно-правового характера. В свою очередь, их разработка не может происходить без соответствующего теоретического обоснования в уголовно-правовой доктрине.

Ключевые слова: иные меры уголовно-правового характера; ссылка; высылка; поражение в политических правах; депортация.

A.N. Pirozhnikov
CONDITIONS FOR APPLICATION OF OTHER CRIMINAL LEGAL MEASURES AIMED AT RESTRICTING RIGHTS OF INDIVIDUALS COMMITTING CRIMES AGAINST INTERESTS OF RUSSIAN FEDERATION

Aleksandr Pirozhnikov – Head, the Office of Deportation and Readmission of foreign citizens, the Migration Department, GU MVD of Russia for Saint-Petersburg and Leningrad region, Saint-Petersburg; e-mail: sasha-j2006@yandex.ru.

One of the outstanding issues in modern domestic criminal law doctrine relates to other impacts on perpetrators of crimes. This especially applies to the problematic issue of the so called selective influence of those who committed certain types of crime or groups of criminal attempts

the prevention whereof should be strictly targeted ensuring realization of an individual prevention idea excluding in doing so relapse (especially its special forms). Moreover the issue of this type being referred to other impacts has not been discussed yet in the modern criminal law doctrine. However geopolitical, domestic, economic situation clearly indicate an overdue need for an independent protection of public relations dealing with the security of the State and rule of power.

The ongoing transformation of the modern world and the impacts on our state demonstrate the need for its protection by different means including the ones unknown yet as well as by long-forgotten tools. At the same time their development can not take place without relevant theoretical explanation in criminal law doctrine.

Keywords: *other criminal law measures; exile; expelling; deportation; loss of political rights.*

Обязательными составляющими любых мер уголовно-правового воздействия являются условия, необходимые для их практической реализации. Имеющиеся сегодня уголовно-правовые средства так или иначе связаны либо с постпреступным поведением виновного либо с его предыдущей преступной деятельностью (впервые совершенное преступление в контексте ст. 75, 76, наличие или отсутствие судимости за ранее совершенное аналогичное преступление, в частности п. «а» ч. 5 ст. 131 Уголовного кодекса (УК) РФ), категорией или видом совершенного преступления (подп. «а», «б», «в» ч. 3 ст. 79 УК РФ, п. «г» ч. 3 ст. 79 УК РФ, ст. 104¹ УК РФ, ст. 104⁴ УК РФ и др.), видами и размерами наказаний, устанавливаемых за совершенное деяние (ч. 1 ст. 73 УК РФ).

Речь идет и о возрасте несовершеннолетнего виновного (ст. 90 УК РФ), состоянии его психического здоровья (ст. 99 УК РФ), а также ряде других условий, обязательных для их практического применения. Изменение последних, как и появление новых, будет вполне возможным (более того, необходимым) с учетом трансформации общественных отношений и постоянной потребности в разработке ранее неизвестных уголовному закону средств противодействия преступности, наряду с корректировкой уже апробированных способов воздействия. Так или иначе научная проработка этих условий выступает в качестве важной составляющей формирования практики противодействия преступности посредством применения мер иного характера, которая соответствует условиям современной действительности. К тому же появление новых мер иного характера во многом связано

именно с формированием новых условий, объективно возникающих в соответствии с изменяющейся геополитической ситуацией в мире в целом и в нашей стране в частности.

Следовательно, формирование тех или иных видов мер противодействия во многом зависит от определения видов преступных посягательств, которым предстоит противодействовать. В частности, это все виды преступных посягательств, предусмотренных в главе 29 УК РФ «Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства». Речь идет и о преступлениях террористической направленности, значительном количестве общественно опасных деяний против общественной, экологической и экономической безопасности нашей страны. Из этого следует и формирование блока мер, не имеющих репрессивного характера, но способных противостоять именно данной части преступности. В данном контексте необходимость противодействия давно известным обществу преступлениям, но на качественно ином, более жестком уровне, в иной геополитической обстановке, существенно трансформирует их роль. Помимо обязательного условия применения иной меры уголовно-правового характера, указание на конкретное преступление в описательной части нормы свидетельствует об их составообразующих функциях, если факт преступного посягательства указывает на необходимость выделения особых мер воздействия на виновного. При этом нельзя недооценивать функциональную принадлежность условия применения и одновременно основания включения в УК РФ той или иной меры воздействия – конкрет-

ного вида преступного посягательства.

Говоря о потенциально наиболее эффективных в нашем случае мерах, к которым можно отнести высылку, ссылку или, например, ограничение либо поражение виновного в его политических правах, необходимо отметить, что единственными основаниями для их включения в уголовный закон в качестве иных мер (они же впоследствии и условия применения) могут выступать приведенные выше посягательства на основы конституционного строя и безопасности государства, а также преступления против мира и безопасности человечества. За возвращение данных средств активно выступили сотрудники практических подразделений, в том числе те, кто осуществляет деятельность по реализации административной практики в аспекте депортации лиц, признанных виновными в совершении административных правонарушений. Так, в процессе опроса 64 мировых судей, связанных по роду выполняемой ими деятельности по административному выдворению из России лиц, совершивших административные правонарушения, 59 человек уверенно ответили, что аналогичная мера должна сегодня присутствовать в том числе и в УК РФ (в наказании или в числе иных мер)¹. Остальные шесть мировых судей посчитали введение такой меры излишним вмешательством государства в регулирование общественных отношений в данной сфере. Мнение респондентов о поражении в правах в своем числовом выражении стало практически аналогичным. Отвечая на вопрос о целесообразности присутствия в системе мер уголовно-правового воздействия данного средства воздействия, 53 судьи пришли к положительному выводу, семеро оценили бы данный шаг законодателя как излишне репрессивный, а остальные четверо пока относительно этого вопроса собственной позиции не сформировали.

Вторят им в этом отношении и работ-

ники прокуратуры, которые при анкетировании представили схожие данные. Так, из 44 работников, проходящих службу в органах и организациях прокуратуры, 36 указали на необходимость совершенствования УК РФ в исследуемом аспекте и с учетом вновь сформировавшихся геополитических условий. При этом еще шестеро обратили внимание на избыточность предлагаемых нами мер, а еще два респондента не имеют однозначного решения в отношении поставленного вопроса. Из 44 опрошенных этой категории респондентов 12 отдельно указали на острую потребность принятия и реализации еще более жесткого подхода в решении исследуемого вопроса либо на необходимость разработки альтернативных высылке и ссылке мер, направленных на обеспечение интересов РФ от преступных посягательств определенной направленности². Именно в связи с доминированием позиции об ужесточении подхода к лицам, посягающим на интересы РФ, большинство данной категории респондентов (34) пришли к выводу о позитивных последствиях при включении в УК РФ такого средства принуждения, как лишение (ограничение) или поражение виновного в совершении преступлений указанной категории в его политических правах.

Проведенное в рамках настоящей статьи эмпирическое исследование показало, что практические работники, имеющие непосредственное отношение к работе в данном направлении, вполне осознают степень сложности как внешне-, так и внутривнутриполитической ситуации, видят возможность ее решения, в том числе за счет совершенствования института иных мер уголовно-правового характера, как и посредством совершенствования института наказания. Независимо от формы реализации ответственности специалисты в сфере правоприменения увидели в факте совершения преступления определенного вида первое основание для появления от-

¹ В 2022–2023 гг. в ходе проведенного опроса вопросы заданы 64 специалистам в четырех регионах РФ: Санкт-Петербурге, Ленинградской и Омской областях, Республике Крым.

² В 2022–2023 гг. в ходе проведенного опроса вопросы заданы 44 специалистам в четырех регионах РФ: Санкт-Петербурге, Ленинградской и Омской областях, Республике Крым.

дельной меры уголовно-правового воздействия, а второе – обязательность совершения одного из них для реализации таких мер правоприменителем (в нашем случае судом).

Полагаем, что при реализации такого подхода вид совершенного деяния не должен выступать в качестве единственного обязательного условия применения вновь используемого средства. В качестве крайне важного второго критерия необходимо рассматривать гражданство виновного, выработав самостоятельный подход, отличный от административно-правового регулирования исследуемого вопроса. В настоящее время, согласно ч. 1 ст. 3.10 Кодекса РФ об административных правонарушениях, возможным становится выдворение из страны только иностранного гражданина или лица без гражданства. Между тем подход, сформировавшийся в рамках административного законодательства, имеет свои причины и направлен на решение своих задач, что и обусловило определение объекта воздействия со стороны государства. Несмотря на то, что в уголовном законодательстве ряда зарубежных стран поддерживается именно такая позиция (Литве, Нидерландах, Эстонии и др.), подход требует обсуждения, особенно с учетом трансформации внешней и внутренней политической повестки в последнее десятилетие.

По нашему мнению, речь необходимо вести одновременно и о высылке, ссылке, и о поражении виновного в его политических правах как равнозначных средствах иного воздействия некарательного характера, направленных на охрану общественных отношений от посягательств на интересы РФ. Потенциальная возможность их включения в УК РФ делает неизбежным и постановку вопроса относительно круга субъектов, к которым они могут быть применены. Его сужение за счет только иностранцев, а также лиц без гражданства в рамках уголовно-правового регулирования представляется не совсем оправданным и требует соответствующего обсуждения на доктринальном уровне.

О необходимости высылки именно иностранцев пишут и большинство отече-

ственных исследователей, посвятивших ряд работ анализируемой проблематике. Так, Т.А. Хван утверждает, что данное средство воздействия следует установить в качестве дополнительного наказания к лишению свободы и применять его можно лишь к иностранным гражданам временно или незаконно пребывающим на территории РФ [7, с. 178]. При этом автор не включает в категорию лиц, к которым может быть применена высылка даже лиц без гражданства и лиц с двойным гражданством. Хотя такая мера была бы вполне действенной по отношению к перечисленным группам нарушителей уголовного законодательства, особенно в современных условиях. Представляется более последовательной в этом отношении позиция И.В. Дворянского и М.Н. Урда, рассматривающих в качестве объектов принуждения не только иностранных граждан, но и лиц без гражданства [3, с. 137]. Аналогичная точка зрения сегодня демонстрируется и в административно-правовой доктрине, в которой вопрос о выдворении, высылке, депортации граждан РФ, даже на уровне исключительных случаев (представляющих наибольшую опасность), сегодня практически не рассматривается [6, с. 38].

Нельзя не обратить внимание на безусловную схожесть позиций, которая присутствует относительно исследуемого вопроса в аспекте данного условия применения отдельной меры, независимо от сферы ее правового регулирования. Статус лица выступает в качестве составообразующего признака как включения этой меры в закон, так и ее применения. Поражение лица в его политических правах сегодня не обсуждается на значимом уровне, за исключением историко-правового, что несколько снижает дискуссионность вопроса. Однако проблематика определения субъекта специальной превенции к тем, кто совершает преступления, посягающие на интересы РФ, остается актуальной, в основном сводится к вопросу о том, при возникновении каких обстоятельств будет возможным применение высылки к иностранным гражданам, а также к лицам без гражданства. При этом

статус субъекта преступления практически не обсуждается на уровне теоретических изысканий.

Между тем ключевым является ответ на вопрос о том, возможно ли изменение представления относительно того, какими правами обладает государство в аспекте реализации мер иного характера в случаях совершения посягательств, направленных против интересов РФ. Представляется основным и сложным аспектом в решении указанного вопроса понять и раскрыть отношение государства к собственным гражданам, хотя бы и совершившим преступление, направленное против него же. Сложнейшей дилеммой для официальной власти является не что иное, как соблюдение конституционных прав и свобод своих граждан, которые установлены на уровне высшего законодательного акта. В частности, право на беспрепятственный выезд и въезд на территорию РФ (ч. 2 ст. 27 Конституции РФ). В некоторой степени вторит Основному Закону нашей страны и УК РФ. В частности, в ст. 13 УК РФ четко говорится о недопустимости выдачи российских граждан, совершивших преступления на территории иностранного государства. С одной стороны, правило о защите своих граждан незыблемо, с другой – виновный, совершая преступления определенной группы, ставит себя вне закона, позволяя тем самым допустить выход за пределы установленного правового порядка. Государство, будучи вынужденным защищаться, вправе применять любые средства защиты самого себя, включая и физическую изоляцию своих же граждан от процессов, происходящих в социуме.

В данном случае, безусловно, присутствует психологическая сложность восприятия позиции подобного рода, ввиду привычки терпимости к происходящему, ложно понимаемых демократических начал и извращенного представления о правах человека, насажденных нам в течение последних тридцати лет постсоветского периода. По сути, отсутствие жесткости в решении рассматриваемого вопроса привело к сложности и принятию любых новелл относительно последнего.

Вместе с тем идеология противодействия современной преступности, наряду с фактически происходящими процессами в геополитических масштабах, в которых роль России сегодня является одной из центральных, указывает на высочайшую потребность в трансформации ранее сформулированных подходов. В условиях сложившейся действительности это во многом объясняется идеологическими потребностями, которые неожиданно вновь возникли перед российским обществом. Ее формирование в ситуации постоянного противостояния способно объяснить появление в УК РФ практически любых средств и в отношении любой категории виновных (вне зависимости от их гражданства), направленных на подавление преступности против интересов РФ.

Поэтому обсуждение такого условия реализации средства уголовно-правового воздействия, как гражданство лица, совершившего преступление, должно происходить в новой идеологической формации и с учетом современных реалий, которые и должны определять содержание мер иного характера. В связи с этим Д.А. Корецкий указывает на необходимость формирования криминологической идеологии, которая и должна «... сопрягать меры противодействия с состоянием, тенденциями и качественными характеристиками преступности, добиваясь адекватности первых вторым» [5, с. 2]. Ее наличие позволит прежде всего обосновать социальный запрос на разработку принципиально новых мер противодействия преступности, а также объяснить основания их появления и условия применения. Развивая данную точку зрения, М.В. Бавсун обращает внимание на необходимость формирования в уголовном законе (в уголовно-правовой политике) идей непримиримости и бескомпромиссности к преступлениям определенного рода, включая и их направленность на интересы государственной власти и его безопасность [2, с. 115, 123, 145]. В целом, соглашаясь с приведенной позицией, следует отметить, что ее реализация в тексте уголовного закона применительно к нашему случаю находит отражение именно в demonstra-

ции исключительно жесткого подхода к лицам, совершившим преступления против интересов РФ, вне зависимости от их гражданства.

В этом отношении, безусловно, предложение о возможности использования крайне репрессивных мер к гражданам своей страны в случае их диссидентского и сепаратистского поведения по отношению к государству вполне вписывается в предлагаемую концепцию его защиты. Из этого следует и обязательное условие: гражданство виновного выступает в качестве неизбежного последствия ее реализации.

Интересен тот факт, что значительное число участников упомянутого выше опроса поддержали идею нивелирования дифференциации уголовной ответственности в зависимости от гражданства для лиц, виновных в совершении преступлений против интересов государства. Соответствующий вопрос задан в русле формирования модели отдельной группы средств иного характера именно за данную группу преступных проявлений, при этом предложены в качестве пилотных мер высылка, ссылка и поражение в политических правах. В частности, 53,5% судей пришли к выводу о том, что гражданство виновного не должно определять наличие или отсутствие возможности их применения к исследуемой категории преступников. Еще 42,5% респондентов не поддержали эту инициативу, а оставшиеся 4% не имеют относительно предложенного вопроса собственной точки зрения.

В контексте еще одного вопроса о возможной зависимости предлагаемых мер от категории тяжести совершаемого преступления судьи пришли практически к единогласному мнению о том, что такая зависимость должна быть дифференцирована в соответствии с жесткостью меры. Всего 94,5% респондентов придерживаются данной точки зрения, а остальные 5,5% полагают иначе. Все опрошенные, вошедшие в первую категорию, полагали, что высылка из страны представляет собой наиболее репрессивную меру и может быть применена лишь в исключительных

случаях и при совершении посягательств, относящихся к категории особо тяжких. В свою очередь, отношение к другим мерам, менее строгим, менее принципиально и у респондентов, допускающих их применение к виновным, совершившим преступления любой тяжести против интересов РФ (89% опрошенных).

Несколько скорректированный в аспекте отношения к вопросу соблюдения законности в случае реализации исследуемого нами признака в уголовном законе, данный вопрос адресован работникам прокуратуры. Ситуация в итоге складывается несколько иная. Корректировка происходит в сторону увеличения сомнений относительно предлагаемого нами нововведения. Так, лишь 45,2% респондентов с нами согласились, указав, что граждане РФ не могут быть высланы из страны, а механизм претворения в жизнь такой меры невозможен априори. Еще 46,1% опрошенных нас поддержали, но на условиях потенциально малого количества реализации предлагаемой меры иного характера (ее абсолютной исключительности как в аспекте установления наказания за деяния, так и тем более – применения). У остальных 6,7% работников прокуратуры мнение об этом вопросе отсутствует. Вместе с тем они отметили, что в новых геополитических условиях факт постановки вопроса об ужесточении подхода к репрессии за деяния подобного рода важен.

Полагаем, последний тезис в решении поставленного вопроса является одним из наиболее актуальных. События, связанные с тем, что происходит сегодня на Украине, ввиду того, что российское общество разделилось на тех, кто поддерживает политику государства и официальной власти, и тех, кто покинул страну, открыто позволил себе высказывания против российской позиции и т.д., указывают на наличие новой фазы противостояния. В свою очередь, трансформация (ужесточение) позиции «пятой колонны» и возвращенного ими поколения диссидентов вынуждают государство идти на беспрецедентные меры, направленные на самозащиту. Характер этих мер может носить

временный характер, как это было в 20-х гг. прошлого столетия. Но очевидная потребность в их появлении именно сегодня, в условиях глобального противостояния, и острой необходимости сохраниться как государство, как этнос, как общество, теперь вряд ли может вызвать сомнения, вынуждая принимать меры беспрецедентного характера.

Полностью поддерживаем точку зрения И.С. Ильина «... о назревшей необходимости выделения в самостоятельную группу преступлений, требующих отдельных мер предупреждения, которые связаны с распространением антиконституционных взглядов и экстремистской идеологией, с созданием и деятельностью организованных и иных групп, которые, институализируясь в социальной среде, с массовыми призывами к противоправной деятельности и негативными информационными вбросами приводят к ее разрушению». Далее И.С. Ильин продолжает, что такие деяния «... представляют собой наибольшую опасность, подрывая сами устои существования общества, сознательно и масштабно формируя криминогенную среду. По этой причине очевидно, что и подход законодателя к оценке их общественной опасности должен быть наиболее жестким» [4, с. 305–306]. Однако выделение только групп преступлений или иных деяний, к которым должны применяться особые меры предупреждения, видится недостаточным. Именно особые, принципиально новые меры воздействия на лиц, виновных в их совершении, должны войти в число мер предупредительного характера, о которых пишет И.С. Ильин. В данном случае, если речь идет о посягательствах, подрывающих государственную идеологию, общественные устои, калечащих психику отдельного человека, говорить об избытке жесткости репрессии недопустимо. В этой связи, полагаем, что факт гражданства виновного, не должен оказывать решающего влияния на разработку и внедрение конкретной меры воздействия. Определяющим служит вид преступного деяния, а не то, кто по своему юридическому статусу его совершил.

Одним из таких условий является совершение преступлений, способных подорвать государственность, разрушить вертикаль власти, имеющих по своей сути антигосударственную идеологию и т.д., что, по нашему мнению, требует включения в уголовный закон средств исключительного и экстраординарного характера. В свою очередь, их исключительность и экстраординарность неизбежно повлекут за собой и особый характер последствий для виновного, которые могут на него распространяться³. В связи с этим высылка, ссылка, поражение в политических правах и иные, смежные по своей отраслевой принадлежности меры способны выполнять роль межотраслевых средств воздействия (или принуждения) в отношении виновных. Определение итогового статуса данных средств становится возможным в зависимости от статуса совершенного деяния – преступления или административного правонарушения. Полагаем, деяние должно выполнять определяющую роль не просто для выбора меры воздействия, которая может быть одинаковой для различных по своей сути правонарушений, а стать ключевым для установления статуса меры. Ее одновременное использование в различных отраслях законодательства как средства принуждения не является чем-то новым для современного правового регулирования. В качестве такого альтернативного средства сегодня выступает, например, штраф, с успехом применяющийся как в рамках административного, так и в рамках уголовного законодательства. Приведенный пример

³ На фоне рассуждений о потенциально возможном принудительном перемещении внутри страны лиц, совершивших преступления против интересов РФ, сегодня на законодательном уровне рассматривается возможность этого нововведения, но уже для законопослушных граждан. Данное правило должно действовать во время войны и распространяться на определенные территории. Тем не менее возможность именно принудительного переселения законопослушных граждан сомнений не вызывает. По всей видимости, меньше таких сомнений должно быть и в случае решения вопроса применительно к тем, чьи действия направлены на подрыв конституционного строя и безопасности государства. См. об этом, напр.: [1].

не является единичным не только для современного состояния правовой сферы, но и для отечественной истории государственного принуждения, применяемого к тем, кто преступил черту закона⁴. Разница должна быть в условиях применения мер подобного рода, в потенциальном объеме их реализации, которые бы определяли и степень их жесткости, а также в целях, которые ставит законодатель перед каждой из них.

Представляется, что во вновь сложившейся обстановке в качестве одного из условий применения мер подобного рода должно стать прямое указание в норме на отсутствие зависимости ее практического применения от гражданства виновного. Данное правило должно носить универсальный характер и с учетом характера и степени общественной опасности посягательств, на предупреждение которых меры подобного рода направлены, должно быть предусмотрено в содержании каждой из них, независимо от конкретного вида. Таким образом, преступление и высочайшая потребность у государства в предупреждении именно данного вида общественно опасного поведения, обусловленное современной обстановкой и перспективой ее дальнейшего развития, выступают в качестве определяющих факторов каждого из условий применения исследуемых нами иных мер уголовно-правового характера.

Наиболее сложным при этом видится механизм его реализации: процедурный, процессуальный порядок выдворения за пределы своего же государства собственного гражданина. Вполне возможным видится то, что реализация этой меры будет сопровождаться лишением виновного гражданства и наложением других огра-

ничений и обременений. Но в любом случае такой механизм в действительности может быть создан, а в современных условиях и необходим. Наибольшие сложности среди всех средств иного воздействия, которые можно дополнительно применять к тем, кто совершил преступления подобного рода, вызывает высылка. Последняя потребует создания отдельного механизма реализации. Остальные меры не требуют настолько глубокого подхода с позиции формирования модели, необходимой для их правоприменительной реализации. Вместе с тем все они, по сути, представляют собой не что иное, как средства экстраординарного и максимально жесткого характера, находясь на грани с так называемым чрезвычайным уголовным законодательством.

Их чрезвычайность также может быть определена в качестве одного из обязательных условий применения, тем самым существенно ограничить правоприменительное усмотрение, обеспечить подконтрольное государству ограничение прав и законных интересов человека и гражданина. Действующий уголовный закон мер, относящихся к категории чрезвычайных, не знает, как не знает и термина «чрезвычайность». Тем не менее в условиях прямого воздействия на российское государство, активизации внутренних и внешних врагов УК РФ также должен претерпеть соответствующую трансформацию, обеспечив наличие в нем средств, способных обеспечить требуемый уровень защиты.

Факт наличия потребности в разработке особых мер защиты сегодня активно обсуждается. Вопрос состоит лишь в модели, которая при этом должна оказаться наиболее эффективной в сложившихся условиях, если защита интересов государства не может осуществляться набором прежних мер. Вполне возможна ситуация, при которой комплекс предполагаемых средств такой защиты будет задействован лишь на определенный (возможно, переходный или иной другой) период. Речь может идти и об изменении объема воздействия одних и тех же средств (существующих на постоянной основе), но, в зависимости от изменяющейся геопולי-

⁴ Так, сегодня успешно и параллельно друг к другу применяются обязательные работы, конфискация орудия совершения преступления или предупреждение, которое в УК РФ реализуется применительно к несовершеннолетним, но в числе принудительных мер воспитательного воздействия. Исторически изложенный подход обусловлен, не является чем-то новым для современной сферы правового регулирования в целом и регламентации средств государственного принуждения в частности.

тической, внутривластной обстановки и социальной активности населения. Так или иначе с уверенностью можно говорить о перечисленных факторах как обязательных условиях не только появления мер подобного рода, но и их применения или неприменения (или изменения их объема) с учетом ситуации, складывающейся в обществе на определенный отрезок времени.

Таким образом, можно сформулировать вывод, согласно которому обязательными условиями практического применения иных мер уголовно-правового характера в отношении лиц, признанных виновными в совершении преступлений, посягающих на интересы РФ, являются:

– установленный факт совершения преступления против интересов РФ (то есть преступления против государства в широком смысле понимания данного слова);

– категория совершенного преступления против интересов РФ в зависимости от вида конкретной меры уголовно-правового характера (с учетом вводимой в УК РФ меры эта категория может изменяться);

– применительно к высылке прямое указание в законе на возможность ее применения независимо от гражданства виновного;

– применение мер иного характера, специально предусмотренных для противодействия преступлениям подобного рода как исключительных средств уголовно-правового характера, направленных на охрану интересов государства и государственной власти.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ампелонская А.* Сжатые сроки выборов и принудительное переселение. Что хотят изменить в законах в регионах с военным положением? // *Фонтанка.ру*. 2023. 15 мая. URL: <https://www.fontanka.ru/2023/05/15/72306476/> (дата обращения: 21.05.2023).

2. *Бавсун М.В.* Уголовно-правовое воздействие: идеология, цели и средства реализации. Омск: Омская академия МВД России, 2014. 248 с.

3. *Дворянсков И.В., Урда М.Н.* Выдворение иностранных граждан и лиц без гражданства за пределы Российской Федерации: к вопросу о перспективах законодательного определения в Уголовном кодексе Российской Федерации // *Вестник Юго-Западного государственного университета*. Серия: История и право. 2018. Т. 8. № 4. С. 137–144.

4. *Ильин И.С.* Криминологическая характеристика и предупреждение демонстративно-протестной преступности: монография. М.: Юнити-Дана, 2023. 415 с.

5. *Корецкий Д.А.* Идеологические проблемы борьбы с преступностью // *Законность*. 2004. № 5. С. 2–6.

6. *Паукова Ю.В.* К вопросу об основаниях применения административного выдворения, депортации и реадмиссии иностранных граждан // *Административное право и практика администрирования*. 2022. № 2. С. 38–50.

7. *Хван Т.С.* Высылка за пределы Российской Федерации как вид уголовного наказания: перспективы возможного применения // *Государственная служба и кадры*. 2019. № 3. С. 176–178.

Р.А. Рамазанов

ОСОБЕННОСТИ ПРОИЗВОДСТВА СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ, НАПРАВЛЕННЫХ НА ПОЛУЧЕНИЕ ПОКАЗАНИЙ УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

Рамин Анатольевич Рамазанов – старший преподаватель кафедры уголовного процесса, Санкт-Петербургский университет МВД России, кандидат педагогических наук, г. Санкт-Петербург; **e-mail:** ramaha2007@mail.ru.

В статье рассмотрены особенности производства следственных действий, направленных на получение и проверку показаний на стадии предварительного расследования. Охарактеризованы особенности и порядок проведения допроса, очной ставки, проверки показаний на месте. Определены подходы в правоприменительной практике, связанные с проведением следственных действий, исключающих нарушение процессуального порядка, с целью признания полученных доказательств допустимыми.

Ключевые слова: следственные действия; допрос; очная ставка; проверка показаний на месте; участники уголовного процесса.

R.A. Ramazanov

SPECIFIC FEATURES OF INVESTIGATIVE ACTIVITIES AIMED AT OBTAINING STATEMENTS FROM PARTICIPANTS IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Ramin Ramazanov – Senior Lecturer, the Department of Criminal Procedure, Saint-Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Ph.D. in Pedagogics, Saint-Petersburg; **e-mail:** ramaha2007@mail.ru

The article focuses on specific features of investigative activities aimed at obtaining and verification of evidence at the pre-trial investigation. Particular attention is made to describing features and procedures related to interrogation, confrontation and on-site verification. Relevant approaches are defined with regard to law enforcement practices dealing with investigative activities aimed at excluding violation of procedural order to make the evidence admissible.

Keywords: investigative actions; interrogation; confrontation; on-site verification; participants in criminal proceedings.

Основной целью производства следственных действий служит получение новых и проверка имеющихся доказательств, в том числе подтверждающих или опровергающих наличие сговора, а также проверка и оценка версий о количестве участников преступления для правильного решения вопроса об уголовной ответственности каждого из них.

Главным следственным действием, направленным на получение показаний

участников уголовного процесса на стадии предварительного расследования, является допрос. По своей сути допрос – одно из наиболее распространенных следственных действий, основанием которого выступает наличие у определенного лица сведений о совершенном преступлении, а также иных обстоятельствах, имеющих значение для дела.

Показания, полученные при производстве допроса, могут быть положены в

основу обвинительного постановления или акта, служить доказательством по уголовному делу. При этом возможна ситуация, при которой полученную в процессе допроса информацию могут считать недопустимым доказательством в связи с нарушением процессуального порядка производства следственного действия.

Так, апелляционным постановлением Московского городского суда отменено постановление Кунцевского районного суда города Москвы, которым уголовное дело возвращено прокурору в порядке ст. 237 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (УПК РФ). Как указал суд первой инстанции, при возвращении дела в процессе осуществления предварительного расследования один из обвиняемых допрошен в отсутствие защитника, что стало нарушением его права на защиту [1].

Допрос – сложное и многоплановое следственное действие, которое часто проводится в условиях возникновения конфликтной ситуации. При этом достижение целей допроса зависит от навыков следователя (дознателя), связанных с изменением ситуации и направлением ее в правильное русло во избежание конфликта. С этой целью необходимым видится проведение психологических тренингов, направленных на определение ключевых психологических черт допрашиваемого, а также знания и умения использования при допросе различных тактических приемов.

Следует указать, что перед производством допроса определенного лица, независимо от его процессуального положения, следователь (дознатель) должен создавать план производства допроса, в котором следует отражать основные положения, определенные в процессе его производства. Общими правилами допроса в соответствии с нормами УПК РФ [4] принято считать полноту, целеустремленность, активность, учет личных свойств допрашиваемого, а также объективность.

Получение информации, которая может нести доказательственное значение при производстве предварительного расследования по уголовному делу, возлагается на следователя (дознателя), по-

скольку только умелое производство данного следственного действия позволяет эффективно обнаружить и произвести собирание доказательств, которые обеспечивают эффективность производства предварительного расследования, а также объективность полученных результатов. При этом необходимым условием производства допроса служит получение достоверных и полных сведений. Это видится возможным лишь при обеспечении правильной подготовки к его проведению.

Подготовка следователя (дознателя) к допросу включает в себя установление круга лиц, обладающих информацией, необходимой для производства предварительного расследования по уголовному делу; определение способа вызова таких лиц на допрос; изучение личности допрашиваемых, материалов дела; формирование круга вопросов, необходимых для установления обстоятельств произошедшего общественно опасного деяния; разработка мысленной модели производства допроса; составление плана допроса, отражающего ключевые вопросы, а также установленное время на производство данного следственного действия и главные моменты, подлежащие установлению.

При производстве следственного действия возможным становится применение технических средств, позволяющих зафиксировать получение доказательственной информации, которая может иметь существенное значение для расследования. С законодательной точки зрения процессуальный порядок производства допроса дополнен возможностью применения видео-конференц-связи в случае отсутствия возможности участника уголовного судопроизводства лично присутствовать при проведении следственного действия. Появление такой возможности способствует эффективности и объективности получения доказательств, оптимизации силы и средств, затрачиваемых на производство расследования.

Кроме допрашиваемого и следователя (дознателя) в допросе могут принимать участие защитник, переводчик, педагог. Следователь (дознатель) обязан принять меры для своевременной явки вышеука-

занных лиц в назначенное время и в определенное место. Для этого участников допроса заранее в письменной форме уведомляют о месте и времени предстоящего следственного действия.

Согласно ч. 1 ст. 50 УПК РФ в случае неявки приглашенного защитника в течение пяти суток со дня заявления ходатайства о приглашении защитника дознаватель или следователь вправе предложить подозреваемому, обвиняемому пригласить другого защитника. Если участвующий в уголовном деле защитник в течение пяти суток не может принять участие в производстве того или иного процессуального действия, а подозреваемый, обвиняемый не приглашает другого защитника и не ходатайствует о его назначении, то дознаватель вправе произвести такое процессуальное действие без участия защитника, за исключением случаев, предусмотренных пунктами 2–7 ч. 1 ст. 51 УПК РФ.

Закон допускает применение привода к подозреваемому, обвиняемому, свидетелю и потерпевшему в случае их неявки без уважительной причины. Применять данную меру процессуального принуждения следует в крайнем случае, поскольку принудительный привод, как правило, не способствует установлению положительного психологического контакта с допрашиваемым.

Если рассматривать производство допроса с точки зрения получения доказательственной информации, становится очевидным, что при формировании представления о наличии у следователя (дознавателя) определенной информации и осведомленности о произошедшем событии допрашиваемые лица могут принять следующие позиции: способствовать производству предварительного расследования или вступить в противодействие и не давать показаний относительно обстоятельств совершенного преступления.

Зачастую перед следователем (дознавателем) возникает вопрос об определении круга доказательств, которые можно предъявить тому или иному лицу, непосредственно участвующему при производстве допроса, с целью недопущения противодействия предварительному рас-

следованию и обеспечению эффективно-му производству. Следователь (дознаватель) должен учитывать и возрастные особенности психики индивида. Чем меньше возраст ребенка, тем больший удельный вес в его памяти имеют элементы конкретики, непосредственной образности. У несовершеннолетних прослеживаются большие возможности категориального, понятийного охвата явлений. Однако возможна ошибочная, слишком расширенная или крайне ограниченная трактовка явлений.

Существенное значение имеют психические состояния следователя (дознавателя), его способность сохранять психическое равновесие в конфликтных ситуациях, выдержку, сдерживать эмоции при успехе и неудаче. Закон требует фиксации в протоколе допроса всех полученных показаний «по возможности дословно». В нем должны быть отражены показания, которые даны и на стадии свободного рассказа, и на вопросно-ответной стадии с точной фиксацией вопросов и ответов.

Нередко в протокол допроса не включают то, что не подтверждает версии следователя (дознавателя). Под влиянием должностного лица, иногда, не зная своих прав, многие свидетели подписывают протокол допроса без внимательного его прочтения.

Таким образом, допрос несет в себе получение наиболее важной информации, которая в дальнейшем может быть использована в качестве доказательств. От грамотного проведения данного следственного действия зависит полнота и объективность расследования преступления в целом.

Еще одним следственным действием, позволяющим следователю (дознавателю) получить показания, которые в дальнейшем могут быть использованы в качестве доказательств, является проведение очной ставки. Очная ставка – допрос сразу двух лиц, чьи показания, которые они дали ранее, существенно противоречат друг другу. Проведение этого следственного действия будет возможным только в рамках уголовного дела. Значение данного мероприятия представляется огромным, так

как следователь (дознатель) в рамках расследования доказывает, что кто-то из участников либо добросовестно заблуждается, либо откровенно дает лживые показания, тем самым пытается избежать уголовной ответственности. Именно посредством проведения очной ставки доказывают чью-то вину.

Лиц, участвующих в проведении такого следственного действия, вызывают к следователю (дознателю) повесткой. Важно отметить, что отказаться от явки на очную ставку нельзя. Однако на основании ст. 51 Конституции РФ можно отказаться от дачи показаний при проведении упомянутого выше следственного действия. Участники имеют право на присутствие защитника во избежание нарушения своих прав. При отсутствии уважительной причины неявки к следователю (дознателю) на очную ставку в отношении субъекта может быть применен привод в соответствии с законодательством РФ.

Перед началом очной ставки следователь (дознатель) разъясняет участникам права и обязанности (аналогичны при проведении допроса, рассмотренного выше), положение об ответственности за отказ от дачи показаний, заведомо ложные показания, а также за разглашение данных, полученных при проведении указанного следственного действия. Далее следователь (дознатель) предлагает каждому участнику изложить информацию, которая его интересует. По окончании свободного рассказа всех участников должностное лицо вправе задавать уточняющие вопросы каждому из них. После получения ответов и выяснения уточняющих деталей следователь (дознатель) имеет право огласить ранее данные ими показания, а также предъявлять вещественные доказательства.

Важно обратить внимание на то, что участники могут задавать друг другу уточняющие вопросы с разрешения следователя (дознателя). Если должностное лицо считает нужным отвести какой-либо вопрос, то он обязан записать его в протокол очной ставки и сделать пояснение, что вопрос отведен.

Очная ставка может быть проведена

следователем (дознателем) с любым участником уголовного дела. Именно поэтому данное следственное действие имеет важное значение в получении доказательственной информации. Любые разночтения в показаниях одного из лиц могут свидетельствовать о том, что оно пытается помешать полному и всестороннему рассмотрению уголовного дела. При проведении очной ставки любой участник, в том числе свидетель, имеет право на присутствие защитника. Именно поэтому следователю (дознателю) нужно быть готовым предоставить перерыв для проведения его беседы с подзащитным.

Итак, можно сделать вывод о том, что проведение очной ставки имеет первостепенное значение для получения показаний, которые могут быть использованы в качестве доказательств, поскольку именно на очной ставке следователь (дознатель) может доказать как невиновность лица, так и его виновность в совершении преступления в зависимости от его показаний.

Еще одно следственное действие, позволяющее получить информацию и использовать ее в качестве доказательства, – проверка показаний на месте. Суть его заключается в том, что лиц, чьи показания, данные ими ранее, проверяют, что выражено в их повторе и демонстрации отдельных действий на том месте, где они происходили.

Проверка показаний на месте несет в себе большое значение при расследовании уголовного дела, поскольку она позволяет сопоставить показания, которые лица дали ранее, с фактической обстановкой на месте преступления. При расследовании преступления следователь (дознатель) не всегда прибегает к использованию данного следственного действия. Однако существует несколько случаев, в которых должностное лицо вынуждено провести проверку показаний на месте. Например, лицо, совершившее несколько квартирных краж, сознается в содеянном, но ввиду особенностей памяти не может назвать точных адресов жилищ, в которых совершены преступления. При этом поясняет, что может показать квартиры, в которых

совершены данные кражи. Указанное следственное действие может быть проведено в случае, если лицо может показать место, где, например, закопаны им краденые вещи, которые впоследствии могут быть использованы в качестве вещественных доказательств.

Проверка показаний на месте, как и все следственные действия, имеет свою специфику и правила проведения. Данное мероприятие проводится добровольно, то есть лицо, совершившее преступление, изъявляет желание показать точное место совершения преступления.

Потребность в проверке показаний на месте возникает в момент проведения допроса лица в целях полного и всестороннего получения доказательственной информации. Именно качественная беседа помогает сократить время расследования преступления и выделить моменты, на которые стоит обратить более пристальное внимание. Подробный допрос заключается в выявлении следующих обстоятельств: каким образом лицо оказалось на месте преступления, какие ориентиры может назвать, что представляет собой место, с кем общалось лицо преступления в пути к месту и на месте преступления. Затем следователь (дознатель) вправе попросить нарисовать план местности с указанием ориентиров.

При проведении следственного действия любое вмешательство со стороны органов предварительного расследования, а также наводящие вопросы недопустимы. Именно поэтому на пути следования к предполагаемому месту преступления лицо самостоятельно выбирает маршрут, а по прибытии в форме свободного рассказа излагает свои мысли, используя различные способы демонстрации. Затем отвечает на вопросы следователя (дознателя), если последние возникнут. Ход и результаты данного следственного действия оформляют протоколом в соответствии со ст. 166, 167 УПК РФ. В качестве дополнительных средств фиксации могут выступать графические изображения (план, схема, обнаруженные следы преступления), применение фотосъемки, применение видео- или звукозаписи.

Для проведения вышеуказанного следственного действия не требуют вынесения постановления следователя (дознателя) или получения судебного решения. Вместе с тем обязательным становится участие понятых. Если возникает необходимость в проведении проверки показаний нескольких лиц, то проверка проводится с каждым в отдельности. Понятых в данном случае следует менять. К участию может быть привлечен специалист для фиксации хода проведения. После проведения проверки показаний на месте сразу же возможен осмотр места происшествия, например, при обнаружении трупа. Подводя итог, можно выделить следующие особенности: само по себе рассмотренное следственное действие является сложным по организации и проведению, а протокол включает в себя множество нюансов, которые требуют достаточного количества времени для полного и правильного отражения изложенной информации, имеющей доказательственное значение. Анализируя вышеуказанные особенности производства следственных действий, направленных на получение показаний участников предварительного расследования, можно заключить, что во всех без исключения случаях недопустимым будет применение тактических приемов, связанных с угрозой и шантажом, сопряженных с физическим и психическим насилием, а также основанных на обмане и использовании религиозных чувств допрашиваемых. Тактика проведения допроса имеет особенности и зависит от того, в качестве кого допрашивают лицо, и какая ситуация сложилась перед производством данного следственного действия. Важным аспектом проведения очной ставки является именно последовательность действий: в первую очередь участники излагают показания, и только затем следователь (дознатель), проанализировав объем полученной информации, вправе разгласить показания, данные этими лицами ранее. При проведении проверки показаний на месте обязательными должны быть участие понятых, а также инициатива проведения, исходящая от лица, чьи показания проверяют.

ЛИТЕРАТУРА

1. Апелляционное постановление Московского городского суда от 9 марта 2017 г. по делу № 10-2975/2017 // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SOCN&n=842465&ysclid=lm44ljxhd171681965#5k9K9eT4UDMSf5Sm1> (дата обращения: 11.05.2023).

2. *Грудинин И.А.* К вопросу о понятии и видах следственных действий // Актуальные проблемы российского права.

2011. № 2 (19). С. 261–271.

3. *Сморчков А.А.* Проблемы формирования доказательств в стадии предварительного расследования // Вопросы науки и образования. 2018. № 7 (19). С. 168–171.

4. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (с изм. и доп.) // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс».

URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481 (дата обращения: 11.05.2023).

А.А. Суховой

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ СООТНОШЕНИЯ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ И ОПЕРАТИВНО- РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Андрей Александрович Суховой – адъюнкт кафедры уголовного процесса, Санкт-Петербургский университет МВД России, г. Санкт-Петербург; e-mail: suhovuniver@mail.ru.

В статье автором проанализирована проблема взаимосвязи уголовно-процессуальной и оперативно-розыскной деятельности. Оба вида деятельности рассмотрены с точки зрения правовой базы, принципов, задач, субъектного состава, а также практического взаимодействия участников. Автор акцентирует внимание на проблемных аспектах, которые возникают в процессе сопоставления уголовно-процессуальной и оперативно-розыскной деятельности, приводит основные положения действующего законодательства РФ, регулирующего данную деятельность, а также точки зрения исследователей-правоведов относительно рассматриваемого вопроса.

Ключевые слова: уголовно-процессуальная деятельность; оперативно-розыскная деятельность; Уголовно-процессуальный кодекс РФ; Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности»; субъекты уголовно-процессуальной и оперативно-розыскной деятельности; возбуждение уголовного дела; розыск; уголовный процесс; дознание; следственные действия; оперативно-розыскные мероприятия.

A.A. Sukhovey

ON CRIMINAL PROCEDURE AND OPERATIONAL-SEARCH ACTIVITIES RELATIONSHIP

Andrey Sukhovey – adjunct, the Department of Criminal Procedure, Saint-Petersburg University of Ministry of Internal Affairs of Russia, Saint-Petersburg; e-mail: suhovuniver@mail.ru.

The article presents the author's analysis of interrelationship with regard to criminal procedure and operational-search activities. Both activities are examined from a legal perspective and from the point of view of principles, objectives, subject structure and practical interaction of participants. The author focuses on problematic issues arising while comparing criminal procedure and operational-search activities and refers to the key provisions of the current legislation regulating this activity as well as views of legal scholars on the subject.

Keywords: criminal procedure activity; operational-search activity; Code of Criminal Procedure of the Russian federation; Federal Law «On Operational-Search Activity»; parties of criminal procedure and operative-search activities; initiation of criminal proceeding; search; criminal procedure; interrogation; investigation; operative-search activities.

Практика применения уголовно-процессуального законодательства не обходит стороной соотношение уголовно-процессуальной и оперативно-розыскной деятельности. Исследователи данного вопроса раскрывают как точки соприкосно-

вания, так и отличия этих видов деятельности через призму различных оснований. Так, например, И.А. Насонова анализирует особенности взаимодействия субъектов уголовно-процессуальной и оперативно-розыскной деятельности в контексте

возбуждения уголовного дела, розыска, исполнения органом дознания поручений следователя, дознавателя о производстве отдельных следственных действий [11, с. 126–127]. Г.М. Меретуков, Е.С. Лунина и А.О. Липка в своей работе рассматривают оба вида деятельности с позиций фундаментальных основ, а также содержания деятельности. Авторы подчеркивают «вспомогательный характер» оперативно-розыскной деятельности по отношению к уголовно-процессуальной, что, по их мнению, способствует «успешному производству предварительного расследования, а следовательно, и решению задач уголовного судопроизводства» [10]. С.И. Гирько и С.В. Харченко обосновывают различия между уголовно-процессуальной и оперативно-розыскной деятельностью через анализ формы, содержания, используемых средств [5, с. 128], считая необходимым четкое разграничение этих видов деятельности, точкой соприкосновения называют момент оперативно-розыскного сопровождения процесса дознания.

В статье нами рассмотрены некоторые аспекты соотношения уголовно-процессуальной и оперативно-розыскной деятельности по таким критериям, как правовая база, принципы деятельности, задачи, субъектный состав, а также практическое взаимодействие их участников. Оба вида рассматриваемой нами деятельности регулируются правовыми нормами и находят отражение в правоотношениях, порождающих права и обязанности для их участников. Помимо фундаментальных конституционных основ, уголовно-процессуальная деятельность строго регламентирована Уголовно-процессуальным кодексом (УПК) РФ [2], который служит правовым основанием для проведения процессуальных действий; оперативно-розыскная деятельность, в свою очередь, регламентирована Федеральным законом от 12 августа 1995 г. № 638-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» [3].

Принципы, которым должны следовать участники обоих видов деятельности, при детальном рассмотрении обладают схожим содержанием. Например, *принцип законности*, закрепленный в ст. 7 УПК РФ

и ст. 3 Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 638-ФЗ, «ориентирует осуществление обоих видов деятельности в строгом соответствии с законом. Из него вытекает требование об уважительном отношении к правам и свободам человека и гражданина. Применительно к оперативно-розыскной деятельности оно облекается в форму принципа уважения и соблюдения прав и свобод человека и гражданина. В УПК РФ указанное требование вытекает из содержания сразу нескольких принципов: уважения чести и достоинства личности (ст. 9), охраны прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве (ст. 11), обеспечения подозреваемому и обвиняемому права на защиту (ст. 16)» [11, с. 124].

Далее нельзя не упомянуть о таком принципе, как *равенство перед законом и судом*, закрепленном в ч. 1 ст. 19 Конституции РФ [1]. Данный принцип напрямую не нашел отражения в УПК РФ и Федеральном законе от 12 августа 1995 г. № 638-ФЗ, однако прослеживается в ч. 4 ст. 15 УПК РФ (стороны обвинения и защиты равноправны перед судом); ст. 244 УПК РФ (в судебном заседании стороны обвинения и защиты пользуются равными правами на заявление отводов и ходатайств, представление доказательств, участие в их исследовании, выступление в судебных прениях, представление суду письменных формулировок по вопросам, указанным в п. 1–6 ч. 1 ст. 299 настоящего Кодекса, на рассмотрение иных вопросов, возникающих в ходе судебного разбирательства); ч. 1 ст. 8 Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 638-ФЗ (гражданство, национальность, пол, место жительства, имущественное, должностное и социальное положение, принадлежность к общественным объединениям, отношение к религии и политические убеждения отдельных лиц не являются препятствием для проведения в отношении их оперативно-розыскных мероприятий на территории РФ, если иное не предусмотрено Федеральным законом).

Принципы конспирации, сочетания гласных и негласных методов и средств специфичны и присущи оперативно-ро-

зыскной деятельности. В уголовно-процессуальном законодательстве отсутствуют подобные положения. Аналогичная ситуация справедлива и для принципов, закрепленных в гл. 2 УПК РФ и не указанных нами ранее в статье, они не свойственны оперативно-розыскной деятельности.

Сопоставляя задачи рассматриваемых видов деятельности, важно отметить отсутствие данной формулировки в уголовно-процессуальном законодательстве. При этом ст. 6 УПК РФ оперирует такой категорией, как «назначение уголовного судопроизводства», включающей в себя:

- защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений;
- защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод.

Задачи оперативно-розыскной деятельности определены в ст. 2 Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 638-ФЗ:

- выявление, предупреждение, пресечение и раскрытие преступлений, а также выявление и установление лиц, их подготавливающих, совершающих или совершивших;
- осуществление розыска лиц, скрывающихся от органов дознания, следствия и суда, уклоняющихся от уголовного наказания, а также розыска без вести пропавших;
- добывание информации о событиях или действиях (бездействии), создающих угрозу государственной, военной, экономической, информационной или экологической безопасности РФ;
- установление имущества, необходимого для обеспечения исполнения приговора в части гражданского иска, взыскания штрафа, других имущественных взысканий, или имущества, подлежащего конфискации.

Таким образом, в широком смысле уголовно-процессуальная деятельность направлена на борьбу с преступностью, а для оперативно-розыскной – это, хотя и основной, но не единственный вектор деятельности.

Субъектный состав обоих видов деятельности закреплен законодательно. В ст. 13 Федерального закона от 12 августа 1995

г. № 638-ФЗ приведен исчерпывающий перечень органов, имеющих право осуществлять оперативно-розыскную деятельность: органы внутренних дел РФ, органы федеральной службы безопасности, федеральный орган исполнительной власти в области государственной охраны, таможенные органы РФ, служба внешней разведки РФ, федеральная служба исполнения наказаний. Изменение и дополнение этого перечня возможно только посредством федерального закона. Органы, перечисленные в ст. 13 Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 638-ФЗ, в соответствии со ст. 5, 20, 21, 40, 41, 157 УПК РФ выполняют процессуальные функции, приобретая статус субъекта уголовно-процессуальной деятельности. Однако оперативно-розыскная деятельность, как указано нами выше, УПК РФ не регулируется.

Раздел 2 УПК РФ определяет круг участников уголовного судопроизводства: суд, участники со стороны обвинения, участники со стороны защиты, иные участники [2]. В контексте соотношения рассматриваемых видов деятельности нас интересуют участники со стороны обвинения (прокурор, следователь, руководитель следственного органа, орган дознания, начальник подразделения дознания, начальник органа дознания, дознаватель). Орган дознания, будучи субъектом уголовно-процессуальной деятельности, в соответствии со ст. 40, 41, 157, 223–226 УПК РФ уполномочен на осуществление оперативно-розыскной деятельности. Однако, согласимся с С.И. Гирько и С.В. Харченко [5, с. 128] в том, что не следует смешивать процессуальное дознание и оперативно-розыскную деятельность. В связи с этим целесообразным выглядит предложение о закреплении в УПК РФ нормы об уголовно-процессуальном статусе лиц, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность «без камуфлирования под орган дознания» [9, с. 116].

Далее, переходя к практическим аспектам взаимодействия участников уголовно-процессуальной и оперативно-розыскной деятельности, нельзя не остановиться на этапе возбуждения уголовного дела. Ст. 140 УПК РФ содержит перечень

поводов для возбуждения уголовного дела. Результаты оперативно-розыскных мероприятий в указанный перечень не входят. При этом ч. 2 ст. 11 Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 638-ФЗ говорит о том, что результаты оперативно-розыскной деятельности могут служить поводом и основанием для возбуждения уголовного дела. По мнению И.А. Насоновой, их следует относить к сообщению о преступлении, полученному из иных источников [11, с. 125]. Дискуссия о необходимости закрепления данного положения в УПК РФ не является новеллой. Так, А.В. Гордин, А.Б. Гранкина [6, с. 19] поддерживают необходимость включения его в главу 10 «Доказательства в уголовном судопроизводстве» УПК РФ. Однако, на наш взгляд, это будет нарушать структуру уголовно-процессуального законодательства, поскольку основания для возбуждения уголовного дела предусмотрены в главе 19.

Розыск лиц, скрывающихся от органов дознания, следствия, суда, отражает следующий этап, на котором происходит практическое взаимодействие участников уголовно-процессуальной и оперативно-розыскной деятельности. Как упоминалось выше, это – задача субъектов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность. В соответствии с п. 38 ст. 5 УПК РФ розыскные меры принимаются дознавателем, следователем, а также органом дознания по поручению дознавателя или следователя для установления лица, подозреваемого в совершении преступления. Если лицо (отсутствующий обвиняемый) не объявлено в международный розыск, то в отношении него мера пресечения в виде заключения под стражу не допускается (ч. 5 ст. 108 УПК РФ). На практике применение данной нормы создает, во-первых, предпосылку к тому, что разыскиваемое лицо повторно скроется от правосудия; во-вторых, сложность для субъектов, осуществляющих розыск. И.А. Насонова [11, с. 127], О.А. Королькова [7, с. 54] предлагают изменение данной нормы, включив в ч. 5 ст. 108 УПК РФ «возможность принятия решения об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу в отсутствие обвиняемого на все случаи объявления его

в розыск».

Анализируя практическую сторону соотношения уголовно-процессуальной и оперативно-розыскной деятельности, целесообразно упомянуть и об исполнении органом дознания поручений следователя, дознавателя о производстве отдельных следственных действий, предусмотренном ч. 2 ст. 38, ч. 3 ст. 41 УПК РФ. Данные действия характерны для производства следственных действий на различных территориях одновременно, при значительной удаленности места, на территории которого проводится следствие, от места проведения следственных действий [11, с. 127]. При этом появляется предпосылка для злоупотребления следователем своим служебным полномочием.

Групповой метод расследования преступлений также предполагает взаимодействие участников рассматриваемых видов деятельности. В данном случае формируются следственная группа и группа дознавателей для расследования особо сложных, многоэпизодных дел. Такой подход обеспечивает наиболее полное, всестороннее взаимодействие участников расследования.

Н.П. Барабанов, В.В. Михайлин, проводя сравнительный анализ отдельных норм Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 638-ФЗ и УПК РФ, сопоставляют следственные действия и аналогичные им оперативно-розыскные мероприятия [4, с. 11]. Существенное отличие состоит в том, что в ходе оперативно-розыскных мероприятий не собирают доказательства по делу, хотя полученные результаты могут быть использованы в качестве таковых, если они соответствуют требованиям, предъявляемым УПК РФ [2, ст. 89]. Среди процессуалистов существуют как противники этой правовой нормы, высказывающиеся за допустимость использования результатов ОРМ в процессе доказывания [8], так и сторонники, поддерживающие «законодательное совершенствование основ взаимодействия оперативно-розыскной и уголовно-процессуальной деятельности путем четкого его урегулирования на уровне формирования доказательств» [11, с. 125]. Таким образом, прослеживается зависимость результатов, полученных

в ходе проведения оперативно-розыскных мероприятий, от необходимости процессуально корректного их оформления для последующего применения в интересах дела.

Рассматривая соотношение уголовно-процессуальной и оперативно-розыскной деятельности с позиции разных критериев, приходим к следующим выводам:

– уголовно-процессуальная и оперативно-розыскная деятельность строятся на разной правовой базе, поскольку каждый из этих видов деятельности регулируется отдельным федеральным законом;

– несмотря на схожесть фундаментальных основ, обоим видам деятельности присущи специфические принципы;

– задачи уголовно-процессуальной и оперативно-розыскной деятельности различны, направления оперативно-розыскной деятельности выходят за рамки выявления, раскрытия и расследования преступлений;

– субъектный состав, с одной стороны, закреплён и разграничен федеральным законодательством, с другой – на практике наблюдается смешение функций и статуса лиц, уполномоченных проводить дознание, и лиц, имеющих право на осуществление оперативно-розыскной деятельности;

– взаимодействие участников уголовно-процессуальной и оперативно-розыскной деятельности происходит на этапе возбуждения уголовного дела и на этапе предварительного расследования. Этот пункт, как и субъектный состав, можно признать наиболее проблемным на практике.

В рамках статьи нами рассмотрен не весь спектр вопросов, связанных с соотношением уголовно-процессуальной и оперативно-розыскной деятельности, поскольку эта тема предполагает более глубокий и подробный анализ практической стороны взаимодействия их субъектов. В связи с этим начатое нами исследование этих проблемных вопросов целесообразно продолжить в дальнейшем, в других научных работах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Конституция Российской Федера-

ции: принята всенар. голосованием 12 декабря 1993 г. с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 06.10.2022).

2. Уголовно-процессуальный кодекс РФ: Федер. закон от 18 декабря в 2001 г. № 174-ФЗ (в ред. от 10 июля 2023 г.) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.

3. Об оперативно-розыскной деятельности: Федер. закон от 12 августа 1995 г. № 638-ФЗ (в ред. от 29 декабря 2022 г.) // Собрание законодательства РФ. 1995. № 33. Ст. 3349.

4. *Барабанов Н.П., Михайлин В.В.* Сравнительный анализ отдельных норм Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» и уголовно-процессуального законодательства // Научный форум. 2016. С. 11–15.

5. *Гирько С.И., Харченко С.В.* О соотношении уголовно-процессуальной и оперативно-розыскной деятельности // Закон и право. 2019. № 2. С. 127–132.

6. *Гордин А.В., Гранкина А.Б.* О роли результатов оперативно-розыскной деятельности на стадии возбуждения уголовного дела // Оперативник (сыщик). 2011. № 1(26). С. 18–19.

7. *Королькова О.А.* Проблемы правового регулирования розыскной работы органов внутренних дел // Научный портал МВД России. 2012. № 4(20). С. 52–55.

8. *Кучерук Д.С.* Использование результатов оперативно-розыскной деятельности в доказывании по уголовным делам о взяточничестве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2011. 37 с.

9. *Маркушин А.Г., Морозов О.Л.* Совершенствование правового регулирования совместной оперативно-розыскной и уголовно-процессуальной деятельности полиции – залог повышения эффективности раскрытия и расследования преступлений (история и современность) // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2019. № 2 (46). С. 110–117.

10. *Меретуков Г.М., Лунина Е.С., Липка А.О.* Уголовный процесс и опера-

тивно-розыскная деятельность // Научный журнал КубГАУ. 2016. № 115(01). С. 1009–1022.

11. *Насонова И.А.* Об отдельных аспек-

тах соотношения уголовно-процессуальной и оперативно-розыскной деятельности // Вестник Воронежского института МВД России. 2015. № 3. С. 123–130.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

EDN QDZCYV
DOI 10.26163/GIEF.2023.71.43.034
УДК 366.14:330.34

Е.С. Пыженкова

ПОТРЕБИТЕЛЬСКАЯ АКТИВНОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ КАК ИНДИКАТОР СОСТОЯНИЯ ЭКОНОМИКИ

Елена Сергеевна Пыженкова – старший преподаватель кафедры национальной экономики и организации производства, Государственный институт экономики, финансов, права и технологий, г. Гатчина; e-mail: ele100778@yandex.ru.

В статье анализируются потребительская активность населения России и факторы, влияющие на нее. Оценивается влияние расходов домашних хозяйств на конечное потребление и темпы экономического роста. Анализируется динамика индекса потребительской уверенности и его составляющих.

Ключевые слова: потребительская активность; потребительские расходы; экономический рост; индекс потребительской уверенности.

E.S. Pyzhenkova

CONSUMER ACTIVITY OF POPULATION AS INDICATOR OF STATE OF ECONOMY

Elena Pyzhenkova – senior teacher, the Department of National Economy and Organization of Production, State Institute of Economics, Finance, Law and Technology, Gatchina; e-mail: ele100778@yandex.ru.

We analyze the consumer activity of Russian population and factors affecting it. We assess the impact of household spending on final consumption and economic growth rate. The dynamics of consumer confidence index and its components is analyzed.

Keywords: consumer activity; consumer spending; economic growth; consumer confidence index.

Потребительскую активность населения, выражающуюся в объеме расходов домашних хозяйств на конечное потребление товаров и услуг, без сомнения можно считать основным драйвером экономического роста и в то же время одним из индикаторов состояния экономики страны. Причиной значительного влияния потребительских расходов на динамику ВВП является их доминирование в структуре данного показателя.

От потребительской активности зависят деловая активность и развитие экономики в целом. Дж.М. Кейнс в своем труде «Общая теория процента, занятости и

денег» (1936 г.) писал о том, что «потребление <...> является единственной целью и объектом всей экономической деятельности» [2, с. 95]. С одной стороны, расходы на покупку благ и услуг выступают материальной основой жизнедеятельности населения, а с другой стороны, дают возможность производителям создавать фонды возмещения и накопления, обеспечивая тем самым процесс расширенного воспроизводства. Потребительские расходы являются наиболее стабильным компонентом совокупного спроса: согласно «основному психологическому закону», сформулированному Дж.М. Кейнсом, при

росте располагаемого дохода они увеличиваются, но в меньшей степени, чем доход (таким образом, показатель «предельная склонность к потреблению» является положительной величиной, не превышающей единицы). Предельная склонность к потреблению напрямую влияет на значение мультипликатора инвестиций и, как следствие, на рост ВВП (чем она выше, тем сильнее мультипликативный эффект, проявляющийся в объеме прироста реального ВВП, превышающем первоначальный прирост инвестиций). Напротив, замедление темпов роста потребления вызывает снижение инвестиционной активности и сокращение темпов роста ВВП.

Если темпы роста расходов на конечное потребление опережают темпы роста ВВП, то в этом случае справедливым будет утверждение о потребительской модели экономического роста. В табл. 1 представ-

лены данные о темпах прироста ВВП и расходов на конечное потребление с 2011 по 2022 гг.

По данным табл. 1 можно сделать вывод, что в анализируемый период прирост или падение расходов домохозяйств на потребление опережали прирост или падение ВВП (за исключением 2016 и 2022 гг.). Среднегодовой темп прироста ВВП (без кризисных 2015, 2020 и 2022 гг.) составил 2,6%, а аналогичный показатель расходов домашних хозяйств на потребление за эти же годы составил 4,4%.

По мнению Л.В. Кусургашевой и С.Н. Черновол, возможности и пределы модели роста, основанной на потреблении, определяются системой распределения доходов населения [3].

В табл. 2 представлены данные Росстата об объеме, динамике и дифференциации доходов населения РФ.

Таблица 1

Индексы физического объема ВВП и расходов на конечное потребление домашних хозяйств (процент прироста/падения к предыдущему году)

Показатели	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022
Валовой внутренний продукт	4,3	4,0	1,8	0,7	-2,0	0,2	1,8	2,8	2,0	-2,7	5,6	-2,1
расходы на конечное потребление домашних хозяйств	6,8	7,6	5,1	2,1	-9,5	-2,6	3,7	4,3	3,2	-7,4	9,5	-1,8

Источник: сост. автором по данным Росстата.

Таблица 2

Денежные доходы населения РФ и их дифференциация

Показатели	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022*
Всего денежных доходов, млрд руб.	47309,2	53153,2	54325,3	56205,1	58781,5	62531,7	63692,0	70547,6	79113,9
Средне-душевые денежные доходы населения, руб. в месяц	27 412	30 254	30 865	31 897	33 361	35 506	36240	40304	44937
Реальные располагаемые денежные доходы населения, в % к предыдущему году	98,8	97,6	95,5	99,5	100,7	101,2	98,0	103,2	99,0
Коэффициент Джини	0,415	0,412	0,412	0,411	0,414	0,412	0,406	0,409	0,396
Децильный коэффициент фондов	15,8	15,5	15,5	15,4	15,8	15,6	14,9	15,2	13,8

* Без учета статистической информации по Донецкой Народной Республике (ДНР), Луганской Народной Республике (ЛНР), Запорожской и Херсонской областям.

Данные, отраженные в табл. 2, свидетельствуют о падении реальных располагаемых доходов населения (т.е. доходов после вычета обязательных платежей, скорректированных на индекс цен) в период с 2014 г. по 2017 г., а также в 2020 г. и их незначительном росте в 2018 г., 2019 г. и 2021 г. В 2022 г. реальные располагаемые доходы населения снизились на 1% против их роста на 3,2% в 2021 г. Перечисленные изменения происходили на фоне роста номинальных денежных доходов населения.

Коэффициент Джини и децильный коэффициент фондов зафиксировались на достаточно высоком уровне, что указывает на неравномерное распределение доходов между группами населения. Для сравнения, данный показатель в 2022 г. в Финляндии и Дании составил 0,277, в Швеции – 0,293, во Франции – 0,324. Децильный коэффициент фондов всех стран Евросоюза в среднем равен 6 (наиболее низкий – в скандинавских странах). В 2022 г. в России произошло снижение обоих показателей.

Опережающим индикатором делового цикла, отражающим совокупные потребительские ожидания населения, является индекс потребительской уверенности, который рассчитывается на основе опросов населения (рис. 1).

Данный показатель не имеет нормативного значения и единой методики расчета. В России он определяется через соотношение положительных и отрицательных ответов к их общему количеству. Со времени начала расчета индекса самое его низкое значение приходилось на 1998 г. (-59), а самое высокое наблюдалось в

2008 г. (1). Таким образом, можно сделать вывод о том, что для России характерны негативные потребительские оценки и ожидания. Средним значением за последние 20 лет можно считать -15.

Составляющими индекса потребительской уверенности являются 5 частных индексов, динамика которых отражена на рис. 2 и рис. 3.

Графики, отражающие изменение индексов с 2007 г. по I квартал 2023 г., демонстрируют положительную корректировку их динамики. Данные тенденции оказались наиболее интенсивными в отношении индексов, характеризующих оценки произошедших и ожидаемых изменений в экономике России. Позитивные изменения индекса потребительской уверенности показали все три опрашиваемые возрастные группы респондентов (рис. 4).

Наиболее позитивную динамику ИПУ показала молодежь в возрасте 16–29 лет, ИПУ которой по сравнению с IV кварталом прошлого года улучшился сразу на 10 п.п., поднявшись до значения (-13%).

Позиция России в рейтинге европейских стран по ИПУ последние 3 года была очень низкой (страна входила в 5 стран-аутсайдеров). В 2022 г. – начале 2023 г. практически во всех странах ЕС потребительские настроения ухудшились (табл. 3). Самое значительное падение индекса наблюдалось в Венгрии, Швеции и Португалии (ИПУ в феврале 2023 г. относительно февраля 2022 г. снизился на 30, 20 и 19 п.п. соответственно). Россия в I квартале 2023 г. вошла в первую половину рейтинга, переместившись на 10 место (рис. 5).

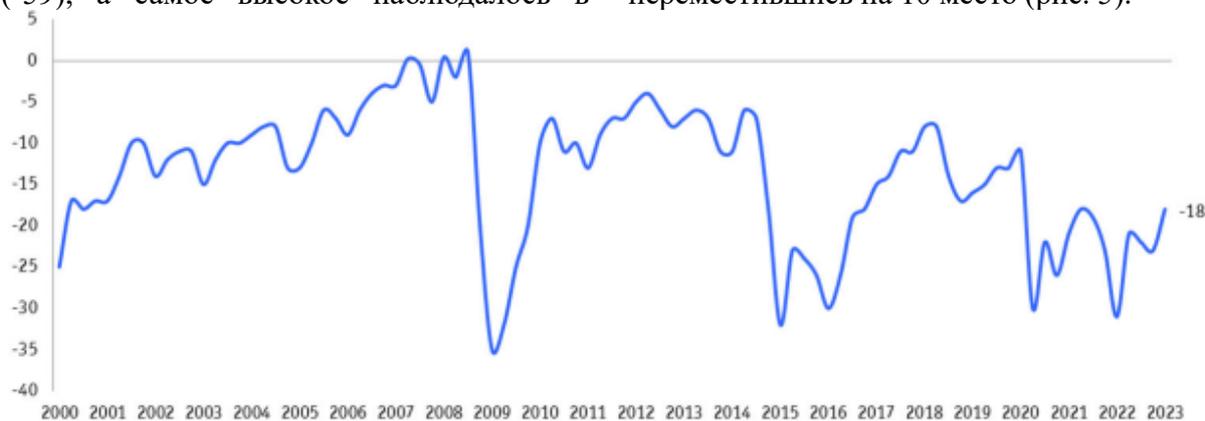

Рис. 1. Индекс потребительской уверенности, I квартал 2000 г. – I квартал 2023 г. Источник: [4].

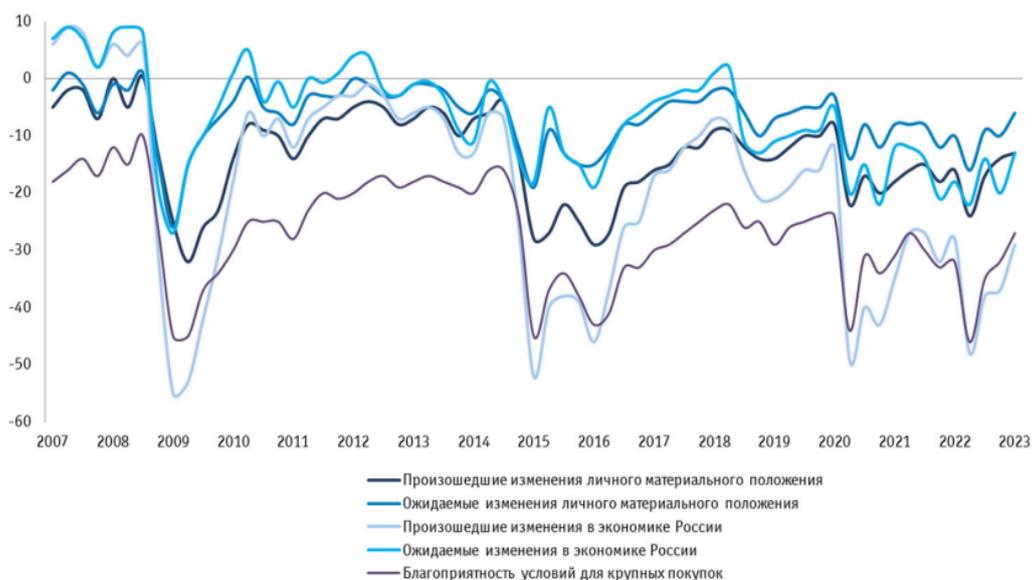

Рис. 2. Частные индексы изменения экономической ситуации в России, личного материального положения, благоприятности условий для крупных покупок (балансы, %)

Источник: [4; Росстат, НИУ «ВШЭ»].

Рис. 3. Частный индекс благоприятности условий для формирования сбережений (балансы, %)

Источник: [4; Росстат, НИУ «ВШЭ»].

Рис. 4. Индекс потребительской уверенности по возрастным группам населения (балансы, %)

Источник: [4; Росстат, НИУ «ВШЭ»].

Индекс потребительской уверенности в России и странах ЕС¹

	Февраль 2022 г.	Ноябрь 2022 г.	Февраль 2023 г.		Февраль 2022 г.	Ноябрь 2022 г.	Февраль 2023 г.
Россия	-20,9	-22,7	-17,6	Люксембург	-7,1	-23,5	-16,6
Австрия	-7,7	-29,0	-23,9	Мальта	-0,5	-17,5	-6,8
Бельгия	-9,3	-21,9	-13,3	Нидерланды	-13,2	-29,2	-18,8
Болгария	-19,9	-27,3	-27,0	Польша	-11,4	-19,4	-17,5
Венгрия	-11,2	-47,4	-41,1	Португалия	-14,0	-37,8	-33,0
Германия	-5,6	-25,1	-15,8	Румыния	... ²⁾	... ²⁾	... ²⁾
Греция	-39,5	-51,9	-47,4	Словакия	-22,0	-31,0	-30,3
Дания	1,2	-17,8	-12,7	Словения	-22,7	-37,0	-35,3
Ирландия	-9,3	-27,7	... ²⁾	Финляндия	0,9	-16,8	-12,4
Испания	-9,4	-28,1	-22,1	Франция	-7,3	-18,7	-21,4
Италия	-9,7	-18,1	-16,5	Хорватия	-23,0	-24,3	-19,0
Кипр	-20,3	-30,3	-18,5	Чехия	-14,7	-29,6	-17,4
Латвия	-13,5	-31,8	-26,5	Швеция	-0,8	-23,3	-20,6
Литва	-4,5	-8,3	-3,9	Эстония	-13,2	-34,6	-26,5

1) Источник информации: электронная база данных Евростата (по всем странам, кроме России).

2) Данные отсутствуют.

Источник: [5].

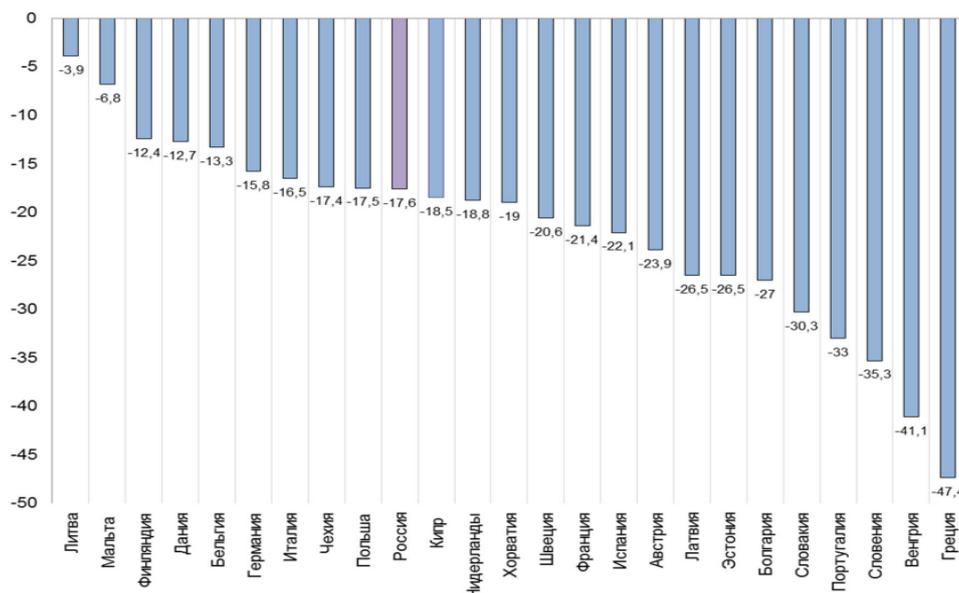

Рис. 5. Индексы потребительской уверенности в России и странах ЕС

Источник: [4; Росстат, Еврокомиссия].

Аналитики НИУ ВШЭ отмечают ряд особенностей результатов опроса, проведенного в I квартале 2023 г. [4]. К ним относится высокая позитивная динамика ИПУ (плюс 5%), позитивные потребительские настроения всех возрастных групп опрошиваемых. При этом само значение индекса потребительской уверенности (-18%) не является высоким (это гораздо выше, чем во II квартале 2020 г. – (-30%), но в сравнении с периодом 2004 – I половины 2008 г., когда значение ИПУ вышло в

положительную зону, данный показатель достаточно низкий, чтобы говорить о значительном улучшении экономической ситуации). К тому же настораживает тот факт, что рост ИПУ произошел в большей степени из-за двух составляющих – произошедших и ожидаемых изменений в экономике страны, тогда как оценки произошедших и ожидаемых изменений личного материального положения опрошиваемых более низкие (а их можно считать более точными).

Рис. 6. Изменение продаж по основным категориям товаров (физический объем)
 Источник: [1].

Другой особенностью является характер динамики ИПУ в соответствии с последними 5 опросами населения. Аналитики НИУ ВШЭ отмечают их практически «пилообразную» динамику, что свидетельствует о неопределенности потребительских ожиданий. Подтверждением данного тезиса является сберегательная модель поведения, о которой свидетельствует перенос крупных покупок непродовольственных товаров на будущее и активное создание сбережений.

Смена потребительской модели поведения на сберегательную подтверждается также последними данными Росстата. Так, произошло уменьшение оборота розничной торговли в январе–феврале 2023 г. по сравнению с соответствующим периодом 2022 г. на 7,2%. Сокращение продовольственного сегмента составило 2,2%, а непродовольственного – 11,4%. Динамика по основным категориям товаров за данный период отражена на рис. 6. При этом реальные располагаемые денежные доходы населения остаются относительно стабильными, а темпы инфляции снижаются. Из этого можно сделать вывод, что доходы населения перемещаются из потребления в

сбережения и в остаток денег на руках.

Указанные тенденции в потребительском поведении имеют разные оценки. С одной стороны, снижение потребительских расходов вызывает сокращение объемов производства и предпринимательской прибыли, что вынуждает производителей снижать издержки, увольнять работников. В итоге ВВП сокращается, в бюджет поступает меньше налогов, снижается уровень жизни населения. С другой стороны, рост сбережений населения является для банков источником дополнительного кредитования экономических агентов и населения. А в настоящее время структурной перестройки экономики роль «длинных инвестиций» имеет очень важное значение.

Оценивая экономическую ситуацию в целом, специалисты делают вывод, что, несмотря на некоторые проблемы, нет основания говорить о затяжном спаде производства и ухудшении уровня жизни населения, а отсутствие новых потрясений будет способствовать дальнейшему восстановлению рынка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Доклад Банка России: Региональная

экономика: комментарии ГУ, 19 апреля 2023 г. URL: https://cbr.ru/Collection/Collection/File/43906/report_01042023.pdf (дата обращения: 29.05.2023).

2. Кейнс Д.М. *The General Theory of Employment, Interest & Money*. Общая теория занятости, процента и денег. М.: Юрайт, 2023. 342 с. (Читаем в оригинале). ISBN 978-5-534-06072-0. URL: <https://urait.ru/bcode/515944> (дата обращения: 27.05.2023).

3. Кусургашева Л.В., Черновол С.Н. Потребление и рост в современной

русской экономике: теория и практика // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2021. № 12 (ч. 3). С. 481–487. URL: <https://vael.ru/article/view?id=2025> (дата обращения: 31.05.2023).

4. Потребительские настроения населения в I квартале 2023 года. М.: НИУ ВШЭ, 2023. 9 с. URL: https://www.hse.ru/data/2023/04/04/2024155361/Consumer_sentiment_1Q2023.pdf (дата обращения: 27.05.2023).

5. Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/> (дата обращения: 31.05.2023).

Ван Дянькай
СТРАНОВОЙ РИСК ПРОИЗВОДИТЕЛЕЙ-ЭКСПОРТЕРОВ
ХИМИЧЕСКОЙ ПРОДУКЦИИ ПРИ ВЫХОДЕ
НА ПАРТНЕРСКИЕ РЫНКИ: АНАЛИЗ, ОЦЕНКА,
УПРАВЛЕНИЕ

Ван Дянькай – преподаватель, Чжэцзянский университет международных исследований, г. Ханчжоу, КНР; e-mail: wangdiankai@mail.ru.

Управление рисками экспортной деятельности является актуальной проблемой в современных условиях трансформации мировых систем хозяйствования. В статье отражен подход к анализу, оценке и управлению страновым риском такой деятельности химических предприятий при реализации своей продукции на партнерские рынки. Для анализа и оценки страновых рисков взяты данные по странам-членам БРИКС. С использованием регрессионного анализа оценено влияние на показатель экспорта химической продукции общего экспорта, индексов качества государственного управления и легкости ведения бизнеса (прямое влияние), индекса странового риска и человеческого капитала (обратное влияние). Таким образом, подтверждено влияние политического и финансово-экономического внешних рисков, что позволило сформулировать общие рекомендации по их нивелированию на примере двух стран-членов БРИКС – России и Китая.

Ключевые слова: страновой риск; химическая продукция; экспорт; страны-члены БРИКС; партнерские рынки; управление.

Wang Diankai
COUNTRY-RELATED RISK OF CHEMICALS PRODUCERS-
EXPORTERS WHEN ENTERING PARTNERS' MARKETS:
ANALYSIS, ASSESSMENT, MANAGEMENT

Wang Diankai – teacher, Zhejiang International Studies University, Hangzhou, China; e-mail: wangdiankai@mail.ru.

Risk management in exports is a topical problem under the transformation of world economic systems. We describe the approach to the analysis, assessment and management of country-related risks concerning the work of chemical companies when selling their products to partners' markets. To analyze and assess country-related risks we use the data of BRICS countries. Relying on regression analysis we assess the impact of total export, the indices of state administration quality and ease of doing business (direct influence), the index of country-related risk and human capital (reverse influence). Thus, we confirm the impact of political and financial-economic external risks, which resulted in general guidelines to level them off by the example of Russia and China, two members of BRICS.

Keywords: country-related risk; chemicals; export; BRICS countries; partners' markets; management.

В условиях мирового экономического кризиса изменения логистических цепочек и возросшей неопределенности в сфере внешней торговли [6; 14] возникает за-

дача совершенствования управления деятельностью предприятий химической промышленности [4], осуществляющих торговлю своей продукцией на партнерских рынках [3]. В частности, необходимо модернизировать существующие методики оценки рисков [7; 9; 10]. Риски внешнеэкономической деятельности многогранны [2; 15], изменчивы [1], зависимы, прежде всего, от внешней среды [13], подвержены влиянию политики и экономики государства-экспортера и государства-импортера.

Поэтому актуализация методики оценки странового риска для выработки эффективных управленческих решений в области внешнеэкономической деятельности всегда востребована. Предлагается следующий алгоритм действий (рис. 1).

Рассмотрим эти этапы подробнее.

Первый этап методики. Для оценки страновых рисков чаще всего используются экспертные методики. Существует целый ряд традиционных рейтингов рисков стран мира, в которых сформированы агрегированные индексы, характеризующие как в целом страновые риски, так и элементы таких рисков: развитие человеческого потенциала, качество государственного управления; восприятие бизнесом государственной коррупции и др. [11]. С учетом этого для исследования

странового риска отобраны следующие восемь международных рейтингов: Международный рейтинг странового риска; Рейтинг качества государственного управления; Индекс человеческого развития; Индекс восприятия коррупции; Индекс экономической свободы; Отчет о глобальной конкурентоспособности; Глобальный индекс развития розничной торговли; Рейтинг легкости ведения бизнеса в стране. Кратко их охарактеризуем.

Международный рейтинг странового риска (The International Country Risk Guide) оценивает не только экономические и финансовые, но и политические риски, отражает прогноз возможных изменений в будущем. Рейтинг включает 22 показателя, которые распределены между этими тремя большими группами рисков [22]. Индекс данного рейтинга комплексно характеризует важный для экспортной деятельности внешний риск.

Рейтинг качества государственного управления (The Worldwide Governance Indicators) представляет сводные и индивидуальные показатели управления по шести измерениям управления: право голоса и ответственность; политическая стабильность и отсутствие терроризма; эффективность правительства; качество управления государством; законодательные правила; борьба с коррупцией [23].

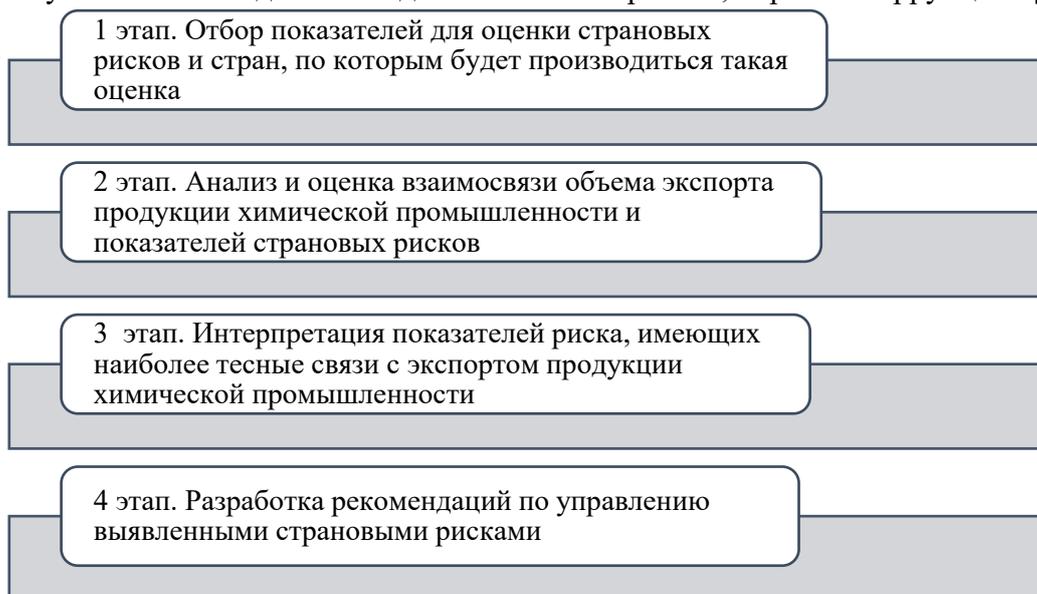

Рис. 1. Методика анализа, оценки и управления страновыми рисками экспортеров химической продукции на партнерские рынки

Источник: сост. автором.

Индекс разнопланово характеризует политический риск государства, на рынок которого планируется экспортировать продукцию производителя другого государства.

Индекс человеческого развития (Human development index) – интегральный показатель, измеряющий вклад систем здравоохранения и образования в производительность отдельных людей и стран. Поэтому в состав индекса входят показатели, которые отражают здоровье, обучение, уровень жизни населения [5; 18]. С экспортной деятельностью данный индекс связан косвенно в контексте роста потребностей населения в различных товарах, не производимых в стране нахождения, и проявляется через увеличение численности населения вследствие роста продолжительности жизни, качества образования и доходов населения.

Индекс восприятия коррупции (Corruption perceptions index) – это сводный индекс, представляющий собой комбинацию из 13 опросов и оценок коррупции, собранных различными авторитетными учреждениями. Коррупция подрывает способность правительств защищать людей, а также общественное доверие к государственному управлению, провоцируя рост и усложнение контроля над угрозами безопасности [16]. С этой точки зрения данный индекс отражает уровень гибкости экономической системы, в том числе, возможность беспрепятственного и без дополнительных скрытых затрат развития промышленными предприятиями экспорта продукции в другие страны.

Индекс экономической свободы (Index of Economic Freedom) включает четыре компонента (верховенство закона, ограниченную государственную власть, эффективность государственного регулирования, открытость рынка), а каждый компонент, в свою очередь, – по три показателя [19]. В контексте проводимого исследования по оценке рисков внешнеэкономической деятельности промышленных предприятий важными показателями, включенными в индекс экономической свободы, являются свобода бизнеса, свобода торговли, финансовая и налоговая свобода.

Отчет о глобальной конкурентоспособности (The Global Competitiveness Report) объединяет макроэкономические аспекты конкурентоспособности и аспекты микропредприятий в единый индекс [12; 20]. В отчете представлены 12 основных показателей конкурентоспособности, среди которых прямо связанными с экспортной деятельностью являются показатели: эффективные товарные рынки, размер внутреннего и международного рынка, производство новых и разнообразных товаров с использованием сложных производственных процессов, а к общим показателям относятся, например, показатели: институты, инфраструктура, стабильная макроэкономическая структура, развитые финансовые рынки и др.

Глобальный индекс развития розничной торговли (The Global Retail Development Index) включает четыре ключевые для экспортной деятельности промышленных предприятий переменные: страновой и деловой риск, рыночная привлекательность, насыщенность рынка и рост продаж [21].

Рейтинг легкости ведения бизнеса в стране (Doing business) включает оценку государства по следующим внутренним показателям: регистрация бизнеса, разрешение на строительство, электроснабжение, регистрация собственности, получение кредита, защита прав инвестора, уплата налогов, международная торговля, обеспечение исполнения контрактов, закрытие бизнеса [8; 17]. Причем в контексте ведения внешнеэкономической деятельности в стране-партнере важны все аспекты ведения бизнеса, оцениваемые рейтингом.

Для оценки странового риска отобраны страны-члены БРИКС – это межгосударственное объединение пяти государств: Бразилии, России, Индии, Китая и ЮАР. Данный выбор обусловлен тем, что все страны этого объединения интенсивно развиваются и активно взаимодействуют друг с другом, включая экспортно-импортную деятельность; страны обладают большими природными, трудовыми, земельными, водными и иными ресурсами.

На втором этапе методики проведен

анализ и оценка взаимосвязи объема экспорта продукции химической промышленности и показателей страновых рисков, а также общего показателя экспорта. Для этого применен регрессионный анализ. Исходные данные для моделирования представлены в табл. 1. Данные взяты с сайтов анализируемых рейтингов и официальной статистики об экспорте по Бразилии, России, Индии, Китаю, ЮАР за 2012–2021 годы.

В первую очередь был проведен корреляционный анализ выбранных показателей для оценки риска экспортных операций, который показал, что наиболее тесные связи экспорт химической промышленности демонстрирует с показателями общего объема экспорта (0,98). Достаточно тесная связь существует также с показателями TGCR (0,75) и ICRG (0,68).

Другие рейтинги на первом этапе не выявили существенного влияния на показатель экспорта химической промышленности.

Далее была построена регрессия с участием всех экзогенных переменных (табл. 2).

Модель в целом значима ($F=257,04$; $p=0,00$). Однако по результатам проверки на линейность связей между эндогенной и экзогенными переменными было выявлено наличие нелинейности по большинству показателей.

Поскольку показатели экспорта химической промышленности и общего экспорта имеют абсолютные единицы измерения, а показатели рейтингов – относительное, было принято решение перейти к логарифмам абсолютных показателей, чтобы привести данные в сопоставимый масштаб.

Таблица 1

Исходная спецификация модели

Фактор	Наименование фактора	Код фактора
Y	Экспорт продукции химической промышленности	ExportСМЛНдолл
X1	Общий экспорт	ExportМЛНдолл
X2	Индекс человеческого развития	HDI1
X3	Индекс странового риска	ICRG
X4	Индекс качества государственного управления	WGI
X5	Индекс восприятия коррупции	CPI100
X6	Индекс экономической свободы	EF
X7	Индекс глобальной конкурентоспособности	TGCR
X8	Глобальный индекс развития розничной торговли	GRDI
X9	Индекс легкости ведения бизнеса в стране	DB

Источник: сост. автором.

Таблица 2

Результат регрессионного анализа

ExportСМЛНдолл	Coef.	St.Err.	t-value	p-value	[95% Conf	Interval]	Sig
ExportМЛНдолл	.089	.005	18.93	0	.079	.098	***
HDI1	-72078.44	35660.198	-2.02	.058	-146716.09	2559.211	*
ICRG	-583.89	500.717	-1.17	.258	-1631.902	464.123	
WGI	5307.57	4083.753	1.30	.209	-3239.824	13854.964	
CPI100	-241.072	1097.213	-0.22	.828	-2537.565	2055.421	
EF	43.314	887.37	0.05	.962	-1813.973	1900.6	
TGCR	416.09	169.159	2.46	.024	62.037	770.144	**
GRDI	-608.756	238.489	-2.55	.019	-1107.918	-109.593	**
DB	-68.924	88.875	-0.78	.448	-254.942	117.094	
Constant	97587.035	101142.36	0.96	.347	-114106.37	309280.44	
Meandependentvar	74922.862		SD dependentvar	70743.647			
R-squared	0.992		Number of obs	29			
F-test	257.040		Prob> F	0.000			
Akaikecrit. (AIC)	609.461		Bayesiancrit. (BIC)	623.134			

*** $p < .01$, ** $p < .05$, * $p < .1$

Источник: сост. автором.

В итоге была получена значимая модель. Однако проверка модели на линейность связей между эндогенной и экзогенными переменными и на коллинеарность выявила наличие нелинейности и мультиколлинеарности по большинству показателей.

Поэтому модель была скорректирована с учетом данных проблем, а также с учетом незначимости ряда факторов. В новой модели удалось решить проблемы мультиколлинеарности и линейности, убрать незначимые факторы. В целом модель оказалась значимой (табл. 3).

Для данной спецификации был проведен анализ на соответствие другим по-

ложениям теоремы Гаусса-Маркова (рис. 2). В итоге скорректированная модель показала хорошие свойства остатков. Остатки нормальны визуально и согласно тесту Шапиро-Уилка ($z=0.020$; $p=0.49$). Остатки имеют незначительную гетероскедастичность, которая не подлежит коррекции.

В связи с наличием в модели фактора общего экспорта, который в значительной мере объясняет дисперсию экспорта химической промышленности, было принято решение проверить гипотезу о влиянии включенных в модель рейтингов на экспорт химической продукции отдельно. В итоге была получена следующая модель (табл. 4).

Таблица 3

Результат регрессионного анализа (преобразованная модель)

InExportC	Coef.	St.Err.	t-value	p-value	[95% Conf	Interval]	Sig
InExport	1.229	.058	21.27	0	1.112	1.346	***
HDI1	-2.786	.782	-3.56	.001	-4.367	-1.205	***
ICRG	-.055	.011	-4.87	0	-.078	-.032	***
WGI	.161	.033	4.94	0	.095	.226	***
DB	.004	.001	3.70	.001	.002	.007	***
Constant	-.623	.931	-0.67	.507	-2.506	1.26	
Meandependentvar		10.539	SD dependentvar			1.092	
R-squared		0.961	Numberofobs			45	
F-test		192.630	Prob> F			0.000	
Akaikecrit. (AIC)		0.549	Bayesiancrit. (BIC)			11.389	

*** $p < .01$, ** $p < .05$, * $p < .1$

Источник: сост. автором.

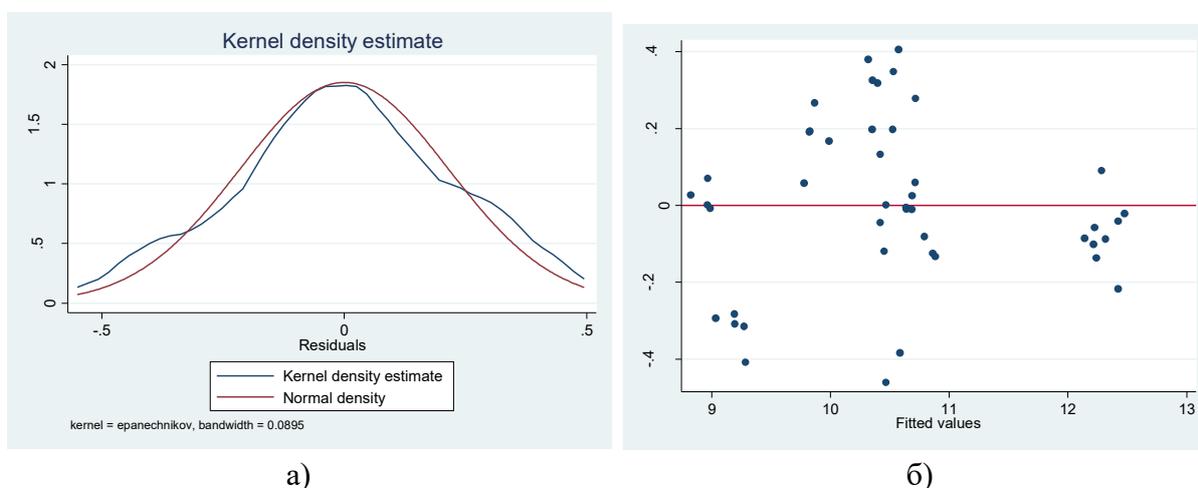

Рис. 2. Графические тесты преобразованной модели на:
а) нормальность и б) гетероскедастичность остатков

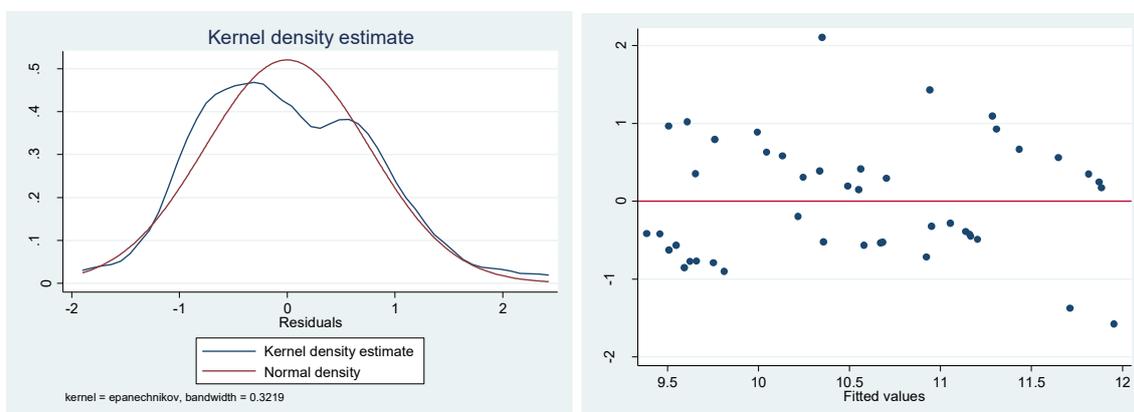
Источник: сост. автором.

Результат регрессионного анализа в части оценки влияния индексов рейтингов на экспорт химической продукции

InExportC	Coef.	St.Err.	t-value	p-value	[95% Conf	Interval]	Sig
ICRG	.111	.025	4.40	0	.06	.162	***
WGI	-.329	.066	-4.95	0	-.463	-.195	***
DB	.01	.003	2.86	.007	.003	.017	***
Constant	3.89	1.313	2.96	.005	1.239	6.541	***
Meandependentvar		10.539	SD dependentvar			1.092	
R-squared		0.508	Numberofobs			45	
F-test		14.138	Prob> F			0.000	
Akaikecrit. (AIC)		110.673	Bayesiancrit. (BIC)			117.900	

*** $p < .01$, ** $p < .05$, * $p < .1$

Источник: сост. автором.

а)

б)

Рис. 3. Графические тесты полученной модели на: а) нормальность и б) гетероскедастичность остатков

Источник: сост. автором.

Модель со случайными эффектами

Variable	ols3	ols5	fe3	fe5	re3	re5
ICRG	.111084***	-.055317***	.0135569*	-.003142	.014635*	-.055317***
WGI	-.328811***	.160654***	.086	.037299	.072955	.160654***
DB	.009728**	.004456***	.000311	-.001276*	.000185	.004456***
InExport		1.229131***		.943878***		1.229131***
HDI1		-2.785910***		.460153		-2.785920***
cons	3.889981**	-.623042	9.993409***	-1.530807	9.9339323***	-.623042
N	45	45	45	45	45	45
R2	.508475	.961084	.277086	.830221		
rmse	.793279	.228864	.112318	.055965	.116735	.228864
aic	110.673	.548643	-69.882	-131.078		
bic	117.900	11.3886	-62.655	-120.238		

*** $p < .01$, ** $p < .05$, * $p < .1$

Источник: сост. автором.

Модель в целом значима. Остатки почти нормальны визуально и имеют незначительную гетероскедастичность (рис. 3), которая не подлежит коррекции.

На основе двух полученных спецификаций были построены также модели с

фиксированными и случайными эффектами. В результате анализа был сделан вывод о значимости и случайном характере различий между объектами анализа. В качестве основной была выбрана пятифакторная модель со случайными эффектами (табл. 5).

Сравнение реальных и расчетных значений показало, что модель может использоваться для дальнейшего анализа.

Таким образом, регрессионная модель имеет следующий вид:

$$\ln \text{Export} = -0,62 + 1,23 \ln \text{Export} - 0,055 \text{ICRG} + 0,16 \text{WGI} + 0,004 \text{DB} - 2,79 \text{HDI} + u_{it}.$$

На третьем этапе методики интерпретируются показатели риска, имеющие наиболее тесные связи с экспортом продукции химической промышленности. В построенной модели коэффициенты при рейтинговых показателях не так важны, поскольку главной задачей данного исследования было установление наличия связи данных рейтингов, измеряющих страновой риск, с экспортом химической промышленности. Тем не менее, можно отметить, что при увеличении объема экспорта стран в целом рост экспорта химической промышленности будет проходить более высокими темпами, а потенциальное снижение позиции в рейтинге странового риска может привести к росту экспорта химической промышленности; повышение позиций в рейтингах качества государственного управления и легкости ведения бизнеса также влечет за собой повышение объема экспорта химической промышленности, что является подтверждением нашей гипотезы. При этом вызывает сомнение наличие обратной связи между экспортом химической промышленности и индексом развития человеческого потенциала. Такой характер связи можно, вероятно, объяснить характером выборки, в которую вошли только страны, относящиеся к БРИКС, для которых пока характерно невысокое значение индекса развития человеческого потенциала и при этом достаточно большой объем экспорта химической промышленности в ее массовом сегменте. Поскольку факт наличия связи установлен, выбранные рейтинги могут участвовать в оценке риска экспорта химической промышленности для конкретного предприятия.

На четвертом этапе с учетом полученных результатов моделирования можно сделать вывод о том, что наиболее существенными страновыми рисками экс-

портной деятельности продукцией химического производства являются политические и финансово-экономические риски. Поэтому предлагаются следующие общие рекомендации по их нивелированию применительно к производителям двух стран, реализующих химическую продукцию на партнерских рынках.

Снижение политического риска предусматривает (на примере России и Китая как стран-членов БРИКС):

1) Мониторинг правительственных документов двух стран в части проводимой политики как общей (применительно к международному сообществу), так и в отношении страны-партнера (соответственно, Китая/России). Это позволяет бизнесу оценить текущий политический риск, а также политический риск, который возможен в будущем, и принять решение по модели развития своей внешнеторговой деятельности на партнерском рынке – стагнация, рост, уход с рынка.

2) Анализ встреч и выступлений на них глав России и Китая, представителей министерств и ведомств двух стран, отвечающих за вопросы развития химической промышленности и внешнеторговых отношений. Все это необходимо для понимания трендов развития отрасли и отслеживания ниши на рынке химической продукции, востребованной страной-импортером в среднесрочной и долгосрочной перспективе.

Сокращение финансово-экономического риска затрагивает (на примере России и Китая как стран-членов БРИКС):

1) соблюдение норм торгового законодательства и правил обеих сторон, создание благоприятного торгового имиджа Китая и России на партнерских рынках;

2) оценку норм в части внешнеторговой деятельности на партнерских рынках с точки зрения их трактовки (ознакомление с комментариями к законам, разъясняющими подзаконные акты, судебной практикой), изменения (отслеживание законодательных новаций);

3) переориентация России/Китая на новые высококонкурентоспособные виды экспортируемой химической продукции на партнерский рынок;

4) укрепление торгового сотрудничества, двусторонней экономической взаимовыгодной торговли российских и китайских производителей химической продукции на партнерских рынках;

5) избежание двойного налогообложения и снижение торговых барьеров при выходе химических предприятий-экспортеров на партнерский рынок.

Таким образом, обобщая проведенное исследование, необходимо отметить, что страновые риски являются важными при осуществлении экспорта химической продукции на партнерские рынки. Особое значение отводится политическим и финансово-экономическим рискам, их анализу, оценке, управлению.

Дальнейших разработок требует формирование методики оценки отраслевого и корпоративного риска с учетом полученных результатов по страновым рискам применительно к производителям химической продукции, реализующим ее на партнерских рынках, поскольку в каждой стране есть своя специфика в химической сфере деятельности, свои проблемы и возможности, затрагивающие конкретного хозяйствующего субъекта.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Акопова Е.С., Воронкова О.Н.* Риски внешнеторговой деятельности и их минимизация при заключении внешнеторгового контракта // Известия Байкальского государственного университета. 2019. Т. 29. № 1. С. 61–71.
2. *Ван Д., Викторова Н.Г.* Риски китайско-российского торгового партнерства // Современные проблемы менеджмента: материалы XV Всерос. науч.-практ. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых. СПб.: СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2021. С. 228–231.
3. *Ван Д., Викторова Н.Г.* Состояние китайско-российского сотрудничества в химической сфере деятельности // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2021. № 8-1. С. 4–8.
4. *Ван Минь, Ли Фэн.* Состояние развития и тенденции химической промышленности // Химическая промышленность Юньнани. 2018. Т. 45 (10). С. 79–83.
5. *Заборовская О.В., Рымарчук Д.С.* Задачи управления человеческими ресурсами ленинградской области в контексте национальных целей развития Российской Федерации // Журнал правовых и экономических исследований. Journal of Legal and Economic Studies. 2020. № 4. С. 197–204.
6. *Карпович Н.* Риски мирового рынка: причины возникновения, сфера действия и алгоритм управления // Аграрная экономика. 2020. № 8 (303). С. 10–19.
7. *Ким Н.А., Конников Е.А.* Оценка финансовой устойчивости торговых компаний в рамках российско-китайского сотрудничества // Экономические науки. 2021. № 202. С. 125–130.
8. *Насрутдинов М.Н., Гаджиев М.М., Заборовская О.В.* Инструменты региональной политики управления инвестиционной активностью территорий в зарубежной практике // Фундаментальные исследования. 2021. № 2. С. 91–101.
9. *Пищалкина И.Ю., Сулоева С.Б.* Современные методы и модели системы риск-менеджмента с учетом специфики промышленных предприятий // Организатор производства. 2020. Т. 28. № 4. С. 69–79.
10. *Родионов Д.Г., Дмитриев Н.Д., Дубаневич Л.Э.* Построение эконометрической модели устойчивого развития промышленного предприятия // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2021. № 7-1. С. 61–71.
11. *Родионов Д.Г., Зайцев А.А., Дмитриев Н.Д., Викторова Н.Г.* Теоретико-игровой метод рационализации инвестиционной политики экономических субъектов // Бизнес. Образование. Право. 2023. № 2 (63). С. 109–117.
12. *Родионов Д.Г., Кулагина Н.А., Лагутенков А.А.* Основные тенденции на международном рынке энергоресурсов: факты и уроки пандемии COVID-19 // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2022. № 2-2. С. 244–250.
13. *Середин М.И.* Управление рисками внешнеторговой деятельности российских промышленных предприятий в современных условиях // Вестник Ростовского государственного экономического университета (РИНХ). 2015. № 3 (51). С. 155–160.
14. *Сорокин В.И., Родионов Д.Г., Кон-*

ников Е.А. Влияние внешней среды на частные инвестиции в России // Экономические науки. 2023. № 218. С. 110–122.

15. Шэнь Чжунъи, Яо Цзэчао. Анализ рисков внешнеторговой деятельности и превентивные контрмеры // Operation and Management. 2018. № 3. С. 77–79.

16. Corruption perceptions index // Transparency International. URL: <https://www.transparency.org/en/cpi/2022> (дата обращения: 10.05.2023).

17. Doing business // World Bank Group. URL: <https://www.worldbank.org/en/businessready/doing-business-legacy> (дата обращения: 10.05.2023).

18. Human development index // Human development reports. URL: <https://hdr.undp.org/data-center/human-development-index#/indicies/HDI> (дата обращения: 10.05.2023).

19. Index of Economic Freedom // The

Heritage Foundation. URL: <https://www.heritage.org/index/> (дата обращения: 10.05.2023).

20. The Global Competitiveness Report // World Economic Forum. URL: <https://www.weforum.org/reports/the-global-competitiveness-report-2020/> (дата обращения: 10.05.2023).

21. The Global Retail Development Index // AT Kearney. URL: <https://www. Kearney.com/industry/consumer-retail/global-retail-development-index> (дата обращения: 10.05.2023).

22. The International Country Risk Guide (ICRG). URL: <https://www.prsgroup.com/explore-our-products/icrg/> (дата обращения: 10.05.2023).

23. The Worldwide Governance Indicators. URL: <https://info.worldbank.org/governance/wgi/> (дата обращения: 10.05.2023).

Е.В. Васина, А.В. Куликов

РОЛЬ КОНСАЛТИНГОВЫХ УСЛУГ В ФОРМИРОВАНИИ ОРГАНИЗАЦИОННО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО МЕХАНИЗМА РАЗВИТИЯ РЫНКА НОВЫХ ПРОФЕССИЙ В РОССИИ

Елена Вячеславовна Васина – директор СПб ГБПОУ «Петровский колледж», доктор экономических наук, г. Санкт-Петербург; e-mail: director@petrocollege.ru.

Алексей Витальевич Куликов – преподаватель СПб ГБПОУ «Петровский колледж», соискатель кафедры экономики и управления в сфере услуг, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, г. Санкт-Петербург; e-mail: a.kulikov@petrocollege.ru.

Целью статьи является разработка определённого организационно-экономического механизма, посредством реализации которого рынок консалтинговых услуг и те предпринимательские структуры, которые уже успешно функционируют, могут вступить в эффективное взаимодействие с основными субъектами современного рынка труда для решения ключевых проблем, связанных с появлением и распространением новых профессий. В статье подробно определены и охарактеризованы перспективные направления формирования организационно-экономического механизма развития рынка новых профессий в России.

Ключевые слова: консалтинговые услуги; инновационная экономика; рынок труда; формирование и развитие новых профессий на российском рынке труда.

E.V. Vasina, A.V. Kulikov

ROLE OF CONSULTING SERVICES IN CREATING ORGANIZATIONAL AND ECONOMIC MECHANISM FOR NEW PROFESSIONS MARKET DEVELOPMENT IN RUSSIA

Elena Vasina – Director, the Petrovsky College, Doctor of Economics, St. Petersburg; e-mail: director@petrocollege.ru.

Aleksey Kulikov – teacher, the Petrovsky College, candidate for a PhD in Economics, the Department of Economics and Management in Service Sector, St. Petersburg State University of Economics, St. Petersburg; e-mail: a.kulikov@petrocollege.ru.

The research is aimed at developing a specific organizational and economic mechanism to enable the consulting services market and currently operating business structures to interact effectively with the main subjects of the modern labor market to solve the key problems arising from the emergence and spread of new professions. We define and characterize in detail the promising directions for creating an organizational and economic mechanism for the development of the new professions market in Russia.

Keywords: consulting services; innovative economy; labor market; formation and development of new professions in the Russian labor market.

Одним из наиболее перспективных сегментов сферы услуг, с точки зрения уровня взаимодействия с другими отрасля-

ми национальной экономики и эффективности хозяйственной деятельности при относительно невысоких затратах на созда-

ние и последующее обеспечение бизнес-процессов, следует признать активно развивающийся рынок консалтинговых услуг. Консалтинговые услуги и их рост создают дополнительные возможности для развития предпринимательских способностей и активности в различных секторах экономики, способствуют повышению эффективности стратегий отдельных предприятий и организаций, оказывают влияние на процесс цифровизации в условиях роста кризисных явлений и повышения уровня неопределенности.

Можно говорить о значительной трансформации рынка консалтинговых услуг и постепенном переходе от исключительно консультационных и информационно-аналитических услуг различным организациям и предприятиям в условиях ограниченного доступа к информационным ресурсам, как это было характерно для начального этапа развития консалтинга в XX в. в развитых странах, к более сложной и многоступенчатой работе по созданию адаптивных стратегий развития не только отдельных предприятий и производственно-хозяйственных комплексов, но и отраслей и территориальных органов государственной власти в контексте необходимости обеспечения успешного перехода к требованиям цифровой экономики.

Необходимо также учитывать тот факт, что консалтинг как услуга стала приобретать дополнительные функции, прежде всего, образовательную функцию с точки зрения возможности формирования образовательного контента для определённых категорий слушателей, что также очень важно в контексте устойчивого развития рынка труда в современных условиях. Именно консалтинговые организации, по мнению авторов, должны способствовать развитию современных тенденций на рынке труда, учитывающих не только изменение форматов, методов и способов реализации трудовых функций в условиях реального производства, но и появление новых профессий, которые соответствуют требованиям инновационной экономики и неизбежно приводят к структурным трансформациям всей экономической системы.

В связи с вышесказанным, весьма актуальным является выработка определённого организационно-экономического механизма, посредством реализации которого рынок консалтинговых услуг и те предпринимательские структуры, которые уже успешно функционируют на нем, могут вступать в эффективное взаимодействие с основными субъектами современного рынка труда для решения ключевых проблем, связанных с появлением и распространением новых профессий, в том числе и в сфере услуг.

В данном случае, по мнению авторов, с учетом исследования позиции отдельных работ по данной проблематике [1–6] необходимо говорить не о едином унифицированном механизме такого рода взаимодействия, а о выработке нескольких вариантов реализации программных мероприятий по системной поддержке развития новых профессий инновационной экономики.

К числу таких вариантов можно отнести:

1. Участие консалтинговых организаций, прежде всего с точки зрения выполнения экспертной функции, в разработке основной нормативно-правовой документации, которая регламентировала бы новые профессии с точки зрения их адаптации к существующим нормам и требованиям российского законодательства. В первую очередь необходимо упомянуть о внесении изменений или разработке принципиально иных образовательных стандартов, по которым необходимо готовить специалистов по новым профессиям, а также об обсуждении в деловом сообществе и последующем принятии профессиональных стандартов, в которых были бы четко прописаны и взаимосвязаны с конкретными инновациями трудовые функции такого рода работников. Именно опыт консалтинговых организаций мог быть весьма полезен с точки зрения соотнесения возможностей от внедрения конкретных инноваций и требований к персоналу, находящемуся во взаимодействии с инновационным процессом и обеспечивающему непрерывность производственно-хозяйственной деятельности.

Несомненно, что участие в данном процессе не должно быть прерогативной

отдельных консалтинговых организаций, с точки зрения определенной дискриминации в отношении прочих участников рынка. В данном случае речь идёт о привлечении саморегулирующих организаций в области консалтинга, которые могли бы объединять значительное количество участников рынка и обладать возможностью использования ресурсного потенциала отдельных консалтинговых организаций. К числу основных направлений деятельности в рамках рассматриваемого механизма можно отнести:

- проведение экспертной оценки и формирования заключений о целесообразности принятия профессиональных образовательных стандартов по новым профессиям;

- разработку примерных профессиональных образовательных стандартов по новым профессиям исходя из отраслевой направленности консалтинга (например, в условиях финансового консалтинга участники данного сегмента рынка могли быть привлечены к разработке стандартов по новым профессиям, связанным с инновациями в сфере финансового менеджмента, общественного участия в сфере государственных и муниципальных финансов, риск-менеджмента и т.д.);

- участие в формировании и реализации дорожной карты по согласованию с органами государственной власти, по разработке и внедрению профессиональных образовательных стандартов по новым профессиям в российской экономике и т.д.

Следует также учесть тот факт, что появление новых профессий и их законодательное регулирование не ограничивается исключительно вопросами принятия описанных выше стандартов. В связи с этим необходимо учесть возможность привлечения консалтинговых организаций к процессу разработки новых положений и требований по таким актуальным направлениям, как:

- обеспечение охраны труда в условиях внедрения новых профессий;

- выработка требований по обеспечению производственной безопасности в условиях новых профессий;

- разработка положений по формату и характеру организации трудовой деятельности, что особенно актуально в условиях развития системы частичной занятости, неполного рабочего дня и распространения дистанционных технологий в решении производственно-хозяйственных задач без ущерба основным целям предприятия и т.д.

2. Второй, не менее важный, набор управленческих действий связан с участием консалтинговых организаций в реализации уже конкретных мероприятий по внедрению и распространению определённых новых профессий на рынке труда применительно к особенностям не только отрасли, но, в большей степени, отдельного предприятия или фирмы. Разработка данного организационного механизма возможна только лишь в случае успешной реализации предыдущего варианта, описанного выше, и предполагает активное участие широкого круга субъектов, оказывающих консалтинговые услуги.

В данном случае предполагается возможность персонализированного подхода при формировании набора новых профессий уже для конкретных предприятий, участие консалтинговых организаций в методическом и институциональном сопровождении подобного рода действий, взаимный двусторонний контроль за изменениями в процессе внедрения результатов консалтинга и оценка перспектив стратегического развития анализируемого предприятия с учетом предпринятых действий и их социально-экономической эффективности. Наибольшим потенциалом для участия консалтинговых организаций в данном процессе обладает рынок крупного промышленного бизнеса, который, прежде всего, заинтересован в поиске новых траекторий для сокращения себестоимости как добычи, так и обработки природных ресурсов и минерально-сырьевой базы посредством внедрения инновационных продуктов и развития системы новых профессиональных компетенций. Однако в дальнейшем необходимо при участии государства с точки зрения стимулирования подобного рода активности привлечение консалтинговых организаций к решению

проблем кадрового обеспечения малого и среднего бизнеса с точки зрения выработки для них наиболее выгодного варианта внедрения новых профессий, т.к. их появление окажет значительное влияние на бизнес-процессы, происходящие в организации и сможет как способствовать экономическому росту, так и привести к ухудшению экономического положения, что в условиях МСП представляется более рискованным по сравнению с крупным бизнесом.

Как видно из представленных рассуждений, главная цель механизма консалтинга во втором варианте – разработка конкретных рекомендаций и набора управленческих действий для представителей бизнеса в рамках перехода к новым профессиям на рынке труда и внедрением инноваций, которые, собственно, и определяют параметры происходящих изменений с учетом общих особенностей технологического уклада и направленности социально-экономической политики конкретного государства. С другой стороны, в отличие от первого варианта, который изначально носит определенный имиджевый и репутационный характер для участников консалтингового рынка, повышается масштаб распространения консалтинговой деятельности и, соответственно, создаются условия для роста прибыли консалтинговых организаций в новых экономических условиях. Даже наличие кризисных явлений, так или иначе в среднесрочной и долгосрочной перспективе, оказывает положительный эффект для тех консалтинговых организаций, которые способны предложить новые экономические решения, направленные на повышение уровня устойчивости предпринимательского сектора, в том числе за счет изменения трудовых функций и реформирования всей организационной структуры конкретного пред-

приятия на инновационной основе.

3. Последний вариант возможной разработки организационно-экономического механизма развития рынка новых профессий в России связан с его адаптацией к непосредственной деятельности самих консалтинговых организаций, которые, также как и любой другой субъект рыночных отношений, могут столкнуться с необходимостью коррекции текущих бизнес-процессов в связи с изменением структуры собственного персонала и необходимостью более активного внедрения инноваций, прежде всего, искусственного интеллекта.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мрочковский Н.С. Управленческий консалтинг в цифровой экономике // Научные исследования и разработки. Экономика фирмы. 2020. Т. 9. № 2. С. 67-72.
2. Петров А.Н. Современная модель стратегического менеджмента // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2017. № 1-1 (103). С. 12-20.
3. Руденко Е.А. Роль консалтинга в современной экономике // Научные революции как важнейшее обстоятельство развития науки и техники. Стерлитамак, 2022. С. 82-84.
4. Тодика М.В., Тибилова В.Э. Тенденции развития рынка консалтинговых услуг в РФ в условиях кризиса // Общество и экономика знаний, управление капиталами: цифровая экономика знаний. Краснодар, 2022. С. 452-457.
5. Greiner L.E., Metzger R.O. Consulting to management, Englewood Cliffs, NJ, Prentice-Hall, 1983. 74 p.
6. Kaplan S., Mikes A. Managing risks: A new framework // Harvard business rev. Boston, 2012. Vol. 90. № 6. P. 48-60.

С.Д. Волков, В.С. Чекалин, А.В. Кучумов
КООПЕТИЦИЯ В ОБЛАСТИ МАРКЕТИНГА ДЕСТИНАЦИИ
В ТУРИЗМЕ

Сергей Денисович Волков – проректор по научной работе, заведующий кафедрой государственного и муниципального управления и менеджмента, АНО ДПО «Санкт-Петербургский институт бизнеса и инноваций», доктор экономических наук, профессор, академик Петровской Академии Наук и Искусств, г. Санкт-Петербург; **e-mail: sdvspb@mail.ru.**

Вадим Сергеевич Чекалин – профессор кафедры государственного и территориального управления, ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный экономический университет», доктор экономических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, г. Санкт-Петербург; **e-mail: vchekalin10@list.ru.**

Артур Викторович Кучумов – доцент кафедры экономики и управления в сфере услуг, ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный экономический университет», кандидат экономических наук, доцент, г. Санкт-Петербург; **e-mail: arturspb1@yandex.ru.**

В статье основное внимание уделяется характеристикам коопетиции в туризме и, в частности, в туристских дестинациях. Совместное размещение в туристских дестинациях вызывает различные формы ситуаций коопетиции, которые не очень распространены в географически разбросанных отраслях. Рассматривается идея совместного туристического продукта, такого как опыт туриста в дестинации, которая стимулирует конкурирующих поставщиков услуг сотрудничать, а единое географическое размещение создает ситуацию, в которой конкурирующие фирмы в дестинации ведут совместную деятельность по брендингу и маркетингу.

Ключевые слова: коопетиция; маркетинг; управление; совместное размещение; сезонность; туристский продукт.

S.D. Volkov, V.S. Chekalin, A.V. Kuchumov
COOPETITION IN DESTINATION MARKETING IN TOURISM

Sergey Volkov – vice-rector for scientific research, Head of the Department of State and Municipal Administration and Management, St. Petersburg University of Business and Innovations, Doctor of Economics, professor, member of Petrovskaya Academy of Sciences and Arts, St. Petersburg; **e-mail: sdvspb@mail.ru.**

Vadim Chekalin – professor, the Department of State and Territorial Management, St. Petersburg State University of Economics, Doctor of Economics, professor, Honoured Science Worker of the Russian Federation, St. Petersburg; **e-mail: vchekalin10@list.ru.**

Artur Kuchumov – senior lecturer, the Department of Economics and Management in Service Sphere, St. Petersburg State University of Economics, PhD in Economics, associate professor, St. Petersburg; **e-mail: arturspb1@yandex.ru.**

We focus on the characteristics of coopetition in tourism and, in particular, in tourist destinations. Colocation in tourist destinations results in various forms of coopetition that are not common in geographically dispersed industries. We consider the idea of a collaborative tourist product, such as a tourist experience in a destination, which encourages competing service providers to cooperate. The geographic colocation contributes to joint branding and marketing activities carried out by competing firms.

Keywords: coopetition; marketing; management; colocation; seasonality; tourist product.

Коопетиция является актуальной перспективой в туристическом бизнесе, но существует недостаток исследований, посвященных возможным особенностям дан-

ного явления в туризме и туристских дестинациях. В статье основная цель состоит в том, чтобы отобразить особенности сотрудничества туризма и туристских дестинаций. Как правило, несколько видов туристической деятельности сосредоточены на одних и тех же (небольших) географических территориях, туристических курортах или направлениях.

Три точки зрения, а именно конкуренция, коопетиция и сотрудничество – неоднократно подчеркивались в современных исследованиях в области менеджмента и маркетинга. В то время как конкуренция и сотрудничество считаются основными парадигмами, статус кооперации не так высок, и обычно она не считается типичной парадигмой. Однако возникла парадигма кооперации, при которой фирмы не только сотрудничают или конкурируют с определенными заинтересованными сторонами, но и участвуют в этих действиях одновременно. Кроме того, сотрудничество называют мультипарадигмальным подходом, который позволяет сочетать достоинства как конкуренции, так и сотрудничества, что, по сути, создает постоянный парадокс между конкурентной и сотруднической напряженностью [7].

Соображения конкуренции или сотрудничества являются лишь полуправдой в деловой практике. В конце девятнадцатого века картели и сговоры уже рассматривались в учебниках по экономике бизнеса. Они основаны на сотрудничестве между конкурирующими фирмами, их основной целью является достижение монопольного положения на рынке. В этом смысле они увеличивают излишек производителя почти до уровня монополии и в то же время уменьшают излишек потребителя. Картели и сговоры являются беспроигрышными ситуациями, поскольку обе (все) фирмы будут создавать большую прибыль, чем без картеля. Но из-за уменьшения потребительского излишка они также являются беспроигрышными ситуациями, которые уменьшают общий излишек рынка. Картели и сговоры имеют тот же аспект, который характерен для кооперации: одновременное сотрудничество и конкуренция. Однако они не следуют ти-

пичным формам кооперации. По сравнению с картелями, в типичной коопетиции фирмы должны создавать стоимость более многогранным образом в виде чистой стоимости. Коопетиция, которая делает упор, в частности, на сотрудничество и создание стоимости между конкурирующими фирмами, также называется диадной коопетицией.

Дискуссии о коопетиции имеют много точек зрения и аспектов. Выделяются следующие категории коопетиции:

1. Внутриорганизационная коопетиция против межорганизационной коопетиции.
2. Диадическая коопетиция.
3. Процессуальная коопетиция.
4. Многогранная или контекстуальная коопетиция.
5. Непреднамеренная, молчаливая и неожиданная коопетиция.

Большинство исследований коопетиции сосредоточено на межорганизационной коопетиции, которая представляет собой сотрудничество между фирмами (или организациями). Однако в последнее время в литературе по менеджменту и маркетингу набирают популярность коопетиции на микроуровне или внутриорганизационного сотрудничества. В дополнение к внутриорганизационной коопетиции на микроуровне определяют межорганизационную коопетицию на мезоуровне, межсетевую коопетицию на макроуровне и региональную коопетицию на метауровне.

Межорганизационная коопетиция часто представляет собой диадическую коопетицию, которая легко вызывает напряженность между фирмами сотрудничества из-за кооперативного преимущества и лежащей в основе оппортунистической оценки ценности участников. Например, кооперация охватывает несколько заинтересованных сторон фирм, состоящих как из вертикальных, так и горизонтальных отношений: поставщики, компания, клиенты, комплементарии и конкуренты. Коопетиция, в которой участвуют заинтересованные стороны, такие как государственный сектор, является многогранным сотрудничеством.

Одна из возможных форм коопетиции и сотрудничества между конкурирующи-

ми фирмами основана на непреднамеренных, возникающих или неявных методах коопетиции. Например, возможными источниками этого являются побочные эффекты, действия государственного органа или манеры потребителей. Кроме того, совместное расположение или географическая близость являются одной из возможных причин непреднамеренной коопетиции между фирмами в коммерческих центрах, например в центре города, или в туристических местах.

В туристических направлениях клиент обычно создает свой собственный туристический продукт и впечатления, которые основаны на услугах всего направления. Известен тот факт, что туристический продукт состоит из нескольких услуг и турист проводит свое время (несколько дней или даже недель) в одном и том же месте в туристической дестинации, чтобы создать впечатления, т.е. построить свой туристический продукт. Происходит ситуация, в которой турист, согласно некоторым исследованиям в области управления туризмом, является менеджером своей собственной цепочки поставок или, по крайней мере, совместно создает свой конечный продукт с поставщиками туристических услуг дестинации. Туристический опыт основан не только на действиях поставщиков услуг, но и на действиях самого туриста, а также других туристов. Таким образом, туристы совместно создают свои услуги друг с другом и с поставщиками услуг.

Большая часть туристического оборота приходится на иностранных клиентов. Таким образом, даже большая часть оборота может быть сосредоточена на экспортной деятельности с иностранными заказчиками. Это влияет на характеристики туристических услуг. Современные транспортные и информационные технологии разрушили барьеры расстояния. В частности, информационные технологии изменили роль клиента или туриста в туристическом бизнесе. Поскольку туризм – это услуга, связанная с местом, взаимодействие с клиентами также традиционно носит физический характер и связано с местом (туристическим направлением). Помимо взаимодействия с клиентами в

физической среде, расширилась роль виртуальных сред. Взаимодействие с клиентами в виртуальных средах основано на ориентированной на клиента перспективе совместного творчества, при которой роль клиента активна, а диалог является двусторонним и непрерывным.

Существует три уровня коопетиции:

- общая деятельность между различными дестинациями в родной стране;
- уровень назначения – например, в виде DMO;
- уровень предпринимателей (а также фирм и работников) в дестинации.

В бизнесе используются различия между практиками коопетиции на микро-, мезо- и макроуровнях. Коопетиция на микроуровне может быть основана на индивидуальных и групповых действиях, а также на мезо-/макроуровневых совместных действиях между группами. В таблице показаны эти три уровня в контексте туризма.

На каждом уровне есть характеристики кооперации, конкуренции и их одновременности, т.е. кооперации. Все три уровня тесно связаны. И сотрудничество, и конкуренция между этими фирмами тесно связаны с местностью; другими словами, существует коопетиция на основе местоположения и конкуренция на основе местоположения.

Кроме того, можно реализовать ситуацию коопетиции через повседневную светскую беседу, привычки и увлечения. Также представляется, что географическая близость является одним из потенциальных источников практики повседневного неофициального сотрудничества между конкурентами, что является источником коопетиции.

Туризм – это индустрия, основанная на местоположении. Благодаря совместному расположению предприниматели проводят множество официальных и неофициальных встреч даже в свободное от работы время. Кроме того, возможности получения образования связаны с работой по развитию в дестинации. Совместная деятельность по развитию, такая как коопетиция, ориентирована на межсезонье. В лучшие сезоны социальные контакты и работа по развитию основаны на оперативном сотрудничестве и интуиции.

Конкуренция, сотрудничество и кооперирование, деятельность на разных уровнях в отношении организации туристских дестинаций

	Сотрудничество	Коопетиция	Конкуренция
Уровень между дестинациями	На пути к международным рынкам	Одновременное сотрудничество между дестинациями на международных рынках и конкуренция в стране происхождения	В родной стране
Дестинация, DMO	Общестроительные работы в дестинации	Одновременное сотрудничество между членами DMO в работе по развитию дестинации и операционная коопетиция друг с другом	Члены DMO имеют случаи операционной конкуренции друг с другом в фоновом режиме
Фирмы, рабочие и предприниматели в дестинации	Периодическое сотрудничество для обеспечения положительных впечатлений туристов; членство в DMO; личная дружба; сотрудничество на основе местоположения	Общее членство и случайное сотрудничество, связанное с постоянной ежедневной коопетицией	Ежедневная локальная конкуренция

Заметные черты коопетиции связаны с компонентами цепочки поставок. В туристических направлениях все три части цепочки поставок связаны с коопетицией. Совместные закупки, совместное обучение и стратегия, инновации и разработка, совместный маркетинг – типичные проявления совместного размещения. Совместная маркетинговая деятельность является наиболее типичной формой коопетиции в сфере туризма. Совместный маркетинг организуется маркетинговыми ассоциациями в пункте назначения (DMO). Кроме того, важную роль в работе DMO играет государственный сектор. Акцент на кооперации делается на промежуточной и нисходящей кооперации. В частности, роль коопетиции в середине потока, такого как сотрудничество в ключевых видах деятельности, стратегической работе, знаниях и инновациях, сегодня более важна в туризме [3].

В туризме, в отличие от обрабатывающей промышленности, главной причиной совместного размещения являются географические условия, обеспечивающие особенности, которые подходят для индустрии туризма из-за их привлекательных характеристик. В производстве близость других фирм может быть причиной уве-

личения колокации без каких-либо основных географических особенностей. Совместное размещение конкурирующих и дополняющих друг друга поставщиков услуг является источником ситуации коопетиции в туризме. Тот факт, что совместное размещение вызывает различные совместные действия между фирмами в туристическом направлении, также означает сотрудничество между конкурирующими фирмами, другими словами, коопетицию. В туристических дестинациях кооперация имеет как диадические, так и контекстуальные формы. Сотрудничество основано на сильной интуиции участников дестинации в отношении общего туристического продукта, который потенциально включает в себя все доступные услуги дестинации. Это, пожалуй, самое сильное проявление совместного расположения в туристическом направлении и важная движущая сила коопетиции.

Туристические направления представляют собой хороший пример для изучения последствий коопетиции в бизнесе. Совместное расположение и сезонность являются сильными характеристиками туристической дестинации, которые влияют на формы сотрудничества. Результаты особенно применимы к тем отраслям, осно-

ванным на местоположении, в которых важны совместные бренды разных фирм.

Возможности аутсорсинга высоки в туристических направлениях из-за близости конкурирующих, дополняющих и снабжающих фирм в месте назначения. И наоборот, цель контроля управления цепочками поставок на основе местоположения находится на относительно высоком уровне в туристических направлениях, и необходимость развития общего продукта бизнес-агломерации (туристического продукта) признается на всех уровнях и всеми участниками туристического направления. Эти виды деятельности являются частью коопетиции на макро- или метауровне.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Camilleri M.A.* The tourism industry: An overview. In *Travel marketing, tourism economics and the airline product*. Cham, Switzerland: Springer Nature, 2018a. P. 3–27.
2. *Carter J.* Virtual tourism. *WTM Business*. The exclusive magazine for WTM Buyers' Club members. Members Edition 2016. November. P. 8689.
3. *Chinn-Miki A.F., Batista-Canino R.M.* Tourism coepetition: An introduction to the subject and a research agenda // *International Business Review*. 2017b. № 26(6). P. 1208–1217.
4. *Chubchuwong M., Beise-Zee R., Speece M.W.* The effect of nature-based tourism, destination attachment and property ownership on environmental-friendliness of visitors: A study in Thailand // *Asia Pacific Journal of Tourism Research*. 2015. № 20(6). P. 656–679. URL: <https://doi.org/10.1080/10941665.2014.925482>.
5. *Cruz-Milan O.* Plog's model of typologies of tourists // In L.L. Lowry (Ed.). *The SAGE International Encyclopedia of Travel & Tourism*. Thousand Oaks, CA: SAGE Publications, Inc., 2017. P. 954–956.
6. *Dolnicar S., Ring A.* Tourism marketing research: Past, present and future // *Annals of Tourism Research*. 2014. № 47. P. 31–47. URL: <https://doi.org/10.1016/j.annals.2014.03.008>.
7. *Font X., McCabe S.* Sustainability and marketing in tourism: Its contexts, paradoxes, approaches, challenges and potential // *Journal of Sustainable Tourism*. 2017. № 0(0). P. 1–15. URL: <https://doi.org/10.1080/09669582.2017.1301721>.

Н.Л. Гагулина

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ВКЛАДА СТАНДАРТИЗАЦИИ В ПРОЦЕССЫ РОСТА И РАЗВИТИЯ

*Статья подготовлена в рамках работы по теме п. 5.6.2.4 ПФНИ:
AAAA-A21-121011290084-9 «Анализ и моделирование влияния экономики знаний
и информационных технологий на структурные сдвиги, экономический рост
и качество жизни»*

Наталья Львовна Гагулина – ведущий научный сотрудник, Институт проблем региональной экономики Российской академии наук, кандидат физико-математических наук, доцент, г. Санкт-Петербург; **e-mail: Nata_C@bk.ru.**

В статье проанализирована институциональная роль стандартизации и рассмотрена ее нормативно-правовая база и стандарты, сконцентрированные на улучшении качества жизни в экономике знаний. Концептуальной базой проведенного исследования являются основы экономики качества.

Автор рассматривает стандартизацию как фактор роста и развития. На примере стандарта ГОСТ Р ИСО 37120-2020 «Устойчивое развитие сообщества. Показатели городских услуг и качества жизни» показана институциональная роль стандартизации в обеспечении устойчивого развития и высокого качества жизни.

Ключевые слова: стандартизация; экономика знаний; развитие; стандарт; инновации; качество жизни.

N.L. Gagulina

THEORETICAL ASPECTS OF STANDARDISATION IMPACT ON GROWTH AND DEVELOPMENT

The research has been made within topic 5.6.2.4 of the Program of Fundamental Scientific Research AAAA-A21-121011290084-9 “Analysis and modelling of the impact of knowledge economy and information technologies on structural shifts, economic growth and quality of life”

Natalya Gagulina – leading researcher, the Institute of Problems of Regional Economy of Russian Academy of Science, PhD in Physics and Mathematics, associate professor, St. Petersburg; **e-mail: Nata_C@bk.ru.**

We analyze the institutional role of standardization and consider its legal foundations and standards focused on improving the quality of life in knowledge economy. Conceptually the research is based on the quality economics.

The standardization is seen as a factor of growth and development. Using the example of GOST R ISO 37120:2020 standard we show the institutional role of standardization in ensuring sustainable development and high quality of life.

Keywords: standardization; knowledge economy; development; standard; innovations; quality of life.

Повышение инновационной активности – один из факторов, сопровождающих современное экономическое развитие. На

фоне преимуществ, связанных с достижениями экономики знаний и обеспечивающих необходимые темпы роста и качество

жизни, прослеживаются проблемы, обусловленные внешними шоками, внутренними противоречиями и экономической нестабильностью. Актуальным в этой связи является уточнение роли стандартизации в экономике знаний для повышения эффективности ее применения в интересах устойчивости развития и улучшения качества жизни. Представляется целесообразным проведение анализа теоретических аспектов вклада стандартизации в процессы роста и развития, выделение ее институциональной роли в условиях перехода на новый уровень экономического развития при доминирующем вкладе ключевых отраслей экономики знаний.

Пионерные исследования России в области стандартизации в двадцатом столетии обусловили значительное количество научных трудов, посвященных становлению данной сферы. Большой вклад в развитие стандартизации как фундаментального элемента нового научного направления – экономики качества внес В.В. Окрепилов. Монография [7] содержит фундаментальные сведения об эволюции стандартизации в составе экономики качества. В настоящее время стандартизация является той основой, которая выводит экономическое развитие на новый уровень. В этой связи известны имена Б.В. Бойцова, В.Я. Белобрагина, А.В. Гличева, Е.А. Горбашко, Т.И. Зворыкиной, Т.А. Салимовой и др.

Экономика знаний, полностью построенная на новейших достижениях в области науки и образования, здравоохранения и биотехнологий, информационных и телекоммуникационных технологий, остро нуждается в ускорении научного и технологического прогресса, обеспеченном стандартами и решениями по их внедрению. Залогом успешного решения данной задачи является цифровизация, в первую очередь, охватывающая сферу стандартизации. Согласно данным, приведенным в [8], «Россия, наряду с США и Германией, входит в настоящее время в тройку мировых лидеров по переводу всех стандартов из бумажного формата в цифровой».

Стандарты, как средство закрепления оптимальных требований к качеству во

всех сферах и областях человеческой деятельности, служат инструментом повышения эффективности экономического взаимодействия. Одним из таких примеров является появление рекомендаций, разработанных для интенсификации инновационной деятельности. Так, на внедрение новых норм, государственных и межгосударственных стандартов направлены меры, которые обязывают экономических субъектов к масштабному освоению и использованию новых технологий.

Всемерное распространение информации и новые виды социального взаимодействия, в том числе посредством инфокоммуникационных технологий, породило новые категории и новые стандарты. К числу таких категорий относятся цифровые активы. Законодательно данное понятие закреплено в Федеральном законе от 31.07.2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Согласно определению, приведенному в упомянутом законе, цифровые активы попадают в очень общую категорию цифровых прав, которая регулируется Гражданским кодексом РФ. Однако не все цифровые права в данном Федеральном законе являются цифровыми активами. Наглядный пример – «утилитарные цифровые права», определение которых дано в ст. 8 Федерального закона «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». В рассмотренной ситуации для повышения эффективности всей системы взаимоотношений с применением цифровых активов необходим инструмент, который отрегулирует работу системы. Весьма полезным в этом смысле представляется стандарт ГОСТ Р ИСО/МЭК 19770-1-2021 «Информационные технологии. Управление ИТ-активами. Часть 1. Системы управления ИТ-активами. Требования», в котором определено место цифровых активов в общей системе информационных активов.

Стандартизация формализует требования к качеству во всех возможных сферах человеческой жизнедеятельности и пос-

редством информационного обмена транслирует эти требования в экономику знаний (рис. 1). Внешний и внутренний контуры, выделенные на рисунке, соответствуют микро- и макроэкономическим уровням.

Единые требования к качеству продукции и взаимозаменяемости ее отдельных составляющих наиболее востребованы в высокотехнологичных отраслях промышленности. Национальные промышленные стандарты являются инструментом управления жизненным циклом изделий, основой проектирования, испытания, сертификации и послепродажного обслуживания. В условиях цифровизации создание и организация работы ученых, производителей и инвесторов в единой информационной базе обеспечивают сокращение общих издержек, повышая рентабельность производства. При этом появляется возможность включать инновационные звенья в смежные производственные цепочки, открывая новые горизонты для оптимизации за счет лучшего расходования всех видов ресурсов.

Установленные в результате стандартизации критерии для проектирования продуктов и процессов, их эксплуатационные характеристики повышают конкурен-

тоспособность продукции и самого производителя, способствуют лучшему удовлетворению потребительского спроса. Рост доходов производителей стимулирует совокупный спрос в экономике и вносит свой вклад в обеспечение непрерывного экономического роста [9]. Повышается и конкурентоспособность экономики в целом, т.к. в перспективе стандартизация способствует ускорению темпов НТП, росту доходов производителей, дает импульс инвестиционным расходам и возрастанию совокупного спроса в экономике.

Стандартизация является одним из ведущих факторов, определяющих экономический рост. Рост ВВП в связи с развитием стандартизации обусловлен увеличением объемов производства за счет оптимизации производственных процессов и экономики на непроизводительных затратах экономических ресурсов, появлением и работой эффекта от масштаба производства и т.д. Так, вклад стандартизации в рост производительности труда, в первую очередь, прослеживается на основе сокращения непроизводительных затрат времени, а также оптимизации всех процессов в экономике [3; 5; 10].

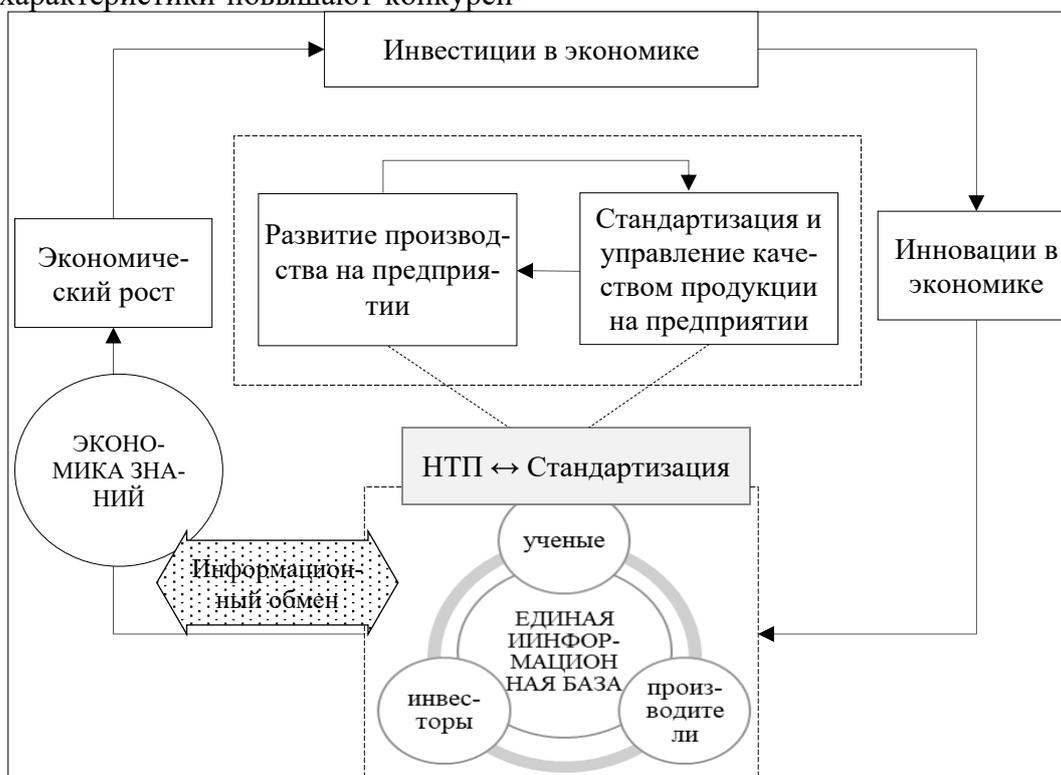

Рис. 1. Стандартизация в системе экономических взаимоотношений

Источник: сост. автором.

Потребности развития экономики знаний предъявляют жесткие требования к технологиям и системным механизмам. Особенно четко это прослеживается на примере применения стандартизации в формировании системы управления цифровизацией [6]. Изменения, которые сегодня связывают с экономикой знаний, можно рассматривать как бесконечную спираль, в которой развитие образования, здравоохранения, науки, ИТ-технологий, биотехнологий и других областей создает благоприятные условия для поступательного технологического и инновационного развития.

Сокращение жизненного цикла инноваций и их ускоренное распространение в связи с цифровизацией происходит благодаря повышению уровня автоматизации рабочих процессов, которое сопровождается применением новейших технологий сбора, переработки, передачи, анализа информации, использованием цифровых платформ и систем управления, а также новых средств телекоммуникации. Инновационное развитие обеспечивает значительную часть роста валового регионального продукта, оказывает существенное влияние на качество жизни населения [2].

В экономике знаний значительно облегчен процесс сохранения и воспроизводства инновации, а также передачи технологии. Так, с помощью информационных систем записывается характер и последовательность действий опытного оператора, а затем полученная программа используется для реального автоматизированного управления сложной технологической установкой. Строгое перенесение технологий при достаточно жестком контроле за тем, как они используются, часто сопряжено с таким понятием, как трансфер технологий, подразумевающим фиксируемую, юридически узаконенную передачу определенной технологии с учетом всех нюансов *know-how* более широкому кругу пользователей. Средством, в значительной мере способствующим трансферу технологий, является стандартизация.

Стандартизация, сама являясь следствием НТП, выступает в роли катализа-

тора и фактора диффузии инноваций. Данный факт обусловлен информационной сутью, которая обозначает и содержание, и место стандартизации в системе процессов в экономике. На основе стандартов регламентируется оптимизация протекающих в масштабах всей экономики процессов, в поле действия стандартов устанавливаются единые правила взаимодействия. Это подчеркивает институциональную роль стандартизации. Стандарты охватывают практически все сферы экономики, планомерно повышая качество жизни. Как фактор роста стандартизация обеспечивает действие социально-экономическому развитию страны, интеграции России в мировую экономику и международные системы стандартизации в качестве равноправного партнера [4].

Наиболее известным на сегодняшний день стандартом, в котором комплексно представлен подход к повышению качества жизни, является ГОСТ Р ИСО 37120-2020 «Устойчивое развитие сообщества. Показатели городских услуг и качества жизни». Данный стандарт нацеливает на повышение качества жизни как итоговый результат устойчивого развития и содержит более ста показателей, включающих основные, вспомогательные и профильные показатели (рис. 2).

В числе преимуществ ГОСТ Р ИСО 37120 можно выделить: комплексность оценки, охватывающей такие сферы жизни, как экономика, образование, здравоохранение, энергетика, окружающая среда, градостроительство, финансы и др., многообразие показателей, совместимость стандарта со стандартами, в которых сделан акцент на цифровизации и умных городах: ИСО 37122 Показатели для интеллектуальных городов и ИСО 37123 Показатели для адаптивных городов и т.д.

С другой стороны, есть некоторые особенности, которые затрудняют практику применения стандарта ГОСТ Р ИСО 37120 в контексте оценки качества жизни. Первое, на что хочется обратить внимание: ориентация ГОСТ Р ИСО 37120 преимущественно на городскую среду, хотя качество жизни не менее важно для сельских поселений.

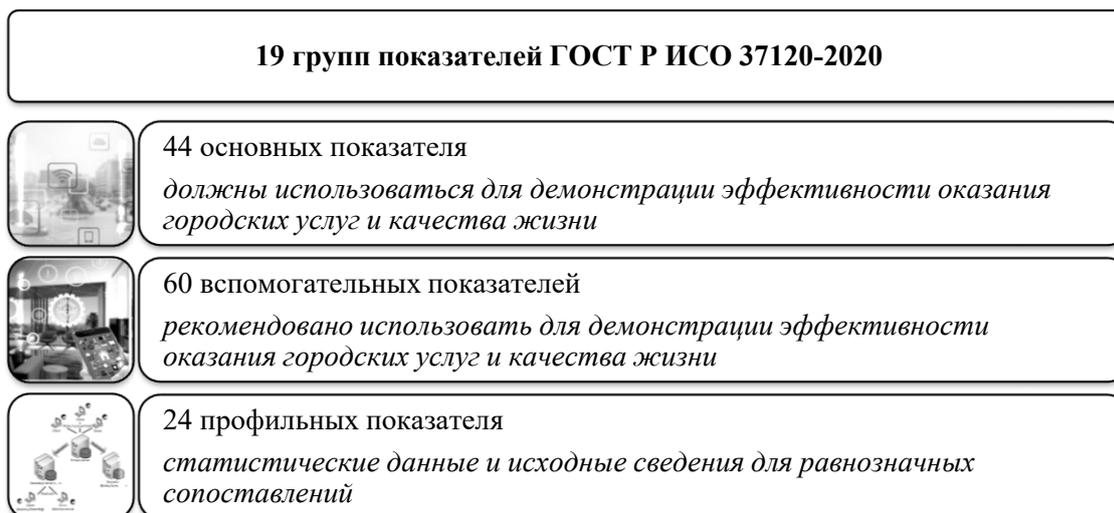

Рис. 2. Группировка показателей стандарта ГОСТ Р ИСО 37120-2020 «Устойчивое развитие сообщества. Показатели городских услуг и качества жизни»
Источник: сост. автором на основе [1].

Еще один момент: большое количество показателей, которое в условиях несовершенства системы статистического учета ставит проблему фрагментарности данных и, соответственно, их сопоставимости для разных населенных пунктов в различных регионах. Несмотря на возможные трудности применения, стандарт ГОСТ Р ИСО 37120-2020 «Устойчивое развитие сообщества. Показатели городских услуг и качества жизни» предоставляет дополнительные возможности для проведения оценки устойчивости и принятия управленческих решений, направленных на повышение качества жизни в городах.

Таким образом, стандартизация охватывает все уровни экономики и все ее сферы, что подчеркивает ее особую роль в экономическом росте и развитии. Стандартизация представляет собой инструмент с наиболее успешной практикой применения и является эффективным средством для воплощения продуктов отраслей экономики знаний в товарах и услугах нового качества. Для того чтобы стандартизация и далее оставалась эффективным средством системного управления в условиях экономической нестабильности, необходимо ее опережающее развитие, отвечающее перспективам прогресса экономики знаний, а также актуализация действующих стандартов, особенно в точках пересечения сферы высоких технологий.

ЛИТЕРАТУРА

- ГОСТ Р ИСО 37120-2020. URL: https://allgosts.ru/03/120/gost_r_iso_37120-2020 (дата обращения: 22.03.2023).
- Антохина Ю.А., Гетманова Г.В. Региональный аспект формирования инновационной экосистемы Российской Федерации // Экономика Северо-Запада: проблемы и перспективы развития. 2022. № 2 (69). С. 146–154.
- Аронов И., Ильина Е., Зажигалкин А., Максимова О. Модель планирования и управления фондом национальных стандартов // Стандарты и качество. 2015. № 10(940). С. 56–62.
- Белобрагин В.Я., Зворыкина Т.И. Стандарт – предвестник нового качества жизни // Стандарты и качество. 2022. № 1. С. 48–52.
- Горбашко Е.А. Стандартизация в формировании системы управления цифровизацией // Современный менеджмент: проблемы и перспективы: сб. статей по итогам XV Междунар. науч.-практ. конф., Санкт-Петербург, 23–24 апреля 2020 г. / под ред. Е.А. Горбашко, И.В. Федосеева. СПб.: СПбГЭУ, 2020. С. 12–17.
- Максимцев И.А., Горбашко Е.А., Титова А.В. Распределение доходов и качество жизни: аспекты инклюзивного экономического роста // Стандарты и качество. 2019. № 8. С. 62–66.
- Окрепилов В.В. Развитие науки о

качестве. Избранные труды. СПб.: ПОЛИТЕХ-ПРЕСС, 2019. 1004 с.

8. *Окрепиллов В.В.* Экономика качества – важнейшее направление развития экономической науки // Проблемы прогнозирования. 2022. № 5. С. 78–90.

9. *Окрепиллов В.В., Гагулина Н.Л., Гридасов А.Г., Чудиновских И.В.* Методологические особенности исследования качества

жизни на концептуальной основе экономики качества // Экономика Северо-Запада: проблемы и перспективы развития. 2020. № 4 (63). С. 63–67.

10. *Шарафутдинова Е.Н.* Актуальные экономические аспекты стандартизации в Российской Федерации // Управленец. 2016. № 3(61). С. 77–81.

А.Н. Гродинская

МЕТОДИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ОЦЕНКЕ УРОВНЯ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ СФЕРЫ УСЛУГ

Анна Николаевна Гродинская – доцент кафедры «Экономики и организации производства», Санкт-Петербургский государственный технологический институт (технический университет), кандидат экономических наук, г. Санкт-Петербург; **e-mail: Grodinskaya.anna@mail.ru.**

В статье рассмотрены и охарактеризованы основные методические подходы к оценке инновационного развития сферы услуг с позиции конкретного субъекта управления данным процессом. В качестве ключевых подходов с позиции проведения государственной политики в данной области автор выделяет следующие: унифицированный подход к оценке сферы услуг как части национальной экономики, отраслевой подход, региональный подход.

Ключевые слова: сфера услуг; системный подход; инновационное развитие; субъекты управления инновационным развитием сферы услуг.

A.N. Grodinskaya

METHODOLOGICAL APPROACHES TO ASSESSING LEVEL OF INNOVATIVE DEVELOPMENT OF SERVICE SECTOR

Anna Grodinskaya – senior lecturer, the Department of Economics and Organization of Production, St. Petersburg State Technological Institute (Technical University), PhD in Economics, St. Petersburg; **e-mail: Grodinskaya.anna@mail.ru.**

We consider and characterize the main methodological approaches to assessing the innovative development of the service sector from the standpoint of a particular subject of managing the process in question. The following approaches are distinguished as the key ones taking into consideration the state policy in this area: a unified approach to assessing the service sector as a part of the national economy, sectoral approach, regional approach.

Keywords: service sector; system approach; innovative development; subjects of managing the service sector innovative development.

Современное развитие сферы услуг как ключевого направления экономической деятельности и базиса для формирования постиндустриального общества, ориентированного не только на удовлетворение необходимых потребностей, но и на получение эмоций от процесса потребления и сервисного обслуживания, невозможно представить без широкого спектра инноваций, действие которых распространяется на весь жизненный цикл как услуг, так и организаций, которые их предоставляют на потребительском рынке. Инно-

вационное развитие сферы услуг как процесс требует системной оценки, которая должна учитывать влияние различного рода изменяющихся факторов внешней среды и быть ориентирована на функциональный анализ инновационного процесса применительно к отдельным видам инноваций. В связи с этим весьма актуальным направлением исследований следует признать определение методических подходов к оценке уровня инновационного развития сферы услуг. Однако разница в определении источника и форм инновационного

развития сферы услуг активно влияет и на выбор возможных вариантов оценки. В данном исследовании внимание автора сконцентрировано на позиции отдельных субъектов рынка относительно направлений инновационного развития сферы услуг. Так, на рисунке автором изображены субъекты принятия решения относительно выбора направлений и механизмов инновационного развития сферы услуг в контексте методического обеспечения данного процесса.

Как видно из рисунка, выделяется три основных субъекта принятия решения относительно траекторий инновационного развития услуг. Ключевую роль в данном процессе в российских условиях занимает государство, которое в рамках стратегического видения развития как национальной экономики, так и ее отдельных сегментов стимулирует разработку и внедрение инноваций в сфере услуг. Однако среди методов воздействия на данный процесс можно обозначить использование инструментария административного воздействия и ряда экономических мер, действие которых ограничено в связи с ухудшением экономических условий, дисбалансом между экспортом и импортом, серьезными колебаниями валютных курсов, продолжением санкционной политики по отношению к отечественным производителям и т.д.

В связи с вышесказанным необходимо отметить рост значимости предпринимательского сектора и домашних хозяйств в обеспечении устойчивого инновационного развития сферы услуг.

Частный бизнес заинтересован в продвижении инноваций как элемента обеспечения дополнительной экономической устойчивости в условиях роста кризисных явлений за счет возможного сокращения расходов при проектировании и оказании отдельных услуг, прежде всего, с точки зрения снижения зависимости от использования трудовых ресурсов, расходы на которые составляют значительную долю общих издержек организаций сферы услуг. Аналогичные параллели можно провести и относительно рынка домашних хозяйств, которые в условиях кризиса также ориентируют свой спрос на приобретение услуг

по более низкой цене при одновременном стремлении к обеспечению достаточного уровня качества и сервиса в момент совершения соответствующей покупки.

Рассмотрим более подробно возможные методические подходы к оценке уровня инновационного развития сферы услуг с точки зрения государственной политики в данном направлении. Анализируя текущую практику по данной проблематике, представленную в ряде научных работ [2–5], можно выделить следующие подходы:

1. *Общий (унифицированный) подход к инновационному развитию сферы услуг.* В рамках данного подхода сфера услуг представляет собой часть общего потенциала национальной экономики, и для оценки ее уровня инновационного развития могут быть использованы обобщенные показатели статистического учета, отражающие уровень внедрения инноваций в российской экономике. Среди наиболее известных показателей необходимо отметить:

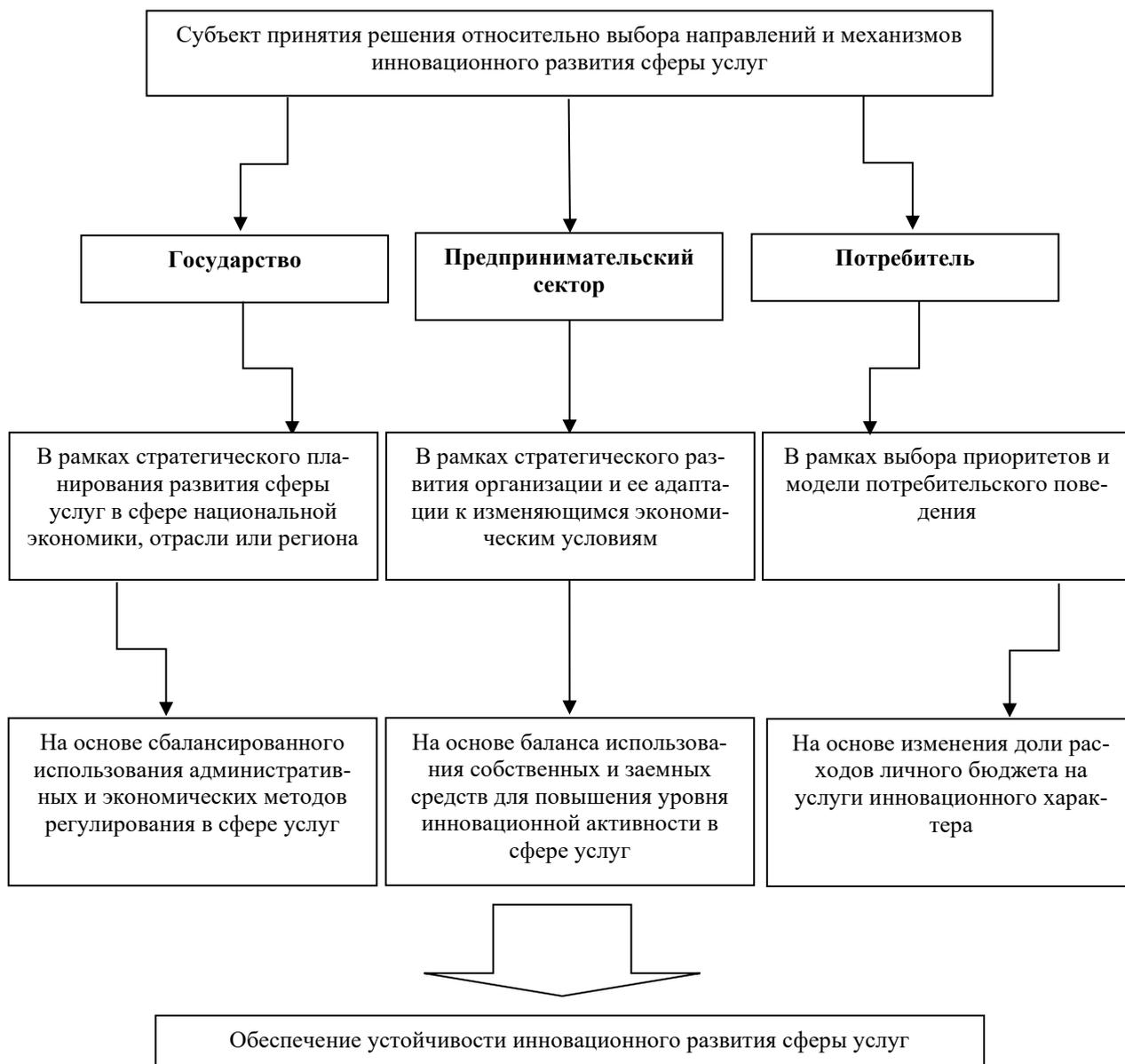
- удельный вес инновационных товаров, работ, услуг в общем объеме отгруженных товаров, выполненных работ, услуг;

- затраты на инновационную деятельность организаций;

- уровень инновационной активности организаций и т.д. [6].

Как видно из приведенных примеров, представленные показатели носят универсальный характер и не отражают конкретную специфику развития инноваций в сфере услуг, что усложняет процедуру возможной оценки и требует более детальных подходов к оптимизации инновационного развития сферы услуг.

2. *Отраслевой подход к инновационному развитию сферы услуг.* Предполагает разработку и внедрение определенного ряда инноваций в рамках отдельных сегментов сферы услуг в контексте стратегического отраслевого развития на федеральном уровне. Например, в рамках Стратегии развития туризма в Российской Федерации на период до 2035 года уделяется внимание инновационному развитию рынка в рамках отдельного раздела (13 «Внедрение цифровых технологий в сфере туризма») [1].

Субъект принятия решения относительно выбора направлений и механизмов инновационного развития сферы услуг в контексте методического обеспечения данного процесса (авторские разработки)

Источник: сост. автором.

Среди основных направлений инноваций предлагается:

– создание единых электронных туристских карт, функционирующих в режиме онлайн и имеющих мобильное приложение, с помощью которых можно было бы не только получать определенную информацию о туристском потенциале дестинации, но и рассчитывать на ряд потенциальных льгот;

– развитие сервисов дополнительной реальности на объектах туристского показа с целью повышения их привлекательности;

– внедрение и развитие технологий больших данных и искусственного интеллекта для сбора и анализа для формирования статистической базы учета в сфере туризма и рекреации и т.д. [1].

Однако в разделе «Основные показатели развития туризма в Российской Федерации» данной Стратегии упоминаются исключительно абсолютные показатели, не отражающие инновационный характер развития отрасли (число гостиниц и аналогичных средств размещения, численность граждан Российской Федерации, разме-

щенных в коллективных средствах размещения и т.д.).

Как видно из представленного примера, инновационное развитие в рамках отраслевого сегмента рассматривается не как главная цель формирования стратегии в сфере услуг, а как одно из приоритетных направлений обеспечения темпов экономического роста. Кроме того, отраслевой подход к оценке уровня инновационного развития не обеспечивает системный характер разработки и внедрения инноваций, т.к. акцентирует внимание только на проблематику конкретного сегмента. Например, внедрение и развитие технологий больших данных и искусственного интеллекта для сбора и анализа информации в сфере туризма и рекреации потребует аналогичных изменений как на уровне смежных отраслей, так и с точки зрения разработки новых образовательных программ, которые могли бы подготовить соответствующие кадры для индустрии. Отдельное внимание также заслуживает более комплексный подход к выбору показателей оценки уровня инновационного развития с учетом особенностей отрасли. По мнению автора, в целом, необходим переход от абсолютных значений показателей к выбору относительных величин, которые бы, так или иначе, отражали соотношение результатов и затрат на их достижение в рамках инновационного развития сферы услуг.

3. *Региональный подход к инновационному развитию сферы услуг.* Более комплексным представляется методический подход к оценке уровня инновационного развития сферы услуг в рамках стратегического планирования и прогнозирования в условиях отдельного региона. Региональные стратегии в большей степени ориентированы на развитие конкретных проектов, связанных с внедрением инноваций в сфере услуг. Однако инновационное развитие в данном случае во многом зависит от фактора наличия значительной дифференции в уровне социально-экономического благосостояния в конкретных регионах. Это, в свою очередь, не дает возможности обеспечения равномерного распределения инноваций внутри российской

экономической системы и создает определенные диспропорции на самом рынке услуг с точки зрения перераспределения ресурсной базы (например, фактор трудовой межрегиональной миграции в сфере услуг).

Приведенные примеры участия государства в инновационном развитии сферы услуг указывают на необходимость децентрализации данного процесса и повышения уровня ответственности частного бизнеса и домашних хозяйств с точки зрения роста инновационной активности. Кроме того, сама процедура оценки требует выработки более четкого и системного алгоритма, на основании действия которого можно было бы проанализировать реальное положение дел с точки зрения инновационной деятельности в сфере услуг.

ЛИТЕРАТУРА

1. Распоряжение Правительства РФ от 20.09.2019 № 2129-р (ред. от 07.02.2022) «Об утверждении Стратегии развития туризма в Российской Федерации на период до 2035 года». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_333756/ (дата обращения: 24.06.2023).

2. Буркальцева Д.Д., Цехла С.Ю. Инновационное развитие экономики сферы услуг // Образование и наука без границ: фундаментальные и прикладные исследования. 2016. № 4. С. 192-196.

3. Ембергенова А.А., Ниетбаев А.А. Инновационное развитие сферы услуг // Экономическое развитие России в условиях пандемии: анатомия самоизоляции, глобальный локдаун и онлайн-будущее. Материалы Междунар. науч.-практ. конф. Краснодар, 2021. С. 19-23.

4. Жуманазаров У.С., Режепмуратов Ш.М. Инновационное развитие сферы услуг как основной фактор устойчивого экономического роста // Мировая наука. 2022. № 5 (62). С. 68-74.

5. Саидова М.Х., Дустматов Б.М., Зияев Ф.Н. Инновационное развитие сферы услуг в условиях рыночной экономики // Вестник Таджикского государственного университета коммерции. 2018. № 4 (25). С. 46-48.

6. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. Раздел «Наука, инновации и технологии». URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/science> (дата обращения: 22.06.2023).

С.А. Иванов, В.Н. Минина

ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕННОСТИ МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ ИНФРАСТРУКТУРОЙ ДЛЯ ЗАНЯТИЯ НАСЕЛЕНИЯ ФИЗКУЛЬТУРОЙ И СПОРТОМ¹

Сергей Анатольевич Иванов – ведущий эксперт Института прикладных политических исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», доктор экономических наук, г. Москва; e-mail: ivanov.sa@hse.ru.

Вера Николаевна Минина – ведущий эксперт Института прикладных политических исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», доктор социологических наук, г. Москва; e-mail: veranick.minina@yandex.ru.

В статье рассматриваются вопросы обеспечения муниципальных образований объектами спортивной инфраструктуры в контексте реализации национальной цели развития Российской Федерации «Сохранение населения, здоровье и благополучие людей». Приводятся данные о расходах консолидированного бюджета Российской Федерации и бюджетов государственных внебюджетных фондов на развитие физической культуры и спорта в разрезе федеральных округов. Показаны результаты экспертных оценок фактической обеспеченности муниципальных образований инфраструктурными объектами для занятий населения физической культурой и спортом.

Ключевые слова: национальные цели; бюджетные расходы; консолидированный бюджет; спортивная инфраструктура; муниципальные образования; физкультурно-спортивная деятельность.

S.A. Ivanov, V.N. Minina

ON PROVISION OF MUNICIPAL FORMATIONS WITH RELATED INFRASTRUCTURE TO ATTRACT CITIZENS TO PHYSICAL CULTURE AND SPORTS

Sergey Ivanov – Leading Expert, Institute for Applied Political Studies, HSE University, Doctor of Economics, Moscow; e-mail: ivanov.sa@hse.ru.

Vera Minina – Leading Expert, Institute for Applied Political Studies, HSE University, Doctor of Sociology, Moscow; e-mail: veranick.minina@yandex.ru.

The article focuses on provision of municipalities with sports infrastructure in the context of implementation of a national objective of the development of the Russian Federation «Maintenance of Population, Health and Well-being of People». The study provides data on expenditures of consolidated budget of the Russian Federation and the budgets of public non-budgetary funds for the development of physical culture and sports in federal regions. The paper furthermore shows results of the expert assessment of the supply of municipal formations with infrastructural facilities for encouraging the population to go in for physical culture and sports.

Keywords: national objectives; budget expenditures; consolidated budget; sport infrastructure; municipal formations; physical training and sports activities.

¹ Статья подготовлена авторами совместно с ФГБУ ФНЦ ВНИИФК с использованием результатов НИР «Социологический опрос для определения индивидуальных потребностей (мотивации) всех категорий и групп населения в условиях для занятий физической культурой и спортом и препятствующих им факторов».

Современный период социально-экономического развития страны в значительной степени определяется национальными целями Российской Федерации, утвержденными в июле 2020 г. Указом Президента Российской Федерации [1]. Первой национальной целью, обозначенной в Указе, является «сохранение населения, здоровье и благополучие людей».

Реализация этой национальной цели призвана переломить негативную демографическую тенденцию снижения численности населения страны, способствовать повышению ожидаемой продолжительности жизни, а также физического здоровья всех категорий граждан. Одним из индикаторов, характеризующих достижение поставленной цели, является «увеличение доли граждан, систематически занимающихся физической культурой и спортом, до 70%» к 2030 г. [1].

По состоянию на 2022 г., согласно данным Минспорта России, в нашей стране систематически занимались физической культурой или спортом 69,8 млн человек, или 52,95% от всей численности населения в возрасте от 3 до 79 лет [2]. Это важный результат, означающий, что доля систематически занимающихся физическими упражнениями составила половину населения страны. Тем не менее, до целевого показателя в 70% еще, как видим, достаточно далеко.

В ряду инструментов достижения национальной цели «сохранение населения, здоровье и благополучие людей» важная роль отводится федеральному проекту «Создание для всех категорий и групп населения условий для занятий физической культурой и спортом, массовым спортом, в том числе повышение уровня обеспеченности населения объектами спорта и подготовка спортивного резерва» (краткое наименование проекта – «Спорт – норма жизни»). Федеральный проект «Спорт – норма жизни» осуществляется в рамках национального проекта «Демография».

В данной статье анализируется динамика бюджетных расходов на развитие физической культуры и спорта и дается

экспертная оценка ситуации с обеспечением россиян спортивными объектами. В качестве экспертов выступают работники администраций муниципальных образований, отвечающие за развитие физической культуры и спорта на подведомственной территории.

Согласно Паспорту федерального проекта «Спорт – норма жизни», его бюджет на период 2019–2024 гг. составляет 151,5 млрд руб. [3]. Успешная реализация данного проекта значительно расширяет возможности финансирования массового занятия физкультурой и спортом россиян, расходы на которые всегда оставались одним из приоритетов федеральной бюджетной политики. По данным Минфина России общие расходы на физическую культуру и спорт в 2021 году составили 70,9 млрд рублей, в 2022 году – 89,5 млрд рублей. При этом в 2023 году расходы на финансирование программ по развитию физической культуры и спорта планируется увеличить еще на 2,5 млрд рублей, в 2024 году – на 2,2 млрд рублей [4].

Значительная доля расходов на финансирование развития физической культуры идет непосредственно из федерального бюджета и бюджетов государственных внебюджетных фондов. Ниже приведены данные Федерального казначейства о расходах консолидированного бюджета РФ и бюджетов государственных внебюджетных фондов на развитие физической культуры в разрезе федеральных округов за 2017–2021 гг. (см. таблицу.).

Из данных, приведенных в таблице, видно, что в исследуемом периоде (2017–2021 гг.) расходы на развитие физической культуры в стране устойчиво росли.

При этом, если в начале этого периода ежегодный рост составлял около шести процентов (в 2018 г. по сравнению с 2017 г. рост 5,8%), то в 2021 г. по сравнению с 2020 г. он почти удвоился – 10,8%.

Наиболее высокие темпы роста расходов на развитие физической культуры в 2021 г. были за счет бюджетов территориальных государственных внебюджетных фондов – 12,6%.

**Расходы на развитие физической культуры разных видов бюджета
в разрезе федеральных округов, млрд рублей (кассовое исполнение)**

Вид бюджета	2017	2018	2019	2020	2021
Консолидированный бюджет РФ и бюджетов государственных внебюджетных фондов	32395,7	34284,7	37382,24	42503,0	47072,7
Федеральный бюджет	16420,3	16713,0	18214,5	22821,6	24762,1
Бюджеты государственных внебюджетных фондов	10645,3	11119,5	11552,0	13126,9	14011,5
Бюджеты территориальных государственных внебюджетных фондов	1736,4	2065,0	2280,3	2497,6	2811,3
Дальневосточный федеральный округ	916,9	1032,8	1208,92	1350,0	1456,5
Приволжский федеральный округ	1548,0	1669,0	1863,0	2210,7	2385,5
Северо-Западный федеральный округ	1255,0	1335,0	1525,0	1731,9	1866,7
Северо-Кавказский федеральный округ	401,3	426,4	498,4	642,3	675,9
Сибирский федеральный округ	1052,2	1174,2	1347,4	1577,9	1703,8
Уральский федеральный округ	1052,3	1195,8	1358,0	1531,2	1603,7
Центральный федеральный округ	3731,1	4118,0	4737,0	5317,7	5892,4
Южный федеральный округ	849,8	927,4	1025,5	1212,4	1297,5

Источник: [5].

Инвестиции в развитие физической культуры и спорта, создание объектов инфраструктуры (от спортивных площадок во дворах до бассейнов и дворцов спорта), безусловно, является необходимым и, очевидно, важнейшим материальным условием вовлечения населения в занятия физкультурой. Например, акцент на социальных и экономических условиях, влияющих на вовлеченность населения в активное занятие спортом, в том числе на инвестициях в развитие спорта, делается в работах Р.Г. Ардашева [6], С.Л. Коникина и др. [7]. На наш взгляд, вовлеченность населения в занятия физкультурой и спортом зависит от действия трех групп факторов: 1) условий, определяющих, с одной стороны, доступность и качество спортивной инфраструктуры, а с другой – жизненные обстоятельства конкретных социальных групп, например, людей с ограниченной возможностью здоровья, инвалидов и пр.; 2) мотивации людей; 3) поведения людей в контексте их вовлечения в сферу физкультуры и спорта.

С целью оценки текущей ситуации с обеспеченностью россиян спортивными объектами под руководством авторов был проведен опрос специалистов, отвечающих за физкультурно-спортивную работу в муниципальных образованиях. В опросе приняли участие 239 работников администраций муниципальных образований, в том числе 107 руководителей структурных подразделений (спортивных комите-

тов/отделов и т.п.), 132 специалиста профильных структурных подразделений. Опрос проводился летом 2023 г. в 40 субъектах Российской Федерации во всех 8 федеральных округах.

Характеризуя ситуацию со спортивными объектами и инфраструктурой для занятия физической культурой и спортом в своем населенном пункте, подавляющее большинство экспертов отметили наличие тех или иных спортивных сооружений. И лишь 0,4% опрошенных сообщили, что в их населенном пункте нет ничего подобного, еще столько же затруднились с ответом. При этом чаще всего эксперты говорили о том, что у них имеется стадион или футбольное поле (90,8%), построены спортивные площадки с тренажерами (90,0%) или хотя бы с турниками (82,0%). Чуть более половины сообщили, что в их населенном пункте есть бассейн (53,6%) (рис. 1).

Однако наличие в населенном пункте тех или иных спортивных объектов еще не означает, что их хватает для удовлетворения потребностей населения.

Оценивая, достаточно ли в их населенном пункте спортивных сооружений и площадок для занятия физкультурой и спортом жителей, мнения экспертов разделились с небольшим перевесом в сторону тех, кто считает, что таких объектов еще недостаточно: 51,1% ответили «совершенно недостаточно» или «скорее, недостаточно», 48,1% заявили, что «вполне

достаточно» или «скорее, достаточно».

Несмотря на то, что почти каждый второй эксперт охарактеризовал как недостаточное в той или иной мере количество имеющихся спортивных сооружений и площадок для занятия физкультурой и спортом, общая тенденция с развитием спортивной инфраструктуры в российских населенных пунктах выглядит позитивной.

Исследование показало, что в большинстве случаев ситуация с развитием спортивной инфраструктуры за последние три года менялась в лучшую сторону – почти три четверти экспертов (72,4%) отметили, что за последние три года спортивных сооружений в их населенном пункте, где проводятся занятия для всех желающих, стало больше. Примерно пятая часть экспертов (19,2%) не заметила никаких изменений, и лишь крайне незначительно число экспертов (0,4%) заявили, что объектов спортивной инфраструктуры в их населенном пункте по разным причинам стало меньше.

Оценивая то, каких же именно спортивных сооружений не хватает, какие спортивные сооружения и площадки для занятий физкультурой и спортом для жителей их населенного пункта желательно ввести в строй в ближайшие год-два, эксперты чаще всего называли объекты, требующие серьезных капитальных вложений и их интеграцию в схемы территориального планирования.

В тройку наиболее часто звучащих пожеланий вошли: возведение бассейна (48,1%), строительство велодорожек (38,5%), устройство беговых дорожек (29,3%). Значительно реже упоминались сравнительно небольшие объекты спортивной инфраструктуры, такие как хоккейная коробка (8,0%) или спортивная площадка с турниками (13,4%). Относительно низкая востребованность этих малых спортивных сооружений может свидетельствовать о том, что потребность в них в значительной степени уже удовлетворена (рис. 2).

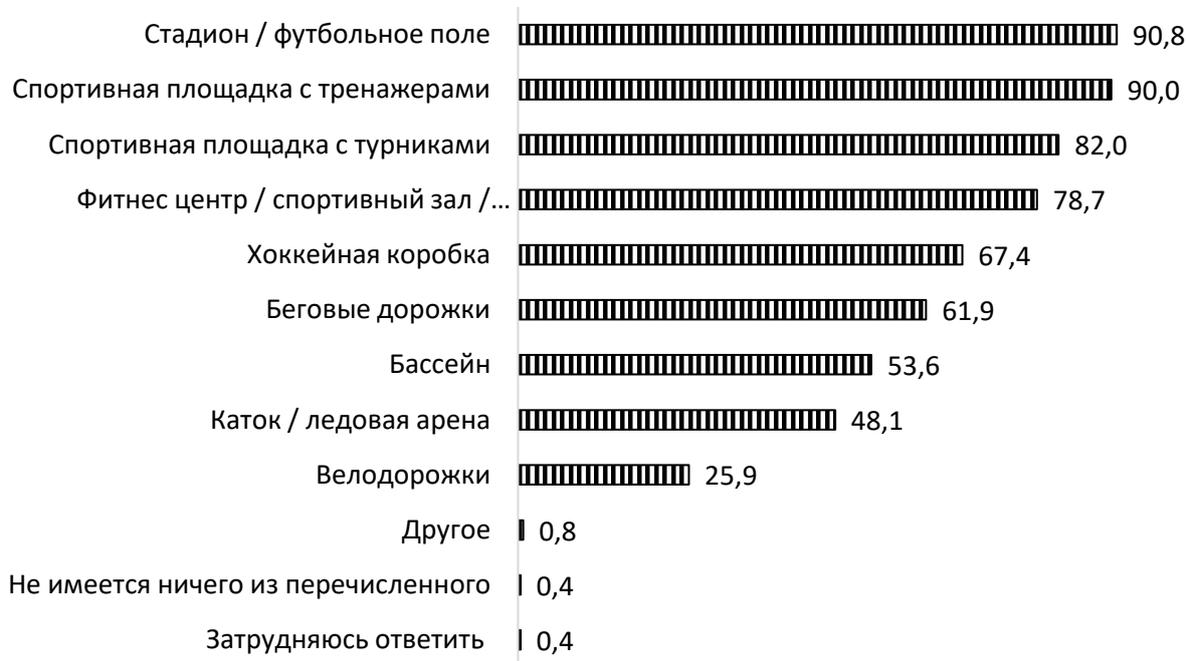

Рис. 1. Оценка наличия инфраструктурных объектов в муниципальных образованиях (ответы экспертов на вопрос «Какие спортивные сооружения и площадки имеются в Вашем городе /населенном пункте?»), %

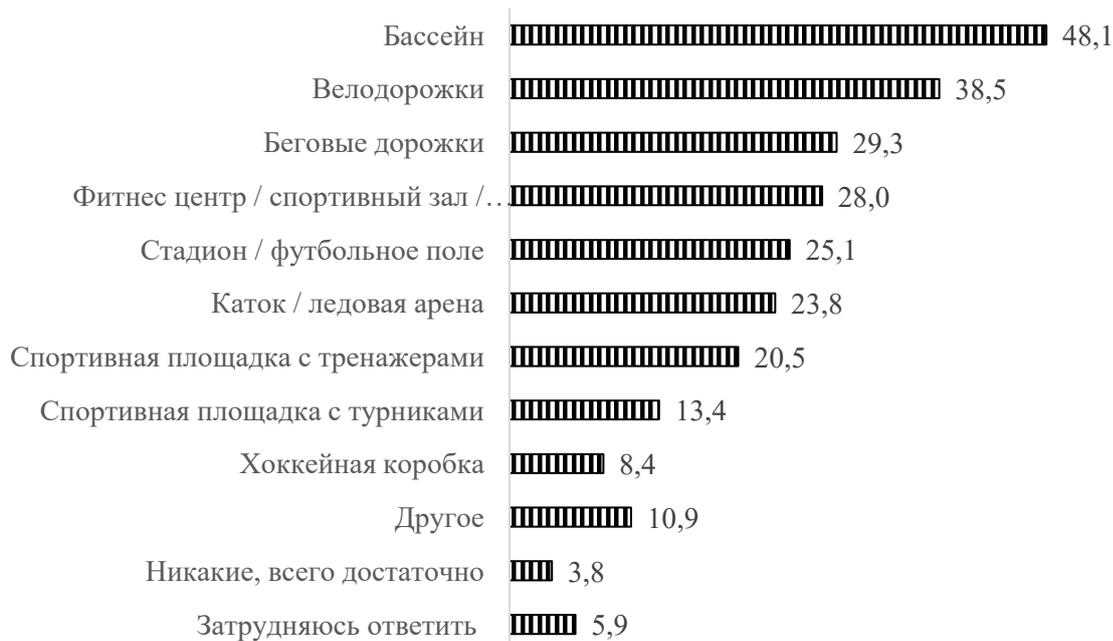

Рис. 2. Оценка востребованности инфраструктурных объектов (ответы экспертов на вопрос «На Ваш взгляд, какие спортивные сооружения и площадки для занятий физкультурой и спортом жителей желательно ввести в строй в ближайшие год-два в Вашем городе (населенном пункте)?», %

В целом результаты опроса специалистов, отвечающих за физкультурно-спортивную работу в муниципальных образованиях, позволяют сделать вывод о положительных тенденциях в развитии спортивной инфраструктуры в Российской Федерации, способствующих увеличению ее доступности для населения. Вместе с тем все больше актуализируется, по мнению органов местной власти, создание новых крупных спортивных объектов (бассейнов, дворцов спорта и пр.).

Учет мнения специалистов муниципальных образований должен стать основой формирования приоритетов федеральной и региональной политики в области развития физической культуры и спорта. В то же время для полноценного анализа влияния фактора обеспеченности населенных пунктов спортивной инфраструктурой на вовлеченность жителей в физкультурно-спортивную деятельность необходимо определить общественную оценку доступности и качества данной инфраструктуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Указ Президента Российской Фе-

дерации от 21 июля 2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» // Российская газета. Федеральный выпуск № 159 (8213) от 22 июля 2020 г.

2. Авдохин А. Согласно отчетам Министерства спорта, 53% населения России занимается спортом или физкультурой. URL: <https://s5o.ru/storage/simple/ru/edt/ad/50/0c/16/rue91540a4437.jpg> (дата обращения: 09.08.2023).

3. Паспорт федерального проекта «Создание для всех категорий и групп населения условий для занятий физической культурой и спортом, массовым спортом, в том числе повышение уровня обеспеченности населения объектами спорта, а также подготовка спортивного резерва». Утвержден проектным комитетом по национальному проекту «Демография» в ГИИС «Электронный бюджет» 29 апреля 2019 года.

4. Расходы на физическую культуру и спорт в 2023–2024 годах увеличат на 4,7 млрд рублей. Минфин России. URL: https://minfin.gov.ru/ru/press-center/?id_4=38229&ysclid=llutc817y1151372037 (дата обращения: 20.08.2023).

5. Расходы по ФКР в разрезе субъектов РФ. Федеральное казначейство. URL: <http://datamarts.roskazna.ru/razdely/konsolidirovanny-budget-rf-i-gvbf/rashody-po-fkr-v-razreze-subjektov-rf/?paramPeriod=2018> (дата обращения: 19.08.2023).

6. *Ардашев Р.Г.* Условия развития спортивных достижений студентов право-

вых вузов // Теория и практика физической культуры. 2022. № 8. С. 104

7. *Конилов С.Л., Передельский А.А., Оришев А.Б., Мамедов А.А.* Социальный контекст развития боевых искусств и спортивных единоборств в современной России // Теория и практика физической культуры. 2022. № 7. С. 50-52.

А.А. Корчагин, Е.В. Корчагина
РЕАЛИЗАЦИЯ ПРОГРАММ В СФЕРЕ ЗЕЛеноЙ ЛОГИСТИКИ
И ТРАНСПОРТА: АНАЛИЗ ЕВРОПЕЙСКОГО ОПЫТА

Андрей Андреевич Корчагин – аспирант кафедры национальной экономики и организации производства, Государственный институт экономики, финансов, права и технологий, г. Гатчина; **e-mail: andrey_korchagin@yahoo.com.**

Елена Викторовна Корчагина – профессор Высшей школы сервиса и торговли Института промышленного менеджмента, экономики и торговли, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, г. Санкт-Петербург, профессор кафедры национальной экономики и организации производства, Государственный институт экономики, финансов, права и технологий, г. Гатчина, доктор экономических наук, доцент; **e-mail: elena.korchagina@mail.ru.**

В статье представлен анализ программ в сфере зеленой логистики и транспорта, успешно реализованных ранее и реализуемых в настоящее время в странах ЕС. Основной фокус внимания авторов был сделан на целях и задачах данных программ, их достоинствах и недостатках, а также особенностях финансирования. Результаты анализа позволяют сделать вывод о перспективности разработки и реализации аналогичных программ в сфере транспортно-логистической инфраструктуры, интеграции транспортного комплекса и использования экологичного топлива на пространстве ЕАЭС.

Ключевые слова: зеленая логистика и транспорт; экологичность; устойчивое развитие; транспортно-логистический комплекс.

A.A. Korchagin, E.V. Korchagina
IMPLEMENTATION OF GREEN LOGISTICS AND TRANSPORT
PROGRAMS: ANALYSIS OF EUROPEAN EXPERIENCE

Andrey Korchagin – post-graduate student, the Department of National Economy and Organization of Production, State Institute of Economics, Finance, Law and Technology, Gatchina; **e-mail: andrey_korchagin@yahoo.com.**

Elena Korchagina – professor, the Higher School of Service and Trade, the Institute of Industrial Management, Economics and Trade, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, St. Petersburg; professor, the Department of National Economy and Organization of Production, State Institute of Economics, Finance, Law and Technology, Gatchina, Doctor of Economics, associate professor; e-mail: **elena.korchagina@mail.ru.**

We analyze the green logistics and transport programs having been implemented and currently being implemented in the European Union. We focus on the aims and tasks of the programs in question, as well as their advantages and disadvantages and features of funding. On the basis of the analysis we make a conclusion about the prospects of developing and implementing similar programs connected with the transport-logistics infrastructure, the integration of transport complex and the use of environmentally friendly fuel in the Eurasian Economic Union.

Keywords: green logistics and transport; environmental friendliness; sustainable development; transport and logistics complex.

Зеленая логистика становится все более и более популярной, поскольку она является важной составляющей устойчивого развития. Она направлена на минимизацию негативного воздействия транспортной и логистической отраслей на

окружающую среду и экономию природных ресурсов. Практическая реализация принципов зеленой логистики обеспечивает решение многих экологических задач. Одной из них является сокращение выбросов парниковых газов.

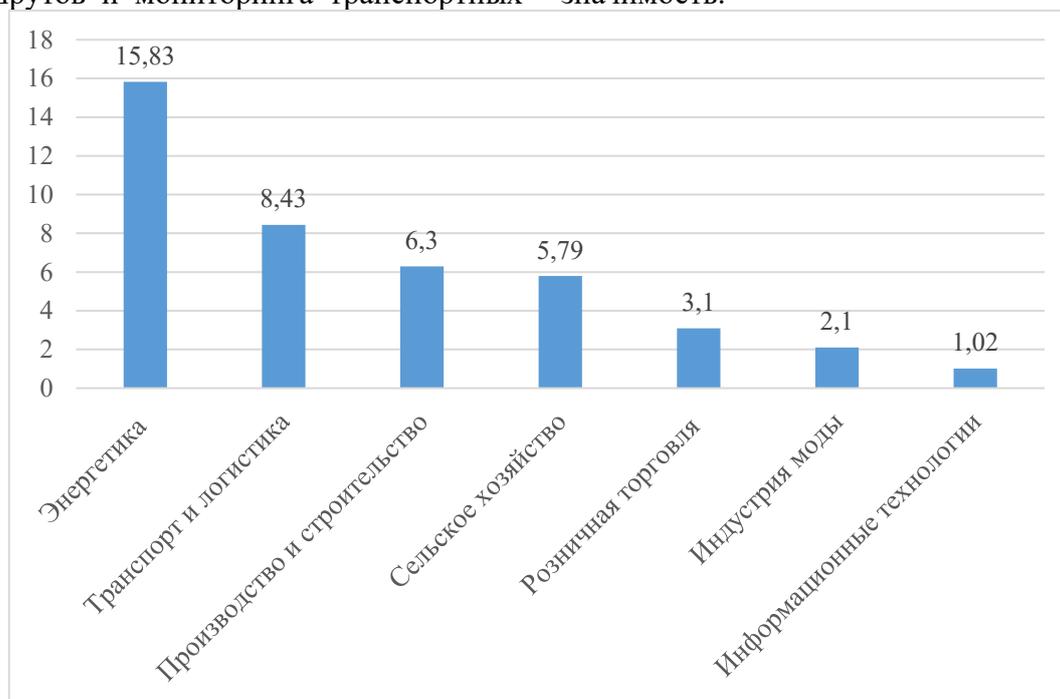
Выбросы парниковых газов от транспорта в значительной степени способствуют изменению климата. Так, по данным исследования экоэкспертов, транспорт и логистика находятся на втором месте среди отраслей-загрязнителей, уступая по объемам выбросов парниковых газов только энергетическим отраслям [7]. Внедряя более чистые технологии, используя альтернативные виды топлива, оптимизируя логистические операции и сокращая маршруты транспортировки, зеленая логистика и транспорт обеспечивают значительное снижение выбросов.

Другим важным положительным результатом использования зеленых технологий является повышение энергоэффективности. Зеленая логистика и транспорт стремятся оптимизировать потребление энергии за счет внедрения энергоэффективных транспортных средств, улучшения логистических операций, использования передовых технологий планирования маршрутов и мониторинга транспортных

средств. Таким образом, зеленая логистика и транспорт содействуют созданию устойчивых цепочек поставок.

Наконец, зеленая логистика и транспорт обеспечивают соответствие все более жестким нормативным требованиям. Правительства во всем мире внедряют более строгие правила для контроля загрязнения и реализации концепции устойчивого развития. Зеленая логистика и транспорт помогают предприятиям соблюдать эти правила и избегать штрафов, параллельно выстраивая эффективные корпоративные структуры и улучшая экономические и экологические показатели [1; 2]. В целом зеленая логистика и транспорт играют решающую роль в смягчении воздействия на окружающую среду наиболее загрязняющих отраслей.

Европейские страны к настоящему моменту уже достигли значительных успехов в снижении выбросов загрязняющих веществ, сокращении энергопотребления и уменьшении отходов от транспортных и логистических операций. В этой связи вопрос изучения опыта европейских стран в области зеленой логистики транспорта является актуальным и имеет высокую научную и практическую значимость.

Топ 7 отраслей – загрязнителей окружающей среды по объему выброса парниковых газов (млрд т)

Источник: [7].

Благодаря изучению этого опыта мы можем выявить ключевые факторы успеха европейских стран и использовать их для развития российской логистической системы. Также мы можем учесть недостатки отдельных зеленых технологий и сократить ошибки при их внедрении.

Проанализируем основные программы в области зеленой логистики и транспорта, реализованные в странах ЕС, сделав акцент на целях и задачах данных программ, их достоинствах и недостатках, а также особенностях финансирования. Начнем с одной из ключевых программ ЕС – Euro 6. Это нормативный стандарт, разработанный ЕС для ограничения выбросов вредных веществ автомобилями с двигателями внутреннего сгорания. Программа стартовала в 2015 г. и заменила предыдущий стандарт Euro 5. Для ее достижения цели программы были решены задачи по установлению жестких нормативов по выбросам вредных веществ для всех новых автомобилей, продаваемых в ЕС; развитию технологий, направленных на снижение выбросов вредных веществ, включая совершенствование двигателей и установку дополнительного оборудования для очистки отработавших газов; стимулированию производства более экологически чистых автомобилей [5].

В то же время реализация программы выявила ряд недостатков и ограничений стандарта Euro 6. К основным из них следует отнести: увеличение стоимости производства автомобилей; ограничение выбора автомобилей для потребителей; технические сложности для производителей, связанные с разработкой и внедрением новых технологий для снижения выбросов вредных веществ; необходимость более частой проверки автомобилей и проведения технического обслуживания, что повышает затраты на эксплуатацию автомобилей. Также программой Euro 6 не удалось полностью решить проблему загрязнения окружающей среды, поскольку существуют другие источники выбросов вредных веществ.

Источниками финансирования программы Euro 6 являются как правительственные органы, так и производители

автомобилей. Условия финансирования программы могут варьироваться в зависимости от источника. Некоторые государственные органы предоставляют гранты или субсидии производителям, которые выпускают более экологически чистые автомобили в соответствии с нормами Euro 6. В некоторых случаях производители могут использовать свои собственные средства для финансирования исследований и разработки новых технологий. Также Европейская комиссия предоставляет финансовую поддержку проектам, направленным на снижение выбросов автомобильного транспорта, в том числе и Euro 6. Суммы финансирования программы Euro 6 могут быть значительными, но зависят от многих факторов, таких как объем производства автомобилей, масштабы проекта и уровень поддержки со стороны правительства и других финансовых организаций. Например, в 2018 г. Volkswagen объявил о запланированных инвестициях в размере 44 млрд евро на разработку новых электрических и гибридных автомобилей, которые соответствуют стандартам Euro 6. В целом в Германии в рамках государственной программы по продвижению электромобилей на 2020 г. было выделено 1,5 млрд евро [8].

Второй комплексной программой ЕС в области логистики и транспорта является «Соединяющий Европу транспортный механизм» (Connecting Europe Facility Transport / CEF Transport). Целью программы является улучшение эффективности, устойчивости и безопасности транспортной системы Европейского союза, а также ее связей с транспортной системой стран, соседствующих с ЕС. Программа CEF Transport была запущена в рамках бюджетного периода 2014-2020 гг. В настоящее время, в рамках нового бюджетного периода 2021-2027 гг., программа продолжается под названием «Соединяющий Европу механизм 2» (Connecting Europe Facility 2 / CEF2) [4]. Основные задачи программы включают: поддержку развития и модернизации инфраструктуры транспортной системы ЕС, включая дороги, железные дороги, морские и воздушные порты, а также интеллектуальные си-

системы управления транспортной инфраструктурой; обеспечение более эффективного использования транспортной инфраструктуры, в том числе путем улучшения ее межмодальной интеграции и снижения загруженности транспортных магистралей; содействие развитию трансграничных транспортных связей внутри ЕС и с соседними странами; повышение безопасности и устойчивости транспортной системы ЕС, включая сокращение числа аварий на дорогах, повышение безопасности морского и воздушного транспорта; повышение устойчивости транспортной системы ЕС, в том числе снижение выбросов и поддержка перехода на более экологичные транспортные средства и источники энергии; содействие созданию единого рынка транспортных услуг в ЕС, в том числе путем снижения административных барьеров и упрощения процедур таможенного контроля.

Среди недостатков и ограничений программы можно выделить: высокие затраты на реализацию программы, что может привести к увеличению государственного долга некоторых стран-участниц; негативное влияние на окружающую среду некоторых проектов, связанных с развитием транспортной инфраструктуры; проблемы с финансированием проектов, т.к. не все страны могут выделить необходимые средства на реализацию программы; технические проблемы при внедрении новых технологий и инноваций в транспортной инфраструктуре.

Технической и финансовой реализацией CEF2 занимается Исполнительное агентство по инновациям и сетям (Innovation And Networks Executive Agency, INEA). За последние годы CEF2 выделил более 60% финансирования на инфраструктурные работы на продвинутых стадиях реализации, а около 10% финансирования пошло на исследования и концептуальные проекты. В 2021–2023 гг. 70% бюджета CEF2 выделено посредством трех конкурсов по 5,5 млрд в год на финансирование в рамках нового тематического пакета – Фонда инфраструктуры альтернативных видов топлива (Alternative Fuels Infrastructure Fund,

AFIF). Ключевой задачей AFIF является поддержка дальнейшего развертывания инфраструктуры быстрой зарядки электроэнергии и заправки водородом, в том числе в городских узлах. Кроме того, CEF2 будет способствовать беспрепятственному соединению между видами транспорта в городских узлах, поддерживая совершенствование мультимодальных пассажирских узлов [6].

Третья комплексная программа – «Единое европейское небо» (Single European Sky). Она направлена на оптимизацию управления воздушным движением и создание единой европейской системы воздушного транспорта [3]. Программа была запущена в 2004 г. и ориентирована на долгосрочную перспективу до 2035 г. В рамках программы реализуется целый ряд мер, ориентированных на сокращение времени полетов, затрат на топливо, оптимизацию использования воздушного пространства [9; 10]. Успешная реализация поставленных целей зависит от улучшения координации между европейскими странами через упрощение и улучшение процедур воздушного движения. Основные достоинства программы заключаются в улучшении эффективности и безопасности управления воздушным движением, снижении числа задержек рейсов и аварийных ситуаций. Основными недостатками и ограничениями программы «Единое европейское небо» являются высокие затраты на реализацию. Также необходимо отметить некоторые проблемы из-за различий в законодательной и административной сферах европейских стран. Необходимость пересмотра национальных регламентов и правил в сфере воздушного транспорта и логистики может вызвать определенные конфликты интересов и проблемы с их согласованием.

Программа «Единое европейское небо» финансируется как бюджетом ЕС, так и правительствами входящих в него стран. ЕС выделяет значительные средства, покрывая затраты на разработку и внедрение новых технологий и стандартов в области управления воздушным движением. В рамках бюджета ЕС на 2021–2027 гг. на реализацию программы выделено

9,9 млрд евро. Национальные правительства ряда европейских стран также участвуют в финансировании программы, например, путем выделения средств на создание новой инфраструктуры для воздушного движения и установки нового оборудования. Так, правительство Франции выделило 600 млн. евро на создание новых технологий в области управления воздушным движением [3].

Обобщая результаты проведенного анализа программ ЕС в области зеленой логистики, можно сделать вывод о том, что достижение значимого результата в экологической сфере требует не только инновационных технологических решений, но и согласованных действий всех входящих в интеграционный блок стран. Внедрение аналогичных решений на нашей территории будет более перспективным, если оно будет реализовано не отдельно РФ, но всеми странами ЕАЭС. Также важно отметить, что все проанализированные программы обладают не только положительными эффектами, но рядом ограничений. Кроме того, все программы в сфере зеленой логистики и транспорта требуют значительного финансирования с привлечением средств как государства, так и крупного бизнеса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Корчагина Е.В. Роль корпоративной культуры в обеспечении эффективного управления и перехода к устойчивому развитию компании // Проблемы современной экономики. 2009. № 1(29). С. 255-259.

2. Корчагина Е.В., Десфонтейнес Л.Г. Принципы формирования организационной культуры предприятия // Противоречия и тенденции развития современного Российского общества: Сб. научных статей Всерос. науч.-практ. конф., Сергиев Посад, 22 апр. 2019 г. Сергиев Посад: Московский университет им. С.Ю. Витте, 2019. С. 160-164.

3. Airtransport: Single European Sky. Fact Sheets on the European Union. European Parliament. URL: <https://www.europarl.europa.eu/factsheets/en/sheet/133/air-transport-single-european-sky> (дата обращения: 20.06.2023).

4. CEF Transport. Innovation and Networks Executive Agency (INEA). European Commission. URL: <https://wayback.archive-it.org/12090/20221222155224/https://ec.europa.eu/inea/en/connecting-europe-facility/cef-transport> (дата обращения: 20.06.2023).

5. Climate Action. CO2 emission performance standards for cars and vans. European Commission. URL: https://ec.europa.eu/clima/policies/transport/vehicles/cars_en (дата обращения: 20.06.2023).

6. Connecting Europe Facility (CEF) Transport. UITP. URL: <https://www.uitp.org/eu-funding-opportunities-for-public-transport/connecting-europe-facility-cef-transport/> (дата обращения: 20.06.2023).

7. Howell B. Top 7 Most Polluting Industries in 2023. URL: <https://www.theecoexperts.co.uk/blog/top-7-most-polluting-industries> (дата обращения: 20.06.2023).

8. Kottasova I. Volkswagen to spend \$50 billion on electric car 'offensive'. CNN Business. URL: <https://edition.cnn.com/2018/11/16/business/volkswagen-electric-cars/index.html> (дата обращения: 20.06.2023).

9. Single European Sky European Commission. URL: https://transport.ec.europa.eu/transport-modes/air/single-european-sky_en (дата обращения: 20.06.2023).

10. Single European Sky II. European Commission. URL: https://transport.ec.europa.eu/transport-modes/air/single-european-sky/single-european-sky-ii_en (дата обращения: 20.06.2023).

В.Э. Кроливецкая

ВЛИЯНИЕ ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ СТРАТЕГИИ ИННОВАЦИОННЫХ ИЗМЕНЕНИЙ НА ДОСТИЖЕНИЕ ПЛАНИРУЕМЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ И СОЦИАЛЬНЫХ РЕЗУЛЬТАТОВ РЕГИОНА

Валерия Эдуардовна Кроливецкая – зав. кафедрой финансов и кредита, Государственный институт экономики, финансов, права и технологий, доктор экономических наук, доцент, г. Гатчина; **e-mail:** mail26@yandex.ru.

В статье рассматривается влияние функциональной стратегии инновационных изменений на достижение в системе стратегического планирования социально-экономического развития региона поставленных социальных и экономических результатов в перспективном периоде времени. Раскрывается роль функциональных стратегий инновационных изменений в поддержании устойчивых тенденций роста объёмов внутренних текущих затрат на научные исследования и разработки, производства инновационной продукции, выполнения работ, оказания услуг в региональном хозяйстве.

Ключевые слова: функциональная стратегия инновационных изменений; обобщающая стратегия; развитие региона; региональное хозяйство; инновации; внутренние текущие затраты; инновационные товары и услуги; научные исследования и разработки; национальные проекты.

V.E. Krolivetskaya

INFLUENCE OF FUNCTIONAL STRATEGY OF INNOVATIVE CHANGES ON ACHIEVING REGION'S INTENDED ECONOMIC AND SOCIAL RESULTS

Valeria Krolivetskaya – Head of the Department of Finance and Credit, State Institute of Economics, Finance, Law and Technology, Doctor of Economics, associate professor, Gatchina; **e-mail:** mail26@yandex.ru.

We examine the impact of the functional strategy of innovative changes on achieving social and economic results in the long-term period in the system of strategic planning of regional social-economic development. We specify the role of functional strategies of innovative changes in maintaining the growth of internal current research and development costs, the innovative products manufacturing, work performance and services provision in the regional economy.

Keywords: functional strategy of innovative changes; generalizing strategy; regional development; regional economy; innovation; internal current costs; innovative goods and services; research and development; national projects.

Разработка и реализация функциональной (частной) стратегии инновационных изменений как элемента взаимодействия в системе стратегического планирования социально-экономического развития

региона в средне-, долгосрочном периодах основывается на соблюдении принципа иерархичности её соответствия и соподчинённости обобщающей (базовой) стратегии, представляющей собой комплекс

организационно-экономических, научно-инновационных, финансово-инвестиционных мероприятий и действий по достижению поставленных целевых ориентиров на основе их сбалансированности с располагаемыми трудовыми, материально-техническими и природными ресурсами региона [7].

Кроме того, обобщающая стратегия развития регионального хозяйства, как и её функциональные стратегии, в системе стратегического планирования формулируется и реализуется в соответствии с технологией формирования стратегического плана, включающей анализ состояния внешней и внутренней сред, составление экспертно-сценарного видения социально-экономического, инновационного и иного состояния регионального хозяйства, формулирование миссии, стратегической цели [1].

Вместе с этим, обобщающая (базовая) стратегия регионального развития и соответствующие достижению её приоритетной цели функциональные стратегии должны выполнять роль документа общественного согласия, в котором выражено на всесторонней основе мнение населения административно-территориального образования о решении социально-экономических, научно-инновационных задач стратегического плана органами исполнительной власти [3].

При этом поэтапная реализация обобщающей стратегии развития региона должна быть ориентирована на: обеспечение качественных изменений социальных, экономических, технологических ориентиров стратегического плана; учёт выбора приоритетов развития региона, согласованного с национальными целями и задачами развития национальной экономики, её научно-инновационных тенденций (технологических, социальных, процессных, продуктовых инноваций); участие в осуществлении национальных проектов, определяющих технологическое и социально-экономическое перспективное развитие страны; достижение стратегической цели региона, характеризуемой повышением уровня и качества жизни населения в процессе реализации избранных в стратегическом плане технологических, социальных и экономических приоритетов.

Поэтому согласованное участие региона в национальных проектах, объединённых общей целью обеспечения прорывных технологических, продуктовых, процессных и социальных новшеств, позволяет не только достигать на сбалансированной основе приоритетных целей базовой стратегии, но и обеспечивать единство результатов осуществляемых национальных проектов на страновой и региональной основах. Функциональные (частные) стратегии различной направленности в этом процессе выполняют роль прямого и опосредованного качественного и количественного влияния на повышение эффективности потребления всех видов используемых ресурсов, государственного и муниципального управления, достижение целей базовой стратегии на страновом и региональном уровнях [8].

Так, например, необходимость осуществления функциональной стратегии инновационных изменений в крупных и средних предприятиях по объёмам производства продукции, оказания услуг и в целом в региональном хозяйстве Ленинградской области связано с повышением конкурентоспособности, расширением состава конкурентных преимуществ в процессе участия в таких группах национальных проектов, как «Человеческий капитал», «Комфортная среда для жизни», «Экономический рост».

Разработка прорывных (принципиально новых) технологических, социальных, продуктовых, организационных и процессных новшеств, их внедрение как на индивидуальной основе, так и участия в национальных проектах в средне-, долгосрочном периодах времени предоставляет возможность хозяйствующим субъектам региона получать более высокий размер прибыли в процессе реализации инновационной продукции, услуг, повышать свой технологический уровень, качество продукции, услуг [2].

Региональное хозяйство, внедряя функциональную стратегию инновационных изменений, обусловлено стремлением увеличивать свои возможности достижения планируемых стратегических ориентиров экономической и социальной резуль-

тативности, эффективности ресурсопотребления, повышения размера доходной части бюджета, определения своего более высокого места среди административно-территориальных образований Российской Федерации.

Реализация соподчинённости функциональной стратегии инновационных изменений в обобщающей (базовой) Стратегии социально-экономического развития Ленинградской области до 2030 года определяет необходимость не только участия в таких группах национальных проектов, как «Человеческий капитал», «Комфортная среда для жизни», «Экономический рост» со своими ключевыми целями, но и в механизме реализации обобщающей Стратегии, обладающим институциональным подходом к управлению (стратегическому планированию) региональным средне-, долгосрочным развитием, обеспечением достижения целей избранных стратегических приоритетов роста технологического уровня, социально-экономической результативности в условиях нестабильного состояния внешней и внутренней сред. Этому в доминирующей степени могли бы содействовать расширение состава и рост числа функционирующих и

создаваемых технопарков, бизнес-инкубаторов, эффективно используемых в своей деятельности региональными инновационными хозяйствующими субъектами [6].

Стратегически ориентированными в процессе реализации функциональной стратегии инновационных изменений, на наш взгляд, должны выступать и принимаемые программно-целевые инвестиционные решения, направленные на поддержку и укрепление научно-инновационного потенциала административно-территориального образования, характеризуемого объёмами финансирования создаваемых научно-исследовательских и опытно-конструкторских разработок.

Рост научно-инновационного потенциала региона, в свою очередь, содействует конкурентоспособности продукции, услуг хозяйствующих субъектов и региона в целом [4].

О динамике изменения инновационного потенциала Ленинградской области в процессе реализации её Стратегии социально-экономического развития до 2030 года свидетельствуют данные таблицы по осуществлению внутренних затрат на исследования и разработки, производство инновационных товаров, работ, услуг.

Объемы видов внутренних текущих затрат на научные исследования и разработки, инновационные товары, работы и услуги Ленинградской области за 2019–2022 годы, млн руб.*

Наименование видов внутренних затрат на научные исследования и разработки	Годы			
	2019	2020	2021	2022
Внутренние текущие затраты на научные исследования и разработки по видам затрат на:				
- фундаментальные исследования	8381	7989,8	9079,6	9429
- прикладные исследования	554	564,5	602,3	626
- разработки	4540	4653	5518,6	6008
- оплату труда	4347,2	4004,9	4814,7	5048,3
- приобретение оборудования	246	57,1	163	121
Другие материальные затраты	633,8	590,5	782,4	856,7
Прочие текущие затраты	1936,1	2224,2	2000,6	2033
Страховые взносы на ОПС, ОМС, ОСС	1217,9	1113,1	1319,4	1370
Затраты на инновационную деятельность организаций	<u>35512,8</u> 2,4	<u>27971,3</u> 1,6	<u>25044,3</u> 1,3	<u>198102</u> 0,8
Объем инновационных товаров, работ, услуг	<u>29056</u> 2,0	<u>16359</u> 1,0	<u>78901</u> 4,1	<u>103833,5</u> 5,2

*Примечание. Таблица составлена автором на основе данных федеральной службы государственной статистики [5]. В знаменателях объёмов инновационных товаров, работ, услуг, затрат на инновационную деятельность указаны проценты от общего объёма отгруженных товаров, оказанных услуг. Данные таблицы за 2022 г. определены методом среднего абсолютного прироста.

Данные таблицы свидетельствуют о том, что в деятельности регионального хозяйства Ленинградской области за период 2019–2022 гг. наблюдалась устойчивая тенденция к росту объемов внутренних текущих затрат на научные исследования и разработки с 8381 млн руб. в 2019 г. до 9429 млн руб. в 2022 г. В целом увеличение данных затрат составило 112,5%. При этом в таких структурных составляющих видов научных исследований, как фундаментальные, прикладные, научные разработки осуществлялся дифференцированный подход к их финансированию, при котором общее изменение (рост, падение) за анализируемый период времени внутренних текущих затрат на указанные исследования, соответственно, было равным 113%, 85% и 132,2%.

Доминирование объемов затрат на разработки (132,3%) по сравнению с фундаментальными и прикладными исследованиями (113% и 85%) в общем объеме текущих расходов на научные исследования определяет среднесрочную тенденцию регионального хозяйства на практическое внедрение результатов исследования с целью повышения объемов производства инновационной продукции, выполнения работ, оказания услуг, расширения состава конкурентных преимуществ и конкурентоспособности субъектов хозяйствования и региона в целом.

Такого рода ориентация функциональной стратегии инновационных изменений Ленинградской области существенно повлияла за анализируемый период не только на повышение таких объемов затрат, как оплата труда (116,1%), материальные затраты (135,2%), прочие текущие затраты (105%), страховые взносы (112,5%), снижение расходов на приобретение оборудования (49,2%) но и на структуру затрат на научные исследования и разработки.

Так, если структурные составляющие внутренних текущих затрат на оплату труда, приобретение оборудования, материалы, прочие расходы, страховые взносы в 2019 г. в общем объеме внутренних текущих затрат, соответственно, были равны (в процентах): 51,9; 2,9; 7,6; 23; 14,5, то в 2022 г. эта структура изменилась и сос-

тавила, соответственно, (в процентах): 53,5; 1,3; 9,1; 21,6 и 14,5. При этом возросли лишь структурные составляющие таких затрат, как оплата труда и материальные расходы, соответственно, на 1,6% и 1,5%, что свидетельствует о достаточно устойчивых тенденциях регионального хозяйства Ленинградской области на поддержание размеров оплаты труда и роста расходов на материалы при доминировании в функциональной стратегии инновационных изменений в деятельности региона прикладных разработок.

Вместе с этим следует отметить, что реализуемый курс по повышению уровня инновационного развития региона в рамках преимущественной ориентации на создание и внедрение прикладных разработок, несмотря на снижение общих затрат на инновационную деятельность с 35512,8 млн руб. в 2019 г. до 198102 млн руб. в 2022 г., позволил увеличить объем инновационных товаров, работ, услуг за период 2019–2022 гг. в 3,6 раза и повысить объем отгруженных товаров, выполненных работ, оказанных услуг с 2% в 2019 г. до 5,2% в 2022 г.

В то же время в деятельности регионального хозяйства Ленинградской области его инновационный уровень, расширение состава конкурентных преимуществ в значительной степени зависят от объемов и качества проводимых фундаментальных и прикладных исследований, определяющих экономическую и социальную результативность функциональных стратегий инновационных изменений, базовой стратегии социально-экономического и инновационного развития региона, вероятность достижения в средне-, долгосрочном периодах времени планируемого уровня производимой наукоёмкой продукции, выполняемых работ, оказываемых услуг.

Реализация функциональной стратегии инновационных изменений хозяйствующими субъектами и в целом в деятельности региона в процессах проведения фундаментальных и прикладных исследований, научных разработок, обновления и модернизации инфраструктурного комплекса, создания технопарков и бизнес-инкубаторов, повышающих уровень инвес-

тиционной активности, объёмы производства инновационной продукции, работ, услуг, позволяет органам стратегического планирования развития региона в средне-, долгосрочном периодах достигать устанавливаемых ориентиров для объёмов инновационных товаров, работ, услуг в условиях негативных изменений состояний внешней и внутренней сред.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алёшин А.И. Инновационное и организационно-экономическое достижение прогнозных величин эффективности регионального производства // Журнал правовых и экономических исследований. Journal of Legal and Economic Studies. 2016. № 2. С. 98–101.

2. Барина А.Д., Доничев О.А., Барин М.А. Оценка пространственно-временных особенностей инновационного развития регионов // Проблемы теории и практики управления. 2018. № 1. С. 43–54.

3. Евменова Н.И., Кроливецкий Э.Н. Обеспечение критериально-целевой ориентации на достижение планируемой эффективности развития региона // Петербургский экономический журнал. 2021. № 1. С. 6–12.

4. Миленков А.В. Интеграция банковского и реального секторов экономики субъекта Федерации как фактор экономического роста региона. М.: ЮНИТИ-

ДАНА, 2020. 191 с.

5. Российский статистический ежегодник – 2022: стат. сб. / Росстат. М., 2022.

6. Стратегия социально-экономического развития Ленинградской области до 2030 года // Комитет экономического развития и инвестиционной деятельности Ленинградской области. URL: <https://econ.lenobl.ru/ru/budget/planning/concept2030/> (дата обращения: 01.05.2023).

7. Evmenov A., Krolivetsky E., Sazneva L., Sorvina T. Creation of a strategic planning system for the socio-economic and innovative development of organizations of higher education // DOI 10.1051/e3sconf/202124411028 // The conference proceedings XXII International Scientific Conference Energy Management of Municipal Facilities and Sustainable Energy Technologies (EMMFT-2020). E3S Web of Conferences. 2021. Vol. 244. P. 11028. URL: https://www.e3s-conferences.org/articles/e3sconf/abs/2021/20/e3sconf_emmft2020_11028/e3sconf_emmft2020_11028.html (дата обращения: 01.04.2021).

8. Krolivetskaya V., Krolivetsky, E. Forecasting the effectiveness and economic security of organizations, branches of the national economy // The conference proceedings «ITESE-2019», E3S Web Conf. 2019. Vol. 135 (05026). URL: <https://doi.org/10.1051/e3sconf/201913504032> (дата обращения: 01.05.2023).

В.В. Макаров, О.В. Волчик

ОСОБЕННОСТИ РАЗРАБОТКИ И ПРИМЕНЕНИЯ СМАРТ-СТАНДАРТОВ КАК ОСНОВЫ РЕАЛИЗАЦИИ КОНЦЕПЦИИ «КАЧЕСТВО 4.0»

Владимир Васильевич Макаров – зав. кафедрой экономики и менеджмента инфокоммуникаций, Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М.А. Бонч-Бруевича, г. Санкт-Петербург; профессор кафедры государственного и муниципального управления, Государственный институт экономики, финансов, права и технологий, г. Гатчина; доктор экономических наук, профессор; **e-mail: akad.makarov@mail.ru**.

Олеся Владимировна Волчик – старший преподаватель кафедры экономики и менеджмента инфокоммуникаций, Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М.А. Бонч-Бруевича, г. Санкт-Петербург; **e-mail: ovolchik@yandex.ru**.

В статье раскрыто определение смарт-стандарта и рассмотрены подходы к разработке и применению смарт-стандартов в условиях перехода к цифровой экономике. Определены уровни развития стандартов по степени их машиноориентированности, сформулированы основные этапы перехода предприятий к смарт-стандартам. Рассмотрены составляющие информационных систем, применяющих смарт-стандарты. Представлены возможности для обеспечения интеграции между различными информационными системами, использующими смарт-стандарты.

Ключевые слова: смарт-стандарты; качество 4.0; информационная система; машинопонимаемые документы; человекочитаемый формат; управление требованиями; цифровые «двойники».

V.V. Makarov, O.V. Volchik

SPECIFIC FEATURES OF DEVELOPMENT AND APPLICATION OF SMART STANDARDS AS BASIS FOR QUALITY 4.0 IMPLEMENTATION

Vladimir Makarov – Head of the Department of Economics and Management of Infocommunications, M. Bonch-Bruevich St. Petersburg State University of Telecommunications, St. Petersburg, professor, the Department of State and Municipal Administration, State Institute of Economics, Finance, Law and Technology, Gatchina, Doctor of Economics, professor; **e-mail: akad.makarov@mail.ru**

Olesya Volchik – senior teacher, the Department of Economics and Management of Infocommunications, M. Bonch-Bruevich St. Petersburg State University of Telecommunications, St. Petersburg; **e-mail: ovolchik@yandex.ru**.

We specify the smart standard definition and look at the approaches to the development and application of smart standards under the transition to digital economy. The levels of standard development are determined by the degree of their machine orientation; the main stages of the transition to smart standards are given. The components of information systems applying smart standards are considered. We present opportunities to secure the integration between different information systems relying on smart standards.

Keywords: smart standards; quality 4.0; information system; machine-readable documents; human readable format; requirements management; digital twins.

В последнее время экспертами в области цифровой экономики и управления качеством все чаще употребляется термин «Качество 4.0». Понятие «Качества 4.0» подразумевает совершенствование деятельности организации за счет применения больших данных, промышленного интернета вещей, искусственного интеллекта, внедрения в производство киберфизических систем, робототехники. Комбинирование новых технологий с традиционно применяемыми методами менеджмента обеспечивает повышение эффективности предприятия, оптимизацию бизнес-процессов, непрерывное улучшение [6]. Описываемая концепция предполагает переход к так называемым «умным» смарт-стандартам, отвечающим потребностям цифровой экономики. Такие стандарты излагаются в электронном виде на языках, понятных машине и человеку [4].

С целью создания первого российского смарт-стандарта при Росстандарте в 2021 г. был сформирован Проектный технический комитет «Умные (SMART) стандарты» (ПТК 711)». Руководство Комитетом приняла Российский институт стандартизации и АО «Кодекс». В ПТК 711 также входят потребители стандартов – промышленные предприятия, отраслевые объединения, научные институты и ИТ-компании [8].

Проект предварительного национального стандарта Российской Федерации «Умные (smart) стандарты. Общие положения», созданный ПТК 711, определяет смарт-стандарт как «электронный документ, который является объектом информа-

ционной системы документов по стандартизации, содержит нормативные требования к объектам стандартизации и представляется в виде контейнера неструктурированных и структурированных данных. Он позволяет посредством обработки программными средствами воспроизводить человекочитаемое содержание документа и сервисы по работе с содержанием, а также совокупность машиночитаемых и машинопонимаемых данных для передачи и обработки в различных информационных системах» [7, с. 9–10].

Раскрывая данное определение, можно сказать, что смарт-стандартами являются документы, содержащие (кроме понятного человеку текста) упорядоченные данные, включающие в себя базы данных, коды, формулы, таблицы, 3D-модели (понятные компьютеру и считываемые им без участия оператора).

Уровни развития стандартов представлены на рис. 1 и определяются степенью машиноориентированности.

Нулевой уровень подразумевает создание стандартов на бумажных носителях. На первом уровне развития формируются фонды электронных утвержденных документов. Стандарты публикуются в машиночитаемых форматах PDF, DOCX. Второй уровень содержит системы управления документами (СУД), справочно-информационные системы, web-сервисы. Документы создаются в машиноинтерпретируемом формате XML. На третьем уровне содержание стандартов становится машинопонимаемым.

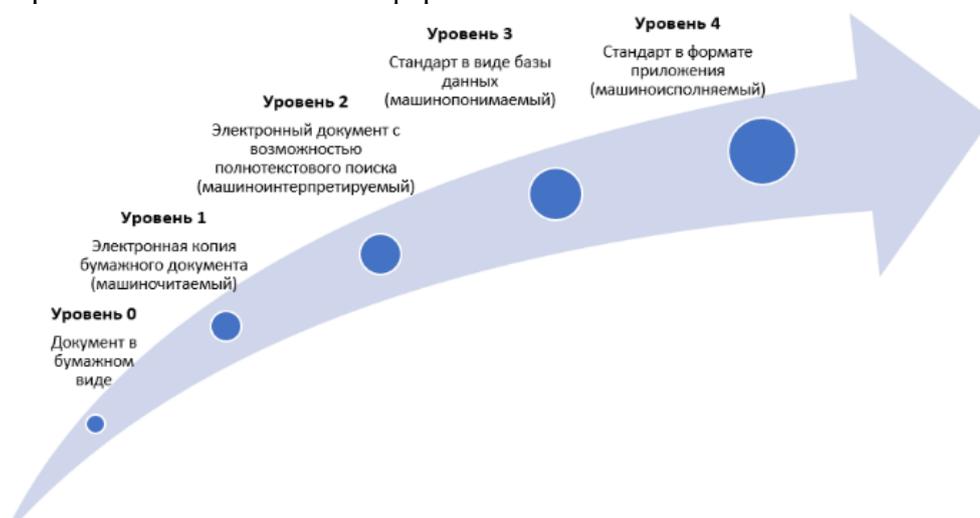

Рис. 1. Уровни развития стандартов

Документы детально и логически описываются до уровня требований, отражается их жизненный цикл, создаются системы управления требованиями (далее – СУТ). К четвертому уровню развития стремится мировая и российская стандартизация. Он подразумевает наличие СУТ, интегрированных с САМ/CAD, ВІМ, PDM/PLM, содержит машиноисполняемые стандарты в виде хранилищ данных в текстовом, графическом, числовом, 3D-форматах и их управляющих систем контроля (УСК) [9].

Приведенная классификация позволяет сделать вывод о том, что стандарт из обычного перечня требований к продукции/ услуге должен превратиться в реальную цифровую модель, базу данных. Затем осуществляется интеграция этой модели в информационную систему (далее – ИС) управления полным жизненным циклом продукции/ услуги. То есть смарт-стандарт становится цифровым «двойником», электронным техническим проектом (эталонном) изделия/ услуги предприятия.

Этапы перехода предприятия к смарт-стандартам представлены в таблице.

Логической единицей смарт-стандарта является требование, к которому привязаны дополнительные данные. Для автоматического извлечения требований из документов, контроля их актуальности могут использоваться реестры нормативных требований. Такие реестры позволяют пользователю получать подборки требований из разных документов, гарантировать их соблюдение к процессу/ продукции. Кроме

того, они содержат возможности интеллектуального, атрибутного поиска и различных способов сортировки в едином окне.

Для управления требованиями также создаются онтологические модели изделий и базы требований к каждому этапу жизненного цикла цифровых «двойников». Эти инструменты позволяют экспортировать текстовые человекочитаемые требования в разные документы, а машинопонимаемые требования – во внешние ИС.

Целесообразность перехода стандартов к машиночитаемому формату определяется технологической возможностью получения и обработки ИС потока данных из электронной документации и с технических устройств [1]. Составляющие ИС, применяющих смарт-стандарты, представлены на рис. 2.

Взаимосвязь между ИС, приведенными на рис. 2, достигается за счет следующих возможностей [5]:

- установление однозначного соответствия между виртуальными адресными пространствами каждой из систем;
- доступ к системам посредством стандартизированного API;
- шаблонное представление смарт-стандартов, создаваемых системами;
- интеграция смарт-стандартов, информационных сервисов и систем-потребителей стандартов;
- унифицированный информационный обмен с помощью контейнеров данных, в которых содержатся смарт-стандарты.

Этапы перехода предприятия к смарт-стандартам

Этап	Описание	Инструмент
1.	Перевод всей внутренней и внешней документации в цифровой формат, пригодный для выделения требований	СУД
2.	Формирование единого цифрового пространства (фонда) для хранения документации	
3.	Автоматизация и перевод в электронный вид бизнес-процессов жизненного цикла документа (от анализа необходимости его создания до утверждения и публикации)	
4.	Выделение требований в документе с помощью разметки специальными идентификаторами	СУТ
5.	Атрибуция и классификация требований, выделение структурированных параметров для внешних систем	СУТ
6.	Установление взаимозависимостей между требованиями из разных документов	СУТ
7.	Добавление приложений в виде графики, 3D, видео	СУТ
8.	Мониторинг и контроль выполнения требований документации	УСК

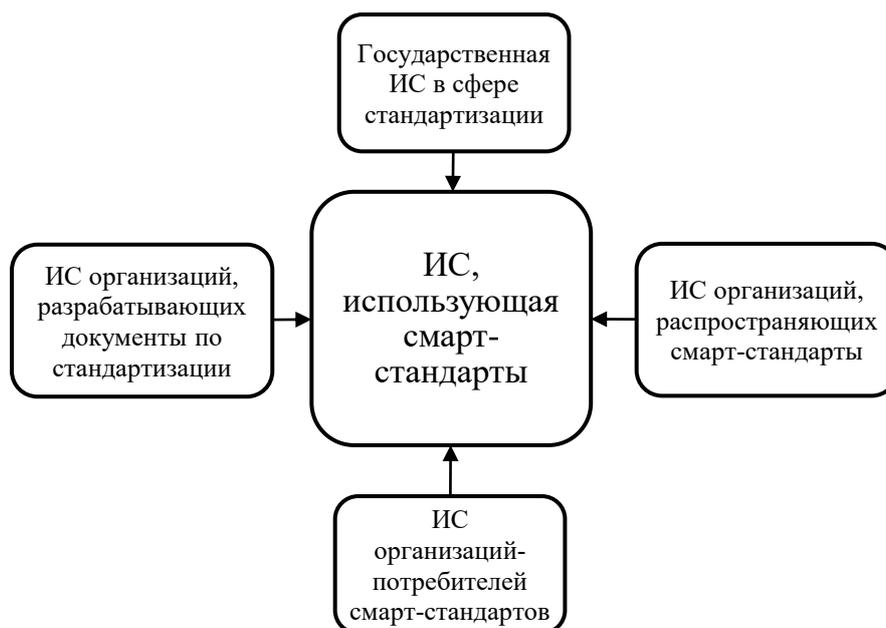

Рис. 2. Составляющие ИС, применяющих смарт-стандарты

Для реализации этих возможностей при подготовке проектов стандартов осуществляется взаимодействие экспертов на специальных площадках (информационных ресурсах), поддерживающих как текстовые, так и машиночитаемые форматы языковых конструкций.

Актуальность разработки и применения смарт-стандартов в мире связана в первую очередь с тем, что форматы внешних и внутренних документов, регламентирующих деятельность промышленных предприятий, устарели и теряют эффективность в условиях нового технологического уклада [3].

В России для дальнейших работ по формированию системы смарт-стандартов нужно решить вопрос с тем, какие форматы документов, базы данных и другие виды электронного представления информации могут применяться в информационных системах. Большое количество уже принятых стандартов нужно не только оцифровать, но и актуализировать. Новый смарт-формат необходим как для действующих, так и для вновь разработанных документов.

В дальнейшем, смарт-стандарты позволят результативно использовать тренды цифровизации [2], обеспечить плавный переход к концепции «Качество 4.0», повы-

сить эффективность производства и уровень качества продукции, реализовать социальные цели.

ЛИТЕРАТУРА

1. Концепция развития технологий машиночитаемого права: протокол Правительственной комиссии по цифровому развитию, использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности от 15.09.2021 г. № 31. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 09.04.2023).

2. Блатова Т.А., Макаров В.В. Персонализированная модель образования на базе технологии цифровых двойников // Сб. тезисов докладов Междунар. науч.-практ. конф. под ред. Е.А. Горбашко. Санкт-Петербург, 30 сент. – 1 окт. 2019 г. СПб.: СПбГУТ, 2019. С. 9–13.

3. Блатова Т.А., Макаров В.В., Шувал-Сергеева Н.С. Количественные и качественные аспекты измерения цифровой экономики // Радиопромышленность. 2019. № 4. С. 63–72.

4. Гарина Ю.Е., Злыднев М.И. Смарт-стандарты деловой репутации в едином информационном пространстве // Информационно-экономические аспекты стандартизации и технического регулирования.

2020. № 1 (53). С. 86–90.

5. Мальцева У.В., Макаров В.В. Информационные технологии в практике управления качеством // Инновации. 2011. № 12(158). С. 116–119.

6. Методы менеджмента в эпоху качества 4.0 и их влияние на российскую промышленность. URL: <http://spravochnick.ru> (дата обращения: 09.04.2023).

7. Проект ПНСТ Умные (SMART) стандарты. Общие положения. URL:

<http://www.docs.cntd.ru> (дата обращения: 09.04.2023).

8. Цифровизация и Индустрия 4.0 – Техэксперт. URL: <http://www.cntd.ru> (дата обращения: 02.04.2023).

9. Четыркина Н.Ю., Стародубцева Е.Д. Перспективы применения смарт-стандартов на промышленном предприятии // Общество: политика, экономика, право. 2022. № 5. С. 60–65.

Л.А. Селиванова, Н.В. Васильева, В.В. Соколов
ОЦЕНКА СОСТОЯНИЯ И ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ
РАЗВИТИЯ ОТРАСЛИ ПАССАЖИРСКИХ АВТОПЕРЕВОЗОК
ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ

Людмила Андреевна Селиванова – зав. кафедрой национальной экономики и организации производства, Государственный институт экономики, финансов, права и технологий, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, г. Гатчина; **e-mail: nac-ek@mail.ru**.

Наталья Витальевна Васильева – доцент кафедры национальной экономики и организации производства, Государственный институт экономики, финансов, права и технологий, кандидат экономических наук, доцент, г. Гатчина; **e-mail: smirnovanv79@mail.ru**.

Вячеслав Владимирович Соколов – директор ИП «Соколов Вячеслав Владимирович», магистр экономики, г. Гатчина; **e-mail: sokolov.slava.bxt@yandex.ru**.

В статье приводится краткий анализ состояния отрасли пассажирских автоперевозок в Ленинградской области. Выявлена вся совокупность факторов, негативно воздействующих на инфраструктуру отрасли. Определены основные направления развития отрасли на перспективу.

Ключевые слова: транспортная инфраструктура; пассажирские перевозки; Ленинградская область; цифровизация транспортной отрасли; тарифное регулирование.

L.A. Selivanova, N.V. Vasilyeva, V.V. Sokolov
ASSESSMENT OF STATE AND KEY DIRECTIONS
OF DEVELOPMENT OF PASSENGER ROAD TRANSPORTATION
IN LENINGRAD REGION

Lyudmila Selivanova – Head of the Department of National Economy and Organization of Production, State Institute of Economics, Finance, Law and Technology, PhD in Economics, associate professor, senior researcher, Gatchina; **e-mail: nac-ek@mail.ru**.

Natalya Vasilyeva – senior lecturer, the Department of National Economy and Organization of Production, State Institute of Economics, Finance, Law and Technology, PhD in Economics, associate professor, Gatchina; **e-mail: smirnovanv79@mail.ru**.

Vyacheslav Sokolov – sole trader, Master of Economics, Gatchina; **e-mail: sokolov.slava.bxt@yandex.ru**.

We briefly analyze the current state of passenger road transportation in Leningrad region. All the factors negatively affecting the infrastructure of the industry in question are revealed. The key directions for the long-term industry development are determined.

Keywords: transport infrastructure; passenger transportation; Leningrad region; digitalization of transport industry; tariff regulation.

Отрасль пассажирских перевозок представляет собой сегмент транспортной инфраструктуры, основная функция которой – обеспечить комфортные и надёжные качества перевозок пассажиров. Роль этой отрасли возрастает по мере роста мобиль-

ности жителей городов и пригородов.

Оценивая в целом состояние общественного транспорта в России, следует отметить, что он находится на этапе технического и цифрового развития. Если рассматривать данную отрасль в целом, то чис-

ленность её автобусных маршрутов насчитывает 1,9 млн км; при этом протяжённость автомобильных дорог составляет 940 000 км, из этой протяженности 60000 км дорог могут быть отнесены к дорогам общего пользования [3].

На территории Санкт-Петербурга и Ленинградской области расположено 1,6 тысяч км автомобильных дорог федерального значения и 13 тысяч км регионального и муниципального значения (рис. 1) [2].

Данные табл. 1 демонстрируют, что Ленинградская область по пассажирообороту занимает четвёртое место в стране (52,2 млн чел., или 6,7%) [3].

В 2020 г. данная отрасль продемонстрировала значительное падение, что было связано с пандемией нового коронавируса, и определенный период времени пришелся на самоизоляцию; это привело к тому, что количество перевозок автобусным транспортом в Ленинградском регионе сократилось более чем на 60% [3].

В настоящее время на рынке пассажирских перевозок работают как коммерческие, так и муниципальные автотранспортные предприятия. Это ведет к тому, что в рамках данного рынка возникают различные рыночные структуры несовершенной конкуренции. Кроме того, следует

отметить, что государство оказывает муниципальным автобусным предприятиям поддержку, частично возмещая затраты, связанные с оказанием транспортных услуг [1].

В Ленинградской области имеются частные автопредприятия, которые не имеют поддержки со стороны государства; они функционируют исключительно за счёт собственных доходов и отнюдь не всегда, определенная доля доходов может быть израсходована на повышение качества транспортных услуг. В области функционируют более 60 перевозчиков – предприятий, которые обслуживают 800 маршрутов автобусного транспорта.

Значительная часть региональных маршрутов не может быть отнесена к высококорентабельным, в целом ряде случаев они убыточны. Но несмотря на это следует отметить, что эти маршруты обладают высокой социальной значимостью.

По данным статистики в регионе для передвижения общественный транспорт используют 67% населения, в частности 31% – это автобусы, 36% – маршрутное такси.

Можно выделить целый ряд факторов, которые негативно влияют на развитие общественного транспорта в Ленинградской области (табл. 3).

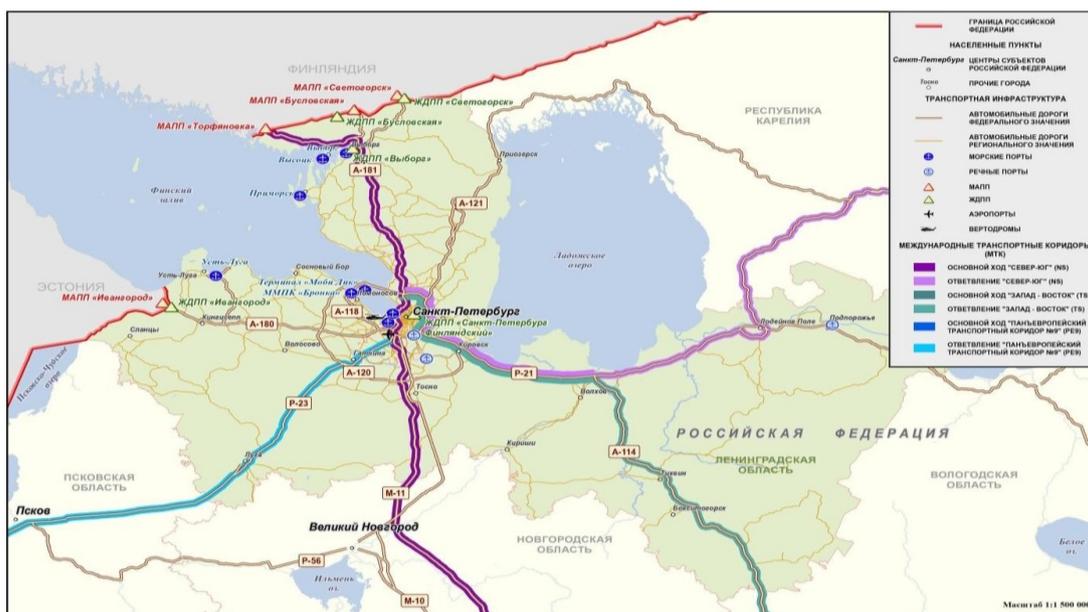

Рис. 1. Схема автомобильных дорог, включенных в состав международных транспортных коридоров, проходящих по территории Санкт-Петербурга и Ленинградской области, 2022 г.

Таблица 1

**Объём перевозок пассажиров автобусным транспортом
в Северо-Западном федеральном округе, тыс. чел.**

	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2020 г. в % к 2019 г.	%
Республика Карелия	15 389,1	14 409,1	14 411,6	8 546,1	59,30	1,1
Республика Коми	68 616,8	60 385,7	55 972,3	40 188,0	71,80	5,2
Архангельская область	89 202,1	89 324,7	85 589,5	53 320,1	62,30	6,9
Вологодская область	100 217,4	98 512,0	95 073,9	75 998,2	79,94	9,8
Калининградская область	64 502,9	66 023,8	61 140,6	43 705,1	71,48	5,6
Ленинградская область	61 994,4	60 620,1	72 618,2	52 172,4	71,84	6,7
Мурманская область	50 721,9	52 922,1	50 458,6	37 114,2	73,55	4,8
Новгородская область	49 045,3	45 931,9	44 201,3	35 229,7	79,70	4,5
Псковская область	50 624,9	48 053,7	46 736,4	30 763,1	65,82	4,0
г. Санкт-Петербург	574 811,0	587 702,1	582 968,0	399 001,0	68,44	51,4
Северо-Западный федеральный округ	1 125 125,8	1 123 885,2	1 109 170,4	776 038,0	69,97	100

Источник: [2].

Таблица 2

**10 крупных и средних автотранспортных предприятий Ленинградской области
(по данным 2021 г.)**

№ п/п	Наименование	Район
1	ООО «Пассажиравтотранс» г. Бокситогорск	Бокситогорский
2	ООО «Пальмира»	Бокситогорский, Волховский, Всеволожский, Лодейнопольский, Тихвинский
3	МУПАТП МО г. Волхов	Волховский
4	ООО «Первая пассажирская компания»	Всеволожский
5	ООО «Транс-Балт»	Гатчинский
6	ООО «Киришиавто»	Киришский
7	ООО «Невская линия»	Кировский
8	ООО «ЛОДАВТО»	Лодейнопольский
9	ООО «Вест-Сервис»	Ломоносовский
10	ООО «Ленинградская АЭС-Авто»	Ломоносовский

Источник: [4].

Факторы, негативно влияющие на развитие общественного транспорта в Ленинградской области

Номер группы	Факторы	Примечания
1	большая площадь субъекта (Ленинградской области); неравномерное расположение субъектов, обслуживаемых пассажирским автотранспортом; неустойчивый уровень развития транспортной инфраструктуры	факторы внешней макросреды
2	повышение уровня автомобилизации; недостаток денежных средств в бюджете Ленинградской области на финансирование пригородных пассажирских перевозок	внешняя среда влияния
3	низкая инвестиционная привлекательность пригородных пассажирских перевозок; высокий объём нелегальных «серых» пригородных и муниципальных автобусных перевозок; высокая доля льготных категорий пассажиров.	факторы внутренней среды

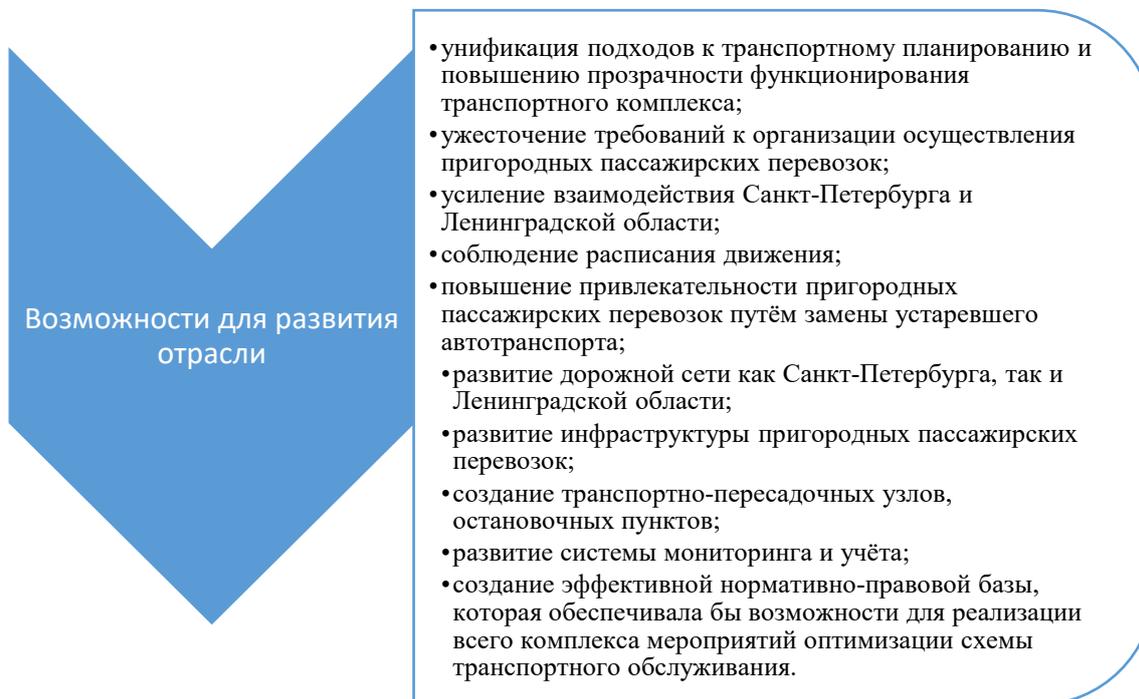

Рис. 2. Возможности для отрасли пассажирских грузоперевозок в Ленинградской области

В то же время, несмотря на влияние указанных негативных факторов на функционирование отрасли пассажирских грузоперевозок, можно выделить целый ряд

возможностей для его развития в Ленинградской области (рис. 2).

Выявленные возможности следует учитывать органам власти при реализации

основных направлений развития системы транспортного обслуживания населения Санкт-Петербурга и Ленинградской области, определённых Комплексным планом.

Органом государственной власти следует регулировать уровень конкуренции в различных сегментах рынка пассажирских автоперевозок. Одним из основных инструментов государственного регулирования можно определить тарифное регулирование. Необходимо пересмотреть размер тарифов по расходам на транспортные услуги и подход к своевременной индексации стоимости проезда.

В сложившейся ситуации частные автотранспортные предприятия вынуждены экономить на рабочей силе и качестве технического обслуживания автобусного парка. Более того, идет массовый отказ от рейсовых контролеров, чья функция переносится на водителей.

Многие руководители автотранспортных предприятий используют такие способы обновления автопарка, как аренду, лизинг, смешанную форму владения, которые позволяют им сэкономить значительные денежные средства.

В Ленинградской области наблюдается тренд цифрового развития пассажирских перевозок. Это объясняется тем, что цифровая трансформация общественного транспорта может благоприятно сказаться на качестве жизни населения региона [1]:

- цифровизация общественного транспорта помогает технически снизить количество вредных выбросов в атмосферу;

- упростить процедуру планирования маршрутов с использованием цифровых сервисов;

- оптимизировать управление автотранспортными предприятиями путем создания цифровых центров диспетчирования;

- лица с ограниченными возможностями здоровья могут беспрепятственно и намного быстрее пользоваться транспортными услугами привлекательности общес-

твенного транспорта;

- снижать нагрузку на дорожную сеть, тем самым увеличивая скорость передвижения жителей, товаров, экстренных служб и др.

Среди технологических трендов цифровизации в транспортной отрасли, в том числе пассажирских перевозок, выделены системы обработки больших объёмов данных и искусственный интеллект.

По прогнозам к 2035 г. пассажиропоток общественного транспорта должен вырасти на 15% по сравнению с 2019 г. Такой рост, по нашему мнению, возможен при условии создания более комфортной, качественной и безопасной транспортной системы, где общественный транспорт сможет составить конкуренцию личному [2].

ЛИТЕРАТУРА

1. Постановление Правительства Ленинградской области от 04.06.2019 г. № 253 «Об утверждении Комплексного плана транспортного обслуживания населения Санкт-Петербурга и Ленинградской области на средне- и долгосрочную перспективу (до 2030 года) в части пригородных пассажирских перевозок». URL: <https://nra.lenobl.ru> (дата обращения: 02.05.2023).

2. Официальный интернет-ресурс Государственного казенного учреждения Ленинградской области «Ленинградское областное управление транспорта». URL: <https://gkulot.ru/> (дата обращения: 02.05.2023).

3. Федеральная служба государственной статистики (Росстат): офиц. сайт. URL: <https://rosstat.gov.ru/> (дата обращения: 02.05.2023).

4. Шмарин А.А. Внутригородские пассажирские автобусные перевозки: основные сценарии развития отрасли. Текст: непосредственный // Молодой ученый. 2015. № 14 (94). С. 304–306. URL: <https://moluch.ru/archive/94/21036/> (дата обращения: 29.05.2023).

О.В. Сергиенко

ОЦЕНОЧНЫЕ ПОКАЗАТЕЛИ СОЦИО-ЭКОЛОГО- ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОСТОЯНИЯ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА (НА ПРИМЕРЕ ОМСКОЙ ОБЛАСТИ)

Оксана Владимировна Сергиенко – проректор по УМП, зав. кафедрой экономики и управления, ЧУОО ВО «Омская гуманитарная академия», кандидат экономических наук, доцент, г. Омск; **e-mail:** sergienkooks@mail.ru.

В статье обоснована стратегическая важность институциональной среды сельскохозяйственной отрасли, которая определяет ее специфику в области организационно-экономического механизма адаптации аграрного сектора к условиям новых качеств глобальной среды как социо-эколого-экономической системы. Социо-эколого-экономическая оценка устойчивости аграрного сектора экономики в разрезе трех критериев развития – социального, экономического и экологического как единого оценочного показателя позволит проводить экспресс-анализ и мониторинг через основные факторы и составляющие, учитывающие специфику аграрной отрасли как комплексной системы. Итоги мониторинга позволяют выявить совокупность критериев, определяющих вектор устойчивого развития аграрной отрасли как основополагающего фактора развития сельских территорий.

Ключевые слова: устойчивое развитие; социо-эколого-экономическая система; сельскохозяйственная отрасль; методика оценки устойчивости; модели развития; социально-экономическая стабильность; концепции устойчивого развития.

O.V. Sergienko

ASSESSMENT INDICATORS OF SOCIO-ECONOMIC STATE OF AGRICULTURE (BY THE EXAMPLE OF OMSK REGION)

Oksana Sergienko – vice-rector for academic issues, Head of the Department of Economics and Management, Omsk Humanitarian Academy, PhD in Economics, associate professor, Omsk; **e-mail:** sergienkooks@mail.ru.

We substantiate the strategic importance of the institutional environment of agricultural industry that determines its specific features concerning the organization and economic mechanism of the adaptation of agrarian sector to the new global environment as a socio-ecological-economic system. Social, ecological and economic assessment of sustainability of agrarian sector from the point of view of three development criteria, namely social, economic and ecological, as a single indicator enables to carry out express analysis as well as monitoring relying on key factors and components taking into consideration the specific features of agrarian industry as a complex system. The monitoring results help to distinguish a set of criteria determining the direction for sustainable development of the agrarian industry as the basic factor of rural territories development.

Keywords: sustainable development; social-ecological-economic system; agricultural industry; methods of sustainability assessment; development models; socio-economic stability; sustainable development concepts.

Актуальность социо-эколого-экономической оценки устойчивости аграрного сектора определяется тем, что концепция устойчивого развития – это современный

вектор мировой и национальных экономик, продиктованный реалиями эффективного использования основных факторов производства через призму их рационального применения с учетом нового технологического уклада при сохранении, защите и улучшении окружающей среды и природных ресурсов, обеспечения социально-экономического благополучия, безопасности населения страны.

Интегральная оценка социо-эколого-экономического состояния сельского хозяйства определяется на основе инструментов прямого и косвенного государственного и регионального территориального развития с учетом межрегиональной дифференциации сельских территорий. Аграрная отрасль национальной экономики выступает фундаментальной отраслью обеспечения здоровья населения и его воспроизводства посредством удовлетворения первичных потребностей в пище, используя ресурсы окружающей природной среды, существенно влияет на состояние многих сфер жизнедеятельности человека и является основополагающей для развития смежных секторов экономики, что определяет первичность и обязательное условие обеспечения устойчивости сельского в формировании устойчивой национальной экономики.

Актуальность исследований в области оценочных показателей подтверждается интересом авторов в области изученности заявленной проблематики. Так, например, А.Д. Мурзин [7] в своем исследовании предлагает использовать авторскую методику оценочных индексов на основе национальных данных, которая обосновывает оценку эффективности и развития аграрного производства, выявляя ограничивающие факторы отраслевого развития для разработки системы государственной поддержки отрасли и развитию зеленого (экологически чистого) производства. С.И. Нестерова [9] в своем труде демонстрирует модель интегральной оценки продовольственной безопасности региона на примере Самарской области, которая позволяет разработать рекомендации улучшения состояния АПК. Авторы С.Ю. Цёхла, О.Е. Почупайло [11] акцентируют

внимание на внутренних факторах, оказывающих влияние на эффективность деятельности субъектов отрасли лекарственного растениеводства на региональном уровне, предлагая методику интегрального подхода и экономико-математического моделирования, которая выявляет резервы дальнейшего поступательного развития. Р.М. Газизов [4] анализирует имеющиеся в научной литературе методы оценки сельских территорий, предлагая авторский подход трехкомпонентного социального, экономического, экологического интегрального показателя типизация сельских территорий. В монографии С.Н. Косникова [6] освещены методики оценки эффективности деятельности сельских территорий на основе рейтинговых моделей и социально-экономической оценки развития сельских территорий.

Цель исследования определяется тем, что каждый субъект Российской Федерации и каждая территориальная единица имеют свои уникальные особенности экономического, социального потенциала, свои природные факторы; среди ученых нет единой методики оценки опережающего устойчивого развития. Система показателей устойчивости каждого региона, учитывая его специфику, должна базироваться на мониторинге динамического развития с учетом индивидуальных темпов роста в краткосрочной и долгосрочной перспективе.

Научная новизна определяется тем, что в экономическом и статистическом анализе используются системы показателей, характеризующие итоги деятельности хозяйствующих субъектов, отрасли, регионов. В силу того, что развитие предусматривает непрерывный рост, при анализе необходимо использовать систему показателей, отражающих рост и его динамику, но аграрное производство подвержено в своем развитии различным факторам, оказывающим влияние на его эффективность и кризисное состояние. Целесообразность разработки определена парадигмой устойчивого эколого-социально-экономического развития, которая задана Стокгольмской конференцией ООН (1972 г.) [1] в связи с возникшими проблемами агрес-

сивного использования природных ресурсов и их естественным восстановлением, влиянием проблем и вопросов охраны окружающей среды на благосостояние народов и экономическое развитие в мировом масштабе. Устойчивое сельское хозяйство как отрасль, решающая проблему продовольственной безопасности, определяется синергетическим эффектом экономической производительности в совокупности с экологическими и социальными выгодами.

Основные тенденции благополучия окружающей среды и социальный и экономической справедливости определены мировым сообществом в Декларации по окружающей среде и развитию, где под устойчивым сельским хозяйством понимается «способ ведения деятельности, при котором устойчивое наращивание объемов производства достигается одновременно с обеспечением высокого уровня продовольственной и экологической безопасности» [2]. Доклад Всемирной комиссии по вопросам окружающей среды и развития «Наше общее будущее» (1987 г.) закрепляет основные положения о необходимости создания безопасных экологических условий жизнедеятельности человека в мировом пространстве с учетом наиболее полного удовлетворения имеющихся в данном периоде потребностей без лишения такой возможности будущих поколений [8].

В Российской Федерации установлен официальный термин «устойчивое развитие сельских территорий как стабильное социально-экономическое развитие», измеряющий устойчивое развитие аграрной отрасли в разрезе положительной динамики роста объема производства сельскохозяйственной продукции, уровня жизни и доходов, рационального и эффективного использования земель сельскохозяйственного назначения, увеличивая ее природную продуктивность экологически безопасными методами производства. То есть аграрное производство признается устойчивым при условии обеспечения экономической и финансовой устойчивости сельхозтоваропроизводителей при сохранении экологического потенциала и достижения удовлетворительных социально-экономических и культурных стандартов жизни

сельского населения [10]. В настоящее время, несмотря на множество эффективных подходов оценочных показателей устойчивого развития, официально утвержденная методика отсутствует, в силу различных условий хозяйствования и регионального развития субъектов в РФ имеется необходимость территориального подхода оценки устойчивого развития с целью выявления отрицательных трендов, не позволяющих в долгосрочном периоде достигать целевых ориентиров устойчивого развития отрасли.

Мониторинг устойчивого развития сельского хозяйства в экономических условиях определяется балансом противоположностей устойчивой динамикой роста и развития изменений, происходящих во внутренней и внешней среде деятельности сельскохозяйственной организации, эти тенденции должны отражать систему интегральных показателей, оценки которых доступны в системе социально-экономических процессов [3]. Сводные оценочные показатели представляют собой аналитические данные частных статистических показателей за 2021 г., опубликованных в официальном статистическом сборнике с учетом их нормирования нивелирования вариативности индивидуальных индикаторов по размерности и единицам измерения.

Результаты. Для разработки приоритетных направлений устойчивого поступательного развития сельскохозяйственной отрасли Омской области предлагается модифицировать итоговую типологию в части декомпозиции нормируемого значения оценочного показателя социально-экономического развития с выделением 4 оценочных блоков:

1) социального, в который включены показатели, оценивающие демографическую ситуацию, а также состояние социальной и инженерной инфраструктуры сельских территорий;

2) экономического, агрегирующего индикаторы, характеризующие эффективность развития сельского хозяйства;

3) социально-экономического, агрегирующего индикаторы, характеризующие уровень доходов и образования работников сельского хозяйства Омской области;

4) экологического, характеризующего уровень охраны окружающей среды муниципальных образований Омской области.

Социальный фактор определим посредством показателей, характеризующих состояние отрасли сельского хозяйства муниципальных территорий Омской области в 2021 г. (табл. 1).

Тенденция убыли сельского населения, которая существует в РФ на протяжении предыдущих двух десятилетий, также характерна для Омского региона. Демографический фактор воспроизводства сельского населения жителей муниципальных образований Омской области показывает отрицательные значения по всем 32-м муниципальным образованиям. Наибольшая величина общего коэффициента рождаемости наблюдается в Исилькульском муниципальном районе, которая составляет 11,5, при этом коэффициент смертности в данном муниципальном образовании составляет 19,1, а общий коэффициент естественного прироста имеет отрицательное значение -7,6, самые низкие показатели коэффициента рождаемости зафиксированы в Седельниковском муниципальном районе - 7,6, коэффициент смертности - 18,5. Необходимо отметить, что отрицательным фактором во всех муниципальных образованиях Омской области является устойчивая тенденция постоянного превышения коэффициента смертности над коэффициентом рождаемости. Самые высокие показатели смертности зафиксированы в Муромцевском районе - 26,5. В целом общий коэффициент естественного прироста имеет отрицательное значение во всех муниципальных образованиях. Демографические показатели отражают очень слабую устойчивость развития, характеризующуюся высоким уровнем смертности, снижением доли численности населения трудоспособного возраста.¹

На качество уровня жизни и здоровья оказывает большое влияние эффективная система здравоохранения, являющаяся значимой сферой социального развития; сель-

ские территории имеют преимущество экологически чистой среды обитания, возможности здорового питания продуктами подсобных личных хозяйств, но существенно испытывают дефицит качественных медицинских услуг в связи со слабой развитостью инфраструктуры сельских медицинских учреждений, деградации их материальной базы и недостатка квалифицированных специалистов в области медицины.

Наибольшее количество лечебно-профилактических организаций имеется в Омском муниципальном районе - 61 шт., самое низкое значение этого показателя - 16 шт. - в Большеуковском муниципальном образовании.

Цифровизация общественной и экономической жизни определяет необходимость наличия элементов социальной инфраструктуры сельских территорий с современными каналами связи, доступность которых является неотъемлемым элементом модернизации и обеспечения устойчивого развития аграрной отрасли. Наиболее высокий показатель телефонизированных сельских населенных пунктов в Омском муниципальном районе (86 шт.), самый низкий показатель зафиксирован в Одесском муниципальном образовании (19 шт.). Самый высокий показатель общей площади жилых помещений, приходящейся в среднем на одного жителя, - 34,7 кв. м (Усть-Ишимский район), самый низкий - 21,7 кв. м (Марьяновский). Тенденции роста определяют тенденции устойчивого развития в долгосрочной перспективе, снижение показателя говорит об обратной динамике, убыли и миграции населения в города, миграции молодых перспективных квалифицированных кадров, опустошению территории и возникновению демографических пустынь.

Культурное развитие нации - неотъемлемый элемент и потенциал устойчивого эффективного развития национальной экономики и аграрной отрасли как части экономики страны. Игнорирование культурной составляющей в стратегическом эко-

¹ Социально-экономическое положение Омской области за январь-декабрь 2022 года: докл. / Омскстат. Омск, 2023. 70 с.

номическом развитии страны приводит к деградации человеческого общества, низкой экономической культуре и делает невыполнимым целевой ориентир – удовлетворение социально-экономических и культурных стандартов жизни сельского населения. Число организаций культурно-досугового типа муниципальных образований имеет интервал максимум – 53 шт., минимум – 16 шт., число спортивных сооружений – 298 шт./42 шт. соответственно.

Экономический фактор эффективности сельского хозяйства Омской области определен системой следующих показателей (табл. 2).

Объем производства сельхозпродукции в 2021 г. вырос на 2%, до 119 млрд руб.

По всем из них в 2021 г. наблюдается положительная динамика. Объем реализованной продукции за год увеличился на 5,1 млрд руб., или на 11,8%. Прибыль получили почти 90% организаций. Рентабельность с государственной поддержкой выросла с 15,1% в 2020 г. до 17,7% в 2021 г. В 2021 г. Омская область показала лучший результат в Сибири по качеству зерна пшеницы. В общем объеме производства пшеница третьего класса составила 63%. Минимальный удельный вес прибыльных сельскохозяйственных организаций Омской области составил 72,5%, максимальный удельный вес убыточных сельскохозяйственных организаций – 27,5%.²

Таблица 1

Показатели, характеризующие социальный фактор отрасли «Сельское хозяйство» муниципальных территорий Омской области

Социальный фактор		Минимальное значение показателя	Максимальное значение показателя
K1	Численность населения, сельское хозяйство, чел.	6668	97592
K2	Численность населения трудоспособного возраста, чел.	3333	24613
K3	Естественный прирост	-711	-89
K4	Общий коэффициент рождаемости	7,6	11,5
K5	Общий коэффициент смертности	13,4	26,5
K6	Общий коэффициент естественного прироста	-17,3	-4,8
K7	Число телефонизированных сельских населенных пунктов, шт.	19	84
K8	Число организаций культурно-досугового типа, шт.	16	53
K9	Число спортивных сооружений, шт.	42	298
K10	Число лечебно-профилактических организаций	16	61
K11	Общая площадь жилых помещений, приходящаяся в среднем на одного жителя, м	21,7	34,7

Источник: рассчитано автором по данным Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Омской области. URL: <https://55.rosstat.gov.ru/news/document/210513>.

Таблица 2

Показатели, характеризующие экономический фактор отрасли «Сельское хозяйство» муниципальных территорий Омской области

Экономический фактор		Минимальное значение показателя	Максимальное значение показателя
K12	Продукция сельского хозяйства, тыс. руб.	345,80	4872933,80
K13	Продукция растениеводства, тыс. руб.	345,80	2997406,70
K14	Продукция животноводства, тыс. руб.	0,01	10334531,90
K15	Индекс производства продукции сельского хозяйства, %	73,40	202,50
K16	Удельный вес прибыльных организаций, %	72,50	100,00
K17	Инвестиции в основной капитал, тыс. руб.	32984,	2760714,00
K18	Удельный вес убыточных организаций, %	0	27,50

Источник: рассчитано автором по данным Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Омской области. URL: <https://55.rosstat.gov.ru/news/document/210513>.

² Социально-экономическое положение Омской области за январь–декабрь 2022 года: докл. / Омскстат. Омск, 2023. 70 с.

Систему показателей, характеризующих уровень доходов и образования работников сельского хозяйства Омской области (социально-экономический фактор), определим следующим образом (табл. 3).

Оценка социально-экономического развития сельских территорий Омской области определяется уровнем доходов и доступности получения качественных общеобразовательных услуг сельского населения. Уровень жизни как социально-экономический фактор является основополагающим в разрезе устойчивого развития аграрной отрасли, т.к. именно возможность получать высокий уровень доходов является мотиватором инвестиционной деятельности в сфере человеческого и производственного капитала. В среднем по РФ уровень занятости составил 53,9%. При этом разброс официальных значений по данному показателю очень невелик в разрезе федеральных округов: от 55,1% в Центральном до 51,8% в Сибирском округе [5].

Среднемесячная заработная плата работников сельского хозяйства Омской области представлена в диапазоне от 20558,7 до 38295 тыс. руб. Более высокий уровень

оплаты труда характерен для Марьяновского (38295 руб.), Омского (36683,6 руб.) Азовского (34507,4 руб.), Большереченского (34249 руб.) муниципальных районов при среднем уровне по стране 28243 руб., самый низкий – в Муромцевском муниципальном образовании (20558,7 руб.).³

Социально-экономическое устойчивое развитие невозможно рассматривать без базисной составляющей уровня образования населения и равных условий доступа получения качественных образовательных услуг через систему школьного и дошкольного образования. Обеспеченность сельского населения Омской области общеобразовательными организациями составляет в диапазоне от 9 до 41 школы, при этом количество обучающихся составляет от 902 до 11109 чел.

Согласно официальной статистике в течение предшествующих 18 лет в России было закрыто 25,5 тысяч школ, и в том числе 20,1 тыс. сельских.⁴ Этот фактор говорит о ликвидации сельских поселений, т.к. образовательное учреждение является фундаментом социальной инфраструктуры села.

Таблица 3

Показатели, характеризующие социально-экономический фактор отрасли «Сельское хозяйство» муниципальных территорий Омской области

Социально-экономический фактор		Минимальное значение показателя	Максимальное значение показателя
K19	Среднемесячная заработная плата работников организаций, тыс. руб.	20558,7	38295
K20	Число общеобразовательных организаций, ед.	9	41
K21	Численность обучающихся общеобразовательных организаций, чел.	902	11109
K22	Число мест в организациях, осуществляющих образовательную деятельность по образовательным программам дошкольного образования, присмотр и уход за детьми, шт.	363	4883
K23	Численность воспитанников, посещающих организации, осуществляющие образовательную деятельность по образовательным программам дошкольного образования, присмотр и уход за детьми, чел.	260	4781

Источник: рассчитано автором по данным Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Омской области. URL: <https://55.rosstat.gov.ru/news/document/210513>.

³ Социально-экономическое положение Омской области за январь–декабрь 2022 года: докл. / Омск-стат. Омск, 2023. 70 с.

⁴ Образование в цифрах: 2022: краткий стат. сборник / Л.М. Гохберг, Л.Б. Кузьмичева, О.К. Озерова и др.; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: НИУ ВШЭ, 2022. 132 с.

Уровень охраны окружающей среды муниципальных образований Омской области (экологический фактор) представлен следующей системой показателей (табл. 4).

Необходимо отметить, что показатель выброса в атмосферу загрязняющих веществ, отходящих от стационарных источников, относительно невысокий и составил в своем максимальном значении 5,97 тыс. тонн, из которых 4,22 тыс. тонн загрязняющих атмосферу веществ из общего объема, поступивших на очистку, уловлены и обезврежены.⁵

Заключение. Исследуемые разнородные индивидуальные показатели переведем в нормированное значение оценочного показателя для каждого муниципального района, что позволит провести мониторинг уровня устойчивого развития аграрной отрасли через стимулы и дестимулы посредством метода линейного масштабирования с учетом максимальных и минимальных значений каждого индикатора в выборке муниципальных образований Омской области.

Анализ оценочных показателей от-

расли сельского хозяйства муниципальных образований Омской области (рис. 1) представлен в интервале сравнения от 0 (min) до 1 (max). Результаты мониторинга 32 муниципальных образований Омской области показывают, что в диапазон от 1 до 0,6 входит по тем факторам только Омский муниципальный район, в интервал от 0,6 до 0,4 входит Кормиловский район – по двум факторам, и пять муниципальных образований Омской области отнесены в данный интервал по социально-экономическому фактору. Минимальные показатели эффективности определены по социальному фактору по всем без исключения районам исследуемого субъекта федерации. Показатели экономического фактора эффективности сельского хозяйства определены интервалом от 0,4 до 0,2. Данные мониторинга показывают необходимость дальнейшей модернизации аграрной отрасли сельского хозяйства при значительном усилении социального фактора развития сельских территорий, без которого невозможен дальнейший экономический рост.

Таблица 4

Показатели, характеризующие экологический фактор сельских муниципальных территорий Омской области

Экологический фактор		Минимальное значение показателя	Максимальное значение показателя
K24	Количество объектов, имеющих стационарные источники загрязнения атмосферного воздуха, ед.	3,00	46,00
K25	Выброшено в атмосферу загрязняющих веществ, отходящих от стационарных источников, тыс. тонн	0,05	5,97
K26	Общее количество загрязняющих веществ, отходящих от всех стационарных источников, тыс. тонн	0,05	9,83
K27	Уловленные и обезвреженные загрязняющие атмосферу вещества из общего объема поступивших на очистку, тыс. тонн	0,00	4,22
K28	Уловлено и обезврежено загрязняющих веществ в процентах от общего количества загрязняющих веществ, отходящих от стационарных источников, %	0,90	39,20
K29	Текущие затраты на охрану окружающей среды, включая оплату услуг природоохранного назначения, тыс. руб.	0,00	121217,00

Источник: рассчитано автором по данным Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Омской области. URL: <https://55.rosstat.gov.ru/news/document/210513>.

⁵ Социально-экономическое положение Омской области за январь–декабрь 2022 года: докл. / Омскстат. Омск, 2023. 70 с.

Рис. 1. Оценочный показатель рейтинга устойчивого развития отрасли «Сельское хозяйство» муниципальных образований Омской области по четырем факторам

Источник: рассчитано автором по данным Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Омской области. URL: <https://55.rosstat.gov.ru/news/document/210513>.

Рис. 2. Средний оценочный показатель рейтинга устойчивого развития отрасли «Сельское хозяйство» муниципальных образований Омской области по четырем факторам

Источник: рассчитано автором по данным Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Омской области. URL: <https://55.rosstat.gov.ru/news/document/210513>.

Согласно представленному анализу (рис. 2) средний оценочный показатель устойчивого развития аграрной отрасли Омской области определен в шкале устойчивого развития в диапазоне от 0 до 0,3, за исключением Омского муниципального образования. Дальнейшее устойчивое развитие экономической эффективности в масштабах опережающего поступательного развития аграрной отрасли невозможно без формирования новых качеств глобальной экономической среды, возникающих вызовов и рисков, которые стимулируют использование преимуществ аграрной отрасли субъектов РФ, способных производить на возобновляемой основе товары конкурентоспособные как на внутреннем, так и на мировом рынках.

ЛИТЕРАТУРА

1. Декларация Конференции Организации Объединенных Наций по проблемам окружающей человека среды // Организация Объединенных Наций. Стокгольм, 1972 г. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declarationenv.shtml (дата обращения: 11.02.2023).
2. Декларация по окружающей среде и развитию (принята Конференцией ООН по окружающей среде и развитию, Рио-де-Жанейро, 3–14 июня 1992 года). Раздел II. Сохранение и рациональное использование ресурсов в целях развития. Гл. 14. Содействие устойчивому ведению сельского хозяйства и развитию сельских районов. URL: <http://un.org> (дата обращения: 11.02.2023).
3. Баландин Д.А., Баландин Е.Д., Пыткин А.Н. Развитие сельских территорий региона на принципах зеленой экономики // Вопросы инновационной экономики. 2019. Т. 9. № 3. С. 813–822.
4. Газизов Р.М. Метод оценки сельских территорий и их типология на примере Красноярского края // Вестник АГАУ. 2015. № 3 (125). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metod-otsenki-selskih-territoriy-i-ih-tipologiya-na-primere-krasnoyarskogo-kraya> (дата обращения: 11.02.2023).
5. Журавский А.С., Попова С.А., Колпакова Е.А. Интеллектуальное развитие человечества в современных условиях: монография. Кн. 19. Ч. 2. ISBN 978-617-7880-27-032. URL: https://www.gks.ru/scripts/db_inet2/passport/pass.aspx?base=munst52&r=52618000 (дата обращения: 11.02.2023).
6. Косников С.Н., Мелешко М.А. Оценка эффективности деятельности сельских территорий на основе рейтинговых моделей: монография. Краснодар: КубГАУ, 2019. 122 с. ISBN 978-5-00097-880-1.
7. Мурзин А.Д., Йижу Ли. Социо-эколого-экономическая эффективность сельскохозяйственного производства в Китае // Экономика и экология территориальных образований. 2021. Т. 5. № 3. С. 47–54. URL: <https://doi.org/10.23947/2413-14742021-5-3-47-54> (дата обращения: 11.02.2023).
8. Наше общее будущее: доклад Всемирной комиссии по вопросам окружающей среды и развития // Развитие и международное экономическое сотрудничество: проблемы окружающей среды / Г.Х. Брундтланд [и др.]; Организация Объединенных Наций. 04.08.1987. URL: <https://www.un.org/ru/ga/pdf/brundtland.pdf> (дата обращения: 11.02.2023).
9. Нестерова С.И. Интегральная оценка продовольственной безопасности региона (на примере самарской области) // Статистика и Экономика. 2015. № 6. С. 95–99. URL: <https://doi.org/10.21686/2500-3925-2015-6-95-99> (дата обращения: 11.02.2023).
10. Ольховая Г.В., Шамилева Э.Э. Устойчивость сельского хозяйства как социо-эколого-экономической системы: региональный аспект // Экономика строительства и природопользования. 2021. № 3 (80). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ustoychivost-selskogo-hozyaystva-kak-sotsio-ekologo-ekonomicheskoy-sistemy-regionalnyu-aspekt> (дата обращения: 11.02.2023).
11. Цёхла С.Ю., Почупайло О.Е. Интегральная оценка эффективности функционирования предприятий Республики Крым в сфере производства лекарственного растительного сырья // Российское предпринимательство. 2018. Т. 19. № 10. С. 3187–3200. DOI 10.18334/rp.19.10.39442.

А.В. Танина

ГОСУДАРСТВЕННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГОСТЕВЫХ ДОМОВ С УЧЕТОМ ТРЕБОВАНИЙ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ

Анна Валерьевна Танина – доцент кафедры управления социальными и экономическими процессами, Государственный институт экономики, финансов, права и технологий, кандидат экономических наук, доцент, г. Гатчина, e-mail: tanina13@mail.ru.

В статье рассматриваются особенности государственного регулирования гостевых домов с учетом требований устойчивого развития. На основании рассмотрения анализа действующего законодательства делается вывод о необходимости совершенствования классификации гостевых домов с учетом экологических, социальных и экономико-управленческих аспектов деятельности. Предлагается учитывать при разработке категориальных требований к классификации гостевых домов региональные особенности и вид туризма.

Ключевые слова: гостевые дома; классификация гостиниц; коллективные средства размещения; гостиничные услуги; устойчивое развитие; государственное регулирование; гостеприимство; устойчивый туризм.

A.V. Tanina

STATE REGULATION OF GUEST HOUSES ACTIVITIES CONSIDERING SUSTAINABLE DEVELOPMENT REQUIREMENTS

Anna Tanina – senior lecturer, the Department of Management of Social and Economic Processes, State Institute of Economics, Finance, Law and Technology, PhD in Economics, associate professor, Gatchina; e-mail: tanina13@mail.ru.

We look at the peculiar features of state regulation of guest houses, considering the requirements of sustainable development. On the basis of the analysis of the current legislation, the conclusion is made about the need to improve the classification of guest houses, considering environmental, social and economic-management aspects of their activity. We suggest considering regional peculiarities and type of tourism when developing category requirements for guest houses classification.

Keywords: guest houses; hotel classification; collective accommodation facilities; hotel services; sustainable development; government regulation; hospitality; sustainable tourism.

Государственное регулирование рынка гостиничных услуг осуществляется различными способами, но всегда должно отражать изменения в практике предпринимательства. Среди трендов последних лет можно выделить появление апартаментов как средства временного размещения туристов [13], безусловно, пандемию COVID-19 [11] и ориентацию на учет тре-

бований устойчивого развития при реализации проектов и функционировании объектов туристской индустрии и инфраструктуры [12; 14].

Классификация средств размещения достаточно давно применяется в практике гостеприимства. В настоящее время считается, что классификация организаций, предоставляющих услуги проживания,

помогает потребителям получить представление об уровне комфорта при выборе средства размещения, оценить соответствие ценовой политики организации гостеприимства ассортименту основных и дополнительных услуг. Кроме того, сравнительный анализ средств размещения одной классификационной категории помогает в выборе целевой аудитории и успешном позиционировании.

В РФ в период с 1 января 2021 г. до 31 декабря 2026 г. действует порядок классификации гостиниц и иных средств размещения, утвержденный Постановлением Правительства РФ в 2020 г. [7]. Данный приказ установил требования к гостиницам и другим объектам индустрии гостеприимства, причем в зависимости от вида средства размещения требования к КСР в целом и номерам меняются.

На рисунке показаны виды гостиниц (несмотря на то, что формально не все перечисленные средства размещения относятся именно к гостиницам, в Постановлении представлено именно так).

Для перечисленных на рисунке средств размещения прохождение клас-

сификации, проводимой специализированной организацией, стало обязательным, но по определенному графику – до 1 июля 2019 г. классификацию необходимо было пройти гостиницам, у которых номерной фонд составляет более 50 номеров, до 1 января 2020 г. – гостиницам с номерным фондом свыше 15 номеров, до 1 января 2021 г. – всем остальным организациям, предоставляющим гостиничные услуги [15].

Пандемия COVID-19 и организационные трудности привели к тому, что в апреле 2020 г. вышло Постановление Правительства, откладывающее обязательное прохождение классификации для организаций, предоставляющих гостиничные услуги с числом номеров не более 15, до 1 января 2022 г. [8].

Сами классификационные требования и процедура прохождения классификации вызвала много нареканий как у представителей индустрии гостеприимства (на уровне отдельных организаций и представителей общественных организаций отрасли), так и у региональных органов власти [17].

Виды гостиниц по Положению о классификации гостиниц

Источник: сост. автором по данным [15].

Нерешенным остался вопрос классификации гостевых домов. Существующие ограничения с 1 октября 2019 г. запрещают размещение организаций, оказывающих гостиничные услуги в жилых помещениях многоквартирных домов. Принятие запрета произошло из-за роста жалоб на некоторые хостелы, но под его действие попали и добросовестные организации, предоставляющие гостиничные услуги в малых форматах [5].

При этом согласно Жилищному кодексу «не допускается размещение в жилых помещениях... гостиниц», что делает невозможным предоставление гостиничных услуг и в рамках сельского туризма, когда туристы проживают в доме хозяина или специально выстроенном для туристов жилом доме [4].

Данная правовая коллизия привела к уходу «в тень» даже те организации, которые легально действовали на рынке гостиничных услуг в формате малых отелей, гостевых домов или хостелов. Большинство оставшихся в легальном правовом поле переоформляют свой бизнес, делая процесс сбора данных статистики для анализа турпотоков и деятельности по предоставлению гостиничных услуг некорректным. Некоторые владельцы гостевых домов получают штрафы за ведение незаконной деятельности из-за отсутствия правового статуса «гостевой дом». Проблема представляется весьма актуальной, т.к. по разным оценкам (связанным опять же с отсутствием официальной статистики) в РФ даже после пандемии насчитывается около 150 тыс. номеров в гостевых домах [1; 16].

В этой ситуации Минтуризма Республики Крым совместно с Санкт-Петербургом и Краснодарским, Алтайским, Ставропольским краями обратились с инициативой изменения федерального законодательства в части определения понятия «гостевой дом» [2].

Хотя еще в 2022 г. сообщалось о том, что законопроект, регулирующий деятельность гостевых домов, будет принят до конца года, по состоянию на июль 2023 г. существует проект федерального закона Российской Федерации «О внесении из-

менений в отдельные законодательные акты в целях введения регулирования деятельности гостевых домов», размещенный на федеральном портале проектов нормативных правовых актов. Законопроект был создан еще в апреле 2021 г. Ростуризм, заключение об оценке регулирующего воздействия было получено в ноябре 2021 г., на момент написания статьи законопроект до сих пор рассматривается в Правительстве РФ [9].

Под похожим названием (О внесении изменений в Федеральный закон «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» и отдельные законодательные акты в целях введения регулирования деятельности гостевых домов) на федеральном портале проектов нормативных правовых актов размещен проект нормативного правового акта, разработанный Минэкономразвития России в феврале 2023 г. На июль 2023 г. проект находится на этапе завершения независимой антикоррупционной экспертизы [10].

В связи с упразднением Ростуризма ожидается принятие второго законопроекта. В данном проекте дается определение гостевого дома как части или индивидуального жилого дома, где предоставляются услуги гостевого дома. В свою очередь определение услуг гостевого дома дается достаточно размыто как «комплекс услуг по предоставлению физическим лицам средства размещения в оборудованных для этого комнатах в индивидуальном жилом доме (части индивидуального жилого дома) и иных услуг, предусмотренных правилами предоставления услуг гостевого дома в РФ...» [10]. Такие правила должны быть утверждены Правительством РФ, но таких правил на данный момент нет.

Стоит отметить, что достаточно полное определение для гостевых домов в сельской местности содержалось в отменном «ГОСТ Р 56641-2015 Услуги малых средств размещения. Сельские гостевые дома. Общие требования»: «сельский гостевой дом: малое специализированное средство размещения (часто семейное), расположенные в сельской местности или в малых городах, предоставляющее гос-

тям услуги временного проживания, а также дополнительные услуги по организации досуга, питания, экскурсий и другие. К сельским гостевым домам могут относиться мини-гостиницы, агротуристские фермы, дома рыбака и охотника, заимки, бунгало и другие малые средства размещения» [3].

В ГОСТ содержались довольно подробные требования к сельским гостевым домам, начиная от требований к зональному разделению территории, интерьеру и техническому оснащению и заканчивая требованиями к основным и дополнительным услугам. Отдельно выделялись требования безопасности и требования к персоналу гостевого дома.

Логичным представляется разработка Правил предоставления услуг гостевого дома на основе рассмотренного ГОСТа с

учетом региональной специфики и вида отдыха (курортный гостевой дом, гостевой дом в сельской местности, гостевой дом на пешеходном маршруте и т.д.) с учетом актуальных требований устойчивого развития.

Для ориентира можно использовать «Методические рекомендации по внедрению механизмов и принципов устойчивого развития в индустрии гостеприимства и туризме в России» (далее – Методические рекомендации или МР) [6]. Сравним, насколько требования к гостевым домам в ГОСТ Р 56641-2015 соответствуют рекомендациям по устойчивому развитию в гостеприимстве в таблице.

В целом можно сказать, что отмененный ГОСТ содержал основу для перехода деятельности гостевых домов с учетом принципов устойчивого развития.

Возможные требования к гостевым домам с учетом принципов устойчивого развития

	Число аспектов в МР	Число совпадений в ГОСТ
Экологические аспекты		
Энергоэффективность и потребление энергоресурсов	5	
Минимизация выбросов загрязняющих веществ	4	1
Эффективное использование воды и водоотведение	5	
Система ответственного управления отходами	7	
Система экологически ответственных закупок	4	
Сохранение природных территорий, биоразнообразия, флоры и фауны	6	1
Реагирование на чрезвычайные ситуации в области экологии	3	1
Социальные аспекты		
Практики ответственного взаимодействия с местными сообществами	5	
Поддержка локальной занятости, предпринимательства и культуры	4	4
Ответственная политика в области найма и поддержание достойных условий труда	6	1
Обеспечение инклюзивности, равных условий доступа к объекту и инфраструктуре	5	2
Система социально ответственных закупок	4	
Вовлечение персонала в принятие управленческих решений	4	
Поддержка социальных, культурных и благотворительных инициатив	3	1
Экономико-управленческие аспекты		
Принципы устойчивого развития как инструмент обеспечения финансово-экономической эффективности	4	
Управление качеством услуг и клиентским опытом (впечатлениями) постояльцев	5	1
Практики экологически и социально ответственного (устойчивого) маркетинга	3	
Раскрытие информации и поддержание прозрачности	4	
Управление системой безопасного функционирования	3	2

Источник: сост. автором по данным [3; 6].

Наиболее соответствующими можно признать аспекты, касающиеся требований безопасности, инклюзивности и поддержки локальных организаций (прежде всего за счет рекомендаций по использованию туристского потенциала территории при предоставлении дополнительных услуг).

Несмотря на то, что классификация гостевых домов в планируемом к принятию законопроекте является добровольной, можно рекомендовать прохождение процедуры классификации для гостевых домов. Однако прохождение такой классификации в настоящее время невозможно и по причине отсутствия категорийных требований к гостевым домам. Базой для формирования таких требований могут служить ГОСТы и «Методические рекомендации по внедрению механизмов и принципов устойчивого развития в индустрии гостеприимства и туризме в России» с учетом особенностей региона и вида туризма.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Алексеев Д.* Отель без надзора: закон о гостевых домах могут принять уже зимой // МИЦ «Известия». URL: <https://iz.ru/1343313/dmitrii-alekseev/otel-bez-nadzora-zakon-o-gostevykh-domakh-mogut-priniat-uzhe-zimoi> (дата обращения: 08.07.2023).
2. *Вакуленко А.* В минтуризма Крыма назвали преимущества легализации гостевых домов // Интернет-портал «Российской газеты». URL: <https://rg.ru/2021/04/02/reg-ufv/v-minturizma-kryma-nazvali-preimushchestva-legalizacii-gostevykh-domov.html> (дата обращения: 08.07.2023).
3. ГОСТ Р 56641-2015 Услуги малых средств размещения. Сельские гостевые дома. Общие требования // Система нормативных документов МЕГАНОРМ. URL: <https://meganorm.ru/Index2/1/4293758/4293758961.htm> (дата обращения: 08.07.2023).
4. Жилищный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 N 188-ФЗ (ред. от 24.06.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.07.2023) // «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_51057/ (дата обращения: 08.07.2023).
5. Информация Федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека от 2 октября 2019 г. «Об осуществлении контроля за размещением хостелов в жилых многоквартирных домах» // Портал «ГАРАНТ.РУ». URL: <https://base.garant.ru/72809646/> (дата обращения: 08.07.2023).
6. Методические рекомендации по внедрению механизмов и принципов устойчивого развития в индустрии гостеприимства и туризме в России // Сайт экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. URL: https://www.econ.msu.ru/departments/esg/research/sustainable_tourism/ (дата обращения: 08.07.2023).
7. Постановление Правительства РФ от 18.11.2020 N 1860 (ред. от 26.12.2022) «Об утверждении Положения о классификации гостиниц» // «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_368948/ (дата обращения: 08.07.2023).
8. Постановление Правительства РФ от 03.04.2020 N 440 (ред. от 29.12.2021) «О продлении действия разрешений и иных особенностях в отношении разрешительной деятельности в 2020-2022 годах» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2022) // «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_349481/ (дата обращения: 08.07.2023).
9. Проект федерального закона Российской Федерации «О внесении изменений в отдельные законодательные акты в целях введения регулирования деятельности гостевых домов» // Федеральный портал проектов нормативных правовых актов. URL: <https://regulation.gov.ru/Regulation/Npa/PublicView?npaID=115012> (дата обращения: 08.07.2023).
10. Проект «О внесении изменений в Федеральный закон "Об основах туристской деятельности в Российской Федерации"» и отдельные законодательные акты в целях введения регулирования деятельности гостевых домов // Федеральный портал проектов нормативных правовых актов. URL: <https://regulation.gov.ru/Regulation/Npa/PublicView?npaID=136337#> (дата

обращения: 08.07.2023).

11. *Танина А.В.* Влияние COVID-2019 на спрос и предложение на рынке гостиничных услуг Российской Федерации // Актуальные проблемы науки и практики: Гатчинские чтения-2020: Сборник научных трудов по материалам VII Международной научно-практической конференции, Гатчина, 22 мая 2020 года. Том 1. Гатчина: Государственный институт экономики, финансов, права и технологий, 2020. С. 483-488. EDN ESNKZO.

12. *Танина А.В.* Государственно-частное партнерство в обеспечении устойчивого развития туризма // Интеллектуальная инженерная экономика и Индустрия 5.0 (ИНПРОМ): Сборник трудов VIII Международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 27–30 апреля 2023 года. Санкт-Петербург: ПОЛИТЕХ-ПРЕСС, 2023. С. 626-629. DOI 10.18720/IEP/2023.1/174. EDN TGZREN.

13. *Танина А.В.* Перспективы использования апартаментов для развития туризма в Санкт-Петербурге // Журнал правовых и экономических исследований. 2020. № 1. С. 94-97. DOI 10.26163/GIEF.2020.42.61.016. EDN NQQTZH.

14. *Танина А.В.* Формирование методической базы развития устойчивого туризма в РФ // Новеллы права, экономики и управления 2022: Материалы VIII Международной научно-практической конференции, Гатчина, 25 ноября 2022 года.

Том 1. Гатчина: Государственный институт экономики, финансов, права и технологий, 2023. С. 334-339. EDN WCAOSS.

15. Федеральный закон от 05.02.2018 № 16-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон "Об основах туристской деятельности в Российской Федерации" и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях в целях совершенствования правового регулирования предоставления гостиничных услуг и классификации объектов туристской индустрии» // «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_289770/ (дата обращения: 08.07.2023).

16. *Хамнаева Н.И.* Новые подходы к классификации гостевых домов / Н.И. Хамнаева, Б.Б. Батуева, М. Ринчинхорол // Устойчивое развитие технологии сервиса: теория и практика: МАТЕРИАЛЫ XI МЕЖДУНАРОДНОЙ СТУДЕНЧЕСКОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ, Улан-Удэ, 10–12 июня 2022 года. Улан-Удэ: Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления, 2022. С. 139-143. DOI 10.53980/9785907599086_139. EDN QIKWHG.

17. Шувалова М. Новый порядок классификации гостиниц – новые проблемы // Портал «ГАРАНТ.РУ» URL: [https://www.garant.ru/article/1449914/#:~:text=1 января вступило в силу,до 31 декабря 2026 года](https://www.garant.ru/article/1449914/#:~:text=1%20января%20вступило%20в%20силу,%20до%2031%20декабря%202026%20года) (дата обращения: 08.07.2023).

Т.В. Кириллова, А.Э. Федотова
ПРИМЕНЕНИЕ «ЗЕЛЕННЫХ» ТЕХНОЛОГИЙ
В СФЕРЕ ТОВАРНОГО ОБРАЩЕНИЯ

Татьяна Викторовна Кириллова – доцент Высшей школы сервиса и торговли Института промышленного менеджмента, экономики и торговли, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, кандидат экономических наук, доцент, г. Санкт-Петербург; **e-mail: kirillova_tan@rambler.ru**.
Ангелина Эдуардовна Федотова – менеджер коммерческого отдела, АО ТД «Перекресток», г. Санкт-Петербург; **e-mail: angel_f99@mail.ru**.

В статье исследуются принципы «зеленой» логистики применительно к сфере товарного обращения. Анализируется применение «зеленых» технологий на розничных торговых предприятиях, включая использование энергосберегающих технологий, переработку и повторное использование ресурсов, управление отходами и др. Сделан вывод о недостаточном уровне внедрения «зеленых» технологий на торговых предприятиях. Даны предложения по перспективному внедрению «зеленых» технологий в деятельность АО ТД «Перекресток».

Ключевые слова: «зеленая» логистика; «зеленые» технологии; энергоэффективность оборудования; розничная торговая сеть.

T.V. Kirillova, A.E. Fedotova
APPLICATION OF GREEN TECHNOLOGIES
IN COMMODITY CIRCULATION

Tatiana Kirillova – senior lecturer, the Higher School of Service and Trade, the Institute of Industrial Management, Economics and Trade, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, Doctor of Economics, associate professor, St. Petersburg; **e-mail: kirillova_tan@rambler.ru**.
Angelina Fedotova – manager, the Department of Commerce, TD Perekrestok, plc, St. Petersburg; **e-mail: angel_f99@mail.ru**.

We study the principles of green logistics in relation to the sphere of commodity circulation. The application of green technologies in retail is analyzed, including the use of energy-saving technologies, recycling and reuse of resources, waste management, etc. The conclusion is made about the insufficient level of green technologies implementation at trade enterprises. We make suggestions concerning the long-term introduction of green technologies into the activities of TD Perekrestok, plc.

Keywords: green logistics; green technologies; energy efficiency of equipment; retail chain.

«Зеленые» технологии активно проникают во все сферы деятельности человека. Такие технологии предназначены для охраны окружающей среды от вредного воздействия сферы производства, распределения и потребления [8]. Популярными примерами их использования в настоящее время являются внедрение энергосбере-

гающих технологий, переработка и повторное использование ресурсов, управление отходами и др. В современной научной литературе отсутствует единый подход к трактовке понятия «зеленая» логистика. Различные точки зрения ученых представлены в табл. 1.

Таким образом, понятие «зеленая» ло-

гистика определяется учеными и как новое научное направление [5], и как одна из подсистем логистики [11].

Во всех определениях присутствует акцент на экологические аспекты логистики.

Принципы «зеленой» логистики применительно к сфере товарного обращения можно сформулировать следующим образом:

- 1) экологически безопасная транспортировка и складирование товаров;
- 2) использование экологичной упаковки, т.е. многоразовой или пригодной

для переработки, или изготавливаемой из биоразлагаемых или компостируемых материалов, а также минимизация использования упаковки, не подлежащей вторичной переработке;

3) экологически безопасная утилизация отходов;

4) эффективная обратная логистика, в том числе повторное использование поддонов и контейнеров;

5) экологическая ответственность персонала;

6) экологическое просвещение потребителей.

Таблица 1

Определение понятия «зеленая» логистика

Автор	Определение
Казим А., Кабертай Д. [5]	Новое научное направление, предполагающее применение прогрессивных технологий логистики и современного оборудования с целью минимизации загрязнений и увеличения эффективности использования логистических ресурсов. С точки зрения бизнеса, методы зеленой логистики в основном включают: управление системой транспортировки (объединенные перевозки, 3PL-логистика), управление процессом упаковки (с целью уменьшить воздействие упаковочных материалов на окружающую среду), организацию «зеленых» коммуникаций и производства, управление складским хозяйством и отходами.
Григорак М.Ю., Варенко Ю.В. [2]	Система мер, предусматривающая использование энерго- и ресурсосберегающих логистических технологий, и современного оборудования на всех звеньях цепочки поставок товаров с целью минимизации негативного воздействия на окружающую среду и повышения общей потребительской ценности продукции.
Скоробогатова Т.Н. [4]	Формирование экологической подсистемы, отвечающей за размещение и утилизацию отходов, и функционирующую наряду с транспортной, складской, производственной и другими логистическими подсистемами предприятия.

Таблица 2

Характеристика принципов «зеленой» логистики

Принцип зеленой логистики	Описание, характеристика
Экологически безопасная транспортировка и складирование товаров	Использование электрического транспорта и складского оборудования без выхлопных газов.
Экологичная упаковка	Использование многоразовой или пригодной для переработки упаковки, или изготавливаемой из биоразлагаемых или компостируемых материалов, а также минимизация использования упаковки, не подлежащей вторичной переработке [10].
Экологически безопасная утилизация отходов	Глубокая переработка используемых ресурсов. В настоящее время сортировке и переработке подвергается менее 10% отходов: в РФ имеется 10 перерабатывающих заводов, 37 мусоросортировочных комплексов и 8 мусоросжигательных предприятий [3].
Эффективная обратная логистика	Основана на эффективном управлении обратными материальными потоками, а также информационными потоками от точки потребления до точки происхождения для возвращения ценности или утилизации [9].
Экологическая ответственность персонала	Поведение, направленное на предотвращение негативного воздействия на окружающую среду при выполнении профессиональных обязанностей [1;7].
Экологическое просвещение потребителей	Популяризация использования многоразовых пакетов (шопперов) вместо одноразовых, использование фруктов вместо полиэтиленовых пакетов, многоразовых бутылок вместо одноразовых, экологичная утилизация отходов.

Источник: сост. авторами.

Применение «зеленых» технологий достаточно затратно для торговых предприятий, поэтому такие технологии внедряются либо в добровольном порядке крупными компаниями, либо в административном порядке предприятиями малого и среднего бизнеса.

Крупные розничные торговые сети, в частности розничная торговая сеть «Перекресток» добровольно применяет «зеленые» технологии в своей деятельности. Например, компания использует энергоэкономное освещение, устанавливает системы контроля и управления климатическими условиями в магазине, а также использует технологии для уменьшения пластиковых отходов и многое другое.

В качестве рекомендаций по дальнейшему внедрению «зеленых» технологий можно предложить следующее.

1. Использование озонобезопасных хладагентов R290 (пропан) и CO₂ (углекислый газ), которые имеют низкое воздействие на окружающую среду. Пропан (R290) является одним из наиболее распространенных озонобезопасных хладагентов для использования в холодильных установках торгового оборудования. Он имеет низкую потенциальную опасность для изменения климата и высокую энергоэффективность, что делает его незаменимым для эксплуатации. Углекислый газ (CO₂) также является безопасным для окружающей среды, не грозит озоновому слою и не несет потенциальной опасности для изменения климата. Однако углекислый газ является менее энергоэффективным, чем некоторые другие хладагенты, что может привести к увеличению расходов на электроэнергию [13].

Преимуществами данной «зеленой» технологии являются следующие:

- низкие инвестиционные затраты, связанные с отсутствием полной замены оборудования. Достаточно заменить только двери холодильного оборудования;
- улучшение внешнего вида оборудования, что привлекает дополнительных покупателей;
- возможность использования энергосберегающих дверей в любой из холодильных витрин;

– энергоэффективность составляет около 55%;

– применение данных хладагентов помогает заботиться об окружающей среде.

Таким образом, использование озонобезопасных хладагентов R290 и CO₂ в торговом оборудовании является экологически безопасным и энергоэффективным решением.

2. Использование энергоэффективных вентиляторов обдува для охлаждения мясных и молочных продуктов, фруктов и овощей, кондитерских изделий. Они потребляют до 50% меньше энергии, чем традиционные вентиляторы. Энергоэффективные вентиляторы оснащены моторами переменного тока, что значительно снижает потребление энергии. Кроме того, они оборудованы системами управления, которые регулируют скорость вращения лопастей вентилятора в зависимости от тепловыделения продуктов. Опция использования энергоэффективных вентиляторов обдува доступна для многих видов торгового оборудования, например, витрины охлаждения, морозильные камеры и кондиционеры. Их применение снизит расходы на электроэнергию и повысит экологичность производства [14].

Преимущества энергоэффективных вентиляторов обдува:

- комбинированный профиль с идеальными параметрами;
- оптимальные условия хранения для каждого продукта;
- использование инертного газа в изоляционном стекле оборудования;
- закаленное стекло, выдерживающее температуру -20°C;
- надежное 2-х камерное стекло.

3. Использование конопли в качестве изоляционного материала. Этот экологически чистый материал выращивается без использования химических удобрений и пестицидов. Конопля обладает хорошими термоизоляционными и звукоизоляционными свойствами, не горюча и не выделяет токсичных газов при горении. Конопля отличается высокой устойчивостью к влаге [15].

Преимущества конопли в качестве изоляционного материала:

- натуральный утеплитель;

- замена широко используемому пенополиуретану;
- конопля полностью биоразлагаема;
- отличные теплоизоляционные свойства;
- не содержит токсичных веществ.

4. Использование в торговом оборудовании инверторных компрессоров, которые более эффективны и экономичны, чем традиционные компрессоры [4].

Преимущества инверторных компрессоров:

- экономия электроэнергии за счет регулирования скорости вращения в зависимости от потребности холодильного оборудования;
- улучшенная температурная стабильность – инверторные компрессоры обеспечивают более точный контроль температуры внутри холодильных камер, что позволяет сохранять качество продуктов дольше;
- уменьшение уровня шума;
- большой ресурс службы – они имеют более длительный срок службы, что снижает затраты на обслуживание и ремонт оборудования;
- удобное управление – ими можно управлять с помощью специальных программных настроек, что позволяет настроить работу оборудования для максимальной эффективности и минимального потребления электроэнергии.

5. Использование электрических погрузчиков на складе торгового предприятия. Электрические погрузчики являются одним из наиболее популярных видов механизации на складах [12]. Они широко используются для перемещения и загрузки товаров на складе и имеют ряд преимуществ перед бензиновыми или дизельными вариантами [6].

Преимущества электрических погрузчиков:

- экологически чистые – в отличие от бензиновых и дизельных погрузчиков, электрические приводятся в движение электрической энергией, что не создает вредных выбросов в атмосферу;
- менее шумные – электрические погрузчики не создают такого шума, как бензиновые и дизельные, что обеспечивает

более комфортные условия работы на складе;

- экономичные – использование электрических погрузчиков на складе позволяет снизить расходы на топливо и обслуживание благодаря тому, что они потребляют меньше энергии;
- простота эксплуатации – электрические погрузчики требуют меньше технического обслуживания, чем бензиновые и дизельные, что упрощает их эксплуатацию и увеличивает надежность.

С использованием электрических погрузчиков на складе можно добиться более эффективного использования площадей склада, сократить затраты на топливо и обслуживание и обеспечить безопасность работников в помещении.

Рассчитаем экономическую эффективность от внедрения предложенных технологий в деятельность АО «ТД «Перекресток». В табл. 3 приведены затраты на установку инверторных компрессоров на холодильное оборудование одного из супермаркетов розничной торговой сети «Перекресток».

Рассчитаем экономию электроэнергии после установки инверторных компрессоров (табл. 4). Стоимость электроэнергии на единицу оборудования в год с компрессором составляет 512300 руб. В основном в супермаркете используется габаритное холодильное оборудование, мощность которого в среднем составляет 10180 Вт. Стоимость электроэнергии для юридических лиц равна 7,27 руб./кВт·ч, время работы оборудования – 24 часа в сутки, тем самым расход электроэнергии в год составит 89176,8 кВт·ч и стоимость электроэнергии в год – 648 316 руб.

Таким образом, затраты на установку инверторных компрессоров, составляющие 3 900 207 руб., окупятся в течение 9,6 месяцев.

Для того, чтобы рассчитать затраты на внедрение электрических погрузчиков на складе, то необходимо учесть следующие факторы: стоимость покупки электрических погрузчиков (их цена может варьироваться от модели и производителя); стоимость зарядных устройств (для зарядки электрических погрузчиков необходимо

приобрести зарядные устройства); расходы на обслуживание (электрические погрузчики требуют периодического обслуживания, замены деталей и ремонта).

В табл. 5 представлен сравнительный анализ затрат на приобретение и обслуживание электрического погрузчика JAC CPD(S) (mini) и бензинового погрузчика JAC CPQD (EURO).

На основе проведенных в табл. 5 расчетов, можно сделать вывод, что внедрение электрических погрузчиков на склад торгового предприятия является эффективным решением, т.к. затраты на приобретение и обслуживание такого погрузчика значительно ниже, чем затраты на приобретение и обслуживание бензинового погрузчика. Кроме того, электрические погрузчики являются экологически чистыми и оказывают меньший вред окружающей среде.

Таким образом, установка на холодильное оборудование супермаркета розничной торговой сети «Перекресток» инверторных компрессоров позволит не только сократить затраты на электроэнергию, но и улучшить температурную стабильность внутри холодильников и снизить уровень шума. Замена бензиновых погрузчиков на электрические помимо экономии на приобретение и обслуживание позволит реализовать принципы «зеленой» логистики, связанные с отсутствием выбросов выхлопных газов двигателей внутреннего сгорания в окружающую среду.

В настоящее время внедрение «зеленых» технологий в сферу товарного обращения и использование современного оборудования на всех звеньях цепочки поставок товаров позволит минимизировать негативное воздействие на окружающую среду.

Таблица 3

Расчет затрат на внедрение мероприятия

Затраты	На единицу оборудования, руб.	На все оборудование супермаркета, руб.
Стоимость компрессора	96 911	3 585 707
Установка	8 500	314 500
Итого, руб.	105 411	3 900 207

Источник: сост. авторами.

Таблица 4

Расчет экономии после установки инверторных компрессоров

Стоимость электроэнергии	На единицу оборудования, руб. в год	На все оборудование супермаркета, руб. в год
Без компрессора	648 316	23 987 668
С компрессором	512 300	18 955 100
Экономия электроэнергии	136 016	5 032 558

Источник: сост. авторами.

Таблица 5

Сравнительный анализ затрат на приобретение и обслуживание электрического погрузчика и бензинового погрузчика

Анализируемый фактор	Электрический погрузчик	Бензиновый погрузчик
Покупка оборудования	1 776 000 руб.	3 000 000 руб.
Покупка зарядных устройств	78 000 руб.	-
Обслуживание	512 400 руб.	670 800 руб.
Покупка топлива	-	2 542 140 руб.
ИТОГО	2 366 400 руб.	6 212 940 руб.

Источник: сост. авторами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Корчагина Е.В., А.С. Сергеева. «Зеленые» технологии в транспортной логистике: опыт российских компаний // Вестник образования и науки Российской академии наук, 2019, № 23(3), с. 9-13.
2. Кабертай Д., Кизим А. Современные тренды «зеленой» логистики в условиях глобализации // Логистика. 2013. № 1 (74). С. 46-50.
3. Григорак М.Ю., Варенко Ю.В. Принципы «зеленой» логистики в деятельности логистических провайдеров // Математическое моделирование, оптимизация и информационные технологии. Материалы 4-й международной конференции. 2014.
4. Скоробогатова Т.Н. Конкурентоспособность сферы услуг в аспекте экологической логистики // Культура народов Причерноморья. 2001. Т. 2, № 18. С. 153–161.
5. Суворова С.Д., Луканченкова М.О. Влияние «eco-friendly» тенденций на поведение потребителей // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. 2020. № 8 (50). С. 98-103.
6. Зеленый курс. URL: <https://www.reo.ru/green-course> (дата обращения: 06.05.2023).
7. Осинцев Н.А., Рахмангулов А.Н., Багинова В.В. Инновации в области зелёной логистики // Мир транспорта, т. 16, № 2, С. 196–211 (2018).
8. Арзамасова Г.С., Эсаулова И.А. Экологическая ответственность персонала: эмпирический анализ и типология // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2022, № 6, т. 15, с. 232-240.
9. Корчагина Е.В. Роль корпоративной культуры в обеспечении эффективного управления и перехода к устойчивому развитию компании // Проблемы современной экономики. 2009. № 1(29). С. 255-259.
10. Application of R290 in Commercial Refrigerator // RROCOOL. URL: <https://procoolmfg.com/application-of-r290-in-commercial-refrigerator/> (дата обращения: 05.05.2023).
11. Improving the energy efficiency of low-pressure blowers // Machine Design. URL: <https://www.machinedesign.com/archive/article/21829557/improving-the-energy-efficiency-of-lowpressure-blowers> (дата обращения: 06.05.23).
12. Traditional and New Applications of Hemp // SpringerLink. URL: https://link.springer.com/chapter/10.1007/978-3-030-41384-2_2 (дата обращения: 06.05.2023).
13. Инверторные компрессоры // «СитиХолод». URL: <https://www.citiholod.ru/holodilnoe-oborudovanie/kompressory/danfoss> (дата обращения: 15.04.2023).
14. Электрический погрузчик // TOP CARA. URL: <https://top-cara.ru/pogruzchiki/elektricheskie-pogruzchiki/109/> (дата обращения: 17.05.2023).
15. Кириллова Т.В., Крутякова А.С. Особенности лизинга оборудования для предприятий торговли // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Экономика и право. 2016. № 4. С. 28-31.

Э.Ч. Цыденова, А.П. Батудаев, Б.С. Цыдыпов **ФАКТОРНЫЙ АНАЛИЗ ПРОИЗВОДСТВА ЗЕРНА** **В РЕСПУБЛИКЕ БУРЯТИЯ**

Эржэна Чингисовна Цыденова – доцент кафедры бухгалтерского учета и статистики, Государственный институт экономики, финансов, права и технологий, кандидат экономических наук, доцент, г. Гатчина; **e-mail: erpun08@mail.ru.**

Антон Прокопьевич Батудаев – профессор кафедры общего земледелия, БГСХА им. В.Р. Филиппова, доктор сельскохозяйственных наук, профессор, г. Улан-Удэ; **e-mail: batudaev49@mail.ru.**

Булат Содномович Цыдыпов – старший преподаватель кафедры общего земледелия, БГСХА им. В.Р. Филиппова, г. Улан-Удэ; **e-mail: tsydyrov93@gmail.com.**

Значительный удельный вес в производстве продукции растениеводства в Республике Бурятия занимает зерно. В регионе на протяжении ряда лет отмечается рост показателей урожайности и валового сбора зерновых культур. В статье представлен факторный анализ валового сбора зерна, позволяющий выявить и оценить влияние разных факторов на его уровень. В заключении авторы раскрывают перспективы развития зерновой отрасли республики.

Ключевые слова: зерновое производство; валовый сбор; корреляционно-регрессионный анализ; детерминированный факторный анализ.

E.Ch. Tsydenova, A.P. Batydaev, B.S. Tsydynov **FACTOR ANALYSIS OF GRAIN PRODUCTION** **IN REPUBLIC OF BURYATIA**

Ergena Tsydenova – senior lecturer, the Department of Accounting and Statistics, State Institute of Economics, Finance, Law and Technology, PhD in Economics, associate professor, Gatchina; **e-mail: erpun08@mail.ru.**

Anton Batudaev – professor, the Department of General Farming, V.Philippov Buryat State Agriculture Academy, Doctor of Agriculture, professor, Ulan-Ude; **e-mail: batudaev49@mail.ru.**

Bulat Tsydyrov – senior teacher, the Department of General Farming, V.Philippov Buryat State Agriculture Academy, Ulan-Ude; **e-mail: tsydyrov93@gmail.com.**

Grain production dominates the crop production in the Republic of Buryatia. The region has seen the growth in the grain yield and gross harvest for several years. We introduce a factor analysis of gross harvest enabling to reveal and assess the impact of various factors on its level. In conclusion we describe the prospects of developing grain production in the republic.

Keywords: grain production; gross harvest; correlation-regression analysis; determinant factor analysis.

Введение. В современных экономических реалиях особую актуальность приобретает вопрос продовольственной безопасности страны, который является одним из элементов национальной безопасности. Продовольственная безопасность призвана обеспечить людей безопасной пищей в любой момент времени и в достаточном

объеме. Как отмечают некоторые специалисты, продовольственная безопасность в России в первую очередь определяется уровнем производства зерна на душу населения. В зерне содержится много жизненно необходимых человеку веществ, а именно сложные углеводы, белки, ферменты, зольные вещества и витамины.

Проводимые зарубежными учеными Хонгю Ву, Аллан Дж. Флинт, Цибинь Ци и др. исследования доказали, что цельнозерновые культуры увеличивают продолжительность жизни человека, снижают риск возникновения сердечнососудистых заболеваний [6].

Значительное отрицательное влияние на зерновой рынок как мировой, так и отечественный оказали последствия пандемии новой коронавирусной инфекции, а также экономические санкции. Введенные ограничения из-за специальной военной операции способствовали нарушению транспортно-логистических связей, снижению мировых цен на зерно, и в итоге отрицательно воздействовали на продовольственную безопасность.

Одной из основных задач развития зернового производства является определение факторов, обеспечивающих увеличение его валового сбора.

Цель проводимого исследования заключается в выявлении факторов и изучении их влияния на производство зерна в Республике Бурятия.

Материалы и методы исследования. Работа проводилась по статистическим данным сельского хозяйства Республики Бурятия за период 2017–2021 гг. В исследовании использовались общелогические (анализ, синтез, обобщение, моделирование и т.д.) и общенаучные методы.

Результаты и их обсуждение.

В табл. 1 представлены основные показатели зернового производства Республики Бурятия.

Во всех категориях хозяйств республики удельный вес валового сбора зерна среди продуктов растениеводства в 2021 г.

составил 16,04% (или 122,3 тыс. т). Валовой сбор зерна за анализируемый период стабильно растет: так, в 2021 г. по сравнению с предыдущим годом он вырос на 36,8%. Одним из экстенсивных факторов, оказывающих воздействие на объем валового сбора зерна, является посевная площадь. В среднем за год посевная площадь зерновых и зернобобовых культур во всех категориях хозяйств снизилась на 2%. Урожайность зерновых культур в 2021 г. по сравнению с 2020 г. увеличилась на 28,08%.

Развитие зернового производства Республики Бурятия зависит от следующих факторов:

- *Природно-климатических.* На качество зерна влияют температура воздуха, свет, состав почвы и ее влажность. Республика Бурятия территориально относится к зоне рискованного земледелия. Характеризуется резко континентальным климатом. Зима обычно холодная, ветреная и с малым количеством осадков снега. Лето в регионе жаркое, короткое и засушливое. Поздние весенние заморозки удерживаются до конца мая, в некоторых местностях – до конца первой декады июня. Снежный покров обычно сходит во второй половине марта и начале апреля. Осень в Бурятии продолжительная, прохладная и сухая. Во второй половине октября или в начале ноября устанавливается снежный покров. Почва представляет собой мучнисто-карбонатный чернозем, имеет низкое естественное плодородие, наблюдается дефицит влаги. Удобрения, в т.ч. минеральные, положительно влияют на свойства почвы и, следовательно, на урожай зерновых культур.

Таблица 1

Основные показатели зернового производства в Республике Бурятия

Показатель	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.	Темп роста, % 2021 г. к	
						2017 г.	2020 г.
Посевная площадь зерновых и зернобобовых культур, тыс. га*	71,7	61,3	62,2	61,4	66,1	92,19	107,65
Валовый сбор зерна в весе после доработки, тыс. т*	39,2	72,0	86,5	89,4	122,3	311,99	136,80
Урожайность зерновых и зернобобовых с уборной площади, ц/га*	9,2	12,6	14,1	14,6	18,7	203,26	128,08

* во всех категориях хозяйств.

Источник: сост. авторами.

Рис. 1. Количество внесенных сельскохозяйственными организациями минеральных удобрений (в пересчете на 100% питательных веществ) на 1 га посевной площади зерновых и зернобобовых культур (без кукурузы), кг

У сельхозтоваропроизводителей республики не хватает финансовых ресурсов для их приобретения в достаточном объеме. Из рис. 1 видно, что количество внесенных минеральных удобрений на 1 га посевной площади снижается; так, в 2021 г. по сравнению с 2017 г. снизилось на 8,24% и составило 7,8 кг/га, а по отношению к 2020 г. – на 18,75% соответственно.

Природно-климатические условия в Бурятии позволяют выращивать яровую пшеницу и отрицательно воздействуют на качество зерна и на его цену. Россия является мировым лидером экспорта зерна, но при этом отечественная пшеница мало представлена в качественном сегменте мирового зернового рынка. Российские производители пива и хлебобулочных изделий также жалуются на плохие характеристики сырья [1; 2; 4; 5].

- *Селекционных.* Результаты селекционных работ повышают показатели качества и технологические свойства зерновой продукции, что способствует росту экономической эффективности деятельности сельхозтоваропроизводителей. Из-за проводимых в последнее время реформ научные учреждения, занимающиеся вопросами селекции, стали терять специалистов и свои опытные хозяйства, а значит, и поля. Селекция без необходимых кадров и практических опытов не может полноценно существовать. В Республике Бурятия особо остро стоит проблема утраты региональных селекционных сортов пшеницы [2].

- *Организационно-экономических.* В республике имеются существенные проб-

лемы с инфраструктурой и логистикой. Она изношена и не отвечает современным требованиям логистического обеспечения. Это приводит к росту доли транспортных затрат в конечной цене на зерновую продукцию. Кроме того, в регионе нет глубокой переработки зерна, позволяющей получать различную продукцию с высокой добавочной стоимостью и адаптировать объемы ее производства к текущим потребностям рынка. В Бурятии, как и в целом по стране, наблюдаются большая закредитованность сельхозтоваропроизводителей, диспаритет цен на зерно и продукцию промышленности, низкая финансовая возможность модернизации объектов основных средств, различные технические, и политические барьеры.

Для выявления важнейших факторных показателей и количественной оценки степени их влияния на результативный показатель, а также определения формы и тесноты связи между ними можно использовать метод многофакторного (множественного) корреляционно-регрессионного анализа.

Факторами первого порядка, влияющими на валовый сбор зерна, являются посевная площадь (фактически убранная площадь) и урожайность.

Наиболее простыми для анализа и интерпретации являются многофакторные линейные модели, содержащие независимые переменные в первой степени:

$$\bar{y}_x = a_0 + a_1x_1 + a_2x_2 + \dots + a_kx_k,$$

где a_0 – свободный член;

a_1, a_2, \dots, a_k – коэффициенты регрессии;

y – валовый сбор зерна (в весе доработки), тыс. т;

x_1 – посевная площадь, га;

x_2 – урожайность, ц/га.

Для того, чтобы выявить уровень зависимости результативного и факторных показателей, необходимо рассчитать множественный коэффициент корреляции.

Корреляционный анализ осуществлялся по исходным данным, представленным в табл. 2 с использованием надстройки «Пакет анализа» (инструмент «Корреляция») программы для работы с электронными таблицами Microsoft Excel. С ее помощью была построена корреляционная матрица (рис. 2).

Коэффициенты корреляции по диагонали все равны 1, поскольку каждая переменная идеально коррелирует сама с собой. Данные ячейки для интерпретации игнорируются. Коэффициент корреляции валового сбора и урожайности составил 0,99, следовательно, связь между ними прямая (с ростом урожайности увеличивается валовый сбор), очень высокая. Коэффициент корреляции между валовым сбором и посевной площадью равен -0,46, связь обратная (с ростом посевной площади валовый сбор снижается), умеренная, коэффициент корреляции между посевной площадью и урожайностью – 0,57), связь обратная, средняя (умеренная).

Регрессионный анализ проводился с применением надстройки «Пакет анализа» (инструмент «Регрессия») программного продукта Microsoft Excel.

Результаты анализа представлены на рис. 3.

Множественный R (коэффициент корреляции) свидетельствует о том, что связь

между результативным показателем и факторными функциональная. Коэффициент детерминации (R-квадрат) характеризует качество модели. В нашем случае 99,9% вариаций валового сбора зерна могут быть объяснены размером посевной площади и урожайности. В соответствии с показателем «Стандартная ошибка» изучаемые значения могут отклоняться от линии регрессии в среднем на 1,148156 единиц. Значимость F 0,000726 меньше, чем 0,005, следовательно, переменные «посевная площадь» и «урожайность» вместе имеют статистически значимую зависимость с валовым сбором. Оценочное уравнение регрессии будет выглядеть следующим образом:

$$Y_x = -7,03 - 0,45x_1 + 8,51x_2.$$

Коэффициенты множественной регрессии показывают, что при увеличении посевной площади на 1 га валовый сбор зерновых культур в среднем сократится на 0,45 тыс. т, а при увеличении урожайности на 1 ц/га валовый сбор вырастет на 8,51 тыс. т. Используя полученное уравнение регрессии, можно спрогнозировать ожидаемый валовый сбор зерна или оптимизировать его.

Далее оценим степень влияния факторных показателей на результативный способ цепных подстановок детерминированного факторного анализа. Детерминированная факторная модель валового сбора зерна будет иметь следующий вид:

$$BC = (S_n - S_r) * Y,$$

где S_n – посевная площадь, га;

S_r – площадь, где посеы погибли, га;

Y – урожайность, ц/га.

В табл. 3 приведены результаты анализа.

Таблица 2

Исходные данные (в хозяйствах всех категорий)

Годы	Валовый сбор (в весе после доработки), тыс. т	Посевная площадь, га	Урожайность (в весе после доработки), ц/га
2017	39,20	71700,00	5,47
2018	72,00	61300,00	11,75
2019	86,50	62200,00	13,91
2020	89,40	61400,00	14,56
2021	122,30	66100,00	18,50

Источник: сост. авторами.

	валовый сбор, тыс.т.	посевная площадь, га	урожайность, ц/га
валовый сбор (в весе после доработки), тыс.т.	1		
посевная площадь, га	-0,46	1	
урожайность, ц/га	0,99	-0,57	1

Рис. 2. Корреляционная матрица

Регрессионная статистика	
Множественный R	0,999637
R-квадрат	0,999274
Нормированный R-квадрат	0,998548
Стандартная ошибка	1,148156
Наблюдения	5

Дисперсионный анализ					
	df	SS	MS	F	Значимость F
Регрессия	2	3628,231	1814,116	1376,141	0,000726
Остаток	2	2,636526	1,318263		
Итого	4	3630,868			

	Коэффициенты	Стандартная ошибка	t-статистика	P-Значение	Нижние 95%	Верхние 95%	Нижние 95,0%	Верхние 95,0%
Y-пересечение	-7,02834	10,35711	-0,6786	0,567384	-51,5914	37,5347	-51,5914	37,5347
Переменная X 1	-0,44665	0,140555	-3,17778	0,086388	-1,05142	0,158107	-1,05142	0,158107
Переменная X 2	8,506893	0,182197	46,69066	0,000458	7,722963	9,290823	7,722963	9,290823

Рис. 3. Результаты регрессионного анализа

Таблица 3

Факторный анализ валового сбора зерна (в хозяйствах всех категорий)

Показатель	2020 г.	2021 г.	Абсолютное отклонение (+;-)	Изменение
Валовый сбор (в весе после доработки), тыс.т.	89,40	122,30	32,9	$\Delta BC = 32,9 \text{ тыс. т}$
Посевная площадь, га	61400,00	66100,00	4700	$\Delta BC_{Sn} = 68621,8 \text{ ц.}$
Убранная площадь, га	61233,00	65401,00	4168	$\Delta BC_{S_2} = -7763,4 \text{ ц}$
Урожайность с 1 га убранный площади, ц/га	14,6	18,7	4,1	$\Delta BC_y = 268145,4 \text{ ц}$

Источник: сост. авторами.

За период с 2020 г. по 2021 г. из-за увеличения посевной площади на 4700 га валовый сбор зерна вырос на 68261,8 ц (6,83 тыс. т). Вследствие роста площади гибели посевов на 532 га валовый сбор зерна сократился на 7763,4 ц (0,78 тыс. т).

Урожайность зерновых культур выросла за анализируемый период на 4,1 ц/га, и это привело к увеличению валового сбора зерна в 2021 г. по сравнению с предыдущим периодом на 268145,4 ц

(26,82 тыс. т). Наибольшее влияние на изменение валового сбора зерна оказал такой интенсивный фактор, как урожайность. Стоит обратить внимание, что рост площади гибели посевов отрицательно повлиял на валовый сбор зерна. Необходимо предпринять меры по активному внедрению агротехнических мероприятий.

Зерновое производство зависит и от технической оснащенности сельскохозяйственных товаропроизводителей.

Результаты расчетов определения обеспеченности тракторами и зерноуборочными комбайнами сельскохозяйственных организаций Республики Бурятия в 2021 г., проведенной в соответствии с Методикой использования условных коэффициентов перевода тракторов, зерноуборочных и кормоуборочных комбайнов в эталонные единицы при определении нормативов их потребности, утв. Министерством сельского хозяйства РФ 2 июля 2009 г. отражены на рис. 4 и 5.

Итак, в 2021 г. только на 8,19% были оснащены в эталонных единицах тракторами сельскохозяйственные организации Республики Бурятия.

Из рис. 5 видно, что сельскохозяйственные организации региона лишь на 25,6% обеспечены в эталонных единицах зерноуборочными комбайнами. Проведенное исследование показало, что оснащенность сельскохозяйственных предприятий Республики Бурятия тракторами, зерноуборочными комбайнами катастрофическая и существенно ниже нормативов.

Человеческий капитал является одним из основных ресурсов хозяйствующего субъекта, его знания, навыки, профессионализм, интеллект, физическое и ментальное состояние используются для достижения эффективной деятельности организации.

Суммарный норматив в парке на гусеничные и колесные тракторы, шт/1000 га - 11,9
Число тракторов (физических), шт – 300
Средний условный коэффициент K_y – 1,29
Число тракторов в эталонных единицах – 387
Технологическая потребность в эталонных тракторах на всю площадь пашни, шт. – 4723,5
Отличие фактического парка (в эт.ед.) от технологически требуемого (в эт. ед.), (+;-) – 4336,5
Отклонение фактического парка (в физ. ед.) от технологически требуемого, шт. – 3361,63
Оценка фактической оснащенности тракторного парка сельскохозяйственных организаций, % – 8,19

Рис. 4. Фактическое состояние парка тракторов сельскохозяйственных организаций Республики Бурятия в эталонных тракторах ТЭ-100 на площадь пашни (352,5 тыс. га)

Количество зерноуборочных комбайнов, шт. – 300
Количество комбайнов в эталонных единицах – 104,4
Норматив потребности в зерноуборочных комбайнах (эталонный комбайн «Нива-Эффект»), эталон. ед. – 408,04
Отличие фактического парка (в эт.ед.) от технологически требуемого (в эт. ед.), (+;-) –303,64
Оценка фактической оснащенности зерноуборочными комбайнами сельскохозяйственных организаций, % – 25,6

Рис. 5. Фактическое состояние парка зерноуборочных комбайнов сельскохозяйственных организаций Республики Бурятия на посевную площадь 44,4 тыс. га

Рис. 6. Динамика среднегодовой численности занятых в сельском хозяйстве

На рис. 6 можем наблюдать отрицательную динамику среднегодовой численности работников, занятых в сельском, лесном хозяйстве, охоте, рыболовстве и рыбноводстве. Это тенденция, которая будет, возможно, и дальше расти и оказывать негативное влияние на развитие зернового производства, а также в целом сельскохозяйственных территорий.

Заключение. Республика Бурятия относится к зоне рискованного земледелия, но при этом обладает большими перспективами в развитии зернового производства. У нее есть огромный экспортный потенциал, связанный с территориальным расположением в непосредственной близости с такими странами, как Монголия (далее – МНР) и Китай (далее – КНР). Можно реализовывать продукцию растениеводства, а также селекционные сорта зерна, созданные в Бурятии, в Монголию и северную часть КНР, т.к. по природно-климатическим условиям данные страны схожи с республикой. В ходе исследования были установлены факторы, оказывающие весомое влияние на объем производства зерновой продукции. Определена количественно теснота связи между результативным и факторными показателями первого порядка. С помощью детерминированного факторного анализа оценена степень воздействия разных факторов на результативный показатель. В Бурятии наблюдается нехватка современной логистической инфраструктуры, удобрений, материально-технического обеспечения, селекционных семян, человеческих ресурсов и низкая инновационная активность. В последнее время государство старается активно внедрять во все отрасли производства цифровые технологии. Но при сложившихся

тяжелых условиях материально-технического и финансового обеспечения сельского хозяйства становится затруднительным это практически реализовать и в дальнейшем развивать. Особый интерес вызывает система точного земледелия, позволяющая управлять агротехническими операциями и продуктивностью почв с учетом особенностей каждого участка поля. Зерновая отрасль региона нуждается в развитии селекции, создании предприятия глубокой переработки зерна, которая даст возможность регулировать производственный процесс согласно потребностям рынка и тем самым повысить экономическую эффективность. Производителям зерновой продукции необходимы инвестиции как от частных лиц, так и государственная поддержка, т.к. их собственные возможности по привлечению финансовых средств ограничены.

ЛИТЕРАТУРА

1. Батудаев А.П., Цыдыпов Б.С. Агротехнические приемы и их влияние на урожайность и качество зерна яровой пшеницы // Вестник Бурятской государственной сельскохозяйственной академии им. В.Р. Филиппова. 2019. № 1(54). С. 6–13. EDN ZARESD.
2. Тараруев В. Аграрии Бурятии яростно спорили о состоянии селекции сельхозкультур // МКРУ Улан-Удэ. URL: <https://ulan.mk.ru/social/2022/01/20/agrarii-buryatii-yarostno-sporili-o-sostoyanii-selekcii-selkhozkultur.html> (дата обращения: 13.03.2023).
3. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Бурятия. URL: <https://burstat.gks.ru> (дата обращения: 13.03.2023).

15.03.2023).

4. *Узбекова А.* Хлебопеки в России жалуются на низкое качество зерна // АГРО XXI – агропромышленный портал. URL: <https://www.agroxxi.ru/analiz-rynka-selskohozjaistvennyh-tovarov/hlebopeki-v-rossii-zhaluyutsja-na-nizkoe-kachestvo-zerna.html> (дата обращения: 15.03.2023).

5. *Цыдынов Б.С., Соболев В.А., Батудаев А.П.* Влияние гидротермического коэффициента на урожайность зерна яровой пшеницы при различных сроках посева и нормы высева зерна на черноземной почве

в степной зоне Бурятии // Вестник Бурятской государственной сельскохозяйственной академии им. В.Р. Филиппова. 2022. № 4(69). С. 32–39. DOI 10.34655/bgsha.2022.69.4.004. EDN HIVKVQ.

6. *Wu H. [et al.]*. Association between dietary whole grain intake and risk of mortality: two large prospective studies in US men and women // JAMA Intern Med. 2015 Mar. № 175(3). P. 373–384. DOI 10.1001/jamainternmed.2014.6283. PMID: 25559238; PMCID: PMC4429593.

С.Б. Гладкова

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЦЕНТРАЛЬНОГО БАНКА КАК МЕГАРЕГУЛЯТОРА ФИНАНСОВОГО РЫНКА В ОБЛАСТИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЛЕГАЛИЗАЦИИ ПРЕСТУПНЫХ ДОХОДОВ

Светлана Борисовна Гладкова – старший научный сотрудник научно-исследовательского отдела, Государственный институт экономики, финансов, права и технологий, кандидат экономических наук, доцент, г. Гатчина; e-mail: gladkovas@rambler.ru.

Проанализирована деятельность Центрального банка Российской Федерации как мегарегулятора на российском финансовом рынке в контексте надления его надзорной и контрольной функцией в области противодействия легализации доходов, полученных преступным путем, преступных доходов и финансирования терроризма (далее – ПОД/ФТ). Обозначены конкретные меры регулятора (Банк России) по борьбе с отмыванием преступных доходов, а также определены преимущества и недостатки организационной модели, при которой надзор с целью ПОД/ФТ осуществляется органом банковского надзора.

Ключевые слова: финансовый рынок; Банк России; кредитная организация; коммерческий банк; легализация доходов; ПОД/ФТ.

S.B. Gladkova

ACTIVITIES OF CENTRAL BANK AS MEGAREGULATOR OF FINANCIAL MARKET IN PREVENTION OF CRIMINAL INCOME LEGALIZATION

Svetlana Gladkova – senior researcher, the R&D department, State Institute of Economics, Finance, Law and Technology, PhD in Economics, associate professor, Gatchina; e-mail: gladkovas@rambler.ru.

The activities of the Central Bank of the Russian Federation as a mega-regulator in the Russian financial market are analyzed in the context of its supervisory and control functions in the field of combating the legalization of criminal income and terrorist financing. Specific measures of the regulator (the Bank of Russia) to combat money laundering are outlined, we describe the advantages and disadvantages of the organizational model stipulating the supervision role of the bank.

Keywords: financial market; Bank of Russia; credit institution; commercial bank; legalization of income; criminal income and terrorist financing.

Для комплексного осмысления проблем регулирования в области противодействия отмыванию преступных доходов необходимо обратиться к практике реализации требований в исследуемой области, анализируя деятельность Центрального

банка Российской Федерации как мегарегулятора и деятельность субъектов ПОД/ФТ. Так, после изменений в деятельности Банка России (далее – Банк) в мегарегулятор национального финансового рынка произошли следующие преобра-

зования:

– наделен правом проводит политику развития и обеспечения стабильности функционирования и финансового рынка (п. 1 ст. 4, ст. 45.1 Федерального закона от 23 июля 2013 г. № 251-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с передачей Центральному банку Российской Федерации полномочий по регулированию, контролю и надзору в сфере финансовых рынков» (далее – Закона о Банке);

– расширились функции Банка к определению правил бухгалтерского учета и отчетности. В его обязанности вошло утверждение отраслевых стандартов бухгалтерского учета, плана счетов бухгалтерского учета и порядка его применения не только для кредитных организаций и Банка, но и для нефинансовых организаций (далее – НФО) (п. 14 ст. 4 Закона о Банке);

– отчет Банка должен включать анализ состояния финансового рынка Российской Федерации в целом и национальной платежной системы (ч. 3 ст. 25 Закона о Банке).

Кроме того, особые значимые изменения внесены в Закон о Банке:

– ст. 34.1 – основная цель денежно-кредитной политики – это защита и обес-

печение устойчивости рубля посредством поддержки ценовой стабильности, в том числе для формирования условий, сбалансированного и устойчивого экономического роста (впервые установлены как цель, что наделило Банк России и ответственностью);

– ст. 9 п. 9 Закона о Банке – сохраняя право участвовать в капиталах и деятельности международных организаций, которые занимаются развитием сотрудничества в денежно-кредитной, валютной, банковской сферах, в том числе между центральными банками иностранных государств, при этом получил право участвовать в капиталах и деятельности международных организаций, которые занимаются развитием сотрудничества в иных сферах финансового рынка, а также участвовать в деятельности объединений, не имеющих статуса организаций [1, с. 72].

Кроме того, достижение целей Банком теперь дополнено полномочиями – принимать нормативные акты по значительно большему числу вопросов, в том числе связанных с деятельностью НФО. Новые цели и функции Банка расширили, тем самым его компетенции вызвали изменениям в организационной структуре и органах управления Банка России (табл. 1).

Таблица 1

Преобразование организационной структуры и органов управления Банка России

	Как было	Как стало
1. Коллегиальный орган Банка России	Национальный банковский совет	Национальным финансовым советом
2. Председатель Банка России	Назначается на должность на 4 года	Назначается на должность на 5 лет. Расширены основания освобождения от должности
3. Численность Совета директоров Банка России	1. 12 членов Совета директоров. 2. Члены Совета директоров назначаются на должность Государственной Думой сроком на четыре года. 3. Решения Совет директоров принимает большинством голосов от числа присутствующих на заседании членов Совета директоров, но при кворуме в семь. 4. Совет директоров заседает не реже одного раза в месяц.	1. Согласно ст. 15 Закона о Банке России (в ред. Закона № 251-ФЗ) в состав Совета директоров входят, помимо Председателя Банка России, еще 14. 2. Члены Совета директоров назначаются на должность Государственной Думой сроком на пять лет. 3. Решения Совет директоров принимает большинством голосов от числа присутствующих на заседании членов Совета директоров, но при кворуме восемь. 4. Ст. 17 Закона о Банке России (в ред. Закона № 251-ФЗ) подтвердила правило.

<p>4. Создан новый постоянно действующий орган – Комитет финансового надзора</p>	<p align="center">–</p>	<p>1. Объединяет руководителей структурных подразделений Банка России, обеспечивающих выполнение его регулирующих, контрольных и надзорных функций в сфере финансовых рынков. 2. Положение о Комитете финансового надзора и его структура утверждаются Советом директоров Банка России, а его руководителя назначает на должность Председатель Банка России из числа членов Совета директоров Банка России (ст. 76.3 Закона о Банке России).</p>
--	-------------------------	--

Источник: сост. автором.

Таким образом, исследование процесса преобразования Банка России и получение статуса – мегарегулятор позволяет отметить, что все изменения, внесенные в Закон о Банке и ряд других законодательных актов Российской Федерации, не затронули особый конституционный статус Банка России, закрепленный в ст. 75 Конституции Российской Федерации, сохранив за ним право осуществлять свою основную функцию – защиту и обеспечение устойчивости рубля независимо от других органов государственной власти, что в условиях нарастающей финансово-экономической нестабильности имеет большое практическое значение. В свою очередь, следует, что финансовый рынок представляет собой динамичный процесс взаимодействия субъектов коммерческой деятельности и субъектов деятельности сферы финансовых услуг. Определяет такое взаимодействие структура финансового рынка, а в качестве ожидания стейкхолдерами результатов такого взаимодействия выступает отдача на капитал в обозримом будущем, т.е. экономическая выгода.

С государственно-правовой точки зрения Банк России выступает как особый публично-правовой институт, который не является органом государственной власти. В то же время полномочия Банка России по своей правовой природе относятся к функциям государственной власти, поскольку их реализация предполагает применение мер государственного принуждения [6, с. 59].

Кроме того, Банк наделен нормотворческими полномочиями по вопросам, отнесенным федеральными законами к его компетенции, т.е. издает нормативные акты (указания, положения, инструкции), которые обязательны для федеральных, региональных и местных органов власти, а также юридических и физических лиц.

В то же время банк не обладает правом законодательной инициативы, хотя и дает заключение на проекты законодательных актов, касающиеся выполнения Банком своих функций. Если же оценивать деятельность Банка России с точки зрения его функций, то за последние годы произошли существенные изменения его функций как регулятора экономики. Прежде всего, произошел отказ от вмешательства Банка в процесс ценообразования на валютном рынке, таргетирование инфляцией и изменения подходов к контрольно-надзорной функции [5, с. 169].

В настоящее время продолжается формирование новых рекомендаций по ужесточению контроля в области ПОД/ФТ со стороны институтов финансового мониторинга, в том числе и Банком России.

Регулятивным подходом в банковском законодательстве осуществляется способствование, прежде всего, своевременным выявлением незаконных банковских операций. Но вместе с тем находятся все новые способы, схемы отмывания и пробелы законодательства, дающие возможность осуществлять процедуры лега-

лизации преступных доходов. В качестве прикрытия экономические субъекты осуществляют так называемые сомнительные операции, выполняя обычные финансовые платежи, переводы или обычную хозяйственную деятельность.

В настоящее время для минимизации комплаенс-рисков по банковскому сектору в правовом ключе финансового контроля, Банк установил новые требования по формированию в российских банках систем внутреннего контроля для целей противодействия легализации доходов и финансирования терроризма. Данными мерами предусмотрено введение в российскую банковскую практику принципиально новых категорий по:

- управлению рисками легализации доходов, полученных незаконным путем;
- управление рисками финансирования терроризма.

С точки зрения институционального подхода относительно существующих рисков по отмыванию преступных доходов, организациями кредитно-финансовой сферы полагаем, что причиной возникновения и проникновения рисков в деятельность показанных организаций, прежде всего, является, с одной стороны, несовершенство правового регламента системного антиотмывочного контроля, а с другой стороны, внутренняя неадекватность административного ресурса с одновременным подсоединением неэффективного и/или ошибочного управлен-

ческого решения.

То есть таким образом устанавливается прямая зависимость – между внутренним контролем специального должностного лица (ответственного за антиотмывочный контроль) и возникновением риска. При этом, в рекомендациях FATF, такая независимость, специального должностного лица – предполагается, что в практической деятельности должно исключать риски, связанные с системным внутренним антиотмывочным контролем и его ошибками. Поэтому объектная область антиотмывочной системы направлена на нейтрализацию попыток преступного мира вовлечения кредитно-финансового сектора в отмывание преступных доходов (табл. 2).

Таким образом, базовыми принципами кредитно-финансового сектора, работающего в условиях повышенных рисков, сопряженных с принятием банками самостоятельных управленческих бизнес-решений, будут являться срочность, платность и возвратность кредитования. В силу существующей угрозы быть вовлеченными в незаконные процессы отмывания доходов, обязанностью банковского сектора становится осуществление деятельности и оказание услуги тем клиентам и в отношении тех проектов, чья легитимность действий и способность производить не вызывает сомнений, а также и того, чьи услуги связаны с получением денежной выручки и операционного дохода.

Таблица 2

Риск вовлечения кредитно-финансового сектора в ОД: интерпретация форм

Подход	Сущность
Традиционный	– риск вовлечения банка в процессы легализации преступных доходов – вероятность потерь банка, рассматриваемая как наступление события, т.е. быть вовлеченным с последующим оказанием запрашиваемых услуг (непрозрачность активов и их происхождения подразумевается).
Классический	– риск участия банка в процессах отмывания преступных доходов – формализация системных событий, результатом которых является потеря ликвидности и снижение конкурентоспособности.
Обобщая существующие варианты понятийной вариативности «Риск вовлечения кредитно-финансового сектора в отмывание доходов», полагаем, что с точки зрения логической последовательности и многоруности такой конструкции в отношении показанного явления, данная категория, может быть детализирована и дополнена, но относительно конкретного события и/или явления в силу локального характера и конструкции противодействия внутрисистемной антиотмывочной системы.	

Источник: сост. автором.

Банк, хотя не обладает правом законодательной инициативы, но при этом является наделенным правом, вырабатывать заключительные положения на проекты законодательных актов, относительно исполнения своих прямых функциональных обязанностей. Ликвидация же Банка может быть произведена на основании принятия конституционного федерального закона Российской Федерации о поправке к Конституции РФ.

Банк, предоставляя кредитным учреждениям возможность дополнительного анализа деятельности своих клиентов и тем самым информировать регулирующий орган о том, что операции, проводимые с клиентами, имеющие формальные признаки подозрительности, тем не менее, могут являться экономически обоснованными, законными и осуществляются в соответствии с принципами добросовестности и разумности [7, с. 8].

Таким образом, кредитно-финансовому сектору предоставляется возможность доказать, что их клиенты являются законопослушными (что на самом деле не является функцией банков, но вменяется им как обязанность осуществления таких надзорных действий). Банк, являясь одним из системных представителей национального антиотмывочного движения и его регулирования, с одной стороны, и как специализированный государственный орган по координации процедур, направленных на реализацию в стране противолегализационной деятельности, с другой стороны, одной из своих целей ставит защиту национальной финансовой системы, что подразумевает включение ряда следующих элементов регулирования:

1) заключение договора о реализации финансовых услуг, приостановление деятельности организации и замораживание ее ресурсов, блокирование счетов и т.д.;

2) принятие санкционных мер и отзыв лицензии в случае отступления и/или невыполнения антиотмывочного законодательства [2, с. 69].

В рамках антиотмывочного банковского контроля и регулирования деятельности организаций (не только финансового сектора), регулируемые организации

осуществляют действия в направлении выработки корректирующих внутренних правил с целью их соответствия общесистемным принятым правилам в силу того, что на практике такие локальные антиотмывочные инструменты могут оказывать разнофакторное воздействие: позитивное и негативное влияние (рис. 1).

Механизм формализованного подхода проявляется рядом видов по отношению:

1) к идентификации клиентов. Процесс идентификации происходит через систему:

- сплошной идентификации клиентов;
- определенной финансовой услуги/операции (в отношении отмывания денег – используется специальный контроль, определяемый с точки зрения экономического масштаба, т.е. предела совершения такой операции (установленный критерий лимита)), включая операции с наличными денежными средствами в крупных суммах (сохранение их анонимности) и трансграничное их перемещение.

Подход предполагает информационное сопровождение и направление информации в рамках обязательного контроля в национальное подразделение финансовой разведки с целью последующей обработки, установлением взаимосвязи и принятия решения.

2) санкционным мерам. Санкционные меры поддерживаются экономическим сопровождением и несут в себе меры компенсационного характера (т.е. денежные), связанные с понесенными убытками на разных уровнях, начиная с государственной системы и заканчивая частными финансовыми институтами, определяемые степенью вовлеченности нарушителя в отмывание денег.

Исходя из типологической особенности принципа регулирования финансовых организаций и закладывая в основу фактор существенности, представляется возможным ранжирование степени риска организаций, вовлеченных в отмывание денег, во-первых, организации, подтвердившие свое соответствие применяемым антиотмывочным мероприятиям, выработанными внутренними инструментами, способными нейтрализовать существую-

щие риски отмывания денег. Во-вторых, организации, в которых установлено, что система антиотмывочных мер имеет недостатки, что требует исполнения реорганизации внутренней системы ПОД/ФТ. И, в-третьих, организации, в отношении которых установлен высокий уровень недостатков в сфере ПОД/ФТ, что соответствует принятию таких решений, как прекращение деятельности, отзыв лицензии и др.

Приведенные факторы существенно, определяемые фокусом возможного ранжирования степени риска организаций вовлечения в отмывание денег, позволили установить и смоделировать условия, успешная адаптация которых позволит обеспечить и/или способна обеспечить рост эффективности антиотмывочных мер внутри регулируемой финансовой организации (рис. 2).

Рис. 1. Формализованный подход антиотмывочного регулирования: экономика, финансы, общество

Рис. 2. Моделирование внутренних условий роста эффективности антиотмывочных инструментов

Согласно представленному формату моделирования успешного использования антиотмывочных мер в рамках реализации фактора существенности позволят и/или позволит обеспечить ряд следующих условий, таких как:

- выработка внутреннего нормативного акта и регламента действий, основу которых составит:

- обязательность исполнения и независимость ответственных лиц, вовлеченность всех сотрудников в антиотмывочные процедуры, регламент достижения эффективности действий применяемых инструментов в сфере ПОД/ФТ (цель, функции, задачи);

- баланс соответствия требования ПОД/ФТ:

- между выработанными структурными условиями и установленным уровнем риска организации (относительно конкретной финансово-кредитной организации) на их соответствие структурным элементам проводимых антиотмывочных инструментов и методов и/или способов в организации;

- соответствие уровня технического сопровождения ПОД/ФТ, определяемое как условие достаточности технологического обеспечения в соответствии с применяемыми методами;

- системность проведения внутренней самооценки организации на предмет следования адекватности применяемых антиотмывочных мероприятий для целей последующей их корректировки на соответствие уровню происходящих изменений на рынке финансов и в экономике в целом;

- следование постоянству антиотмы-

вочных мер, направленность которых сопряжена с процессами постоянного обновления процесса обучения сотрудников, регулируемых финансовых организаций, включая анализ исследования опыта других организаций и рекомендации в сфере ПОД/ФТ и их применение в практической деятельности [4, с. 173].

Таким образом, обобщая формализованный подход, целесообразно сделать вывод:

- во-первых, применение и развитие методологии антиотмывочного регулирования формирует объект регулирования – финансовую систему организации как область выявления и предупреждения риска отмывания денег, включая диагностику финансовых операций, их сбор и обработку;

- во-вторых, совокупность институциональных и финансовых отношений по выявлению и предупреждению операций по отмыванию денег, определяемых распределением полномочий и в связи с этим возникновением издержек, формирует предмет исследования – обеспечение национальной безопасности как форму взаимодействия между государством и финансовым сектором (рис. 3).

Исходя из содержательной сущности методологии антиотмывочного регулирования и наполняемости её составных структурных элементов, следует, что антиотмывочное финансовое регулирование как процесс определяется целевым вектором направленности действий в совокупности с направленностью антиотмывочных инструментов, происходящих в рамках и/или под контролем государственной системы и применяемых им механизмов.

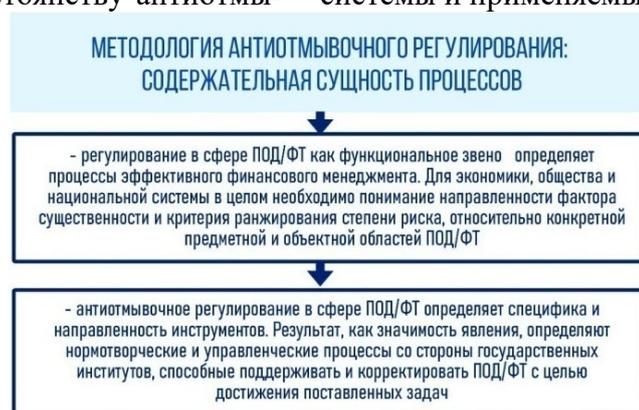

Рис. 3. Методология антиотмывочного регулирования

Для поддержания борьбы с отмыванием денег через кредитные организации в законодательстве Российской Федерации необходимо принять меры по упрощению одностороннего закрытия банком банковских счетов подозрительных клиентов. На сегодняшний день данный процесс может занимать несколько месяцев, т.к. перед закрытием счёта необходимо соблюдать определенную процедуру уведомления клиента или даже получения согласия государственных органов. Более того, существующие правила закрытия счетов достаточно сложны, формализованы и занимают длительный период времени. Поэтому проводимая Банком России системная работа обеспечила дальнейшее снижение в отчетном году объемов сомнительных операций в банковском

секторе, сокращение масштабов обналичивания в торговле, секторе услуг, платежных системах (табл. 3).

В 2021 г. объем вывода денежных средств за рубеж по сомнительным основаниям сократился на 8% по сравнению с 2020 г. (с 55 до 51 млрд руб.), объем обналичивания денежных средств в банковском секторе сократился на 5%.

Банковский надзор с целью ПОД/ФТ хотя и является самой распространенной организационной моделью, но вместе с тем имеет как преимущества, так и недостатки (табл. 4).

В целом, система надзора за банковской деятельностью определяется применением стандартного подхода, или подходе, основанном на оценке риска, и документарными и выездными проверками.

Таблица 3

Показатели сомнительных операций в финансовой сфере, млрд руб.

Наименование	2017	2018	2019	2020	2021
Объем вывода денежных средств за рубеж в банковском секторе	77	63	58	55	51
Объем обналичивания денежных средств в банковском секторе	326	176	167	145	138

Источник: сост. автором.

Таблица 4

Преимущества и недостатки организационной модели, при которой надзор с целью ПОД/ФТ осуществляется органом банковского надзора

Преимущества	Недостатки
1. Сотрудники надзорных органов не только отличаются высокой квалификацией, но и отлично разбираются в оценке рисков банков, а также в принципах и процедурах управления ими	1. Органы банковского надзора могут не уделить должного внимания вопросам отмывания денег и финансирования терроризма, как это делает правительство, или же не располагать для этого достаточными средствами. Как следствие, вопросы борьбы с данными преступлениями могут быть лишены необходимого как количественного, так и качественного внимания
2. Риски отмывания денег и финансирования терроризма контролируются наряду с другими рисками нарушения законодательства, за которые банковские надзорные органы несут ответственность	2. Осуществление надзора в целях ПОД/ФТ не является традиционной сферой ответственности органов банковского надзора. В некотором смысле это новая область не только для персонала банков, но и для сотрудников надзорного органа, которым предстоит осваивать новые навыки. Данная ситуация может вначале вызвать некоторые трудности
3. Банковские надзорные органы хорошо знают, как работают банки и какие продукты и услуги они предлагают	
4. Банковские надзорные службы понимают, что существует разница между работой небольших местных и международных банков. Такой международный масштаб ответственности надзорного органа является крайне полезным в случае трансграничного банковского надзора	

Источник: сост. автором.

В этой связи предлагаемые оптимизационные процессы, но при одновременном сохранении уровня контроля позволят снизить нагрузку на банки и их клиентов, что поможет в большей мере сконцентрироваться на решении текущих задач, которые продиктованы множественными вызовами и с которыми столкнулись все субъекты экономики на фоне введения санкций (табл. 5).

Таким образом, глобальные изменения в мировом пространстве и последствия таких изменений привели к полномасштабной структурной трансформации экономики Российской Федерации. Для Банка, как мегарегулятора финансового рынка, это послужило одним из оснований пересмотра части проектов, направленных на развитие и поддержание российской экономики, и включение в среднесрочной перспективе даже низкомаржинальных проектов, что в целом призвано способствовать нивелированию профиля рисков экономики и банковского

сектора, в частности. Рассматривая с точки зрения проектной плоскости стабилизации экономики, следует отметить, что далеко не все банки готовы поддержать проектные инициативы ввиду недостаточности капитала, что, в свою очередь, требует стимулирования интереса банковского сектора и в перспективе, тем самым, сможет расширить горизонт долгосрочности финансирования с учетом проработанности методик.

Исследование системы национального финансового регулирования позволяет видеть влияние таких процессов на тенденции снижения теневой экономики.

Автором сформулирована и доказана необходимость национальной антиотмывочной системы и финансового регулирования, что по своей совокупности определяет предпосылки по совершенствованию механизма противодействия легализации преступных доходов и нивелированию таких противоречий.

Таблица 5

Оптимизация системы ПОД/ФТ

Наименование мероприятий	Действующее	Оптимизационное
1. Сбор и обработка информации о клиентах, их представителях, выгодоприобретателях и бенефициарных владельцах	– требования обязательного присутствия клиента при его идентификации. Контроль непосредственно выполняется в банке, требует сбора огромного массива данных и документов.	– уменьшение набора сведений (документов), истребуемых финансовыми организациями в рамках установления договорных отношений между финансовыми организациями и их клиентами; – переход от обязательности требования о личном присутствии клиентов (их представителей) с расширением возможностей использования механизмов видеоидентификации; – создание единого государственного информационного ресурса, который способен содержать релевантные идентификационные данные по клиентам и предоставлять финансовым организациям доступа к нему в режиме реального времени.
Вывод: определяется избыточностью информационной подборки документов, необходимо исключить устаревшие и/или неподдерживаемые в настоящее время операции.		
2. Формирование этапов по проработке направлений и их анализ	Что необходимо: – проведение диагностики операций, подлежащих обязательному контролю и подлежащих исключения, но при этом: 1) без снижения эффективности противолегализационного контроля; 2) снимет излишнюю нагрузку с субъектов исполнения требований противолегализационного законодательства.	

Источник: сост. автором.

Системность национальных антиотмывочных процессов регулирования поддерживается соблюдением правительством и его финансовыми институтами определенных условий, которые отличны от традиционно складывающихся ранее.

Для сохранения обеспечения безопасности банковской системы в контексте ПОД/ФТ необходимо использовать единообразные подходы к контролю за кредитными организациями и провести ряд мероприятий по корректировке нормативных актов, а именно:

– сократить перечень операций, подпадающих под формулировку «сомнительные»;

– упростить механизм информационного обмена между кредитными организациями, Росфинмониторингом, Федеральной таможенной службой и Федеральной налоговой службой для получения банками оперативной о деятельности клиентов, разграничив данную область.

Современные финансовые организации и процессы интернационализации ПОД/ФТ в их деятельности предопределяются их значимой ролью в обеспечении безопасности государства и его граждан с включением высокой значимости международного сотрудничества в данной области, что предполагает, как и было доказано автором, обязательное приращение знаний на постоянной основе.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бежан М.В.* Организация деятельности центрального банка. М.: КноРус, 2019. С. 240.

2. *Васильченко А.А.* К вопросу о совершенствовании противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма // *Право и образование.* 2022. № 3. С. 66–74.

3. *Гладкова С.Б., Чорба В.П.* Организационные подходы к эффективному банковскому надзору обеспечения противодействия отмыванию доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма // *Экономика и предпринимательство.* 2014. № 1-2 (42). С. 754–758.

4. *Лебедев И.А. [и др.]*. Актуальные вопросы разработки системы управления рисками в сфере противодействия отмыванию доходов и финансированию терроризма: монография. М.: Прометей, 2021. С. 270.

5. *Финансовое право / Игнатьева С.В. [и др.]*; 3-е изд., перераб. и доп. СПб.: Р-КОПИ, Изд-во Санкт-Петербургского университета МВД России, 2020. 236 с.

6. *Чорба П.М., Владыка М.В., Гулько А.А.* Финансовая политика. М.: Граница, 2010 288 с.

7. *Экмяян А.М.* Банк России как мегарегулятор финансового рынка: цели деятельности, функции и полномочия // *Юрист.* 2015. № 7. С. 4–11.

И.А. Анцибор, Н.В. Иванова, Н.И. Осипова
ВНЕДРЕНИЕ СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ И ОЦЕНКИ
ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКИХ РИСКОВ НА ПРЕДПРИЯТИЯХ
МАЛОГО БИЗНЕСА В СФЕРЕ ГРУЗОПЕРЕВОЗОК

Инга Александровна Анцибор – доцент кафедры финансов и кредита «Государственный институт экономики, финансов, права и технологий», кандидат экономических наук, г. Гатчина; **e-mail: spo5101@ya.ru.**

Наталья Владимировна Иванова – доцент кафедры национальной экономики и организации производства, АОУ ВО ЛО «Государственный институт экономики, финансов, права и технологий», кандидат экономических наук, г. Гатчина; **e-mail: natalya_ivanova19@mail.ru.**

Наталья Ивановна Осипова – доцент кафедры финансов и кредита АОУ ВО ЛО «Государственный институт экономики, финансов, права и технологий», кандидат экономических наук, г. Гатчина; **e-mail: nio0407@yandex.ru.**

В статье рассмотрены сущность предпринимательских рисков на предприятиях малого бизнеса в сфере грузоперевозок и методы их снижения. Даны рекомендации по внедрению и использованию цифровых продуктов в деятельности предприятий малого бизнеса. Рассмотрены перспективы создания экосистемы транспортного комплекса по всем видам грузоперевозок.

Ключевые слова: малый бизнес; грузоперевозки; предпринимательские риски; цепочки поставок грузов; экосистема цифровых платформ логистических услуг.

I.A. Antsibor, N.V. Ivanova, N.I. Osipova
IMPLEMENTATION OF SYSTEM OF ENTREPRENEURIAL
RISKS MANAGEMENT AND ASSESSMENT AT CARGO
TRANSPORTATION SMALL BUSINESSES

Inga Antsibor – senior lecturer, the Department of Finance and Credit, State Institute of Economics, Finance, Law and Technology, PhD in Economics, Gatchina; **e-mail: spo5101@ya.ru.**

Natalia Ivanova - senior lecturer, the Department of National Economy and Organization of Production, State Institute of Economics, Finance, Law and Technology, PhD in Economics, associate professor, Gatchina; **e-mail: natalya_ivanova19@mail.ru.**

Natalia Osipova - senior lecturer, the Department of Finance and Credit, State Institute of Economics, Finance, Law and Technology, PhD in Economics, Gatchina; **e-mail: nio0407@yandex.ru.**

We look at the essence of entrepreneurial risks at small businesses in cargo transportation as well as at methods of decreasing them. We offer recommendations concerning the introduction and use of digital products in small business. The prospects of creating an ecosystem of the transport complex for all types of cargo transportation are considered.

Keywords: small business; cargo transportation; entrepreneurial risks; cargo supply chains; ecosystem of digital platforms of logistics services.

Важность управления рисками в деятельности предприятий малого бизнеса трудно переоценить. Осведомленность о рисках возросла, поскольку в настоящее

время мы живем в менее стабильной экономической и политической среде. Особенно это стало актуальным для предприятий, связанных с предоставлением услуг по транспортным перевозкам.

Создание обоснованного наличия надежной программы управления рисками долгое время было труднодостижимой задачей для многих малых организаций. Препятствия, с которым сталкивается малый бизнес, заключается в том, что многие риски находятся вне их контроля.

Внедрение управления рисками на предприятиях малого бизнеса – это способ оценить конкретные риски и разработать стратегию борьбы с ними. Изменчивость рисков и необходимость удовлетворения спроса при одновременном снижении затрат вынуждают компании серьезно подходить к анализу своих рисков. Слишком много данных, чтобы просто собирать и анализировать их вручную, и эти данные постоянно меняются и обновляются, что побуждает компании выводить свои аналитические возможности на новый уровень с использованием современных технологий.

Оценка управления рисками показывает, что для повышения эффективности деятельности требуется уточнение и доработка процедур управления рисками. Это возможно при целенаправленном построении системы риск-менеджмента предприятия.

Малый бизнес в России применяет упреждающий подход к управлению рисками, стремясь централизовать управление рисками через разработку интегрированных систем управления. Это не только национальная, но и общеевропейская тенденция. Главная цель управления рисками – устранение потерь, влияющих на экономический результат деятельности предприятия.

В прошлом транспортные компании полагались на ручной сбор данных и неполные, устаревшие электронные таблицы для оценки рисков. Более зрелые компании, возможно, и использовали программное обеспечение, но его возможности были ограничены, особенно учитывая динамичный характер и объем данных.

Программное обеспечение для управления транспортными рисками, предлагающее проактивную аналитику, дает компаниям возможность выявлять риски на ранних стадиях процесса, предпринимать шаги для снижения своих рисков и принимать надлежащие ответные решения.

Сегодня на рынке представлены лучшие, более надежные и эффективные решения, но не все они одинаковы. Поэтому необходимо найти комплексное решение, которое может выходить за рамки простого обнаружения рисков. Необходим прогнозирующий интеллект, который информирует о решениях и приводит в действие стратегию по смягчению последствий.

В решении текущих задач, в том числе для минимизации возможных рисков деятельности, многие компании используют онлайн-сервис ATI.SU. Это комплексная логистическая среда, которая объединяет пользователей логистических направлений в России, Казахстане, Беларуси. На рис. 1 представлены процессы, которые реализуются с помощью онлайн-сервиса. Сервис ATI.SU является крупнейшей биржей грузоперевозок, которая уже 25 лет объединяет всех участников логистического процесса для:

- быстрого поиска исполнителя для перевозки;
- оформления перевозки в пару кликов через систему Заказов;
- проверки потенциальных партнёров в режиме реального времени;
- GPS-мониторинга грузов;
- сервиса для автоматизации работы с наёмным автотранспортом;
- юридически значимого ЭДО;
- быстрого поиска грузов по всем направлениям в РФ и странах СНГ;
- мгновенных уведомлений о новых грузах;
- проверки платёжеспособности и надёжности потенциальных партнёров;
- цепочек грузов – несколько заказов по одному маршруту для получения в сумме наиболее выгодной ставки;
- мобильного приложения для удалённой работы.

Анализ работы предприятий малого

бизнеса показывает, что у многих возникают проблемы с поиском времени, бюджета и людей, необходимых для внедрения или поддержания эффективной программы управления рисками. Внедряя эффективную программу управления рисками, компании защищают свою способность конкурировать.

Управление бизнес-рисками на предприятии представляет собой систему регулирования экономических, финансовых и других отношений, возникающих в условиях неопределенности. Система управления бизнес-рисками основана на разработанных и обоснованных принципах (рис. 2).

У малых предприятий много проблем, связанных с управлением рисками. Большинство из них можно решить, пересмотрев корпоративную политику управления рисками и применив уже существующие методы управления рисками.

На рис. 3 показаны результаты анализа, определяющего области, в которых требуются устранения предпринимательских рисков.

В своей деятельности малые предприятия используют программу для бизнеса «1С: Предприятие». Чаще всего «1С» воспринимают как программу ведения бухгалтерского учета, но не все этим ограничивается.

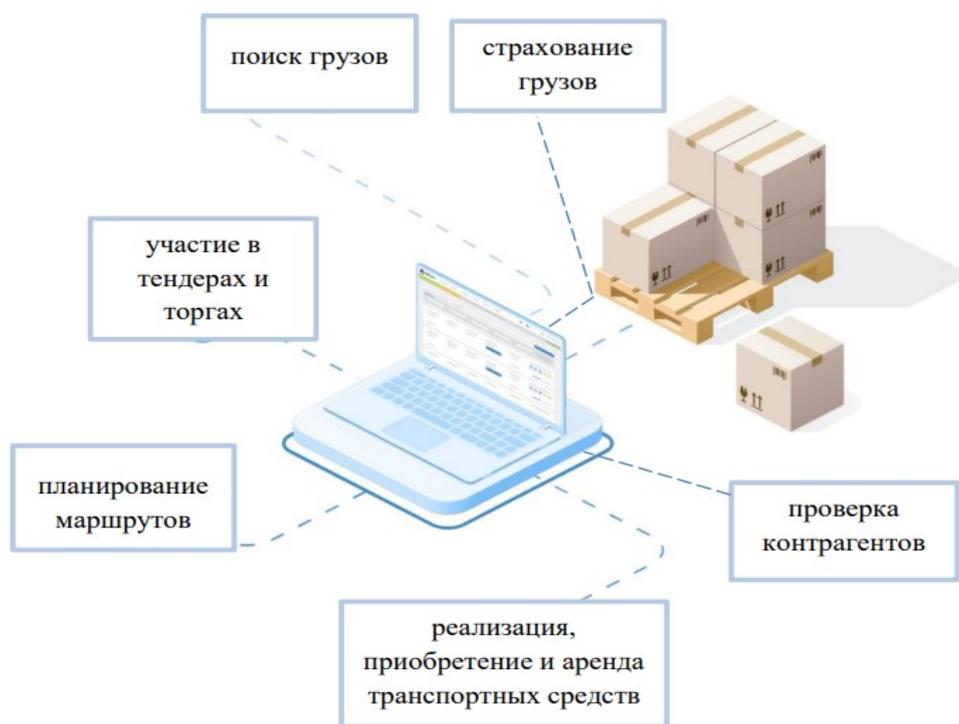

Рис. 1. Процессы, которые реализуются с помощью онлайн-сервиса ATI.SU
 Источник: сост. авторами.

Рис. 2. Принципы управления предпринимательскими рисками
 Источник: сост. авторами.

Рис. 3. Направления предпринимательских рисков

Источник: сост. авторами.

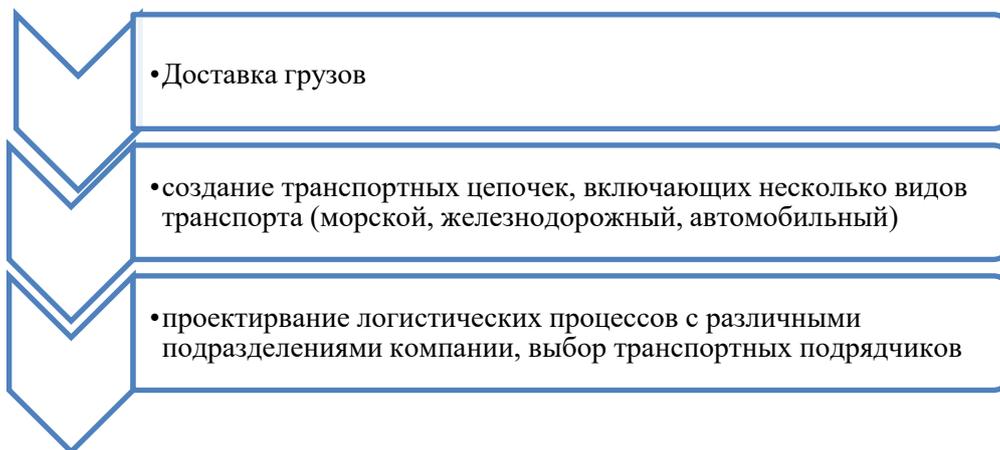

Рис. 4. Задачи с использованием программы «1С:Предприятие 8. TMS Логистика»

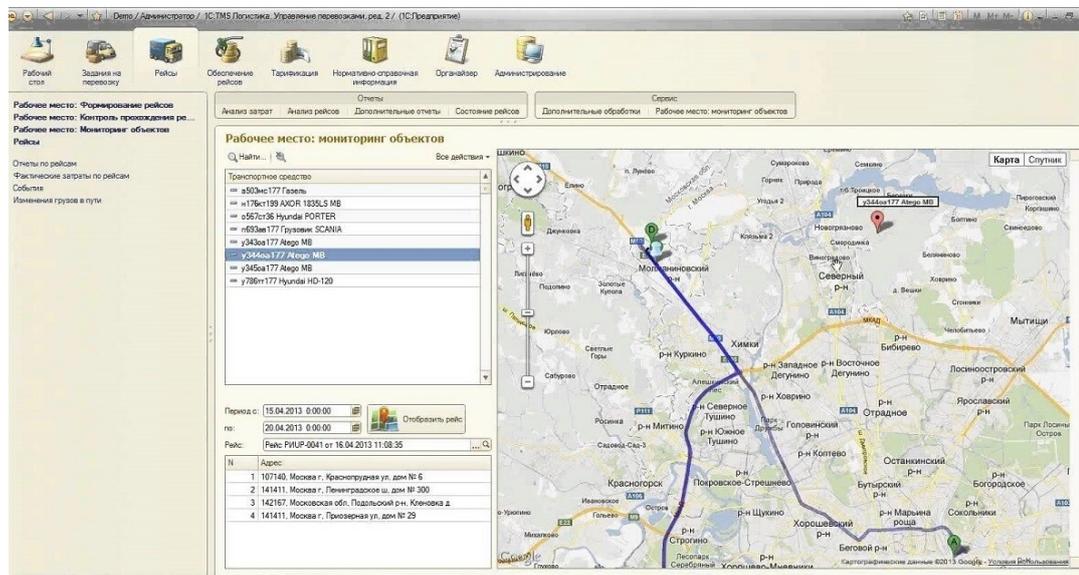

Рис. 5. Рабочий стол программы «1С:Предприятие 8. TMS Логистика»

Функционал программы «1С:Предприятие 8. TMS Логистика» позволяет решать следующие задачи (рис. 4, 5).

Такая разветвленная модель делает 1С очень сложной системой, нельзя просто внедрить WMS в компании – такое решение требует постоянных усилий по программированию, обучению людей работе с системой.

Кроме того, программное обеспечение необходимо регулярно обновлять, что требует времени и денег. Розничная цена 1С составляет 37800 рублей, для полноценной и комфортной работы с системой, в зависимости от необходимых услуг, могут понадобиться дополнительные компоненты – «Управление ресурсами» и «Безопасное хранение», цена которых варьируется от 5 000 до 10000 руб. Стоит отметить, что не всем малым предприятиям подходит финансовая сторона в вопросе использования «1С:Предприятие».

Политика малого предприятия в области управления рисками должна быть направлена на своевременное выявление и предупреждение возможных рисков с целью минимизации их негативного влияния на финансово-хозяйственную деятельность компании.

На сегодняшний день для снижения риска следует придерживаться плана:

1. Всегда страховать грузы. Ущерб и убытки могут намного превышать стоимость, которую вы хотите сэкономить на страховке.

2. Важные моменты, касающиеся ответственности сторон и снижения рисков, прописываются в договоре или в доп. соглашении.

3. Оценивается каждый маршрут по факторам: характеристика груза, вид транспорта, детали маршрута, погода и политическая обстановка в регионе.

4. Следить за сроками в сертификатах и декларациях соответствия. Задержка, простой или конфискация груза обходятся дорого.

Однако это не является 100% гарантией защиты от предотвращения рисков в грузоперевозках. С целью минимизации неблагоприятного воздействия рисков стоит учитывать и кредитный риск

контрагентов.

Обширный масштаб угроз в цепочке поставок предполагает, что не все сбои можно устранить или избежать. Таким образом, по мнению отраслевых аналитиков, устойчивая цепочка поставок – это та, которая может восстановиться после сбоев. Ключевым моментом является подход к управлению рисками с точки зрения возможностей фирмы.

Развитие транспортно-логистических систем включает в себя большое количество аспектов и часто определяется влиянием различных внутренних и внешних факторов. Это приводит к тем самым транспортно-логистическим рискам.

Мероприятия по снижению риска транспортно-логистической деятельности базируются на основных принципах современного риск-менеджмента. В соответствии с ними под уменьшением рисков обычно понимается снижение вероятности наступления негативных событий и (или) уменьшение ущерба, которые хозяйствующий субъект может понести в связи с реализацией транспортно-логистических рисков.

Снижение транспортно-логистических рисков является частью управления рисками. Эта деятельность хорошо организована и должна включать в себя следующие основные этапы:

1. Выявление риска перевозки/логистики и изучение для выделения специфики риска и оценки возможного ущерба для компании.

2. Изучение альтернативных способов управления, снижения или избежания транспортно-логистических рисков.

3. Формирование политики в области транспортных и логистических рисков через отбор контрактных способов его снижения.

4. Применение выбранного метода управления транспортно-логистическими рисками и реализация остальных управленческих решений.

5. Мониторинг результатов борьбы с рисками и дальнейшее совершенствование системы управления.

При таком комплексном подходе малый бизнес сможет значительно снизить

вероятность и масштабы последствий транспортно-логистических рисков. Кроме того, необходимо обеспечить гибкость и адаптируемость в управлении рисками, т.к. его создание и развитие зачастую представляет собой динамичный процесс.

В практике снижения транспортно-логистических рисков компанией могут рассматриваться следующие возможные подходы:

1. Отказ от транспортных и логистических рисков – этот метод используется, когда нежелательное событие неизбежно и нет возможности снизить вероятность до приемлемого уровня. Например, можно проанализировать и изменить способы перевозки грузов и прекратить сотрудничество с ненадежными клиентами или посредниками.

2. Страхование – это передача обязанности по выплате пособия, предоставляемого страховой компанией на основании приобретенного договора страхования.

3. Компенсация логистического риска – данный подход включает планирование деятельности предприятия на стратегическом и тактическом уровнях, мониторинг и прогнозирование конъюнктуры рынка, формирование запасов, комплексный контроль транспортно-логистических услуг.

Результаты управления логистическими рисками организации тесно связаны со спецификой финансовой деятельности. Для этого необходима профилактика и компенсация возможных рисков. Во-первых, необходимо финансировать и разрабатывать мероприятия по предотвращению или уменьшению ущерба, связанного с выявленными рисками; во-вторых – наладить текущую деятельность по управлению транспортно-логистическими рисками.

Немаловажными рисками для малого предпринимательства являются операционные риски. Они связаны с человеческими ошибками, системными сбоями и неадекватными процедурами, средствами контроля. Это риск убытков, возникающий из-за потенциальной неадекватности информационной системы; технологические сбои, нарушения внутреннего контроля, мошенничество, непредвиденные ката-

строфы или другие операционные проблемы, которые могут привести к неожиданным потерям или проблемам с репутацией.

С каждым годом предприятия малого бизнеса развивают клиентскую сеть и выполняют все большее количество заказов, следовательно, увеличивается нагрузка на сотрудников. Повышенная нагрузка негативно сказывается на профессиональном качестве и психическом здоровье работников. Такие ситуации могут привести к возникновению ошибок в операционной деятельности и эмоциональному выгоранию работников фирмы. Для устранения данного риска предлагается внедрить в операционный процесс сервисы, работающие на основе искусственного интеллекта, который позволяет:

- отлаживать бизнес-процессы, разграничивая зоны ответственности и создавая алгоритмы работы для всей команды;

- ускорять обработку заказов на 80% за счет автоматической загрузки данных без необходимости повторно вводить или сканировать документы;

- быстро обслуживать клиентов, что повышает их лояльность и расширяет клиентскую базу, способствуя увеличению прибыли;

- сократить количество ошибок экспедитора или логиста до 0,01%.

Введение подобных программ в рабочий процесс позволит предприятиям малого бизнеса спрогнозировать опасные ситуации при выполнении логистической деятельности, компания сможет:

- планировать в режиме онлайн: статистику использования машины; подбор выгодного заказа; загруженность и график автопарка; график работы сотрудников, в том числе шоферов; стоимость выбранного маршрута; контроль выполнения договорных обязательств;

- создавать, обрабатывать необходимые документы онлайн; оплачивать счета; оформлять бухгалтерские счета;

- рассчитывать стоимость заявок, общие затраты на перевозки; отслеживать платежи, выплачивать зарплату, подписывать командировочные работникам;

- объединяться и систематизировать

базы контрагентов.

Одним из рисков, который вызван неисполнением договорных обязательств, является кредитный риск. Этот риск в первую очередь связан с дебиторской задолженностью покупателя и с инвестиционными ценными бумагами. Предприятиям малого бизнеса необходимо проводить ряд мероприятий, позволяющих осуществлять управление кредитным риском, в том числе:

- оценить кредитоспособность контрагентов;
- установить индивидуальные лимиты и условия платежа в зависимости от финансового состояния контрагента;
- контролировать авансовые платежи;
- проводить мероприятия по работе с дебиторской задолженностью по бизнес-направлениям и т.д.

Риски по потере грузов и экономических ущербов во время транспортировки также требуют особого внимания. Приоритетным методом в данном случае можно рекомендовать внешнее страхование, а именно страхование грузов. Это позволит защитить имущественные интересы грузовладельцев при возникновении ущерба, вызванного различного рода происшествиями при перевозке груза. Страхуется груз, перевозимый любым видом транспорта из любой точки мира в любую точку мира.

В последние 5 лет показатель востребованности страховой защиты перевозимых

грузов составляет 16,8 % (рис. 6).

2020 год, сопровождающийся экономическим спадом в связи с пандемией, характеризуется снижением потребности в страховании, поскольку снизился также и объем перевозок. Однако последующий рост в 2021 г. свидетельствовал о рецессии региональных и международных связей и росте страховых премий на 21,4%.

Для минимизации рисков предприятиям малого бизнеса нужно отслеживать и проводить мониторинг уровней спроса и предложения услуг на рынке, также необходимо внедрение комплекса мероприятий по повышению качества своих услуг, особое внимание стоит уделить подготовке квалифицированного персонала. В связи с внедрением инновационных приемов и технологий в транспортной сфере необходимо пристально следить за модернизацией контейнерных терминалов и складов. Все эти меры позволят создать оптимальную структуру перевозок, повысят систему качества управления и контроля за деятельностью бизнеса.

Риск ликвидности является средним риском для предприятий. Данный риск возникает в компаниях из-за дефицита денежных потоков и оборотного капитала, требований капиталовложений и перерасхода средств. Эффективное управление риском ликвидности будет включать системы для определения мер, мониторинга и контроля своих рисков ликвидности.

Рис. 6. Динамика соотношений страховых премий и страховых выплат по страхованию грузов в РФ за последние 5 лет, в млрд руб.

Источник: [1].

Наиболее эффективным методом управления риском при экономических колебаниях и рисках изменения структуры доходов и убытков является внутреннее страхование, а именно создание резервных фондов, которое осуществляется внутри самого предприятия и заключается в создании специальных фондов для возмещения убытков. Преимущество данного метода управления рисками состоит в том, что риски покрываются за счет создания на предприятии резервного фонда, за счет минимальных отчислений от месячной или годовой прибыли.

Предприятия малого бизнеса должны придерживаться политики и процессов для контроля или снижения существенных рисков. Контрольные мероприятия должны стать неотъемлемой частью регулярной деятельности компании по обеспечению эффективности механизма контроля рисков.

Наиболее очевидным преимуществом составления плана управления рисками является то, что он помогает избежать рисков, которые могут негативно повлиять на бизнес. Кроме того, внедрив надежную политику управления рисками, компания улучшает корпоративный опыт и развивает персонал в сфере предпринимательских рисков и может рассчитывать на следующие преимущества:

- демонстрацию ответственного подхода к клиентам;
- появление свежего взгляда на кадровые вопросы в компании;
- фокусировку внимания руководства на реальных и наиболее важных проблемах;
- более объективное сравнение альтернативы деловых решений;
- осмысленную оценку непредвиденных обстоятельств;
- повышение вероятности того, что компания будет придерживаться своих бизнес-планов.

Логистическим предприятиям малого бизнеса необходимо сосредоточиться на «цифровых продуктах», эффективности затрат, производительности активов и инновациях, если они хотят оправдать ожидания потребителей их услуг (см. табл.).

В настоящее время формируется единая цифровая транспортно-логистическая

среда в части обеспечения функционирования опорной сети ТЛЦ (транспортно-логистических центров). Данная цифровая среда позволит обеспечить информационно-аналитическое сопровождение реализации транспортной части комплексного плана модернизации и расширения магистральной инфраструктуры до 2024 г.

К 2024 г. к цифровым сервисам ЕЦТЛС планируется подключить ключевые транспортно-логистические компании, которые обеспечат прирост объема грузоперевозок через ТЛЦ до 47 млн тонн в год. К этому времени в единой среде будет работать ряд логистических сервисов, создающих экосистему цифровых платформ транспортного комплекса (рис. 7).

Также создаются сервисы мониторинга (трекинг, прослеживаемость) транспортных средств и грузов мультимодальной перевозки, сбор данных по фактическому выполнению запланированной перевозки, по изменениям/отклонениям от плановых параметров в режиме реального времени.

Система координации транспортных потоков и реализация сервисов предоставления исходных данных для планирования вариантов интер- и мультимодальных перевозок позволит согласовывать расписание работы разных видов транспорта по заданному маршруту; оптимизирует загруженности магистралей, терминалов, парковочных и других зон. Также будут созданы сервисы мониторинга (трекинг, прослеживаемость) транспортных средств и грузов мультимодальной перевозки в режиме реального времени.

ЕЦТЛС представляет собой организованную систему цифровых платформ, унифицированных и стандартизированных к информационной среде транспортно-логистических процессов. Данная экосистема позволит сократить сроки доставки грузов за счет повышения скорости обмена информацией и ее интероперабельности. Все вышеперечисленное позволит обеспечить создание прозрачной среды для внутриотраслевого общения. ЕЦТЛС будет работать на принципах одного окна и позволит объединить всех участников перевозок любых видов: морских, железнодорожных, автомобильных.

Основные цифровые продукты и их бизнес-процессы

	Название продукта	Характеристика программного обеспечения и бизнес-процессы
1.	Умная Логистика – CRM-система для автоматизации работы компаний перевозчиков	<p>Помимо браузерного решения доступны варианты для Windows, MacOS и iOS. Программное обеспечение ускоряет процесс создания документов, упрощает анализ работы персонала и ведение бухгалтерии, а также позволяет получить полную картину бизнеса.</p> <p>Основные бизнес-процессы:</p> <ul style="list-style-type: none"> - управление перевозками (принятие и обработка заказов, реестр машин на погрузку, отчет по машинам в пути, аналитика по заказам на перевозки и т.д.); - анализ CRM; - формирование журнала договоров; - управление персоналом (отчет по менеджерам, расчет и учет зарплаты, формирование KPI и др.); - управление рисками при перевозках; - совершенствование электронного документооборота; - оценка ключевых показателей с помощью дашбордов; - интеграция с системами компаний при помощи API; - сохранность данных.
2.	4logist. Облачная CRM-система для экспедиторов и транспортно-логистических отделов	<p>Современная CRM-система объединяет в себе возможность работы на любом ПК без установки на жесткий диск и вне зависимости от его мощности.</p> <p>Основные бизнес-процессы:</p> <ul style="list-style-type: none"> - учет и сохранность каждой перевозки; - создание документов для Клиента и Перевозчика; - нумерация заказов, заявок, счетов, актов, договоров; - поиск нужного заказа, клиента, перевозчика и документа; - выгрузка необходимых данных; - анализ деятельности компании; - ведение заказов от нескольких фирм; - учет и ведение мультимодальных перевозок.
3	Axelot. WMSX5. Сертифицированная система для управления складом	<p>Работает на базе платформы «1С:Предприятие 8.3». При его создании использованы средства коллективной разработки с репозиторием системы контроля версий Git и 1С:Enterprise Development Tools на основе Eclipse.</p> <p>Основные бизнес-процессы:</p> <ul style="list-style-type: none"> - автоматизация работы склада; - увеличение его пропускной способности; - оптимизация используемых площадей; - ускорение проведения складских операций; - повышение эффективности работы персонала; - помощь в управлении заявками и планировании рейсами; - ведение учета собственного автопарка и ГСМ; - контроль за водителями в течение рабочего дня; - анализ отклонений от плановых маршрутов.

Источник: сост. авторами.

Рис. 7. Экосистема цифровых платформ цифрового пространства транспортного комплекса

Источник: [8].

ЛИТЕРАТУРА

1. Белоусова Т.А. Трансформация транспортного страхования в современных условиях // Экономика, предпринимательство и право. 2022. Т. 12. № 9. Сентябрь. С. 2463–2478.

2. Досова А.А. Исследование сущности и содержания финансовой устойчивости предприятий малого бизнеса // Финансы и учетная политика. 2020. № 3 (18). С. 20–25.

3. Дубина И.Н., Кишибекова Г.К. Основы управления рисками. Саратов: Вузовское образование, 2018. 266 с. URL: <http://www.iprbookshop.ru/76240.html> (дата обращения: 18.06.2023).

4. Каретникова И.А. Методы снижения транспортно-логистических рисков. URL: https://spravochnick.ru/logistika/metody_snizheniya_transportno-

[logisticheskikh_riskov/](#) (дата обращения: 18.06.2023).

5. Климова В.В. Теоретические подходы к созданию системы управления рисками на предприятии // Наука и образование – транспорту. 2020. № 1. С. 193–196.

6. Колесников А.М. Количественная оценка риска при организации интермодальных грузоперевозок // Финансы и статистика. 2019. № 2. С. 93–104.

7. Митрофанова Н.Б. Особенности управления рисками в малом бизнесе // Россия: тенденции и перспективы развития. 2021. № 16. С. 377–380.

8. Проекты и механизмы цифровой трансформации сферы транспорта и логистики Российской Федерации. URL: https://www.traficom.fi/sites/default/files/media/file/Alykkaat_korridorit_Andrei_Ionin_RUS.pdf (дата обращения: 18.06.2023).

О.В. Бабскова, В.Н. Чумаков, Д.Ю. Воронова
МОДЕРНИЗАЦИЯ СОДЕРЖАНИЯ ПРОГРАММ ВЫСШЕГО
ОБРАЗОВАНИЯ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ КАДРОВОГО
ПОТЕНЦИАЛА РЕГИОНАЛЬНОГО РЫНКА ТРУДА
В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ

Ольга Владимировна Бабскова – доцент кафедры менеджмента, Государственный институт экономики, финансов, права и технологий, кандидат экономических наук, г. Гатчина; **e-mail: babskova.olga@gief.ru**.
Вадим Николаевич Чумаков – зав. кафедрой менеджмента, Государственный институт экономики, финансов, права и технологий, кандидат экономических наук, доцент, г. Гатчина; **e-mail: prorector@gief.ru**.
Диана Юрьевна Воронова – декан факультета менеджмента, социальной работы и туризма, Государственный институт экономики, финансов, права и технологий, кандидат экономических наук, доцент, г. Гатчина; **e-mail: d.y.voronova@mail.ru**.

В условиях цифровизации экономики возрастает роль кадрового потенциала рынка труда и меняются требования к профессиональным компетенциям персонала, формируются предпосылки к структурным диспропорциям в спросе и предложении определенных профессий. Под воздействием данных факторов возникает острая необходимость модернизации образовательных программ высшего образования.

В статье проведен анализ структуры рынка труда Ленинградской области, а именно: вакансий по профессиональным сферам; дифференциации hh.индекса, отражающего количество резюме на одну размещенную вакансию. Выявлена необходимость покрытия дефицита кадров в регионе за счет выпускников образовательных организаций высшего образования Ленинградской области. Предложены рекомендации по разработке образовательных программ с возможностью получения дополнительного профессионального образования, направленного на формирование цифровых компетенций, что обеспечит конкурентоспособность выпускников вузов в цифровой экономике и развитие кадрового потенциала региона.

Ключевые слова: высшее образование; рынок труда; цифровые компетенции; образовательная программа; цифровая экономика; кадровый потенциал; дополнительное профессиональное образование.

O.V. Babskova, V.N. Chumakov, D.Yu. Voronova
MODERNIZATION OF HIGHER EDUCATION PROGRAMS
AS FACTOR OF DEVELOPING HUMAN RESOURCES POTENTIAL
OF REGIONAL LABOR MARKET UNDER DIGITALIZATION
OF ECONOMY

Olga Babskova – senior lecturer, the Department of Management, State Institute of Economics, Finance, Law and Technology, PhD in Economics, Gatchina; **e-mail: babskova.olga@gief.ru**.
Vadim Chumakov – Head of the Department of Management, State Institute of Economics, Finance, Law and Technology, PhD in Economics, associate professor, Gatchina; **e-mail: prorector@gief.ru**.
Diana Voronova – Dean, the Faculty of Management, Social Work and Tourism, State Institute of Economics, Finance, Law and Technology, PhD in Economics, associate professor, Gatchina; **e-mail: d.y.voronova@mail.ru**.

Under the digitalization of economy, we see the increasing significance of human resources potential of the labor market and changing requirements to professional competencies of personnel. The prerequisites for structural imbalances in the supply and demand of certain professions are developing. The factors in question determine an urgent need to modernize educational programs of higher education.

We analyze the structure of the labor market of Leningrad region, namely, the vacancies in various professional fields, the differentiation of the hh.index reflecting the number of resumes per a posted vacancy. The need to cover the personnel shortage in the region by employing the graduates of educational institutions of higher education of Leningrad region is revealed. We offer guidelines for the development of educational programs offering additional professional training to ensure the competitiveness of graduates in digital economy and the development of the human resources potential of the region.

Keywords: *educational program; labor market; digital competencies; digital economy; human resources potential; higher education; additional professional education.*

Кадровый потенциал региона является фактором, обеспечивающим его развитие и повышение конкурентоспособности, ключевую роль при этом играют образовательные учреждения высшего образования. Значение кадрового потенциала возрастает в условиях цифровой экономики [5]. Динамичные изменения, обусловленные процессами цифровизации, происходящими в последнее десятилетие в социально-экономических системах разных стран, выдвигают новые требования к профессиональной компетентности сотрудников. Необходимым требованием в любой сфере деятельности на данный момент является наличие цифровых компетенций у персонала. На государственном уровне разработан ряд проектов и мероприятий, направленных на цифровую трансформацию различных сфер деятельности общества за счет формирования цифровых компетенций [6].

Однако выпускники, прошедшие обучение по существующим образовательным программам, не в полной мере соответствуют высококонкурентным требованиям рынка труда, диктуемым цифровой экономикой.

На современном рынке труда происходят существенные структурные изменения. По прогнозам ученых, в ближайшее десятилетие возможна полная автоматизация до 50% рабочих операций в мире, что приведет к прекращению существования ряда профессий [11]. Современная цифровая экономика характеризуется как усилением кадрового дефицита по ряду одних профессий, так и активной трансформа-

цией других, что обусловлено ростом требований к соискателям, а также региональными особенностями.

Целью статьи является выработка методических рекомендаций по модернизации образовательных программ высшего образования, направленных на освоение цифровых компетенций выпускниками вузов для развития кадрового потенциала регионального рынка труда в условиях цифровизации экономики.

Специфика рынка труда Ленинградской области отражается в динамике и структуре спроса и предложения, уровне конкуренции и заработной платы. Как и в большинстве регионов страны, в Ленинградской области наибольшим спросом у работодателей пользуются профессии категории «Продажи, обслуживание клиентов» (27% от общего количества вакансий в регионе). Также в рейтинг самых востребованных профессий в рассматриваемом регионе вошли такие категории, как «Рабочий персонал», «Розничная торговля», «Строительство, недвижимость» и т.д. Структура вакансий Ленинградской области по профессиональным сферам представлена на рис. 1.

В условиях цифровой экономики в каждой из указанных выше областей предпочтение отдается специалистам, которые обладают цифровыми компетенциями. Даже сфера «Продажи» требует цифровых навыков в силу возрастающей популярности среди населения различных «маркетплейсов» для создания, наполнения и анализа контента, размещенного на их площадках.

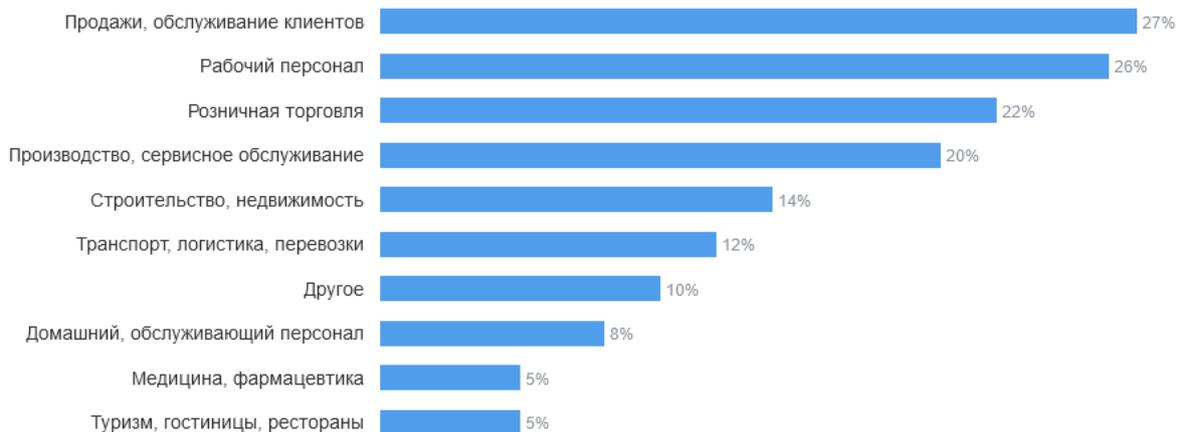

Рис. 1. Структура вакансий Ленинградской области по профессиональным сферам на 1 мая 2023 г.

Источник: [7].

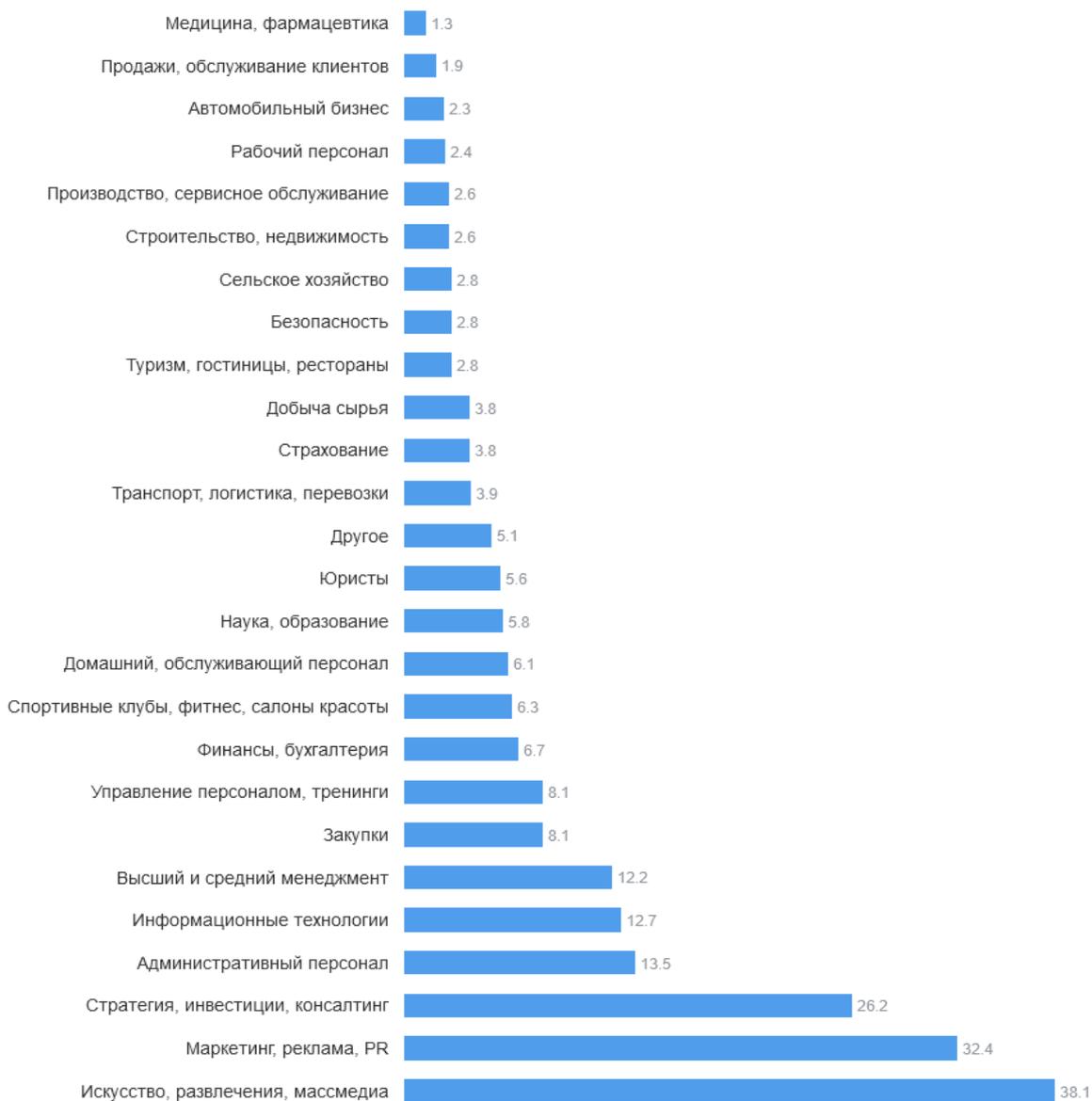

Рис. 2. Структура hh.индекса в Ленинградской области (количество резюме на одну вакансию)

Источник: [7].

По данным официальной статистики, в Ленинградской области на 1 мая 2023 г. спрос на рабочую силу составил 45 196 вакансий, что на 4 402 обращения больше, чем в предыдущем месяце. Все вакансии представлены по 1152 наименованиям профессий и специальностям, которые были заявлены от 2074 работодателей, из них:

- 69% вакансий по рабочим профессиям;
- 31% относятся к специальностям инженерно-технических работников и служащих [8].

В то же время следует отметить, что численность безработных граждан, состоящих на учете в службе занятости за рассматриваемый период, составила 3 761 чел. По последним данным Петростата, в среднем за январь–март 2023 г. уровень безработицы по рассматриваемому субъекту (по методологии МОТ) составил 3,0%. Иными словами, численность безработных составляет 33,6 тыс. человек [9]. Но следует также учитывать и ту категорию населения, которая в данный момент трудоустроена, но планирует сменить место работы и уже занимается поиском нового места.

На рис. 2 представлена дифференциация hh-индекса в Ленинградской области, отражающего количество резюме на одну размещенную вакансию.

Исходя из статистических данных, которые были представлены выше, спрос на трудовые ресурсы в Ленинградской области превышает предложение на 25,7%, что свидетельствует о нехватке кадров в регионе, которую могут восполнить будущие выпускники образовательных организаций высшего образования рассматриваемого субъекта. Конкуренция на отдельные сферы профессий в Ленинградской области достаточно высока, и выпускники должны обладать конкурентными преимуществами перед другими категориями соискателей.

Однако это становится достаточно проблематичным, учитывая, что выпускники вузов не имеют практического опыта в профессиональной деятельности. В данном случае одним из конкурентных преимуществ молодых специалистов, не имеющих опыта работы, может стать наличие цифровых компетенций.

Поэтому возникает острая необходимость введения в образовательные программы высшего образования модулей профессионального обучения, специфической чертой которых будет направленность на формирование у обучающихся цифровых компетенций, что позволит устранить сложившиеся диспропорции на рынке труда. Соответственно, будущие выпускники будут обладать конкурентными преимуществами относительно более опытных соискателей.

Пункт 14 Порядка организации и осуществления образовательной деятельности по образовательным программам высшего образования – программам бакалавриата, программам специалитета, программам магистратуры регламентирует предоставление возможности обучающимся одновременно получать несколько квалификаций. Положения вышеуказанного порядка вступили в силу с 1 сентября 2022 г., однако многие моменты в части реализации п. 14 остаются неразрешенными, поскольку сам порядок одновременного получения нескольких квалификаций определяется образовательной организацией высшего образования самостоятельно [1].

Эксперт ФГБНУ «Экспертно-аналитического центра» Минобрнауки Е.А. Шкабура предлагает три варианта сопряжения образовательных программ в зависимости от уровня подготовки [10], которые схематично представлены на рис. 3.

Квалификация 1	Квалификация 2	Квалификация 1	Квалификация 2	Квалификация 1	Квалификация 2
Бакалавриат	Бакалавриат	Специалитет	Специалитет	Магистратура	Магистратура
Бакалавриат	ДПО	Специалитет	ДПО	Магистратура	ДПО
Бакалавриат	ПО	Специалитет	ПО	Магистратура	ПО

Рис. 3. Варианты сопряжения образовательных программ по уровням образования

Источник: [10].

Данная укрупненная модель, разработанная экспертно-аналитическим центром Минобрнауки, представляет принцип формирования основной профессиональной образовательной программы при реализации

нескольких квалификаций, в т.ч. с сопряжением программ дополнительного профессионального образования (далее – ДПО) и профессионального обучения (далее – ПО). Данная модель представлена на рис. 4.

Рис. 4. Модель ОПОП ВО с несколькими квалификациями ДПО/ПО
 Источник: [10].

Содержание трудовых функций, предусмотренных профессиональным стандартом «Специалист по информационным ресурсам»

Обобщенные трудовые функции			Трудовые функции		
Код	Наименование	Уровень квалификации	Наименование	Код	Уровень (подуровень) квалификации
А	Техническая обработка и размещение информационных ресурсов на сайте	4	Ввод и обработка текстовых данных для сайтов	A/01.4	4
			Сканирование и обработка графической информации	A/02.4	4
			Ведение информационных баз данных	A/03.4	4
			Размещение информации на сайте	A/04.4	4
В	Создание и редактирование информационных ресурсов	5	Подбор информации по тематике сайта	B/01.5	5
			Создание информационных материалов для сайта	B/02.5	5
			Редактирование информации на сайте	B/03.5	5
			Ведение новостных лент представительств в социальных сетях	B/04.5	5
			Модерирование обсуждений на сайте, форуме и в социальных сетях	B/05.5	5
			Нормативный контроль содержания сайта	B/06.5	5

Источник: [3].

При разработке основной профессиональной образовательной программы, сопряженной с получением двух и более квалификаций, прежде всего, необходимо проанализировать требования регионального рынка труда. Как было отмечено выше, в современных условиях остро стоит вопрос освоения студентами практически всех направлений подготовки цифровых компетенций.

Одной из самых востребованных профессий является специалист по информационным ресурсам. В рамках программы дополнительного профессионального образования можно выбрать реализацию следующих обобщенных трудовых функций, которые представлены в таблице.

Разрабатывая программы дополнительного профессионального образования, сопряженные с реализацией основной профессиональной образовательной программы бакалавриата, необходимо предусмотреть количество часов, кратное зачетной единице. Образовательные организации высшего образования вправе самостоятельно устанавливать величину зачетной единицы в пределах, предусмотренных законодательством. Традиционно и для удобства расчета недельной нагрузки принято устанавливать величину зачетной единицы, равной 36 академическим часам. Таким образом, целесообразно выделить на программу дополнительного профессионального образования «Специалист по информационным ресурсам» 216 ч.:

– 3 з.е. на дисциплину «Современные интернет-технологии»;

– 2 з.е. на учебную практику (Создание и редактирование информационных ресурсов);

– 1 з.е. квалификационный экзамен.

В рамках дисциплины «Современные интернет-технологии» обучающиеся изучают:

- основы компьютерной графики;
- законодательство РФ касательно интеллектуальной собственности, хранения и распространения персональных данных, запрета и ограничений на распространение отдельных видов информации;
- стандарты доступности интернет-ресурсов для лиц с ограниченными

возможностями;

- поисковые системы: принципы и механизмы работы;
- принципы копирайтинга и рерайта;
- организация и ведение новостных лент, электронных подписок;
- структуру, кодировку и языки разметки веб-страниц (базовые теги языка гипертекстовой разметки (HTML), фреймы слою, куки-файлы);
- виды спама и нежелательного контента;
- основы веб-этикета и пр.

Раздел рассматриваемого модуля «Учебная практика» нацелен на получение обучающимися следующих умений:

- работать с оборудованием для оцифровки изображений;
- работать со специализированным программным обеспечением, в т.ч. в текстовых и графических редакторах;
- использовать различные методы поиска, сортировки и обработки в информационных базах данных;
- заполнять веб-формы;
- размещать объекты мультимедиа на веб-страницах;
- работать с сайтами агрегаторами, новостными порталами, электронными подписками, социальными сетями, форумами и пр.

Целесообразно данный модуль квалификации вводить в учебный план программ бакалавриата на первых курсах после завершения базовых дисциплин, связанных с изучением информационных систем и технологий.

После изучения составных компонентов модуля обучающиеся сдают квалификационный экзамен, который оценивает соответствие знаний, умений и навыков по программе дополнительного профессионального образования [2]. Квалификационный экзамен включает в себя следующие составные элементы:

- выполнение практической квалификационной работы;
- проверку теоретических знаний.

Процедура проведения квалификационного экзамена регламентируется законодательством в области дополнительного профессионального образования. Прежде

всего, необходимо сформировать комиссию. Состав комиссии по проведению квалификационного экзамена предусматривает привлечение представителей работодателей и/или их объединений, что обеспечивает независимость оценки качества освоения программы дополнительного профессионального образования [4]. Обучающийся, успешно завершивший обучение по модулю и сдавший квалификационный экзамен, получает квалификацию, что подтверждается документом о квалификации.

Таким образом, формирование кадрового потенциала региона напрямую зависит от качества образования, которое образовательные организации высшего образования могут обеспечить будущим выпускникам. В свою очередь качество разработки и реализации образовательных программ высшего образования должно отвечать требованиям регионального рынка труда. Выпускники вузов, завершившие обучение по программе высшего образования и освоившие цифровые компетенции по программе дополнительного профессионального образования, будут не только соответствовать требованиям современного рынка труда, но и обладать опытом профессиональной деятельности, что приведет к их востребованности и конкурентоспособности в процессе трудоустройства и способствует развитию кадрового потенциала рынка труда Ленинградской области в условиях цифровизации экономики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Приказ Министерства науки и высшего образования Российской Федерации № 245 от 6 апреля 2021 г. «Об утверждении Порядка организации и осуществления образовательной деятельности по основным программам высшего образования – программам бакалавриата, программам специалитета, программам магистратуры». URL: <http://garant.ru> (дата обращения: 25.06.2023).
2. Приказ Министерства образования и науки РФ от 1 июля 2013 г. N 499 «Об утверждении Порядка организации и осуществления образовательной деятельности по дополнительным профессиональным программам» (дата обращения: 25.06.2023).
3. Приказ Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации № 420н от 19 июля 2022г. «Об утверждении профессионального стандарта «Специалист по информационным ресурсам». URL: <http://mintrud.gov.ru> (дата обращения: 25.06.2023).
4. *Бабскова О.В.* Совершенствование образовательного процесса в профессиональных образовательных организациях на основе инновационного подхода // Актуальные проблемы науки и практики: Гатчинские чтения – 2020: сб. науч. трудов по материалам VII Междунар. науч.-практ. конф. Гатчина: Изд-во ГИЭПТ, 2020. С. 488–492.
5. *Воронова Д.Ю.* Разработка системы управления развитием кадрового потенциала в условиях цифровой трансформации образования // Финансовая экономика. 2023. № 5. С. 149–154.
6. *Гайсина С.В., Давыдова И.П.* Методические рекомендации по цифровому образованию «Карта цифровых компетенций». URL: <https://spbappo.ru/wp-content/uploads/2021/03/Карта-компетенций-ИТОГ.pdf> (дата обращения: 13.05.2023).
7. Индекс hh. Статистика по России. Ленинградская область. URL: https://stats.hh.ru/leningrad_oblast#structure Vacancies%5Bactive%5D=true (дата обращения: 23.05.2023).
8. Информация о развитии рынка труда Ленинградской области в апреле 2023 года. URL: <https://job.lenobl.ru/ru/deiatelnost/informirovanie-o-situacii-na-rynke-truda-leningradskoj-oblasti/informaciya-o-razvitiirynka-truda-leningradskoj-oblasti/> (дата обращения: 23.05.2023).
9. Управление Федеральной службы государственной статистики по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области. URL: <https://78.rosstat.gov.ru/folder/29442> (дата обращения: 25.06.2023).
10. *Шкабура Е.А.* Разработка и реализация образовательных программ высшего образования с присвоением нескольких квалификаций: доклад / ФГБНУ «Экспертно-аналитический центр» Министерства науки и высшего образования. URL: <http://fgbnuac.ru> (дата обращения: 25.06.2023).

11. *Khoina M.N.* Labor market in the conditions of digital transformation of the economy // Ontological and socio-cultural foundations of the alternative project of globalization: A collection of materials of the international scientific online conference. Yekaterinburg, 2020. September 24-25. P. 347–351.

И.А. Гокинаева

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ПОРЯДКА ПРИМЕНЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ТАМОЖЕННОГО КОНТРОЛЯ ТОВАРОВ

Ирина Александровна Гокинаева – доцент кафедры таможенного администрирования факультета безопасности и таможни, Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, кандидат экономических наук, г. Санкт-Петербург; e-mail: gokinaeva-ia@ranepa.ru.

В статье рассматриваются вопросы, связанные с совершенствованием таможенного контроля при внедрении в деятельность таможенных органов информационных технологий, эффективное применение которых способствует повышению автоматизации совершения таможенных операций и результативности выполнения поставленных задач. Вследствие этого в ближайшее десятилетие основными мероприятиями, направленными на развитие Федеральной таможенной службы России, будут являться цифровая трансформация используемых информационных технологий таможенного контроля товаров, а также повышение эффективности применения технологий, обеспечивающих как автоматическое, так и автоматизированное совершение таможенных операций в процессе таможенного контроля.

Ключевые слова: таможенные органы; информационные технологии; программные средства; таможенный контроль; Федеральная таможенная служба.

I.A. Gokinaeva

IMPROVING THE PROCEDURE OF APPLYING INFORMATION TECHNOLOGIES FOR CUSTOMS CONTROL OF GOODS

Irina Gokinaeva – senior lecturer, the Department of Customs Administration, North-West Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, PhD in Economics, St. Petersburg; e-mail: gokinaeva-ia@ranepa.ru.

We look at the issues related to the improvement of customs control due to the introduction of information technologies into the activities of customs authorities. The effective use of the technologies in question contributes to the automation of the customs operations as well as better performance. Thus, in the next decade, the main measures aimed at the development of the Federal Customs Service of Russia will involve the digital transformation of the information technologies applied for the customs control of goods, as well as the improvement of the efficiency of technologies ensuring both automatic and automated customs control operations.

Keywords: customs authorities; information technologies; software; customs control; Federal Customs Service.

В настоящее время внедрение в сферу деятельности таможенных органов (далее – ТО) современных информационных технологий (далее – ИТ) является приоритетным направлением для Федеральной таможен-

ной службы (далее – ФТС) России.

ИТ обеспечивают повышение результативности выполнения стоящих перед ТО задач и эффективно применяются во всех сферах их профессиональной деятельнос-

ти, в том числе, и в процессе проведения таможенного контроля (далее – ТК).

Совершенствование ТК напрямую зависит от уровня развития и внедрения в деятельность ТО ИТ, обеспечивающих автоматизацию и, как следствие, ускорение проверочных и контрольных процедур.

Необходимо отметить, что понятие «Информационная технология» не имеет единообразной трактовки в действующих нормативно-правовых актах и национальных стандартах Российской Федерации.

Так, в Федеральном законе от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», понятие «Информационная технология» раскрывается как процессы, методы поиска, сбора, хранения, обработки, предоставления, распространения информации и способы осуществления таких процессов и методов [1].

В тоже время, с учётом терминов и определений, приведённых в современных национальных стандартах, под ИТ понимаются приемы, способы и методы применения средств вычислительной техники (СВТ) при выполнении функций сбора, хранения, обработки, передачи и использования данных [2].

Обобщив вышеприведенные определения, можно предложить следующее понятие: ИТ ТК товаров – это совокупность используемых ТО в целях проведения ТК СВТ с установленными информационно-программными средствами, способов, методов, приемов сбора, обработки и предоставления необходимой информации.

На сегодняшний день наиболее перспективными ИТ ТК товаров являются:

- технология удаленного выпуска (далее – ТУВ) товаров;
- технология автоматической регистрации (далее – АР) деклараций на товары (далее – ДТ);
- технология автоматического выпуска товаров (далее – АВТ);
- технология автоматической диспетчеризации ДТ.

ИТ являются важными составляющими информационной системы (ИС), которая представляет собой совокупность содержащейся в базах данных (БД) инфор-

мации (информационных ресурсов) и обеспечивающих ее обработку ИТ и технических средств. Основной ИС ТО является многоуровневая Единая автоматизированная информационная система (далее – ЕАИС) ТО, предназначенная для обеспечения процессов автоматизации практической деятельности ФТС России и эффективной реализации информационных таможенных технологий.

Внедрению применяющихся в настоящее время в деятельности ТО ИТ, в частности, при осуществлении ТК, предшествовали разработка и применение в 2002 г. технологии электронного декларирования (далее – ЭД). Данное нововведение способствовало организации безбумажного (электронного) документооборота, а также автоматизации и упрощению процесса таможенного декларирования за счет кардинального изменения процедуры оформления документов и использования технологий, позволяющих обрабатывать данные в больших объемах. Массовое применение ЭД началось с 2008 г., когда предоставление ТО сведений о перемещаемых товарах стало возможным благодаря использованию сети Интернет. В течение последующего времени практическое применение ЭД привело к тому, что доля электронных ДТ составляет более 99,99% от всего объема оформленных ДТ (с учетом того, что товары не были идентифицированы как рискованные).

Взаимодействие таможенных постов фактического контроля (далее – ТПФК) и центров электронного декларирования (ЦЭД) при осуществлении ТК товаров обеспечивается за счет применения ТУВ. В свою очередь, эффективное применение ТУВ и других современных ИТ ТО (в том числе АР ДТ и АВТ) невозможно без функционирования входящей в состав ЕАИС ТО комплексной АИС «АИСТ-М».

Основное назначение АИС «АИСТ-М» заключается в обеспечении автоматизации совершения таможенных операций и проведения ТК товаров за счет обработки электронных копий документов (в том числе на основе информации, содержащейся в БД ЕАИС ТО и других федеральных органов исполнительной власти), а

также в предоставлении должностным лицам (далее – ДЛ) ТО информационной поддержки принятия решений в процессе ТК.

Необходимо подчеркнуть, что именно благодаря использованию АИС «АИСТ-М» и входящих в ее состав штатных программных средств (далее – ПС) ТО значительно упрощается проведение ТК, а также обеспечивается электронное взаимодействие между ТПФК и ЦЭД в процессе ТК товаров (фактического и документального). На сегодняшний день такими ПС являются специальные клиентские приложения, входящие в состав автоматизированных подсистем (АПС) АИС «АИСТ-М»: действующая программная задача (далее – ПЗ) «Модуль обработки документов» (МОД) и применяемая с 2021 г. в тестовом режиме ПЗ «Рабочее место системы таможенного оформления» (далее – РМ СТО).

Весь процесс взаимодействия ТПФК и ЦЭД с применением ТУВ представляет собой обмен электронными сообщениями (запросами) между сторонами, которые могут формироваться как самой системой (автоматически), так и с участием ДЛ ТО (автоматизировано) при совершении таможенных операций на различных этапах перемещения товаров.

В настоящее время большая часть таможенных операций, связанных с регистрацией ДТ или выпуском товаров, осуществляется АИС «АИСТ-М» в автоматизированном режиме, т.е. за счет самостоятельного принятия решений ДЛ (в том числе и с учетом решений, вынесенных ранее системой). Автоматизация процесса принятия решений обеспечивается применением штатных ПС из состава АИС «АИСТ-М», используемых в целях эффективной реализации современных ИТ ТК товаров. Как было сказано ранее, к таким ПС относятся действующая и активно используемая в течение долгого времени ПЗ «МОД», а также функционирующая с 2021 г. в тестовом режиме ПЗ «РМСТО», входящая в состав новой централизованной версии АИС «АИСТ-М».

Основное назначение ПЗ «МОД» – автоматизация процесса обработки таможенных документов ДЛ ТО, а именно создание и перемещение пакетов документов между

участниками документооборота.

Данное клиентское приложение функционирует от имени зарегистрированного пользователя и выполняет операции, связанные с ролью, назначенной конкретному пользователю.

Несмотря на то, что ПЗ «РМ СТО» и ПЗ «МОД» имеют практически одинаковое функциональное назначение, между ними существуют весомые различия.

Прежде всего, ПС имеют различные принципы работы. ПЗ «МОД» поддерживает децентрализованную работу АИС «АИСТ-М» более ранней версии, т.е. большая часть данных, попадающих в БД АИС «АИСТ-М» в процессе ТК, размещается и обрабатывается локально (на уровне ТП и таможни). Обслуживание и администрирование действующей ПЗ и обновление также осуществляются на этом уровне, для чего требуется привлечение большего количества человеческих ресурсов (ДЛ отдела информационно-технического обеспечения) в месте непосредственного расположения рабочего места ДЛ ТО, на котором установлена ПЗ. ПЗ «РМ СТО», напротив, поддерживает централизованный принцип работы, и все данные отправляются в Главный центр обработки данных ФТС России, за счет чего обработка информации значительно ускоряется, и новое ПС имеет значительно большее быстродействие, чем ПЗ «МОД», и в меньшей степени нуждается в обслуживании на месте установки (обслуживание новой ПЗ в основном осуществляется Центральным информационно-техническим таможенным управлением удаленно).

Существенным отличием ПЗ «РМСТО» от ПЗ «МОД» является обновление графического интерфейса и более высокий уровень автоматизации процесса ТК.

На данный момент в перспективной ПЗ «РМ СТО» не реализовано множество привычных функций, которые предусмотрены в действующей ПЗ «МОД», и не решены некоторые проблемные вопросы, возникающие при эксплуатации данного ПС, к которым можно отнести следующие:

- отсутствует возможность быстрого просмотра сведений о товарах без взятия ДТ в обработку, в том числе сведений о

времени подачи/выпуска ДТ, а также соблюдения/не соблюдения критериев АР ДТ и АВТ с целью контроля сроков и условий принятия ДТ и их выпуска. Необходима функция автоматической демонстрации краткой справки о товарах (предусмотрена в ПЗ «МОД» при наведении курсора на ДТ в списке;

– отсутствует инструмент проверки наличия оперативной информации в отношении товара, контейнера (информационные резолюции), а также отсутствует возможность блокировки руководством отдела (поста) действий по ДТ с наложением информационной резолюции для ДЛ ЦЭД. Данную проблему целесообразно решить путем создания специального диалогового окна для внесения информации о новых нормативных документах в отношении определенных категорий товаров, стран их происхождения и др.;

– визуализация примечаний к мерам в ПЗ «РМ СТО» реализована неудобно для ДЛ ЦЭД: меры по минимизации риска (далее – ММР) и профили риска [3] отображаются в одной вкладке в виде длинного списка (нет возможности раздельного просмотра), что может привести к некорректным решениям ДЛ. Необходимо реализовать просмотр примечаний как в целом по одному профилю риска, так и по всем работавшим по нему ММР;

– отсутствует возможность повторного направления решения о проведении таможенной экспертизы, что в случае отказа от экспертно-криминалистической службы в ее проведении приводит к необходимости направления решения в бумажном виде;

– в случае, если ранее по товарам принято решение о продлении срока выпуска (например, по причине проведения таможенного досмотра), а в дальнейшем необходимо осуществить его продление по иному основанию (например, по требованию ТО о внесении изменений (дополнений) в ДТ), ПС не позволяет изменить основание продления срока выпуска товаров;

– отсутствует возможность просмотра изображений, полученных по результатам фактического ТК, в отдельном

окне и крупном масштабе, что в некоторых случаях создает проблемы в части идентификации и получения сведений для сопоставления их со сведениями, заявленными в ДТ;

– отсутствует встроенный в ПС калькулятор с интегрированными сведениями о курсе валюты на конкретную дату, в связи с чем пересчет стоимости и цены товара является затруднительным для ДЛ ЦЭД.

Для обеспечения эффективной работы ПЗ «РМ СТО» необходимо решить перечисленные проблемы и внести необходимые доработки, пока ПС находится на этапе опытной эксплуатации (в тестовом режиме). В дальнейшем, на этапе реальной эксплуатации ПС, устранить указанные недостатки будет весьма проблематично. Данные обстоятельства в конечном итоге повлекут за собой снижение эффективности проверочных мероприятий в процессе применения ИТ ТК товаров (по большей части, ТУВ).

Таким образом, совершенствование применения ИТ ТК товаров позволит повысить эффективность их применения в процессе ТК.

ЛИТЕРАТУРА

1. Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798/ (дата обращения: 11.05.2023).

2. Приказ Минфина России от 20.09.2019 № 150н «Об утверждении Порядка совершения таможенных операций, связанных с регистрацией декларации на товары либо отказом в такой регистрации посредством информационной системы таможенных органов» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_336624/ (дата обращения: 06.06.2023).

3. Гокинаева И.А., Кириллова Д.А. Совершенствование системы управления рисками в области контроля классификации товаров // Журнал правовых и экономических исследований. 2021. № 1. С. 111–115.

Г.А. Коломенский, Г.В. Османов, А.Г. Иваниско
**«ПОДВОДНЫЕ КАМНИ» КОНТРАКТНОЙ СИСТЕМЫ:
ВЗГЛЯД ЗАКАЗЧИКА**

Георгий Абрамович Коломенский – доцент кафедры государственного и муниципального управления, Государственный институт экономики, финансов, права и технологий, кандидат физико-математических наук, г. Гатчина; **e-mail: gacol@rambler.ru.**

Григорий Викторович Османов – преподаватель кафедры государственного и муниципального управления, Государственный институт экономики, финансов, права и технологий, г. Гатчина; **e-mail: piu@vodokanal.gtn.ru.**

Алина Геннадьевна Иваниско – секретарь заместителя начальника Департамента инвестиций и проектирования, ПАО «Газпром», г. Санкт-Петербург; **e-mail: smo.linka@yandex.ru.**

В статье проанализированы некоторые проблемы, с которыми сталкиваются заказчики при осуществлении государственных и муниципальных закупок. Проанализировано влияние соотношения «цена – качество» на результативность и эффективность закупок. Авторами предложены минимальные требования к системе оценки эффективности закупок, а также меры, направленные на повышение эффективности и результативности закупок.

Ключевые слова: государственные и муниципальные закупки; контрактная система; эффективность и результативность закупок.

G.A. Kolomensky, G.V. Osmanov, A.G. Ivanisko
PITFALLS OF CONTRACT SYSTEM: CUSTOMER'S VIEW

Georgy Kolomensky – senior lecturer, the Department of State and Municipal Administration, State Institute of Economics, Finance, Law and Technology, PhD in Physics and Mathematics, Gatchina; **e-mail: gacol@rambler.ru.**

Grigory Osmanov – teacher, the Department of State and Municipal Administration, State Institute of Economics, Finance, Law and Technology, Gatchina; **e-mail: piu@vodokanal.gtn.ru.**

Alina Ivanisko – secretary of Head of Investment and Project Department, Gasprom, St. Petersburg; **e-mail: smo.linka@yandex.ru.**

We analyze certain problems that customers face during state and municipal procurement activities. We analyze how “value for money” concept affects the procurement effectiveness and efficiency. We suggest introducing minimal requirements to the system of assessing procurement effectiveness as well measures aimed at increasing procurement effectiveness and efficiency.

Keywords: state and municipal procurement; contract system; procurement effectiveness and efficiency.

Восемь лет функционирования в Российской Федерации контрактной системы в сфере государственных и муниципальных закупок (далее – контрактная система) дает солидную основу для некоторых выводов. Прежде всего, следует отметить, что контрактная система находится в процессе постоянных изменений. Действующая

редакция Федерального закона от 05.04.2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» [1] (далее – Закон о контрактной системе) является 95-й по счету, а уже принятые Государственной Думой законодательные акты формируют

еще три редакции, вступающие в силу с 01.07.2023 г., 01.01.2024 г. и 08.03.2024 г. соответственно. Такая нестабильность законодательства, безусловно, осложняет деятельность огромного числа участников контрактной системы, количество которых по данным регистрации в Единой информационной системе в сфере закупок (далее – ЕИС ЗАКУПКИ) на 01.10.2022 г. составило почти 700 000, в том числе 57 000 заказчиков всех уровней [3].

Между тем, государственные и муниципальные закупки играют важнейшую роль в управлении общественными финансами, обеспечивая материальными и нематериальными ресурсами процесс оказания государственных и муниципальных услуг, а также функционирование органов власти и управления всех уровней. Общая сумма договоров (контрактов), заключенных в рамках контрактной системы в 2022 г., по данным Единой информационной системы в сфере закупок (далее – ЕИС «ЗАКУПКИ») [4] составила почти 11,3 трлн рублей, или 20,5% расходов консолидированного бюджета Российской Федерации. Отсюда вытекает важность и актуальность темы настоящей статьи. Сразу отметим, что в рамках данной статьи мы не будем рассматривать заведомо недобросовестные действия заказчиков, сознательно идущих на нарушение тех или иных положений Закона о контрактной системе в надежде «как-нибудь проскочить».

Нестабильность законодательства влечет за собой несколько следствий для заказчиков. Во-первых, у работников контрактной службы заказчика возникает необходимость постоянной актуализации своих знаний нормативной базы. Эта работа требует определенных затрат как времени, так и финансовых ресурсов, что достаточно непросто, особенно в тех случаях, когда контрактная служба создается в виде «виртуального» подразделения, т.е. когда сотрудники совмещают обязанности по контрактной службе с выполнением других служебных обязанностей.

Во-вторых, если изменения в законодательстве носят принципиальный характер, существенно меняя действовавшие до этого положения (как, например, редакция

44-ФЗ, введенная в действие с 01.01.2022 г.), становятся бесполезными многие шаблоны, разработанные специалистами для экономии трудозатрат при подготовке документации, и возникает необходимость разработки новых.

В-третьих, существенно возрастает вероятность «попадания» под штрафные санкции контрольных органов, вплоть до отмены протоколов и возврата, соответственно, на предыдущие этапы закупки и вынесения административных взысканий на должностных лиц заказчика. Особенно неприятной является задержка с осуществлением закупки, что в случае, если закупка имеет сезонный характер, может привести к невозможности ее осуществления в необходимые сроки.

Справедливости ради отметим, что законодатель признал наличие проблем, связанных с нестабильностью законодательства о контрактной системе, в связи с чем с 01.01.2021 г. вступила в действие ч. 5 статьи 2 Федерального закона [1], внесенная Федеральным законом от 24.04.2020 г. № 124-ФЗ, установившая правила вступления в силу законов о внесении изменений в Закон о контрактной системе и давшая участникам системы некоторый гарантированный срок на адаптацию к принимаемым новшествам. Однако уже в ноябре 2022 г. действие этих правил было приостановлено до 01.01.2024 г.

Конечно, наиболее радикальным способом решения проблемы нестабильности законодательства был бы трех- или пяти-летний мораторий на внесение любых изменений в Закон о контрактной системе, причем такой мораторий должен повторяться периодически. Хорошо известно, что лучше пусть не совсем совершенное, но стабильное законодательство, чем постоянно вносимые «улучшения», которые к тому же зачастую ситуацию совсем не улучшают. Однако что-то подсказывает, что подобная инициатива вряд ли будет реализована.

В этих условиях можно предложить ряд мер, которые позволят минимизировать потенциальный ущерб от нестабильного законодательства. Одной из таких

мер могло бы быть введение в контрактной службе функции управления качеством по аналогии с соответствующими службами в коммерческих организациях. Основная задача управления качеством в контрактной службе – обеспечение процесса закупок качественной документацией, причем не только с юридической стороны, что будет обеспечивать минимизацию как рисков, связанных с нестабильностью законодательства, так и рисков, связанных с защитой интересов заказчиков при возможных конфликтных ситуациях, но и с технической стороны, поскольку именно с подготовки технического описания объекта закупки начинается процесс обеспечения результативности закупки, о чем пойдет речь ниже.

С точки зрения управления качеством любая жалоба на действия или бездействие заказчика, признанная обоснованной, любая ситуация, связанная с выявленными нарушениями в ходе исполнения контракта, должна рассматриваться как брак в работе контрактной службы и быть поводом для внутреннего анализа причин произошедшего и поиска решений, исключающих появление подобных фактов в будущем.

Следующим предметом нашего обсуждения является проблема эффективности и результативности закупок. Буквально в первом же предложении Закона о контрактной системе прокламируется, что он «регулирует отношения, направленные на обеспечение государственных и муниципальных нужд в целях повышения эффективности, результативности осуществления закупок товаров, работ, услуг <...>» [1].

Далее в ст. 6 в числе принципов контрактной системы упоминаются «ответственность за результативность обеспечения государственных и муниципальных нужд» и «эффективность осуществления закупок». И наконец, ст. 12 «Принцип ответственности за результативность обеспечения государственных и муниципальных нужд, эффективность осуществления закупок» устанавливает, что заказчики «при планировании и осуществлении закупок должны исходить из необходимости достижения заданных результатов

обеспечения государственных и муниципальных нужд», а «должностные лица заказчиков несут персональную ответственность за соблюдение требований, установленных законодательством Российской Федерации о контрактной системе в сфере закупок...» [1].

При этом ни в законе, ни в других нормативных актах о контрактной системе, ни в многочисленной литературе, комментирующей законодательство о контрактной системе, нет ни определения эффективности закупок, ни определения их результативности. Таким образом, даже с теоретической точки зрения, не говоря уже о практической стороне дела, вопросы эффективности и результативности государственных закупок проработаны очень слабо.

В работе [5] авторы пришли к выводу, что наиболее часто используемыми показателями эффективности закупок являются относительная экономия бюджетных средств (т.е. отношение снижения цены контракта к его начальной (максимальной) цене) и уровень конкуренции, за который весьма примитивно принимается число участников торгов.

Слабость и неполнота этих показателей становятся очевидными, если принять во внимание современные подходы к определению эффективности как к соотношению достигнутых результатов и затраченных ресурсов. В силу многозначности и результатов, и ресурсов понятие эффективности также становится комплексным показателем любой, в том числе экономической деятельности. С этой точки зрения даже для определения бюджетной эффективности закупок сведение результата закупки исключительно к снижению цены при заключении контракта является методически неверным, как если бы рентабельность продукции определялась только снижением цены при закупке сырья или комплектующих. Да и отсутствие учета затрат на использование объекта закупки в процессе его использования также вносит искажения в показатели эффективности закупок.

Очевидным следствием такого «бухгалтерского» подхода к показателям эф-

фактивности закупок является значительный перекос в сторону электронного аукциона как способа определения поставщика (подрядчика, исполнителя), по сравнению с открытыми электронными конкурсами. По данным [3] за 9 месяцев 2022 г. доля электронных аукционов в общем количестве процедур определения поставщиков (подрядчиков, исполнителей) составила 87,5% (90% за аналогичный период 2021 г.), а в стоимостном объеме – 58,7% (64% за аналогичный период 2021 г.). В то же время доля электронных конкурсов в общем количестве процедур составила всего 2,8%, а в стоимостном объеме – 39,3%. Аналогичные показатели за 9 месяцев 2021 г. составили 2% и 24% соответственно.

Данные этого же источника о среднем количестве заявок на одну процедуру ставят под сомнение еще одно преимущество аукционов – их якобы большую конкурентность по сравнению с другими процедурами. Так, за 9 месяцев 2022 г. среднее количество поданных заявок на участие в электронном аукционе составило 2,88, тогда как для электронных конкурсов этот показатель составил 2,49, а для электронного запроса котировок – 2,59.

Реальная же причина доминирования электронных аукционов кроется вовсе не в предпочтениях заказчиков, а в распоряжении Правительства РФ от 21 марта 2016 г. № 471-р [2], в котором установлен перечень товаров, работ, услуг, в случае осуществления закупок которых заказчик обязан проводить аукционы. Перечень охватывает 60 классов продукции (работ, услуг) по классификатору ОК 034-2014 покрывая, тем самым, значительную часть номенклатуры объектов закупок для государственных и муниципальных нужд.

Мнение же заказчиков относительно показателей эффективности закупок существенно отличается от подходов государственных органов, вовлеченных в регулирование контрактной системы. В исследовании группы сотрудников Института анализа предприятий и рынков ВШЭ [6] на основании онлайн-опроса госзаказчиков и поставщиков установлено, что 77% и 53% заказчиков считают предпо-

читательными такие критерии эффективности госзакупок, как «поставка качественного товара» и «исполнение контракта в срок» соответственно. В то же время традиционные показатели эффективности, а именно «снижение цены» и «высокая конкуренция» отметили в качестве приемлемых только 19% и 18% заказчиков соответственно.

Столь большие различия показывают, что мнение непосредственных участников закупок слабо учитывается регулирующими органами, и такую ситуацию нельзя признать удовлетворительной. Очевидно, что дальнейшее совершенствование регулирования системы госзакупок должно основываться в первую очередь на мнении заказчиков и поставщиков, и уже во вторую очередь на интересах контролирующих органов.

Учитывая вышеизложенное, можно сформулировать следующие минимальные требования к системе оценки эффективности закупок:

- оценка эффективности закупок является интегральным показателем и должна производиться на основе комплекса разнородных показателей;

- оцениваться должна эффективность каждой конкретной закупки;

- среди показателей, используемых для оценки эффективности, должны быть как количественные показатели (сокращение цены контракта, отклонение от срока исполнения контракта, отношение затрат на ремонт и обслуживание объекта закупки к цене контракта), так и качественные показатели, характеризующие объект закупки (по аналогии с качественными критериями, используемыми при оценке заявок на участие в конкурсе);

- вес каждого индивидуального показателя, используемый при расчете интегрального показателя эффективности, должен быть установлен экспертным путем.

Система оценки эффективности закупок должна быть утверждена постановлением Правительства РФ, и оценку эффективности следует публиковать в ЕИС «ЗАКУПКИ» наряду с другими характеристиками конкретной закупки.

Если понятие эффективности связы-

вает результат тех или иных действий с затраченными ресурсами, то понятие результативности связывает результат действий с теми целями, которые должны были быть при этом достигнуты. Таким образом, эффективность и результативность характеризуют закупку с разных точек зрения; эффективность – с точки зрения расходования ресурсов, а результативность – с точки зрения достижения целей закупки.

Поскольку целями государственных и муниципальных закупок является в итоге качественное и эффективное оказание государственных и муниципальных услуг, именно с этих позиций следует подходить к определению результативности закупок. Однако ст. 13 Закона о контрактной системе, раскрывающая цели осуществления закупок, утратила силу в июле 2019 г. С этого момента оценка результативности закупок потеряла смысл, т.к. на законодательном уровне не сформулированы цели закупок, причем они должны быть не только сформулированы, но и быть измеримыми для того, чтобы можно было выстроить систему оценки результативности закупок. При этом сам процесс целеполагания не является таким простым, как может показаться.

Рассмотрим такой пример – строительство новой больницы. Самая простая (и сравнительно легко достижимая) цель такой закупки – увеличение числа коек. А дальше возникают вопросы следующего порядка – а зачем нам увеличивать число коек? Допустим, для того, чтобы сократить время ожидания госпитализации. Следующий уровень – что нам дает сокращение времени ожидания госпитализации? Предположим ответ – более эффективное (т.к. начато раньше, пока болезнь не начала прогрессировать) лечение. Эту серию вопросов и ответов можно продолжать и далее. Таким образом, цель закупки превращается в дерево целей, на каждом уровне которого можно определить результативность закупки.

Очевидно, что соотношение «цена – качество» объекта закупки существенным образом влияет и на эффективность закупки в ее широком понимании, и на ре-

зультативность закупки. И если задаться целью проанализировать, каким образом действующее законодательство о контрактной системе стимулирует заказчиков к приобретению объектов закупки с оптимальным соотношением «цена – качество», то выясняется, что положительных стимулов очень мало, зато отрицательных хоть отбавляй.

Проблемы начинаются уже с описания объекта закупки. Если при описании технических и качественных характеристик заказчик будет ориентироваться на наиболее качественный товар, он рискует получить жалобу и, соответственно, разбирательство в антимонопольном органе по поводу того, что характеристики объекта закупки соответствуют только одному производителю и тем самым ограничивают число потенциальных участников закупки (п. 1, ч. 1, ст. 33 Закона о контрактной системе).

Кроме того, более качественный товар, скорее всего, будет стоить дороже, что очевидным образом противоречит идее Закона о контрактной системе об экономии бюджетных средств.

Далее – выбор способа определения поставщика (подрядчика, исполнителя). Мы отмечали значительный крен в сторону такого способа, как электронный аукцион, что определено уже упомянутым распоряжением Правительства РФ [2]. И если для достаточно простых товаров аукцион является вполне эффективным способом определения поставщика, то для сложных товаров, недостатки которых могут проявляться в ходе эксплуатации (так называемые «экспериментальные» или «опытные блага»), а уж тем более для определения подрядчиков работ или исполнителей услуг такой способ торгов совершенно не пригоден в силу экономической природы данных объектов закупки.

По умолчанию этот факт был признан и Правительством РФ, результатом чего стало внесение некоторых изменений в Перечень, утвержденный распоряжением [2], исключивших из него практически все виды строительно-монтажных работ и некоторые виды товаров и услуг, в основном связанных с питанием в образовательных

учреждениях различных типов и организацией отдыха детей и их оздоровления. Тем не менее, достаточно большой круг услуг продолжает входить в указанный перечень, и заказчик вынужден для определения исполнителя этих услуг использовать электронный аукцион.

Единственным адекватным способом определения исполнителя услуги является электронный конкурс, но и в этом случае необходимо очень внимательно отнестись к выбору критериев оценки заявок. В частности, совершенно неэффективными будут критерии, связанные с качественными, функциональными и экологическими характеристиками объекта закупки. Дело в том, что, как известно, все характеристики услуги проявляются исключительно в процессе ее оказания, следовательно, степень соответствия характеристик услуги требованиям заказчика не может быть определена заранее на этапе определения исполнителя. Таким образом, оценка по таким критериям может быть проведена только формально, и для участника закупки не представляет никаких сложностей получение максимального балла просто путем копирования требований заказчика. Также следует учитывать, что качество услуги обычно определяется не какими-то объективными показателями, а степенью соответствия услуги ожиданиям заказчика.

В связи с этим кроме стоимостных критериев в данном случае следует использовать только квалификационные критерии, которые косвенным образом могут характеризовать качество оказываемой услуги.

На этапе исполнения контракта и приемки его результатов заказчика также могут столкнуться с определенными проблемами. Например, заказчик обнаружил недостатки, которые в принципе могут быть устранены поставщиком (подрядчиком, исполнителем), но требуют какого-то, иногда весьма существенного, времени. В результате заказчик оказывается перед дилеммой: проявить принципиальность и добиться полного устранения недостатков, рискуя сроками исполнения контрактов, или воспользоваться имею-

щейся в ч. 8 ст. 94 Закона о контрактной системе лазейкой, принять результаты исполнения контракта (или его части), посчитав недостатки не препятствующими приемке, и ограничиться «косметическими» мерами по устранению недостатков.

Эта дилемма весьма неприятна для заказчика, т.к. в некоторых случаях срыв сроков может привести к невозможности использования объекта закупки по причине, например, наступления неблагоприятного сезона. В этом смысле штрафные санкции за нарушение сроков исполнения контрактов не компенсируют негативных последствий такого хода событий. Взвешивая риск приемки не вполне качественного результата исполнения контракта и риск наступления неблагоприятных последствий срыва сроков исполнения контракта, заказчик не всегда проявляет принципиальность и идет на поводу у поставщика, особенно если последний клятвенно обещает все исправить после приемки.

Большая часть вышеупомянутых проблем могла бы быть решена путем заключения по результатам торгов так называемых контрактов жизненного цикла, тем более что сфера применения таких контрактов на сегодняшний день весьма широкая. К сожалению, ни в реестре контрактов ЕИС «Закупки», ни в сводных отчетах по мониторингу закупок, публикуемых Минфином РФ, невозможно найти информацию ни о количестве заключенных контрактов жизненного цикла, ни об их доле в общей стоимости контрактов, заключенных заказчиками в соответствии с Законом о контрактной системе. Одной из причин, препятствующих более широкому применению контрактов жизненного цикла, по-видимому, является проблема определения адекватной начальной (максимальной) цены контракта и ценовых предложений участников закупки в части затрат на последующее обслуживание, ремонт, эксплуатацию в течение достаточно длительного срока службы объекта закупки.

Итак, по нашему мнению, основные направления совершенствования контрактной системы должны заключаться в

следующем:

1. Главной целью контрактной системы должно стать обеспечение эффективности и результативности закупок для государственных и муниципальных нужд, а главным принципом – ясность и четкость формулировок. Остальные провозглашенные в действующей редакции Закона [1] принципы должны влиять на нормативную базу и систему контроля только в той степени, в которой они способствуют достижению главной цели и соответствуют главному принципу.

2. Закон должен быть радикально очищен от повторов, от многословных, во многом запутанных предложений, смысл которых абсолютно теряется в нагромождении слов. Дублирование положений других законодательных актов должно быть исключено.

3. Проблема нехватки специалистов для подготовки качественной документации о закупке и контроля заказчиков за исполнением контракта должна решаться путем более широкого применения централизованных закупок. Заказчики, не имеющие возможности сформировать полноценную контрактную службу в силу малого объема закупок или ограниченности штатного расписания, должны передавать все свои полномочия по закупкам уполномоченным органам.

4. Необходимо обеспечить стабильность законодательства о госзакупках, для чего принять определенный регламент внесения изменений, обеспечивающий учет мнения заказчиков и отказ от «быстрого реагирования», создающего видимость активной работы.

5. Необходимо отказаться от ориентации на экономию бюджетных средств как основного показателя эффективности закупок. При оценке заявок на участие в конкурсах необходимо понизить значимость стоимостных критериев и, соответственно, увеличить значимость нестои-

мостных, в первую очередь, квалификационных критериев. Также необходимо отказаться от обязательного использования аукционов при закупке услуг и сложных товаров.

6. Разработать систему материального стимулирования работников контрактных служб, привязав ее к показателям эффективности и результативности закупок.

ЛИТЕРАТУРА

1. Федеральный закон «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» от 05.04.2012 г. № 44-ФЗ // Справ.-правовая система «Консультант Плюс».

2. Распоряжение Правительства РФ «О перечне товаров, работ, услуг, в случае осуществления закупок которых заказчик обязан проводить аукцион в электронной форме (электронный аукцион)» от 21.03.2016 г. № 471-р // Справ.-правовая система «Консультант Плюс».

3. О результатах мониторинга закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд, а также закупок товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц за III квартал 2022 г. // Официальный сайт Минфина РФ. URL: <https://minfin.gov.ru/common/upload/library/2022/11/main/3-22.pdf> (дата обращения: 11.05.2023).

4. Официальный сайт Единой информационной системы в сфере закупок (ЕИС). URL: <http://zakupki.gov.ru> (дата обращения: 11.05.2023).

5. Павлова Н.С., Плеханова Л.С. Критерии эффективности государственных закупок: неучтенные эффекты // Закон. 2021. № 8. С. 41–51.

6. Яковлев А.А., Балаева О.Н., Родионова Ю.Д., Ткаченко А.В. Проблемы и эффективность госзакупок глазами их участников // ЭКО. 2020. № 11. С. 83–103.

М.В. Москалев, В.Ф. Аверьянова, Т.Г. Виноградова
СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ
СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ СИСТЕМЫ ПОДГОТОВКИ
ОТРАСЛЕВЫХ СПЕЦИАЛИСТОВ

Михаил Владимирович Москалев – профессор кафедры государственного и муниципального управления, Государственный институт экономики, финансов, права и технологий, доктор экономических наук, профессор, г. Гатчина; **e-mail: moskalev_market@mail.ru.**

Валентина Федоровна Аверьянова – доцент кафедры государственного и муниципального управления, Государственный институт экономики, финансов, права и технологий, кандидат экономических наук, доцент, г. Гатчина; **e-mail: avios4@mail.ru.**

Тамара Гамидовна Виноградова – доцент кафедры государственного и муниципального управления, Санкт-Петербургский государственный аграрный университет, кандидат экономических наук, доцент, г. Санкт-Петербург; **e-mail: tgvin@yandex.ru.**

В ходе исследования проблемы подготовки квалифицированных кадров авторы аргументировано доказывают необходимость создания и поддержания в высшей школе благоприятной академической среды, которая позволяет формировать соответствующие социально-психологические и моральные качества будущих молодых специалистов, обеспечивающих стабильность и успешность их дальнейшей работы на производстве. Результаты мониторинга и проведенных опросов позволяют определить новые подходы к организации подготовки молодых специалистов, что открывает возможности более успешного продвижения по пути совершенствования системы высшего профессионального образования в целом.

Ключевые слова: социально-психологические аспекты управления; подготовка кадров; социальный портрет студента; анкетирование; мотивация; коллектив; лидерство; конкурентоспособность; молодые специалисты.

M.V. Moskalev, V.F. Averyanova, T.G. Vinogradov
SOCIAL AND PSYCHOLOGICAL ASPECTS OF IMPROVING
SYSTEM OF TRAINING OF INDUSTRIAL SPECIALISTS

Mikhail Moskalev – professor, the Department of State and Municipal Administration, State Institute of Economics, Finance, Law and Technology, Doctor of Economics, professor, Gatchina; **e-mail: moskalev_market@mail.ru.**

Valentina Averyanova – senior lecturer, the Department of State and Municipal Administration, State Institute of Economics, Finance, Law and Technology, PhD in Economics, associate professor, Gatchina; **e-mail: avios4@mail.ru.**

Tamara Vinogradova – senior lecturer, the Department of State and Municipal Administration, St. Petersburg State Agrarian University, PhD in Economics, associate professor, St. Petersburg; **e-mail: tgvin@yandex.ru.**

When researching the problem of training qualified personnel, we prove the need to create and maintain in higher school a favorable academic environment that will contribute to developing relevant social, psychological and moral qualities of specialists-to-be. The qualities in question are to secure the stability and success of their further work in the production. The results of the monitoring and surveys enable us to determine new approaches to the professional training of young specialists, which creates opportunities for further progress in improving the

system of higher professional education as a whole.

Keywords: *social and psychological aspects of management; personnel training; student's social portrait; questionnaire; motivation; staff; leadership; competitive ability; young specialists.*

В формировании трудового потенциала отраслей и секторов отечественной экономики важнейшая роль отводится системам профессиональной подготовки специалистов различных уровней, их адаптивности, качеству и конкурентоспособности. Актуальным это остается для российского агропромышленного комплекса (далее – АПК), который в числе немногих демонстрирует динамику устойчивого роста. Сохранение и наращивание этих тенденций зависит от уровня обеспеченности кадрами и их профессиональных характеристик. К сожалению, вопросам социальной и профессиональной мотивации студенческого контингента в отраслевых вузах не уделяется должного внимания на всех уровнях. Все еще не разработаны отраслевые методики, не выявлены критерии и параметры оценки, не говоря уже о проведении мониторинговых наблюдений [2; 5]. Наши исследования являются попыткой разобраться в сложной проблематике и определить наиболее уязвимые позиции системы.

В ходе настоящего исследования объектами являлись контингенты студентов (бакалавры) всех факультетов Санкт-Петербургского государственного аграрного университета. Выборка осуществлялась масштабная – предполагающая полный охват контингента обучающихся. Период исследований – мониторинг в течение всего срока обучения (с 1 по 4 курсы – 2016–2020 гг.). Инструментарий – для проведения исследований была разработана анкета, включающая 16 позиций. Она сформирована из закрытых и открытых вопросов, позволяющих респонденту определиться с базовыми ориентирами в мотивации и социальной ориентации, позволяющая отследить динамику и дать комплексную характеристику и оценку контингента.

В ходе массовых опросов было установлено (рис. 1), что выбор учебного заведения у 38,7% опрошенных является вполне осознанным и целенаправленным.

При выборе конкретного вуза решение абитуриентов мотивировалось достаточно серьезными аргументами (табл. 1).

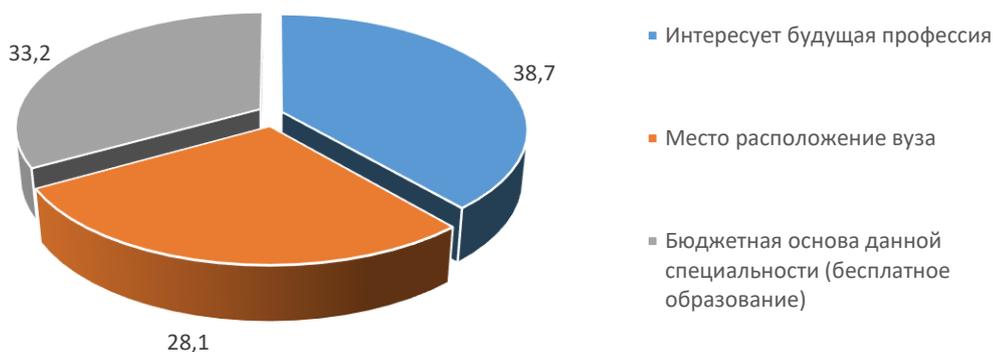

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос: «Почему Вы поступили учиться в данный вуз?» (%)

Источник: сост. авторами.

Таблица 1

Распределение респондентов по мотивам поступления в вуз, %

1. Почему Вы поступили учиться в данный институт?	Доля респондентов, %
интересует будущая профессия	38,7
место расположения вуза	28,1
бюджетная основа данной специальности (бесплатное образование)	33,2

Источник: сост. авторами.

Многие из респондентов указали на большую значимость бюджетной основы обучения и территориальной расположенности учебного заведения. Государственная аккредитация вуза как ориентир также является побудительным мотивом, что свидетельствует о серьезной заинтересованности значительной части студентов в получении диплома государственного образца и продолжении обучения в магистратуре и аспирантуре, а также она имеет ряд преимуществ и льгот перед частными неаккредитованными учебными заведениями.

Морально-нравственные ориентиры студентов, их приоритетные ценности и жизненные цели определялись, в частности, и по вопросу: «Какие ценности, на Ваш взгляд, являются наиболее важными в жизни человека?» Почти 60% респондентов ответили, что к базовым ценностям, прежде всего, относится семейное счастье – это определяет поведение студентов, их правила, идеалы, воспитание и находит отражение в формировании конкурентных качеств и гармоничном развитии личности [7].

Студенческие годы характеризуются множеством ситуаций, требующих предельной концентрации, больших физических и психологических нагрузок и перегрузок. В этот период формируются многие качества будущего профессионала, которые влияют на карьерное продвижение и стиль жизни и поэтому имеют особое личностное и общественное значение.

Ответы «Интересная работа» и «Верные друзья» поделили третье место. «Интересная работа» в системе жизненных ориентиров студентов в целом была отмечена почти у 42% опрошенных, что дает возможность предполагать изменения мотивации в положительную сторону.

Ориентация на «Материальную обеспеченность, богатство» отмечалась у 37,2% опрошенных, «Личная свобода и независимость» – у 36,5%. Это говорит, прежде всего, о том, что многие студенты готовы задействовать свои внутренние силы и определить для себя такое социальное и финансовое положение, при котором они ни от кого и ни от чего не будут зависеть, сумеют самостоятельно распорядиться собственными средствами, возможностями и удовлетворить все свои потребности. Более 36% ориентированных на «Личную свободу и независимость» характеризуются как личности, стремящиеся к свободному развитию в социуме, что несёт в себе залог успешного развития человеческих качеств, таких как интеллектуальность, нравственность и творчество.

Исследования показывают, что многие студенты желают добиться целей, которые ставят перед собой в начале нового учебного года. Большинство респондентов действительно планируют свою деятельность во времени. Так выяснилось, что планируют учебу 40,5%, личную жизнь – 35,3%, затрудняются с ответом – 33,2% опрошенных студентов. Большинство учащихся осмысленно подходят к поставленным целям и, соответственно, стремятся достичь их, демонстрируя ответственность и целеустремленность (табл. 2).

Адаптируясь к новой социальной среде, студенты стараются найти соответствующие способы поддержки и помощи. На вопрос: «Кто может помочь Вам в реализации ближайших планов?» доминируют ответы: «Родители, родственники, друзья» (58,8%) и «Собственные силы» (53,3%), что характеризует большую часть контингента как самостоятельных и уверенных в себе молодых людей.

Таблица 2

**Распределения числа респондентов, ответивших на вопрос:
«Осуществляются ли Ваши планы?»**

Вопрос «Осуществляются ли Ваши планы?»	Респонденты, чел.
а) в учебе	399
б) в быту	291
в) в личной жизни	348
г) затрудняюсь ответить	327

Источник: сост. авторами.

Подобная самооценка позволяет надеяться на формирование конструктивной жизненной позиции у будущих специалистов. Но при этом 58,8% опрошенных надеются получить помощь от родителей и родственников, что подтверждает ценностные ориентиры молодежи, большинство из которой считает семью базовым «ресурсом» в достижении всех целей. На поддержку преподавательского состава (рис. 2), рассчитывает 28,6% студентов, для данного контингента статус преподавателя остается весьма авторитетным. К сожалению, доля таких студентов заметно снижается. В связи с этим необходимо находить более действенные формы и методы, укрепляющие взаимоотношения в университетской среде, особенно в системе общения «студент–преподаватель», которая формирует доверительную атмосферу, позволяющую обсуждать в коллек-

тивах не только проблемы обучения и воспитания, но и авторские идеи и перспективные планы молодежи [3; 4].

Распределение ответов респондентов на вопрос: «Какие сферы деятельности Вы считаете наиболее перспективными?» представлены в табл. 3.

Наиболее перспективными сферами деятельности значительная часть опрошенных студентов считает сектора с «Новейшими технологиями» – 33,7% и «Сельское хозяйство» – 33,1%.

В ходе опроса выяснилось, что доминирующими факторами, определяющими карьерную динамику, являются «Личностные качества и особенности характера», на это указало 57,7% респондентов, на «Наличие соответствующего образования» – 51,3%. На «Связи и знакомства» ориентируется 44,6% студентов, на «Опыт работы» – 43,1% (табл. 4).

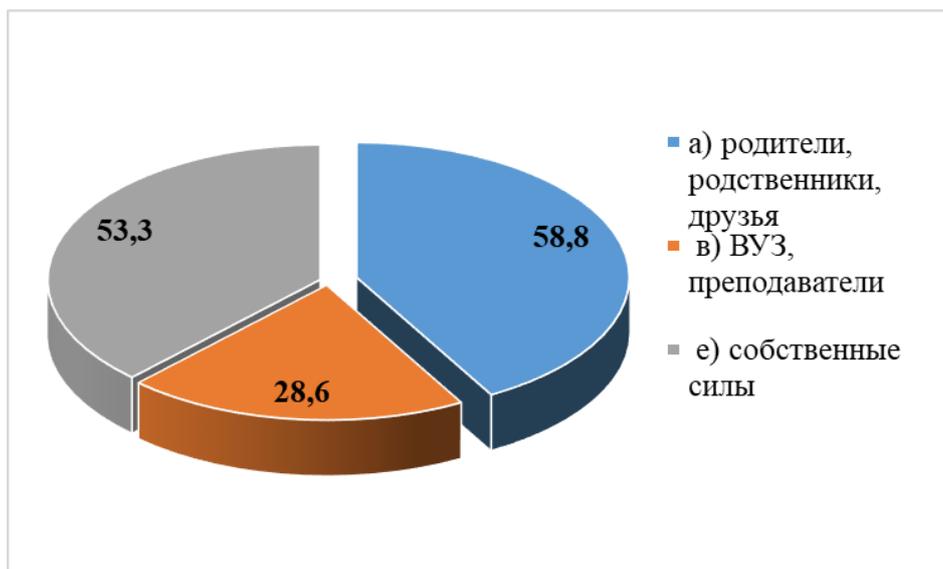

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос: «Кто может помочь Вам в реализации Ваших ближайших планов?», %

Источник: сост. авторами.

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос: «Какие сферы деятельности Вы считаете наиболее перспективными?», %

Вопрос «Какие сферы Вы считаете наиболее перспективными?»	Респонденты, %
а) промышленность	32,9
б) сельское хозяйство	33,1
г) строительство	31,9
е) торговля	29,6
н) новейшие технологии	33,7

Источник: сост. авторами.

Студенческий период – это не только учебный процесс. От того, насколько ярким и содержательным он будет оставаться, во многом зависит вся последующая профессиональная и общественная жизнь молодых специалистов. Одним из базовых факторов развития и становления молодых людей является досуг, участие в деятельности общественных организаций, спортивных секциях и т.п.

Свободное время и его использование – одно из важных условий формирования личности человека, его ценностных ориентиров, будущего. Тем не менее, анализируя студенческую среду, удалось установить, что, к сожалению, многие студенты весьма пассивны и слабо вовлечены в деятельность общественных и прочих организаций (табл. 5).

Изучение аспектов социальной активности студентов вуза показывает, что процессы становления, самоопределения, самосознания, самооценки является на сегодняшний день весьма актуальной и далеко не решенной проблемой в университете. Более 36% респондентов все еще не имеют личной заинтересованности и не считают необходимым быть членом какой-либо организации, только 16,5% увлекаются спортом и 11,4% вовлечены в научные и творческие объединения. Данные показатели оставляют желать лучшего.

Исследования показывают, что по-

ступление в вуз – для студентов достаточно ответственный шаг во взрослую жизнь, а для многих это ещё и «боевое крещение» бытом, самостоятельная организация всей своей жизнедеятельности, поскольку 57,5% опрошенных респондентов размещаются в общежитиях, 11,1% – снимают индивидуальное жилье и только 31,4% проживают с родителями (рис. 3).

Совмещение учебы и работы студентами вуза становится все более актуальной и масштабной проблемой для высших учебных заведений. В вузе за последние годы отмечается тенденция к существенному росту численности студентов, совмещающих учебу и работу по разным причинам (прежде всего финансовые проблемы). В настоящее время совмещать работу с учебой приходится 41% студентам (из числа опрошенных это 985 чел.) (рис. 4).

На вопрос: «Связана ли Ваша работа с получаемой специальностью?» из 66% респондентов 19% дали положительный ответ, остальные 81% – отрицательный, однако отметим, что в данную группу вошли и те, кто не работает (рис. 5).

«Планируете ли Вы работать по специальности?» – на данный вопрос 40% респондентов ответили утвердительно, 17% не планируют заниматься трудовой деятельностью по своей специальности и 43% ответили «Как получится» (рис. 6).

Таблица 4

Распределение ответов на вопрос: «Какие факторы, на Ваш взгляд, влияют на карьеру молодых людей?», %

Вопрос: «Какие факторы, на Ваш взгляд, влияют на карьеру молодых людей?»	Респонденты, %
а) образование	51,3
б) опыт работы	43,1
в) личностные качества, особенности характера	57,7
е) наличие связей, знакомств	44,6

Источник: сост. авторами.

Таблица 5

Распределение ответов на вопрос: «Являетесь ли Вы членом какой-либо организации?», %

Вопрос: «Являетесь ли Вы членом какой-либо организации?»	Доля респондентов, %
а) спортивная организация	16,5
г) научные, творческие объединения	11,4
з) нет, не являюсь	36,3

Источник: сост. авторами.

Следует отметить, что морально-психологический климат в любом коллективе зависит от множества факторов, и не последнюю роль здесь играют вредные привычки, такие как алкоголь, табак, наркотики и т.п. Изучение этого аспекта про-

блемы показало, что употреблению алкогольных напитков подвержено 18% респондентов, 44% респондентов не употребляют алкоголь и 38% – употребляют по случаю (рис. 7).

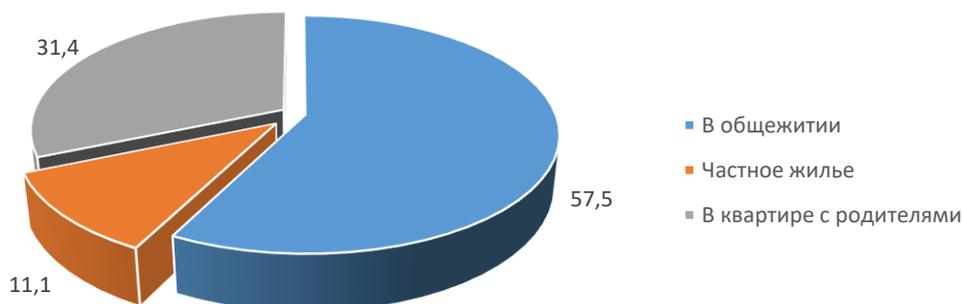

Рис. 3. Распределение ответов на вопрос: «Где в настоящий момент вы проживаете?», %

Источник: сост. авторами.

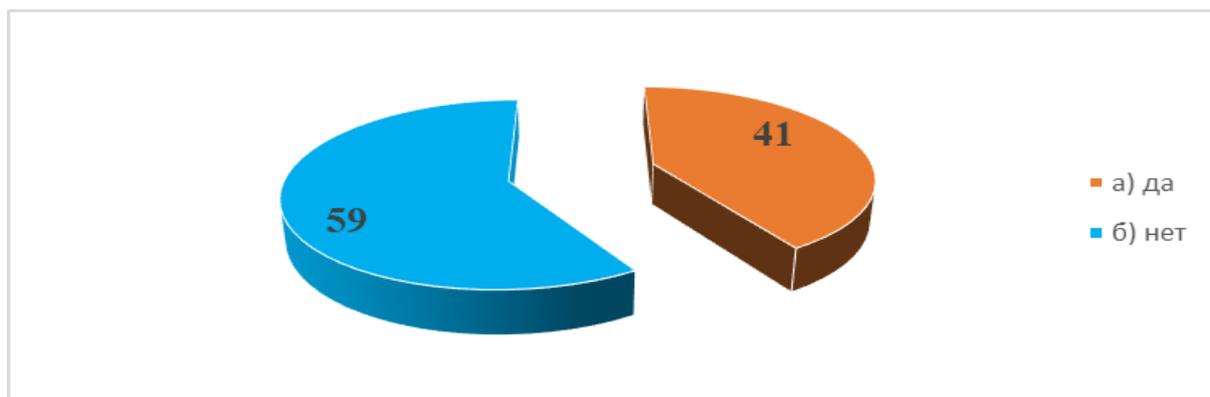

Рис. 4. Распределение ответов на вопрос: «Приходится ли Вам совмещать работу с учебой в вузе?», %

Источник: сост. авторами.

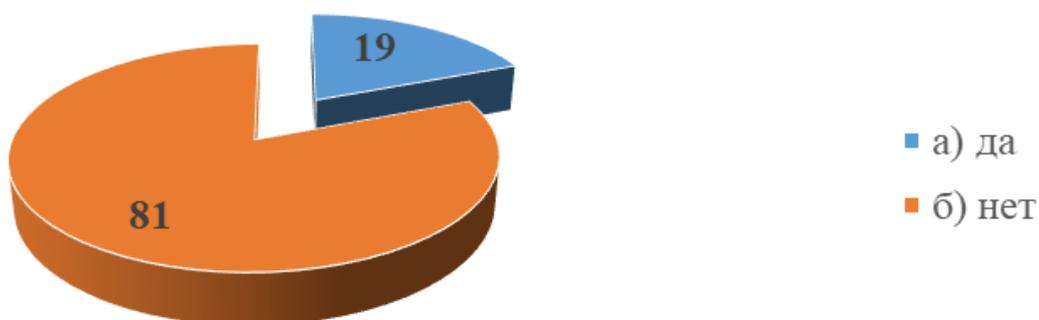

Рис. 5. Распределение ответов на вопрос: «Связана ли Ваша работа с получаемой специальностью?», (%)

Источник: сост. авторами.

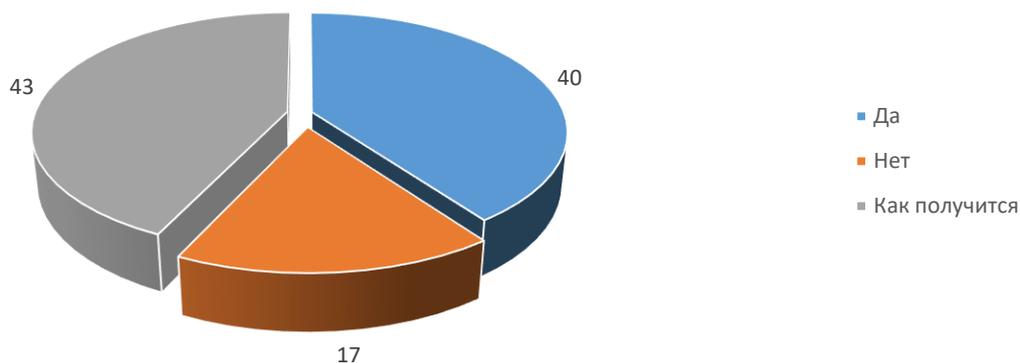

Рис. 6. Распределение ответов на вопрос: «Планируете ли Вы работать по специальности?», %

Источник: сост. авторами.

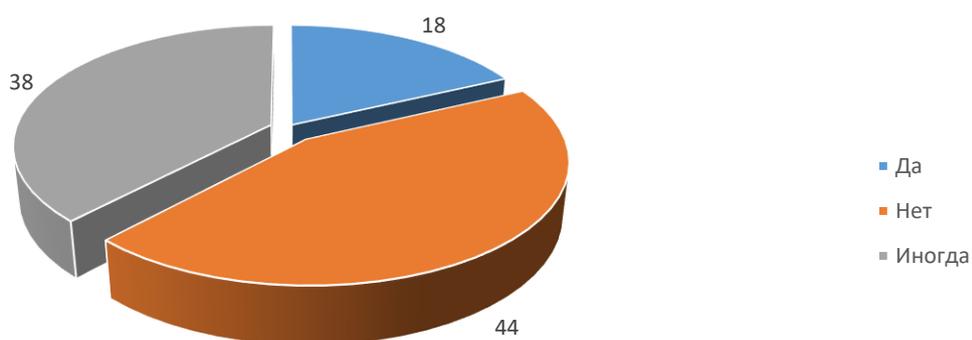

Рис. 7. Распределение ответов на вопрос: «Употребляете ли Вы алкогольные напитки?», %

Источник: сост. авторами.

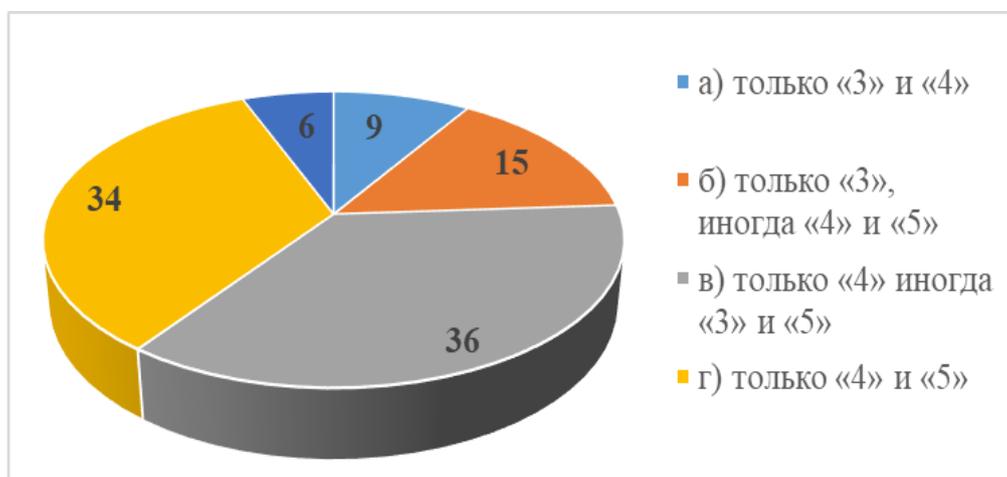

Рис. 8. Показатели успеваемости обучающихся, %

Источник: сост. авторами.

Никотиновой зависимости, согласно анкетным данным, подтверждено 15% респондентов как постоянно курящих, 13% респондентов курят изредка и 64% респондентов относятся негативно к никотиновой зависимости.

Анализ уровня успеваемости показывает, что 6% рецензентов учится только на «отлично», на «4» и «5» – 70%, удовлетворительные оценки имеют 24%. То есть учебную активность и уровень успеваемости всего контингента студентов можно в целом признать удовлетворительными (рис. 8). Но исследования показывают, что не менее важным при организации эффективного учебного процесса является его качественное состояние, т.е. уровень психологической комфортности, необходимый не только для развития учащихся и усвоения ими знаний, но и предполагающий преодоление различных негативных факторов в ходе учебного процесса и коммуникаций студентов, создание благоприятной морально-психологической атмосферы в целом.

Результаты опросов показали, что 80% студентов решили учиться в университете по собственному желанию; 57% из опрошенных чувствуют себя в стенах университета как дома; 62,6% на учебу приходят в хорошем настроении; 71,3% проанкетированных ознакомлены с правилами внутреннего распорядка и согласны с ними; 70% респондентов легко усваивают учебный материал, 58% опрошенных нравится заниматься внеучебной деятельностью; 52% не возражают против выполнения общественных поручений; 56,3% обучающихся хотели бы заниматься спортом.

Состояние морально-психологического климата и его динамика в студенческом коллективе зависит от позиции каждого студента персонально. Чем выше их психологическая совместимость, корректность, дружелюбие, тем выше вероятность, что они смогут сформировать сплоченный, дисциплинированный, творчески активный коллектив.

В ходе опросов выяснилось, что взаимоотношения в коллективе удовлетворены полностью или в большей степени

76% студентов; взаимоотношения с администрацией университета и ее стиль работы удовлетворяет полностью или в большей степени 62% респондентов; уровень развития критики и самокритики устраивает 64% студентов; общим морально-психологическим климатом удовлетворены 66% респондентов. Следует подчеркнуть, что важным фактором конструктивного социального поведения студентов вуза остается комфортность морально-психологического климата в коллективе. Вообще в образовательных системах принцип психологической комфортности является ведущим и даже базовым. К сожалению, более трети опрошенных студентов оценивает психологический климат как неудовлетворительный, и это серьезный аргумент к активизации работы и администрации, и студенческой аудитории в данном направлении.

Стоит отметить, что показатели уровня удовлетворенности жилищно-бытовым, досуговым и медицинским обслуживанием тоже в значительной степени влияют на состояние морально-психологического климата и формируют здесь не вполне благоприятные тенденции, которые не меняются долгие годы. Так, на протяжении всего периода исследований жилищные условия удовлетворяли не более 40% студентов; бытового обслуживания – 41%; медицинского – 38% и культурно-досугового – 40%. В целом ситуация достаточно тревожная и требует комплексных оперативных мер и соответствующих инвестиций.

Основные выводы и предложения. Система подготовки отраслевых специалистов требует значительных корректировок по трем основным направлениям:

1. Совершенствование учебного процесса на основе комфортных методов коммуникаций в системе «студент-преподаватель» (формирование контингента конкурентоспособных специалистов).

2. Создание и поддержание благоприятного морально-психологического климата в студенческой и преподавательской среде (наблюдается доминирование административных форм общения и взаимодействия на всех уровнях).

3. Необходимость повышения уровня бытовых, медицинских и культурно-досуговых условий для студентов и сотрудников университета как основы для формирования здорового морально-психологического климата.

Нам представляется, что многие из выявленных в ходе настоящего исследования проблем можно в значительной степени экстраполировать и на другие профессиональные образовательные учреждения и не только аграрного сектора. Социально-экономическая значимость подобного рода исследований определяется решением масштабной государственной проблемы – развитие системы профессиональной подготовки конкурентоспособных и мобильных специалистов, определяющих стратегическое развитие всего народнохозяйственного комплекса страны в условиях системного кризиса и санкционных ограничений [5; 7].

В ходе профессионального становления будущих специалистов аграрной сферы обостряются противоречия между объективной потребностью отрасли в конкурентоспособных специалистах, обладающих высоким уровнем профессиональной компетентности и изменяющимися мотивацией и социально-психологическими ориентирами обучающейся молодежи. Эффективная отраслевая кадровая политика требует поиска продуктивных подходов и методов смягчения подобных противоречий, опираясь на результаты комплексных и системных исследований.

ЛИТЕРАТУРА

1. Распоряжение Правительства РФ от

29.12.2014 г. № 2765-р «О Концепции Федеральной целевой программы развития образования на 2016–2020 годы» // Справ.-правовая система «Консультант-Плюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_173677/ (дата обращения: 15.07.2017).

2. *Вершиловский С.Г.* Проблемы формирования компетентности преподавателей, обучающихся взрослых // Педагогика. 2015. № 3. С. 76–82.

3. *Игнатова Л.Ю., Семичева М.В.* Социализация личности как проблема исследования отечественных и зарубежных ученых // Образование и воспитание. 2017. № 1.1. С. 13–15. URL: <https://moluch.ru/th/4/archive/52/1769/> (дата обращения: 12.11.2019).

4. *Курдюмова И.М.* Теория обучения в действиях Р. Реванса как путь к совершенствованию учебного процесса // Современные тенденции развития науки и технологий: сб. науч. трудов по мат-лам VIII Междунар. науч.-практ. конф., г. Белгород, 30 ноября 2015 г.: в 10 ч. // под общ. ред. Е.П. Ткачевой. Белгород: ИП Ткачева Е.П., 2015. № 8. Ч. X. С. 74–78.

5. *Лабыгина А.В.* Педагогическая мысль конца XIX – начала XX вв. о патриотическом и гражданском воспитании молодежи // Педагогика. 2015. № 4. С. 93–98.

6. *Рожкова А.В.* Представления российских студентов о ценностях и практиках гражданского поведения европейцев и россиян // Педагогика. 2014. № 9. С. 80–89.

7. *Шакурова М.В.* Формирование российской гражданской идентичности личности: проблемы педагога // Педагогика. 2014. № 3. С. 83–92.

А.С. Спицын, Н.Н. Якимчук
К ВОПРОСУ О РЕАЛИЗАЦИИ МЕР ПОДДЕРЖКИ
СЕКТОРА МАЛОГО И СРЕДНЕГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА
НА ТЕРРИТОРИИ МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ
ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ

Антон Сергеевич Спицын – заместитель генерального директора по управлению персоналом и общим вопросам, ООО «Газпром газораспределение Дагестан», г. Махачкала; e-mail: sp_anton@mail.ru.

Наталья Николаевна Якимчук – и.о. зав. кафедрой государственного и муниципального управления, канд. полит. наук, Государственный институт экономики, финансов, права и технологий, г. Гатчина; e-mail: yakimchuk777@bk.ru.

В статье проводится анализ развития малого и среднего предпринимательства на территории муниципальных образований Ленинградской области. Авторами исследована система мер государственной и муниципальной поддержки малого и среднего бизнеса в муниципальных образованиях региона на примере Кировского муниципального района, представлены приоритетные направления деятельности органов местного самоуправления в данном секторе экономики. Проведенный анализ позволил выявить ключевые проблемы развития и поддержки малого и среднего предпринимательства и обозначить возможные пути их решения.

Ключевые слова: малое и среднее предпринимательство; меры государственной и муниципальной поддержки сектора малого и среднего предпринимательства; инфраструктура поддержки малого и среднего предпринимательства.

A.S. Spitsyn, N.N. Yakimchuk
ON MEASURES OF SUPPORT OF SMALL AND MEDIUM-SIZED
BUSINESS IN MUNICIPAL UNITS OF LENINGRAD REGION

Anton Spitsyn – deputy General Manager for HRM and General Affairs, Gazprom Gazoraspredelenie Makhachkala, Makhachkala; e-mail: sp_anton@mail.ru.

Natalia Yakimchuk – acting Head of the Department of State and Municipal Administration, PhD in Political Studies, State Institute of Economics, Finance, Law and Technology, Gatchina; e-mail: yakimchuk777@bk.ru.

We carry out the analysis of small and medium-sized business in the municipal units of Leningrad region. We study the system of measures of government and municipal support of small and medium-sized business in the municipal units of the region by the examples of Kirovsk municipal district. The priorities of local self-government in the sector in question are presented. The analysis revealed certain key problems of the development and support of small and medium-sized business. Possible ways to solve them are suggested.

Keywords: small and medium-sized business; measures of state and municipal support of small and medium-sized business; infrastructure of support of small and medium-sized business.

Малое и среднее предпринимательство (далее – МСП) органами публичной власти любого государства рассматриваются как приоритетный, требующий особого внимания сектор экономики. МСП оказывает непосредственное влияние на обеспеченность рынка товарами и услугами, на развитие инноваций в государстве.

Благодаря своей мобильности малые и средние предприятия способны решать проблемы безработицы и создавать новые рабочие места на рынке труда. Вместе с тем, данные предприятия способствуют формированию здоровой конкуренции и предотвращают монополизацию рынка.

Под сферой малого и среднего предпринимательства понимается особая форма экономической деятельности, характеризующаяся небольшими размерами и отвечающая ряду критериев, установленных законодательством государства. Как правило, в качестве критериев выступают: численность сотрудников и годовой доход. Залогом распространения этой формы экономической деятельности является ее непосредственная доступность для большинства граждан [7, с. 1253]. Коэффициент выживаемости субъектов МСП на рынке во многом определяется системой мер государственной и муниципальной поддержки данного сектора экономики.

Актуальность темы объясняется тем, что органы местного самоуправления (далее – МСУ) напрямую заинтересованы в развитии МСП. Развитие малого и среднего бизнеса оказывает непосредственное воздействие на повышение уровня занятости населения, является гарантией формирования доходной части местного бюджета в части налоговых и неналоговых поступлений, насыщает рынок социально

необходимыми услугами и товарами, влияя на социально-психологический климат в муниципальном образовании, что в итоге делает муниципалитет привлекательным для проживания и для ведения хозяйственной деятельности.

Авторами статьи проводится анализ развития МСП на территории муниципальных образований Ленинградской области в рамках действующей системы мер государственной и муниципальной поддержки, выявляются проблемные аспекты и обозначены возможные пути их решения.

Изучение динамики показателей развития сектора МСП в муниципалитетах Ленинградской области проводилось с помощью контент-анализа данных официальных сайтов муниципальных образований и Администрации Ленинградской области; сравнение статистических показателей представлено с помощью графического метода и метода построения аналитических таблиц.

В настоящее время в Ленинградской области функционирует около 72,5 тысяч субъектов МСП, прирост количества за 2022 г. составил 5,5%, а численность занятых в этой сфере составила 165 тыс. чел. С 2020 г. наблюдается и положительная динамика по субъектам МСП, имеющим признак «вновь созданные» (рис. 1) [4].

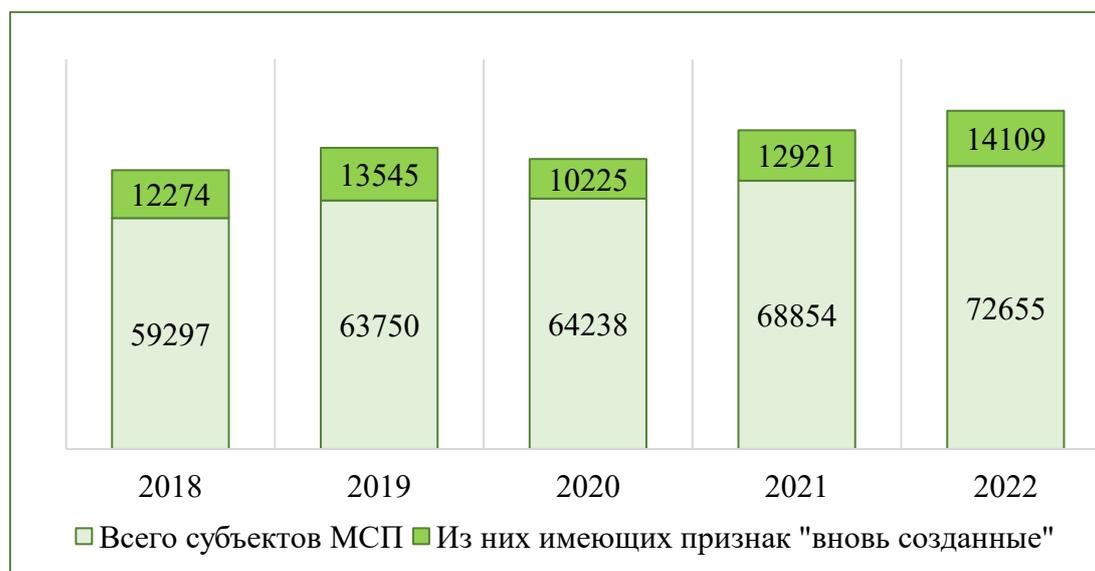

Рис. 1. Динамика количества субъектов МСП в Ленинградской области с 2018 по 2022 гг., ед.

Источник: сост. авторами на основе [3].

Стоит отметить, что по итогам 2022 г. во многих регионах Российской Федерации наблюдается снижение численности занятых в секторе МСП.

Рассмотрим динамику развития и систему мер поддержки сектора МСП на примере Кировского муниципального районов Ленинградской области. Сегодня Кировский муниципальный район имеет многоплановую экономику, занимая лидирующие места в Ленинградской области. Приоритетными отраслями муниципальной экономики являются судостроение, пищевая промышленность, сельское хозяйство, сфера туризма.

Численность населения Кировского муниципального района на 1 января 2023 г. составила 104 710 чел., что на 1,3% (1 367 чел.) меньше, чем на начало 2022 г. Вместе с тем, плотность населения – 40 человек на 1 км² [2].

В Кировском муниципальном районе зарегистрировано 3523 предприятия малого и среднего бизнеса, из них 921 – субъекты малых и микропредприятий, 6 – средние предприятия и 2596 – индивиду-

альные предприниматели. Динамика общего количества субъектов малого и среднего предпринимательства на территории Кировского муниципального района представлена на рис. 2.

Данные рис. 2 позволяют сделать вывод о том, что за анализируемый период общее количество субъектов МСП на территории Кировского муниципального района имеет неустойчивую динамику. Так, если рассматривать показатели за 2021-2022 гг., можно отметить рост субъектов малого и среднего предпринимательства. Однако в 2018 и в 2020 гг. произошло сокращение таких организаций, что связано с кризисными периодами развития экономики нашей страны, прежде всего, данные тенденции обусловлены последствиями антиковидных ограничений, введенных на всей территории Российской Федерации в 2020 г. Тем не менее, несмотря на рост субъектов МСП за последние два года, общее количество таких организаций в 2022 г. существенно меньше, чем в 2017 г., в частности, снижение составило 306 ед.

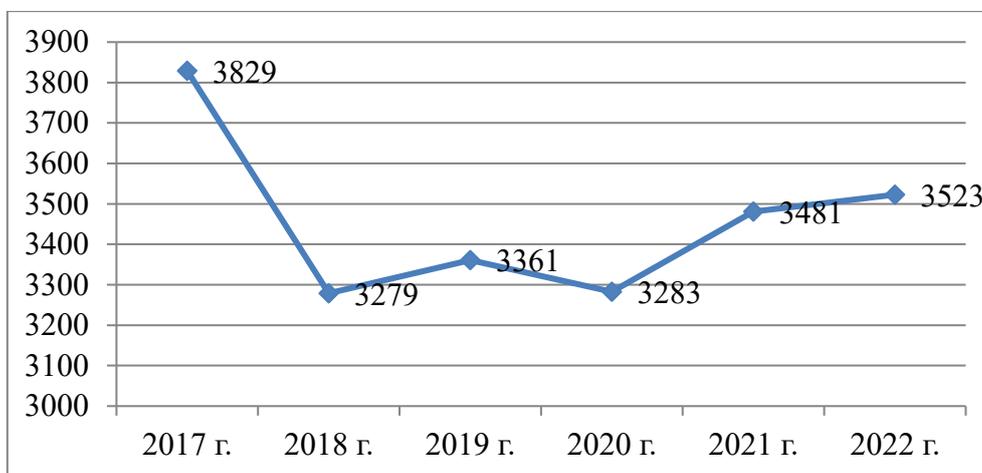

Рис. 2. Динамика общего количества субъектов МСП на территории Кировского муниципального района в 2017-2022 гг., ед.
Источник: сост. авторами на основе [2].

Таблица 1

Динамика общего количества малых и средних предприятий, осуществляющих деятельность в Кировском муниципальном районе в зависимости от размера бизнеса в 2018-2022 гг., ед.

Показатели/год	2017	2018	2019	2020	2021	2022
Малые и микропредприятия	1175	971	946	903	908	921
Средние предприятия	14	9	7	10	9	6
Индивидуальные предприниматели	2640	2299	2408	2370	2564	2596

Источник: сост. авторами на основе [2].

Далее следует рассмотреть динамику общего количества малых и средних предприятий, осуществляющих деятельность в Кировском муниципальном районе в зависимости от размера бизнеса (табл. 1).

Согласно данным, представленным в табл. 2, в 2022 г., по сравнению с 2017 г., произошло сокращение количества малых и микропредприятий на 254 ед., средних предприятий – на 8 ед., индивидуальных предпринимателей – на 44 ед. В течение 2017-2022 гг. большую часть субъектов МСП в Кировском муниципальном районе составляли индивидуальные предприниматели.

На рис. 3 представлено распределение предприятий малого и среднего предпринимательства в зависимости от вида экономической деятельности.

Исходя из рис. 3, видно, что в основном малые и средние предприятия представлены в торговле и в сферах общественного питания и бытовых услуг (40%). На втором месте по популярности среди субъектов малого и среднего предпринимательства Кировского муниципального района находится сфера транспорта и связи (16,5%), на третьем месте сфера строительства – 9,6%.

Отметим, что на начало 2023 г. на

территории Кировского муниципального района зарегистрировано 3198 самозанятых.

В 2022 г. зафиксирован рост налоговых поступлений от малых предприятий, применяющих льготные налоговые режимы (на 20% больше, чем в 2021 г.) – 417,9 млн руб. При этом, по патентной системе налогообложения в 2022 г. выплата выросла в 6 раз и составила 71,7 млн руб. [2].

Средняя зарплата работника на малом предприятии в 2022 г. составляла 62824,7 руб., на среднем предприятии – 58 213 руб.

Показатели, характеризующие эффективность деятельности органов муниципальной власти Кировского района в сфере МСП, представлены на рис.4.

Согласно рис. 4, на 2022 г. на малых и средних предприятиях осуществляли свою трудовую деятельность 37,52% работников от общего числа занятых в экономике Кировского муниципального района. Увеличение показателя в 2022 г. объясняется увеличением количества официально оформленных работников малых и микропредприятий в 2022 г., а также тем, что при расчете показателя учтены граждане, зарегистрировавшиеся в качестве плательщиков налога на профессиональный доход, так называемый налог на самозанятых (далее – НПД).

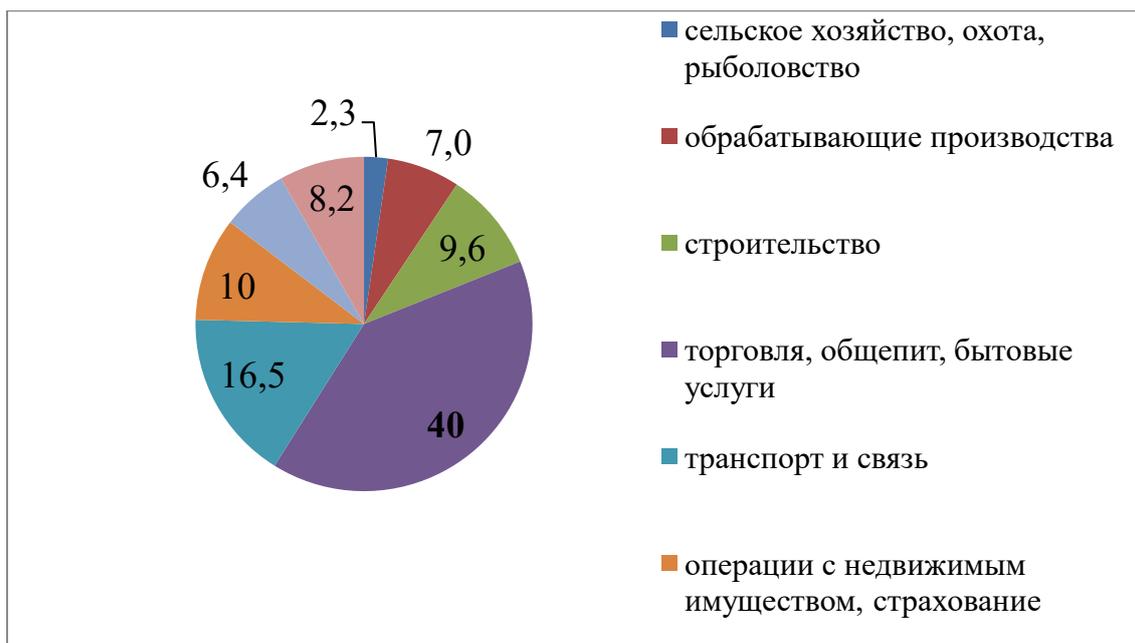

Рис. 3. Распределение предприятий МСП в Кировском муниципальном районе в зависимости от вида экономической деятельности на 2022 г., %

Источник: сост. авторами на основе [2].

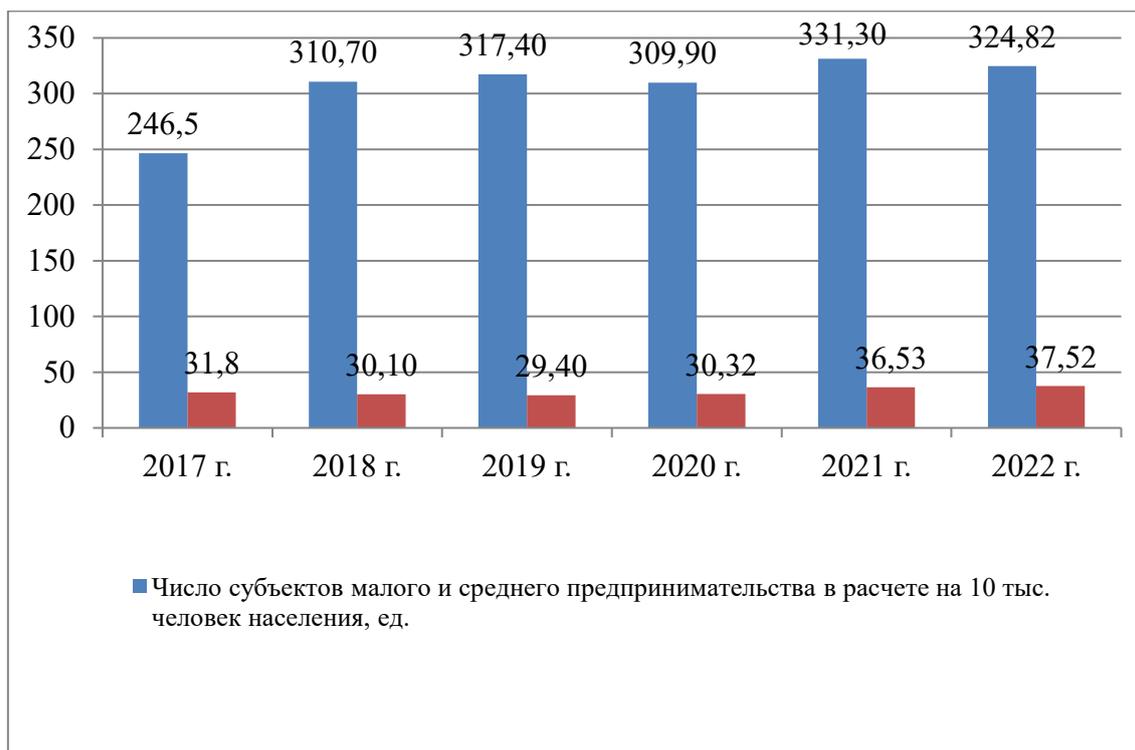

Рис. 4. Показатели эффективности деятельности органов МСУ Кировского муниципального района в сфере МСП в 2017-2022 гг.

Источник: сост. авторами на основе [2].

На 2023-2025 гг. органами МСУ спрогнозирован рост показателя занятых в секторе МСП на 2% с учетом установленных показателей по национальным проектам, включенным в Стратегию развития района. Увеличение показателя в связи с увеличением среднесписочной численности работников (без внешних совместителей) малых и средних предприятий планируется за счет развития МСП, инвестиционной политики района, открытия новых предприятий и создания новых рабочих мест, а также за счет увеличения лиц, зарегистрировавшихся плательщиками НПД.

На 2022 г. общее количество субъектов МСП в расчете на 10 тыс. человек местного населения составляет 324,82 ед. Снижение показателя в 2022 г. в сравнении с 2021 г. объясняется увеличением количества лиц, зарегистрировавшихся плательщиками НПД. Более 100 индивидуальных предпринимателей перешли на НПД и закрыли ИП. Администрацией Кировского района совместно с Фондом поддержки малого бизнеса Кировского района до субъектов МСП доводится информация о мерах поддержки бизнеса

всех уровней власти. Проводится разъяснительная работа с субъектами МСП о своевременной сдаче отчетности в налоговую инспекцию. В 2023-2025 гг. ожидается увеличение числа ИП и юридических лиц, прошедших регистрацию и своевременно представляющих отчетность в налоговый орган в связи с продолжением совместных мероприятий администрации Кировского района с Центром занятости населения и Фондом поддержки малого бизнеса. Планируемый рост показателя (с учетом установленных значений) составляет 2% в год [1].

В настоящее время в Кировском районе заложены основы муниципальной системы поддержки субъектов МСП, разработана соответствующая нормативно-правовая база, сформированы основные элементы инфраструктуры поддержки субъектов данного сектора экономики.

Инфраструктуру поддержки субъектов МСП на территории Кировского муниципального района образуют профильные подразделения органов публичной власти области и района и специализированные организации, представленные в табл. 2.

**Ключевые органы/организации инфраструктуры государственной
и муниципальной поддержки МСП на территории Кировского муниципального
района**

Название органа публичной власти/организации	Основные направления деятельности
1	2
<i>На уровне Ленинградской области</i>	
Комитет по развитию малого, среднего бизнеса и потребительского рынка Ленинградской области	<ul style="list-style-type: none"> – реализация мер по созданию благоприятных условий для МСП; – разработка и реализация региональных программ развития МСП; – создание и обеспечение функционирования инфраструктуры поддержки МСП и др.
Центр «Мой бизнес», открывшийся в 2019 г. на базе Фонда поддержки предпринимательства и промышленности Ленинградской области (находится в нескольких минутах ходьбы от станции метро «Ладожская» в Санкт-Петербурге, и такое расположение удобно для предпринимателей из разных районов области)	<p>Предоставление субъектам МСП услуг, сервисов, а также различных меры поддержки, среди них – микрозаймы, гарантии для МСП и финансовая поддержка, которая оказывает содействие в получении федерального кредита и гарантийной помощи. На сайте Центра работает контактная площадка «МФЦ для бизнеса» для консультаций региональных организаций поддержки. Возможна организация личных встреч с Уполномоченным по защите прав предпринимателей Ленинградской области [7].</p> <p>Пространство для проведения мероприятий (два конференц-зала, переговорные комнаты и рабочее место для консультаций) бесплатно предоставляется муниципальным агентствам поддержки предпринимательства, органам государственной власти и бизнес-организациям. Имеются помещения для совместной работы, и их услуги также предоставляются бесплатно малым и средним предприятиям и организациям поддержки предпринимательства в Ленинградской области.</p>
ГКУ Ленинградской области «Центр поддержки предпринимательства»	<ul style="list-style-type: none"> – консультирование на бесплатной основе по вопросам создания и ведения бизнеса, возможных мерах государственной поддержки; – организует процесс предоставления субсидий: прием заявок, подготовка документов; – проводит обучающие программы, семинары, тренинги, мастер-классы; – оказывает содействие в продвижении товаров и услуг; – организует региональные конкурсы среди предприятий малого, среднего бизнеса; – обеспечивает информирование об актуальных событиях в бизнес-среде и мерах поддержки предпринимателей в СМИ и на интернет-ресурсах.
1	2
<i>На уровне Кировского муниципального района</i>	
Отдел по развитию малого и среднего бизнеса и муниципальных услуг администрации Кировского муниципального района	<ul style="list-style-type: none"> – разработка и внедрение в практическую деятельность информационной системы, обеспечивающей экономическую, статистическую, производственную и правовую информацию для поддержки субъектов МСП, осуществляющих свою деятельность на территории района; – участие в организации международных и внешнеэкономических связей по вопросам развития сферы МСП, а также потребительского рынка в соответствии с российским законодательством; – содействие защите прав потребителей; – подготовка заседаний и участие в работе общественного совета представителей малого бизнеса при главе администрации МО «Кировский район» и др. [7].

Комитет по управлению муниципальным имуществом	Оказывает имущественную поддержку как самим субъектам малого и среднего бизнеса, так и организациям, которые на сегодняшний день образуют муниципальную инфраструктуру поддержки данного сектора экономики, за счет предоставления в пользование определенного муниципального имущества.
Фонд поддержки малого бизнеса Кировского района Ленинградской области	<ul style="list-style-type: none"> – предоставляет бесплатные консультации по вопросам создания бизнеса, получения государственной и муниципальной поддержки; – оказывает информационную и консультационную поддержку малым и средним предприятиям; – проводит обучающие программы, семинары, тренинги, мастер-классы; – оказывает содействие в продвижении товаров и услуг; – обеспечивает информирование об актуальных событиях в бизнес-среде и мерах поддержки предпринимателей в СМИ и на интернет-ресурсах.
МБУ «Центр поддержки предпринимательства г. Кировска»	На базе данного центра можно получить бесплатные консультации по вопросам создания и ведения бизнеса, получения государственной и муниципальной имущественной поддержки. Кроме того, центр предоставляет информацию, консультации и имущественную помощь субъектам МСП.

Источник: сост. авторами на основе [2; 4].

Для содействия развития малого и среднего предпринимательства на территории Кировского муниципального района создан общественный совет представителей малого бизнеса при главе администрации.

Основным инструментом реализации муниципальной политики в сфере поддержки МСП являются муниципальные программы (далее – МП), которые принимаются каждые три года.

Оценивая результаты реализации МП «Развитие и поддержка малого и среднего бизнеса в Кировском районе», можно сказать, что в течение 2022 г. все мероприятия выполнены в полном объеме. Денежные средства районного и областного бюджетов, предусмотренные на 2022 г., в размере 3 451 тыс. руб. освоены полностью, итоговое выполнение программы составляет 100%.

На рис. 5 представлены отдельные показатели реализации МП «Развитие и поддержка малого и среднего бизнеса в Кировском районе» в 2017-2022 гг.

Таким образом, за 2022 г. на территории Кировского муниципального района в рамках действующей инфраструктуры предоставлены следующие меры поддержки:

– предоставлены две субсидии на начало предпринимательской деятельно-

сти на общую сумму 1,2 млн руб.;

– вновь создано 58 субъектов малого предпринимательства;

– оказано 1780 консультаций по вопросам ведения предпринимательской деятельности;

– проведено 5 образовательных курсов для субъектов МСП, самозанятых и граждан для заключения социального контракта;

– организовано, проведено, приняли участие в 40 совещаниях, семинарах, конференциях, рабочих встречах, круглых столах как в очном, так и в формате онлайн-вебинаров с представителями малого предпринимательства;

– организован и проведен конкурс «Лучший предприниматель Кировского района-2022» и др. [2].

В конце 2021 г. была принята новая муниципальная программа, направленная на развитие и поддержку малого и среднего предпринимательства Кировского муниципального района [1], рассчитанная сроком реализации с 2022 по 2025 гг. На рис. 6 представлены данные, характеризующие объем и источники финансирования МП «Развитие и поддержка малого и среднего бизнеса в Кировском муниципальном районе».

Рис. 5. Показатели реализации МП «Развитие и поддержка малого и среднего бизнеса в Кировском районе» в 2017-2022 гг.

Источник: сост. авторами на основе [2].

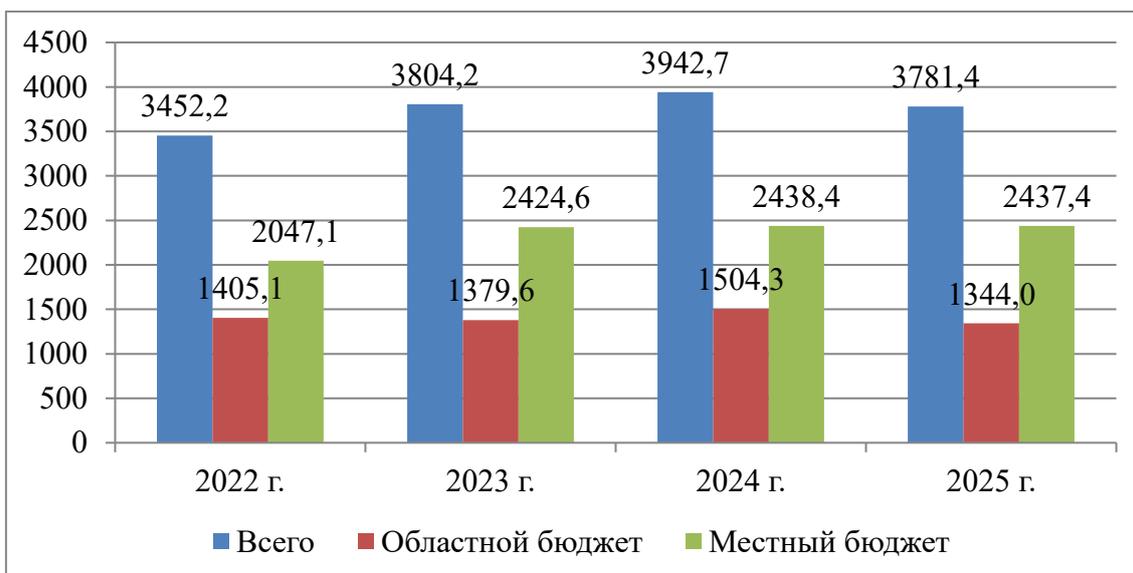

Рис. 6. Объем и источники финансирования МП «Развитие и поддержка малого и среднего бизнеса в Кировском муниципальном районе» за 2022-2025 гг., тыс. руб.

Источник: сост. авторами на основе [1].

Выявление проблемных аспектов развития и поддержки МСП основано на изучении данных сводного доклада Ленинградской области о результатах мониторинга эффективности деятельности органов МСУ (далее – Сводный доклад) за 2021 г. [6], аналитических докладов на официальных сайтах 17 муниципальных районов и городского округа. Сравним показатели развития Кировского района с тремя самыми эффективными муниципалитетами в сфере развития МСП (рис. 7).

Сравнение является показательным, т.к. данные муниципальные районы (рис. 7) находятся в непосредственной близости от мегаполиса, а это важный фактор, оказывающий прямое влияние на уровень развития экономики. Кировский муниципальный район не входит в число лидеров в сфере развития МСП. Если сравнивать муниципальную инфраструктуру и меры поддержки во всех четырех районах Ленинградской области, которые представлены на рис. 7, то они весьма схожи.

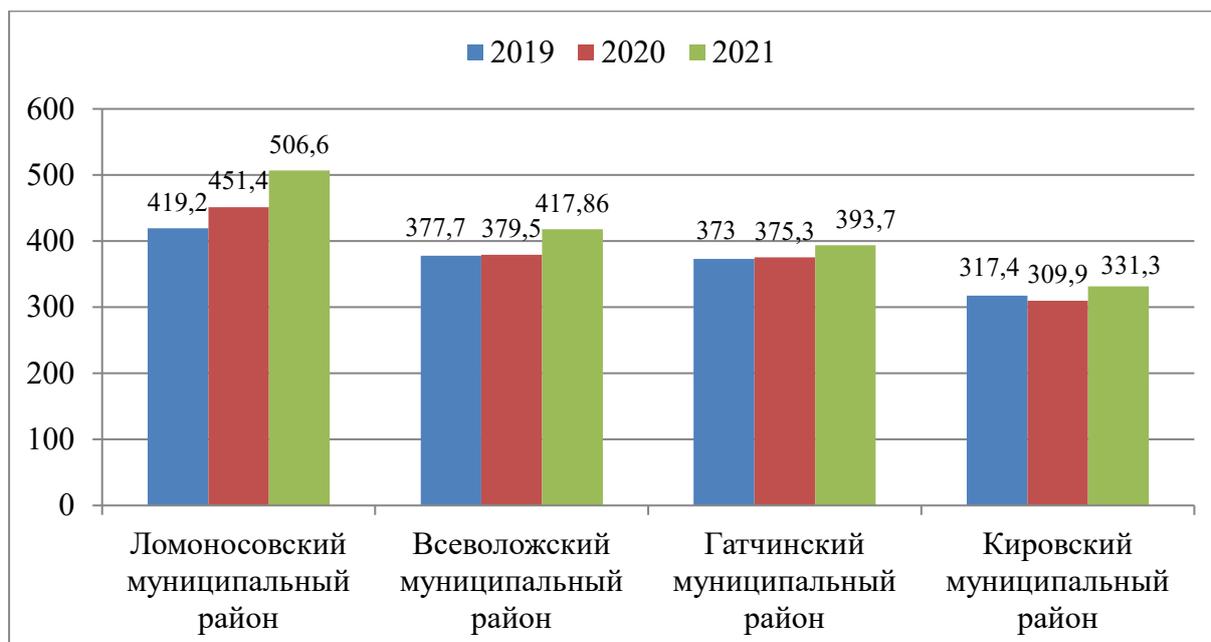

Рис. 7. Число субъектов МСП в расчете на 10 тыс. чел. населения в муниципальных районах Ленинградской области за 2019-2021 гг., ед.

Источник: сост. авторами на основе [6].

Финансовая, имущественная, консультационная и иные виды поддержки оказываются профильными подразделениями администраций и фондами поддержки. Разрабатываются и реализуются МП, направленные на развитие и поддержку МСП. Во всех муниципальных районах Ленинградской области в основном малые и средние предприятия представлены в торговле, в сферах общественного питания, бытовых услуг, в строительстве и в сфере транспорта.

Таким образом, несмотря на то что за последние два года число субъектов МСП в Кировском районе увеличилось, однако общее количество таких организаций в 2022 г. существенно меньше, чем в 2017 г. В качестве общих причин, влияющих на развитие ситуации, можно назвать следующие:

- местные органы власти оказывают поддержку преимущественно крупным предприятиям, которые являются более надежными налогоплательщиками, чем малые и средние предприятия;

- низкий уровень эффективности реализации программ/проектов по поддержке МСП со стороны федеральных, региональных и муниципальных органов власти, которые актуальны именно в нестабильных экономических условиях;

- общероссийские сложные условия ведения бизнеса, которые отмечают самими предпринимателями, Уполномоченными по защите прав предпринимателей: высокие налоговые ставки, высокие ставки по кредитам на развитие бизнеса и залоговые требования банков (сроки предоставления заемных средств банками являются слишком короткими, усложнилась логистика, бюрократические сложности при получении лицензий и других разрешений на открытие бизнеса и др. [5]).

Подводя итоги, отметим, что в сложившейся сложной геополитической ситуации важнейшая роль отводится государственной власти, которая должна совершенствовать систему мер поддержки МСП в рамках действующего законодательства. В очередной раз отметим необходимость общего снижения процентных ставок в экономике, субсидирования процентной ставки, снижения требований к заемщикам [5]. На федеральном и региональном уровнях необходимо принятие управленческих решений, направленных на развитие транспортной инфраструктуры, логистических мощностей в непосредственной близости от транспортных узлов, расширение мультимодальных перевозок.

Сектор МСП Кировского муниципального района и других муниципалитетов Ленинградской области является отправной точкой развития экономического потенциала территории, поддержка МСП необходима для эффективного привлечения инвестиций с целью создания новых предприятий и новых рабочих мест.

ЛИТЕРАТУРА

1. Постановление администрации Кировского муниципального района Ленинградской области от 20 декабря 2021 года № 2100 «Об утверждении муниципальной программы «Развитие и поддержка малого и среднего бизнеса в Кировском муниципальном районе Ленинградской области» (ред. от 16.11.2022). URL: <https://kirovsk-reg.ru/administration/dcp/business> (дата обращения: 19.06.2023).
2. Итоги социально-экономического развития Кировского муниципального района Ленинградской области // Официальный сайт Администрации Кировского муниципального района. URL: <https://kirovsk-reg.ru/administration/otdel/ekonomrazvitie/otchety?ysclid=lilsetqlqg122358829> (дата обращения: 19.06.2023).
3. Официальный сайт Единого реестра субъектов малого и среднего предпринимательства. Статистика. URL: <https://rmsp.nalog.ru> (дата обращения: 10.06.2023).
4. Официальный сайт Комитета по развитию малого, среднего бизнеса и потребительского рынка Ленинградской области. Поддержка малого и среднего бизнеса. URL: <https://small.lenobl.ru> (дата обращения: 16.06.2023).
5. Российские предприниматели назвали ключевые проблемы в экономике и решения для дальнейшего развития. Исследование подготовлено экспертами института экономики роста им. П.А. Столыпина 18.01.2023. URL: <https://stolypin.institute/research/our/rossijskie-predprinimateli-nazvali-klyuchevye-problemy-v-ekonomike-i-resheniya-dlya-dalnejshego-razvitiya> (дата обращения: 27.06.2023).
6. Сводный доклад Ленинградской области о результатах мониторинга эффективности деятельности органов местного самоуправления муниципальных районов и городского округа. URL: <https://lenobl.ru/ru/informaciya/monitoring-effektivnosti-deyatelnosti-organov-msu/> (дата обращения: 28.06.2023).
7. Якимчук Н.Н., Иванов М.Д., Орёл А.А. Современное состояние, проблемы развития и меры государственной поддержки сектора малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации // Региональная экономика: теория и практика. 2022. Том 20. № 7 (502). С. 1253-1268.

О.А. Цуканова, А.А. Торосян
СИСТЕМА КЛЮЧЕВЫХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ ЭФФЕКТИВНОСТИ
ПРЕДПРИЯТИЯ В УСЛОВИЯХ ЕГО АВТОМАТИЗАЦИИ
И ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

Ольга Анатольевна Цуканова – профессор факультета технологического менеджмента и инноваций, ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет ИТМО», доктор экономических наук, профессор, г. Санкт-Петербург; **e-mail: zoa1999@gmail.com**.

Алиса Арменовна Торосян – инженер, ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет ИТМО», г. Санкт-Петербург; **e-mail: alisato2311@gmail.com**.

Внедрение цифровых технологий является одним из трендов в современной практике ведения деятельности предприятия. Многие бизнес-процессы управления автоматизируются для повышения эффективности работы предприятия. Одним из инструментов, способствующих эффективному управлению предприятием, является система ключевых показателей эффективности. В статье выявлены и рассмотрены особенности автоматизации системы ключевых показателей эффективности в условиях цифровой трансформации предприятия.

Ключевые слова: *ключевые показатели эффективности предприятия; система ключевых показателей эффективности; автоматизация; цифровые технологии; цифровая трансформация.*

О.А. Tsukanova, A.A. Torosyan
SYSTEM OF KEY PERFORMANCE INDICATORS UNDER
AUTOMATION AND DIGITAL TRANSFORMATION
OF BUSINESS

Olga Tsykanova – professor, the Faculty of Technological Management and Innovations, ITMO University, Doctor of Economics, professor, St. Petersburg; **e-mail: zoa1999@gmail.com**.

Alisa Torosyan – engineer, ITMO University, St. Petersburg; **e-mail: alisato2311@gmail.com**.

The introduction of digital technologies is one of the modern trends of organising business activity. Many business processes are automated to increase business efficiency. One of the instruments contributing to effective business management is the system of key performance indicators. We reveal and study the automation of the system in question under the digital transformation of business.

Keywords: *key performance indicators; system of key performance indicators; automation; digital technologies; digital transformation.*

В период цифровой трансформации многие предприятия начинают использовать новые способы администрирования персонала, виды организации труда и мотивацию сотрудников. Управление предприятием имеет ряд особенностей в период

цифровой трансформации, а именно:
– управление процессами благодаря автоматизированной обработке анализа и прогнозирования данных;
– формирование цифровой экосистемы;

- ориентация на определенного пользователя;
- интерактивность среды и высокая скорость реакции на изменения;
- принятие решения с помощью одного касания;
- высокая скорость принятия решения;
- онлайн получение и обработка данных [5].

Благодаря цифровизации меняются не только технологии, но и сама система управления человеческим капиталом, а также организация деятельности предприятия [14].

Для этого необходимо создавать и автоматизировать процессы передачи информации. В эти процессы привлекаются не только узконаправленные ИТ-специалисты, но и работники смежного функционала. Правильно выбранные цифровые технологии и решения для внедрения и правильно подобранная команда специалистов позволит максимизировать положительный эффект от автоматизации бизнес-процессов.

В сегодняшней практике управления предприятиями применяется множество методологий и инструментов, направленных на мониторинг и анализ деятельности подразделений. Одним из инструментов, способствующих эффективной выработке управленческих решений, является система ключевых показателей эффективности предприятия. Она является совокупностью взаимосвязанных между собой важнейших показателей предприятия.

В научной литературе существует несколько определений ключевых показателей эффективности. Некоторые из них представлены ниже:

- Б.С. Дерibaев: «КПЭ – это показатель деятельности компании (отдела/подразделения), которые помогают компании в достижении стратегических и тактических (операционных) целей» [2, с. 40];
- Л.Г. Руденко, Н.П. Дегтярь: «КПЭ – это система финансовых и нефинансовых показателей, которые являются индикаторами результативности выполнения стратегических целей организации, позволяющей осуществлять тактическое управления на основе разработанных промежуточных

операционных показателей» [11, с. 53];

- М.К. Мальсагов, О.А. Полищук: «КПЭ – это показатели достижения успеха в определенной деятельности компании, а также это количественные показатели, измеряющие эффективность работы предприятия, цеха или отдела в рамках достижения поставленных целей организации в долгосрочной и среднесрочной перспективе» [6, с. 288].

Совокупность ключевых показателей эффективности представляет собой систему, которая позволяет отследить выполнение стратегических целей предприятия. Стоит отметить, что система КПЭ – это инструмент для информационного обеспечения процесса принятия управленческих решений [8]. Данный инструмент применяется на предприятиях, осуществляющих свою деятельность в различных сферах. Система ключевых показателей эффективности является гибким инструментом [9]. Он может изменяться в зависимости от стратегических целей предприятия.

Цели и ключевые показатели эффективности для любой определенной должности на предприятии находятся в зависимости от стратегии. Ключевые показатели эффективности на предприятии можно обозначить как главные показатели деятельности предприятия, помогающие ему достигать поставленных целей [1]. Этот инструмент позволяет осуществлять контроль за деятельностью сотрудников, подразделений и предприятия в целом [7].

Сущность системы ключевых показателей эффективности заключается в том, что она позволяет отследить динамику выполнения стратегических целей и проанализировать степень достижения необходимого результата.

В научной литературе авторы описывают несколько возможных классификаций КПЭ на предприятиях. Деление КПЭ по различным признакам зависит от функциональной деятельности предприятия и его размера, от количества участников в системе, а также целей, которые необходимо достичь с помощью КПЭ. Ключевые показатели эффективности могут быть классифицированы по расширенным критериям, а именно: по временным перио-

дам: стратегические и нормативные, по виду обобщающих показателей: абсолютные и относительные, по способу измерения: количественные и качественные, по периоду учёта результатов и затрат: ограниченные и опережающие, по методологии расчета: дискретные, непрерывные, понижающие, отсекающие, по цели использования: общие, функциональные и декомпозированные [4].

Существует классификация КПЭ с точки зрения функциональных направлений. Выделяют следующие группы ключевых показателей эффективности: КПЭ функционирования – показатели выполнения бизнес-процессов позволяют оценить соответствие процессу требуемому алгоритму; КПЭ результата – показатели количества и качества результата; КПЭ затрат – показатели затраченных ресурсов; КПЭ производительности – показатели соотношения полученного результата и времени, затраченного на его получение; КПЭ эффективности – показатели соотношения полученного результата к затратам ресурсов [13].

Большую роль играет процесс постановки и оценки ключевых показателей эффективности. Сотрудникам следует четко понимать, какие цели и показатели должны быть достигнуты и какие результаты должны быть корректно оценены.

В табл. 1 представлены положительные

и отрицательные аспекты использования системы ключевых показателей эффективности на предприятии.

В условиях цифровой трансформации сама система ключевых показателей эффективности становится объектом для автоматизации с использованием современных информационных ресурсов. Одной из особенностей автоматизации системы ключевых показателей эффективности является организация передачи данных и взаимодействие между подразделениями предприятия.

Автоматизированная система ключевых показателей эффективности должна поддерживать оперативное изменение данных. Процесс постановки и оценки выполнения ключевых показателей эффективности должен быть прозрачным для руководства и сотрудников, достигающих ключевые показатели эффективности. Одним из принципов системы ключевых показателей эффективности является принцип партнерства: разработка ключевых показателей эффективности требует совместную эффективную работу всех заинтересованных лиц [15].

Еще одной особенностью автоматизации системы ключевых показателей эффективности является то, что сотрудники должны быть вовремя осведомлены о процессах, связанных с КПЭ.

Таблица 1

Положительные и отрицательные аспекты использования системы ключевых показателей эффективности

Положительные аспекты	Отрицательные аспекты
Понятная оценка работы компании [12]	Возможность манипулировать результатами оценки [12]
Возможность корректировки действий сотрудников [12]	Высокая ресурсозатратность процесса внедрения системы вознаграждения [12]
Объективность оценки деятельности сотрудников [12]	Маленькая доля каждого КПЭ в общем вознаграждении [10]
Создание системы обратной связи [12]	Большой вес одного из КПЭ ведет к перекосам в работе [10]
Взаимосвязь оценки деятельности работников и их вознаграждения со стратегией компании [12]	
Соотнесение результатов деятельности работников с уровнем их вознаграждения [12]	
Работник несет ответственность за определенный участок работы [10]	

Это важно учесть в период постановки ключевых показателей эффективности для того, чтобы сотрудники знали, какие цели должны быть достигнуты и как оценены их результаты. Сотрудники должны быть обеспечены доступом к необходимой информации. Это позволит снизить долю субъективизма в процессе оценки выполнения ключевых показателей эффективности сотрудником. Таким образом, выбранный вариант для автоматизации ключевых показателей эффективности должен обеспечивать и поддерживать данный функционал.

Стоит отметить, что ключевые показатели эффективности являются универсальным инструментом, позволяющим мотивировать персонал для достижения целей предприятия. Полноценный учет всех способов создания и воспроизводства эффективности определяет возможность заработной платы стимулировать работников и обеспечивать увеличение их производительности [3].

Система ключевых показателей эффективности часто становится частью системы оплаты труда на предприятии. Вознаграждение персонала может включать составляющую, размер которой зависит от уровня выполнения задач и целей, выраженных в ключевых показателях эффективности. Автоматизация ключевых показателей эффективности позволяет интегрировать результаты выполнения КПЭ с модулями для оплаты труда персонала. Данная интеграция способствует созданию

единой автоматизированной системы оплаты труда для персонала предприятия.

В настоящее время существуют готовые инструменты и решения для автоматизации системы ключевых показателей эффективности предприятия. Примерами готовых решений для автоматизации КПЭ являются программные продукты «1С: Управление по целям и KPI», «KPI-Drive», «KPI MONITOR». Данные решения используют многие предприятия и компании, ведущие свою деятельность в различных областях.

Программный продукт «1С: Управление по целям и KPI» разработан на базе платформы «1С: Предприятие 8». Он подходит для крупных проектов внедрения и позволяет повысить эффективность компании за счет автоматизированного целеполагания [16].

Программа «KPI-Drive» позволяет автоматизировать управление персоналом предприятия вплоть до удаленного управления благодаря контролю эффективности работы персонала [17].

Программа «KPI MONITOR» представляет собой инструмент для оперативной и качественной оценки эффективности работы компании посредством автоматизации системы КПЭ [18].

В табл. 2 представлены сравнительные характеристики функциональных возможностей автоматизированной системы КПЭ как инструмента выполнения важных стратегических задач сотрудниками компании и мотивации персонала.

Таблица 2

Сравнение функций готовых решений для автоматизации системы КПЭ

Функционал	1С: Управление по целям и KPI	KPI-Drive	KPI MONITOR
Согласование плановых значений и показателей	+	+	+
Оценка персонала	+	+	+
Расчет показателей	+	+	+
Расчет вознаграждений на основе результатов выполнения КПЭ	+	+	+
Возможность передачи рассчитанных значений во внешние источники	+	+	+
Рейтинг результативности работников	+	+	+
Совместимость с ОС	Linux, Windows, Mac OS	Windows, Linux	Windows, Mac OS

Рассмотренные готовые решения имеют аналогичные функциональные возможности. Выбор готового решения зависит от особенностей компании и её бизнес-процессов. Стоит отметить, что некоторые компании внедряют не только готовые программные решения и продукты, но и разрабатывают свои комплексные решения в связи с особенностью своих бизнес-процессов и документооборота. Данные решения могут представлять собой комплексные решения, включающие в себя несколько программных продуктов, реализующих постановку и оценку выполнения ключевых показателей сотрудников, а также расчет суммы премии. При этом необходимо обеспечить безопасность данных. Сотрудники должны видеть только свой перечень показателей, а руководство – только своих подчинённых. Данный функционал позволит сохранить конфиденциальность данных, особенно если она взаимосвязана с оплатой труда сотрудника. Система должна обеспечить и безопасность передачи данных. Сохраненные данные не должны быть легко уязвимыми. Система должна иметь надежную защиту от злоумышленников, потенциальных цифровых угроз и внешних атак на систему.

Таким образом, к особенностям автоматизации системы ключевых показателей эффективности следует отнести:

- автоматизацию системы ключевых показателей, ее возможно выполнять с использованием программных продуктов, например: «1С: Управление по целям и KPI», «KPI-Drive», «KPI MONITOR»;
- автоматизированная система должна поддерживать оперативное изменение данных;
- автоматизированная система должна обеспечивать своевременное осведомление сотрудников о процессах;
- автоматизированная система должна обеспечивать интеграцию результатов выполнения ключевых показателей эффективности с модулями оплаты труда персонала.

Выбор готового решения и автоматизация системы ключевых показателей эффективности зависит от возможностей

организации и особенностей внутренних бизнес-процессов, обеспечивающих ее функционирование.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Галеева Д.Р., Кабиров И.С.* Внедрение системы мотивации персонала и системы KPI на предприятии. Казань, 2019.
2. *Дерибаев Б.С.* Сущность и роль KPI в финансовой сфере // Лучшая научная статья 2021: сб. статей XLV Международного научно-исследовательского конкурса. Пенза: МЦНС «Наука и Просвещение», 2021. С. 40–45.
3. *Ильченко С.В., Кубарский А.В., Храмова Ю.А.* Система ключевых показателей эффективности как инструмент совершенствования оплаты труда // E-Scio. 2022. № 5 (68). С. 190–199.
4. *Корнеева И.В., Полевая М.В., Камнева Е.В.* Оценка эффективности работы сотрудников организаций на основе системы ключевых показателей эффективности (KPI) // Вестник Омского университета. Серия «Экономика». 2019. № 1. С. 88–98.
5. *Косарева И.Н., Самарина В.П.* Особенности управления предприятием в условиях цифровизации // Вестник евразийской науки. 2019. Т. 11. № 3. С. 20.
6. *Мальсагов М.К., Полищук О.А.* Ключевые показатели эффективности «KPI» в системе мотивации персонала // Цифровая экономика: проблемы и перспективы развития. 2020. С. 288–292.
7. *Пахомова Е.В.* Система KPI и ее основные показатели // Новейшие достижения и успехи развития экономики и управления. 2018. № 1. С. 115–118.
8. *Плясунков А.В., Ельцова Ю.А.* Сущность понятия и анализ показателей, используемых для оценки эффективности деятельности предприятия. Минск: БНТУ, 2022.
9. *Положенцева Ю.С., Нестерова В.В.* Совершенствование кадровой политики с использованием ключевых показателей эффективности // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. 2019. № 4 (38). С. 208–214.
10. *Потапова Н.К., Зиновьева А.А.* Применение KPI как инструмента повы-

шения эффективности предпринимательской деятельности // Общество, государство, личность: модернизация системы взаимоотношений в современных условиях. 2018. С. 325–329.

11. Руденко Л.Г., Дегтярь Н.П. Сущность КРІ и его роль в управлении предприятием // Вестник Московского университета имени С.Ю. Витте. Серия 1: Экономика и управление. 2017. № 2 (21). С. 50–54.

12. Савенкова Е.А. Разработка системы КРІ как инструмента материального стимулирования персонала и стратегического развития организации: анализ проблем и пути их решения // Ученые записки Тамбовского отделения РoСМУ. 2020. № 20. С. 230–238.

13. Ставицкая О.С. КРІ-ключевые

показатели эффективности, их виды и применение // Проблемы современной науки и образования. 2018. № 7 (127). С. 45–51.

14. Ширинкина Е.В. Практика управления предприятиями при переходе на новые цифровые технологии // Креативная экономика. 2018. Т.12. № 6. С. 817–828.

15. Ярышина В.Н. Использование КРІ как направление развития системы грейдов // Теория и практика общественного развития. 2012. № 8. С. 346–349.

16. 1С: Управление по целям и КРІ. URL: <https://solutions.1c.ru/catalog/kpi> (дата обращения: 27.04.2023).

17. КРІ-Drive. URL: <https://www.kpi-drive.ru> (дата обращения: 27.04.2023).

18. КРІMONITOR. URL: <https://kpi-monitor.ru> (дата обращения: 27.04.2023).

НАУЧНЫЕ ДИСКУССИИ, ОТЗЫВЫ, РЕЦЕНЗИИ

ОТЗЫВ

о диссертации Соловьева Александра Георгиевича
«Судебный штраф в российском уголовном судопроизводстве»,
представленной на соискание ученой степени кандидата юридических наук
по специальности 5.1.4 – Уголовно-правовые науки (юридические науки)
(Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2022. 234 с.)

REVIEW

of the dissertation by Alexander Solovyev "Judicial Fine in Russian Criminal Proceedings" for PhD in Law, specialty 5.1.4 Criminal Law Sciences (legal sciences) (St. Petersburg: St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2022. 234 p.)

Работа Соловьева А.Г. выполнена в федеральном государственном казенном образовательном учреждении высшего образования «Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации». Изучение диссертации, автореферата и научных публикаций, подготовленных соискателем, позволяет сформулировать следующие выводы.

Рассматриваемая диссертация посвящена актуальной теме.

В 2016 году Федеральным законом от 3 июля 2016 г. № 323-ФЗ введено новое основание освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа. В ст. 76.2 УК РФ и главе 15.2 УК РФ были определены условия освобождения по данному основанию. Их оптимизация направлена на расширение правовой основы отказа от уголовного наказания и его последствий в виде судимости. Порядок прекращения уголовного дела или уголовного преследования с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа предусмотрен в главе 51.1 УПК РФ (ст. 446.1–446.5 УПК РФ) «Производство о назначении меры уголовно-правового характера при освобождении от уголовной ответственности».

Следует отметить, что данная мера активно используется в правоприменительной практике. Количество лиц, в отношении которых избирался судебный штраф, постоянно увеличивалось. В 2017 г. он был назначен 20639 лицам, в 2018 г. – 33329, в 2019 г. – 52460, в 2020 г. – 62000 человек.

Вместе с тем значительное снижение его применения в 2021 году до 15 648 и в первом полугодии 2022 г. до 4765¹ связывается с принятыми Генеральной прокуратурой России мерами по более взвешенному подходу прокуроров к освобождению от уголовной ответственности по этому основанию.² Данное обстоятельство в значительной мере повлияло на возобновление дискуссии о месте судебного штрафа в системе оснований прекращения уголовного преследования, конкуренции их между собой, объеме полномочий прокурора и прав стороны защиты по возможности ходатайствовать перед судом о применении рассматриваемой иной меры уголовно-правового воздействия.

¹ Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации: офиц. сайт. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79>.

² Генеральная прокуратура РФ: офиц. сайт. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/mass-media/news?item=57130754>.

Вскоре после того, как был предусмотрен институт судебного штрафа, в законе «Об исполнительном производстве» появилась новая статья 103.1 об особенностях его исполнения.³

В статью 132 УПК РФ были внесены изменения, по которым процессуальные издержки взыскиваются не только с осужденных, а также с лиц, уголовное дело или уголовное преследование в отношении которых прекращено по основаниям, не дающим права на реабилитацию.⁴

В связи с этим постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 декабря 2022 г. № 38 «О внесении изменений в некоторые постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам» внесены изменения в Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2013 г. № 42 «О практике применения судами законодательства о процессуальных издержках по уголовным делам».

Применительно к судебному штрафу Верховный Суд Российской Федерации отметил, что в резолютивной части постановления о прекращении уголовного дела следует указать, в том числе, вопрос о судьбе вещественных доказательств (О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 июня 2013 г. № 19 (в ред. от 29.11.2016 г. № 56)). Они могут быть утрачены, уничтожены, возвращены законному владельцу и др., что может повлечь негативные последствия в ходе дальнейшего процесса доказывания.

В целях разрешения ситуации постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 декабря 2022 г. № 38 внесены изменения в Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 18 октября 2012 г. № 21 «О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования», в котором судам рекомендовано при рассмотрении вопроса об обращении к исполнению решения о прекращении уголовного дела с назначением судебного штрафа в части, касающейся распоряжения вещественными доказательствами, учитывать требования статьи 446.5 УПК РФ о том, что в случае неуплаты штрафа решение суда подлежит отмене, а дальнейшее производство по делу осуществляется в общем порядке.

Многие спорные вопросы были проанализированы и разрешены в обзоре судебной практики освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа (ст. 76.2 УК РФ), утвержденном Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 10 июля 2019 г.

Несмотря на то, что ранее уже проводились диссертационные и монографические исследования общих проблем альтернатив разрешения уголовно-правовых конфликтов, комплексных работ, особенно посвященных процессуальным аспектам судебного штрафа, все же недостаточно. Это касается места его в системе альтернатив уголовному преследованию, критериев судебного усмотрения, определения суммы судебного штрафа, значения разногласий между потерпевшим и обвиняемым в оценке размера возмещения вреда, причиненного преступлением, и др. Нуждается в анализе и практика принятых законодателем изменений, разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации.

С учетом изложенного рецензируемая диссертация выполнена на актуальную тему, имеющую теоретическое и практическое значение.

Степень обоснованности научных положений, выводов и рекомендаций, сформулированных в диссертации, их достоверность.

³ Об исполнительном производстве: федеральный закон от 2 октября 2007 г. № 29-ФЗ (в ред. от 29.12.2022 г. № 624-ФЗ) // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс».

⁴ О внесении изменений в статью 132 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: федеральный закон от 30 апреля 2021 г. № 111-ФЗ // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс».

Достоверность и обоснованность выводов и предложений, сформулированных Соловьевым А.Г., обеспечивается методологической и теоретической базой исследования, которое опирается на диалектико-материалистический метод познания. Активно используются такие методы научного познания, как исторический, логико-юридический, сравнительно-правовой, конкретно-социологический, статистический и другие, а также общенаучные методы анализа, синтеза, индукции и дедукции.

Автором применен широкий диапазон исследовательских методик. Теоретические выводы имеют достаточно репрезентативную эмпирическую базу. Она включает опубликованные на официальных сайтах Генеральной прокуратуры РФ, Судебного Департамента при Верховном Суде РФ, МВД РФ статистические данные за 2016–2022 годы; данные, полученные в результате изучения 281 уголовного дела, по которым в период с 2016 по 2022 год было принято решение о прекращении уголовного дела и уголовного преследования с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа, собранные в ходе работы в архивах судов г. Санкт-Петербурга и Ленинградской области, а также посредством анализа материалов в средствах массовой информации и сети Интернет, размещенных в свободном доступе, на официальных сайтах материалов судебной практики; результаты анкетирования 100 респондентов из числа сотрудников правоохранительных органов и 190 респондентов из числа граждан РФ.

Положения диссертации широко проиллюстрированы примерами из судебной практики.

Сказанное в полной мере свидетельствует о достоверности достигнутых научных результатов и их репрезентативности. Основные результаты диссертации опубликованы в тринадцати научных работах, четыре из которых представлены в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией при Минобрнауки России, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертационных исследований.

Результаты исследования апробированы на восьми международных, всероссийских, региональных конференциях. Полученные результаты внедрены и используются в деятельности УМВД России по Петроградскому району города Санкт-Петербурга, Санкт-Петербургского университета МВД России, Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России.

Теоретическую основу исследования составляют научные труды российских и зарубежных ученых-правоведов, специалистов в области общей теории права, уголовного права, уголовно-процессуального права, гражданского и административного права.

Научная новизна, теоретическая и практическая значимость исследования. Научной новизной характеризуется разработанный диссертантом комплекс теоретических и практических положений, представляющий авторскую концепцию развития института судебного штрафа в российском уголовном процессе. Соискателем сформулировано авторское понятие судебного штрафа, определено его процессуальное значение и место в системе альтернатив уголовному преследованию; выявлена его правовая природа как разновидности трансакции, существующей в зарубежном уголовном судопроизводстве. Диссертантом сделаны предложения по корректировке уголовно-процессуального законодательства. Предпринята попытка оптимизации судебной практики прекращения уголовного дела и уголовного преследования с назначением судебного штрафа.

Теоретическое значение проведенного Соловьевым А.Г. исследования заключается в дальнейшем развитии курса на гуманизацию и рационализацию уголовного и уголовно-процессуального права, развитие взаимосвязанных систем оснований освобождения от уголовной ответственности и прекращения уголовного преследования. Оно определяется разработкой комплекса теоретических положений, выводов и предложений по проблеме судебного штрафа, пополняющих отечественную процессуальную доктрину.

Практическая значимость диссертационного исследования состоит в том, что его результаты могут быть использованы в законотворческой деятельности, в следственной и

судебной практике, а также при преподавании курса уголовно-процессуального права в юридических образовательных учреждениях России.

Основные положения, выносимые на защиту, заслуживают одобрения и поддержки. Диссертант справедливо отмечает, что судебный штраф является проявлением взаимосвязи и взаимообусловленности норм материального и процессуального права. Процессуальное значение судебного штрафа заключается в рационализации способов разрешения уголовно-правовых конфликтов и обеспечении достижения уголовным судопроизводством своего назначения без продолжения уголовного преследования в случаях невозможности либо применения иных альтернатив ему (с. 46).

Следует поддержать мнение диссертанта о том, что судебный штраф по своей правовой природе является разновидностью института трансакции, представляет собой альтернативу уголовному преследованию, состоящую в отказе от него, основанном на началах публичности, дискреционности, целесообразности и сопровождающемся взысканием с обвиняемого или подозреваемого в пользу государства денежных средств в размере, определенном судом (с. 27–28, 89–94, 102, 192).

Несомненное практическое значение имеет предложение Соловьева А.Г. о содержании описательной части постановления суда о прекращении уголовного дела или уголовного преследования с назначением судебного штрафа. В ней должны быть указаны: способ возмещения ущерба или заглаживания вреда; полный размер возмещаемого ущерба; полный размер и действия, способствующие заглаживанию морального вреда. Данные обстоятельства должны подтверждаться доказательствами возмещения ущерба: чеками, расписками, квитанциями и др. Суд должен убедиться в объективности оценки потерпевшим размера и способа заглаживания вреда и отсутствии у потерпевших подкрепленных справедливыми доводами материальных, а также моральных претензий к обвиняемому (с. 138).

Верно и то, что представленные суду дискреционные полномочия и свобода усмотрения в решении вопроса о прекращении уголовного дела или уголовного преследования с назначением судебного штрафа, а также определение размера этого штрафа являются основным средством обеспечения индивидуализации меры уголовно-правового воздействия и таким образом справедливости соответствующего решения в целом. При этом основным критерием должна выступать личность обвиняемого, что соответствует цели данной альтернативы уголовному преследованию и нравственно-правовым началам уголовного процесса, чем следует дополнить ст. 25.1 УПК РФ (с. 157, 161–164).

Интересны предложения диссертанта о необходимости предоставить стороне защиты право на заявление в ходе предварительного расследования суду ходатайства о прекращении уголовного дела или уголовного преследования с назначением судебного штрафа (с. 168, 172, 189); о возможности предусмотреть в качестве условия прекращения уголовного преследования с назначением судебного штрафа принесение публичных извинений обвиняемым (подозреваемым) потерпевшему (с. 133); об отнесении судебного штрафа к «лучшей» альтернативе уголовному преследованию, назначаемой даже при примирении обвиняемого (подозреваемого) с потерпевшим, если совокупность объективных и субъективных обстоятельств уголовного дела свидетельствует о том, что именно так уголовное судопроизводство достигнет своей цели (с. 82–83).

Перечисленные выше и другие изменения и дополнения уголовно-процессуального законодательства, предлагаемые автором, представляют интерес для теории и практики уголовного процесса.

Диссертация Соловьева А.Г. написана самостоятельно, обладает внутренним единством, содержит новые научные результаты и положения, выдвинутые для публичной защиты, что свидетельствует о личном вкладе автора в науку уголовного процесса. **Автореферат соответствует содержанию диссертации.** Основные результаты исследования, положения, выносимые на защиту, в тексте диссертации доказаны и аргументированы, прошли необходимую апробацию. Специальности 5.1.4. Уголовно-правовые науки

(юридические науки) диссертация соответствует.

Давая положительную оценку диссертационному исследованию Соловьева А.Г., необходимо обратить внимание на некоторые положения, которые требуют дальнейшего обсуждения и уточнения:

1. Диссертант полагает, что спор о том, можно ли применить ст. 76.2 УК РФ, если причинение вреда не охватывается объективной стороной преступления, является неконструктивным. Отсутствие последствий в виде причиненного вреда само по себе не может лишить человека права на применение к нему судебного штрафа. По мнению автора, суть проблемы в том, что надлежит считать допустимым и достаточным возмещением ущерба и заглаживанием вреда. Факт преступной деятельности априори должен расцениваться как причиняющий потерпевшему моральный вред, соответственно, возмещение морального вреда, наряду с возмещением имущественного ущерба или самостоятельно (при отсутствии указанного ущерба), должно быть обязательным условием для прекращения уголовного дела или уголовного преследования с назначением судебного штрафа (с. 118).

Предложение о самостоятельном значении причиненного потерпевшему морального вреда для принятия решения о судебном штрафе в случае отсутствия иного ущерба, причиненного совершенным преступлением, нуждается в дополнительной аргументации. К сожалению, в диссертационной работе не использованы положения постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15.11.2022 г. № 33 «О практике применения судами норм о компенсации морального вреда».

В определении Конституционного Суда РФ от 26.10.2017 г. № 2257-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Гафитулиной Таисьи Ивановны на нарушение ее конституционных прав пунктом 1 статьи 1 Федерального закона от 3 июля 2016 года № 323-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности» отмечается, что лицо, впервые совершившее преступление небольшой или средней тяжести, может быть освобождено судом от уголовной ответственности судом с назначением судебного штрафа в случае, если оно возместило ущерб или иным образом загладило причиненный преступлением вред. Законодатель вправе уполномочить суд в каждом конкретном случае решать, достаточны ли предпринятые виновным действия для того, чтобы расценить уменьшение общественной опасности содеянного как позволяющее освободить его от уголовной ответственности. Поэтому отсутствие сведений об ущербе или ином вреде, причиненном преступлением, исключает возможность освобождения от уголовной ответственности с применением судебного штрафа.

2. Соловьев А.Г. отмечает, что возобновление уголовного преследования является характерной особенностью для судебного штрафа (с. 26). Он определен законодателем (ст. 104.1 УК РФ) как условный вид освобождения от уголовной ответственности, что в уголовно-процессуальном смысле означает необходимость регламентации процедуры возврата к привлечению лица к уголовной ответственности в случае неуплаты его в установленный срок. Такой порядок предусмотрен статьей 446.5 УПК РФ, однако ее положения не позволяют смягчить наказание в рамках особых производств, что нуждается, по мнению автора, в законодательной корректировке (с. 32–33, 191). Не возражая в целом против высказанной автором законодательной инициативы, обращаю внимание, что диссертантом фактически оставлены без рассмотрения иные последствия неуплаты лицом судебного штрафа, связанные с проверкой информации о его реальной уплате, о судьбе вещественных доказательств, судебных издержках, применении мер процессуального принуждения.

3. В положении 7, выносимом на защиту, в целях усиления прокурорского надзора за законностью отказа от уголовного преследования органами предварительного следствия автор предлагает расширить участие прокурора в производстве за счет согласования с ним направляемого в суд ходатайства следователя, чем необходимо дополнить ст. 25.1 и ч. 2 ст. 446.2 УПК РФ (с. 13, 172–174, 177, 196). Должен подчеркнуть, что не

разделяю этого мнения диссертанта. Неэффективность контроля со стороны руководителя следственного органа за качественным направлением в суд ходатайства о назначении судебного штрафа может быть решена путем издания ведомственного нормативного правового акта. Нельзя произвольно изъять обязанность у руководителя следственного органа и передать прокурору. Это необходимо делать системно с передачей аналогичных и других полномочий, что противоречит возложению на руководителя следственного органа процессуального контроля за следователем. Следует также заметить, что прокурор имеет возможность высказать свое отношение о необоснованности ходатайства о судебном штрафе, поскольку оно рассматривается с его обязательным участием (ч. 4 ст. 446.2 УПК РФ).

4. Уже после того как диссертационная работа 9 декабря 2022 г. была размещена на сайте Санкт-Петербургского университета МВД России, было опубликовано постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О внесении изменений в некоторые постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам» от 15 декабря 2022 г. № 38.

Внесенные им изменения касаются неоднозначно складывающейся практики взыскания судебных издержек при прекращении уголовного дела и назначении судебного штрафа. Ранее законодателем было предусмотрено, что судебные издержки могут взыскиваться только с осужденных. В связи с изменениями, внесенными Федеральным законом от 30 апреля 2021 г. № 111-ФЗ в ч. 1 ст. 132 УПК РФ, появилась новая редакция Постановления-42. Судебные издержки могут взыскиваться и с назначением судебного штрафа, в том числе в случае, если образовались при пересмотре приговора или постановления, определения о прекращении уголовного дела в судах апелляционной или кассационной инстанций, а также при разрешении вопросов, связанных с исполнением таких решений. Изменена редакция и дополнены другие положения данного постановления.

В обновленной редакции Постановления-21 при решении вопроса о судьбе вещественных доказательств рекомендуется учитывать возможность последствий неуплаты судебного штрафа. Диссертанту в процессе публичной защиты необходимо учесть соответствующие изменения.

5. Требуется дальнейшего изучения предложение об установлении возможности при неуплате части штрафа взыскивать оставшуюся часть принудительно, не продолжая уголовное преследование (с. 104); а также о допустимости внесения штрафа третьими лицами при отсутствии у обвиняемого (подозреваемого) возможности сделать это самостоятельно (с. 136–137).

Вместе с тем указанные замечания преимущественно носят дискуссионный характер и не оказывают существенного влияния на общий вывод о положительной оценке работы.

Изложенное позволяет сделать вывод о том, что диссертация, подготовленная Соловьевым А.Г. на тему «Судебный штраф в российском уголовном судопроизводстве», является научно-квалификационной работой, в которой содержится решение задачи, имеющей существенное значение для развития науки уголовного процесса. Представленная диссертация соответствует критериям, установленным абз. 2 п. 9, п.п. 10, 11, 13, 14 Положения о присуждении ученых степеней, утвержденного Постановлением Правительства РФ от 24 сентября 2013 г. № 842, а ее автор Соловьев Александр Георгиевич заслуживает присуждения ученой степени кандидата юридических наук по специальности 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки).

Б.Б. Булатов,
*профессор кафедры уголовного процесса
Федерального государственного казенного образовательного учреждения
высшего образования «Омская академия Министерства внутренних дел
Российской Федерации» заслуженный юрист Российской Федерации,
доктор юридических наук, профессор*

ОТЗЫВ

**о диссертации Джафарли Вугар Фуад оглы
«Формирование и развитие системы криминологической безопасности
в сфере информационно-коммуникационных технологий»,
представленной на соискание ученой степени доктора юридических наук
по специальности 5.1.4 – Уголовно-правовые науки (юридические науки)
(М.: Всеросс. гос. ун-т юстиции (РПА Минюста России), 2022. 525 с.)**

REVIEW

**of the dissertation by Djafarly Vugar Fuad-ogly "Formation and Development
of Criminological Safety System in Information Technology"
for the degree of Doctor of Law, specialty 5.1.4 Criminal Law Sciences (legal sciences)
(Moscow, All-Russian State University of Justice, 2022. 525 p.)**

В течение 50 лет (что для Истории является весьма кратким сроком) в мире произошла настоящая революция в сфере информационно-коммуникационных технологий. Как и всякая революция (а ее течение продолжается поныне) она, наряду с прогрессивными последствиями, принесла массу негативных, в том числе противоправных. Вкусивших ее плоды сотен миллионов людей ждала серьезная умственная деградация в виде неспособности самостоятельного анализа происходящих вокруг событий и подлинного зомбирования, что хорошо видно на фоне происходящего на Украине, да и на всём европейском континенте (имеется в виду русофобская истерия в западных странах).

Напротив, наиболее изворотливая, хитроумная и лишенная нравственных сдержек часть населения пользуется широчайшими возможностями компьютерных технологий для бессовестного опустошения кошельков (прежде всего электронных) доверчивых граждан, подрыва государственных и нравственно-духовных уставов российской державы. Эти процессы закономерно стали предметом пристального изучения ряда естественных и общественно-политических наук, включая криминологию и уголовное право.

Однако автору настоящей диссертации удалось обеспечить должную научную новизну как за счет творческого переосмысления уже полученного теоретического и эмпирического материала, так и выработки собственных оригинальных умозаключений и рекомендаций. Им создан весьма объемный научный труд, содержащий немало ценных с точки зрения методологии научного поиска, а также реализуемых в практике нормотворчества и правоприменения, идей.

Соискателем успешно решены большинство сформулированных им задач, прежде всего таких, как формирование терминологической основы теории уголовно-правового обеспечения криминологической кибербезопасности; изучение закономерностей, тенденций и состояния преступности в сфере информационно-коммуникационных технологий, механизмов ее детерминации и личностных характеристик преступников; выявление виктимологических свойств потерпевших от преступлений в указанной сфере; криминологическая оценка современных междисциплинарных связей и ресурсов в обеспечении криминологической кибербезопасности; разработка предложений по дальнейшему совершенствованию таковой.

Привлекает то обстоятельство, что в качестве философско-мировоззренческой основы своего исследования автор избрал такие идеалы, как «социальная справедливость, ответственность перед обществом, обязанность отвечать за содеянное, неотвратимость наказания, равенство, а также необходимость сознательного выбора между реальным и

скрытым мирами, утрата идентичности, "Я-концепция", феномен "иномирие" и пр.» (с. 14).

Исследование базируется на обширной нормативной и эмпирической базисах. Последняя, наряду с прочим, включает статданные и информационно-аналитические материалы Верховного Суда и МВД России за 1997–2022 гг., результаты изучения экспертно-аналитических отчетов российских и зарубежных компаний, деятельность которых связана с обеспечением функционирования и защиты объектов информационно-коммуникационной инфраструктуры (Лаборатория Касперского, Hewlett Packard, Positive Technologies и др.), а также результаты проведенных лично диссертантом экспертных вопросов свыше 100 специалистов, среди которых 17 судей федеральных судов, рассматривавших уголовные дела о преступлениях, совершаемых в информационно-коммуникационной сети Интернет и 23 руководящих сотрудников подразделений негосударственных структур кибербезопасности (с. 18, 19 и далее по тексту).

Научная новизна настоящего диссертационного исследования, о которой сказано выше, более конкретно выразилась в создании оригинальной научно-практической концепции криминологической безопасности, которая, в числе прочего, объединила обоснование формирования и развития т. н. «цифрового щита» и предпосылок создания самостоятельного научного направления — криминологии кибербезопасности. В рамках концепции обоснован процесс цифровизации уголовного закона.

Научная новизна рельефно проявляется в основных положениях, выносимых на защиту, большинство из которых убедительно аргументированы и потому заслуживают поддержки или, по крайней мере, детального научного анализа и являются поводом для плодотворной научной дискуссии.

Прежде всего это касается:

– положения 3 об антикриминальном «правоохранительном использовании кибертехнологий в обнаружении, фиксации, раскрытии и расследовании преступлений, отправлении правосудия, контроле и мониторинге поведения лиц – девиантов, и в целом, в предупреждении традиционной и киберпреступности» (с. 22);

– положения 7 в части специального анализа фундаментальных просчетов, допущенных государством в рамках уголовной политики, выразившихся в «неверной оценке правоприменителями перспектив преступности будущего», ведущей к тому, что «далекое от государственных правовых гарантий обеспечение безопасности от многих киберпреступлений постепенно переходит в компетенцию негосударственных структур..., что выступает самостоятельным криминогенным источником развития инновационной преступности» (с. 25);

– положения 13 в части указания на необходимость пересмотра образовательных стандартов, ориентирующих «коллективы, прежде всего высших учебных заведений, главным образом, экономического и юридического направлений» на уровень подготовки своих выпускников, который не отвечает «современным информационно-технологическим потребностям в высококвалифицированных специалистах, способных обеспечить безопасность в киберпространстве» (с. 29).

Из сказанного выше вытекает весьма высокая теоретическая и практическая значимость полученных диссертантом результатов.

В подтверждения этой констатации укажем на ряд конкретных достоинств анализируемого исследования.

Автор метко и методологически верно определяет (вслед за писателем У. Гибсоном) киберпространство как «всеобщую галлюцинацию» (с. 105), а в таком состоянии, как хорошо известно из судебной психиатрии, люди причиняют вред как самим себе, так и другим, причем глобальные информационные сети позволяют делать это в отношении неопределенного круга лиц и на любом расстоянии.

Далее он справедливо указывает на необычайную распространенность травли (т.н. «буллинга») среди российских подростков: «по данным ЮНЕСКО, в России примерно 27% школьников становятся жертвами травли. У Всемирной организации здраво-

охранения похожие цифры: среди 11-летних детей 23% девочек и 27% мальчиков признались, что подвергались унижениям со стороны сверстников» (с. 154). С возрастом эта травля приобретает ярко выраженный уголовно-противоправный характер, как со стороны несовершеннолетних, так и взрослых (прежде всего педагогов и школьных администраторов, хорошо знающих об этих фактах, но покрывающих все более наглежащих истязателей). В качестве же ответной реакции неизбежны факты массового расстрела школьников и педагогов со стороны учащихся и выпускников учебных заведений.

Уголовная же статистика (скажем, новейшая – за январь–декабрь 2022 г.) игнорирует эти злокачественные процессы и по-прежнему констатирует неуклонное и резкое *снижение* преступности несовершеннолетних (сразу на (9,7% по числу выявленных преступников). Такая политика чревата «неожиданными» всплесками общественно опасной активности подростков и молодежи, которым зачастую предшествует целенаправленная организация этих бунтов через социальные сети.

Автор справедливо указывает также на недопустимо высокий уровень латентности преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации (с. 160, 161, 172, 216). О недостоверности статданных убедительно свидетельствуют просто ошеломляющие сведения о количестве кибератак на российских интернет-пользователей – еще в 2010 году их было зафиксировано 80 053 584 случая (с. 168). Таким образом, уголовно-процессуальной оценке удаётся лишь микроскопическая доля совершаемых в интернет-пространстве общественно опасных деяний.

Пристального внимания со стороны властных структур заслуживает предложение диссертанта о создании в отношении *каждого* лица, склонного к устойчивому антиобщественному поведению, цифровой диагностической карты (ЦДК) с четким указанием ресурсов ее наполнения (с. 262, 263).

Соискатель убедительно возражает против укоренившейся в законотворческой практике т.н. «клонирования» ряда составов преступлений, прежде всего часто применяемых в следственной и судебной деятельности (с. 363, 364). Такое тиражирование сходных норм отнюдь не способствует повышению эффективности правоохранительной деятельности, а также порождает бесконечные, порой схоластические, споры среди теоретиков-доктринеров, чьи рекомендации до практиков зачастую попросту не доходят, либо игнорируются ими.

Диссертация обладает и иными достоинствами, которые, смеем надеяться, будут отмечены другими оппонентами и рецензентами.

Ее положения и содержащиеся в них выводы и рекомендации в достаточной мере апробированы на представительных научно-практических конференциях, в многочисленных и объемных публикациях (с. 46–49 автореферата) и уже внедрены в научно-педагогический процесс (с. 31, 32).

Диссертация и ее автореферат написаны хорошим (хотя, порой, и несколько нарочито усложненным) литературным языком и аккуратно оформлены. Последний дает адекватное представление о содержании, выводах и рекомендациях основного труда.

Вместе с тем, настоящая работа не свободна от некоторых недостаточно обоснованных, спорных положений и иных несовершенств. Укажем на основные из них.

1. В положении, вынесенном на защиту в самом начале (и это отнюдь не случайно), соискатель требует «изменения общесоциальной парадигмы предупреждения преступлений, в рамках которой традиционно позитивная общепредупредительная правовая и морально-этическая направленность деятельности государства и институтов гражданского общества должны быть сориентированы на создание в обществе *ментальности нового порядка*, в котором каждый дееспособный индивид будет стремиться к правоопослушному поведению, сознавая, что любой его социально вредный, а тем более общественно опасный, противоправный поступок неотвратимо фиксируется и юридически оценивается инновационными информационно-технологическими средствами монито-

ринга и контроля» (с. 21).

Даже если попытаться абстрагироваться от морально-этической стороны этого поистине революционного переустройства российской жизнедеятельности и создания всеобщего и полного полицейского контроля за гражданами в духе известного романа Дж. Оруэлла «1984», то возникает закономерный вопрос, осуществима ли такая тотальная слежка технически, а самое главное кто и по каким основаниям будет *программировать* соответствующие приборы наблюдения и контроля, а главное, кто будет выносить окончательное решение о судьбе правонарушителя. Уповать при этом на некие «электронные весы правосудия» (по идее проф. Х. Аликперова, которую разделяет диссертант) по меньшей мере наивно. Правящие классы (их ныне стыдливо именуют «элитой») никогда не упустят из своих рук карающий меч правосудия, как бы это не микшировалось рассуждениями о беспристрастности судебной власти, ибо, как показывает дальняя и ближняя история России и зарубежных стран, для них это «смерти подобно», причем в буквальном, а не переносном смысле.

2. В столь объемном труде его автор ни словом не обмолвился о специальной военной операции, которая к моменту завершения исследования уже развернулась полным ходом.

Между тем развиваемая в диссертации идея «*киберфизической безопасности* посредством комбинированного цифрового комплекса, состоящего из беспилотного летательного аппарата (БЛЛА) – дрона, несущего на себе программно-аппаратное оборудование, когда возможно использовать такого рода устройство благодаря встроеной программе УПФ (уголовно-правового фильтра – С.М.) не просто для выявления правонарушения, но и в соответствии с программным алгоритмом, ... заданным ему ... правоприменителем, на обнаружение, преследование и задержание преступников, нахождения жертв криминальных посягательств и пр.» (с. 182) вполне применима для реализации в ходе боевых действий, а равно в ближнем и дальнем тылу противника, поскольку хорошо известно какое множество преступлений совершают члены вооруженных пронацистских формирований на Украине. Сотрудники Следственного комитета РФ уже возбудили сотни уголовных дел на этот счет. Однако сбор улик и задержание преступников зачастую чрезвычайно затруднен и опасен для жизни следователей и оперработников. Переложить же этот риск, насколько это возможно, на роботов будет вполне уместно.

Помимо этого, России постоянно приходится отбивать (и, увы, не всегда успешно) кибератаки на ее военную и гражданскую инфраструктуру и противостоять мощному потоку русофобской пропаганды, направленной на дискредитацию руководства страны, ее Вооруженных сил, искажение ее древней и новой истории. В отражении этой информационной агрессии идеи автора могли бы сыграть важную профилактическую роль.

3. По тексту диссертации отчетливо видно, что ее автор старается быть объективным и не доверять расхожим, но не всегда достоверным суждениям о современной уголовной политике. Однако это удается ему не всегда.

Так, вслед за некоторыми либерально ангажированными правоведами и криминологами, он утверждает, что «Уголовный кодекс РФ, имеющий в своем составе... чрезмерно высокие планки наказаний, ... этим провоцирует судей на назначение максимально возможного срока» (с. 176).

На самом же деле, российские суды проводят неоправданно *мягкую* линию в отношении опасных и особо опасных преступников (прежде всего экономических хищников и сверхкрупных коррупционеров), чем в немалой степени раздражают широкие слои законопослушного населения. И уголовный законодатель отнюдь не препятствует этому «милосердию» за чужой счет. Скажем, хищение на десятки, сотни и даже миллиарды долларов по нашему закону не может быть наказано строже 10 (!) лет лишения свободы.

На этом фоне резко выделяется жесткая уголовная репрессия в ряде зарубежных стран, прежде всего в США и Китае, о чем автор не может не знать, но умалчивает. Даже европейская юстиция, с которой и берет до сих пор пример постсоветская Россия, дает

впечатляющие примеры своей репрессивности. Так, 7 февраля 2013 г. телеканал Sky News в прямой трансляции из зала суда сообщил, что лондонский суд приговорил экс-офицера полиции Дэвида Кэррика к 36 (!) пожизненным срокам лишения свободы за 24 случая изнасилования. Чтобы вновь оказаться на свободе, Кэррику придется отбыть за решеткой 39 лет и 329 дней. Спрашивается, найдется ли в России хоть один судья, способный вынести подобный приговор? Даже если найдется, то ему не даст это сделать Уголовный кодекс РФ. Максимальный срок лишения свободы подобного преступника вряд ли превысит 12–15 лет с возможностью гораздо более быстрого досрочного освобождения.

Столь же скептически мы относимся и к воспроизведенному в диссертации заявлению бывшего главы Google Эрика Шмидта, в соответствии с которым «от начала цивилизации и до 2003 года было создано около 5 Экзобайт (5 млрд ГБ) информации. Теперь человечество создает столько данных всего за 2 дня» (с. 254).

В своем большинстве эти гигантские величины свидетельствуют лишь о катастрофическом разбухании информационного мусора, который отнюдь не способствует, а лишь мешает эффективному решению насущных проблем, стоящих перед человечеством. За прошедшие без малого четверть нынешнего века оно беспомощно топчется в продвижении амбициозных экономических, продовольственных, транспортных, экологических программ, освоении космического пространства. Полная несостоятельность мировой медицины проявилась в период пандемии COVID-19, лечении сердечно-сосудистых, онкологических и иных широко распространяемых заболеваний.

Хорошо ощущается бесплодность этих гигантских объемов информации в среднем и высшем (в том числе юридическом) образовании. Большинство современных учащихся и студентов не обладают элементарными познаниями в сфере истории, географии, литературы, искусства, да и той же информатики (кроме лихорадочного «общения» с мобильником и компьютером ради пустого времяпрепровождения).

4. Соискатель уделяет весьма большое внимание международно-правовому обеспечению кибербезопасности и сотрудничеству с зарубежными странами, прежде всего входящими в ЕС в сфере информационно-коммуникационных технологий (с. 266–274). При этом совершенно не учитывается кардинальное изменение отношений не только с США, другими странами-членами НАТО, но и с их сателлитами на других континентах (Япония, Австралия, Новая Зеландия и др.) после начала СВО.

Так, 25 января 2022 г. Совет Европы приостановил членство России в этой организации. 15 марта наша страна начала процесс выхода из нее. Однако уже на следующий день Кабинет министров ЕС принял решение о немедленном исключении России. 17 января 2023 г. Президент РФ внес в Госдуму законопроект о прекращении действия международных договоров между Россией и Советом Европы с денонсацией ранее подписанной Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г.

Однако разрывом конвенциональных отношений с Европой дело отнюдь не ограничивается. Не обладающие должной правосубъектностью, европейские страны под давлением США развернули против нашей страны настоящую информационную войну, в ходе которой подстрекают изрядной численностью «пятую колонну» внутри страны вкупе с бежавшими из нее оппозиционерами привести Россию к военному поражению, созданию хаоса по лекалам «цветных» революций и расчленению на множество марионеточных квазигосударственных образований, глубоко враждебных друг к другу. Одновременно идет перманентное информационное удушение России, отключение её от критически важных киберресурсов в вышеобозначенных целях.

Все это не может не сказываться на осложнении криминологической обстановки с стране, обострении прежних угроз ее суверенитету, экономической и финансовой устойчивости и создает новые вызовы, которые, по нашему убеждению, должны быть в центре внимания отечественных криминологов и правоведов.

5. Как уже отмечалось в начале отзыва, анализируемое исследование базируется на

солидной правовой базе. Однако в ней имеются некоторые пробелы.

Как и многие другие авторы кандидатских и докторских диссертаций, монографий, учебников и научных статей, автор игнорирует официально принятую транскрипцию нумерации вновь вводимых в УК и УПК РФ статей и их частей в виде степени числа (см. с. 144–147, 150–152, 158, 167, 250, 363 и др.). Формально-юридически (а для правоведа это отнюдь не пустячный момент) получается, что диссертант оперирует нормами, которые *отсутствуют* в действующим Уголовном и Уголовно-процессуальном кодексах!

Обычно этот юридино-технический брак объясняют тем, что на компьютере якобы невозможно воспроизвести упомянутую транскрипцию и ссылаются на широко используемые учеными, педагогами и практиками системы «Кодекс» и «Гарант». На самом же деле это не соответствует действительности, а лишь указывает на издержки безудержной «цифровизации» законодательных и иных нормативных источников, о которой много говорится в анализируемом тексте.

Далее на стр. 199 диссертант обращается к УК Республики Казахстан 1998 г., в котором он насчитал не менее 29-и норм, связанных с ИТК-сферой. При этом автор не оговаривает тот факт, что данный кодекс уже давно утратил силу. В то же время он использует действующий УПК Казахстана от 4 июля 2014 г. (с. 332, 437).

По непонятной причине в списке использованных источников не нашлось места действующим УК и УПК РФ, хотя автор счел необходимым поместить в него Уголовный кодекс РСФСР 1960 г. (с. 429). Другие федеральные законы даются без указания на источник опубликования и без сведений о внесенных в них изменениях и дополнениях. Это тоже наглядно показывает, что само по себе обладание доступом к информационно-справочным ресурсам отнюдь не гарантирует должного юридино-технического качества научного текста.

Как видно из содержания каждого из отмеченных недостатков в отдельности и их совокупности, они не могут существенно снизить научно-теоретическую и практическую ценность настоящего исследования и не препятствуют выводу о том, что диссертация на тему «Формирование и развитие системы криминологической безопасности в сфере информационно-коммуникационных технологий» является самостоятельно выполненным монографическим исследованием, которое можно считать научно-квалификационной работой, в которой разработаны теоретические положения, совокупность которых является серьезным научным достижением, имеющим важное практическое значение для обеспечения криминологической безопасности в информационно-коммуникационной сфере и тем самым соответствующее требованиям пункт 9–14 Положения о присуждении ученых степеней, утвержденного Постановлением Правительства РФ от 24.09. 2013 г. № 842 в редакции от 26. 01. 2023 г., а ее автор – автор Джафарли Вугар Фуад оглы заслуживает присуждения искомой ученой степени доктора юридических наук по специальности 5.1.4 Уголовно-правовые науки (юридические науки).

С.Ф. Милюков,
*профессор кафедры уголовного права
Федерального государственного бюджетного
образовательного учреждения высшего образования
«Российский государственный педагогический университет
им. А.И. Герцена», доктор юридических наук
(специальность 5.1.4. – Уголовно-правовые науки
(юридические науки), профессор*

ОТЗЫВ

**о диссертации Карпушкина Артема Вячеславовича
«Уголовно-правовая оценка причинения вреда при задержании лица,
совершившего преступление, по отечественному и зарубежному уголовному
законодательству», представленной на соискание ученой степени
кандидата юридических наук по специальности 5.1.4 – Уголовно-правовые науки
(юридические науки)**

REVIEW

**of the dissertation by Artem Karpushkin "Legal Assessment of Harm Caused
at Offender's Detention in accordance with Russian and International Law"
for PhD in Law, specialty 5.1.4 Criminal Law Sciences (legal sciences))**

Изучение диссертации и автореферата Карпушкина Артема Вячеславовича на тему: «Уголовно-правовая оценка причинения вреда при задержании лица, совершившего преступление, по отечественному и зарубежному уголовному законодательству» позволяет говорить о ее актуальности и теоретической значимости.

Действительно, противодействие преступности осуществляется не только в следственных кабинетах и судебных залах. Первичный этап раскрытия и расследования преступления связан с определением лица, его совершившего, и нередко с его физическим задержанием после совершения преступления. Тем не менее, следует согласиться с автором о том, что количество не раскрытых преступлений вовсе не уменьшается, в том числе и потому, что лица, совершившие преступление, скрываются с места его совершения, так как не все меры, необходимые для их физического задержания, предпринимались сотрудниками полиции. В этой части автор приводит убедительные статистические данные о находящихся в розыске преступниках, что, несомненно, ведет не только к увеличению рецидивной преступности, но и провоцирует безнаказанность, а также побуждает преступников к совершению новых, даже более опасных преступлений.

Актуальность, по мнению автора, состоит и в том, что при уголовно-правовой оценке причинения вреда лицу, совершившему преступление и пытающемуся скрыться, зачастую допускаются ошибочные решения о неправомерности действий задерживающего или даже превышении им мер, необходимых для задержания, что влечет за собой уголовную ответственность, причем вовсе не по привилегированным составам преступлений, а по общим статьям о преступлениях против личности. Следует поддержать вывод о том, что в большей степени это касается сотрудников правоохранительных органов, которые осуществляют физическое задержание преступников в целях их доставления в органы правопорядка. При этом, нельзя не отметить, что в случаях ошибочной квалификации, сотрудников полиции ждет более строгая ответственность, она, чаще всего, наступает по ст. 286 УК РФ.

Исследование зарубежного законодательного и правоприменительного опыта в рассматриваемой сфере также подчеркивает актуальность работы, т.к. при совершенствовании отечественного уголовного закона и практики его применения может быть использован зарубежный опыт.

Необходимо отметить четкость и точность в изложении содержания объекта, предмета, цели и задач диссертационного исследования. Это позволило определить верно структуру работы, ее основные разделы и главы (с. 8, 9).

Несомненна и научная новизна диссертации, которая определяется кругом

рассматриваемых в ней проблем, а также содержанием сформулированных автором предложений и выводов. На достаточном уровне новизна раскрывается в положениях, выносимых на защиту, в том числе и в содержании предложений *delegiferenda*, связанных с разработкой и обоснованием оптимальной законодательной конструкции ст.ст. 38, 108 и 114 УК РФ и иных нормативных правовых актов, ведомственного законодательства, регламентирующего правила и порядок применения физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия (с. 12–18).

Обоснованность и достоверность научных результатов, выводов и предложений основываются на ведущих положениях теории уголовного права в сочетании с достижениями научной мысли в области исследования проблем, связанных с уголовно-правовой оценкой причинения вреда при задержании лица, совершившего преступление, а также и зарубежным правоприменительным и законодательным опытом. При этом необходимо отметить большой объем проведенных социологических исследований, включающих статистические данные о состоянии преступности и судимости за период с 2017 по 2021 г., результаты опросов 230 респондентов, изучения более 90 материалов судебной практики (с. 10, 11).

Результаты диссертационного исследования обладают достаточной теоретической и прикладной значимостью. Они дополняют и развивают теорию уголовного права положениями о более эффективной правовой оценке причинения вреда при обстоятельствах, исключающих преступность в целом, и при задержании лица, совершившего деяние, содержащее признаки преступления, в частности. Проведенное соискателем исследование зарубежного законодательства позволило сделать вывод о полезности и высокой значимости сравнительного анализа норм УК РФ и законодательства зарубежных стран об особенностях уголовно-правовой оценки причинения вреда лицу, совершившему деяние, содержащее признаки преступления, и пытающемуся скрыться, при его задержании, который основан на нормах международного права с учетом национальных особенностей и важен для выбора более точного осуществления сотрудниками полиции действий по задержанию преступника и доставлению его в органы власти.

Сформулированные автором в результате диссертационного исследования выводы по совершенствованию законодательства в части конкретизации обстоятельств, характеризующих обстановку задержания, а также декриминализации причинения средней тяжести вреда здоровью при превышении мер, необходимых для задержания, могут выступать в качестве основы для дальнейшего научного исследования, а также могут быть использованы в деятельности законодательных и правоприменительных органов, для проведения углубленных сравнительно-правовых исследований уголовного законодательства зарубежных стран.

Из автореферата и диссертация следует, что результаты диссертационного исследования А.В. Карпушкина прошли необходимую апробацию: были опубликованы в шести научных статьях, в том числе в трех статьях в изданиях, входящих в перечень ВАК при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации, использовались при обсуждении работы на заседаниях кафедры уголовного права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя и при выступлениях на конференциях и круглых столах. Имеются данные о внедрении результатов исследования в образовательный процесс Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя по учебной дисциплине «Уголовное право» и практическую деятельность правоприменительных органов.

Диссертационное исследование изложено логично, в соответствии с намеченным планом и включает три главы, объединяющие восемь параграфов, заключение, список литературы и приложения.

Первая глава исследования посвящена рассмотрению истории развития законодательства о причинении вреда при задержании лица, исследованию зарубежного законодательства о причинении вреда при задержании преступника, анализу социальной обусловленности закрепления в УК РФ исследуемых соискателем норм (с. 22–39). Во

втором параграфе соискатель подробно проанализировал зарубежное уголовное законодательство о причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление, ряда стран с различными правовыми системами (с. 39–68). В третьем параграфе проведенное исследование позволило автору сформулировать вывод о социальной обусловленности включения в институт обстоятельств, исключающих преступность деяния, ст. 38 УК РФ, и установления уголовной ответственности за причинение смерти и тяжкого вреда здоровью, совершенных при превышении мер, необходимых для задержания (с. 68–78). В этой части, несмотря на полную поддержку указанного предложения, на наш взгляд, требуются дополнительные аргументы для обоснования предложения об исключении из УК нормы об ответственности за причинение средней тяжести вреда здоровью при превышении мер, необходимых для задержания.

Во второй главе автором исследованы особенности уголовно-правовой оценки причинения вреда задерживаемому, совершившему преступление и пытающемуся скрыться после его совершения. Автор убедительно отмечает критерии правомерности причинения вреда при задержании преступника, а также признаки превышения мер, необходимых для задержания (с. 78–116), делает вывод о необходимости совершенствования уголовного и уголовно-процессуального законов и практики их применения (с. 107–108, 113–116). Весьма интересен сравнительно-правовой анализ ч. 2 ст. 108 УК РФ и аналогов в зарубежном уголовном законодательстве (с. 117–153), который позволил сформулировать предложения, уточняющие название и диспозицию ст. 108 УК РФ, а также форму вины в анализируемом составе преступления. Заслуживает внимания вывод о необходимости декриминализации причинения средней тяжести вреда здоровью, совершенного при превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление.

К числу преимуществ работы следует отнести насыщенность всей работы в целом и второй главы, в частности, данными судебной и правоприменительной практики не только Российской Федерации, но и зарубежных стран, что позволяет наиболее точно и подробно проиллюстрировать занимаемую автором позицию, выделить отдельные неточности, имевшие место в судебной практике.

Третья глава посвящена исследованию особенностей уголовно-правовой оценки причинения вреда сотрудниками полиции при реализации полномочий по задержанию лица, совершившего преступление. Уделено внимание и анализу ведомственного законодательства Российской Федерации и зарубежных стран, регламентирующего применение физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия сотрудниками полиции при задержании лица, совершившего преступление (с. 181–212), где автор убедительно демонстрирует обнаруженные неточности в корреспондирующих отраслях права, которые, как вполне обоснованно отмечает автор, отчасти ограничивают сотрудников правоохранительных органов, и в первую очередь полиции, в реализации предоставленного им статьей 38 УК РФ права (с. 188, 193–194).

Нуждается в поддержке предложение автора о дополнении перечня специальных средств представителей правоохранительных органов оружием, не способным причинить задерживаемому тяжелые ранения или смерть (с. 203–211). Соискателем подробно рассмотрены отдельные аспекты, связанные с уголовно-правовой оценкой действий представителей власти в обстановке задержания преступника, в том числе и обусловленные причинением вреда уже задержанному и доставленному в органы власти лицу (с. 212–232). В рамках данного параграфа отдельно выделяется авторская позиция, подкрепляемая зарубежными примерами, о необходимости повышенной ответственности сотрудников правоохранительных органов в силу наличия у них властных полномочий, способствующих успешному задержанию без причинения чрезмерного вреда здоровью преступника. Тем не менее, отдельные выводы, на наш взгляд, нуждаются в дополнительной аргументации.

Работу отличает глубина и тщательность исследования рассматриваемых вопросов, последовательная и убедительная аргументация соискателем собственных выводов.

Практически каждый вывод, следующий из текста параграфа, подкрепляется успешным зарубежным правотворческим или правоприменительным опытом, что, несомненно, обуславливает соответствие содержания работы ее наименованию. Диссертант демонстрирует умение корректно вести научную дискуссию, доказывать собственную точку зрения, умение анализировать и обобщать нормативные и доктринальные источники, эмпирический материал.

Диссертационная работа выполнена на достаточно высоком теоретическом и методологическом уровне, содержит немало предложений по совершенствованию уголовного, процессуального и ведомственного законодательства, при этом большинство из них может быть положительно воспринято законодателем.

Стиль и оформление диссертации соответствует предъявляемым требованиям. Изучение диссертации позволяет сделать вывод о самостоятельном характере работы, представляющей личный вклад автора в развитие теории уголовного права.

Автореферат и научные статьи, опубликованные А.В. Карпушкиным, отражают основное содержание диссертации. В целом, представленный материал позволяет судить о нем как о научной работе, посвященной актуальной теоретической и практической проблеме.

Вместе с тем, не умаляя общий положительный вывод о проведенном А.В. Карпушкиным исследовании, необходимо отметить ряд замечаний и моментов, носящих дискуссионный характер:

1. Вывод о социальной обусловленности указанных в работе статей УК РФ в большей степени соотносимо с понятием криминализации. Хотелось бы услышать мнение автора о соотношении данных понятий и критериях криминализации деяний, характеризующих причинение вреда при превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление, в процессе его задержания.

2. Вывод соискателя в положении 9, выносимом на защиту, требует, на наш взгляд, более убедительных аргументов для обоснования необходимости пополнения перечня специальных средств отдельных правоохранительных органов травматическим оружием, которое позволит причинять наименьший вред задерживаемому.

3. Дискуссионным представляется и предлагаемый автором в положении 11, выносимом на защиту, п. 28.1 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации, содержащий правило квалификации действий сотрудников правоохранительных органов, причинивших вред лицу, совершившему деяние, содержащее признаки преступления, уже после того, как оно будет задержано, передано или доставлено в органы власти по ч. 3 ст. 286 УК РФ. Такое предложение требует более четкой аргументации.

4. Категорическое несогласие вызывает предложение автора о квалификации действий сотрудников правоохранительных органов, выразившихся в превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление по совокупности преступлений (положение № 5, выносимое на защиту), предусмотренных ч. 2 ст.ст. 108 или 114 УК РФ и ч. 3 ст. 286 УК РФ, так как это, по нашему мнению, противоречит принципу законности и справедливости, при этом сотрудники оказываются в заведомо худшем положении, по сравнению с обычными гражданами, действия которых будут квалифицироваться лишь по ст. ст. 108 или 114 УК РФ.

5. Представляется не вполне логичным и обоснованным уточнение названия статьи 108 УК РФ и ее диспозиции, где вместо термина «убийство» предлагается использовать термин «причинение смерти». При таком подходе криминализируется причинение смерти по неосторожности при превышении мер, необходимых для задержания. Это существенно ограничит возможности задерживающего по причинению вреда, размер (объем) которого в скоротечных ситуациях задержания и без того сложно предугадать.

Высказанные замечания носят частный, дискуссионный характер, не касаются концептуальных, базовых положений диссертации А.В. Карпушкина и никоим образом не снижают значимости проделанной работы и её общей высокой оценки.

На основании изучения диссертации, автореферата и научных трудов соискателя можно заключить, что диссертационное исследование Карпушкина Артема Вячеславовича написано автором самостоятельно, обладает внутренним единством, содержит новые научные результаты и положения, выдвигаемые для публичной защиты, свидетельствует о личном вкладе автора диссертации в науку; работа не содержит некорректных заимствований и является научно-квалификационной работой, в которой содержится решение научной задачи, имеющей значение для развития науки уголовного права и практики его применения.

Диссертация и автореферат в полной мере отвечают требованиям, установленным ч. 2 п. 9, п.п. 10–11, 13–14 Положения о присуждении ученых степеней, утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. № 842, а ее автор – Артем Вячеславович Карпушкин – заслуживает присуждения ему ученой степени кандидата юридических наук по специальности 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки).

*А.В. Никуленко,
профессор кафедры уголовного права
Федерального государственного казенного
образовательного учреждения высшего образования
«Санкт-Петербургский университет
Министерства внутренних дел
Российской Федерации»,
доктор юридических наук, доцент,
полковник полиции*

К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ОЛИМПИАДА СОЛОМОНОВИЧА ИОФФЕ

EDN KLPWTO
DOI 10.26163/GIEF.2023.53.51.001
УДК 347(092)

К.К. Лебедев

РАЗРАБОТЧИК ОСНОВНЫХ ПРОБЛЕМ И СИСТЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА. К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ О.С. ИОФФЕ (ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК). ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Константин Константинович Лебедев – профессор-консультант кафедры коммерческого права юридического факультета, ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет», кандидат юридических наук, доцент, г. Санкт-Петербург; e-mail: Lebedev_konst@inbox.ru.

В статье рассматриваются основные направления исследовательской деятельности выдающегося российского цивилиста с мировым именем О. С. Иоффе (1920-2005).

Ключевые слова: наука гражданского права, основные этапы ее развития; система гражданского права; предмет и метод; правоотношение; ответственность; состав гражданского правонарушения; кодификация гражданского законодательства; критика хозяйственно-правовой концепции; правовое регулирование хозяйственной деятельности; правосубъектность; юридические лица; право собственности; обязательство; договоры.

К.К. Lebedev

RESEARCHER OF KEY PROBLEMATIC ISSUES AND DOMESTIC CIVIL LAW SYSTEM CREATOR. TO THE 100-TH ANNIVERSARY OF O.S. IOFFE (HISTORIOGRAPHIC OVERVIEW). PART I

Konstantin Lebedev – Consultant Professor, the Department of Commercial Law, Law Faculty, Saint-Petersburg State University, Ph.D. in Law, Associate Professor, Saint-Petersburg; e-mail: Lebedev_konst@inbox.ru.

The article deals with key areas of the research activities of a prominent Russian civilist with a world-wide reputation O.S. Ioffe (1920-2005).

Keywords: civil law science; main stages of its development; civil law system; subject and method; legal relation; liability; element of a crime; codification of civil law; critique of economic and legal concept; legal regulation of economic activity; legal personality; legal entities; property right; obligation; contracts.

21 января 2020 г. исполнилось 100 лет со дня рождения выдающегося отечественного правоведа Олимпиада Соломоновича Иоффе. Он родился в городе Синельниково Днепропетровской области Украинской ССР. В школе Липа (так его звали

дома, друзья, однокашники) очень хорошо учился, занимался музыкой, проявляя способности к математике, физике, иностранным языкам; окончил школу с золотой медалью. После окончания школы приехал в Ленинград поступать на математико-ме-

ханический факультет Ленинградского государственного университета. В общежитии, куда поселяли абитуриентов, он оказался в одной комнате с юношами, приехавшими поступать в Юридический институт. После разговоров с ними юриспруденция показалась ему чрезвычайно интересной, захватывающей. В результате вместо матмеха он подал документы в Ленинградский государственный юридический институт им. М.И. Калинина, куда его приняли без экзаменов как золотого медалиста [1, с. 645-646]. Сначала Институт носил имя Крыленко, затем стал называться «имени М. И. Калинина».

Будучи студентом О.С. Иоффе сразу увлекся общей теорией государства и права, а со второго курса стал заниматься всерьез и надолго (навсегда) гражданским правом. Он рассказывал, что в гражданском праве для него все было интересно: классификация сделок и договоров, обязательства с их широким диапазоном правовых форм, осуществление гражданских прав и способы их защиты. Очевидно, что юноша с большими математическими способностями увидел в многообразии и эластичности гражданско-правовых институтов проявление определенных логических закономерностей, своеобразных математических конструкций, возможностей для моделирования и систематизации. Позднее все это получило отражение в его трудах по теории государства и права и теории гражданского права, которые стали достоянием не только отечественной, но и мировой юриспруденции.

Выдающийся студент имел все шансы поступить в аспирантуру, но началась война, и Олимпиад был призван в армию. Такие специалисты, как он, свободно владеющий немецким языком, были очень нужны. После краткосрочных курсов ему было присвоено офицерское звание лейтенанта, и он был отправлен на фронт; прошел всю войну, перенес тяжелую контузию от взрыва немецкого снаряда, воевал на Карельском фронте, был переводчиком, награжден орденами и медалями; после окончания войны вышел в отставку в звании капитана. Во время Войны родители О.С. Иоффе и многие его родственники

погибли.

Вернувшись в Ленинград, он сдал госэкзамены, получил диплом о высшем юридическом образовании и поступил в аспирантуру Ленинградского юридического института им. М. И. Калинина. В 1954 г. этот институт был присоединен к восстановленному в 1944 г. юридическому факультету Ленгосуниверситета.

Кафедру гражданского права Университета возглавлял тогда профессор (позднее – академик, действительный член АН СССР) Анатолий Васильевич Венедиктов; на кафедре работали крупные советские цивилисты Борис Борисович Черепяхин, Самуил Исаакович Аскназий, Николай Абрамович Райгородский, Лев Израилевич Картужанский, Надежда Вениаминовна Рабинович, Яков Миронович Магазинер, Борис Сергеевич Мартынов [1, с. 646-673]. Научным руководителем Олимпиада Соломоновича был назначен профессор С.И. Аскназий, известный своими работами по хозяйственному праву и по теории гражданского права. Некоторое время С.И. Аскназий был заведующим кафедрой гражданского права Ленинградского юридического института им. М.И. Калинина; скончался Самуил Исаакович в 1952 г. Его докторская диссертация переиздана в 2008 г. [2, с. 41-853]; основные работы С.И. Аскназия и очерки о нем самом даны ниже в списке литературы [3;4].

В своих воспоминаниях об О.С. Иоффе академик Юрий (Георгий) Кириллович Толстой пишет о его учителях: «Его учителями были С.И. Аскназий и Я.М. Магазинер, оба крупные ученые, по достоинству еще не оцененные» [5, с. 223]. Профессор Яков Миронович Магазинер (1882-1961) был специалистом по гражданскому и морскому праву, а также по общей теории права [6, с. 8-14].

Преподавателей тогда не хватало, и вскоре Олимпиад Соломонович был принят в штат Университета, ему было поручено чтение лекций по всему курсу гражданского права и по римскому праву. Оказалось, что помимо математических и музыкальных способностей, у него были недюжинные ораторские способности, настоящий лекторский талант. Он читал

К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ОЛИМПИАДА СОЛОМОНОВИЧА ИОФФЕ

лекции не по бумажному тексту, а по памяти, как бы экспромтом. На самом деле, это был не экспромт, а результат тщательной подготовки, на что он не жалел времени и сил. О его лекциях вспоминают его тогдашние студенты. Один из ведущих современных цивилистов – профессор, доктор юридических наук А.Л. Маковский, который был студентом юридического факультета Ленгосуниверситета в послевоенные годы, с восторгом отзывается о лекциях О.С. Иоффе. Он вспоминает: «...Как ни к кому другому, к О. С. применимо старое русское выражение «говорит, как по писаному» в его исконном похвально-восторженном значении. Устная речь О. С. имеет столь же совершенную форму, какую обычно удается достичь лишь на письме. Она лишена красивых метафор и броских сравнений, О. С. не вкрапляет в нее лишних слов или привычных выражений, почти никогда не подчеркивает сказанное жестом. Слушателей он увлекает тем, что делает их соучастниками процесса объяснения и доказывания истины. Ставится очередной вопрос, излагается очередная гипотеза, и за этим в нескольких точных фразах возводится логическое построение, объясняющее, почему правом избрано то, а не другое решение... Удивительная четкость (если не сказать, чеканность) фраз и формулировок не делает речь О. С. скучной. Ее выразительность достигается разнообразием и часто неожиданно логических средств, используемых оратором – среди них и простейшие приемы логики и доказательства *ad absurdum*, и обращение к парадоксам и ко всем способам толкования закона, и многое другое»¹ [7, с. 3-10].

Тогдашний студент, а ныне действительный член Российской академии наук (РАН) Ю.К. Толстой, поступивший в Университет в 1945 г., вспоминает о ярком выступлении О. С. на диспуте о вине и причинной связи и сообщает, что уже тогда молодого О. С. «...не без оснований

считали восходящим светилом» [5, с. 181]. «Он – О. С., – вспоминает далее академик Ю.К. Толстой, – «непрерывно курил, причем даже во время чтения лекций <...>. Лектор и полемист он был блестящий. Лекции его среди студентов пользовались большой популярностью» [5, с. 223].

Доцент кафедры гражданского права Ленгосуниверситета Тамара Алексеевна Фаддеева вспоминает: «На лекциях О.С. Иоффе всегда было множество студентов... Завораживал голос лектора, его манера говорить, убеждать слушателей в полезности того, о чем он рассказывает...; память сохраняет <...> «звуки его голоса, интонации, музыкальную одаренность его бесконечно богатой натуры» [8, с. 13-14].

Автор настоящего очерка слушал лекции О. С. в 60-х годах прошлого столетия. Его лекции поражали нас – студентов своей четкостью, логикой и, конечно, яркостью изложения. Олимпиад Соломонович не стоял на месте, ходил по залу между рядами, говорил громко и отчетливо; в его изложении мы всё понимали, материал хорошо запоминался, легко заучивался. На его лекции курс ходил в полном составе. Благодаря его лекциям я стал заниматься гражданским правом, активно участвовал в работе студенческого научного кружка при кафедре гражданского права, сделал доклад о составе гражданского правонарушения. Олимпиад Соломонович был моим научным руководителем по выпускной дипломной работе о соотношении собственности и права собственности, а после поступления в аспирантуру стал моим научным руководителем по кандидатской диссертации по теме «Инициатива субъектов и регламентация их поведения по советскому гражданскому праву» [9]. Позднее я понял, как мне посчастливилось в жизни, что моим научным руководителем был О. С. Это дало мне возможность более тесного общения с ним, учиться у него.

В 1947 г. О.С. успешно защитил кандидатскую диссертацию на тему «Пра-

¹ В своем очерке проф. А.Л. Маковский неоднократно указывает только инициалы Олимпиада Соломоновича Иоффе без фамилии. В настоящем

очерке использован тот же литературный прием; читателю должно быть ясно, что там, где указано: О. С., речь идет об О.С. Иоффе.

воотношение по советскому гражданскому праву». Научным руководителем диссертации являлся проф. д.ю.н. С. И. Аскназий; официальными оппонентами – профессора Н.В. Рабинович и Б.С. Мартынов. Через два года диссертация была опубликована в формате отдельной одноименной книги – монографии [10]. Диссертация О. С. стала заметным событием в юридической жизни, оказала положительное влияние на развитие отечественной цивилистики. По кругу проанализированных проблем и сделанных выводов, по своему теоретическому уровню, да и по объему (476 машинописных страниц) эта работа О. С. могла быть защищена не как кандидатская, а как докторская диссертация.

В своих воспоминаниях академик Ю.К. Толстой рассказывает о том, что в конце сороковых годов прошлого века книга О. С. оказалась объектом критики со стороны идейных борцов с так называемым космополитизмом, под которым, в частности, понималось цитирование трудов западных ученых. «Под обстрел попала книга О.С. Иоффе «Правоотношение по советскому гражданскому праву», изданная в 1949 году. Оценивая ее несколько десятилетий спустя, видишь ее основное достоинство в том, что она учила мыслить, – пишет Ю.К. Толстой. – В основу ее были положены идеи немецких ученых Бирлинга и Тона и отечественных – Магазинера и Аскназия. И хотя сам автор от многих идей этой книги впоследствии отказался, а кое-что уточнил, ее значение в развитии общей теории права и цивилистики несомненно. Так вот, при обсуждении книги Иоффе опять-таки подсчитывали, сколько раз автор ссылался на иностранных ученых, а сколько раз – на отечественных, и на этом основании пытались «пришить» ему дело» [5, с. 190]. Но у затеявших эту неприглядную историю ничего не вышло, и О. С. продолжал работать в Университете, совмещая преподавательскую работу с активной творческой деятельностью. Ю.К. Толстой уделяет много внимания О.С. Иоффе, рассказывает о дружбе с ним, о совместной работе и творческих планах, о том, как перестали дружить и разошлись, и как не удалось проститься

при отъезде О. С. за границу. «Мне же искренне жаль, что пути наши так круто разошлись, причем я виноват в этом в не меньшей степени, чем он. В пору дружеского общения, – пишет Ю.К. Толстой, – он не раз говорил мне, что на факультете для него нет человека ближе, чем я. Могу сказать то же самое. Действуя рука об руку, мы могли бы достичь неизмеримо большего, чем поодиночке. В этом я уверен!» [5, с. 232, 394-446].

Диссертация (монография) О. С. о гражданском правоотношении сыграла большую роль в развитии юридической науки послевоенного периода; она дала толчок к исследованию не только гражданских правоотношений как отраслевой правовой категории, но и к более глубокому изучению правоотношения как одной из центральных базовых общеправовых категорий юриспруденции. О. С. выявил и обосновал состав правоотношения как общественного отношения, приобретающего, вследствие правового регулирования, определенную форму и определенную структуру. Положения диссертации приобрели большое методологическое значение. Исследованию стали подвергаться не только правоотношения в целом, но и отдельные элементы структуры правоотношения: субъекты (стороны, участники), объекты, содержание, складывающееся из субъективных прав и субъективных юридических обязанностей сторон правоотношения, основания возникновения. По проблематике правоотношений и гражданских правоотношений было опубликовано большое количество книг и статей [11], защищено много кандидатских и докторских диссертаций; сложились целые направления, посвященные субъективным правам, объектам гражданских прав и объектам гражданских правоотношений. В качестве правоотношения стали рассматриваться договоры (договорные правоотношения) и обязательства (обязательственные правоотношения).

Методология О. С., на наш взгляд, состоит в следующем:

– в качестве предмета исследования выбирается один из фрагментов (раздел, институт, иное подразделение) отрасли

К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ОЛИМПИАДА СОЛОМОНОВИЧА ИОФФЕ

права, понимание которого вызывает вопросы и которому дается различное толкование, что означает наличие определенной проблемы; анализ этой проблемы имеет и теоретическое, и практическое значение; актуальность и новизна проблематики сомнения не вызывают;

- определяются границы (рамки) предмета исследования, что необходимо, чтобы обеспечить глубину проникновения в суть вопросов, уйти от поверхностного описательного изложения;

- необходимо охватить проблему целиком, представить ее в виде пространственной сферы, ведь речь идет о правовой материи, которая охватывает лежащие в ее основе отношения, сливается с ними;

- выявить структуру этой сферы, увидеть в ней сеть, состоящую из большого количества линий, связующих отдельные ее части между собой, представить исследуемый предмет как систему, объединяющую многоступенчатые звенья, каждое из которых играет свою, определенную ему роль, но во взаимосвязи, непосредственной или опосредованной, с другими звеньями системы;

- подвергнуть исследованию каждый из разделов и каждый из подразделов данной сферы;

- показать взаимодействие звеньев между собой и с системой (сферой) в целом;

- подвергнуть анализу систему (сферу) в целом как определенный единый предмет исследования;

- от характеристики предмета в целом перейти к анализу отдельных его подразделений (звеньев), выполняющих системообразующие функции;

- по ходу исследования делать промежуточные выводы, которые подвергнуть критическому анализу под углом зрения возможной или уже имеющейся контраргументации;

- осуществить мысленную апробацию сделанных выводов с точки зрения правоприменительной практики;

- представить итоговые выводы как результат проведенного исследования, сформулировать эти выводы четко и ясно;

- показать значение итоговых выво-

дов для теории и практики.

Этой методологии О. С., в принципе, придерживался при исследовании других проблем общей теории права и гражданского права.

Разработанная О. С. методология стала применяться как определенный инструментарий для более глубокого и детального исследования отдельных видов правоотношения: авторских, административных, земельных, международных, наследственных, процессуальных, кредитно-расчетных, семейных, трудовых, финансовых, уголовных, уголовно-процессуальных и уголовно-исполнительных, а в настоящее время – бюджетных, налоговых, предпринимательских, корпоративных и т.д. Так, в большой монографии профессора Майдана Кунтуаровича Сулейменова (академик Национальной Академии наук Казахстана), посвященной гражданским правоотношениям, выделяются три большие группы гражданских правоотношений: вещные, обязательственные, корпоративные [12, с. 292-462]. Более сложная классификация гражданских правоотношений в зависимости от различных классификационных критериев дается в учебниках профессора Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова Вадима Анатольевича Белова [13].

В то же время появились работы, авторы которых отрицают методологическое общеправовое значение категории правоотношения. Так, например, профессор Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова Борис Иванович Пугинский утверждает, что «Юридический факт, правоотношение и т. п. представляют собой категорию догматико-нормативной (позитивистской) концепции права и используются для объяснения так называемого «механизма правового регулирования», схематически обрисовывающего порядок реализации правовых установлений» [14, с. 16, р. VI, с. 12-13].

По мнению некоторых авторов, на основании юридических фактов у субъектов возникают лишь корреспондирующие друг другу права и обязанности; при этом никакой иной субстанции в реальном мире не

существует. Ошибочность такой точки зрения очевидна: отрицая правоотношение, отрицают тем самым вообще наличие отношений и правовых связей между субъектами – носителями субъективных прав и обязанностей. Становится не ясно, каким образом, на какой основе и в каких рамках осуществляются субъективные права и, соответственно, исполняются субъективные юридические обязанности.

Это относится и к абсолютным субъективным правам, которые так же существуют в рамках определенных правоотношений. Во второй половине прошлого века проблема абсолютных субъективных прав вызывала дискуссии. Сторонники деления правоотношений на относительные и абсолютные включали абсолютные субъективные права в содержание абсолютных правоотношений: субъективное право собственности – обязанности всех третьих лиц не нарушать правомочия собственника [15, с. 92-102]. Но определенные аргументы были и у оппонентов, которые отрицали существование абсолютных правоотношений. В настоящее время дискуссия может возобновиться, например, в связи с вопросом о порядке осуществления политических прав и свобод (право на проведение митингов и демонстраций, обязанность соблюдения при этом установленных законом ограничений); или, например, в связи с осуществлением прав, являющихся элементами гражданской право- идееспособности, в том числе – права на занятие предпринимательской или иной профессиональной экономической деятельностью.

Надо отметить также, что в нормах материального гражданского права термин «правоотношение», как правило, не употребляется, а глава вторая части первой ГК РФ названа «Возникновение гражданских прав и обязанностей, осуществление и защита гражданских прав». Это объясняется тем, что в законодательстве раскрывается предмет правового регулирования (ст. ст. 1, 2, 4, 124, 125 ГК РФ и др.) как определенные отношения, а в результате правового регулирования отношения приобретают правовую форму и становятся правовыми отношениями: правоотношениями владения и собственности, обяза-

тельными и договорными правоотношениями, авторскими, охранительными правоотношениями и др. – с определенным содержанием – правами и обязанностями сторон. Также не должно вводить в заблуждение название ст. 128 ГК РФ «Объекты гражданских прав»; название и текст этой статьи призваны выявить те феномены, которые могут быть объектами гражданских прав, а, следовательно, и объектами гражданских правоотношений; безобъектных правоотношений не бывает и не может быть. В нормах же процессуального законодательства термины «правоотношение», «процессуальное правоотношение», «гражданско-правовое отношение» встречаются достаточно часто (ч. 3 ст. 3, ч. 1 ст. 22.1 ГПК РФ; ч. 6 ст. 4, ч. 1 ст. 48 АПК РФ).

Интерес к отдельным аспектам теории правоотношения не ослабевает и в настоящее время [16]. И сам О. С. после защиты кандидатской диссертации не утратил интерес к этой теме и позднее опубликовал несколько работ по теории правоотношения [17]. Но было необходимо определиться с новой темой – темой будущей докторской диссертации. Здесь уместно подчеркнуть, что кафедра, факультет, университет, коллеги – все были заинтересованы в том, чтобы О. С. представил свой новый труд и «вышел» на защиту докторской диссертации. Все видели в О. С. достойного преемника общепризнанных корифеев отечественной цивилистики – А.В. Венедиктова и Б.Б. Черепахина – способного продолжать разработку основных проблем гражданского права и теории права и сохранить высокий уровень кафедры как одной из ведущих в стране кафедр по гражданско-правовым дисциплинам.

О. С. начал заниматься вопросами юридической ответственности и, прежде всего, гражданско-правовой ответственности. С точки зрения сложности и объемности тема ответственности была сопоставима с темой правоотношения и не менее значима как для гражданского права, так и для всех отраслей права и, конечно, для общей теории права. Специфика темы ответственности как возможной темы докторской диссертации состоит в том, что ее невозможно исследовать чисто абстрактно,

К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ОЛИМПИАДА СОЛОМОНОВИЧА ИОФФЕ

догматически, вне сферы правоприменительной практики. В такой работе каждый вывод, каждое предложение по совершенствованию законодательства (*delegeferenda*) должны проходить апробацию, по крайней мере, путем аналитического исследования действия правовых норм и, в социологическом аспекте – результатов их применения. Какими бы интересными ни казались вопросы юридической ответственности и как бы ни притягивала к себе эта тема аспирантов и доцентов (кандидатов юридических наук), далеко не все решались выбрать ее для докторской диссертации, опасаясь ее объема, многообразия и значимости аспектов. Один из таких примеров приводит в своей книге академик Ю.К. Толстой. Он вспоминает профессора Ленгосуниверситета Владимира Сергеевича Петрова, который «защитил кандидатскую диссертацию на тему «Ленин и Сталин о форме социалистического государства». Затем хотел исследовать в общетеоретическом плане вопросы юридической ответственности, но пришел к выводу, что эту тему ему не осилить, о чем сам мне говорил. Защитил докторскую диссертацию на тему, близкую к кандидатской...» [5, с. 199].²

И все же О. С. сумел поднять тему ответственности, затратив на ее исследование без малого семь лет упорного кропотливого труда; едва ли не каждый день он занимался в Публичной библиотеке имени М.Е. Салтыкова-Щедрина, о чем мне рассказывали мои учителя и старшие коллеги по Университету.

В эти годы О. С. публикует статьи, посвященные условиям гражданско-правовой ответственности и объему возмещения вреда. В 1951 г. выходит в свет его книга «Обязательства по возмещению вреда» [18], которая вызвала большой интерес и ввиду большого спроса была переиздана в 1952 г. с изменениями и дополнениями [19]. Очевидно, совсем не случайно будущий политический деятель и мэр Санкт-Петербурга (первый мэр и последний, т.к.

теперь в соответствии с Уставом Санкт-Петербурга город возглавляет губернатор) Анатолий Александрович Собчак, поступивший в аспирантуру Ленгосуниверситета, выбрал для написания кандидатской диссертации тему «Обязательство из причинения вреда источником повышенной опасности по советскому гражданскому праву»; диссертация была им успешно защищена в 1964 г. [20]; научным руководителем А.А. Собчака и научным консультантом по его докторской диссертации был О. С.

Возможно, представление докторской диссертации не было самоцелью или, по крайней мере, не было главной целью О. С.; несомненно, что вопросы ответственности интересовали его с методологической точки зрения. Ответственность как последствие правонарушения пронизывает все институты гражданского права; ответственность как санкция не смешивается с принудительным исполнением обязательства, что подчеркивается в работах О. С. Также он критически отнесся к концепции профессора Саратовского юридического института Виктора Алексеевича Тархова о так называемой позитивной или проспективной ответственности, которая на самом деле не является юридической ответственностью за нарушение обязательств [21].

В итоге О. С. была подготовлена докторская диссертация, защищенная им в 1954 г. Официальными оппонентами по диссертации О. С. являлись профессор Геннадий Константинович Матвеев, Владимир Константинович Райхер, Борис Борисович Черепухин. В следующем – 1955 году – по диссертации была опубликована его монография [22]; фрагмент монографии, посвященный теории причинной связи, опубликован также в изданном в Казахстане сборнике научных статей [23, с. 349-388].

И в докторской диссертации О. С. выступил как новатор, подойдя к проблемам

² Сам Ю.К. Толстой тоже подумывал о теме по ответственности для докторской диссертации, но не остановился на ней. В 1970 г. он защитил

докторскую диссертацию на тему «Кодификация гражданского законодательства в СССР (1961-1964 гг.)» [5, с. 248].

ответственности с определенных методологических позиций. Условия гражданско-правовой ответственности были им спроецированы на конструкцию состава гражданского правонарушения. Элементами состава являются: объект, субъект, объективная сторона и субъективная сторона правонарушения. Такая модель, аналогичная конструкции состава преступления в науке уголовного права, была новой для науки гражданского права. В то же время она была исключительно важной для правоприменительной практики, т.к. давала судьям четкий инструментарий для разрешения споров о взыскании убытков или неустойки. Трудности вызывал вопрос о причинной связи. В противовес распространенной в науке уголовного права концепции необходимой и случайной причинно-следственной связи как условия ответственности, О. С. предложил в вопросах установления причинной связи опираться на взаимосвязанные категории диалектической логики возможности и действительности. Причинная связь как необходимое условие ответственности имеет место там, где действия (или бездействие) правонарушителя создают конкретную возможность наступления результата, отрицательных последствий, либо и тем более там, где действиями правонарушителя сложившаяся возможность преобразуется в действительность, то есть результат (последствия) наступают вследствие его действий или бездействия. На ряде примеров О. С. демонстрирует эффективность своей конструкции. Причем в качестве примеров он взял не абстрактные стандартизированные ситуации или казусы, придуманные для проведения семинарских (практических) занятий со студентами, а конкретные дела, рассмотренные органами государственного арбитража³, с которыми у него всегда были тесные контакты.

В сопоставлении с принятой в науке уголовного права конструкцией необходимых и случайных причинных связей, конструкция, основанная на использовании категорий возможности и действитель-

ности, оказалась более логичной, устраняющей необходимость поисков дополнительных критериев для разграничения необходимых и случайных причинных связей, позволяющая обоснованно решать вопрос об ответственности в случаях совместного причинения вреда двумя и более лицами и в случаях неправомерных действий управомоченного лица/кредитора в обязательстве. Разработанная О. С. теория причинной связи как условия гражданско-правовой ответственности получила поддержку не только в отечественной, но и в зарубежной литературе [25, с. 155; 26, с. 103-122].

В диссертации и монографии О. С. обосновал свою позицию практически по всем основным вопросам гражданско-правовой ответственности, начиная с понятия и значения ответственности и заканчивая формами имущественной ответственности. Высокая оценка его разработки теории гражданско-правовой ответственности дана заведующим кафедрой коммерческого права Санкт-Петербургского госуниверситета профессором Владимиром Федоровичем Попондопуло [27, с. 22-28].

Столь же важным, как причинная связь, условием или основанием гражданско-правовой ответственности, является субъективная сторона гражданского правонарушения, то есть вина правонарушителя, под которой понимается психическое или ментальное его отношение к своим неправомерным действиям или бездействию. При анализе форм вины О. С. и здесь отступил от принятого в уголовном праве подхода, где признаются четыре вида вины: прямой и косвенный умысел, преступная самонадеянность и преступная небрежность, – и предложил выделять только три вида вины: умысел, грубую неосторожность и простую неосторожность. При этом в отличие от уголовного права, где действует презумпция невиновности правонарушителя, при решении вопроса о гражданско-правовой ответственности необходимо исходить из обратного пред-

³ Органы госарбитража в СССР рассматривали хозяйственные споры; они существовали вплоть до

1991 года, когда на их базе были созданы государственные арбитражные суды [24, с. 87-99].

К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ОЛИМПИАДА СОЛОМОНОВИЧА ИОФФЕ

положения – презумпции виновности лица, привлекаемого к ответственности, т.е. правонарушителя. Обе презумпции как в уголовном, так и в гражданском праве, являются опровержимыми. Нов зависимость от презумпции распределяется бремя доказывания при рассмотрении в суде уголовных и гражданских дел. Однако при решении вопроса о гражданско-правовой ответственности владельца источника повышенной опасности следует исходить из его ответственности без вины, ибо владельцы источников повышенной опасности принимают на себя повышенные риски возможности наступления несчастных случаев при использовании/эксплуатации источника повышенной опасности. Ответственность без вины – это исключение из общего правила о виновной ответственности, которая является принципиальной категорией гражданского права, выдержавшей испытание временем.

Современное российское законодательство восприняло эти положения. Они закреплены в ст. 401 ГК РФ «Основания ответственности за нарушения обязательства», ст. 1079 ГК РФ «Ответственность за вред, причиненный деятельностью, создающей повышенную опасность для окружающих» и в ряде других правовых норм. К сожалению, законодатель по некоторым видам обязательств отступил от изложенных принципов и установил виновную ответственность за нарушение отдельных договорных обязательств.

Например, производитель сельхозпродукции по договору контрактации несет ответственность только «при наличии его вины» – ст. 538 ГК РФ. Позиция законодателя в этом вопросе вызывает сомнения; по крайней мере, она не бесспорна. Другое дело – ответственность предпринимателей за нарушение обязательств при осуществлении предпринимательской деятельности.

В советский период нашей истории вопрос об условиях ответственности хозяйственных организаций – предприятий и объединений – был архидискуссионным. О. С., придерживаясь разработанных им принципов, считал, что организации могут нести ответственность только при наличии

их вины. И это было правильно, т.к. надлежащее исполнение хозяйственных обязательств зависело не только и не столько от самой организации, сколько от многих привходящих факторов: обоснованность плановых заданий, обеспеченность комплектующими и материалами, сырьем, достаточность финансовых ресурсов и т.д.

В постсоветский период предпринимательская деятельность по своей природе, по сущности, носит ярко выраженный рискованный характер (абз. 3 п. 1 ст. 2 ГК РФ), поэтому гражданско-правовая ответственность коммерческих организаций и индивидуальных предпринимателей наступает по общему правилу независимо от их вины. В этом случае имеет место усеченный состав гражданского правонарушения и при рассмотрении в суде экономических споров бремя доказывания возлагается на обе спорящие стороны. Это четко прописано в процессуальных кодексах: АПК РФ, ГПК РФ и КАС РФ. Нет сомнений в том, что О. С. поддержал бы концепцию об ответственности субъектов предпринимательской деятельности независимо от их вины в нарушении обязательства. Он придавал большое значение специальному правовому регулированию предпринимательских отношений с тем, чтобы, с одной стороны, устанавливались бы определенные ограничения в целях обеспечения как публичных интересов, так и интересов потребителей, особенно граждан, выступающих «слабой» стороной в соотношении с субъектами предпринимательской деятельности, а с другой стороны, не сдерживалась бы позитивная предпринимательская инициатива в условиях неизбежной конкуренции.

После успешной защиты докторской диссертации О. С. не приостановил свою активную научно-исследовательскую работу. Напротив, он продолжал трудиться, используя свой огромный творческий потенциал в полной мере. В различных изданиях: журналах и сборниках – публикуются его статьи по разным вопросам науки гражданского права. Например, в поле зрения его научных интересов находились вопросы осуществления и защиты граж-

данских прав.

В 1956 г. была опубликована его статья по этим вопросам [28, с. 55-66]. Позднее при его участии и под его руководством была подготовлена коллективная монография [29, с. 3-40]; в первой главе этой книги О. С. рассмотрел условия и пределы охраны интересов личности по советскому гражданскому праву и дал общую характеристику способов защиты интересов личности; специальные способы защиты субъективных гражданских прав были проанализированы другими соавторами и изложены в последующих главах книги. Публиковались и другие статьи О. С. по данной тематике.

Естественно, что обе диссертации О. С. – и кандидатская, и докторская – как и подавляющее большинство защищаемых по юриспруденции диссертаций, носили характер теоретических исследований. Но научные разработки О. С. приобрели особое значение в связи с тем, что с середины 50-х годов в Советском Союзе начались работы по обновлению и кодификации советского законодательства. Решение о приведении законодательства в соответствие со сложившимися общественными отношениями было принято на самом высоком уровне партийно-государственного руководства и относилось ко всем отраслям права и законодательства, но прежде всего к уголовному, гражданскому и процессуальному праву. В 50-ые годы действовал ГК РСФСР 1922 г., положения которого во многом уже устарели и не соответствовали ни уровню сложившихся общественных отношений, ни идеологии победившего социализма, идеологии, пронизывающей не только внутреннюю и внешнюю политику, но и законодательство, правовую и судебную системы советского государства.

Уже в 1958 г. были приняты Основы уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик и Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик; в 1960 г. были приняты УК РСФСР и УПК РСФСР; аналогичные

кодексы были приняты во всех остальных союзных республиках. Кодификация гражданского законодательства несколько задержалась; проекты готовились специально созданной комиссией во главе с академиком А.В. Венедиктовым; в состав комиссии был включен и О.С. Иоффе.⁴

Сначала велись работы над проектом единого ГК СССР, но затем ввиду общей установки на то, что в федеративном государстве законодательство должно быть союзно-республиканским, стал разрабатываться проект союзных Основ гражданского законодательства и параллельно – проект республиканского Гражданского кодекса, который мог быть принят за основу при подготовке каждой советской республикой своего Гражданского кодекса. Аналогично решались вопросы по кодификации гражданского процессуального законодательства. Разрабатываемые Комиссией проекты Гражданского и Гражданского процессуального кодекса по принятой сейчас терминологии можно было бы назвать модельными кодексами. Проекты таких кодексов и законов готовятся Межпарламентской ассамблеей Содружества Независимых Государств и затем рекомендуются странам – участникам СНГ для принятия соответствующих кодексов и законов.

Участие в работе по кодификации гражданского законодательства дало очень много О. С. как молодому ученому-исследователю. Он понял, что должны быть заложены общетеоретические основы формирования и систематизации законодательства советского государства, и начинает заниматься вопросами общей теории государства и права. В 1957 г. публикуется его статья в соавторстве с профессором Михаилом Давыдовичем Шаргородским (одним из ведущих в стране специалистов по уголовному праву) о системе советского права [30, с. 101-110], а в 1961 г. выходит написанная обоими авторами монография [31]; эта книга была переведена на польский язык и издана в Варшаве в

⁴ О работе Комиссии по подготовке ГК СССР, а затем Основ и республиканских кодексов рассказывает академик Ю.К. Толстой [5, с. 217-218, 248].

1963 г.

Публикуется много статей О. С. по вопросам кодификации гражданского законодательства. Постепенно у него формируется четкое представление о том, какой является система гражданского права, из каких институтов она складывается. Система гражданского права как совокупность правовых норм носит объективный характер; другое дело – какое воплощение система гражданского права может получить в действующем законодательстве и в цивилистической доктрине. В 50-ые годы в советской юридической науке развернулась острая дискуссия о системе права, о классификации отраслей права и их внутренней структуре, о критериях классификации. О. С. – явный и убежденный сторонник признания предмета и метода правового регулирования критериями классификации отраслей и критериями систематизации, а, следовательно, и кодификации законодательства.

Еще до Октябрьской революции крупнейший российский ученый-цивилист Габриэль Феликсович Шершеневич изложил в своих трудах систему российского гражданского права по пандектной системе с выделением общей части, на базе и в соответствии с положениями которой формируются все остальные разделы и институты гражданского права [32].⁵

О. С. убедительно показал, что гражданское право не меняет своей сущности и своего назначения в зависимости от политической системы государства; что и в социалистическом государстве гражданское право остается отраслью права, институты которой призваны опосредовать имущественные и связанные с ними неимущественные отношения, складывающиеся в целях удовлетворения интересов участников правоотношений, отношения гражданского (коммерческого) оборота, исходя из принципов самостоятельности, автономии воли и юридического равенства участников регулируемых отношений.

Не дожидаясь завершения кодифика-

ции, О. С. принимает решение изложить всю систему советского гражданского права так, чтобы все ее институты были взаимосвязаны, чтобы ее логика и структура были понятны и могли быть использованы в Основах гражданского законодательства и в Гражданском кодексе. Поставленная О. С. перед собой цель казалась необъятной, требовала огромного труда и казалась невыполнимой. Не случайно патриархи отечественной цивилистики, работавшие с О. С. на одной кафедре – академик А.В. Венедиктов и профессор Б.Б. Черепяхин, – скептически отнеслись к выказанному им предложению написать учебник по гражданскому праву до окончания кодификационных работ и отстранились от участия в этом проекте. О. С. пришлось одному приступить к работе и выполнить буквально титанический труд по написанию книги. Он придал книге форму курса лекций, в котором, в отличие от обычных учебников, материал излагается более обстоятельно, с обязательным обоснованием излагаемых положений, с экскурсами в историю вопроса, с привлечением большого количества источников, в том числе зарубежной литературы, с приведением конкретных примеров из судебной практики и из практики рассмотрения экономических споров органами госарбитража.

В те годы в Советском Союзе была одна ступень высшего образования – специалитет; в выдаваемых выпускникам дипломах указывалось: «специальность – правоведение, квалификация – юрист». В настоящее время, когда высшее образование представлено двумя уровнями – бакалавриат и магистратура, трехтомный курс лекций О. С. был бы предназначен не для студентов бакалавриата, пусть даже академического, а для студентов магистратуры и, скорее всего и более адекватно, для аспирантов и преподавателей юридических факультетов и вузов, которые активно использовали, да и сейчас всю используют разработки О. С.

Общий объем всех трех томов соста-

⁵ Профессор Г.Ф. Шершеневич не забыт и сейчас [33], но все же, как нам представляется, недооценен.

вил 1389 страниц (511 + 531 + 347) или более 70 авторских (условных печатных) листов. Уже в 1958 г. в издательстве Ленгос-университета вышел первый том учебного курса О.С. [34], в 1961 г. – второй том [35], в 1965 г. – третий том [36]. Вся объективно существующая система гражданского права была охвачена, обоснована и представлена в этих трех томах: часть первая – общая часть, право собственности, общее учение об обязательствах; часть вторая – отдельные виды обязательств, договорных и недоговорных; часть третья – правоотношения, связанные с продуктами творческой деятельности, семейное право, наследственное право. По существу, О. С. предвосхитил развитие науки гражданского права на многие годы вперед (может быть, на столетия, если не навсегда, пока будет существовать человеческая цивилизация и будет необходимость в правовом регулировании общественных отношений).

Представленная О. С. целостная картина гражданского права служит основой для дальнейших исследований как отрасли в целом, так и ее отдельных институтов и субинститутов. В многочисленных работах ученых-цивилистов анализируются большие и малые вопросы, начиная с предмета гражданского права, включая различные структурные подразделения и даже отдельные конкретные положения (нормы) гражданского права. Вслед за О. С. подготовленные другими авторами и коллективами издаются учебники и учебные пособия по гражданскому праву. Как правило, учебный материал излагается в той же последовательности, по той же модели, которую разработал и применил О. С. [37; 50].

Но есть и отступления или исключения из правил, о которых нельзя не сказать. Так, подготовленный авторским коллективом кафедры гражданского права юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова учебник построен по иной структуре. В этом учебнике разделы ГК РФ о

наследственном праве (Раздел V) и интеллектуальных правах (Раздел VI) находятся в первом томе и следуют за разделом о вещном праве (Раздел IV); а второй том целиком посвящен обязательственному праву, включая общие положения об обязательствах и договорах (Раздел VIII) и отдельные виды договорных и внедоговорных (охранительных) обязательств (Разделы IX–XVI) [38]. Такая структура учебного материала по гражданскому праву, абстрактно говоря, имеет право на существование. Руководитель авторского коллектива и ответственный редактор учебника проф. Евгений Алексеевич Суханов поясняет, что в первом томе «... рассматриваются институты Общей части и те подотрасли гражданского права, которые оформляют «статистику» регулируемых <...> отношений <...>», а во втором томе – институты обязательственного права, оформляющего «динамику» гражданских правоотношений и составляющему основную законодательную базу имущественного оборота» [38, с. 27-28]. По мнению проф. Е.А. Суханова, такая структура учебника «... направлена на лучшее усвоение учебного материала» [38, с. 28]. Вполне возможно, что структура учебника под ред. проф. Е. А. Суханова способствует лучшему усвоению студентами учебного материала. И все же, не трудно ли студентам младших курсов бакалавриата усваивать весьма сложный материал наследственного права и материал права интеллектуальной собственности без предварительного изучения институтов обязательственного и договорного права?

В учебнике под ред. проф. Е.А. Суханова отсутствует раздел о семейном праве. Причина, наверное, в том, что семейное законодательство еще в советский период обособилось от общегражданского и подверглось отдельной кодификации⁶, а вопрос о самостоятельности семейного права и о соотношении гражданского и семей-

⁶ С 1 марта 1996 г. в России действует Семейный кодекс РФ (Федеральный закон от 29.12.1995 г. № 223-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 1. Ст. 16; с послед. изменениями; сейчас их

более двадцати). С этой же даты признаны не действующими на территории Российской Федерации Основы законодательства Союза ССР и союзных республик о браке и семье 1968 г. и признан утратившим силу Кодекс о браке и семье РСФСР 1969 г.

ного права является дискуссионным.⁷ Можно констатировать, что в названном двухтомном, переизданном в 2023 г. в четырех томах [40] учебнике «Российское гражданское право» под редакцией проф. Е.А. Суханова, охвачены все разделы ГК РФ в действующей редакции, за исключением раздела VI «Международное частное право», поскольку этот предмет – МЧП – всегда и безоговорочно преподается в юридических вузах как самостоятельная учебная дисциплина, хотя и входит в одну научную специальность – 12.00.03 Гражданское право, предпринимательское право, семейное право, международное частное право, (в настоящее время в связи с изменением систематизации научных специальностей это – специальность 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки); только не в той последовательности, которая принята самим законодателем и которой, как правило, придерживаются авторы большинства учебников по гражданскому праву.

Главное в оценке выполненной О. С. работы по написанию трехтомного учебника по гражданскому праву состоит в том, что создав этот учебник, он обосновал систему гражданского права и не просто показал схематически структуру этой отрасли системы права, но и представил все основные ее институты, обосновал их место в системе гражданского права, дал обстоятельный анализ предмета, метода, принципов гражданского права, а также – анализ каждого института и субинститута, из которых складывается отрасль в целом. Правильность и объективность разработанной О. С. системы гражданского права подтверждены исторически. Эта система получила отражение в кодифицированных актах гражданского законодательства советского периода нашей истории: Основах гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик 1961 г. и

Гражданских кодексах союзных республик 1963-1965 гг. Эти нормативные правовые акты действовали вплоть до распада Союза ССР и приобретения государственной самостоятельности бывшими советскими республиками.

В постсоветский период, когда для реформенной России со всей остротой встала проблема безотлагательного обновления гражданского законодательства, была воспринята, практически безоговорочно, та же пандектная система. В результате проведенной в России в 1994–2006 гг. кодификации структура действующего ГК РФ по сравнению с ГК РСФСР 1964 г. изменилась за счет включения в состав Кодекса международного частного права (Раздел VI) и объединения в части четвертой (Раздел VII «Права на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации») авторского и патентного права. Общая часть Кодекса сохранилась, объем ее значительно увеличился (сейчас более 450 статей), многие ее положения применяются как регулятивные нормы прямого действия. А в части второй Кодекса закреплены отдельные виды договорных и недоговорных обязательств. Так что традиционный подход, поддержанный и развитый О. С., использован в кодификации гражданского законодательства современной России.

Кодификация гражданского законодательства вдохновила О. С., и он с воодушевлением продолжает заниматься исследованием проблем советского гражданского права. Кодификации он посвящает несколько статей, опубликованных в 1961–1972 гг., принимает участие в написании Комментария к ГК РФ, причем выступает не только как соавтор (автор главы 16. Исполнение обязательств), но и вместе с проф. Екатериной Абрамовной Флейшиц – как редактор этого большого труда [41, с. 251-274]. По приглашению казахстан-

⁷ В учебнике «Гражданское право: Учеб.: В 3 т. Т. 3. (4-е изд., перераб. и доп. / под ред. А.П. Сергеева, Ю.К. Толстого. М.: ТК Велби. Изд-во Проспект, 2003) автор гл. 56 «Семейное право и семейное законодательство» проф. Николай Дмитриевич

Егоров дает обстоятельное обоснование того, что ... «семейное право образует подотрасль гражданского права» [39, с. 300-315]; позиция Н.Д. Егорова совпадает с позицией О.С. Иоффе, на работы которого Н.Д. Егоров неоднократно делает ссылки.

ских коллег принимает участие в подготовке Комментария к ГК Казахской ССР; в этой книге его перу принадлежат комментарии к пяти главам Кодекса: главы 3 (Сделки), 4 (Представительство и доверенность), 5 (Исчисление сроков), 6 (Исковая давность), 18 (Обеспечение исполнения обязательств) [42, с. 73-134, 236-253].

Не во всех союзных республиках были подготовлены комментарии к Гражданским кодексам; возможно потому, что существенных отличий в республиканских Гражданских кодексах не было, поскольку все они создавались на базе союзных Основ гражданского законодательства 1961 г. По мнению академика Ю.К. Толстого, решение партийно-государственного руководства страны передать отраслевое законодательство в ведение союзных республик было ошибочным. Осуществление кодификации важнейших отраслей законодательства в союзных республиках подтвердило ошибочность этого решения, т.к. «ни политических, ни социально-экономических оснований для этого в то время не было» [5, с. 248]. С позицией академика Ю.К. Толстого нельзя не согласиться.

Вместе с Ю.К. Толстым (тогда – доцент, позднее – профессор, член-корреспондент РАН и действительный член РАН) О. С. пишет две монографии, содержащие анализ кодифицированных актов советского гражданского законодательства [43, 44]. Эти монографии можно рассматривать как комментарии, но написанные не в принятой стандартной форме, когда дается комментирование каждой статьи комментируемого закона, а в форме аналитического исследования всего текста нового закона с акцентом, естественно, на новые нормы и их взаимосвязи. Возможно, что именно эти совместные с О.С. работы привели Ю.К. Толстого к решению защищать докторскую диссертацию по проблемам кодификации гражданского законодательства в СССР. Он успешно защитил докторскую диссертацию в 1970 г. [5, с. 248-249].

Перед О. С. стояла также задача привести содержание ранее опубликованных им учебников в соответствие с положениями новых кодифицированных актов

гражданского законодательства. Работа над третьим томом была им завершена в 1965 г., т.е. третий том курса лекций: «Правоотношения, связанные с продуктами творческой деятельности. Семейное право. Наследственное право» был написан с учетом Основ гражданского законодательства 1961 г. и ГК РСФСР 1964 г. и, как уже указывалось выше, был издан в 1965 г. [36]. Но первый и второй тома необходимо было переработать. Не известно, по каким причинам О. С. решил сменить издательство; возможно, и, скорее всего, он не успел вписаться в план работы Издательства Ленгосуниверситета. Поэтому оба тома, как и некоторые другие его книги, были изданы Издательством «Юридическая литература»; в те годы – ведущим в стране издательством, специализирующимся на издании именно юридической литературы.

Но в отношениях с этим Издательством О. С. пришлось выполнить требования Издательства относительно объема книг. Первый том получился очень большим, Издательство не приняло его в работу, и тогда О. С. сократил объем за счет изъятия из первого тома раздела об общих положениях об обязательствах и договорах с включением этого раздела во второй том курса. Так что первый том без этого раздела вышел в свет в 1967 г. Он включил в себя три раздела: Введение (понятие, основные принципы и система гражданского права), Общую часть, Право собственности [45]; этот том был переиздан в 2004 г.; с предисловием профессора Александра Петровича Сергеева и воспоминаниями об О. С. доцента Тамары Алексеевны Фаддеевой [46].

Второй том «Обязательственное право» был завершен в 1974 г., но объем и этого тома оказался очень большим – около тысячи страниц убористого машинописного текста. Как мне рассказывал сам О. С., от него потребовали сократить рукопись не менее, чем на 100 страниц. Он вынужден был выполнить и это требование издательства. Работа по сокращению текста рукописи, по словам О. С., была для него очень трудной и мучительной, но в конце концов ему удалось с ней спра-

К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ОЛИМПИАДА СОЛОМОНОВИЧА ИОФФЕ

виться.⁸ Второй том курса «Обязательственное право» был опубликован в 1975 г. [47]. Объединение в одном томе общих положений об обязательствах и договоров с отдельными видами обязательств оказалось в целом достаточно плодотворным. По такому учебнику осваивать весь сложный и объемный курс обязательственного права было возможно, но для этого требуется время, по крайней мере, два учебных семестра. Выполненный О.С. анализ отдельных видов обязательств отличается конкретностью и четкостью. Сохраняет значение как представленная О. С. система обязательств, так и характеристика входящих в эту систему обязательств и договоров. Сопоставление характеристики, которая дается О. С., с характеристикой обязательств, вытекающей из норм действующего ГК РФ (части второй), позволяет выявить тенденции развития гражданского законодательства и обосновать доктринальную сравнительно-правовую оценку соответствующих институтов и субинститутов российского гражданского права. Второе издание второго тома вышло в 2004 г. в издательстве «Юридический центр Пресс» [48]; с аналитическим предисловием автора настоящего Очерка [49, с. 13-45]. Третий том курса лекций О. С. включил в себя три больших раздела: правоотношения, связанные с продуктами творческой деятельности; семейное право и наследственное право; был издан издательством Ленгосуниверситета в 1965 году [36]. Тем самым О. С. охватил все разделы/части гражданского права в том традиционном (классическом) понимании, которое исторически и объективно сложилось к тому времени.

Курс лекций О. С. сильно отличался от обычных, стандартных в этом контексте учебников; он был востребован не столько студентами, сколько аспирантами и препода-

вателями. После завершения кодификации коллектив кафедры гражданского права юридического факультета ЛГУ, возглавляемой О.С., взялся за написание учебника, который по своему уровню в большей степени подходил бы именно для студентов. О. С. принял участие в написании этого учебника и как автор, и вместе с профессорами Б.Б. Черепахиным и Ю.К. Толстым как редактор. Изданный в двух томах, учебник получил гриф Министерства высшего и среднего специального образования СССР «Допущен в качестве учебника для студентов вузов, обучающихся по специальности «Правоведение» [51]. Этот учебник использовался в учебном процессе на юридическом факультете Ленгосуниверситета, как и во многих юридических вузах, пока не появились новые учебники, подготовленные заново на основе ныне действующего ГК РФ.⁹

О. С. непременно принимал участие и в других коллективных работах, написанных преподавателями возглавляемой им кафедры гражданского права юридического факультета Ленгосуниверситета. Так, в уже упомянутой выше монографии, посвященной вопросам осуществления и защиты прав граждан, перу О.С. принадлежит первая глава «Общие положения», в которой проанализированы основополагающие исходные положения социалистического гражданского права, на которые должны опираться специальные нормы, регулирующие отношения в различных сферах общественной жизни [52, с. 3-40]. С этими же вопросами связана большая теоретическая статья О.С., названная им «Юридические нормы и человеческие поступки» [53, с. 10-51]. Эти разработки О.С. не потеряли значение и в наше время, хотя современные авторы в своих многочисленных работах о субъективных правах и способах их защиты не ссылаются или, крайне

⁸ О. С. рассказывал об этом в беседе со мной, – речь шла о возможном издании моей кандидатской диссертации «Инициатива субъектов и регламентация их поведения по советскому гражданскому праву», защищенной в 1972 г.; ее объем составил более 400 страниц, О. С. объяснял мне, как можно сократить

рукопись, но, к сожалению, мне так и не удалось издать эту работу. Основные положения моей диссертации отражены в автореферате [9].

⁹ В написании этого учебника в обоих томах принял участие и автор настоящего Очерка.

редко, ссылаются на труды О.С., что является недооценкой историографического аспекта юридической науки.

Уже давно в самом начале своей научно-исследовательской деятельности О.С. обратил внимание на проблемы правового регулирования экономических или, другими словами, хозяйственных отношений. Законодательство о хозяйственных отношениях в СССР состояло из огромного количества подзаконных нормативных актов, которые принимались не только Правительством, но и министерствами, госкомитетами и другими ведомствами. К концу XX века накопилось несколько тысяч таких нормативных правовых актов, принятых еще в советский период; тем не менее, они формально были действующими и могли применяться на территории России. Предпринимательские объединения (РСПП, Опора России, Деловая Россия, отраслевые ассоциации и союзы, а также ТПП) ставили вопрос о прекращении действия этих актов, т.к. они содержат положения, необоснованно ограничивающие права и интересы предпринимателей и свободу предпринимательской деятельности. В связи с этим весной 2019 г. председатель Правительства РФ Д.А. Медведев поручил Министерству юстиции РФ подготовить реестр продолжающих действовать в Российской Федерации советских нормативных правовых актов с тем, чтобы Правительство РФ смогло принять постановление о признании всех этих актов, не подлежащих применению на территории России. К работе по составлению указанного реестра были подключены преподаватели юридических вузов. Предполагаемое решение получило в кругах общественности название «регуляторная гильотина». План мероприятий («дорожная карта») по реализации механизма «регуляторной гильотины» был утвержден распоряжением Председателя Правительства РФ от 29 мая 2019 г. № 4714-п-П36 [54, с. 16-20].

Осознавалась необходимость не только в систематизации всего этого законодательного массива, но и в выработке теоретической концепции, на базе которой можно было бы проводить упорядочение и совершенствование правового регули-

рования экономических/хозяйственных отношений. О. С. не мог остаться в стороне от решения этих задач. Он изучает законодательство о народном хозяйстве, подвергает критическому анализу отечественную и зарубежную литературу. Об этом свидетельствуют его рецензии на публикуемые работы по правовой тематике в народном хозяйстве [55]. О. С. приходит к убеждению, что этими вопросами нельзя не заниматься, – сама практика обращается к науке, а теория права в этой сфере отстает от практики. Его учителя и коллеги по работе в Юридическом институте и на юридическом факультете Ленгосуниверситета никогда не избегали этих проблем, напротив, они стремились принимать активное участие в их разрешении. Почти все крупные ученые-цивилисты занимались проблемами хозяйственного законодательства: академик А.В. Венедиктов, профессора С.И. Аскназий, Я.М. Магазинер, Б.С. Мартынов, Л.И. Картужанский, Б.Б. Черепяхин и другие преподаватели.

Академик А.В. Венедиктов поддержал стремление О. С. заниматься народнохозяйственной проблематикой в правовом аспекте. В таком ключе ими была написана статья о проблемах реорганизации промышленности в послевоенный период [56, с. 130-144]. Поднятые в этой статье вопросы были чрезвычайно актуальны. Во второй половине 50-х годов руководство СССР предприняло попытку децентрализовать управление промышленностью. В этих целях были упразднены промышленные союзные и республиканские министерства, а в регионах были созданы новые структуры – Советы народного хозяйства (кратко – Совнархозы), которые существовали раньше, некоторое время в довоенный период. Предприятия избавились от мелочной опеки министерств и их главных управлений (главков), но попали в зависимость от отраслевых органов Совнархозов.

Тем не менее, некоторые положительные сдвиги наметились, стали создаваться производственные и научно-производственные объединения, включавшие в свой состав предприятия (заводы и фабрики) в качестве производственных единиц с утратой ими прав юридического лица.

К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ОЛИМПИАДА СОЛОМОНОВИЧА ИОФФЕ

Возникло много проблем, но уже через несколько лет, к середине 60-х годов, реформа выдохлась и завершилась. Совнархозы были ликвидированы, снова были воссозданы отраслевые министерства с их главками, которым были подчинены производственные объединения и автономные предприятия. Попытки заменить министерства всесоюзными и республиканскими промышленными объединениями (ВПО и РПО) также ни к чему хорошему не привели; ВПО и РПО, как и Совнархозы, со времени были ликвидированы.

Становилось очевидно, что надо менять методы управления народным хозяйством. Это была основная глобальная, без преувеличения можно сказать – историческая, задача, от решения которой зависело многое, если не все. Экономическая и юридическая науки в лице своих виднейших представителей признавали необходимость реформ, но единой концепции не было.

Мнения ученых-юристов разделились. Одна группа, общепризнанными лидерами которой были профессор Владимир Викторович Лаптев (позднее – действительный член АН СССР) и Валентин Карлович Мамутов (позднее – академик Национальной академии наук Украины), ориентировалась на необходимость сохранения планирования как основы развития социалистической экономики. Названные ученые и их сторонники считали необходимым осуществление кодификации хозяйственного законодательства и принятия Хозяйственного кодекса СССР, что, по их мнению, должно было повысить эффективность правового регулирования экономических отношений. В возглавляемом В.В. Лаптевым секторе хозяйственного права Института государства и права АН СССР был даже подготовлен проект Хозяйственного кодекса СССР.

Другая группа ученых-юристов занимала иную позицию, суть которой заключалась в признании большой роли гражданско-правового регулирования. Общепризнанным лидером этой группы был О.С. В своих работах и устных выступлениях он обосновывал необходимость

активного использования гражданско-правовых форм и институтов в хозяйственной деятельности. Не исключая полностью планирования как метода государственного регулирования экономики, О.С. исходил из того, что надо отказаться от детализированного планирования, ослабить его, прекратить мелочную опеку предприятий, перевести их на действительный полный хозрасчет, предоставить полную хозяйственную самостоятельность объединениям (ПО, НПО) и автономным предприятиям, развивать экономическое соревнование (конкуренцию), задействовать материально-финансовые стимулы повышения производительности труда и ускорения научно-технического прогресса [57].

Одной из центральных проблем, которая постоянно находилась в поле зрения О.С., была проблема соотношения планового и договорного регулирования хозяйственных отношений. Хозяйственный договор (поставки, подряда на капитальное строительство, перевозки грузов, выполнения научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ и др.) не должен быть простым придатком к актам планирования, он должен быть главным инструментом налаживания хозяйственных связей между предприятиями; следует признать, что хозяйственные обязательства возникают из договора и подчиняются условиям, согласованным сторонами и закрепленным в заключенном ими хозяйственном договоре [58].

Идеи О.С. были подхвачены и поддержаны многими юристами – учеными и практиками. Наиболее ярким примером является научная деятельность Анатолия Александровича Собчака, который будучи одним из учеников и последователей О.С., под влиянием своего учителя после защиты кандидатской диссертации переключился с проблематики обязательств из причинения вреда (деликтных обязательств) на новую для него тематику и стал заниматься, по существу, теми же проблемами, что и его научный руководитель, подготовив диссертацию по проблемам правового регулирования хозяйственной деятельности [59].

В декабре 1985 г. на юридическом факультете Ленгосуниверситета была создана кафедра хозяйственного права, которую возглавил профессор А.А. Собчак, а после избрания А.А. Собчака депутатом Верховного Совета СССР и Верховного Совета РСФСР кафедру возглавил и возглавляет в настоящее время профессор Владимир Федорович Попондопуло; позднее название кафедры было изменено, и она стала называться кафедрой коммерческого права. Если бы А.А. Собчак не окупился в политическую деятельность, он мог бы стать крупнейшим ученым-юристом в области гражданского и хозяйственного права.

Полемика в 60-ые и 70-ые годы шла главным образом вокруг обоснования двух концепций построения правового регулирования хозяйственных отношений: теории хозяйственного права и теории гражданского права. Сторонники хозяйственно-правовой концепции – академик В.В. Лаптев и другие ученые – не только ратовали за кодификацию хозяйственного законодательства и принятие Хозяйственного кодекса, но и объявляли хозяйственное право самостоятельной отраслью права в системе права социалистического государства [60]. Напротив, ортодоксальные ученые-цивилисты заняли в этом вопросе непримиримую позицию, напрочь отвергая возможность признания хозяйственного права самостоятельной отраслью, мотивируя это тем, что у хозяйственного права нет ни своего предмета, ни метода правового регулирования.

Существовала также теория комплексных отраслей права. Ее выдвинул и обосновал применительно к страховому праву проф. В.К. Райхер. Сторонником этой теории является академик Ю.К. Толстой, который рассматривает хозяйственное право как комплексную отрасль, охватывающую институты административного и гражданского права. В настоящее время, когда речь идет не о хозяйственном, а о предпринимательском праве, академик Ю.К. Толстой рассматривает и предпринимательское право как комплексную отрасль права [61].

О.С. посчитал своим долгом доказать несостоятельность хозяйственно-правовой

концепции, опровергнуть ее, ведь ее признание вело к перекраиванию сложившейся системы права, а принятие Хозяйственного кодекса неизбежно привело бы к изменению структуры и содержания Основ гражданского законодательства и Гражданских кодексов союзных республик. Эти возможные решения, которых добивались сторонники хозяйственного права, были попытками искусственным субъективным путем изменить систему права, не считаясь с ее объективным характером. О. С. обрушился на позицию сторонников хозяйственно-правовой концепции с резкой, сокрушительной критикой [62]. Его публичные выступления на различных конференциях и семинарах были эмоциональными и темпераментными. Он горячо переживал, нервничал, опасаясь, что взгляды его теоретических оппонентов возьмут верх. О жесткости и непримиримости полемики между сторонниками и противниками теперь уже предпринимательского права свидетельствует позиция академика Республики Казахстан профессора Майдана Кунтуаровича Сулейменова, который на одной из конференций в Алматы публично заявил следующее: «<...> тот цивилист, который добровольно примет участие в разработке проекта Предпринимательского кодекса, автоматически вычеркивается в моих глазах из числа настоящих цивилистов, а также из числа моих друзей и учеников <...> Тех, кто будет участвовать в разработке предпринимательского кодекса, я вычеркиваю из своих учеников. Это предательство цивилистики» [63, с. 597, 604].

Еще в одной из работ 1959 г., подытоживая свои размышления, О.С. сделал следующий вывод: «Итак, ни принципы построения системы советского права, ни формы организации системы советской юридической науки, ни потребности законодательной, арбитражной и хозяйственной практики не только не обосновывают концепцию хозяйственного права, но, наоборот, с предельной очевидностью выявляют ее глубокую теоретическую ошибочность и практическую бесплодность. Нужно, чтобы это, наконец, поняли сами сторонники хозяйственно-правовой тео-

К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ОЛИМПИАДА СОЛОМОНОВИЧА ИОФФЕ

рии и свои творческие усилия переключили с надуманных вопросов на исследование действительно важных и жизненно значимых проблем коммунистического строительства в нашей стране» [64, с. 1-48]. О. С. считал, что порочность хозяйственно-правовой концепции состоит в искусственном объединении вертикальных (административных) и горизонтальных (гражданских) отношений, которые по своей сути не являются однородными (однопорядковыми) общественными и правовыми явлениями [65, с. 408, 740-741].

От этих положений О.С. не отступил и впоследствии. В противовес хозяйственно-правовой концепции он выдвинул идею систематизации хозяйственного законодательства путем создания не кодифицированного акта типа основ или кодекса, а создание Свода хозяйственного законодательства, построенного по определенной, предложенной и обоснованной О.С. системе [66, с. 48-86]. К сожалению, разработки О.С. не были востребованы; в советский период ни кодификация, ни систематизация хозяйственного законодательства не были осуществлены. В постсоветский период на Украине и в Казахстане были приняты, наряду с гражданскими кодексами и кодексы, охватывающие законодательство о предпринимательской (хозяйственной) деятельности: на Украине – Хозяйственный кодекс от 16 января 2003 г. (вступил в силу, как и Гражданский кодекс Украины, с 1 января 2004 г.¹⁰); в Казахстане – Предпринимательский кодекс от 29 октября 2015 г. № 375-У (вступил в силу с 1 января с 2016 г.) [68]. Положительный эффект от принятия этих кодексов подвергается в литературе сомнению, а само принятие кодексов – жесткой критике [69, с. 5-76].

В России ситуация складывалась иначе, чем в Казахстане и Украине. В связи с завершением переходного от социализма к капитализму периода и стабилизации рыночной экономики, свободной от планово-административного регулирования, потребовалось внести в гражданское законо-

дательство соответствующие изменения и дополнения. В этих целях была подготовлена Концепция развития гражданского законодательства, одобренная подписанным Президентом России Решением Совета при Президенте Российской Федерации по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 7 октября 2009 г. [70]. На базе названной Концепции был подготовлен большой законопроект, который в Госдуме трансформировался в несколько отдельных крупных законопроектов, большая часть которых на данный момент принята в виде законов о внесении изменений в ГК РФ, уже вступивших в законную силу [71]. В результате в ГК РФ значительно увеличилось количество норм, регулирующих экономические отношения, в том числе отношения, возникающие при осуществлении предпринимательской деятельности.

Теперь принято называть российский Гражданский кодекс экономической конституцией страны. Такая оценка возросшей роли Гражданского кодекса как регулятора экономических отношений вполне оправдана. При этом проблема признания предпринимательского права самостоятельной отраслью и принятия Предпринимательского кодекса утратила свою остроту. Это вынужден признать автор настоящего очерка, который являлся сторонником концепции предпринимательского права и поддерживал предложения по принятию в России Предпринимательского кодекса [72].

Тем не менее, остается проблема упорядочения законодательства о взаимоотношениях государства и предпринимательства, об объеме полномочий государственных органов исполнительной власти и их должностных лиц относительно хозяйствующих субъектов. Надо иметь в виду, что теория предпринимательского права не основывается на хозяйственно-правовой концепции, которая опиралась на правовые последствия планово-распорядительных актов, обязательных для

¹⁰ В 2008 г. на Украине был опубликован на русском языке обстоятельный комментарий Кодекса [67].

предприятий и объединений советского периода; истоки теории предпринимательского права – в носящей рисковый характер предпринимательской деятельности и конъюнктурных рыночных отношениях.

До сих пор рейтинг России в системе оценок условий для инвестиционной и иной предпринимательской деятельности остается не самым высоким. В связи с этим может быть рассмотрен проект систематизации законодательства в виде Свода законов и подзаконных нормативных правовых актов, нормы которых содержали бы требования, предъявляемые к отношениям по осуществлению предпринимательской деятельности. При обосновании состава и структуры такого Свода было бы целесообразно учесть и, возможно, даже использовать разработки О. С. и его проект Свода хозяйственного законодательства, который был им подготовлен в 70-х годах прошлого века, о чем уже говорилось выше.

ЛИТЕРАТУРА

1. Иоффе О.С. Мои учителя // Иоффе О.С. Избранные труды: В 4 т. Т. IV / Сост., предисл. И.П. Грешникова; вступ. ст. А.Г. Диденко, А.Г. Потюкова; перевод Д.М. Короткова. СПб.: Юридический центр Пресс, 2010 [66, с. 645-646].
2. Аскназий С.И. Основные вопросы теории социалистического гражданского права. М.: Статут, 2008. С. 41-853.
3. Аскназий С.И. 1) Очерки хозяйственного права СССР. Л.: Рабочее издательство «Прибой», 1926. 200 с.; 2) Основные вопросы теории социалистического гражданского права. Дис. ...д-ра юрид. наук // Вестник ЛГУ. 1947. № 12; 3) Гражданское и административное право в социалистической системе производства/Ученые записки ЛГУ. № 129; серия юридических наук. Вып. 3. Вопросы государства и права. Л., 1951. С. 66-69.
4. Кротов М.В. Самуил Исаакович Аскназий [2, с. 7-12]; Ем В.С., Третьяков С.В. Проблемы применения марксистской методологии к анализу гражданско-правовой формы [2, с. 13-40].
5. Толстой Ю.К. Из пережитого. (Исповедь на незаданную тему. IV. Университет) 8-е изд., доп. М.: Проспект, 2018. С. 223.
6. Магазинер Я.М. Избранные труды по общей теории права / отв. ред. докт. юрид. наук, проф. А. К. Кравцов. СПб.: Юридический центр Пресс, 2006. (Кравцов А. К. Жизненный путь профессора Я.М. Магазинера. С. 8-14).
7. Маковский А.Л. Предисловие // Иоффе О.С. Избранные труды по гражданскому праву: Из истории цивилистической мысли. Гражданское правоотношение. Критика теории «хозяйственного права». М.: Статут, 2000. С. 3-10 [65].
8. Фаддеева Т.А. Заметки об Учителе (воспоминания) // Иоффе О.С. Избранные труды: В 4 т. Т. II. Советское гражданское право. СПб.: Юридический центр Пресс, 2004 [46, с. 13-14].
9. Лебедев К.К. Инициатива субъектов и регламентация их поведения по советскому гражданскому праву. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Л., Ленгосуниверситет, 1972.
10. Иоффе О.С. Правоотношение по советскому гражданскому праву / отв. ред. С.И. Аскназий. Л.: Изд-во Ленгосуниверситета, 1949. Эта монография переиздавалась в пореформенный период без участия самого О. С. См.: Иоффе О.С. Избранные труды по гражданскому праву: Из истории цивилистической мысли. Гражданское правоотношение. Критика теории «хозяйственного права» [65, с. 508-648]; Иоффе О.С. Избранные труды: В 4 т. Т. I. Правоотношение по советскому гражданскому праву. Ответственность по советскому гражданскому праву. СПб.: Юридический центр Пресс, 2003 [100, с. 31-193].
11. Александров Н.Г. Законность и правоотношение в советском обществе. М., 1955; Кечекьян С.Ф.: 1) Нормы права и правоотношения // Советское государство и право. 1955. № 2; 2) Правоотношения в социалистическом обществе. М., 1958; Матузов Н.И.: 1) Субъективные права граждан СССР. Саратов, 1966; 2) О категориях «субъективное право» и «юридическая обязанность» в свете современного правового развития // Личность и власть. Ростов-н/Д, 1955; 3) Правовые отношения // Теория государства и права: Курс лекций / под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. М.,

К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ОЛИМПИАДА СОЛОМОНОВИЧА ИОФФЕ

1997; 4) Субъективное право и юридическая обязанность как содержание правоотношения // Теория государства и права: Курс лекций / под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. М., 1997; Толстой Ю.К.: 1) К теории правоотношения. Л.: Изд-во ЛГУ, 1959; 2) Еще раз о правоотношении // Известия вузов. Правоведение. 1969. № 1; Гревцов Ю.И.: 1) Проблемы теории правового отношения. Л., 1981; 2) Лекции по общей теории права: учебное пособие. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2019. 452 с.

12. Сулейменов М.К. Гражданское право Республики Казахстан: опыт теоретического исследования. Т. 3. Ч. 2. Теоретическая. Раздел 2. Гражданское правоотношение. Алматы, 2016. С. 292–462.

13. Белов В.А.: 1) Гражданское право. Т. I. Общая часть. Введение в гражданское право; учебник для бакалавриата и магистратуры / 3-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2014. С. 501-533; 2) Гражданское право: в 2 т. Т. 1. Общая часть: учебник для академического бакалавриата. М.: Юрайт, 2017. С. 156-158; 3) Гражданское право: в 2 т. Том II. Особенная часть: учебник для академического бакалавриата. М.: Юрайт, 2017. С. 7-8.

14. Пугинский Б.И. Теория и практика договорного регулирования. М.: Зерцало-М, 2008. С. 16. См. также с.с. VI, 12-13.

15. Генкин Д.М. Право собственности как абсолютное субъективное право // Советское государство и право. 1958. № 6. С. 92-102.

16. Константинова В.С., Хмелева Т.И., Быкова Т.А. Осуществление и защита прав граждан и юридических лиц в сфере гражданско-правовых отношений (общие положения) // Новое российское гражданское законодательство и практика его применения: Сборник научных статей / под ред. З.И. Цыбуленко. Саратов, 1998; Вавилин Е.В. Осуществление и защита гражданских прав / Российская академия наук, Институт государства и права. М.: Волтерс Клувер, 2009. 360 с.; Гревцов Ю.И. Лекции по общей теории государства и права: учебное пособие. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2019 (гл. 6. Правовое отношение, с. 85-97; гл. 9.

Субъективное право, с. 125-142).

17. Иоффе О.С.: 1) Основные черты и структурные особенности гражданского правоотношения // Советское государство и право. 1949. № 5. С. 21-32; 2) Спорные вопросы учения о правоотношении // Очерки по гражданскому праву / Сборник статей. Л.: Изд-во Ленгосуниверситета, 1957; 3) Иоффе О.С., Грибанов В.П. Пределы осуществления субъективных гражданских прав // Советское государство и право. 1964. № 7.

18. Иоффе О.С. Обязательства по возмещению вреда / отв. ред. Л.И. Картужанский. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1951. 107 с.

19. Иоффе О.С. Обязательства по возмещению вреда / отв. ред. Л.В. Картужанский. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1952. 125 с.

20. Собчак А.А. Обязательство из причинения вреда источником повышенной опасности по советскому гражданскому праву. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Л., Ленгосуниверситет, 1964.

21. Тархов В.А. Ответственность по советскому гражданскому праву. Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1973. 456 с.

22. Иоффе О.С. Ответственность по советскому гражданскому праву / отв. ред. А.К. Юрченко. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1955. 309 с. См. переиздание монографии в кн.: Иоффе О.С. Избранные труды: В 4 т. Т. I. Правоотношение по советскому гражданскому праву. Ответственность по советскому гражданскому праву. СПб.: Юридический центр Пресс, 2004 [100, с. 194-572].

23. Иоффе О.С. Причинная связь как условие гражданско-правовой ответственности // Гражданское право. Сборник статей. Общая часть. Учебное пособие. Алматы, 2003. С. 349-388.

24. Лебедев К.К., Русаков В.И. Этапы становления и развития судебной системы Российской Федерации: первый этап – девяностые годы XX века // Журнал правовых и экономических исследований. Journal of Legal and Economic Studies. 2019. № 4. С. 87-99.

25. Профессор О.С. Иоффе – доктор honoris causa Лодзинского университета // Правоведение, 1968. № 3. С. 155.
26. Лебедев К.К. Ведущий теоретик гражданского права. К 95-летию со дня рождения О.С. Иоффе // Wybitni polscy i rosyjscy cywilisci / Redakcja naukowa: Leopold Moskwa / Uniwersytet im Adama Mickiewicza w Poznaniu, Wydawnictwo Naukowe UAM, Poznan, 2015, s. 103-122.
27. Попондопуло В.Ф. Предисловие // Иоффе О.С. Избранные труды: В 4 т. Т. I. Правоотношение по советскому гражданскому праву. Ответственность по советскому гражданскому праву. СПб.: Юридический центр Пресс, 2003 [100, с. 22-28].
28. Иоффе О.С. Гражданско-правовая охрана интересов личности в СССР // Советское государство и право. 1956. № 2. С. 55-66.
29. Иоффе О.С. Общие положения (гл. I) // Гражданско-правовая охрана интересов личности / отв. ред. Б.Б. Черепашин. М.: Юридическая литература, 1969. С. 3-40.
30. Иоффе О.С., Шаргородский М.Д. О системе советского права // Советское государство и право. 1957. № 6. С. 101-110.
31. Иоффе О.С., Шаргородский М.Д. Вопросы теории права. М.: Госюриздат, 1961. 381 с.
32. Шершеневич Г.Ф.: 1) Курс гражданского права. Тула: Автограф, 2001. 720 с. (Юридическое наследие); 2) Учебник торгового права / по изданию 1914 г. / Вступ. ст. Е. А. Суханова. М.: СПАРК, 1994. 335 с.
33. Научные воззрения профессора Г.Ф. Шершеневича в современных условиях конвергенции частного и публичного права (к 150-летию со дня рождения): Сборник материалов Междунар. науч.-практ. конф. (г. Казань, 1-2 марта 2013 г.) / под ред. Д.Х. Валеева, К. Рончки, З.Ф. Сафина, [М. Ю. Чельшева]. М.: Статут, 2014. 942 с.
34. Иоффе О.С. Советское гражданское право. Курс лекций. Общая часть. Право собственности. Общее учение об обязательствах: Учебное пособие для высш. юрид. учеб. заведений / Ленингр. гос. ун-т. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1958. 511 с.
35. Иоффе О.С. Советское гражданское право. Курс лекций. Часть II. Отдельные виды обязательств: Учебное пособие для высш. юрид. учеб. заведений / Ленингр. гос. ун-т. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1961. 531 с.
36. Иоффе О.С. Советское гражданское право. Курс лекций. Ч. III. Правоотношения, связанные с продуктами творческой деятельности. Семейное право. Наследственное право: Учебное пособие для высш. юрид. учеб. заведений / Ленингр. гос. ун-т. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1965. 347 с.
37. Гражданское право: учеб.: в 3 т. Т. 1. 7-е изд., перераб. и доп. / В.В. Байбак, Н.Д. Егоров, И.В. Елисеев [и др.]; под ред. Ю.К. Толстого. М.: Проспект, 2009. 784 с.; Т. 2. 5-е изд., перераб. и доп. / В.В. Байбак, Е.Ю. Валявина, И.А. Дроздов [и др.]; отв. ред. Ю.К. Толстой, Н.Ю. Рассказова. М.: Проспект, 2012. 928 с.; Т. 3. 4-е изд., перераб. и доп. / под ред. А.П. Сергеева, Ю.К. Толстого. М.: ТК Велби, Проспект, 2003. 784 с. Раздел 6 этого трехтомника посвящен семейному праву; см.: т. 3, с. 293-606; 2) Гражданское право: учеб.: в 3 т. Т. 1. / Е.Н. Абрамова, Н.Н. Аверченко, Ю.В. Байгушева [и др.]; под ред. А.П. Сергеева. М.: ТК Велби, 2008. 1008 с.; Т. 2 / Е. Н. Абрамова, Н.Н. Аверченко, К.М. Арсланов [и др.]; под ред. А.П. Сергеева. М.: ТК Велби, 2009. 880 с.; Т. 3 / Е.Н. Абрамова, Н.Н. Аверченко, Ю.В. Байгушева [и др.]; под ред. А.П. Сергеева. М.: ТК Велби, 2009. 800 с. Этот трехтомный учебник сопровождается памятной надписью «Светлой памяти Олимпиада Соломоновича Иоффе посвящается».
38. Российское гражданское право: Учебник: В 2 т. Т. I: Общая часть. Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права. Личные неимущественные права / отв. ред. Е.А. Суханов. М.: Статут, 2010. 958 с.; Т. II: Обязательственное право / отв. ред. Е.А. Суханов. М.: Статут, 2010. 1208 с.
39. Гражданское право: учебник: в 4 т. / отв. ред. д-р юрид. наук, проф. Е.А. Суханов. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2023; (т. I: Общая часть (624 с.), т. II:

К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ОЛИМПИАДА СОЛОМОНОВИЧА ИОФФЕ

Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права. Личные неимущественные права (508 с.), т. III: Общие положения об обязательствах и договорах. Договорные обязательства по передаче вещей в собственность или в пользование (524 с.), т. IV: Отдельные виды обязательств (606 с.).

40. Гражданское право: Учеб.: В 3 т. Т. 3. – 4-е изд., перераб. и доп. / под ред. А.П. Сергеева, Ю.К. Толстого. М.: ТК Велби, Проспект, 2003. С. 300-315.

41. Комментарий к ГК РСФСР/ВНИИСЗ. Под ред. Е.А. Флейшиц, О.С. Иоффе. 2-е изд., доп. и перераб. М.: Юридическая литература, 1970. 823 с. Написанный О.С. комментарий к гл.16. Исполнение обязательств. С. 251-274.

42. Комментарий к Гражданскому кодексу Казахской ССР / под ред. Ю.Г. Басина, М.А. Ваксберга, Б.В. Покровского. Алма-Ата, Казахстан, 1965. С. 73-134, 236-253.

43. Иоффе О.С., Толстой Ю.К. Основы советского гражданского законодательства / Ленингр. гос. ун-т. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1962. 216 с.; в том же году эта книга была переиздана в Казани: Иоффе О.С., Толстой Ю.К. Основы советского гражданского законодательства. Казань: Изд-во Казанского гос. ун-та, 1962. 218 с.

44. Иоффе О.С., Толстой Ю.К. Новый Гражданский кодекс РСФСР / Ленингр. гос. ун-т. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1965. 447 с.

45. Иоффе О.С. Советское гражданское право. М.: Юридическая литература, 1967. 494 с.

46. Иоффе О.С. Избранные труды. В 4 т. Т. II. Советское гражданское право. СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. 511 с.

47. Иоффе О.С. Обязательственное право. М.: Юридическая литература, 1975. 880 с.

48. Иоффе О.С. Избранные труды: В 4 т. Т. III. Обязательственное право. СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. 837 с.

49. Лебедев К.К. Достояние Российской цивилистики: концептуальная и всесторонняя разработка проблем обязатель-

ственного права [48, с. 13-45].

50. Советское гражданское право: Учебник для юридических институтов и факультетов. В 2-х т. / отв. ред. О.С. Иоффе, Ю.К. Толстой, Б.Б. Черепашин. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1971. Т. 1. 472 с.; Т. 2. 520 с.

51. Советское гражданское право. 2-е изд, исправ. и доп. / отв. ред. В.Т. Смирнов, Ю.К. Толстой, А.К. Юрченко. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1982. Ч. 1 – 414 с.; Ч. 2 – 432 с.

52. Иоффе О.С. в кн.: Гражданско-правовая охрана интересов личности / отв. ред. Б.Б. Черепашин. М.: Юридическая литература, 1969. С. 3-40.

53. Актуальные вопросы советского гражданского права: (Сб. статей) / Московский институт народного хозяйства им. Г.В. Плеханова. Под ред. С.Н. Братуся, О.С. Иоффе, Я.А. Куника. Вып. 36. М.: Юридическая литература, 1964. С. 10-51.

54. Дидикин А.Б. Мониторинг фактического воздействия в системе правовых средств улучшения регуляторной среды // Мониторинг правоприменения. 2019. № 3. С. 16-20.

55. Иоффе О.С.: 1) Рецензия на книгу: Братуся С.М. Юридические лица в советском гражданском праве. М.: Юриздат, 1947. 363 с. // Вестник Ленингр. ун-та. № 2. С. 156-160; 2) Рецензия на книгу: Гражданское и торговое право капиталистических стран / под ред. Д.М. Демкина. М.: Юриздат, 1949. 539 с. // Вестник Ленингр. ун-та. 1950. № 5. С. 126-131 (в соавт. с Л.И. Кар-тужанским); 3) Рецензия на книгу: Братуся С.Н., Лунц Л.А. Вопросы хозяйственного договора. М.: Госюриздат, 1954. – 155 с. // Советское государство и право. 1955. № 7. С. 155-158 (в соавт. с В.Ф. Яковлевой).

56. Венедиктов А.В., Иоффе О.С. О гражданско-правовых вопросах, связанных с реорганизацией управления промышленностью // Вестник Ленингр. ун-та. 1957. № 17. Серия экономики, философии и права. Вып. 3. С. 130-144.

57. Иоффе О.С.: 1) О гражданско-правовом и административно-правовом методах регулирования хозяйственной деятельности // Правоведение. 1959. № 3. С. 48-62;

2) Правовое регулирование хозяйственной деятельности в СССР. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1959. 48 с.; 3) Советское гражданское право и социалистическая экономика // Актуальные проблемы Советского государства и права в период строительства коммунизма / отв. ред. Н.С. Алексеев, Д.А. Керимов. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1967. С. 217-279; 4) Современные условия хозяйствования и правовые вопросы хозрасчета // Правоведение. 1970. № 3. С. 60-65; 5) Правовые проблемы народного хозяйства СССР / Гл. 6 в кн.: Государство и право развитого социализма в СССР. К 60-летию Великой Октябрьской социалистической революции / отв. ред. О.С. Иоффе, А.И. Королев. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1977. С. 152-203; 6) Право и хозяйственная деятельность социалистических организаций / отв. ред. И.Н. Петров. М.: Юридическая литература, 1979. 111 с.

58. Иоффе О.С.: 1) Общие положения / Гл. I в кн.: Договоры в социалистическом хозяйстве / Ленингр. гос. ун-т. Кафедра гражданского права. Отв. ред. М.: Юридическая литература, 1964. С. 3-95; 2) План и организация договорных связей в социалистическом народном хозяйстве // Правовые вопросы экономической реформы / ВНИИСЗ. М.: 1966. С. 16-22; 3) План и договор в условиях хозяйственной реформы // Советское государство и право. 1967. № 7. С. 47-55; 4) План и организация хозяйственных связей в социалистическом народном хозяйстве // Ученые записки / ВНИИСЗ. Вып. 10. М.: 1967. С. 41-53; 5) План и структура договорных связей // Советское государство и право. 1969. № 6. С. 51-60; 6) Влияние изменения плана на судьбу обязательства // Советская юстиция. 1969. № 21. С. 5-7; 7) Современные условия хозяйствования и правовые вопросы хозрасчета // Правоведение. 1970. № 3. С. 60-65; 8) План и договор в социалистическом хозяйстве / ВНИИСЗ. М.: Юридическая литература, 1971. 216 с.; 9) Логические пределы понятий юридического лица, оперативного управления, хозяйственного обязательства // Правоведение. 1972. № 6. С. 103-115. Примечание автора настоящего очерка: некоторые из указанных в сносках работ О.С. вошли в

четвертый том его избранных трудов. См.: Иоффе О.С. Избранные труды: в 4 т. Т. IV / Сост., предисл. И.П. Грешникова; вступ. ст. А.Г. Диденко, А.Г. Потюкова; перевод Д.М. Короткова. СПб.: Юридический центр Пресс, 2010. С. 29-247.

59. Собчак А.А.: 1) Правовые проблемы хозрасчета. Л.: Изд-во Ленгосуниверситета, 1980; 2) Правовое регулирование хозяйственной деятельности. Л.: Изд-во Ленгосуниверситета, 1981.

60. Лаптев В.В. Предмет и система хозяйственного права. М.: Юридическая литература, 1969. 175 с.

61. Толстой Ю.К.: 1) Рецензия на книгу: Хозяйственное право: учеб. Пособие // Правоведение. 1969. № 4; 2) Хозяйственное законодательство нуждается в кодификации // XXVI съезд КПСС и правовые вопросы совершенствования хозяйственного механизма / отв. ред. В.В. Лаптев. М., 1982; 3) Еще раз о хозяйственном законодательстве // Правоведение. 1990. № 3; 4) Гражданское право и гражданское законодательство // Правоведение. 1998. № 2. С. 128-149; 5) Очерки о научной деятельности О. С. Иоффе // Толстой Ю.К. Из пережитого [5, с. 423-430].

62. Иоффе О.С.: 1) Общая часть и систематизация хозяйственного законодательства // Советское государство и право. 1974. № 10. С. 82-87; 2) Иоффе О.С., Грибанов В.П. Пути развития хозяйственного законодательства // Правоведение. 1975. № 6. С. 45-55; 3) Иоффе О.С., Грибанов В.П. Хозяйственное законодательство и гражданское право // Советское государство и право. 1976. № 3. С. 59-68; 4) Иоффе О.С., Красавчиков О.А. О критике науки и научности критики // Правовая наука Казахстана / Казахский гос. ун-т им. С.М. Кирова. Отв. ред. М.А. Ваксберг. Алма-Ата, 1978. С. 119-131. Эта ст. включена в кн.: Иоффе О.С. Избранные труды по гражданскому праву. С. 742-758. Полемика о хозяйственном праве отражена в историографической работе О. С. «Развитие цивилистической мысли в СССР (часть I)» // Иоффе О.С. Избранные труды по гражданскому праву. С. 234-255.

63. Сулейменов М.К. Избранные труды по частному праву (2011-2016). Т. 2.

К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ОЛИМПИАДА СОЛОМОНОВИЧА ИОФФЕ

Смежные отрасли и институты права. Алматы, 2016. С. 597, 604.

64. Иоффе О.С. Правовое регулирование хозяйственной деятельности в СССР. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1959. 48 с.

65. Иоффе О.С. Избранные труды по гражданскому праву: Из истории цивилистической мысли. Гражданское правоотношение. Критика теории «хозяйственного права». М.: Статут, 2000. 777 с. (Серия «Классика российской цивилистики»).

66. Иоффе О.С. Понятие и система хозяйственного законодательства / Гл. II в кн.: Систематизация хозяйственного законодательства/ВНИИСЗ. Отв. ред. С.Н. Братусь. М.: Юридическая литература, 1971. С. 48-86. См. также в кн.: 1) Иоффе О.С. Избранные труды: В 4 т. Т. IV [66, с. 196-233]; 2) Иоффе О.С. Избранные труды по гражданскому праву [65, с. 273].

67. Хозяйственный кодекс Украины; Научно-практический комментарий / под общ. ред. А.Г. Бобковой. Харьков: Издатель ФЛ-П Вапнярчук Н.Н., 2008. 1290 с.

68. Предпринимательский кодекс

Республики Казахстан от 29 октября 2015 года № 375-У (с изменениями и дополнениями по состоянию на 09.04.2016 г.) – Алматы, ТОО «Издательство LEM», 2016. – 226 с.

69. Сулейменов М.К. Правовое регулирование предпринимательства. – В кн.: Сулейменов М. К. Избранные труды по частному праву (2011-2016). Том 2 [63, с. 5-76].

70. Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации / Вступ. ст. А.Л. Маковского. М.: Статут, 2009. 160 с.

71. Витрянский В.В. Реформа российского гражданского законодательства: промежуточные итоги. М.: Статут, 2017. 431 с.

72. Лебедев К.К. Предпринимательское и коммерческое право: системные аспекты (предпринимательское и коммерческое право в системе права и законодательства, системе юридических наук и учебных дисциплин)/Монография. СПб.: Юридический центр Пресс, 2002. 318 с.

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Как направить статью в журнал

Статья направляется в «Журнал правовых и экономических исследований» по электронной почте rio@gief.ru.

1. В журнал принимаются статьи проблемного характера по вопросам правовых и экономических исследований. Объем статьи должен быть не менее 8 и не более 20 страниц А4 (14 кегль через 1,5 интервала).

2. Автор должен предоставить в редакцию следующие сведения о себе: имя, отчество (полностью), фамилия автора (авторов), место работы, должность, ученая степень, ученые и почетные звания, а также служебный или домашний адрес (с индексом), номера телефонов и e-mail.

3. Статья обязательно должна сопровождаться рефератом и аннотацией на русском языке, списком ключевых слов, списком литературы. Информация необходима для включения в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ). Аннотация статьи и ключевые слова будут переведены на английский язык.

Реферат статьи (объемом от 0,5 до 2/3 стандартной страницы А4, 14 кегль через 1,5 интервала) должен включать в себя:

- обоснование актуальности темы;
- описание структуры статьи и методов исследования;
- краткие выводы;
- вклад автора в развитие темы.

4. В журнал не принимаются статьи, в которых самоцитирование превышает 25%.

5. Автор должен строго следовать международным этическим требованиям к научной публикации, а также предоставить согласие на размещение полнотекстовой версии статьи впервые в открытом доступе в сети Интернет:

- нельзя подавать одну статью в несколько журналов одновременно (!!!). Редакции журналов, входящих в международные базы данных, это легко определят и внесут фамилию автора в «черный список»;

- следует соблюдать закон об авторском праве (запрещен плагиат);

- в международной публикации считается неэтичным дублирование содержания своих ранее опубликованных работ;

- нельзя использовать устаревшие данные.

В современной научной статье в прилагаемом списке литературы принято цитировать статьи и монографии за последние несколько лет. Здесь могут быть исключения, состоящие в возможности цитирования фундаментальных трудов прошлых лет, но это – именно исключения, а не правило; в любой научной публикации категорически запрещено фальсифицировать и искажать данные.

6. Все представленные в редакцию статьи рецензируются. Автору статьи имя рецензента не сообщается.

7. Редакция сообщает автору результаты рецензирования. В случае положительной рецензии автору сообщается номер выпуска журнала, в котором предполагается публикация статьи. Редакция оставляет за собой право редактирования и сокращения рукописей.

8. Редакция оставляет за собой право отклонить статью по одной или нескольким из следующих причин:

- несоответствие тематики статьи профилю журнала;
- недостаточная актуальность и значимость результатов исследования, представленного в статье;
- качество раскрытия темы статьи не соответствует современному уровню научных исследований;
- статья написана недостаточно литературным или недостаточно научным языком;
- оформление статьи не соответствует требованиям, описанным в настоящих «Правилах для авторов»;
- на статью получена отрицательная рецензия.

9. Редакция журнала оставляет за собой право отказать автору в публикации статьи и в этом случае направляет автору мотивированный отказ.

10. После публикации статьи редакция высылает автору один экземпляр журнала, в котором опубликована статья. Гонорар за публикацию статьи в «Журнале правовых и экономических исследований» не предусмотрен.

Требования по оформлению статьи

1. Статья представляется в редакцию на электронном и бумажном носителях либо присылается по электронной почте. Допустимы любые общепринятые шрифты, например Times New Roman Cyr, 14 кегль через 1,5 интервала. При использовании специфических символов – шрифты должны прилагаться.

2. При подготовке таблицы необходимо предоставление ее на бумаге в том виде, какой бы хотел видеть автор.

3. Рисунки могут быть выполнены в форме наиболее распространенных графических файлов. При представлении рисунка только на бумаге качество рисунка определяет качество представленного оригинала.

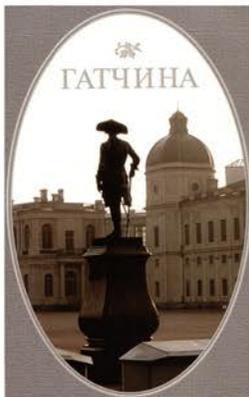
4. Пронумерованные математические формулы и уравнения следует набирать отдельным абзацем, номер ставят у правого края. Нумеруют только те формулы и уравнения, на которые впоследствии ссылаются.

5. Ссылки на литературные источники следует давать в тексте статьи в квадратных скобках с указанием порядкового номера по списку литературы, представленному в конце статьи, и номера страницы в случае прямого цитирования. Пример: [5], [6, с. 203].

6. Оформление списка литературы должно соответствовать ГОСТ Р 7.0.100-2018 «Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления».

7. Статьи направлять по адресу: 188300 Ленинградская обл., г. Гатчина, ул. Рошинская, д. 5, Издательство ГИЭФПТ. Тел. 8(81371)41-207, e-mail: rio@gief.ru.

Редакция оставляет за собой право редактирования и сокращения рукописей.

Журнал правовых и экономических исследований

Journal of Legal and Economic Studies

ПЕРЕВОДЧИКИ:

О.В. Налиткина
Л.Е. Прохорова

КОРРЕКТОРЫ:

Ю.В. Чиркова
Е.С. Чулкова

ТЕХНИЧЕСКИЙ

РЕДАКТОР:

И.В. Бельковская

КОМПЬЮТЕРНАЯ

ВЕРСТКА:

И.В. Бельковская

Подписано в печать 10.10.2023 г.

Усл. печ. л. 34,5 Тираж 550 экз. Заказ № 1448

Невская книжная типография

ISSN 1995-1248

9 771995 124477 >